

Неизвестные страницы русской фольклористики

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. А.М. ГОРЬКОГО РАН

Традиционная Духовная Культура Славян

ТДК

Из истории изучения

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ РАН
А.Л. ТОПОРКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
МОСКВА 2015

*Исследовательская работа осуществлена при поддержке
Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН
«Язык и литература в контексте культурной динамики»
(2012–2014)*

Ответственный редактор:
чл.-корр. РАН А.Л. Топорков

Редколлегия:
к.ф.н. Т.В. Говенько, д.ф.н. А.Л. Налепин,
к.ф.н. С.П. Сорокина

Рецензенты:
д.ф.н. В.Л. Кляус, к.ист.н. А.Б. Ипполитова

Неизвестные страницы русской фольклористики / Отв. ред.
чл.-корр. РАН А.Л. Топорков. — М.: «Индрик», 2015. — 576 с.

ISBN 978-5-91674-358-6

В книге анализируются связи фольклористики и русской формальной школы, поиски фольклорной альтернативы в творчестве русских мыслителей Серебряного века, метаморфозы архаических сюжетов и образов в славянской фэнтези. Публикуются протоколы заседаний Московского лингвистического кружка (1919–1922), доклад В.Я. Проппа «Морфология русской народной сказки», очерки о биографии и фольклорных интересах академика В.Н. Перетца, ссыльного революционера-этнографа А.А. Макаренко, исследователя народной медицины В.Ф. Демича, а также других ученых и писателей: А.А. Блока, А.И. Кирпичникова, Н.И. Лебедевой, В.Н. Мочульского, А.Н. Островского, И.П. Сахарова, И.И. Срезневского, К.Ф. Тиандера и др.

Издание предназначено для фольклористов, литературоведов, этнографов, историков, а также для всех, кто интересуется народной культурой и историей России.

© Текст, А.Л. Топорков, 2015

© Текст, авторы, 2015

ISBN 978-5-91674-358-6

© Оформление, Издательство «Индрик», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7

Фольклористика Серебряного века

<i>А.Н. Дмитриев. Литература и фольклор в исследованиях</i>	
<i>академика В.Н. Перетца .....</i>	<i>11</i>
<i>А.Л. Топорков. Русские формалисты и изучение фольклора .....</i>	<i>38</i>
<i>Фольклорные темы на заседаниях Московского лингвистического</i>	
<i>кружка (вступительная статья и подготовка текста</i>	
<i>А.Л. Топоркова; комментарии А.Л. Топоркова и А.А. Панченко) .....</i>	<i>56</i>
<i>С.П. Сорокина. П. Г. Богатырев — исследователь</i>	
<i>фольклорного театра .....</i>	<i>142</i>
<i>А.Л. Налепин. Духовный кризис эпохи и поиски фольклорной</i>	
<i>альтернативы в творчестве русских мыслителей первой трети XX в.</i>	
<i>(В.В. Розанов, Е.Н. Трубецкой, Б.П. Вышеславцев) .....</i>	<i>166</i>

Из истории создания и рецепции «Морфологии сказки» В.Я. Проппа

<i>Доклад В.Я. Проппа «Морфология русской народной сказки»</i>	
<i>(вступительная статья, подготовка текста и комментарии</i>	
<i>Н.Г. Комелиной) .....</i>	<i>201</i>
<i>Рецензия В.Н. Перетца на «Морфологию сказки» В.Я. Проппа</i>	
<i>(вступительная статья, подготовка текста и комментарии</i>	
<i>А.Н. Дмитриева. Перевод с украинского М.Н. Кибальной) .....</i>	<i>216</i>
<i>Б. Кербелите. Неосуществленная идея классификации</i>	
<i>сказок (Заметки о «Морфологии сказки» В. Я. Проппа) .....</i>	<i>230</i>

Жизненный путь и научный поиск в контексте эпохи

<i>Т.Г. Иванова. Алексей Алексеевич Макаренко — революционер,</i>	
<i>этнограф, фольклорист .....</i>	<i>247</i>
<i>М.М. Керимова. В.Н. Харузина как исследователь фольклора .....</i>	<i>276</i>
<i>Е.А. Самоделова. Научные открытия Н.И. Лебедевой в области</i>	
<i>фольклористики .....</i>	<i>297</i>
<i>А.Г. Айдакова. В.Ф. Демич и изучение народной медицины .....</i>	<i>323</i>
<i>В.Ф. Демич. Забытое социальное зло — знахарство на селе</i>	
<i>(подготовка текста А.Г. Айдаковой) .....</i>	<i>341</i>
<i>К.М. Королев. «Изобретая традиции»: метаморфозы</i>	
<i>фольклорных сюжетов и образов в славянской фэнтези .....</i>	<i>349</i>

Из эпистолярного наследия

Письма В.В. Каллаша к А.Н. Веселовскому (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Т.В. Говенько)	371

Статьи для биобиблиографического словаря
«Русские фольклористы»

Блок А.А. (<i>Д.Н. Магомедова</i>)	405
Васильев М.К. (<i>С.П. Сорокина</i>)	414
Грузинский А.Е. (<i>С.П. Сорокина</i>)	415
Зуева Т.В. (<i>Е.А. Самоделова</i>)	418
Каллаш В.В. (<i>С.П. Сорокина</i>)	427
Кирпичников А.И. (<i>Л.В. Фадеева</i>)	430
Крупянская В.Ю. (<i>Е.А. Самоделова</i>)	442
Лебедева Н.И. (<i>Е.А. Самоделова</i>)	449
Липец Р.С. (<i>Е.А. Самоделова</i>)	464
Мочульский В.Н. (<i>Т.В. Хлыбова</i>)	472
Островский А.Н. (<i>Л.В. Фадеева</i>)	477
Островских П.Е. (<i>В.А. Данилейко, А.Б. Ипполитова</i>)	491
Пруссак А.В. (<i>Е.Н. Груздева</i>)	498
Ровинский Д.А. (<i>С.П. Сорокина</i>)	500
Сахаров И.П. (<i>А.Л. Топорков</i>)	506
Соболевский А.И. (<i>Т.Г. Иванова</i>)	517
Срезневский И.И. (<i>А.Л. Топорков</i>)	527
Тиандер К.Ф. (<i>Т.Г. Иванова</i>)	540
Элиаш Н.М. (<i>Е.Н. Груздева</i>)	546
Юренский И.А. (<i>А.Б. Ипполитова</i>)	549
Сведения об авторах	554
Список сокращений.....	557
Именной указатель (сост. А.Б. Ипполитова)	560

ВВЕДЕНИЕ

Книга посвящена биографиям и научной деятельности русских фольклористов XIX–XX вв. Особое внимание уделяется эпохе Серебряного века, когда в литературе, искусстве и гуманитарной науке совершались открытия, которые были оценены по достоинству только десятилетия спустя. В центре нашего внимания драматические судьбы людей, жизнь которых пришлась на эпоху войн, революций и Большого террора. Несмотря на тяжелые испытания, герои наших очерков (П.Г. Богатырев, В.Я. Пропп, Р.О. Якобсон и др.) сумели сформулировать идеи, которые стимулировали развитие науки XX в. и позднее получили мировое признание.

Авторы сборника исходят из понимания фольклористики как широкой интегративной дисциплины, которую создают не только фольклористы, но и представители других профессий. Не случайно среди наших героев есть этнографы, литературоведы, писатели, философы и даже врачи и ссыльные революционеры, которые внесли свой вклад в собирание и изучение устной традиции. Помимо биографических очерков, в книгу включены также проблемные статьи и публикации архивных материалов.

В первом разделе рассматриваются новаторские тенденции в фольклористике Серебряного века. В статье А.Н. Дмитриева прослеживается, как в исследованиях академика В.Н. Перетца переплетались интересы к древнерусской литературе и к фольклору русских и украинцев. А.Л. Топорков исследовал проблему взаимодействия фольклористики и русской формальной школы. Публикация архивных материалов, подготовленная А.Л. Топорковым, знакомит с дискуссиями на заседаниях Московского лингвистического кружка, в работе которого принимали участие П.Г. Богатырев, Р.О. Якобсон, В.Б. Шкловский, Б.И. Ярхо, Г.Г. Шпет и другие выдающиеся ученые. С.П. Сорокина проанализировала истоки интереса П. Г. Богатырева к народному театру. В статье А.Л. Налепина освещаются фольклорные интересы писателей и мыслителей первой трети XX в.

Второй раздел включает подборку материалов, относящихся к истории создания и рецепции знаменитой книги В.Я. Проппа «Морфология сказки». В публикации Н.Г. Комелиной вводятся в научный оборот тезисы доклада В.Я. Проппа «Морфология русской народной сказки» на заседании Сказочной комиссии 12 февраля 1926 г. и обсуждение этого доклада. Рецензия В.Н. Перетца на «Морфологию сказки» В.Я. Проппа была опубликована на украинском языке в 1929 г.; ныне она впервые представлена читателям в русском переводе. Статья

Брониславы Кербелите имеет полемический характер; автор придерживается критической оценки концепции В.Я. Проппа и обосновывает свое несогласие с автором «Морфологии сказки».

В третьем разделе помещена серия биографических очерков о людях, которые внесли значительный вклад в развитие фольклористики, хотя по роду своей основной деятельности и не были специалистами в этой области. Т.Г. Иванова восстановила жизненный путь ссыльного революционера-этнографа А.А. Макаренко. М.М. Керимова посвятила свою статью этнографу-профессору В.Н. Харузиной. Е.А. Самоделова проанализировала научную деятельность этнографа Н.И. Лебедевой. А.Г. Айдакова изучила биографию врача и исследователя народной медицины В.Ф. Демича. В этот же раздел включена статья К.М. Королева, посвященная метаморфозам фольклорных сюжетов и образов в текстах современных славянских фэнтези.

В четвертом разделе публикуются письма известного историка русской литературы В.В. Каллаша к академику А.Н. Веселовскому, подготовленные к печати Т.В. Говенько. Эти материалы дают возможность проникнуть в творческую лабораторию А.Н. Веселовского, который использовал в своих работах полученную от В.В. Каллаша информацию о новых украинских и польских изданиях.

В завершающей части книги вниманию читателей предлагаются 20 статей, написанных для биобиблиографического словаря «Русские фольклористы». Принципиальная установка этого словаря заключается в том, что в нем представлены все, кто записывал или изучал устную традицию вне зависимости от их профессии. В подборку включены статьи об известных фольклористах и этнографах (Т.В. Зуева, В.Ю. Крупянская, Н.И. Лебедева, Р.С. Липец, Н.М. Элиаш), историках литературы (А.Е. Грузинский, В.В. Каллаш), лингвистах (А.И. Соболевский, И.И. Срезневский), медиевистах (А.И. Кирпичников, К.Ф. Тиандер), искусствоведах (Д.А. Ровинский), а также статьи о русских писателях, которые интересовались фольклором (А.А. Блок, А.Н. Островский). Несколько статей посвящены людям, которые записали единичные фольклорные тексты (П.Е. Островских, А.В. Пруссак, И.А. Юренский), а более заметный след оставили в других областях.

Издание предназначено не только для специалистов — фольклористов, литературоведов, этнографов, историков, но также для всех, кто интересуется народной культурой и историей России.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

ЛИТЕРАТУРА И ФОЛЬКЛОР В ИССЛЕДОВАНИЯХ
АКАДЕМИКА В.Н. ПЕРЕТЦА

С занятий фольклорными сюжетами Владимир Николаевич Перетц (1870–1935) начал свою научную деятельность еще в середине 1890-х гг. и впоследствии так или иначе их держал «в поле зрения» до конца жизни, особенное внимание уделяя взаимодействию письменной и народно-мифологической культур. Самое подробное жизнеописание академика было составлено его ученицей, а позднее женой и вдовой — замечательной исследовательницей древнерусской литературы Варварой Павловной Адриановой-Перетц (1888–1972) [Адрианова-Перетц 1962а; 1962б]¹. После реабилитации ученого в послесталинские годы, а также после 1991 г. в Киеве и в Москве вышел ряд работ, посвященных отдельным аспектам его научного творчества [Академические школы 1975; Дмитриев 1976; Демин 1976; Штогрин 1993; Матвієнко 2004; Робинсон 2004; Дмитриев 2010; 2012]. В недавней обширной монографии Т.Г. Ивановой по истории русской фольклористики имя Перетца упоминается не раз, но чаще как автора обзорной статьи начала XX века [Перетц 1904а] или организатора науки, чем как самостоятельного и оригинального исследователя [Иванова 2009].

1

Уроженец Петербурга и воспитанник Петербургского университета, ученик Веселовского², Перетц с самого начала своего научного творчества интересовался фольклором, и этнографические зарисовки обычаев «живой старины»³ соседствовали в ранних трудах с его будущими главными сюжетами — детальными исследованиями старинной русской и украинской (малороссийской) письменности, а также очерками и наблюдениями по истории театра XVII–XIX вв. (в особен-

---

Данное научное исследование (проект № 15-05-0055) выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2015 г. Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность киевским коллегам — Степану Захаркину за разнообразную помощь и ценные архивные указания, а также Артуру Рудзицкому (который давно занимается родословной и биографией ученого) и особенно Станиславу Росовецкому — за доброжелательность и необходимые консультации.

¹ Личный фонд Перетца хранится в РГАЛИ (ф. 1277). О наследии В.П. Адриановой-Перетц см.: [Рождественская 1992; 1993].

² См. его личные воспоминания о Веселовском [Перетц 1908а] и важную теоретическую статью о программе «исторической поэтики» [Перетц 1921].

³ См. его ранний этнографический очерк: [Перетц 1894а].

ности польского и украинского). Уже в юношеских этюдах середины 1890-х гг. («К истории русской народной сказки») он наметил два главных элемента анализа этого жанра, и шире — народной словесности в целом: первый — *бытовой* («черты русского быта с древнейших времен, отразившиеся в сказочных сюжетах и подробностях их изложения»), и второй — *литературный*, заимствованный из устной и письменной традиции «соседних и сродных народов». В рамках второго типа Перетц указывает несколько хронологических пластов: самый древний, связанный с индийскими и арийскими лейтмотивами (сказки о животных, черты былинного эпоса), средневековый — византийский и христианский (апокрифы), и, наконец, последний по времени — западноевропейско-польский (поучительные или развлекательные повести, анекдоты и т. д.) [Перетц 1894б, с. 3–4]. Именно эти два последних пласта и стали для Перетца в последующем главными предметами анализа: и разнообразие жанров средневековой словесности, и специфика южнорусской, украинской и польской культурных и идейных традиций для рождения новой русской литературы в XVII–XVIII вв.

Будучи также учеником А.И. Соболевского (и сильно расходясь с ним в политических взглядах), Перетц со второй половины 1890-х развил и усовершенствовал его широкий культурно-филологический подход к систематическому изучению народной песни [Соболевский 1895–1902]. Речь шла не только об анализе песен «самих по себе», но в первую очередь о рассмотрении их как источника уже последующего «высокого» поэтического творчества — начиная с XVII столетия. С небольшим хронологическим разрывом Перетц защищает в 1900 г. магистерскую [Перетц 1900а], а в 1902 г. и докторскую диссертацию [Перетц 1902а] (их сквозной темой как раз и стала история русской и малороссийской поэзии и песенного творчества XVII и XVIII вв.). Опираясь на работы Александра Потебни, Николая Сумцова и Ивана Франко о малороссийских думах и лирических песнях (а также с оглядкой на Александра Веселовского, внимательно проанализировавшего этнографические и фольклорные данные экспедиций Юго-Западного отдела Российского географического общества первой половины 1870-х гг. [Веселовский 1877; 1880; Сумцов 1884]), Перетц изучил обширные архивные свидетельства многочисленных рукописных поэтических и песенных сборников давних времен. При этом он широко обращался и к живым, еще бытующим песенным традициям, и к наблюдениям русских и украинских фольклористов. Перетц изучал также историю русской повести второй половины XVII в. и особенно — эволюцию школьных драм и инсценировок в Киеве и коллегиумах Левобережной Украины, и параллельно — развитие придворного театра Москвы и Петербурга.

В рамках «археологии песенной поэзии» (по выражению самого ученого) следует особенно подчеркнуть принципиальную увязку

анализа актуального фольклорного материала и данных письменных источников. Переключка ученой, «высокой» традиции и народного творчества трактовалась Перетцем достаточно широко, не только в смысле одностороннего движения «вверх», от истоков — от фольклора к «штучной» (искусственной) словесности, но также и в обратном ходе — уже в смысле влияния высоких культурных образцов на развитие и движение «низового» творчества⁴. Отсюда и явный исследовательский интерес Перетца к рождению новых и переименованию прежних сказочных сюжетов, апокрифов, к «процессу сжимания рассказа в пословицу», вслед за Потебней [Перетц 1898а, с. 140], к фольклорной разработке тем, связанных с природными явлениями (разбор новейшей сказки о картофеле⁵, легенд о Громнике [Перетц 1899а] и Луннике [Перетц 1901а]).

Старинный театр, которым много занимался Перетц до конца 1920-х гг., был также одной из таких своеобразных творческих площадок перетекания и взаимодействия «высокой» и «народной» традиций — именно в плане инсценировки, варьирования, переработки и оживления заимствованных готовых художественных форм, правил и текстов. Описывая народный кукольный театр в Торопце, молодой исследователь видит, уже в более широком масштабе, схожий процесс оживления литературных форм. Впрочем, тут же он довольно сдержанно высказался о будущих перспективах развития народного театра:

Как везде, так и в области народного кукольного театра мы наблюдаем одно общее явление: народ берет материал извне, со стороны, и обрабатывает его по-своему; в этой творческой деятельности выражается его любовь к искусству, стремление создать свой, оригинальный театр. <...> Но время идет; новые формы жизни вторгаются и в область народного искусства, и любимые герои кукольной комедии постепенно отходят в область предания [Перетц 1895, с. 185].

Преобладание литературных влияний над собственно «спонтанным», «органическим» развитием народного творчества сам Перетц считал закономерным этапом культурного развития, а вовсе не свидетельством угасания творческой силы широких слоев (ведь и сам

---

⁴ См. детальную, содержащую ряд критических замечаний, но в целом вполне благожелательную рецензию П. Житецкого на диссертацию Перетца о поэзии XVII–XVIII веков (в связи с присуждением Макарьевской премии): [Житецкий 1903].

⁵ Истоки и вариации этого сюжета будет разрабатывать в начале 1910-х гг. ученик Перетца А.А. Назаревский (1887–1977) [Назаревский 1911], а еще спустя десятилетие — другой его ученик, А.И. Никифоров (1893–1942) [Никифоров 1922].

характер ассимиляции свидетельствует о специфической обработке и отборе «типических» мотивов и образов-символов⁶). Потому он был особенно внимателен к параллельному развитию русской, украинской и польской словесности на переломном этапе XVII–XVIII вв., особенно в плане взаимообогащения принципов строения народной песни и литературной, «искусственной» поэзии.

Филологическое изучение памятников древней письменности и фольклористика в этом смысле органично дополняли друг друга — примерно так же, как изучение диалектов, разнообразных форм живой речи становилось в науке той эпохи ключом к постижению многих историко-языковых проблем и загадок. Далеко не случайно Перетц так много внимания уделил изучению наследия выдающегося украинского языковеда второй половины XIX столетия, члена-корреспондента Петербургской Академии наук Павла Житецкого (с которым он сам тесно общался) [Перетц 1908б; Плачинда 1987, с. 175–177, 181]. Интерес к украинской (малорусской) литературе еще задолго до работы в Киеве диктовался у Перетца сохранением на Украине и в живой фольклорной традиции, и в «молодой» литературе (у Ивана Котляревского или Тараса Шевченко) конструктивных форм народного стиха [Перетц 1899б; Росовецкий 2015]. Потому так важна ранняя рецензия Перетца на сочинение Житецкого «Мысли о народных малорусских думах»:

Наука и школа совершенно вытесняют, не говорим уже языческие предания древности, но и народную песню, игры, сказки, предлагая взамен свои, выработанные личной творческой мыслью.

Надо много иметь жизненной устойчивости и великую способность к самостоятельному творчеству, чтобы не поддаться новым культурным влияниям и сохранить невредимой свою народную песню. Многие славянские племена окончательно лишились лучшего из перлов народной поэзии — эпоса. Малорусы же, благодаря поэтическому складу своей натуры, не только не были побеждены культурным течением, но ассимилировали эти влияния личного творчества школы и науки, ассимилировали до такой степени, что трудно сказать, где кончается народное и начинается новое, наносное [Перетц 1893а, с. 575]⁷.

⁶ Многие соображения Перетца тогда же вызвали принципиальную критику его ровесника Аркадия Лященко (1871–1931), будущего известного специалиста по былинам [Лященко 1894]. Много лет спустя Перетц опубликовал несколько статей памяти Лященко [Перетц 1931б; 1932а], где, в частности, коснулся причин их давнего спора, не помешавшего уважительным и приятным отношениям двух ученых.

⁷ Я благодарю С.К. Росовецкого за указание на эту рецензию. Перетц посвятил деятельности Житецкого несколько специальных работ.

Перетца и в дальнейшем особенно интересовали подобные «плоды народно-культурного творчества». Он обнаруживал соответствующий синкретизм и параллельное развитие «стихийного» и «искусственного» и во взаимодействии школьных виршей и народных песен, и в несовпадении заимствованной теории и живой поэтической практики в первой половине XVIII в. (например, у Тредиаковского), и в специфических чертах стиха Шевченко или в украинских фольклорных мотивах и образах гоголевской прозы [Перетц 1902а; 1902б].

Отдельным сюжетом, связывающим его фольклорные и историко-литературные интересы, был анализ преданий о расколе. С одной стороны, он видел в них книжные и заимствованные мотивы, с другой — рассматривал влияние народных легенд об Антихристе на повести о Никоне [Перетц 1898б; 1900б]⁸.

Перетц отличался и научной самостоятельностью, и довольно ершистым характером — показателен в этом смысле его ученый спор с И.А. Шляпкиным (после публикации диссертации Перетца о песенной и стиховой традициях) и принципиальная полемика с профессором В.И. Резановым о поэтике старинной украинской драмы уже в начале 1910-х гг. Перетц в этих дебатах, а также в будущих спорах с коллегами по Пушкинскому Дому неизменно отстаивал аналитический подход и право на обоснованные обобщения относительно движения литературного сознания — в противовес оппонентам, которым он критически приписывал склонность к коллекционерскому или поверхностно-классификаторскому способу обращения с материалом [Измайлов 2003].

2

Самые плодотворные, пожалуй, годы жизни ученого прошли в Киеве, где он был профессором университета Св. Владимира (с 1903 по 1914 г.)⁹. Перетца связывали тесные отношения с деятелями украинского национального возрождения начала XX в., хотя он всегда строго придерживался дистанции между академическими штудиями (или культурным просвещением) и прямой политической активностью [Зайцева 2006; Онопрієнко та ін. 1998; Мельничук 1999]. Уже после возвращения в Петербург, в годы Первой мировой войны, он написал рецензию на одно из последних научных сочинений Ивана Франко «Студії над українськими народними піснями» (Львов, 1913) — с

⁸ См. современные скептические оценки воззрений молодого Перетца, переоценившего достоверность сведений толкуемого им источника: [Панченко 2002, с. 195].

⁹ См. подробнее о реакции российского академического сообщества на подъем украинского национального движения: [Дмитриев 2007; На путях 2004, с. 24–28, 92–95 (выступления М.А. Робинсона); Зайцева 2006].

известным писателем Перетц поддерживал и оживленную личную переписку — и обобщающую работу о старинной украинской литературе [Перетц 1916; Гудзий 1958; Панфилова, Диченко 1956].

Известность Перетца выходила за границы Киева: харьковский филолог (будущий академик) Александр Белецкий, который познакомился с Перетцем еще в 1908 г., вспоминал впоследствии: «Вместе со своими современниками я испытывал неудовлетворенность состоянием своей науки; “филологический метод” В.Н. Перетца требовал изучения литературной специфики, обострял интерес к вопросам формы. Я учил своих слушателей сосредотачиваться на них и учился этому сам» [Белецкий 1964, с. 11]. Огромное внимание Перетц уделял подготовке учеников в рамках знаменитого семинария по русской филологии [Семинарий 1912], который затем из Киева переместился в Петроград [Робинсон 2004, с. 229–285; Рудзицкий 2013]. Семинар, где работают молодые исследователи разных ступеней подготовки — от студентов до начинающих преподавателей, оказался отличным и устойчивым способом организации научного труда. Первой продукцией семинара был методический сборник [Пособие к лекциям 1907], где были помещены и дебютные работы В.П. Адриановой [Назаревский 1974; Кобченко 2007]. В Киеве, Петрограде и Самаре через семинар прошло более 70 человек, многие из которых стали выдающимися исследователями и преподавателями¹⁰.

Оставшиеся в Киеве после отъезда Перетца ученики (А.А. Назаревский, С.И. Маслов, Б.А. Ларин, рано скончавшийся В.М. Отроковский и другие) создали взамен семинария Историко-литературное общество при университете с регулярными заседаниями, оппонированием и т.д. — эта деятельность продолжалась и в самые трудные для города и университета годы гражданской войны [Назаревский 1988, с. 282–285]. Вместе с тем попытка Перетца перевести нескольких самых талантливых из участников семинария в Петроград натолкнулась в декабре 1914 г. на отказ историко-филологического факультета в Киеве, который считал эту меру нецелесообразной [ALMA MATER, с. 442–444]. Позднее ряд киевских учеников (например, В.П. Адрианова или С.А. Щеглова) все же продолжили исследовательскую работу в петроградском семинарии Перетца.

Особое значение для реконструкции взглядов Перетца на эволюцию фольклора, на соотношение книжной и устной традиций в старинной литературе имеет опубликованная в Петрограде весной 1917 г. диссертация В.П. Адриановой «Житие Алексея человека Бо-

¹⁰ Библиография основных работ его участников к концу 1920-х гг.: [Семинарий 1929, с. 34–56]. Во втором выпуске альманаха «Відкритий архів», выпускаемого издательством «Критика» в Киеве, готовится специальный материал С. Шурылякова о семинарии русской филологии В. Перетца.

жия в древней русской литературе и народной словесности». Методология этого исследования во многом характеризует общий тип работы, который был близок и самому недавнему киевскому профессору, и его талантливой ученице; автор указывает, что опиралась в своих реконструкциях на неопубликованный доклад Перетца 1903 г. В центре исследования — выявление связи первоначального духовного стиха, датированного довольно поздним временем (XVII веком), с разными версиями переводного жития этого святого, которые появились на Руси еще начиная с «Златоструя» XII века. Помимо тщательного текстологического анализа житий и детального разбора специфики версий (русской, белорусской и малорусских) духовного стиха, Адрианова высказывает в тексте работы и общие замечания о характере этого жанра, касающиеся и схожих памятников народного творчества (например, стихов о Егории Храбром или о Голубиной книге) [Адрианова 1917, с. 29–68]¹¹. В зависимости от местности и наличия «региональных» традиций исходное произведение могло значительно меняться. Так, например, на Украине, в отличие от благочестивых белорусских вариантов (с элементами, вероятно заимствованными из аналогичного польского стиха) или былинно-эпических русских переложений, стих об Алексее человеке Божьем, по мнению исследовательницы, явно уклонился «в сторону излюбленных мотивов малорусской народной лирики»:

Итак, и литературное и народное творчество сошлись на своем интересе к житию св. Алексея, но каждое из них повело этот памятник своим путем, на котором он впитывал в себя новые родственные мотивы, приспособляясь к новой среде и тем прочней укрепляясь в ней [Адрианова 1917, с. 455].

В обширной и положительной рецензии на это сочинение (в связи с выдвижением на Ломоносовскую премию) сам Перетц летом 1917 г. специально уточнил «обойденный автором разбираемой книги вопрос о *процессе* превращения легенды, жития, — одним словом, прозаического повествования в стихотворную форму»:

Но откуда это стремление воспроизвести в ритмической форме легенду или житие любимого святого?

Оно вытекает из старых форм быта; неграмотный любитель поэзии знает на память громадное количество не только словесных формул, но

¹¹ Очень интересны замечания, высказанные учеником Веселовского Д.К. Петровым относительно работы Адриановой [Петров 1919]. Отчасти они напоминают ту критику, которую ранее предъявлял к магистерской диссертации Перетца акад. И.Н. Жданов.

и ряд традиционных приемов, с помощью которых он реализует свой замысел. Письменное житие, раз услышанное и заинтересовавшее певца своим сюжетом, — при повторении реализовывалось в привычной форме эпической песни-сказа. С другой стороны, и писец, переписывавший легенду, не всегда мог забыть о наличии в его родной словесности ритмических песенных форм сказа. В результате два сближающихся явления: придание легенде в устной форме черт песенной речи и приближение письменной легенды, в отношении ее синтаксического и ритмического строя, — к песне. Эти явления не одиноки в древнерусской литературе [Перетц 1921а, с. 263–264].

Перетц ссылаясь на схожие феномены у западных славян и других католических народов Европы («чешские рифмованные легенды, перешедшие в народное употребление»). Таким образом, Перетц рассматривал работу ученицы и последовательницы в рамках своих идей о сближении и взаимопроникновении фольклорных и «высоколитературных» явлений — и также отметил важность заключительного раздела книги, где это сближение трактовалось в духе «встречных течений», с прямой отсылкой к принципам поэтики согласно А.Н. Веселовскому [Адрианова 1917, с. 454–455].

Сама Адрианова, подробно анализируя взгляды Ф.И. Буслаева и ученых следующих поколений о соотношении и взаимодействии народной мифологии (а также былевой поэзии или сказительства) и житийного первоисточника, подчеркивала особые черты стиха об Алексее человеке Божьем как «самобытного произведения русского народного творчества» [там же, с. 431]. Она затронула также вопрос о продолжении фольклорной традиции в современной действительности¹²:

Ознакомившись с судьбой стиха о св. Алексее в различных местностях России, мы имеем право ответить довольно определенно на неоднократно выдвигающийся в научной литературе вопрос о том, «вымирающий» ли род народной поэзии представляют духовные стихи. Не распространяя, конечно, преждевременно нашего вывода на весь данный отдел русской народной поэзии, мы можем, однако, сказать, что пример судьбы стиха о св. Алексее свидетельствует о полной его жизненности. Наш стих непрерывно развивается, черпая из обоих родственных источников — из книги и народной поэзии; он сплетается с другими стихами, и таким образом, даже не создавая новых стихов, народ-певец обнаруживает самый живой интерес к унаследованным от своих далеких предков [там же, с. 436].

¹² О «переложениях» духовных стихов в литературной культуре первых десятилетий XX в. см.: [Топорков 2013].

Политические события в очень скором будущем не только сказались на судьбе этого прогноза, ибо разорванной оказалась — на видимом, публичном уровне — бывшая ранее столь устойчивой связь живого народного творчества с церковным преданием и христианским вероучением. Революция и советская идеология также совершенно изменили весь контекст, а потом и характер работы русских, украинских и белорусских «древников» и фольклористов, включая и Адрианову-Перетц, и самого Перетца.

3

В Самарском университете в годы Гражданской войны, помимо Перетца и его учеников (В.П. Адриановой-Перетц, С.А. Щегловой, А.В. Багрия, С.Д. Балухатого), работали такие талантливые филологи, как специалист по западному Средневековью М.И. Ливеровская, один из лучших специалистов по социологии литературы Н.И. Ефимов, видный историк античной науки и общественной мысли С.Я. Лурье [Лебедева 2000, с. 30–33]. В Самаре Перетц продолжал сотрудничать с местной украинской общественностью, преподавал и на учительских курсах [Соболев 1992, с. 30–33]. Украинскими сюжетами в 1910-е (когда это отнюдь не поощрялось) и в 1920-е гг. занимались многие из его учеников киевского времени — например, не только преподававший в Праге в Украинском высшем педагогическом институте им. Драгоманова Леонид Тимофеевич Билецкий (1882–1955)¹³, но и осевший в Азербайджане профессор Бакинского университета Александр Васильевич Багрий (1891–1946), не потерявший интерес к изучению украинской литературы и местной народной словесности [Багрий 1923; 1925а; 1925б; Грицик 2005]¹⁴.

Сергей Балухатый, ученик Перетца по семинару в Петрограде (затем он поехал вместе с ним и в Самару, а после также вернулся в город на Неве), отмечал в письме Перетцу от 21 июля 1921 г. его близость новым течениям в литературоведении:

Именно Ваши мысли в «Методологии» и Ваши беседы наталкивали на рациональный стилистический анализ произведений и новой литературы. В этом смысле идейная связь между Вами и все растущей группой «стилистов» несомненна, и остается пожелать увидеть Вам в скорейшем времени и неперменные результаты Вашей закваски. Вот грустный пример: за полтора последних месяца я прочитал всю критическую ли-

¹³ Билецкий посвятил «глубокоуважаемому и дорогому учителю» Перетцу свою книгу об украинском литературоведении, которая вышла в 1925 г. в Праге [Билецкий 1998, с. 27].

¹⁴ Багрий был также автором двух ценных указателей [Багрий 1926а; 1926б; 1927].

тратуру о Чехове (книги, журнальные и газетные статьи) и убедился — сколько «эхов» и «вздохов» было произнесено, сколько сделано личных излияний очарованных личностью писателя людей, но как мало, почти ничего по литературному существу не сказано о его писаниях. Писателя-то и не заметили. В лучшем случае отделялись общими фразами [Муратов 1990, с. 9]¹⁵.

Вместе с формалистами (Б.М. Эйхенбаумом, Ю.Н. Тыняновым и молодым В.А. Кавериним — под началом декана В.М. Жирмунского) Перетц работал также в знаменитом Институте истории искусств в качестве «действительного члена» [ГИИИ 1927, с. 38, 44] — сначала в разряде по истории театра (с 1921 г. он вел семинар по истории русского театра), а потом также и в секции поэтического фольклора. Он был инициатором публикации двух специальных сборников: «Старинный театр в России XVII–XVIII вв.» (Пг., 1923) и «Старинный спектакль в России» (Л., 1928), где печатались его статьи и работы его учеников. В них речь шла о влиянии европейского театра в России, о природе театральной условности и о специфике выражения чувств — как и в светской поэзии того периода — новыми художественными средствами [Одесский 2004, с. 19–22]. Перетц и его коллеги ставили вопрос о возможности реконструировать театральную публику прошлого и о важности изучения соответствующих архивных коллекций [Задачи и методы 1923, с. 215, 217].

В лекциях и учебных курсах Перетца 1910–1920-х гг. были представлены и важный свод актуальной методологической мысли и одновременно — изложение базовых навыков исследовательской работы филолога [Росовецкий 2010]. Продолжением его давних занятий фольклористикой уже после Самары стала деятельность в секции художественного фольклора при отделении словесных искусств Института истории искусств (она была создана в январе 1927 г. после первой успешной экспедиции в Заонежье предыдущим летом).

Наталья Павловна Колпакова (1902–1994), секретарь секции и в будущем — известный исследователь, сердечно вспоминала своих учителей:

Секция поэтического фольклора собиралась со своими фольклорными словесными проблемами обычно на квартире Владимира Николаевича и Варвары Павловны. На заседаниях, кроме обоих руководителей, всегда бывали тогда еще начинавшие ученые — А.М. Астахова, В.Я. Пропп, А.И. Никифоров, И.В. Карнаухова и др. Нередко присутство-

---

¹⁵ Сторонниками стилистического анализа в те годы можно считать В.В. Виноградова, а также отчасти В.М. Жирмунского и К. Мочульского (они были младшими коллегами Перетца по Петроградскому университету второй половины 1910-х гг.) [Лавров 1996, с. 57–63].

вали председатель крестьянской секции проф. К.К. Романов и театровед В.Н. Всеволодский-Гернгросс, иногда — В.М. Жирмунский и Э.Г. Иогансон, изучавшие фольклор немцев Поволжья, и другие товарищи — члены крестьянской секции [Колпакова 1974, с. 40–41].

И Перетц, и его супруга очень тепло и внимательно относились к обучению начинающих фольклористов; они принимали самое активное участие в подготовке фольклорных экспедиций 1920-х гг. на Русский Север [Иванова 2009, с. 286–291, 298–304]. Деятельная участница этих летних экспедиций в Заонежье (1926), на Пинегу (1927), Мезень (1928) и Печору (1929)¹⁶ Н. Колпакова вспоминала:

Каждому из нас следовало серьезно ознакомиться и с литературой по Заонежскому краю, и с фольклором его, собранным до нас. Каждому была указана (а в основном — и выдана на руки из библиотеки Варвары Павловны) груда книг по выбранной теме. С каждым проводились индивидуальные консультации. И каждый из нас должен был после проработки своего материала сделать на заседании доклад — показать, насколько он подготовлен к поездке. Владимир Николаевич достал из своего рукописного архива записи песен, частушек, заговоров и других фольклорных жанров, собранные им в студенческие годы, и щедро раздарил их нам, чтобы мы на этих черновых полевых записях могли поучиться технике собирательской работы <...> При подготовке фольклорной диссертации Варвара Павловна была всегда негласным консультантом, а иногда и официальным оппонентом на защите, представлявшим подробные отзывы — обычно доброжелательные, но всегда с замечаниями по существу и справедливой критикой. Кроме официального отзыва, каждый автор всегда получал от нее странички с замечаниями и советами, направленными к улучшению работы. Такую помощь молодым ученым мог подать специалист, не только обладающий большими профессиональными знаниями, но и искренно заинтересованный в росте кадров для будущего науки [Колпакова 1974, с. 42].

Перетц, кажется, неявно отошел от своих прежних, конца XIX в., принципов изучения фольклорного материала (соотношение «народного быта» и культурного творчества в его истоках и заимствованиях) — в пользу систематики и анализа чисто литературных форм, а также в пользу внимательного, детального изучения преимущественно письменных источников и более дифференцированного, чем раньше, видения культурного взаимодействия «ученого» и «народного»¹⁷.

¹⁶ См.: Неизданные материалы 2011; также о тогдашних экспедициях в книге: [Колпакова 2002].

¹⁷ В этой связи важно отметить его ранее написанную и методологически насыщенную рецензию на магистерское сочинение А. Лободы [Перетц 1904б].

Перетц также хорошо знал о новых достижениях науки о народном творчестве 1920-х гг.¹⁸; и о киевских исследованиях о фольклоре дочери историка — Катерины Грушевской, и о новаторском изучении формальной стороны сказок (в руководимой им секции ГИИИ и в ИЛЯЗВе этими исследованиями занимался ученик Перетца Александр Никифоров [Никифоров 1926]). В сборнике в честь А.И. Соболевского, при явном благожелательном участии его фактического составителя Перетца, была напечатана и формалистская по духу работа Александра Никифорова о структуре сказки, созвучная идеям В. Проппа [Никифоров 1928]. Перетц пронизательно отметил новаторский характер изданной под эгидой ГИИИ работы В.Я. Проппа «Морфология сказки» (1928), идеи которой хорошо знал еще с первых докладов молодого ученого в ГИИИ (см. публикацию этой рецензии в настоящей книге) [Иванова 2009, с. 294–296; Уорнер 2005].

В изданной на украинском языке книге о «Слове о полку Игореве» [Перетц 1926б] и примыкающих работах 1920-х — начала 1930-х гг. Перетц не только детально осветил споры о поэтике и стилевом своеобразии этого памятника, гипотетически реконструировал его «исходный облик», но также предложил ряд своих текстологических прочтений и исследовательских интерпретаций [Дмитриев 1976]. В частности, он отклонил идеи о преимущественно фольклорном происхождении «Слова» (в пользу литературно-книжного), особенно детально проанализировав строй его эпитетов и образности. Эта «анти-фольклорная» версия Перетца в атмосфере второй половины 1930-х гг. была резко оспорена, отчасти по политическим мотивам, таким знатоком народного творчества, как Юрий Матвеевич Соколов [Соколов 1938, с. 85]. Исследование Перетца, ставшее своего рода энциклопедией «Слова о полку Игореве», до сих пор пользуется признанием в среде специалистов — в особенности из-за подробного анализа эпитетов и словоупотребления в тексте памятника.

Сам Перетц в 1920-е гг. обращается к частным сюжетам фольклорного плана не только в штудиях о «Слове о полку Игореве», но и в небольших статьях в чешском журнале «Slavia» — о еврейских легендах в восточнославянских апокрифах и об обряде «клятвы с землей»¹⁹. Помимо украинских изданий Перетц тогда также пользовался страницами зарубежных славистических журналов для публикации небольших экскурсов на темы, не слишком «проходные» даже для академической периодики в СССР. Так, в одной из своих последних работ он вернулся к прежнему сюжету, затронутому ранее в магистерской диссертации и в отзыве на книгу Адриановой-Перетц об Алексее

¹⁸ См. интересный обзор тогдашней литературы о фольклоре: [Соколов 1926].

¹⁹ [Перетц 1926в; 1929]. См. также: [Иванова 2009, с. 715–716].

человеке Божьем, — к вопросу о природе и характере духовных стихов (опираясь на анализ рукописей из фондов бывшего синодального училища народного пения, переданных в Исторический музей в Москве) [Перетц 1932б].

Здесь Перетц шире, чем в работах формального плана, ставит вопрос об (отчасти психологической) природе специфического спроса на личностное выражение в древней и новой литературе, в ее разных родах и жанрах:

Естественно, вслед за переводными образцами церковных песнопений, в связи с установлением почитания русских святых и ряда икон — возникли и службы им. Но эти памятники церковной лирики, отвечая потребностям культа, не имели характера интимной лирики, обслуживающей интимные потребности и переживания, не носили на себе, так сказать, печати индивидуальных настроений. <...> Ответом на этот запрос послужили так называемые «стихи покаянные и умиленные», изложенные прозой на церковнославянском языке и одногласным знаменным напевом [Перетц 1932б, с. 474].

Перетц прослеживал связь старой литературно-книжной традиции Московской Руси с народной словесностью, включая и современную. С его точки зрения, эти стихи представляют двойной историко-литературный интерес «и как попытки создать интимную лирику на почве церковной традиции, и как продукт усвоения церковно-славянской традиционной фразеологии в соединении с новыми местными, а кое-где и народными элементами. В итоге получился своеобразный суррогат, имевший задачу заменить для церковно настроенного человека народную (устную) песню, запрещенную и гонимую церковью» [Перетц 1932б, с. 474].

Из околоцерковной среды эти стихи к началу XVIII в. были вытеснены силлабическими псалмами украинского происхождения:

Симеон Полоцкий понял потребность момента и свою Псалтирю проложил в московскую среду путь рифмованным псалмам, широко распространившимся в первые годы XVIII столетия. А «стихи умиленные», не отвечавшие своей формой потребностям нового вкуса, остались в среде старообрядцев и близкой к ним по консервативности вкусов народной массы, войдя после соответствующей сюжетной и стилистической обработки в обширный репертуар народных духовных стихов [Перетц 1932б, с. 479].

В Украинской академии наук (ее членом Перетц был практически с момента основания в годы Гражданской войны) ученый особенно активно работал в Комиссии старинной украинской литературы, с

которой активно сотрудничали многие его ученики [Бугославский 1928 и др.; Перетц 1927; 1933; Рева 1999]²⁰. Последние крупные публикации Перетца, связанные с фольклорной проблематикой, были также опубликованы на Украине в конце 1920-х — начале 1930-х гг. Большая рецензия на снабженное первоклассным аналитическим аппаратом академическое издание украинских народных дум К. Грушевской снова возвращается к вопросам, поставленным П. Житецким и «подхваченным» Перетцем еще в середине 1890-х [Перетц 1928, с. 101–109]. В частности, Перетц внимательно разграничивает (как, например, Адрианова в книге об Алексее человеке Божьем) с культурной и отчасти социологической точки зрения, с одной стороны, круг создателей, творцов — и, с другой — круг носителей, «пересказывателей» дум и эпических сказаний как таковых. Он также призывает — отмечая значимость и глубину работы составительницы, дочери известного украинского историка — внимательно изучать «народнические» установки известных собирателей фольклора (Н.А. Цертелева, И.И. Срезневского, О.М. Бодянского и множества их продолжателей пореформенного периода) как важный фактор реконструкции целостного процесса бытования народной словесности, которая уже в XIX в. не может рассматриваться «наивно», «сама по себе» — без указанного влияния образованных энтузиастов и пропагандистов «народности» [там же, с. 110–120]. Изучение загадок, также начатое Перетцем несколькими десятилетиями ранее, вновь реализуется в начале 1930-х гг. путем тщательной реконструкции книжно-литературного влияния на народную словесность — на материале «Азбукоников» и особенно «Беседы трех святителей» [Перетц 1932]²¹. Эти излюбленные Перетцем темы и сюжеты вновь актуализировались в филологической науке конца XX — начала XXI столетия.

4

Финал жизни В.Н. Перетца оказался трагическим. Уже в ноябре 1931 г. во Всеукраинской академии наук (ВУАН) его собирались подвергнуть остракизму от имени коммунистической фракции Академии наряду с М.С. Грушевским, А.Е. Крымским и прочими «старыми» учеными [Історія Академії 1998, с. 178]. В киевской прессе и в центральном органе ВУАН его одновременно критикуют и как «великодержавного шовиниста», и как «петлюровца»; фактически его лишают возможности самостоятельно работать в Комиссии украинской литературы

²⁰ Обзор публикаций этой комиссии: [Адрианова-Перетц 1932б].

²¹ В этом выпуске «Этнографического вестника», который власти тут же признали методологически чуждым и вредным, была опубликована и сказковедческая работа В.П. Адриановой-Перетц про лису-рассказчицу [Адрианова-Перетц 1932а].

периода феодализма [Матвеева 2003, с. 251–253]. Аресты и репрессии против ученых на Украине и в России весьма чувствительно задевали наиболее близких ему коллег — как «Академическое дело» в Ленинграде и Москве или процесс против мифического «Союза освобождения Украины» (СВУ) в Харькове, где центральной фигурой был выбран Сергей Ефремов. 14 марта 1930 г. Перетц писал своему коллеге-фольклористу А.М. Лободе²² в Киев:

Мы читаем газеты и удивляемся многому. Признаюсь, я не думал никогда, что возможны организации, подобные СВУ. И теперь признания героев ее звучат как-то даже неправдоподобно, точно из «приключенческого» романа. Только этот роман пахнет трагедией для его героев [Матвеева 2003, с. 249].

Сам Перетц был арестован четыре года спустя, в апреле 1934 г., по столь же надуманному делу «Российской национальной партии» [Ашнин, Алпатов 1994, с. 100–106]²³. По знакомому сценарию ОГПУ представило историю о разветвленной политической организации интеллигенции, в том числе и национальной. По этому процессу, среди прочих, были арестованы академики Перетц и М.Н. Сперанский, члены-корреспонденты Академии наук Н.Н. Дурново, А.М. Селищев и Г.А. Ильинский, крупнейший филолог и будущий академик В.В. Виноградов, видный украинский лингвист Олена Курило, этнограф и фольклорист Н.И. Лебедева, основоположник Московской фонологической школы В.Н. Сидоров, ученицы Перетца — С.А. Щеголева и А.Б. Никольская и др.²⁴ В вину им были поставлены создание фашистского подполья, а также связи с границей — вождем евразийства Н.С. Трубецким (к тому времени совсем от политики отошедшим); в деле фигурировали также П.Г. Богатырев и Р.О. Якобсон. Особенно пристально следователь работал с показаниями о бывшей деятельности Украинского общества исследователей украинской истории, письменности и языка [Звідомлення 1927]. В 1934 г. эта организация (называлась она тогда уже «Украинским научным обществом») была ликвидирована, последний сборник Общества так и остался непечатанным [Дудко 1997]; та же судьба постигла вскоре и практически все остальные подозрительные для власти ленинградские очаги национальных культур [Смирнова 2002, с. 256, 276 и след.]. Ученый вины своей не признал и в июне 1934-го был приговорен к высылке

²² Памяти ученого Перетц посвятил пространный некролог: [Перетц 1931а].

²³ См. также о киевском «следе» дела Перетца: [Сліпущко 2005].

²⁴ См. посмертную публикацию повести о лагерных годах ученицы Перетца А.Б. Никольской, которая стала специалистом по казахской литературе: [Никольская 1986].

в Саратов на три года [Крылов 1994]. Из Саратова год спустя писал в Киев своему знакомому Ивану Федоровичу Ерофееву:

Ни город, ни жители симпатий не вызывают. <Местная?> интеллигенция — старая труслива и потому противна. А новая малокультурна и тоже труслива. Судите сами — я единственный в своем роде спец[иалист] для Саратова, не имею никакой работы ни в Педаг[огическом] институте, ни в университете при полном отсутствии специалистов. Даже в библиотеке Саратовского университета я работал для себя — мне не нашлось ангажемента на роль ученого консультанта... Вообще — город архипроvincialный²⁵.

Из коллег-ученых Перетц в те годы общался с профессором университета Александром Скафтымовым, автором книги о поэтике былин (1923)²⁶, с высланным в Саратов по тому же делу белорусским политиком и ученым, бывшим директором Белорусского государственного музея Вацлавом Ластовским (в 1938 он будет расстрелян). Практически еженедельно к нему из Ленинграда приезжала Варвара Павловна Адрианова-Перетц [Адрианова О.Н., Адрианова Л.Н. 1992]. 24 сентября 1935 г. Перетц умер и был похоронен в Саратове по православному обряду; в последний путь его сопровождали В.П. Адрианова-Перетц, брат покойного Лев Николаевич Перетц²⁷ и Н.П. Колпакова.

5

Уже с самых начальных работ по фольклору Перетц считал важным обращать внимание не только на главные, выдающиеся памятники и крупные формы, но и на «поточный» клишированный материал — ведь нередко именно на нем могут быть прослежены общие тенденции развития. Тем самым несколько старомодный подход Перетца оказывается не просто выражением академической ностальгии по всему архаическому и привычно-устойчивому, но позицией отрефлексированной и последовательной. Остается только сожалеть, что намеченное им в частных фольклорных штудиях 1920-х гг. расширение спектра филологического анализа (изучение «клятвы с землей») и развитое дальше в «культурно-психоаналитических» этюдах С.Я. Лурье и В.П. Адриановой-Перетц начала 1930-х гг. не могло быть продолжено в сталинскую эпоху [Лурье 1932; Адрианова-Перетц 1935].

²⁵ ИР НБУВ. Ф. 33. Д. 80710. Л. 20 (письмо от 8 июля 1935 г.).

²⁶ К проблематике Перетца близка его статья [Скафтымов 1923].

²⁷ Лев Николаевич Перетц (1871–1942) был соавтором ученого по биографии их деда-декабриста, до революции работал в различных учреждениях юристом, а в 1920-е годы — в Пушкинском Доме. См. о нем [Пушкинский Дом 2005, с. 503].

Важно подчеркнуть здесь наличие не только «пушкинодомовской» линии преемственности его идей (Перетц — В.П. Адрианова-Перетц / А.С. Орлов — Д.С. Лихачев — А.М. Панченко и т.д.) [Панченко 1973; Лихачев 1992; Рождественская 1989], но и важные переклички подходов Перетца с наследием В.В. Виноградова и В.М. Жирмунского, а также с московским «академическим формализмом» исследователей из Государственной академии художественных наук 1920-х гг.²⁸ В кругу последнего отметим поворот Г.О. Винокура к филологии уже в середине 1920-х (от былого увлечения футуризмом и идеями ОПОЯЗа)²⁹. На работы Перетца о «Слове» в споре с Андре Мазоном неоднократно ссылался Роман Jakobson в книге, утверждающей подлинность русского эпического памятника³⁰; ссылается на Перетца в известном учебнике и его ученик Н.К. Гудзий [Гудзий 1953]. Перетц оказал несомненное воздействие на крупнейшего украинского историка литературы и философии XX века — Дмитрия Чижевского (1894–1977), в особенности на его понимание барокко в славянских литературах Нового времени [Матвієнко 2004]. Будущий член Пражского лингвистического кружка, Чижевский совсем юным студентом посещал лекции Перетца в Киеве; другим посредником, уже в Германии, стал для него член семинара Перетца Юрий Клен (Освальд Бургардт) [Бургардт 1915; Чижевский 2005]. Ряд базовых установок Перетца (например, различение истории литературы и литературной истории [см. Компаньон 2001, особенно с. 227–244]), рецепция идей исторической поэтики [Перетц 1921б], внимание к методологии и философской рефлексии основоположений литературного анализа (отдельного разбора заслуживают переклички его подхода с позицией А.С. Лаппо-Данилевского [Перетц 1914, с. 5–16]) важны не только в историко-научном плане, но также и в свете актуальных споров о предмете филологии и ее перспективах.

Для изучения фольклора вклад Перетца остается очень существенным в связи с его оригинальными усилиями по реконструкции многосторонних связей развитой литературной традиции и устного творчества [Васильева, Лапин 2006]. Вопрос о соотношении фольклорной и книжной традиций в древнерусской словесности был одним из главных в творчестве В.П. Адриановой-Перетц³¹ [Адрианова-Перетц 1974] и Д.С. Лихачева. Связями старинной и новой лите-

²⁸ О формалистских подходах в трудах Перетца о фольклоре (написанных за десятилетие до манифестов Шкловского и уже в конце 1920-х) см.: [Росовецкий 2008, с. 152, 158].

²⁹ См.: [Винокур 2000], с очень содержательной статьей С.И. Гиндина.

³⁰ См. детальней: [Дмитриев 2002].

³¹ Притом в 1940-е гг. идеи Адриановой-Перетц о параллельном существовании фольклорной и письменной систем в древнерусской литературе уже очень отличались от основных постулатов ее же ранней диссертации о русском духовном стихе.

ратуры с фольклорным наследием занимались многие авторы — от А.С. Орлова и Н.П. Андреева до исследователей начала XXI в. [Андреев 1936; Белова, Петрухин 2008]. В частности, специальные темы перетцевских работ — о специфике рождения русской силлаботоники между пастором Глюком и Ломоносовым — детально разрабатывались выдающимися знатоками XVIII в. от Григория Гуковского и Льва Пумпянского до Павла Беркова, Михаила Гаспарова и Александра Панченко. В эти споры вовлечены были и зарубежные русисты. Мнения Перетца нередко оспаривались (например, Джеймсом Бейли или Джеральдом Смитом), хотя новейшие работы по XVIII в. (Иохаим Клейн) во многом склоняются к аргументации Перетца³². Особенно много о его фольклорных темах и архивных находках, о рукописных сборниках — также вслед за М.Н. Сперанским — и «книжных песнях» времен патриарха Никона и Петра, в том числе и на компаративном материале, писал в 1950–1960-е профессор А.В. Позднеев (1891–1975) [Позднеев 1996 и особенно Позднеев 1963]. Работы Владимира Перетца о разнообразии переходных культурных форм раннего Нового времени и Просвещения, об эволюции ритмического строя народной песни, о виршевой поэзии, становлении современного русского и украинского стихосложения, наконец, о развитии народного, школьного и придворного театра — связующее звено блестящего развития российской и украинской филологии от Михаила Максимовича и Алексея Соболевского до Дмитрия Чижевского и Виктора Живова.

Литература и источники

ALMA MATER 2000 — ALMA MATER. Університет св. Володимира напередодні та в добу української революції. Матеріали, документи, спогади: У трьох книгах. Кн. 1. Університет св. Володимира між двома революціями / Авторі-упорядники: доц. В.А. Короткий, проф. В.І. Ульяновський. Київ, 2000.

Історія Академії 1998 — Історія Академії наук України. 1929–1933. Документи і матеріали. Київ, 1998.

Адрианова 1917 — *Адрианова В.П.* Житие Алексея, человека Божия, в древней русской литературе и народной словесности. Пг., 1917.

Адрианова О.Н., Адрианова Л.Н. 1992 — *Адрианова О.Н., Адрианова Л.Н.* Воспоминания о Варваре Павловне Адриановой-Перетц // ТОДРЛ. СПб., 1992. Т. XLV. С. 9–11.

Адрианова-Перетц 1932a — *Адрианова-Перетц В.П.* Казки про лисицю-сповідницю // Етнографічний вісник. Кн. 10. К., 1932. С. 27–45.

³² См. детальнее: [Бейли 1983/2004; Смит 1973/2002; Клейн 1995/2005]. В главе книги Клейна см. также наиболее подробный разбор литературы по этому вопросу.

- Адрианова-Перетц 1932б — *Адрианова-Перетц В.П.* Издания «Комісії Українського письменства доби феудалізму» Всеукраинской академии наук // Труды Института славяноведения АН СССР. Л., 1932. Т. 1. С. 502–507.
- Адрианова-Перетц 1935 — *Адрианова-Перетц В.П.* Символика сновидений Фрейда в свете русских загадок // Академия наук СССР академику Н.Я. Марру. XLV. [Юбилейный сборник]. М.; Л., 1935. С. 497–505.
- Адрианова-Перетц 1962а — *Адрианова-Перетц В.П.* Владимир Николаевич Перетц (1870–1935) // *Перетц В.Н.* Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI–XVIII вв. М.; Л., 1962. С. 209–236.
- Адрианова-Перетц 1962б — *Адрианова-Перетц В.П.* Список печатных трудов акад. В.Н. Перетца // *Перетц В.Н.* Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI–XVIII вв. М.; Л., 1962. С. 234–253.
- Адрианова-Перетц 1974 — *Адрианова-Перетц В.П.* Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974.
- Академические школы 1975 — Академические школы в русском литературоведении. М.: Наука, 1975.
- Андреев 1936 — *Андреев Н.П.* Фольклор и литература // Литературная учеба. 1936. № 2. С. 75–99.
- Ашнин, Алпатов 1994 — *Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М.* «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994.
- Багрий 1923 — *Багрий А.В.* Шевченковская студия. Владикавказ, 1923.
- Багрий 1925а — *Багрий А.В.* Шевченко в литературной обстановке. Баку, 1925.
- Багрий 1925б — *Багрий А.В.* Шевченко в русских переводах. Баку, 1925.
- Багрий 1926а — *Багрий А.В.* Народная словесность Кавказа. Материалы для библиографического указателя. Баку, 1926.
- Багрий 1926б, 1927 — *Багрий А.В.* Формальный метод в литературе (Библиографическое пособие). Владикавказ, 1926. Вып. I; Баку, 1927. Вып. II.
- Бейли 1983/2004 — *Бейли Дж.* Стихосложение русского канта с конца XVII века до середины XVIII века // *Бейли Дж.* Избранные статьи по русскому литературному стиху. М., 2004. С. 53–103.
- Белецкий 1964 — *Белецкий А.И.* Автобиография [1945] // *Белецкий А.И.* Избранные труды по теории литературы. М., 1964. С. 5–24.
- Белова, Петрухин 2008 — *Белова О.В., Петрухин В.Я.* Фольклор и книжность: миф и исторические реалии. М., 2008.
- Білецький 1998 — *Білецький Л.* Основи української літературно-наукової критики. Київ, 1998.
- Бугославський 1928 — *Бугославський С.* Україно-Руські пам'ятки XI–XVIII вв. про князів Бориса і Гліба. Київ, 1928.
- Бургардт 1915 — *Бургардт О.* Новые горизонты в области исследования поэтического стиля (Принципы Э. Эльстера). Киев, 1915.
- Васильева, Лапин 2006 — *Васильева Е.Е., Лапин В.А.* «Книжная песня» 17–18 вв. и фольклорные песенные традиции // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: Сборник докладов. М., 2006. Т. 2. С. 290–314.

Веселовский 1877 — *Веселовский А.Н.* Малорусские народные предания и поверья / Свод М. Драгоманова. Изд. Юго-Западного отдела РГО, Киев, 1876 // Древняя и новая Россия: Ежемесячный исторический иллюстрированный сборник. 1877. № 2. С. 205–211.

Веселовский 1880 — *Веселовский А.Н.* Рец. на: «Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западнорусский край, снаряженной Имп. Русским Географическим Общ.: Юго-западный отдел» / Под ред. П. Чубинского. СПб., 1872–1878 гг. // Отчет о двадцать втором присуждении наград графа Уварова. СПб., 1880. С. 167–230.

Винокур 2000 — *Винокур Г.О.* Введение в изучение филологических наук. М., 2000. ГИИИ 1927 — Государственный институт истории искусств. Л., 1927.

Грицик 2005 — *Грицик Л.* Азербайджанське відлуння семінару В. Перетця // Філологічні семінари. Художня форма. Присвячується 100-літтю філологічного семінару та його засновнику — професору В. М. Перетцю. Київ, 2005. Вип. 8. С. 28–33.

Гудзий 1953 — *Гудзий Н.К.* История древней русской литературы. М., 1953. [1-е изд. 1938 г.]

Гудзий 1958 — *Гудзий Н.К.* Письма русских ученых к Ивану Франко // Советская Украина. 1958. № 3. С. 158–164.

Демин 1976 — *Демин А.С.* Труды В.Н. Перетца по истории русского театра // Новые черты в русской литературе и искусстве (XVII — начала XVIII в.). М., 1976. С. 175–185.

Дмитриев 1976 — *Дмитриев Л.А.* Книга академика В.Н. Перетца «Слово о полку Ігоревім — пам'ятка феодальної України–Руси XII віку» (К 50-летию издания) // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. XXXI. С. 344–350.

Дмитриев 2002 — *Дмитриев А.* Европейский (французский и немецкий) контекст русского формализма // Отношения между Россией и Францией в европейском контексте (в XVIII–XX вв.). М., 2002. С. 126–145.

Дмитриев 2007 — *Дмитриев А.* Украинская наука и ее имперские контексты (XIX — начало XX века) // *Ab Imperio*. 2007. № 4. С. 121–172.

Дмитриев 2010 — *Дмитриев А.Н.* К биографии академика В.Н. Перетца // *Перетц В.Н.* Краткий очерк методологии истории русской литературы. М., 2010. С. 25–35.

Дмитриев 2012 — *Дмитриев А.* В.Н. Перетц и русская филология // *Слов'янські обрії*. 2012. Вип. 4. С. 148–154.

Дудко 1997 — *Дудко В.* Проспект невиданного збірника Товариства дослідників української історії, письменства та мови у Ленінграді // Київська старовина. 1997. № 1–2. С. 48–57.

Житецкий 1903 — *Житецкий П.И.* Рецензия на кн.: *Перетц В.Н.* Историко-литературные исследования и материалы. Т. 1 // Отчет о присуждении премий митрополита Макария в 1901 году. СПб., 1903. С. 1–62.

Задачи и методы 1923 — Задачи и методы изучения искусств. Пг., 1923.

Зайцева 2006 — *Зайцева З.І.* Український науковий рух: інституціональні аспекти розвитку (кінець XIX — початок XX ст.). Київ, 2006.

- Звідомлення 1927 — Звідомлення Товариства дослідників української історії, письменства та мови у Ленінграді за перше п'ятиріччя (1922–1926). Київ, 1927.
- Иванова 2009 — *Иванова Т.Г.* История русской фольклористики XX века: 1900 — первая половина 1941 г. СПб., 2009.
- Измайлов 2003 — *Измайлов Н.В.* Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918–1928 гг. / Публ. Н.А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998–1999 год. СПб., 2003. С. 272–346.
- Клейн 1995/2005 — *Клейн И.* Реформа стиха Тредиаковского в культурно-историческом контексте // *Клейн И.* Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII в. М., 2005. С. 235–262.
- Кобченко 2007 — *Кобченко К.* «Жіночий університет святої Ольги». Історія київських вищих жіночих курсів. Київ, 2007.
- Колпакова 1974 — *Колпакова Н.П.* Двадцатые годы // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. XXIX. С. 38–43.
- Колпакова 2002 — *Колпакова Н.П.* У золотых родников: Записки фольклориста. 2-е изд. СПб., 2002.
- Компаньон 2001 — *Компаньон А.* Демон теории. Литература и здравый смысл / Пер. с фран. С. Зенкина. М., 2001.
- Костюхин 1994 — *Костюхин Е.А.* Жизнь и идеи Александра Никифорова // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 140–153.
- Крылов 1994 — *Крылов В.В.* Мартиролог исследователей древнерусской литературы. Из эпистолярного наследия академика В.Н. Перетца [письмо Л.Б. Каменеву от 20 августа 34 года] // Вестник РАН. 1994. № 2. С. 148–154.
- Лавров 1996 — *Лавров А.В.* В. М. Жирмунский в начале пути // Русское подвигничество / Сост. Т.Б. Князевская. М., 1996. С. 57–63.
- Лебедева 2000 — *Лебедева Е.В.* Научно-исследовательская деятельность Самарского государственного университета. 1918–1927. Самара, 2000.
- Лихачев 1992 — *Лихачев Д.С.* Вступительное слово [Материалы конференции к 100-летию со дня рождения В.П. Адриановой-Перетц] // ТОДРЛ. СПб., 1992. Т. XLV. С. 5–8.
- Лурье 1932 — *Лурье С. Я.* Дом в лесу // Язык и литература. 1932. Т. VIII. С. 159–195.
- Лященко 1894 — *Лященко А.* Заметки по изучению современной народной песни // Живая старина. 1894. Вып. II. С. 259–275.
- Матвеева 2003 — *Матвеева Л.В.* Доля академіка Перетца // *Матвеева Л.В.* Нариси з історії Всеукраїнської Академії наук. Київ, 2003. С. 231–260.
- Матвієнко 2004 — *Матвієнко Світлана.* Дискурс формалізму: український контекст. Львів, 2004.
- Мельничук 1999 — *Мельничук О.* Рух за відкриття українознавчих кафедр в Університеті св. Володимира в 1996–1907 років: з приводу факторів, подій та учасників // Київський університет як осередок національної духовності, науки, культури. Київ, 1999. Ч. 1. С. 42–45.
- Муратов 1990 — *Муратов А.Б.* Сергей Дмитриевич Балухатый // *Балухатый С.Д.* Вопросы поэтики. Л., 1990. С. 5–16.

На путях 2004 — На путях становления украинской и белорусской наций: факторы, механизмы, соотношения / Отв. редактор Л.Е. Горизонтов. М., 2004. С. 24–28, 92–95 (выступления М.А. Робинсона).

Назаревский 1911 — *Назаревский А.А.* К истории легенды о происхождении картофеля // Русский филологический вестник. 1911. Т. 66. С. 15–21.

Назаревский 1974 — *Назаревский А.А.* Из воспоминаний о молодых годах В. П. Адриановой-Перетц // Вопросы истории русской средневековой литературы: Памяти В.П. Адриановой-Перетц. Л., 1974. С. 33–37. (ТОДРЛ. Т. XXIX.)

Назаревский 1988 — *Назаревский А.А.* Из истории семинария русской филологии проф. В.Н. Перетца (В.М. Отроковский. К 80-летию со дня рождения) [1971] / [Публ. С.К. Росовецкого] // Писемність Київської Русі і становлення української літератури. Київ, 1988. С. 272–294.

Неизданные материалы 2011 — Неизданные материалы экспедиций на Русский Север. 1926–1928 гг. Сказки. Легенды. Былички. Детский фольклор / Под ред. М.Н. Власовой. СПб., 2011.

Никифоров 1922 — *Никифоров А.И.* Русские повести, легенды и поверья о картофеле. Казань, 1922.

Никифоров 1926 — *Никифоров А.И.* Обзор работ о сказке и легенде на русском языке за 1917–1925 годы // Сказочная комиссия в 1924–1925 гг. Обзор работ / Под ред. С.Ф. Ольденбурга. Л., 1926. С. 23–33.

Никифоров 1928 — *Никифоров А.И.* К вопросу о морфологическом изучении сказки // Сборник статей в честь академика А.И. Соболевского. Л., 1928. С. 173–178.

Никольская 1986 — *Никольская А.* Передай дальше! [1956–1965] // Простор. 1986. № 10. С. 46–161.

Одесский 2004 — *Одесский М.П.* Поэтика русской драмы: вторая половина XVII — первая треть XVIII в. М., 2004.

Онопрієнко та ін. 1998 — *Онопрієнко В., Реєнт О., Щербань Т.* Українське наукове товариство. 1907–1921 роки. Київ, 1998.

Панфилова, Диченко 1956 — *Панфилова А.И., Диченко М.И.* К 100-летию со дня рождения И.Я. Франко (1856–1956) // Исторический архив. 1956. № 3. С. 218–222.

Панченко 1973 — *Панченко А.М.* Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973.

Панченко 2002 — *Панченко А.А.* Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2002.

Перетц 1893а — *Т-ский [Перетц В.Н.] П.* Житецкий. Мысли о народных малорусских думках. Киев, 1893 // Исторический вестник. 1893. № 11. С. 575–578.

Перетц 1893б — *Перетц В.Н.* Современная русская народная песня. Сравнительные этюды. СПб., 1893.

Перетц 1894а — *Перетц В.Н.* Деревня Будогоща и ее предания (Этнографический очерк) // Живая старина. 1894. Вып. I. С. 2–18.

Перетц 1894б — *Перетц В.Н.* К истории русской народной сказки. Сравнительные этюды // Библиограф. 1894. № 1–2. С. 41–73.

- Перетц 1895 — *Перетц В.Н.* Кукольный театр на Руси (Исторический очерк) // Ежегодник императорских театров. Приложения. Кн. 1. СПб., 1895. С. 85–185.
- Перетц 1898а — *Перетц В.Н.* Из истории пословицы // Журнал Министерства народного просвещения. 1898. № 5. С. 103–140.
- Перетц 1898б — *Перетц В.Н.* К вопросу о времени возникновения хлыстовщины // Этнографическое обозрение. 1898. № 2. С. 117–120.
- Перетц 1899а — *Перетц В.Н.* Материалы к истории апокрифа и легенды. I. К истории Громника. СПб., 1899.
- Перетц 1899б — *Перетц В.Н.* Малорусские вирши и песни в записях XVI–XVIII вв. СПб., 1899 (отд. отт. из «Изв. ОРЯС АН»).
- Перетц 1900а — *Перетц В.Н.* Историко-литературные исследования и материалы. СПб., 1900. Т. 1. Из истории русской песни. Ч. 1, 2.
- Перетц 1900б — *Перетц В.Н.* Историко-литературные исследования и материалы. Т. 2. Вып. 1. Из истории старинной русской повести [Слухи и толки о патриархе Никоне в литературной обработке писателей XVII–XVIII вв.]. СПб., 1900.
- Перетц 1901а — *Перетц В.Н.* Материалы к истории апокрифа и легенды. II. К истории Лунника. СПб., 1901.
- Перетц 1901б — *Перетц В.Н.* Легенды о происхождении картофеля // Памяти Л.Н. Майкова. Сборник. СПб., 1901. С. 89–98.
- Перетц 1902а — *Перетц В.Н.* Историко-литературные исследования и материалы. Т. 3. Из истории развития русской поэзии XVIII века. Ч. 1, 2. СПб., 1902.
- Перетц 1902б — *Перетц В.* Гоголь и малорусская литературная традиция // Н.В. Гоголь: Речи, посвященные его памяти, в публичном соединенном собрании Отделения русского языка и словесности разряда изящной словесности Императорской Академии наук и историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета 21 февраля 1902 г. СПб., 1902. С. 47–55.
- Перетц 1903 — *Перетц В.Н.* О некоторых основных настроениях русской литературы в ее историческом развитии. Киев, 1903 (отд. оттиск).
- Перетц 1904а — *Перетц В.Н.* Обзор важнейших новых трудов по народной словесности // Педагогическая мысль. Киев, 1904. Вып. 2. С. 211–213.
- Перетц 1904б — *Перетц В.Н.* Рец. на сочинение А. Лободы «Русские былины о сватовстве» (Киев, 1904) // Университетские известия имп. Ун-та им. Св. Владимира. 1904. № 11. С. 20–29.
- Перетц 1908а — *Перетц В.Н.* А.Н. Веселовский как профессор и преподаватель // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. 1908. Кн. 20. Вып. 2. С. 27–29.
- Перетц 1908б — *Перетц В.Н.* Павло Житецький. До юбілею 45-літньої наукової діяльності // Записки Українського наукового товариства в Києві. 1908. Т. 2. С. 3–38.
- Перетц 1914 — *Перетц В.Н.* Из лекций по методологии истории русской литературы. История изучений. Методы. Источники. Киев, 1914.

- Перетц 1916 — *Перетц В.Н.* Старинная украинская литература (XV–XVIII вв.) // Сборник «Отечество». Сборники национальной литературы России. Пг., 1916. Т. I. С. 183–203.
- Перетц 1921a — *Перетц В.Н.* Рец. на кн.: *Адрианова В.П.* Житие Алексея человека Божия в древней русской литературе и народной словесности. Пг., 1917 // Изв. ОРЯС. 1921. Т. 26. С. 251–270.
- Перетц 1921б — *Перетц В.Н.* От культурной истории — к исторической поэтике // Памяти А.Н. Веселовского. Пг., 1921. С. 35–42.
- Перетц 1926a — *Перетц В.Н.* К изучению «Слова о полку Игореве». Л., 1926.
- Перетц 1926б — *Перетц В.Н.* «Слово о полку Ігоревім». — Пам'ятка феодальної України — Русі XII віку. Київ, 1926.
- Перетц 1926в — *Перетц В.Н.* К вопросу о еврейско-русском литературном общении // *Slavia*. 1926. Ročn. 5. № 2. С. 267–276.
- Перетц 1927 — *Перетц В.Н.* Работы по истории русской и украинской литературы // Академия наук СССР за десять лет (1917–1927). Л., 1927. С. 123–139.
- Перетц 1928 — *Перетц В.* Українські думи в новому виданні К.М. Грушевської // Етнографічний вісник. 1928. Кн. 7. С. 73–124.
- Перетц 1929 — *Перетц В.Н.* «Клятва с землей» в частушке // *Slavia*. 1929. Ročn. VII. № 4. С. 919–921.
- Перетц 1931a — *Перетц В. А.М.* Лобода. Некролог // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. 1931. № 5. С. 517–522.
- Перетц 1931б — *Перетц В. А.И.* Лященко. Некролог // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. 1931. № 10. С. 1087–1090.
- Перетц 1932a — *Перетц В.* Памяти А.И. Лященко. Очерк его жизни, научной и общественной работы // Тр. Ин-та славяноведения АН СССР. Т. I. 1932. С. 354–376.
- Перетц 1932б — *Перетц В.Н.* К истории древнерусской лирики («Стихи умиленные») // *Slavia*. Praga, 1932. XI. № 3–4. S. 474–479.
- Перетц 1932в — *Перетц В.М.* Студії над загадками // Етнографічний вісник. Київ, 1932. Кн. 10. С. 123–204.
- Перетц 1933 — *Перетц В.Н.* Национальная политика в СССР и успехи украинского литературоведения в 1917–1932 гг. Л., 1933.
- Перетц 1922/2010 — *Перетц В.Н.* Краткий очерк методологии истории русской литературы. Пособие и справочник для студентов, преподавателей и для самообразования. М., 2010.
- Петров 1919 — *Петров Д.К.* Рец. на кн.: *Адрианова В.П.* Житие Алексея человека Божия в древней русской литературе и народной словесности. Пг., 1917 // Изв. ОРЯС. 1919. Т. XXIV. Кн. 1. 1922. С. 307–320.
- Плачинда 1987 — *Плачинда В.П.* Павло Гнатович Житецький. Київ, 1987.
- Позднеев 1963 — *Позднеев А.В.* Песенная книжная поэзия в славянских странах // ТОДРЛ. М.; Л., 1963. Т. XIX [Русская литература XI–XVII вв. среди славянских литератур]. С. 414–427.
- Позднеев 1996 — *Позднеев А.В.* Рукописные песенники XVII–XVIII вв.: Из истории песенной силлабической поэзии. М., 1996.

- Пособие к лекциям 1907 — Пособие к лекциям по введению в изучение русской литературы. Киев, 1907.
- Пушкинский Дом 2005 — Пушкинский Дом. Материалы к истории. 1905–2005. СПб., 2005.
- Рева 1999 — *Рева Л.* Робота комісії давнього українського письменства при ВУАН // Студії з архівної справи та документознавства. Київ, 1999. Т. 4. С. 116–117.
- Робинсон 2004 — *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: Отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М., 2004.
- Рождественская 1989 — *Рождественская М. В.* К истории Отдела (Сектора) древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР (1932–1947 гг.). К 55-летию отдела // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. XLII. С. 3–9.
- Рождественская 1992 — *Рождественская М. В., Николаева Е. П.* Об архивном наследии В.П. Адриановой-Перетц // ТОДРЛ. СПб., 1992. Т. XLV. С. 27–28.
- Рождественская 1993 — *Рождественская М. В.* Переписка В. П. Адриановой-Перетц и Н. К. Гудзия (По архивным материалам) // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. XLVI. С. 186–193.
- Росовецкий 2008 — *Росовецкий С.К.* Український фольклор у теоретичному висвітленні. К., 2008.
- Росовецкий 2010 — *Росовецкий С.К.* Памятник истории литературоведения — или университетское пособие на все времена? // *Перетц В.Н.* Краткий очерк методологии истории русской литературы. М., 2010. С. 3–24.
- Росовецкий 2015 — *Росовецкий С.К.* Шевченко і фольклор. 2 вид. Київ: Критика, 2015.
- Рудзицкий 2013 — *Рудзицкий А.* Учитель и его ученики (Памяти академика В.Н. Перетца). Ч. 1 // Опубликовано на сайте: <http://www.aej.org.ua/history/1470.html>.
- Семинарий 1912 — Семинарий русской филологии при Императорском университете Св. Владимира под руководством В.Н. Перетца. Киев, 1912.
- Семинарий 1929 — XX. 1907–1927. Семинарий русской филологии академика В.Н. Перетца. Л., 1929.
- Скафтымов 1923 — *Скафтымов А.П.* К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы // Ученые записки Саратовского государственного университета. 1923. Т. 1. Вып. 3. С. 54–68.
- Сліпушко 2005 — *Сліпушко О.* Кримінальна справа академіка В.М. Перетца як дослідника літератури Київської Русі: За матеріалами архіву СБУ // Слово і час. 2005. № 5. С. 64–70.
- Смирнова 2002 — *Смирнова Т.М.* Национальность — питерские. Национальные меньшинства Петербурга и Ленинградской области в XX веке. СПб., 2002.
- Смит 1973/2002 — *Смит Дж.* Вклад Глюка и Пауса в развитие русского стихосложения // *Смит Дж.* Взгляд извне. Статьи о русской поэзии и поэтике. М., 2002. С. 13–28.
- Соболев 1992 — *Соболев В.С.* Отчет академика В.Н. Перетца о своей деятельности в первые годы революции (1918–1923) // ТОДРЛ. СПб., 1992. Т. XLV. С. 30–33.

- Соболевский 1895–1902 — *Соболевский А.И.* Великорусские народные песни. СПб., 1895–1902. Т. I–VII.
- Соколов 1926 — *Соколов Ю.* Работа по русскому фольклору за революционный период // *Этнография.* 1926. № 1/2. С. 153–178.
- Соколов 1938 — *Соколов Ю.* «Слово о полку Игореве» и народное творчество // *Литературный критик.* 1938. № 5. С. 84–93.
- Сумцов 1884 — *Сумцов Н.Ф.* К истории южно-русской литературы семнадцатого столетия. Киев, 1884. Вып. 1–3.
- Топорков 2013 — *Топорков А.Л.* Сюжет о Егории Храбром — волчьем пастыре в славянском фольклоре и русской литературе первой трети XX в. // *Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. XV Международный съезд славистов. Минск, 20–27 августа 2013 г. Доклады российской делегации.* М., 2013. С. 529–557.
- Уорнер 2005 — *Уорнер Э.Э.* Владимир Яковлевич Пропп и русская фольклористика. СПб., 2005.
- Чижевський 2005 — *Чижевський Д.* Юрій Клен, вчений та людина [1949] // *Чижевський Д.* Філософські твори: В 4 т. Київ, 2005. Т. 2. С. 244–253.
- Штогрин 1993 — *Штогрин М.* Володимир Перетц // 125 років київської української академічної традиції. Нью-Йорк, 1993. С. 341–357.

Литература и фольклор в исследованиях академика В.Н. Перетца

В статье рассматривается биография академика Владимира Перетца (1870–1935), специалиста по древнерусской литературе (включая «Слово о полку Игореве») и словесности XVII–XVIII веков. В юности Перетц много занимался исследованием фольклора и этнографии; интерес к этим темам и к истории театра он сохранил до конца жизни (в саратовской ссылке). Главная тема его работ — взаимодействие письменной традиции и «живого» народного творчества (легенд, апокрифов, преданий), в частности народного стиха и «искусственной» поэзии XVII–XVIII веков на Украине и в России. В 1910–1920-е Перетц и его жена и коллега В.П. Адрианова-Перетц много внимания уделяли подготовке нового поколения филологов и специалистов по фольклору (С. Маслов, Н. Колпакова, А. Астахова, В. Пропп, И. Еремин и др.).

Ключевые слова: история филологии, история фольклористики, украинский вопрос, формализм, Академия наук, Киевский университет.

Literature and Folklore in the Works of Vladimir Peretz

The article is devoted to the biography of Vladimir Peretz (1870–1935), a specialist in old Russian literature, (including «The Tale of Igor's Campaign»), Ukrainian literature, and the literature of early modern times. In his youth, Peretz's studies focused on

Russian folklore; his interest in these themes and the history of the theater remained until his death in exile (in Saratov). The main theme of his work is the interaction of written tradition and the «living» folklore (legends, apocryphal, tales), in particular, the interchange of folk verse and «artificial» poetry of XVII–XVIII centuries in Ukraine and Russia. In 1910–1920, Peretz and his wife (Varvara Adrianova-Peretz) gave great effort to prepare the new generation of philologists and specialists in folklore (S. Maslov, N. Kolpakova, A. Astakhova, V. Propp, I. Eremin et al.).

Keywords: history of philology, history of folk studies, Ukrainian question, formalism, the Academy of Sciences, Kiev University.

РУССКИЕ ФОРМАЛИСТЫ И ИЗУЧЕНИЕ ФОЛЬКЛОРА

Авторы современных историографических работ отмечают вклад формальной школы в развитие русской фольклористики [Морозов 2005, с. 39–45, 138–144; Иванова 2009, с. 405–421]. В 1920-е гг. формальные или формалистические подходы применялись в книгах и статьях А.М. Астаховой, П.Г. Богатырева, Р.М. Волкова, М.О. Габель, В.М. Жирмунского, А.И. Никифорова, В.Я. Проппа, А.П. Скафтымова, Б.М. Соколова, Р.О. Якобсона, Б.И. Ярхо.

Наиболее существенный вклад формальная школа внесла в изучение сказок [Волков 1924; Смирнов-Кутачевский 1927; Никифоров 1928; Пропп 1928; Пропп 1928а], былин [Скафтымов 1924; Габель 1927; Габель 1927а; Астахова 1927], народного театра [Богатырев 1923], лирических песен [Соколов 1926], заговоров [Астахова 1928], сравнительной метрики эпических песен славянских народов [Бейли 2001], взаимодействия фольклора и литературы [Богатырев 1923а].

В общих работах о формальной школе обычно фигурируют работы В.Я. Проппа (1895–1970), иногда также П.Г. Богатырева (1893–1971) и А.П. Скафтымова (1890–1968) [Эрлих 1996, с. 203–204, 248–251; Ханзен-Лёве 2001, с. 251–255]. Думается, что формальные подходы в фольклористике заслуживают значительно большего внимания.

Ранние работы В.Б. Шкловского (1893–1984): «Воскрешение слова» (1914), «О поэзии и заумном языке» (1916), «Искусство как прием» (1917), «Связь приемов сюжетосложения с общими приемами стиля» (1919) — в значительной степени основаны на фольклорном материале [Merrill 2012; Мерилл 2015]. Позднее в книгах «Матвей Комаров, житель города Москвы» (1929) и «Чулков и Левшин» (1933) Шкловский исследовал прозу русских писателей XVIII в., написанную на основе народных сказок, песен и лубочной литературы.

Ранний Шкловский полемизировал с двумя крупнейшими филологами второй половины XIX в. — А.А. Потебней (1835–1891) и А.Н. Веселовским (1838–1906), которые строили свои теоретические концепции с опорой на фольклор. В.Б. Шкловский переосмыслил их идеи, переводя проблемы генетического порядка в плоскость эстетической конструкции. Впоследствии начался обратный процесс: идеи Шкловского повлияли на изучение нарративного фольклора (в частности, на «Морфологию сказки» В.Я. Проппа).

Принимая противопоставление мотива и сюжета, предложенное А.Н. Веселовским, Шкловский утверждал, что мотивы располагаются в определенные ряды не случайно, а «на основании особых, еще неизвестных, законов сюжетосложения», в соответствии с которыми «сказ-

ки постоянно рассыпаются и снова складываются» [Шкловский 1983, с. 29]. В своей знаменитой «Морфологии сказки» (1928) В.Я. Пропп процитировал приведенные слова Шкловского об «особых, еще неизвестных, законах сюжетосложения» и далее без ложной скромности отметил: «Закон этот выяснен» [Пропп 1969, с. 101, прим. *].

«Морфология сказки» занимает в истории фольклористики совершенно особое место. Написанная совсем молодым исследователем, она стала всемирно известной после того, как была дважды переведена на английский язык (в 1958 и 1968 гг.). Внимательными читателями «Морфологии сказки» были выдающиеся ученые из разных стран. Клод Леви-Строс, познакомившись с английским переводом «Морфологии сказки» 1958 г., написал статью «Структура и форма. Размышления об одной работе Владимира Проппа» (1960); Пропп ответил статьей «Структурное и историческое изучение волшебной сказки», опубликованной сначала в итальянском издании «Морфологии сказки» (1966), а потом и на русском языке [Пропп 1976, с. 132–152]. Схему Проппа обсуждали, критиковали, применяли на ином материале и модифицировали, помимо Клода Леви-Строса, Альгирдас Жюльен Греймас, Клод Бремон (Франция), Мелвил Джекобс, Р.П. Армстронг, Дж.Л. Фишер, Э.К. Кёнгас и П. Маранда, Аллан Дандис, Ира Бюхлер и Генри Селби, Б. Кэрей, С. Джонс (США), М. Поп, Г. Врабье, Н. Рошияну, С. Фотино и С. Маркус (Румыния), Б. Бенеш (Чехия), Хеда Ясон (Израиль), Сату Апо (Финляндия), Бенгт Холбек (Дания) и др. [см. обзорные статьи: Мелетинский 2001; Рафаева и др. 2001]. Существует практически необозримая литература, посвященная «Морфологии сказки» В.Я. Проппа и опытам применения его схемы описания волшебной сказки к самому разнообразному фольклорному и литературному материалу [Ревзин 1975; Чистов 1984; Чистов 1995; Топоров 1997; Рафаева 1998; Костюхин 1999; Барт 2000; Бремон 2000; Леви-Стросс 2000; Мелетинский 2001; Мелетинский и др. 2001; Рафаева и др. 2001; Греймас 2004; Уорнер 2005, с. 12–59; Мартынова 2006; Костюхин 2007; Рафаева 2014, с. 22–34; Jason 1977; Milne 1988 и др.].

Неоднократно рассматривалось соотношение фольклористических работ П.Г. Богатырева и Р.О. Якобсона с ранним структурализмом и семиотикой [Огибенин 1975; Иванов, Топоров 1977; Гусев 1993; Бахтина 1993; Гусев 1994; Сорокина 1994; Толстой 1994; Иванов 1998, с. 769–777; Сорокина 1998; Гусев 2003; Сорокина 2004; Сорокина 2006; Иванова 2009, с. 748–772; Тротман-Валер 2009; Топорков 2010; Beneš 1968; Picchio 1977; Watkins 1983; Kaplan 1988; Ehlers 1998; Lopes, Tchugunnikov, Schnaiderman 2010].

В диссертации Джессики Меррилл «Роль фольклорных исследований в рождении литературной теории русского формализма и чешского структурализма» исследуются три вопроса: «Теория

прозы» Виктора Шкловского и фольклоризация литературы» (гл. 1), «Роман Якобсон: литературная ценность и эпическое прошлое» (гл. 2), «Петр Богатырев и Ян Мукаржовский: пражская школа семиотики и концепция коллективного творчества» (гл. 3) [Merrill 2012; см. также: Меррилл 2015]. Идеи русских ученых рассматриваются в широком европейском контексте, выявляется преемственность между русскими фольклористами, формалистами и пражским структурализмом.

В августе 2013 г. в Москве прошел Международный конгресс, посвященный 100-летию русской формальной школы, на котором была организована панель на тему «Формалисты и фольклор» [Вельмезова 2013; Иванова 2013; Неклюдов 2013; Сорокина 2013; Панченко 2013].

В последнее десятилетие особое внимание привлекли работы Богатырева по методологии фольклористики и этнографии. Увидел свет сборник статей Богатырева «Функционально-структуральное изучение фольклора (Малоизвестные и неопубликованные работы)», подготовленный С.П. Сорокиной (2006). В 2009 г. в Сорбонне была организована конференция, приуроченная к 80-летию выхода книги «Магические действия, обряды и верования Закарпатья» на французском языке. По ее результатам опубликован сборник статей и материалов «Петр Богатырев и начало Пражского кружка: Этнографические и театральные разыскания». Сборник достаточно широко охватывает научное творчество Богатырева и включает разделы: «Формализм, функционализм, структурализм», «Этнография», «Театр», «Тексты Петра Богатырева». Среди статей: «Богатырев и Пражский лингвистический кружок: Черты биографии эмигранта» Клааса Элерса (Ehlers 2013), «Синхрония vs диахрония vs панхрония vs ахрония в лингвистике и этнографии: прочтение Ф. де Соссюра у П. Богатырева» Е. Вельмезовой (Velmezova 2013), «Богатырев в Праге и транснациональный генезис структурализма» С. Траутман-Валер (Trautmann-Waller 2013) и др.

В 2011 г. в Гейдельберге под редакцией К.Х. Элерса опубликован сборник работ Богатырева «Функционально-структуральная этнография в Европе: Тексты 1920–1930-х гг. об обрядах, фольклоре, театре и кино». Сборнику предпосланы статьи Карла Брауна «Петр Богатырев и европейская этнология» (Braun 2011) и К.-Х. Элерса «Петр Богатырев: Жизнь и работа в научном контексте 1920–1930-х гг. и в последующем восприятии» (Ehlers 2011).

В ноябре 2013 г. Отдел фольклора Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН и Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ провели в Москве конференцию «Наследие Петра Григорьевича Богатырева и современность (к 120-летию со дня рождения ученого)». По материалам конференции подготовлен сборник «Функционально-структуральный

метод П.Г. Богатырева в современных исследованиях фольклора» (в печати).

И все же проблема «формальная школа и изучение фольклора» пока исследована недостаточно. Многие материалы, относящиеся к данной теме, опубликованы в труднодоступных зарубежных изданиях или до сих пор хранятся в архивах. Критерии отнесения тех или иных фольклористов к формальной школе остаются достаточно размытыми, и даже сам вопрос, существовала ли формальная школа в фольклористике как особое научное направление, все еще остается дискуссионным.

Формальная школа в России 1910–1920-х гг. существовала главным образом в литературоведении, хотя в ее деятельности участвовали также лингвисты и фольклористы. Некоторые ученые того времени имели универсальные знания и интересы и были одновременно лингвистами, литературоведами и фольклористами (Р.О. Якобсон, В.М. Жирмунский). В.М. Жирмунский (1891–1971), литературовед, диалектолог и фольклорист, русист, германист и тюрколог, в 1920-е гг. посвящает былинам главу в своей книге об истории рифмы [Жирмунский 1923] и пишет статью «Проблема формы в германском эпосе» (1928). С 1924 г. Жирмунский вместе со своими студентами собирает фольклор у немцев Ленинградской области, Поволжья, Украины, Крыма, Закавказья и создает «Архив немецкой песни», который включает более 3000 лирических песен и баллад и хранится ныне в Рукописном отделе и Фонограммархиве ИРЛИ и Архиве РАН [Светозарова 2005, с. 495–500; Марченко 2013, с. 31; Пузейкшш]. Эта деятельность получила отражение в ряде публикаций Жирмунского на русском и немецком языках [Жирмунский 1933; 1935; Жирмунский 1928; 1928а; 1929; 1931; 1992; 1996]. В.М. Жирмунского трижды арестовывали как немецкого шпиона (в 1933, 1935 и 1941 гг.), однако отпускали благодаря заступничеству коллег и родственников. Основные работы, посвященные тюркскому, славянскому и германскому эпосам в сравнительно-типологическом отношении ученый написал позднее, в 1940–1960-е гг. [Путилов 1962; Гухман, Мелетинский, Эткинд 1973; Десницкая 1981; Мелетинский 2004].

Следует учитывать, что в рамках фольклористики существовала своя традиция изучения поэтики, которая к началу XX в. имела уже почти столетнюю историю. Впервые о лексических и стилистических формах народной поэзии написал А.С. Шишков (1754–1841) в своем сочинении «Разговоры о словесности между двумя лицами Аз и Буки» (1811). А.С. Шишков считал характерными для сказок и песен повторы, постоянные эпитеты, эпитеты в постпозиции, усеченные прилагательные, употребление двух эпитетов с одним существительным, уменьшительно-ласкательные суффиксы, непереводаемые идиоматические выражения, присоединительные конструкции и др. [Шишков 1824: 95–107].

В 1812 г. увидело свет исследование А.Х. Востокова (1781–1864) «Опыт о русском стихосложении», которое было переиздано в 1817 г. в дополненном и исправленном виде [Востоков 1817]. Р.О. Якобсон называл «Опыт» А.Х. Востокова «эпохальной работой», а самого его «гениальным филологом» [Якобсон 2011, с. 18].

Во второй половине XIX — начале XX в. проблемы поэтики разрабатывались в России главным образом на материале фольклора и средневековой литературы (Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня, А.Н. Веселовский, А.Ф. Гильфердинг, Ф.Е. Корш, В.Ф. Миллер, В.Н. Перетц и др.).

В.Н. Перетц в своих лекциях отстаивал филологический метод имманентного изучения книжной и устной словесности¹. Еще в 1904 г. В.Н. Перетц писал в рецензии на книгу А.М. Лободы «Русские былины о сватовстве» (1904): «...г. Лобода спрашивает, что собственно интересует историка литературы: странствования бродячих формул или народная среда; тогда как такого вопроса нельзя и ставить: решение его — в руках историка культуры и этнографа, а историк литературы является лишь исследователем приемов и способов, коими творится литературное произведение, как таковое» [Перетц 1904, с. 20–21]². Как отмечал Якобсон, «важной стороной литературы для него <В.Н. Перетца> становится форма в широком понимании этого термина, и эту формальную точку зрения Перетц считает единственно возможным отправным пунктом для историка литературы» [Якобсон 2011, с. 40].

Фольклористы братья Б.М. и Ю.М. Соколовы, развивая подходы своего учителя М.Н. Сперанского, интересовались поэтикой фольклора, однако при этом достаточно критически относились к формальной школе. В статье «Очередные задачи изучения русского фольклора», которая открывала 1-й номер журнала «Художественный фольклор»³, Ю.М. Соколов (1889–1941) писал:

...К сожалению, приходится констатировать в конкретном применении формального метода такое же количество пробелов и недочетов, как и в социологическом изучении. Правда, историческая поэтика А.Н. Веселовского и теоретические работы А.А. Потебни базировались преимущественно на материале русского фольклора, — тем не менее многие жанры последнего остаются и до сих пор необследованными систематически. Подобно тому, как повезло былинам в разработке с точки зрения исторического метода, этот же жанр оказался наиболее разрабо-

¹ См. в настоящем издании статью А.Н. Дмитриева о В.Н. Перетце и публикацию рецензии ученого на «Морфологию сказки» В.Я. Проппа.

² Здесь и далее курсив мой — А.Т.

³ См. обзор содержания «Художественного фольклора»: [Иванова 2009, с. 312–314].

таннным и со стороны формально-поэтической. Начиная с основного труда по сравнительной славянской поэтике Миклошича “Изобразительные средства славянского эпоса” (1890 г., русск. перевод 1895 г.), введения А.Ф. Гильфердинга к его сборнику «Онежских былин» (1872) и знаменитой статьи В. Миллера в «Очерках русской народной словесности» (1897) — исследования по поэтике былевого эпоса тянутся непрерывной линией до самого последнего времени. Даже в прекрасной книжке проф. В.М. Жирмунского «Рифма, ее история и теория» (Пг., 1923) — мы встречаемся, в области фольклора, лишь с анализом рифмы в былинах. «Поэтика и генезис былин» — таково заглавие последнего большого труда по русскому фольклору саратовского профессора А.П. Скафтымова (Сар., 1924 г.). Вопрос о народной ритмике, над которым так много работал акад. Ф.Е. Корш, — опять-таки разрешается почти исключительно на материале русского былевого эпоса [Соколов Ю. 1926, с. 18].

В том же номере «Художественного фольклора» появилась статья Б.М. Соколова (1889–1930) «Экскурсы в область поэтики русского фольклора», включающая три главки: «Художественная значимость фольклора», «Из наблюдений над звукописью в русском фольклоре» и «Композиция лирической песни». Б.М. Соколов, в частности, отмечал:

То усиленное внимание, какое обращено сейчас в современном русском литературоведении на проблемы художественной формы, как это ни странно, почти совершенно не коснулось богатейшего художественного сокровища, заключенного в произведениях устной, так называемой «народной» поэзии. Больше того, искусствоведы готовы исключить фольклор из ведения историков и теоретиков литературы, относя его только к области этнографических знаний. Для русской науки это игнорирование фольклора в современных работах по поэтике тем более странно, что основоположники в нашей науке изучения художественной литературной формы и ее генезиса, как Веселовский и Потебня, строили некогда свои заключения прежде всего на основах устного поэтического слова. Увлечение так называемой «формальной» школы изучением литературной формы в ее статике, а не в генетическом разрезе, в известной мере объясняет это отношение к фольклору. Скептическое, а большей частью отрицательное отношение к «исторической поэтике» наших формалистов в противовес Веселовскому оставляет фольклор вне поля их зрения. Впрочем, немалую роль играет отсутствие у многих литературоведов-формалистов непосредственного знакомства с устным творчеством широких народных масс [Соколов Б. 1926, с. 30].

Б.М. Соколов утверждал, что устное творчество имеет характерные признаки художественной формы и сохраняет поэтические тех-

ники профессиональных исполнителей прошедших веков [Соколов Б. 1926, с. 31]. Автор касался вопросов евфонии:

Современная формальная школа литературоведения старательно выдвинула проблемы т. н. «евфонии» и много уделила внимания изучению всевозможных видов созвучий, внутренних и внешних рифм, аллитераций и ассонансов, звуковых повторов и вообще «звуковой инструментовки» поэтической речи. Многое преподносилось, как новое открытие. <...> Ближайшее обращение к русскому фольклору показывает, как давно и в каком удивительном разнообразии и многогранности эти «евфонические» приемы были использованы различными жанрами русского фольклора [Соколов Б. 1926, с. 36].

Соколов выдвигает задачу установления «общих поэтических приемов творчества» разных эпических традиций (в частности, русских и скандинавских); делает ценные наблюдения над “звуковой инструментовкой” пословиц, скороговорок, былинных зачинов и при этом намечает пути для перехода к целенаправленному анализу структурных закономерностей фольклорных текстов. Он показывает, что важно не только констатировать наличие того или иного приема, но и определить его функцию в целостной структуре произведения [Соколов Б. 1926, с. 36].

Программа исследований, предложенная братьями Б.М. и Ю.М. Соколовыми в 1926 г., к сожалению, не была реализована в полном объеме, однако она представляет интерес как опыт интеграции формального метода в исследования фольклористов и сохраняет определенную актуальность.

Таким образом, отношения формальной школы и фольклористики достаточно противоречивы. Формальная школа в конце 1910-х — 1920-х годах оказала влияние на многих фольклористов. Отчасти под влиянием работ В.Б. Шкловского и В.М. Жирмунского, отчасти в силу общей логики развития науки фольклористы обратились к проблемам поэтики и добились больших результатов в изучении сюжетики былин и сказок, изобразительных средств эпоса и лирической песни, народного стиха и т.д.

В филологии 1910–1920-х гг. нескольких научных направлений уделяли особое внимание проблемам поэтики и фольклорным материалам. Следует назвать прежде всего имена двух академиков — М.Н. Сперанского (1863–1938) и В.Н. Перетца (1870–1935), каждый из которых создал свою научную школу.

В 1915–1924 гг. существовали Московский лингвистический кружок (МЛК) и Общество изучения поэтического языка (ОПОЯЗ), которые были тесно связаны друг с другом: один из основателей МЛК Р.О. Якобсон был также членом ОПОЯЗа, а такие члены ОПОЯЗа, как

О.М. Брик, В.М. Жирмунский, Б.В. Томашевский, В.Б. Шкловский, были также членами МЛК и неоднократно выступали на его заседаниях⁴.

Наконец, в 1921–1930 гг. параллельно разворачивалась деятельность Государственной академии художественных наук (ГАХН) в Москве и Государственного института истории искусств (ГИИИ) в Петрограде / Ленинграде⁵.

Как известно, в конце 1920-х — начале 1930-х гг. ГАХН и ГИИИ подверглись реформированию. М.Н. Сперанский и В.Н. Перетц были арестованы в 1934 г. по «делу славистов». В середине 1930-х гг. слово «формализм» превратилось в ругательство.

Тем не менее связка «формальная школа — фольклористика» оставила глубокий след в истории науки. Несмотря на разного рода невзгоды и бедствия, А.М. Астахова, П.Г. Богатырев, Р.М. Волков, В.М. Жирмунский, А.И. Никифоров, В.Я. Пропп, А.П. Скафтымов продолжали преподавать и заниматься наукой. Такие книги, как «Морфология сказки» В.Я. Проппа, «Поэтика и генезис былин» А.П. Скафтымова и другие сочинения 1920-х гг. были вполне доступны в библиотеках.

Хотя формальная школа перестала существовать как особое научное направление, открытия в области поэтики, сделанные в 1910–1920-х гг., интегрировались в структуру других научных методов, которые в результате приобрели новое качество. Такой интегративный подход наметился в деятельности братьев Б.М. и Ю.М. Соколовых, А.И. Никифорова, В.М. Жирмунского, В.Я. Проппа. В работах П.Г. Богатырева и Р.О. Якобсона, которые в 1920–1930-е гг. жили в основном в Чехословакии, формализм естественным образом перерождался в ранний структурализм и семиотику.

В возрождении славистической фольклористики особую роль сыграл Четвертый Международный съезд славистов, состоявшийся в Москве с 1 по 10 сентября 1958 г. Доклады по фольклору на съезде делали ученые, которые в 1920-е гг. были связаны с формальной школой: П.Г. Богатырев («Некоторые задачи сравнительного изучения эпоса славянских народов»), В.М. Жирмунский («Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса»), В.Я. Пропп («Основные этапы развития русского героического эпоса»).

Конец 1950-х — 1960-е гг. отмечены возрождением интереса к работам фольклористов, выполненным в духе формальной школы, прежде всего к «Морфологии сказки» В.Я. Проппа. Вслед за двумя изданиями на английском языке (1958 и 1968), книга была переиздана и

⁴ См. в наст. издании публикацию материалов из архива Московского лингвистического кружка.

⁵ О фольклористике в ГИИИ и ГАХН см.: [Иванова 2004; 2009; Лапин 2011].

в России с послесловием Е.М. Мелетинского (1969). Сам В.Я. Пропп в статье «Структурное и историческое изучение волшебной сказки» (1966) объяснял интерес к его книге тем, что она оказалась созвучной новым тенденциям в мировой науке:

Что же такое произошло и чем можно объяснить этот возродившийся интерес? В области точных наук были сделаны огромные, ошеломляющие открытия. Эти открытия стали возможны благодаря применению новых точных и точнейших методов исследований и вычислений. Стремление к применению точных методов перекинулось и на гуманитарные науки. Появилась структуральная и математическая лингвистика. За лингвистикой последовали и другие дисциплины. Одна из них — теоретическая поэтика. Тут оказалось, что понимание искусства как некоей знаковой системы, прием формализации и моделирования, возможность применения математических вычислений уже предвосхищены в этой книге, хотя в то время, когда она создавалась, не было того круга понятий и той терминологии, которыми оперируют современные науки. И вновь отношение к этой работе оказалось двойственным. Одни считали ее нужной и полезной в поисках новых уточненных методов, другие же, как и прежде, считали ее формалистической и отрицали за ней всякую познавательную ценность [Пропп 1976, с. 132–133].

П.Г. Богатырев, который в 1915–1921 гг. был членом МЛК, а потом Пражского лингвистического кружка, в 1960-е гг. принял участие в деятельности московско-тартуской школы, или структурно-семиотического направления. Статьи Богатырева печатались в тартуских «Трудах по знаковым системам» [Богатырев 1973; 1975]. Еще в 1920–1930-е гг. ученый выпустил в свет серию работ, посвященных обрядам и верованиям Закарпатья, народному костюму Моравской Словакии и чешскому народному театру на французском, немецком, словацком и др. языках. В 1971 г. в Москве был издан том избранных трудов, в котором основные работы П.Г. Богатырева были впервые опубликованы в обратном переводе на русский язык.

В 1960–1970-е гг. в России сформировались научные направления, связанные в своих истоках с филологией 1920-х гг.: фольклорно-мифологические исследования в рамках московско-тартуской школы, этнолингвистическая школа Н.И. Толстого. Идеи П.Г. Богатырева, Р.О. Якобсона, В.Я. Проппа и др. ученых 1920-х гг. были востребованы и актуализировались на новом витке развития науки. Такие выдающиеся ученые следующего поколения, как Вяч.Вс. Иванов, Е.М. Мелетинский, Б.Н. Путилов, Н.И. Толстой, В.Н. Топоров, осознанно ориентировались на традиции фольклористики первой трети XX в.

В 1960–1970-е гг. в области фольклористики преемственность по отношению к формальной школе 1920-х гг. была, по-видимому, большей, чем в области литературоведения. Характерно, что первой книгой новой серии «Исследования по фольклору и мифологии Востока» в 1969 г. стало второе издание «Морфологии сказки» В.Я. Проппа, а в 1975 г. в той же серии появился сборник статей «Типологические исследования по фольклору», посвященный памяти ученого.

Чтобы оценить влияние формальной школы на фольклористику, целесообразно не ограничиваться кругом формалистов, входивших в ОПОЯЗ и МЛК, а брать более широкий круг ученых, которые разрабатывали вопросы поэтики, были связаны с семинарием В.Н. Перетца или учились у М.Н. Сперанского, служили в ГИИИ или в ГАХН. При таком подходе выясняется, что едва ли не все крупные фольклористы советского периода были либо сами связаны с формальной школой в молодости, либо были учениками тех, кто был связан с формальной школой. Речь идет, конечно, не о том, чтобы объявить огульно всех фольклористов формалистами, а о том, чтобы дифференцировать «формальную школу» и «формальные подходы» и рассматривать последние как органический компонент филологического знания, а не метод, претендующий на самодостаточность.

Справедливость требует, чтобы материалы, характеризующие деятельность фольклористов 1910–1920-х гг., были извлечены из архивов и опубликованы. Это относится и к полевым материалам, и к научным исследованиям, и к документам личного происхождения (письма, дневники, мемуарные источники). Без этой предварительной, но совершенно необходимой работы не может быть написана полная и объективная история русской фольклористики XX в. Как показывает случай с МЛК, материалы которого публикуются в настоящем издании, значительные фрагменты истории фольклористики могут оставаться незамеченными по ряду причин.

Читатели могут увидеть, что мы далеки как от апологетики формальных подходов в русской фольклористике, так и от их огульной критики. В годы, на которые приходится 100-летие русского формализма, особенно бросается в глаза, как мало мы о нем знаем. Наша скромная задача состоит в том, чтобы ввести в научный оборот некоторые неизвестные ранее документы и факты, касающиеся русского формализма и его соотношения с фольклористикой.

Литература и источники

Астахова 1927 — Астахова А.М. Былина в Заонежье // Искусство Севера: Заонежье. Л., 1927. С. 78–104 (Крестьянское искусство СССР: Сборник Секции крестьянского искусства Комитета социологического изучения искусств; Вып. 1).

- Астахова 1928 — *Астахова А.М.* Заговорное искусство на реке Пинеге // Искусство Севера. Пинежско-Мезенская экспедиция. Л., 1928. С. 33–76 (Крестьянское искусство СССР: Сборник Секции крестьянского искусства Комитета социологического изучения искусств; Вып. 2).
- Барт 2000 — *Барт Р.* Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. М., 2000. С. 196–238.
- Бахтина 1993 — *Бахтина В.А.* Славистические связи русской фольклористики 20-х годов (П. Богатырев, Р. Якобсон, Ю. Соколов) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1993. С. 297–309.
- Бейли 2001 — *Бейли Дж.* Исследования Н.С. Трубецкого, Р.О. Якобсона и К.Ф. Тарановского о былинном стихе: Пересмотр и продолжение // *Бейли Дж.* Избранные статьи по русскому народному стиху / Пер. с англ. под общей ред. М.Л. Гаспарова. М., 2001. С. 332–358.
- Богатырев 1923 — *Богатырев П.Г.* Чешский кукольный и русский народный театр. Берлин; Пб., 1923.
- Богатырев 1923а — *Богатырев П.Г.* Стихотворение Пушкина «Гусар», его источники и его влияние на народную словесность // Очерки по поэтике Пушкина. Берлин, 1923. С. 147–195.
- Богатырев 1971 — *Богатырев П.Г.* Вопросы теории народного искусства. М., 1971.
- Богатырев 1973 — *Богатырев П.Г.* О взаимосвязи двух близких семиотических систем (Кукольный театр и театр живых актеров) // Труды по знаковым системам. Вып. 6: Сборник научных статей в честь Михаила Михайловича Бахтина: к 75-летию со дня рождения. Тарту, 1973. С. 306–329 (Учен. зап. Тартус. гос. ун-та; Вып. 308).
- Богатырев 1975 — *Богатырев П.Г.* Знаки в театральном искусстве // Труды по знаковым системам. Вып. 7: Памяти Петра Григорьевича Богатырева. Тарту, 1975. С. 7–21 (Учен. зап. Тартус. гос. ун-та; Вып. 365).
- Богатырев 2006 — *Богатырев П.Г.* Функционально-структуральное изучение фольклора (Малоизвестные и неопубликованные работы) / Сост., ст. и комм. С.П. Сорокиной. М., 2006.
- Бремон 2000 — *Бремон К.* Структурное изучение повествовательных текстов после В. Проппа // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. М., 2000. С. 239–246.
- Вельмезова 2013 — *Вельмезова Е. П.* Богатырев vs Ф. де Соссюр: о проблемах «формального» определения синхронии в лингвистике и в фольклористике // Русский формализм (1913–2013). Международный конгресс к 100-летию русской формальной школы. Тез. докл. М., 2013. С. 252–253.
- Волков 1924 — *Волков Р.М.* Сказка. Разыскания по сюжетосложению народной сказки. Т. 1. Сказка великорусская, украинская и белорусская. Одесса, 1924.
- Востоков 1817 — *Востоков А.Х.* Опыт о русском стихосложении. 2-е изд., знач. пополненное и испр. СПб., 1817.

- Габель 1927 — *Габель М.О.* К вопросу о технике русского былинного эпоса. Формы былинного действия // Наукові записки: Праці науково-дослідчої катедри історії європейської культури. Харків, 1927. Т. 2. С. 49–63.
- Габель 1927а — *Габель М.О.* Форма диалога в былине // Наукові записки: Праці науково-дослідчої катедри історії європейської культури. Харків, 1927. Т. 6. С. 315–328.
- Гильфердинг 1873 — *Гильфердинг А.Ф.* Олонецкая губерния и ее народные рапсоды // Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года. СПб., 1873. С. VII–XLVIII.
- Греймас 2004 — *Греймас А.-Ж.* Структурная семантика: Поиск метода / Пер. с франц. Л. Зиминной. М., 2004.
- Гусев 1993 — *Гусев В.Е.* Этнографическая проблематика в трудах П. Г. Богатырева (К 100-летию со дня рождения) // Этногр. обозрение. 1993. № 5. С. 116–125.
- Гусев 1994 — *Гусев В.Е.* Выдающийся фольклорист XX века // Живая старина. 1994. № 1. С. 7–9.
- Гусев 2002 — *Гусев В.Е.* Методологические основы научной деятельности П. Г. Богатырева // Петр Григорьевич Богатырев: Воспоминания. Документы. Статьи / Сост. и отв. ред. Л. П. Солнцева. СПб., 2002. С. 63–72.
- Гухман, Мелетинский, Эткинд 1973 — *Гухман М.М., Мелетинский Е.М., Эткинд Е.Г.* Виктор Максимович Жирмунский (1891–1971) // Philologica. Исследования по языку и литературе: Памяти акад. В. М. Жирмунского. Л., 1973. С. 3–35.
- Десницкая 1981 — *Десницкая А.В.* Об историко-типологической теории эпоса. К 90-летию со дня рождения В. М. Жирмунского // Вестн. АН СССР. 1981. № 9. С. 113–122.
- Жирмунский 1923 — *Жирмунский В.М.* Рифма, ее история и теория. Пг., 1923 (Вопросы поэтики; Вып. 3).
- Жирмунский 1928 — *Жирмунский В.М.* Проблема формы в германском эпосе // Поэтика. Временник Отдела словесных искусств Государственного института истории искусств. 1928. Т. 4. С. 90–113.
- Жирмунский 1933 — *Жирмунский В.М.* Немецкие народные песни // Литературная газета. 1933. 11 декабря. № 57.
- Жирмунский 1935 — *Жирмунский В.М.* К вопросу о странствующих сюжетах: Литературные отношения Франции и Германии в области песенного фольклора // Изв. АН СССР. Отд. общ. наук. 1935. № 9. С. 775–811.
- Жирмунский 1958 — *Жирмунский В.М.* Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. М., 1958.
- Жирмунский 1996 — *Жирмунский В.М.* Народные песни баварской колонии Ямбург на Днепре = Volkslieder aus der Bayrischen Kolonie Jamburg an Dnjepr / Международный союз немецкой культуры; авт.-сост. В. М. Жирмунский; изд. подгот. И. П. Виндгольц. М., 1996.
- Иванов 1998 — *Иванов Вяч. Вс.* Очерки по предыстории и истории семиотики // *Иванов Вяч. Вс.* Избранные труды по семиотике и истории культуры. М., 1998. Т. 1.

- Иванов, Топоров 1977 — *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Вклад Р. О. Якобсона в славянские и индоевропейские фольклорные и мифологические исследования // *Roman Jakobson: Echoes of His Scholarship* / Ed. by D. Armstrong and C.H. van Schooneveld. Lisse, 1977. P. 163–184.
- Иванова 2009 — *Иванова Т.Г.* Фольклористика в Государственном институте истории искусств в 1920-е гг. // *Русский фольклор: Материалы и исследования*. СПб., 2004. Т. 32. С. 48–66.
- Иванова 2009 — *Иванова Т.Г.* История русской фольклористики XX века, 1900 — первая половина 1941 г. СПб., 2009.
- Иванова 2013 — *Иванова Т.Г.* «Формальная школа» и фольклористика в стенах Российского института истории искусств // *Русский формализм (1913–2013)*. Международный конгресс к 100-летию русской формальной школы. Тез. докл. М., 2013. С. 256–257.
- Корш 1901 — *Корш Ф.Е.* О русском народном стихосложении. СПб., 1901. Вып. 1: Былины (Сб. ОРЯС; Т. LXVII, № 8).
- Корш 1906 — *Корш Ф.Е.* Введение в науку о славянском стихосложении // *Статьи по славяноведению*. СПб., 1906. Вып. 2. С. 300–378.
- Костюхин 1999 — *Костюхин Е.А.* Две морфологии сказки: В.Я. Пропп и А.И. Никифоров // *Русский фольклор*. СПб., 1999. Т. 30. С. 303–307.
- Костюхин 2007 — *Костюхин Е.А.* 1920-е годы: становление отечественного сказковедения // *Из истории русской фольклористики*. СПб., 2007. Вып. 7. С. 33–42.
- Лапин 1913 — *Лапин В.А.* Изучение фольклора в РИИИ // *Фольклористика в Зубовском институте*. СПб., 2013. С. 4–27 (Временник Зубовского института; Вып. 11).
- Леви-Стросс 2000 — *Леви-Стросс К.* Структура и форма. Размышления об одной работе Владимира Проппа // *Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму* / Пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. М., 2000. С. 121–152.
- Мартынова 2006 — *Мартынова А.Н.* Владимир Яковлевич Пропп: Жизненный путь. Научная деятельность. СПб., 2006.
- Марченко 2013 — *Марченко Ю.И.* Фонографические записи экспедиций ГИИИ в собрании Фонограммархива Пушкинского дома // *Фольклористика в Зубовском институте*. СПб., 2013. С. 28–32 (Временник Зубовского института; Вып. 11).
- Мелетинский 1998 — *Мелетинский Е.М.* Структурно-типологическое изучение сказки // *Структура волшебной сказки*. М., 2001. С. 163–198.
- Мелетинский 2004 — *Мелетинский Е.М.* О фольклористических трудах В. М. Жирмунского // *Жирмунский В.М.* Фольклор Запада и Востока: Сравнительно-исторические очерки. М., 2004. С. 7–21.
- Мелетинский и др. 2001 — *Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С., Сегал Д.М.* Проблемы структурного описания волшебной сказки // *Структура волшебной сказки*. М., 2001. С. 11–121.
- Меррилл 2015 — *Меррилл Дж.* Фольклористические основания книги Виктора Шкловского «О теории прозы» // *НЛО*. 2015. № 3 (133).

- Миллер 1897 — *Миллер В.Ф.* Очерки русской народной словесности. М., 1897. Т. 1.
- Миклошич 1895 — *Миклошич Ф.* Изобразительные средства славянского эпоса // Древности: Тр. Слав. комис. Имп. Моск. археолог. о-ва. М., 1895. Т. 1. С. 203–236.
- Морозов 2005 — *Морозов А.В.* Классическое наследие фольклористики: Русская наука 1917–1941 гг. обустно-поэтическом творчестве. Вильнюс, 2005.
- Неклюдов 2013 — *Неклюдов С. В.Я.* Пропп и «Морфология сказки» // Русский формализм (1913–2013). Международный конгресс к 100-летию русской формальной школы. Тез докл. М., 2013. С. 254–255.
- Никифоров 1928 — *Никифоров А.И.* К вопросу о морфологическом изучении народной сказки // Сб. ОРЯС. 1928. Т. 101. № 8. С. 173–177.
- Огибенин 1975 — *Огибенин Б.Л.* Богатырев о знаковой функции костюма // Труды по знаковым системам. Вып. 7: Памяти Петра Григорьевича Богатырева. Тарту, 1975. С. С. 21–36 (Учен. зап. Тартус. гос. ун-та; Вып. 365).
- Панченко 2013 — *Панченко А.* Русский формализм и фольклористика XX века // Русский формализм (1913–2013). Международный конгресс к 100-летию русской формальной школы. Тез докл. М., 2013. С. 258–260.
- Перетц 1904 — *Перетц В.Н.* Рецензия на сочинение А.М. Лободы «Русские былины о сватовстве» (Киев, 1904), представленное для получения степени магистра русской словесности // Университетские известия. 1904. № 11. С. 20–29.
- Перетц 1914 — *Перетц В.Н.* Из лекций по методологии истории русской литературы. История изучений. Методы. Источники. Корректированное издание на правах рукописи. Киев, 1914.
- Пропп 1928 — *Пропп В.Я.* Морфология сказки. Л., 1928 (Вопросы поэтики; Вып. 12).
- Пропп 1928а — *Пропп В.Я.* Трансформация волшебных сказок // Поэтика: Сб. статей. Л., 1928. С. 70–89 (Временник Отдела словесных искусств ГИИИ; Т. 4).
- Пропп 1969 — *Пропп В.Я.* Морфология сказки. Изд. 2-е. М., 1969.
- Пропп 1975 — *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность: Избр. статьи. М., 1976.
- Пропп 2003 — *Пропп В.Я.* Морфология волшебной сказки. М., 2003.
- Пузейкшш — *Пузейкшш Л.Н.* В.М. Жирмунский и исследование немецких колоний на территории СССР (Электронный ресурс: <http://psibook.com/linguistics/v-m-zhirmunskiy-i-issledovanie-nemetskih-koloniy-na-territorii-sssr.html>. Дата обращения 17.09.2015).
- Путилов 1962 — *Путилов Б.Н.* В.М.Жирмунский как фольклорист (к 70-летию со дня рождения) // Сов. этнография. 1962. № 1. С. 107–110.
- Рафаева 1998 — *Рафаева А.В.* Методы В.Я. Проппа в современной науке // *Пропп В.Я.* Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки. М., 1998. С. 467–485.
- Рафаева 2014 — *Рафаева А.В.* Компьютер — Слово — Фольклор. М., 2014.

- Рафаева и др. 2001 — *Рафаева А.В., Рахимова Э.Г., Архипова А.С.* Еще раз о структурно-семиотическом изучении сказки // Структура волшебной сказки. М., 2001. С. 199–233.
- Ревзин 1975 — *Ревзин И.И.* К общесемиотическому истолкованию трех постулатов Проппа: Анализ сказки и теория связности текста // Типологические исследования по фольклору: Сб. ст. памяти В.Я. Проппа. М., 1975. С. 77–90.
- Светозарова 2005 — *Светозарова Н.Д.* Иноэтнические коллекции в Институте русской литературы (Изучение фольклорных собраний Пушкинского Дома в международных проектах) // Из истории русской фольклористики. СПб., 2005. Вып. 7. С. 493–508.
- Скафтымов 1924 — *Скафтымов А.П.* Поэтика и генезис былин. М.; Саратов, 1924.
- Смирнов-Кутачевский 1927 — *Смирнов-Кутачевский А.М.* Творчество слова в народной сказке // Художественный фольклор. М., 1927. Вып. 2/3. С. 71–80.
- Соколов Б. 1926 — *Соколов Б.М.* Экскурсы в область поэтики русского фольклора // Художественный фольклор. 1926. Вып. 1. С. 30–53.
- Соколов Ю. 1926 — *Соколов Ю.М.* Очередные задачи изучения русского фольклора // Художественный фольклор. 1926. Вып. 1. С. 5–29.
- Сорокина 1994 — *Сорокина С.П.* П.Г. Богатырев и русская формальная школа // Архетипы в фольклоре и литературе. Кемерово, 1994. С. 42–49.
- Сорокина 1998 — *Сорокина С.П.* Синхронно-функциональный метод П.Г. Богатырева в исследованиях поэтики фольклора // Наука о фольклоре сегодня: междисциплинарные взаимодействия. М., 1998. С. 136–138.
- Сорокина 2004 — *Сорокина С.П.* П.Г. Богатырев и В.Я. Пропп: два взгляда на проблему специфики фольклора // Этнопоэтика и традиция: К 70-летию члена-корреспондента РАН Виктора Михайловича Гацака. М., 2004. С. 357–363.
- Сорокина 2006 — *Сорокина С.П.* Функционально-структуральный метод П.Г. Богатырева // *Богатырев П.Г.* Функционально-структуральное изучение фольклора (Малоизвестные и неопубликованные работы). М., 2006. С. 5–72.
- Сорокина 2013 — *Сорокина С.* Идеи формальной школы и концепция фольклорного театра П.Г. Богатырева // Русский формализм (1913–2013). Международный конгресс к 100-летию русской формальной школы. Тез докл. М., 2013. С. 249–251.
- Типологические исследования 1975 — Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти Владимира Яковлевича Проппа (1895–1970) / Сост. Е.М. Мелетинский и С.Ю. Неклюдов. М., 1975.
- Толстой 1994 — *Толстой Н.И.* Петр Григорьевич Богатырев и Роман Осипович Якобсон // Живая старина. М., 1994. № 1. С. 10–13.
- Топорков 2010 — *Топорков А.Л.* Два издания книги П.Г. Богатырева «Магические действия, обряды и верования Закарпатья» (1929/1971) в научном контексте XX века // Антропологический форум. 2010. № 14. Online. С. 127–159.
- Топоров 1997 — *Топоров В.Н.* Функция, мотив, реконструкция: Несколько замечаний к «Морфологии сказки» В.Я. Проппа // Исследования по славянско-

- му фольклору и народной культуре. *Studies in Slavic Folklore and Folk Culture*. Berkeley, 1997. Вып. 2. С. 120–141.
- Тротман-Валер 2009 — *Тротман-Валер С.* Народная литература, коллективный автор и социальные характеристики повествовательных форм: немецко-русский переход от психологии к формализму и структурализму // Европейский контекст русского формализма (к проблеме эстетических пересечений: Франция, Германия, Италия, Россия). М., 2009. С. 20–40.
- Уорнер 2005 — *Уорнер Э.Э.* Владимир Яковлевич Пропп и русская фольклористика / Вступ. ст. С.Б. Адоньевой. СПб., 2005.
- Ханзен-Лёве 2001 — *Ханзен-Лёве Оге А.* Русский формализм: Методологическая реконструкция развития на основе принципа острания / Пер. с нем. С.А. Ромашко. М., 2001.
- Чистов 1984 — *Чистов К.В.* В.Я. Пропп — исследователь сказки // *Пропп В.Я.* Русская сказка. Л., 1984. С. 3–22.
- Чистов 1995 — *Чистов К.В.* Заметки о В.Я. Проппе // *Кунсткамера: Этнографические тетради*. СПб., 1995. Вып. 8/9. С. 175–179.
- Шишков 1811 — *Шишков А.С.* Разговоры о словесности между двумя лицами Аз и Буки. СПб., 1811.
- Шкловский 1914 — *Шкловский В.* Воскрешение слова. СПб., 1914.
- Шкловский 1916 — *Шкловский В.* О поэзии и заумном языке // *Сборники по теории поэтического языка*. Пг., 1916. Вып. 1. С. 2–35.
- Шкловский 1917 — *Шкловский В.* Искусство как прием // *Сборник по теории поэтического языка*. Пг., 1917. Вып. 2. С. 3–14.
- Шкловский 1919 — *Шкловский В.* О поэзии и заумном языке // *Поэтика*. [Вып. 3]. Пг., 1919. С. 13–26.
- Шкловский 1919 — *Шкловский В.* Связь приемов сюжетосложения с общими приемами стиля // *Поэтика*. [Вып. 3]. Пг., 1919. С. 115–150.
- Шкловский 1983 — *Шкловский В.* О теории прозы. М., 1983.
- Шкловский 1983 — *Шкловский В.* Матвей Комаров, житель города Москвы. Л., 1929.
- Шкловский 1983 — *Шкловский В.* Чулков и Левшин. Л., 1933.
- Элерс 2002 — *Элерс К.Г.* П.Г. Богатырев в Мюнстере. Малоизвестный эпизод из жизни и творчества русского этнографа // *Петр Григорьевич Богатырев: Воспоминания. Документы. Статьи* / Сост. и отв. ред. Л.П. Солнцева. СПб., 2002. С. 107–119.
- Эрлих 1996 — *Эрлих В.* Русский формализм: история и теория / Пер. с англ. А.В. Глебовской. СПб., 1996.
- Beneš 1968 — *Beneš B.* P. Bogatýrjov a strukturalismus // *Český lid*. 1968. № 4. S. 193–205.
- Braun 2011 — *Braun K.* Petr Bogatyrev und die Europäische Ethnologie // *Petr G. Bogatyrev. Funktional-strukturelle Ethnographie in Europa: Texte aus den 1920er und 1930er Jahren zu Brauchtum, Folklore, Theater und Film* / Mit einem Beitrag von Karl Braun; herausgegeben und eingeleitet von Klaas-Hinrich Ehlers und Marek Nekula. Heidelberg: Winter, 2011. S. 7–18.

Ehlers 1998 — *Ehlers K.-H.* Petr Bogatyrev in Münster. Funktional-strukturelle Ethnographie und Deutsche Volkskunde im Kontakt // *Zeitschrift für Volkskunde*. 1998. Bd. 94. S. 7–24.

Ehlers 2011 — *Ehlers K.-H.* Petr G. Bogatyrev: Leben und Werk im wissenschaftlichen Kontext der 1920er und 1930er Jahre und in späterer Rezeption // *Petr G. Bogatyrev. Funktional-strukturelle Ethnographie in Europa: Texte aus den 1920er und 1930er Jahren zu Brauchtum, Folklore, Theater und Film / Mit einem Beitrag von Karl Braun; herausgegeben und eingeleitet von Klaas-Hinrich Ehlers und Marek Nekula*. Heidelberg: Winter, 2011. S. 19–56.

Ehlers 2013 — *Ehlers K.-H.* Bogatyrev et les Cercle linguistique de Prague: Traces d'une biographie d'émigré // *Pëtr Bogatyrev et les débuts du Cercle de Prague. Recherche ethnographiques et théâtrales / S. Tchougounnikov, C. Trautmann-Waller (éds.)*. Paris, 2013. P. 17–34.

Jason 1977 — *Jason H.* Precursors of Propp: Formalist Theories of Narrative in Early Russian Ethnopoetics // *PTL: A Journal for Descriptive Poetics and Theory of Literature*. 1977. V. 3. P. 471–516.

Kaplan 1988 — *Kaplan Ch.D.* From Folklore to Folkstyle: The Prague Circle's Contribution to the Ethnoinquiries // *The Prague School and Its Legacy in Linguistics, Literature, Semiotics, Folklore, and the Arts*. Amsterdam; Philadelphia, 1988. P. 227–244.

Lopes, Tchugunnikov, Schnaiderman 2010 — *Lopes M., Tchugunnikov S., Schnaiderman B.* Propp e Jakobson: dois momentos do formalism russo // *Galáxia. Revista do Programa de Pós-Graduação em Comunicação e Semiótica (São Paulo)*. 2010. Vol. 10. Nº 19. P. 10–23.

Merrill 2012 — *The Role of Folklore Study in the Rise of Russian Formalist and Czech Structuralist Literary Theory* by Jessica Evans Merrill. A dissertation... for the degree of Doctor of Philosophy in Slavic Languages and Literatures in the Graduate Division of the University of California, Berkeley. Spring 2012.

Milne 1988 — *Milne P.J.* Vladimir Propp and the Study of Structure in Hebrew Biblical Narrative. Almond, 1988.

Picchio 1977 — *Picchio R.* Roman Jakobson on Russian Epics and Old Russian Literature // *Roman Jakobson: Echoes of His Scholarship*. / Ed. by Daniel Armstrong and C. H. van Schooneveld. Lisse, 1977. P. 321–355.

Schirmunski 1928 — *Schirmunski V.* Die deutschen Kolonien in der Ukraine. Geschichte. Mundarten. Volkslied. Volkskunde. Charkow, 1928.

Schirmunski 1928a — *Schirmunski V.M.* Das kolonistische Lied in Rußland // *Zeitschrift des Vereins für Volkskunde*. Wien, 1928. Jg. 37–38. S. 182–215.

Schirmunski 1929 — *Schirmunski V.M.* Zur Volkskunde der deutschen Siedlungen in der Sowjetunion // *Neues Rußland*. Moskau, 1929c. Jg. 6, H. 7–8. S. 37–42.

Schirmunski 1931 — *Schirmunski V.M.* Volkskundliche Studienreisen in den deutschen Siedlungen der Sowjetukraine // *Neues Rußland*. Moskau, 1931. Bd. 8. H. 4–5 (Mai/Juni). S. 26–29.

Schirmunski 1992 — *Schirmunski [Žirmunskij] Viktor*. Linguistische und ethnographische Studien über die alten deutschen Siedlungen in der Ukraine, Rußland und Transkaukasien / Hrsg. von C.J. Hutterer. München, 1992.

Tchougounnikov 2013 — *Tchougounnikov S. Pëtr Bogatyrev: du «fait linguistique» au «fait ethnographique»* // Pëtr Bogatyrev et les débuts du Cercle de Prague. Recherche ethnographiques et théâtrales / S. Tchougounnikov, C. Trautmann-Waller (éds.). Paris, 2013. P. 51–72.

Trautmann-Waller 2013 — *Trautmann-Waller C. Bogatyrev à Prague et la genèse transnationale du structuralisme* // Pëtr Bogatyrev et les débuts du Cercle de Prague. Recherche ethnographiques et théâtrales / S. Tchougounnikov, C. Trautmann-Waller (éds.). Paris, 2013. P. 73–91.

Velmezova 2013 — *Velmezova E. Synchronie vs diachronie vs panchronie vs achronie en linguistique et en ethnographie: Pëtr Bogatyrev lecteur de F. de Saussure* // Pëtr Bogatyrev et les débuts du Cercle de Prague. Recherche ethnographiques et théâtrales / S. Tchougounnikov, C. Trautmann-Waller (éds.). Paris, 2013. P. 35–50.

Watkins 1983 — *Watkins C. Roman Jakobson and Slavic Mythology* // A Tribute to Roman Jakobson, 1896–1982. Berlin: Mouton, 1983. P. 39–46.

Русские формалисты и изучение фольклора

В 1920-х гг. формальные подходы применялись в ряде книг и статей А.М. Астаховой, П.Г. Богатырева, Р.М. Волкова, М.О. Габель, В.М. Жирмунского, А.И. Никифорова, В.Я. Проппа, А.П. Скафтымова, Б.М. Соколова, Р.О. Якобсона, Б.И. Ярхо. Формальная школа внесла существенный вклад в изучение сказок, былин, народного театра, лирических песен, заговоров, взаимодействия фольклора и литературы.

Ключевые слова: формальная школа, фольклористика, «Морфология сказки» В.Я. Проппа, П.Г. Богатырев, В.М. Жирмунский, А.П. Скафтымов, Б.М. Соколов, Р.О. Якобсон.

Russian Formalists and the Study of Folklore

In the 1920s formal approaches has been used in several books and articles of A.M. Astakhova, P.G. Bogatyrev, R.M. Volkov, M.O. Gabel, V.M. Zhirmunsky, A.I. Nikiforov, V.J. Propp, A.P. Skaftymov, B.M. Sokolov, R.O. Jakobson, B.I. Jarkho. Formal school has made a significant contribution to the study of fairy tales, epics, folk theatre, lyric songs, verbal charms, the interaction between folklore and literature.

Keywords: formal school, folklore studies, «The Morphology of the Fairy Tale» by V.J. Propp, P.G. Bogatyrev, V.M. Zhirmunsky, A.P. Skaftymov, B.M. Sokolov, R.O. Jakobson.

Фольклорные темы на заседаниях Московского лингвистического кружка

(вступительная статья и подготовка текста А.Л. Топоркова;
комментарии А.Л. Топоркова и А.А. Панченко)¹⁾

В истории русской фольклористики Московский лингвистический кружок (1915–1924) обычно упоминается в связи с тем, что среди его основателей и участников были П.Г. Богатырев и Р.О. Якобсон. Поскольку в годы наибольшей активности МЛК (1919–1922) научная продукция почти не издавалась, деятельность кружка оставила мало материальных следов. Сохранились, хотя и не полностью, протоколы обсуждений докладов, которые заслушивались на заседаниях МЛК, а также мемуарные и эпистолярные свидетельства.

Протоколы заседаний МЛК в марте 1972 г. поступили в Рукописный отдел Института русского языка АН СССР от Б.В. Горнунга, который в разные годы был библиотекарем, секретарем, казначеем и товарищем председателя МЛК [Баранкова 1999, с. 361–362]. Эти протоколы описаны в статье Г.С. Баранковой (1999), а хроника заседаний МЛК восстановлена в книге А.В. Крусанова (2003). Некоторые протоколы опубликованы, в частности, обсуждения докладов Б.В. Томашевского, «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра и др.²⁾

Проект устава МЛК представил во Второе отделение Академии наук академик Ф.Е. Корш³⁾ в конце 1914 г., а 16 февраля 1915 г. было получено разрешение, подписанное академиком А.А. Шахматовым, на «образование без ассигнования денежных средств кружка из молодых лингвистов при Диалектологической комиссии для занятий вопросами языковедения, стихосложения и поэтики народного словесного творчества» [Шапир 1996, с. 361]. Учредителями МЛК стали студенты историко-филологического факультета Московского университета: Ф.Н. Афремов, П.Г. Богатырев, А.А. Буслаев, С.С. Рогозин, П.П. Свешников, Р.О. Якобсон и Н.Ф. Яковлев. Первым председателем был избран Якобсон, который занимал этот пост до отъезда в Эстонию, а затем в Чехословакию в 1920 г. После Якобсона обязанности председателя исполняли М.Н. Петерсон (с конца января по сентябрь 1920 г.), А.А. Буслаев (до октября 1922 г.), Г.О. Винокур (до марта 1923 г.) и Н.Ф. Яковлев (до ноября 1924 г.) [Шапир 1996, с. 361–362].

К концу 1919 г. членами МЛК состояли 16 человек; кроме членов-учредителей, это Л.И. Базилевич, Г.О. Винокур, Б.В. Горнунг, Г.Г. Дингес, И.Л. Кан, В.И. Нейштадт, С.О. Румер, Б.В. Шергин⁴⁾, Е.М. Шиллинг. При этом некоторые члены МЛК не посещали заседания, а сторонние ученые, наоборот, проявляли к ним интерес и впоследствии также вливались в состав кружка. В 1920 г. почетными членами МЛК избраны В.К. Поржезинский, Д.Н. Ушаков и Н.Н. Дурново. В конце февраля 1920 г. действительными членами стали также

О.М. Брик, В.А. Буслаев, Ю.М. Соколов, Б.В. Томашевский, Б.И. Ярхо, В.Б. Шкловский, Б.А. Кушнер, С.П. Бобров, М.Н. Петерсон и С.Я. Мазэ. Общее число членов Кружка составило уже 26 человек. К 1 марта 1921 г. членами Кружка стали также В.И. Авдиев, В.М. Жирмунский, М.М. Кенигсберг, Е.Н. Коншина, А.И. Ромм, Р.О. Шор и Г.Г. Шпет. В 1921 г. в члены МЛК были приняты дополнительно С.И. Бернштейн, Д.Д. Благой, А.М. Пешковский, Е.Д. Поливанов и общее число достигло 35 человек [Крусанов 2003, с. 454–473].

На заседаниях неоднократно выступали члены ОПОЯЗа, которые были также и членами МЛК (О.М. Брик, В.М. Жирмунский, Е.Д. Поливанов, Б.В. Томашевский, В.Б. Шкловский).

Название МЛК не совсем точно отражает характер его деятельности, которая имела, как бы сказали сегодня, междисциплинарный и методологический характер. Наряду с проблематикой русского и общего языкознания, на заседаниях кружка обсуждались вопросы истории и теории литературы, русского фольклора и его соотношения с литературой. В отдельных заседаниях принимали участие поэты (А.Е. Крученых, О.Э. Мандельштам, В.В. Маяковский, Б.Л. Пастернак).

Программа деятельности кружка, согласно уставу, утвержденному 21 июня 1919 г. и подписанному членами президиума Р.О. Якобсоном, Г.О. Винокуром, О.М. Бриком, А.А. Буслаевым и П.П. Свешниковым, формулировалась очень широко:

«§ 2. **Задачи и цели Кружка.** Кружок имеет своей задачей всестороннее изучение вопросов лингвистики и этнографии. Данная область филологической науки Кружком понимается в самом широком смысле: сюда входят и исторические проблемы, и проблемы современного языка и быта, а также вопросы поэтического языка и приемов художественного творчества; при этом Кружок особое внимание обращает на живые современные явления, относящиеся к указанным областям науки, и одной из главных своих задач ставит широкую популяризацию научных принципов и знаний. Разработка научных вопросов Кружком ведется в определенных рамках: 1) привлечение нового материала, 2) выработка новых методов. Для разрешения поставленных себе задач Кружок устраивает научные заседания, принимает участие в работах иных научных организаций и предпринимает издания ученых трудов своих членов.

Примечание 1. Особо следует отметить, что в научных заседаниях своих Кружок не преследует строго академического характера докладов и не настаивает на представлении к обсуждению законченных работ. Заседания кружка имеют характер лабораторный: здесь члены предлагают свои отдельные мысли, незаконченные эскизы и общими силами вырабатываются основные научные методы и новые точки зрения» [Баранкова 1999, с. 376].

Как сообщал Якобсон, «всестороннее исследование поэтики, в частности стихосложения, и соотношение между письменным и устным словесным творчеством входило в основную программу занятий, а от работ по народной словесности пути естественно вели к этнологическим разысканиям большого охвата» [Якобсон 1996, с. 366].

По меньшей мере три члена-учредителя МЛК — Богатырев, Якобсон и Н.Ф. Яковлев — были фольклористами. Якобсон (1896–1982) с детства увлекался фольклором и обращался к нему на протяжении всей своей жизни, хотя по основной специальности он был лингвистом.

Н.Ф. Яковлев (1892–1974) в молодости занимался русским фольклором, однако позднее переключился на языки народов Кавказа⁵⁾. В нашу публикацию включены обсуждения трех докладов Н.Ф. Яковлева: «Русская историческая лирика XVI–XVII вв.» (5 апреля 1919 г.), «Из методологии записи песен» (11 августа 1920 г.) и «Элементы фольклора у Лермонтова» (17 апреля 1921 г.). Ни один из этих текстов позднее не был опубликован. Наибольший интерес представляет первый доклад Н.Ф. Яковлева, в котором предпринята попытка реконструировать ранние тексты русских лирических песен на основе сопоставления книжных источников XVI в. с записями, сделанными для англичанина Ричарда Джемса в 1619 г., и с текстами из песенников XVIII в. Отметим, что доклад Яковлева высоко оценил впоследствии А.В. Позднеев, который, правда, знал о выступлении только по краткому пересказу Богатырева и Якобсона [Позднеев 1996, с. 393].

Для Богатырева (1893–1971) изучение фольклора и народного театра стало впоследствии основной областью профессиональных интересов, хотя в юности он изучал также историю русской литературы, а в период своего проживания в Чехословакии и Германии (1921–1939) много занимался этнографией. В период с апреля 1919 по апрель 1921 г. он участвовал в большинстве заседаний МЛК, за исключением того времени, когда находился в Саратове. В публикуемых нами материалах представлены обсуждения пяти докладов Богатырева: «О народных анекдотах» (20 апреля 1919 г.), «О “Гусаре” Пушкина» (25 апреля 1919 г.), «Труд Познанского о заговорах» (25 апреля 1919 г.), «О формальных особенностях гоголевских комедий» (13 февраля 1921 г.), «Опыт изучения заговоров (Повторения в заговорах)» (24 апреля 1921 г.). Доклад «О “Гусаре” Пушкина» впоследствии был доработан Богатыревым и напечатан в виде статьи (1923). Доклад «Труд Познанского о заговорах» лег в основу рецензии, появившейся в Чехословакии в 1926 г. Остальные три доклада опубликованы не были. Якобсон отмечал впоследствии новаторский характер выступлений Богатырева и Н.Ф. Яковлева: «...новые методологические подходы к таким фундаментальным вопросам устного творчества, как типологическая классификация народных анекдотов, магия заклин-

наний и реконструкция фольклорных текстов, нашли себе проницательную трактовку в выступлениях П.Г. Богатырева и Н.Ф. Яковлева на заседаниях М. л. к. в 1918–1920 годах» [Якобсон 1996, с. 367].

Кроме того, публикуются хранящиеся в том же комплекте документов «Материалы для *singulum vitae* П.Г. Богатырева». Помимо кратких сведений о биографии Богатырева, эти материалы включают также список его работ, который состоит из трех частей: «Печатные работы», «Труды, принятые к печати» и «Подготавливаются к печати». Списки дают представление о научных планах Богатырева, которые ему удалось реализовать только отчасти. Указанная первой среди «Трудов, принятых к печати» работа «Жарты и фации. Материалы и исследования», по-видимому, имела законченный характер, однако осталась в рукописи; 18 ноября 1921 г. этнографический отдел ОЛЕАЭ присудил Богатыреву малую премию за рукописный труд «Польские и русские сборники фаций» [Соколовы 2010, с. 503, примеч. 11]. Под номером 4 в том же списке указано: «Совместно с Р.О. Якобсоном Народный театр». Очевидно, имеется в виду работа, опубликованная позднее под заглавием «Чешский кукольный и русский народный театр» (1923) и без имени Якобсона на обложке.

Из восьми работ, помещенных в третьей части списка («Подготавливаются к печати»), позднее увидела свет только рецензия на книгу Н. Познанского. В планы Богатырева входила публикация экспедиционных материалов. Во второй части списка указаны: «5. Материалы по Серпуховскому у.», «6. Материалы по Верейскому у. совместно с Н.Ф. Яковлевым и Р.О. Якобсоном»; а в третьей части: «1. Материалы по диалектологии Шенкурск<ого> у. Арханг<ельской> губ.», «2. Материалы по фольклору Шенкурск<ого> у. Арханг<ельской> губ. 100 сказок, песни, заговоры и проч.». Эти публикации не состоялись из-за неблагоприятной издательской ситуации, а также из-за отъезда Якобсона и Богатырева в Чехословакию.

Не были напечатаны и работы Богатырева по поэтике фольклора и истории литературы: «5. “Ревизор” и “Женитьба” Гоголя», «6. Композиция народных анекдотов», «7. Поэтика сказки», «8. Как построены интермедии XVIII в.». Тем не менее представляет интерес сам факт, что Богатырев работал над этими темами, которые частично совпадают с темами его докладов на МЛК, и предполагал довести их до публикации. Можно высказать предположение, что научные интересы Богатырева существенно изменились, когда он переехал в Чехословакию. Если его прежние занятия фольклором и народным театром получили свое продолжение, то занятия литературоведением явно отошли на второй план. Кроме этого, Богатырев обратился к этнографии и совершил несколько экспедиций в Закарпатье, что послужило стимулом для занятий фольклором, верованиями и обрядами украинцев и русинов.

Одна из областей, в которых участники МЛК достигли впечатляющих результатов, — сравнительное изучение метрики эпического стиха славянских народов. По мнению Якобсона, «именно из дискуссий МЛК вышли труды Б.В. Томашевского, О.М. Брика, Р.О. Якобсона, Б.И. Ярхо, С.И. Бернштейна, С.М. Бонди и др. по многим неосвещенным и спорным вопросам стиха и его теории; там же возникли первые опыты строго лингвистических подступов к поэтике...» [Якобсон 1996, с. 367]. Среди публикуемых материалов — обсуждение доклада Б.И. Ярхо «Евфоника сербских двенадцатисложных заплачек» (12 марта 1923 г.)⁶⁾.

В нашу подборку включено также обсуждение доклада Е.Н. Коншиной «История литературы как наука (По поводу книги А.С. Архангельского “Введение в историю русской литературы”» (4 апреля 1920 г.). В обсуждении принимал участие Г.Г. Шпет (1879–1937), который обстоятельно изложил свою точку зрения на историю литературы (фактически сделал содоклад).

Некоторые заседания МЛК посвящались выступлениям фольклорных исполнителей. В частности, 20 марта 1921 г. была организована беседа с П.Г. Ярковым (1875–1945), который исполнил ряд песен и дал к ним свои комментарии. Обстоятельное автобиографическое повествование известного исполнителя народных песен представляет ценность для истории русской музыкальной культуры.

Некоторые материалы не связаны напрямую с фольклором, однако характеризуют общую направленность деятельности МЛК. На заседании 25 апреля 1920 г. обсуждался проект «организации архива по собиранию различных явлений в области современного живого языка и других областей, связанных с языковой культурой и языковой политикой», а также был заслушан доклад М.М. Кенигсберга на тему: «Заметки к композиции “Принцессы Брамбиллы” Э. Гофмана». Мы знакомим также читателей с тезисами А.А. Буслаева «О программе деятельности МЛК» (1921), из которых видно, какое место занимала фольклорная проблематика в перспективных планах кружка.

По разным причинам отдельные заседания, посвященные фольклорной проблематике, не получили отражения в нашей публикации. Например, 14 ноября 1920 г. Ю.М. Соколов выступил на кружке с докладом «Опыт коллективной записи народного творчества». 7 апреля 1921 г. Н.Ф. Яковлев давал объяснения о работе фонографа; члены МЛК упражнялись в записи фонограмм. 13 апреля 1921 г. производились записи песен от Ф.Г. Гузякина. 21 апреля 1921 г. П.Г. Богатырев выступил на тему «Какие нам нужны биографии». На заседании 29 мая 1921 г. Н.Ф. Яковлев сделал сообщение о биографии и песенном репертуаре Д.А. Земцовой; после этого Д.А. Земцова и А.Ф. Земскова исполнили несколько песен. 31 мая того же года производились записи песен от Д.А. Земцовой [Крусанов 2003, с. 464–471].

Интерес Якобсона к фольклору и деятельность МЛК. В своих воспоминаниях Якобсон рассказывает, что еще в раннем детстве увлекался собиранием пословиц: «Шестилетний мальчик, замороженный этими переходными формами между языком и поэзией, был обречен оставаться на распутье между лингвистикой и поэтикой» [Якобсон 1996, с. 97]. Позднее внимание Якобсона привлекли заумные считалки: «Этот фантасмагорический словарь, колеблющийся между смыслом и бессмыслицей, был неразрывно связан с особой образной формой и роскошной звуковой текстурой считалок, что делало их в течение ранних моих лет прекрасным предисловием к позднему поэтическому поиску заумного языка» [там же, с. 99]. В статье А.А. Блока «Поэзия заговоров и заклинаний» (1908) внимание Якобсона привлек текст заумной песни, заимствованной поэтом из сборника И.П. Сахарова:

Эта кристальная магическая формула заставила меня перейти от собирания и толкования детского фольклора к длительному изысканию и исследованию опубликованных русских заклинаний, особенно заумных речевых заговоров. Накануне 1914 г. я поделился содержанием своих выписок с поэтом Велимиром Хлебниковым и в ответ получил его последнюю брошюру «Ряв» с посвящением: «В. Хлебников. Установившему родство с солнцевыми девами и Лысой горой Роману Якобсону в знак будущих Сеч». В своей драматической поэме «Ночь в Галиции» Хлебников немедленно использовал мою маленькую подборку, в особенности «Песню ведьм с Лысой горы» из «Сказаний русского народа» И. Сахарова, с причудливой ремаркой «Русалки поют по учебнику Сахарова, который держат в руках» [там же, с. 100].

В беседах с К. Поморской Якобсон рассказал о своем раннем интересе к городскому фольклору:

Меня сразу поразил тот факт, что памятников народной поэзии ученые искали преимущественно в дальних углах страны, а на деле живая фольклорная преемственность находила себе место под Москвою, да и в самой Москве. Вот я и стал собирать московские предания, продолжавшие жить на городских дворах, хоровые и обрядовые песни, неизменно распевавшиеся на окраинах Москвы частушки и протяжные песни, глубоко укоренившиеся поверья и приметы, а также уснащавшие обыденный разговор пословицы и загадки и в обилии бытовавшие среди московской детворы считалки и игровые прибаутки. Мои первые любительские записки подготовили меня к полевой фольклорной работе, которой я занимался в первые годы университетской жизни, вместе с двумя товарищами по университету, ближайшим моим другом и даровитейшим этнографом Петром Григорьевичем Богатыревым (1893–1971) и Николаем Феофановичем

Яковлевым (1892–1974), впоследствии перешедшим от русской народной словесности к выдающимся трудам по звуковой и грамматической структуре языка и особенно к систематическому изучению строя языков Северного Кавказа. Любопытно, что в этих наших совместных поисках и записях народного творчества мы оставались верны задаче полевой работы неподалеку от центра — в Верейском и других уездах тогдашней Московской губернии [Якобсон, Поморска 1982, с. 4].

Интерес участников МЛК к фольклору вполне вписывался в традицию Московского университета:

Когда в 1914 году я поступил на историко-филологический факультет Московского университета <...> я <...> записался на секцию языка в славяно-русском отделении, потому что языковой анализ казался мне глубоко необходимым для освоения и литературы, и фольклора, и культуры вообще. Тесная связь между изучением языка и литературы крепко жила в Московском университете с XVIII века и особенно культивировалась одним из значительнейших славистов прошлого века Федором Ивановичем Буслаевым (1818–1897), унаследовавшим общеромантическую идею крепких уз между языкознанием и литературоведением в обеих его разновидностях — письменной и устной. Характерен термин, сохранившийся поныне для обозначения литературы как предмета исследования и ставящий ее в прочную этимологическую связь со словом: «словесность», причем этот термин особенно живуч в применении к фольклору, т. е. устной или народной словесности. <...> Наряду с крепкими узами языкознания и литературоведения, в Московском университете издавна проповедовалась необходимость неразрывной связи и в преподавании, и в изучении письменной литературы и фольклора при одновременном признании глубоких внутренних различий между обеими словесными областями.

Наш московский факультет с его глубокой дисциплиной научной мысли («бронированными москвичами» называли нас наши петербургские товарищи) надолго овладел моей научной работой, и, наперекор ироническим замечаниям скептиков, мне казалось необходимым еще на скромных ролях подмастерья вплотную овладеть азами занимавших меня наук, особенно исторической лингвистики и диалектологии, логики и психологии. В то же время, заодно со своими сверстниками, я ощущал необходимость выйти за пределы традиционной учебы. Именно в поисках новых путей и возможностей в лингвистике, поэтике и особенно в метрике, в первую очередь в приложении к фольклору, мы основали в марте 1915 года Московский Лингвистический Кружок с соответствующей учредительной программой. Характерно, что именно поэтическому языку оказались посвящены начатки нашей кружковской деятельности. Одной из причин этого выбора был, наряду с растущим интересом к поэтике, тот

факт, что в приложении к новому лингвистическому материалу мы чувствовали себя куда менее связанными с методологическими шаблонами, прочно тяготевающими над нами» [Якобсон, Поморска 1982, с. 8–10].

К сожалению, сведения о деятельности МЛК в период с 1915 по 1918 гг. пока немногочисленны. Судя по воспоминаниям Якобсона, в программу занятий участников кружка входили разборы текстов из сборника Кирши Данилова и участие в фольклорно-этнографических экспедициях:

Директор Лазаревского Института В.Ф. Миллер, настоящий знаток эпической традиции, был для всех нас живым олицетворением усердия и любви к фольклорной поэзии. Наши занятия русским языком и литературой начались под руководством В.В. Богданова, серьезного фольклориста и издателя весьма информативного журнала «Этнографическое обозрение», и продолжились под руководством Нарского — вдохновенного и вдохновляющего преподавателя письменной и устной традиции, необычайно одаренного и глубоко ей преданного⁷⁾. Среди профессоров Московского университета любой специалист по славянским языкам и литературам был страстным знатоком устной поэзии; фольклору были посвящены специальные курсы и семинары, занимавшие важное место в общих курсах по русскому языку и литературе. Когда в 1915 г. факультетом была установлена премия им. Ф.И. Буслаева за студенческие работы, первой из предложенных была тема «Язык мезенских былин». Студенты и младшие университетские сотрудники активно участвовали в собраниях московских этнографических и фольклорных. В марте 1915 г. группа молодых студентов основала Московский лингвистический кружок; нашей первоочередной задачей считалось исследование московского диалекта и фольклора и коллективное исследование стихов и языка былин, записанных, как утверждают, в XVIII в. Киршей Даниловым. Почти все организаторы кружка провели летние каникулы 1915 и 1916 гг. в лингвистических и фольклорных экспедициях. Исследование диалекта и устной традиции Верейского района Московской области стали целью совместного исследования, проводившегося в мае и июне 1915 г. П.Г. Богатыревым, Н.Ф. Яковлевым и мной. Мы встретили замечательных рассказчиков и записали около двухсот сказок, вместе с большим количеством песен, примет, пословиц, загадок, верований, ритуалов и обычаев. Народная традиция в городском районе и по соседству с ним оказалась гораздо более устойчивой, жизнеспособной и продуктивной, чем это обычно принято думать. Проект, представленный профессором Е.Н. Елеонской и принятый комиссией по фольклору, — о подготовке обширного издания сказок, собранных в различных районах Московской губернии, — обязан своим появлением нашему верейскому опыту [Якобсон 1996, с. 101–103].

Внимание Яacobсона рано привлекла проблема параллелизма, которой посвящена классическая статья А.Н. Веселовского «Психологический параллелизм и его формы в отражении поэтического стиля» (1894). Статья Яacobсона на эту тему предназначалась для одного из опоязовских «Сборников по теории поэтического языка», однако так и не была завершена. Вслед за Ф.Е. Коршем Яacobсон обратился также к изучению эпического стиха русских былин.

Кажется, что не было вопроса, который бы меня на протяжении всей моей научной жизни захватывал с таким постоянством, как это было с неисчерпаемой тематикой параллелизма. В студенческие годы, в Московском лингвистическом кружке первым предметом наших занятий был стих русского фольклора в его речитативной, преимущественно эпической разновидности, этой, вероятно, наиболее оригинальной и, как мы уже тогда чувствовали, наиболее архаичной форме среди стихотворного богатства русской устной поэзии. Мы с первых заседаний кружка весной 1915 года разбирали и обсуждали вариации этого стиха по замечательной записи народных эпических текстов в сибирском сборнике XVIII века, известном под именем упомянутого в этой рукописи Кириши Данилова. В том же 1915 году Московским университетом было предложено на соискание премии имени Буслаева, знаменитого фольклориста и лингвиста, исследование языка севернорусских былин, записанных в бассейне реки Мезени специалистом А.Д. Григорьевым в начале нашего века, и, работая над этими текстами, я снова столкнулся с вопросами русского народного эпического стиха, поставленными в пытливых набросках Ф.Е. Корша, но все еще далеких от конечного решения.

Наконец, в том же году мне довелось слушать привезенную в Москву из Архангельской губернии замечательную старуху-сказительницу народного эпоса Марью Кривополенову (1843–1924) и проверить свои наблюдения над эпическим стихом на живом материале. К вопросам русских былин мне довелось впоследствии не раз возвращаться. С одной стороны, просодическая структура их стиха дала мне в дальнейшем возможность шаг за шагом возвести этот стих путем сравнительного анализа сперва к праславянской, а затем и к индоевропейской версификации; с другой же стороны, работа над сюжетами былин помогла мне выяснить их древность и, в частности, их историческую и мифологическую подоплеку. Но этими вопросами мои занятия русской устной поэтической традицией не ограничились.

Со студенческих лет меня поражал все ярче обнаруживавшийся факт внутренней организации русского народного речитативного стиха, а именно параллелизм, связывающий смежные строки от их начала и до конца, и меня особенно удивляло почти полное отсутствие внимания к этому существенному факту со стороны большинства работников над русским фольклором. Широкой известностью пользовалась последова-

тельно попарная организация строк в библейском стихосложении, для которой самый термин «параллелизм» был усвоен ровно двести лет тому назад. С нею сопоставлялась не менее последовательная параллелистическая организация финского эпоса. При большой свободе и широте вариаций русский поэтический параллелизм все же тесно примыкает к этим системам. В 1917 году я предпринял попытку разобраться под этим углом зрения в отдельном тексте, вошедшем в сборник Кириши Данилова и стоящем на границе лирики и эпоса, а именно в кратком (всего 21 строка) образчике замечательного цикла стихов о горе-злочищении. Я обещал статью на эту тему для очередного «Сборника по теории поэтического языка», подготавливавшегося Опоязом. Этот сборник в 1919 году действительно вышел, впрочем, так и не дождавшись моей статьи. Я по праву считал ее незрелым эскизом, требующим дальнейшей обработки и переработки в свете последовательно уточнявшихся принципов лингвистического анализа. Этот мой замысел нового подхода к двадцати одной строке стиха о горе дозрел полвека спустя и лег в основу моей монографии о грамматическом параллелизме и его русском образчике, напечатанной в американском журнале «Language» в 1966 году. Но и эту версию я считаю всего лишь предварительным эскизом [Якобсон, Поморска 1982, с. 78–79].

Программа исследований поэтики русского фольклора, намеченная Якобсоном еще в студенческие годы, сохраняла для него актуальность на протяжении всей последующей жизни и воплотилась в ряде трудов, написанных с 1920-х по 1970-е гг.

МЛК, Московская диалектологическая комиссия и Комиссия по народной словесности. Для полноценного восприятия деятельности МЛК нужно учитывать, что многие участники кружка параллельно состояли в Московской диалектологической комиссии (МДК) и в Комиссии по народной словесности при Этнографическом отделе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ) при Московском университете⁸.

МДК была создана в 1904 г. при Отделении русского языка и словесности Академии наук. Первым председателем МДК был академик Ф.Е. Корш; после его смерти с весны 1915 г. председателем был избран Д.Н. Ушаков, а товарищем председателя Н.Н. Дурново. Число членов МДК возросло с 14 человек в 1904 г. до 50 в 1926 г. Членами МДК были между прочим П.Г. Богатырев, А.А. Буслаев, Г.О. Винокур, Н.Н. Дурново, С.И. Карцевский, С.Я. Мазз, В.П. Мансикка, С.П. Обнорский, А.С. Орлов, М.Н. Петерсон, А.М. Пешковский, В.К. Поржезинский, П.П. Свешников, Б.М. Соколов, Ю.М. Соколов (библиотекарь Комиссии), акад. М.Н. Сперанский, Н.С. Трубецкой, Р.О. Шор, Р.О. Якобсон, Н.Ф. Яковлев [Ушаков, Голанов 1927, с. 1]. МЛК был тесно связан с МДК на протяжении всех лет его существования; они

провели ряд совместных заседаний: «...в 1915 г. при Комиссии образовалась группа студентов, занимающихся русским языком, из учеников Д.Н. Ушакова, Н.Н. Дурново, М.Н. Сперанского и В.Н. Щепкина; эта группа составила ядро “Московского лингвистического кружка”, который занялся в дальнейшем разработкой проблем языка в зависимости от его различных функций и специально изучением русского поэтического языка, ритмики и фольклорной стилистики» [Ушаков, Голанов 1927, с. 2].

На заседаниях МДК Р.О. Якобсон сделал доклады: «О языке произведений Тредьяковского», «Фонетические особенности одного говора Дмитровского у. Московской губ.», «По поводу статьи проф. Н.М. Каринского: “Мусин-Пушкинская рукопись Слова о полку Игореве, как памятник псковского говора XV–XVI в.”», «К вопросу о национальном самоопределении народностей», «Проект программы картографирования диалектологических особенностей русских говоров» [Ушаков, Голанов 1927, с. 8]. Совместно с Богатыревым Якобсон выступил также с «Кратким отчетом о летней поездке 1915 г. в Верейский у. Московской губ.» [там же]. Написанный Якобсоном «Некролог акад. А.А. Шахматова» был доложен в переводе с чешского А.А. Буслаевым [там же].

Комиссия по народной словесности возникла в 1911 г. при Этнографическом отделе ОЛЕАЭ, председателем которого с 1881 г. был В.Ф. Миллер (1848–1913). С 1897 по 1911 гг. он руководил также Лазаревским институтом восточных языков, в котором учился Якобсон. Комиссию возглавил В.Ф. Миллер, а после его кончины — В.А. Гордлевский. Секретарем Комиссии была Е.Н. Елеонская. В 1912 г. Комиссия издала и разослала специальную программу для собирания сведений по фольклору.

Богатырев и его товарищи неоднократно выступали на заседаниях Комиссии. В 1915 г. Богатырев, Якобсон и Яковлев сделали доклад о собранных ими материалах по верованиям крестьян Верейского у. Московской губ. [Якобсон, Богатырев 1923, с. 59; Протоколы 1911–1916, л. 53]. 28 марта 1916 г. Богатырев и Г.Г. Дингес⁹⁾ рассмотрели «современный стиховник старообрядцев-беспоповцев, где наряду со старыми стихами и т.н. кантами имеются новые, написанные либо народным сказовым, либо литературным силлабо-тоническим стихом (частью злободневного содержания)» [Якобсон, Богатырев 1923, с. 46–47; Протоколы 1911–1916, л. 64]. 22 октября 1916 г. Богатырев прочитал доклад «Сны в пересказе крестьян и в народной сказке» [Якобсон, Богатырев 1923, с. 52; Протоколы 1911–1916, л. 68].

В некрологе, посвященном памяти Б.М. Соколова, Богатырев сообщал: «В Комиссии этой принимали участие главным образом непосредственные ученики В.Ф. Миллера — Н.В. Васильев, В.А. Гордлевский, Е.Н. Елеонская, Б.М. и Ю.М. Соколовы, Н.С. Трубецкой, Б.И. Ярхо,

Р.О. Якобсон, Н.Ф. Яковлев, пишущий эти строки. Считаю уместным упомянуть здесь о работе этой комиссии, бывшей для многих из нас, принимавших в ней участие, лучшей школой, местом, где дебатировались и совместно вырабатывались новые этнографические теории, легшие затем в основу наших работ» [Богатырев 1931, с. 838].

В ходе дискуссии 1948 г. Богатырев также апеллировал к опыту МДК и Комиссии по народной словесности: «Признавая ошибочность многих положений функционально-структурального метода, надо указать на положительные черты в нем: четкость и разработанность методики полевой работы. Эта методика исходит из практики работ двух комиссий, известных в истории русской науки: Московской диалектологической, возглавлявшейся Д.Н. Ушаковым, и Комиссии по народной словесности» [Чичеров 1948, с. 153].

В 1915–1916 гг. члены МЛК в летний период принимали участие в экспедициях, которые имели, как бы мы сказали сегодня, комплексный диалектологический и фольклорно-этнографический характер. В своей статье о Богатыреве Якобсон рассказал об их знакомстве и возникновении планов совместной экспедиции:

Я впервые встретился с Богатыревым в августе 1914 г.: мы стояли в очереди, чтобы записаться на занятия; он тогда был на третьем, а я на первом году обучения в университете. И хотя это может показаться странным, беседа наша тотчас завязалась вокруг будущих научных изысканий. Он предложил совместный проект полевых работ по сбору фольклорных и диалектологических данных (который мы и осуществили несколькими месяцами позже в Верейском уезде Московской губернии). Наши функции по ролям — этнограф и лингвист — были определены сразу же, однако важным было то, что перед каждым из нас всегда стояла общая идея создания значимого целого как непосредственной цели нашего исследования, и это объединяло нас [Якобсон 1999, с. 73].

Полевая работа фольклористов в 1910-е гг. приобрела новые черты по сравнению с предшествующим периодом: экспедиции имели относительно продолжительный характер; сбор материалов осуществлялся целенаправленно и систематически на основе разработанных ранее фольклористических и этнографических программ-вопросников; особое внимание уделялось диалектологической точности записей; параллельно с фиксацией фольклора производилось лингвистическое описание диалекта; собиратели уделяли большое внимание носителям фольклора, их биографиям и индивидуальным манерам исполнения; спорадически использовали наиболее совершенные для того времени технические средства записи и хранения фольклора (в частности, фонограф); наряду с произведениями классических жанров записывали частушки, легендарные рассказы о современных

событиях, слухи, рассказы о сновидениях и т. д. Маршруты экспедиций покрывали не только удаленные территории Русского Севера, но и близкие к Москве уезды, чему придавалось принципиальное значение. Собираателей интересовала не архаика, а современные процессы в жизни народной словесности, закономерности появления новых текстов и трансформации традиционных жанров.

В ходе «диалектологических экскурсий» 1916 г. участники МЛК и МДК собрали следующие фольклорные материалы:

П.Г. Богатырев ездил в Шенкурский у. Архангельской губ. Произведены наблюдения приблизительно в 25 деревнях. Записано более 200 рассказов и сказок, около 100 песен, около 200 частушек, более 50 загадок, более 25 заговоров. Сверх того записаны отдельные слова и выражения, а также собраны сведения по народному календарю и верованиям. <...>

А.А. Буслаев ездил в северную часть Серпуховского у. Московской губ. <...> Кроме нескольких романсов и припевок, записывал главным образом отдельные слова и выражения [Краткий отчет 1919, с. 31–32].

Б.В. Шергин ездил в Архангельский, Холмогорский и Шенкурский уу. Архангельской губ. <...> Собраны отдельные слова, выражения, предложения, а также цикл свадебных причитаний и песен и много частушек. <...>

Р.И. Якобсон делал наблюдения в нескольких местностях Московской губ. <...> Записывались преимущественно отдельные слова и выражения, а в Дмитровском и Звенигородском у. собрано, кроме того, несколько сказок, песен и прибауток, а также сведения по материальной культуре. <...>

Н.Ф. Яковлев обследовал совместно с Е.М. Шиллингом село Серегово на р. Выми Яренского у. Вологодской губ. Собраны следующие материалы: записи специально диалектологические, 2 старины и несколько прозаических рассказов о богатырях, 3 духовных стиха, 98 песен, около 90 частушек, 3 народных рождественских драмы, 4 сказки, описание свадьбы, сведения по народному календарю, верованиям и материальной культуре, а также термины солеварения на Сереговском заводе (большинство перечисленных записей сделано с сохранением диалектических особенностей). Напето 42 фонографических валика [Краткий отчет 1919, с. 35–36]¹⁰.

Участники МЛК имели опыт полевой работы и высокую квалификацию как фольклористы с диалектологической и этнографической подготовкой. Богатырев и Якобсон писали о результатах экспедиций:

Впервые русские фольклористы приступили к детальному обследованию центральной России. В силу романтической традиции, направившей

всю энергию собирателей на далекие медвежьи углы, получилось парадоксальное положение: такие губернии, как Олонецкая и Архангельская, оказались в этнографическом отношении куда более обследованы, чем Московская, где записи делались случайно, мимоходом. Ряд поездок, предпринятых в 1914–16 годах несколькими членами Комиссии по народной словесности в Верейский, Дмитровский, Серпуховский и Звенигородский уезды, доказал, что, несмотря на фабрики и отхожие промыслы, в Московской губ. еще имеется живая сказочная традиция, множество пережитков в области верований и своеобразная обрядовая, в частности свадебная, традиция. Рассказы московских крестьян о крепостном праве и о французском нашествии, а также глухие предания о литве дают интересный материал для историка. Собранные сказки, песни, заговоры и сведения по верованиям, быту и материальной культуре (записи Богатырева, Якобсона и Яковлева) Комиссия по народной словесности постановила печатать как первый том материалов по этнографии Московской губ. В дальнейшем предложено издать обильные материалы Н.Н. Дурново по фольклору Рузского и Клинского уездов и записи Е.Н. Елеонской из Коломенского уезда» [Якобсон, Богатырев 1923, с. 35].

К сожалению, в 1920-е гг. все эти издательские планы не могли осуществиться. На основе своей поездки в Дмитровский у. Московской губ. Р.О. Якобсон в августе 1916 г. подготовил небольшую книжку «Фонетика одного северно-великорусского говора с намечающейся переходностью», которую он позднее издал в Праге. В послесловии к книге, написанном 25 июля 1927 г., Якобсон рассказал о целях, которые ставили перед собой он сам и его товарищи, и о несбывшихся планах:

В 1915–1918 году я предпринял, частью совместно с П.Г. Богатыревым, И.Л. Каном и Н.Ф. Яковлевым, частью самостоятельно, ряд поездок по Верейскому, Дмитровскому, Богородскому, Звенигородскому и Бронницкому уездам в целях собирания материалов по диалектологии и этнографии Московской губернии, по поручению Этнографического отдела О-ва Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии и Московск<ой> Диалектологической Комиссии. Эти наши поездки были в некотором роде реакцией против романтического увлечения старшего поколения этнографов медвежьими углами, «нетронутыми» хранилищами старины, — увлечения, поведшего к тому, что иные глухие, отдаленные от культурных центров этнографические зоны оказались изучены лучше, чем, напр., непосредственное окружение Москвы. А между тем, даже поверхностная разведка в области духовной и материальной культуры соседящего с Москвой крестьянства поучало, что пристальное изучение подмосковного края может бросить свет на многие темные вопросы истории Москвы и исторической географии Московской Руси,

в частности, обследование говоров Моск<овской> губ. — необходимое подспорье для разработки истории средне-великорусского наречия, московского говора и русского литературного языка. Неосновательными оказались традиционные априорные гипотезы, будто этнографическая старина стерта под боком столичного города. Напротив, опыт свидетельствовал о богатом фольклорном репертуаре, о живой обрядовой традиции, об обильных диалектических архаизмах и т. п. Наконец, самый факт столкновения старшей этнографической традиции с новыми интенсивными городскими влияниями представляет для исследователя немалый принципиальный интерес.

Этнографический Отдел О<бществ>а Люб<ителей> Ест<ествознания>, Антр<опологии> и Этногр<афии> намеревался издать ряд сборников материалов по этнографии Московской губернии. В эти сборники предполагалось включить наряду с фольклорными и, вообще, этнографическими материалами, собранными во время вышеназванных поездок, материалы, собранные в Рузском и Клинском уу. Н.Н. Дурново, в Серпуховском у. П.Г. Богатыревым и А.А. Буслаевым, в Коломенском у. Е.Н. Елеонской. В Трудах М.Д.К. имелось в виду опубликовать несколько статей и сводок материалов по говорам Моск<овской> губ. Д.Н. Ушаков и я проэктировали совместную книгу «Говоры Московской губернии». В течение последовавших бурных лет издательская деятельность О<бществ>а Л<юбителей> Е<стествознания>, А<нтропологии> и Э<тнографии> и Моск<овской> Диал<ектологической> Ком<иссии> была парализована, пропала, видимо, бесследно и большая часть собранных мною и коллегами этнографических и диалектологических материалов» (Якобсон 1927, с. 78–79).

Якобсон, который писал эти строки в Праге, не вполне верно оценивал ситуацию. На самом деле записи П.Г. Богатырева, Н.Н. Дурново, Е.Н. Елеонской, а возможно и других фольклористов, сохранились в архивах. В настоящее время их значимость неизмеримо возросла, поскольку сама этнографическая «натура» с тех пор неузнаваемо изменилась.

Ю.М. Соколов (1889–1941) как участник МЛК. Сообщение Ю.М. Соколова о народных легендах, связанных с текущими событиями (17 и 23 мая 1919 г.), вызвало оживленную дискуссию. Новые формы фольклора, включая легенды, слухи, анекдоты, частушки о политических событиях, привлекали внимание участников МЛК и других фольклористов 1910–1920-х гг. Если в ситуации 1930-х гг. было практически невозможно и даже опасно записывать подлинный политический фольклор, то в постсоветский период изучение этого пласта словесности сблизилось с «устной историей» и стало одним из наиболее востребованных направлений фольклорных разысканий. В

этом смысле важны и сами материалы, которые обсуждались на МЛК, и те проблемы, которые ставили участники заседания.

Ю.М. Соколов был единогласно выбран в члены МЛК 17 мая 1919 г. по рекомендации Якобсона. 14 ноября 1920 г. Ю.М. Соколов выступил на тему «Опыт коллективной записи народного творчества». 4 апреля 1921 г. на закрытом заседании МЛК в Историческом музее Ю.М. Соколов сделал доклад об организации подотдела фольклора ЛИТО Наркомпроса¹¹). Ю.М. Соколов присутствовал также на заседаниях МЛК 5 апреля и 23 декабря 1919 г., 21 марта, 4 апреля, 5 и 21 декабря 1920 г., 6 февраля, 3 и 24 апреля 1921 г.; неоднократно выступал в дискуссии [Крусанов 2003, с. 455–470].

Брат и коллега Ю.М. Соколова Борис Матвеевич (1889–1930) участвовал в заседаниях МЛК 5 апреля 1919 г. и 28 декабря 1920 г. С апреля 1919 по 1923 г. Б.М. Соколов жил и работал в Саратове. Письма Юрия Матвеевича к брату — ценный источник по истории МЛК. Представляют интерес не только пересказы докладов и дискуссий на заседаниях МЛК, но и те оценки, которые ученый дает разысканиям формалистов. Например, в письме от 28 декабря 1919 г. Ю.М. Соколов пересказывает доклад О.М. Брика «Проблема пролетарской поэзии», который состоялся на заседании МЛК 23 декабря, и далее высказывает свои критические замечания:

Как бы то ни было, бывать на заседаниях Лингвист<ического> кружка оч<ень> интересно, хотя лингвист<ический> метод в исследовании л<итературы> доводится там до крайности. Действит<ельно>, такая поэтика превратится в схоластику. От стиля делать заключения к мирозерцанию и к психологии поэта считают преступлением. Но не преступно ли слов<есное> искусство сводить лишь к словесной эквилибристике? [Соколовы 2010, с. 269].

Через два с половиной года, в письме к брату от 27 мая 1922 г., Ю.М. Соколов продолжил свою критику формальной школы:

Напрасно Эйхенбаум (и вся школа Шкловского) стремится обособить худож<ественную> работу от всей остальной душ<евной> и дух<овной> жизни. Это невозможно. Абстрагировав поэтич<ескую> продукцию, эти ученые делают из поэт<ических> форм какую-то самостоят<ельную> субстанцию, и, что всего хуже, из нее выводят многие душ<евные> и дух<овные> акты. Сами увлеченные формализмом, они формализм незаметно приписывают и самим изучаемым авторам. <...> Хотел бы я написать обобщающую крит<ическую> статью о методах формальной школы Шкловского. Уже пора поставить какие-то границы. Происходит подмена одних понятий (сложных, синкретичных, жизненных) другими (простыми, ясными, но абстрактными и сухими)» [Соколовы 2010, с. 611].

Протоколы заседаний МЛК как источник по истории фольклористики. В 1915–1916 гг. основными видами деятельности членов МЛК было участие в диалектологических экспедициях, которые предполагали последующие отчеты, выступления с докладами на заседаниях МДК и Комиссии по народной словесности, а в случае Богатырева — также публикацию материалов в журналах «Этнографическое обозрение» и «Живая старина». Судя по воспоминаниям Якобсона, члены МЛК совместно анализировали также тексты из Сборника Кирши Данилова, однако кто еще, кроме самого Якобсона, принимал участие в этой работе и как именно она была организована, нам пока неизвестно. Какими-то сведениями о заседаниях кружка в 1915–1917 гг. мы не располагаем.

В годы революции и Гражданской войны фольклорные и диалектологические экспедиции прекратились или во всяком случае значительно сократились. Перестал выходить журнал «Этнографическое обозрение», в котором публиковались отчеты об экспедициях и собранные материалы. Издательская деятельность на несколько лет вообще свелась к минимуму. Основные данные о деятельности МЛК относятся к периоду после 1918 г.

До апреля 1919 года заседания МЛК были редки, и сколько-нибудь существенных сведений о них не найдено. Единственное заседание этого периода, о котором имеются упоминания, было посвящено докладу В.И. Нейштадта «Об источниках пушкинского “Царя Никиты”» и состоялось, по-видимому, осенью 1918-го. Затем после полугодового перерыва кружок возобновил свою деятельность. Заседания проходили в помещении МЛК (Лубянский проезд, д. 3, кв. 10) — бывшей квартире родителей Р.О. Якобсона, которая после их отъезда в Ригу была передана кружку. Эти заседания, на которых заслушивались и обсуждались доклады, стали основной формой работы МЛК. С 5 апреля 1919 по 21 февраля 1920 года состоялось 36 заседаний [Крусанов 2003, с. 455].

В 1919–1922 гг. выступления с докладами на заседаниях МЛК и в других научных и литературных обществах Москвы оставались одним из немногих доступных видов деятельности для ученых-филологов. В то же время участники МЛК не выработали какую-то общую позицию по вопросам поэтики, эстетики, теории литературы и другим вопросам, которые они заинтересованно обсуждали. Многоголосие и междисциплинарность МЛК помогли сформироваться молодым ученым, однако отсутствие печатного органа и общей консолидированной позиции не позволили им создать какую-то группу с определенным лицом или научную школу.

Наиболее творчески активный период деятельности МЛК (1919–1921) характеризовался особым вниманием к фольклору. После

1921 г. в жизни МЛК происходят необратимые изменения. В частности, значительно уменьшается интерес к фольклорной проблематике, что объясняется отъездом Р.О. Якобсона и П.Г. Богатырева в Чехословакию и сменой научных приоритетов Н.Ф. Яковлева, который перестал заниматься русским фольклором.

Кроме того, к руководству МЛК пришли представители более молодого поколения (А.А. Буслаев, М.М. Кенигсберг, Б.В. Горнунг), которые критически относились к формалистам и, в частности, к идеям Р.О. Якобсона. В такой ситуации полемика по принципиальным вопросам методологии становилась все менее возможной. Когда в 1922 г. Госиздат предложил издавать «Труды МЛК», участники кружка не смогли договориться друг с другом по принципиальным вопросам, и серия не состоялась [Крусанов 2003, с. 473–491; Дмитриев 2009].

В настоящую публикацию включены обсуждения докладов и сообщений, которые прозвучали на заседаниях МЛК в период с 5 апреля 1919 по 12 марта 1923 г., а также тезисы А.А. Буслаева «О программе деятельности МЛК» (1921) и «Материалы для curriculum vitae П.Г. Богатырева». Наша основная цель заключается в том, чтобы ввести в научный оборот неизвестные ранее источники, связанные с деятельностью таких ученых, как Р.О. Якобсон, Ю.М. Соколов, Б.М. Соколов, Б.И. Ярхо, П.Г. Богатырев, Г.Г. Шпет, Г.О. Винокур, О.М. Брик, Н.Ф. Яковлев и др. При этом мы стремимся прежде всего познакомить читателя с материалами, имеющими отношение к фольклористике и/или характеризующими деятельность ученых-фольклористов.

К сожалению, протоколы заседаний МЛК сохранились не полностью. О некоторых докладах нам известно пока только из годовых отчетов МЛК. В протоколах заседаний не всегда есть тезисы докладов, да и те, к сожалению, весьма лаконичны. В большинстве же случаев в имеющихся комплектах представлены только обсуждения докладов, без их тезисов. Следует также учитывать, что на заседания выносились подчас не завершенные исследования, а первоначальные подступы к теме. Способ фиксации выступлений (от руки, непосредственно при прослушивании выступлений) также не гарантирует полной и исправной передачи сказанного.

Сама форма диалога-обсуждения имеет определенную специфику: она способствует выработке новых идей, однако не позволяет развернуть широко их аргументацию. При этом общие суждения участников заседаний по методологическим вопросам представляют интерес вне зависимости от того, по какому конкретному поводу они были сформулированы.

В перспективе имеет смысл произвести разыскания в личных фондах участников МЛК; очевидно, что в них имеются неизвестные пока протоколы заседаний¹²⁾ и относящиеся к этим заседаниям материалы

эпистолярного и мемуарного характера. Некоторые доклады впоследствии дорабатывались и были опубликованы в качестве статей и книг, причем между выступлением на МЛК и соответствующей публикацией могло пройти от нескольких лет до нескольких десятилетий. С точки зрения истории науки представляют интерес и сами доклады, и их обсуждения, и последующие публикации, в которых могли быть учтены критические замечания и пожелания оппонентов, а также новые материалы и научные работы, относящиеся к теме.

Протоколы заседаний обычно записывались от руки, а потом переписывались набело или печатались на машинке; на следующем заседании они зачитывались и подписывались участниками предыдущего заседания. Впрочем, нет уверенности, что эти правила соблюдались последовательно, особенно если учесть, что состав присутствующих менялся от одного заседания к другому. Некоторые протоколы сохранились только в виде первоначальной черновой рукописи с рядом пропусков и плохо читаемых мест.

Пояснения источниковедческого и текстологического характера даются в подстрочных примечаниях, а комментарии, относящиеся к содержанию текстов, помещаются непосредственно после очередного протокола. При публикации сохраняются особенности орфографии источника; пунктуация приближена к современным нормам. Сокращения раскрываются в угловых скобках. Содержание заседаний МЛК нуждается в подробном комментировании и реконструкции, которая в рамках настоящей публикации может быть осуществлена только частично.

1) Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-02709) и в ИМЛИ РАН. Пользуюсь случаем поблагодарить Хенрика Барана, А.Н. Дмитриева, Т.Г. Иванову, Джессику Меррилл и Е.А. Самоделову за ценные консультации и помощь в разыскании труднодоступных источников.

2) О деятельности МЛК (с публикацией ряда протоколов заседаний и других материалов) см.: *Винокур Г.О.* Московский Лингвистический Кружок // Научные известия / РСФСР. Академический центр Наркомпроса. Сб. 2. Философия. Литература. Искусство. М., 1922. С. 289–290; *Цейтлин Р.М.* Григорий Осипович Винокур (1896–1947). М., 1965. С. 11–18; *Томашевский и Московский Лингвистический кружок* / Публ., предисл. и примеч. Л.С. Флейшмана // Учен. зап. Тартус. гос. ун-та. Тарту, 1977. Вып. 422. С. 113–132; *Тоддес Е.А., Чудакова М.О.* Первый русский перевод «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра и деятельность Московского лингвистического кружка // Федоровские чтения. 1978. М., 1981. С. 229–249; *Шапир М.И.* 1) «Грамматика поэзии» и ее создатели (Теория «поэтического языка» у Г.О. Винокура и Р.О. Якобсона) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1987. Т. 46. № 3. С. 221–236; 2) Приложения: Комментарии; Библиографии; Указатели //

Винокур Г.О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М., 1990. С. 257–260, 264–266, 269–277, 296–309 и др.; 3) Материалы по истории лингвистической поэтики в России (конец 1910-х — начало 1920-х годов) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1991. Т. 50. № 1. С. 43–57; 4) Московский лингвистический кружок (1915–1924) // Российская наука на заре нового века: Сборник научно-популярных статей. Москва, 2001. С. 457–464; Протокол заседания Московского лингвистического кружка 26 февраля 1923 г. / Публ., подг. текста и примеч. М.И. Шапира // *Philologica*. 1994. Т. 1. № 1/2. С. 191–201; *Якобсон Р.О.* Московский Лингвистический кружок / Подг. текста, публ. и примеч. М.И. Шапира // *Philologica*. 1996. Т. 3. № 5/7. С. 361–380; Сюжет в кинематографе: По материалам Московского лингвистического кружка / Подг. текста и коммент. Г.С. Баранковой // Лит. обозрение. 1997. № 3. С. 81–84; *Баранкова Г.С.* 1) К истории Московского лингвистического кружка: Материалы из Рукописного отдела Института русского языка // Язык. Культура. Гуманитарное знание: Научное наследие Г.О. Винокура и современность. М., 1999. С. 359–382; 2) Московский лингвистический кружок // Русская речь. 1999. № 6. С. 62–75; Как Московский лингвистический кружок воевал с Брюсовым и Потебней / Сост., вступ. заметка и коммент. С.И. Гиндина, подгот. текстов А.В. Маньковского. // НЛО. 2007. № 86; *Крусанов А.В.* Русский авангард. 1907–1932: В 3 т. М., 2003. Т. 2. Футуристическая революция. 1917–1921. Кн. 1. С. 452–495; *Дмитриев А.Н.* Как сделана «формально-философская школа» (или почему не состоялась московский формализм?) // Исследования по истории русской мысли. Ежегодники 2006–2007. М., 2009. С. 71–96; *Преображенский С.Ю.* Русский формализм глазами традиционалиста (И.Н. Розанов о О.М. Брикe и МЛК) // Методология и практика русского формализма. Бриковский сборник. М., 2014. Вып. 2. С. 94–101; *Letters and Other Materials from the Moscow and Prague Linguistic Circles. 1912–1945 / Ed., with English summaries and annotations, by Jindřich Toman.* Ann Arbor, 1994. P. 39–40 и др. (*Cahiers Roman Jakobson*; N 1); *Toman J.* The Magic of a Common Language: Jakobson, Mathesius, Trubetzkoy, and the Prague Linguistic Circle. Cambridge, Mass; London, 1995. P. 47–50, 61–67 и др.

3) Фёдор Евгеньевич Корш (1843–1915) — академик, филолог-классик, востоковед, стиховед, лингвист, поэт-переводчик; полиглот, владевший несколькими десятками языков, один из инициаторов создания МЛК. С 1870 по 1900 г. преподавал с перерывами в Московском университете; с 1892 по 1915 г. преподавал также персидскую филологию в Лазаревском институте восточных языков. Был председателем Дialeктологической комиссии Петербургской АН (с 1909 года). Соч.: О русском народном стихосложении. Вып. 1: Былины // Изв. ОРЯС. 1896. Т. I, кн. 1. С. 1–45; 1897. Т. II, кн. 2. С. 429–504; То же. СПб., 1901 (Сб. ОРЯС; Т. LXVII, № 8); Введение в науку о славянском стихосложении // Статьи по славяноведению. СПб., 1906. Вып. 2. С. 300–378; Слово о полку Игореве // Исследования по рус. яз. СПб., 1909. Т. 2, вып. 6. С. I–LXIV, 1–29. Лит.: *Дмитриев Н.К.* Федор Евгеньевич Корш. М., 1962 (с библиогр.); *Богданов А.И.* Фёдор Евгеньевич Корш. Ашхабад, 1982;

Баскаков Ник. А., Баскаков Н.А. Академик Ф.Е. Корш в письмах современников: К истории русской филологической науки. М., 1989. О значении стиховедческих работ Ф.Е. Корша см.: [Якобсон 2011, с. 27–28].

4) Борис Викторович Шергин (1896–1973) — писатель, художник, знаток и исполнитель фольклора. Родился и вырос в Архангельске в семье корабельного мастера и морехода. Еще в школьные годы стал записывать сказки, былины и песни. Окончил художественно-промышленное Строгановское училище (1917) в Москве. В 1916 г. совместно с П.Г. Богатыревым участвовал в экспедиции в Шенкурский у. Архангельской губ. См.: *Иванова Т.Г.* 1) Письма Б.В. Шергина к Ю.М. Соколову // Рус. лит-ра. 1984. № 4. С. 159–166; 2) Б.В. Шергин и Московская диалектологическая комиссия: (эпизод из жизни писателя) // Рус. лит-ра. 1985. № 4. С. 228–229; *Шульман Ю.М.* Запечатленная душа: (Очерк жизни и творчества Бориса Шергина). М., 2003; Наследие Бориса Шергина: Сб. ст. Архангельск, 2004; Борис Викторович Шергин: Биобиблиографический указатель / Сост. В.С. Смирнова, Л.Е. Каршина. Архангельск, 2006.

5) Яковлев Николай Феофанович (1892–1974) — лингвист, специалист по кавказским языкам и общей фонетике, сотрудник Института языка и мышления (с 1936), в 1942–1950 заведующий сектором кавказских языков; профессор (1946), доктор филологических наук (1947). В 1911–1916 гг. учился на историко-филологическом факультете Московского университета. В 1916 г. был призван в армию; участвовал в Октябрьской революции в Москве; в 1918–1919 гг. заведовал секцией гуманитарных наук отдела реформы школы Наркомпроса. В 1919 г. вернулся к научно-педагогической деятельности; в 1919–1920 гг. преподавал в Саратовском университете; в 1920 г. вернулся в Москву. С 1920 ежегодно руководил экспедициями для изучения бесписьменных языков Северного Кавказа и Дагестана. В 1923 обосновал теорию фонем, что позволило с 1923 по 1940 г. создать около 70 национальных письменностей на латинской, а позднее на русской графической основе. После разгрома марризма в 1950 г. был уволен со всех мест работы и заболел психически, прожив в таком состоянии больше 20 лет. Соч.: Ингуши. М.; Л., 1925; Таблицы фонетики кабардинского языка. М., 1923; Математическая формула построения алфавита // Культура и письменность Востока. Баку, 1928. Кн. 1. С. 41–64; Синтаксис чеченского литературного языка, М., 1940; Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.; Л., 1948; Морфология чеченского языка. Грозный, 1960. Лит.: *Реформатский А.А.* Из истории отечественной фонологии. М., 1970. С. 16–21; *Панов М.В.* Теория фонем Н.Ф. Яковлева и создание новых письменностей в СССР // Народы Азии и Африки. 1974. № 4. С. 310–323; *Климов Г.А., Панов М.В., Реформатский А.А.* Из истории отечественного языкознания 20–40-х годов: Н.Ф. Яковлев (1892–1974) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1975. Т. 34, № 4. С. 362–367; Н.Ф. Яковлев и советское языкознание. М., 1988; *Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М.* Жизнь и труды Николая Феофановича Яковлева // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1994. Т. 54, № 4; № 5. С. 77–85; *Алпатов В.М.* Яковлев Николай Феофанович // Отечественные

лингвисты XX века: Сб. ст. / Редкол.: Березин Ф.М. (отв. ред.) и др. М., 2003. Ч. 3 (Т-Я). С. 141–150.

6) Борис Исаакович Ярхо (1889–1942) — теоретик и историк литературы, стиховед, медиевист и фольклорист. Серия ранних работ посвящена сравнительному изучению былин и германского эпоса: 1) Эпические элементы, приуроченные к имени «Михаила Потыка» // ЭО. 1910. № 3/4. С. 49–79; 2) Сказание о Сигурде Фафнисбани и его отражение в русском эпосе (Опыт по динамике цикла Сигурда) (РФВ. 1913. № 2. С. 442–466; № 4. С. 385–440; 1914. № 1. С. 196–234; № 3/4. С. 331–379; 1915. № 1. С. 105–115; № 2. С. 350–378; 1916. № 1/2. С. 99–137); 3) Илья, Илиас, Хилтебрант // Изв. ОРЯС. 1917. Т. 22. Кн. 2. С. 326–337. С 1915 преподавал на кафедре западноевропейских литератур Московского университета: приват-доцент (1915–1918), профессор (1918–1921). С 1922 по 1930 г. работал в Российской академии художественных наук (РАХН, позднее ГАХН). Переводил примерно с 20 языков, в том числе любовную лирику скальдов, «Песнь о моем Сиде», «Песнь о Роланде», «Сагу о Вольсунгах» и др. Арестован в 1935 по делу о «немецко-фашистской контрреволюционной организации на территории СССР», обвинялся в «участии в составлении фашизированного Большого немецко-русского словаря». Приговорен к ссылке на три года, которую отбывал в Омске. После освобождения в 1938 г. был лишен права въезда в Москву и Ленинград; только в феврале 1940 г. получил место в Курском пединституте. В 1941 г. эвакуировался в Сарапул.

В 1920-е гг. Ярхо опубликовал статьи по теории литературы: 1) Границы научного литературоведения // Искусство. 1925. № 2. С. 45–60; 1927. Т. 3, кн. I. С. 16–38; 2) Простейшие основания формального анализа // *Ars poetica*. I: Сб. ст. / Под ред. М.А. Петровского. М., 1927. С. 7–28 (Тр. ГАХН. Лит. секция; Вып. I). В 1935 г. выпустил статью о структуре русских частушек: *Organische Struktur des russischen Schnaderhüpfels (Častuška): (Mit Ausblicken auf das deutsche Schnaderhüpfel)* // *Germanoslavica*. 1935. Jg. III. H. 1/2. S. 31–64; см. также: Соотношение форм в русской частушке / [Предисл. и публ. М.Л. Гаспарова] // Проблемы теории стиха / Отв. ред. В.Е. Холшевников. Л., 1984. С. 137–167. Основной труд Ярхо увидел свет только в 2006 г.: *Методология точного литературоведения: Избр. тр. по теории литературы* / Изд. подгот. М.В. Акимова, И.А. Пильщиков, М.И. Шапир. Под общей ред. М.И. Шапира. М., 2006 (*Philologica russica et speculativa*. Т. V) (с. 844–868: «Опубликованные труды Б.И. Ярхо (1910–2005)»).

Лит.: *Шапир М.И.* Б.И. Ярхо: штрихи к портрету // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1990. Т. 49. № 3. С. 279–285; *Гаспаров М.Л.* Избр. труды. М., 1997. Т. 2. О стихах. С. 468–484; *Акимова М.В.* 1) Гуманитарные науки и биология: Б.И. Ярхо и терминология русского преструктурализма // *Антропология культуры*. М., 2005. Вып. 3: К 75-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. С. 28–39; 2) Ярхо и Шпет // *Стих, язык, поэзия: Памяти Михаила Леоновича Гаспарова*. М., 2006. С. 91–102.

7) Подробнее о В.В. Богданове и Н.И. Нарском см. в беседах Якобсона с К. Поморской [Якобсон, Поморска 1982, с. 3–4].

- 8) О деятельности Комиссии по народной словесности и Этнографического отдела ОЛЕАЭ см.: *Померанцева Э.В.* Комиссия по народной словесности Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (1911–1926) // *Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии.* М., 1963. Вып. 2 (Тр.ИЭ, т. 85); *Липец Р.С., Макашина Т.С.* Роль Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в организации русской этнографической науки // *Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии.* М., 1965. Вып. 3. С. 39–60 (Тр.ИЭ, т. 91); *Керимова М.М.* Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии и судьба его архива // *ЭО.* 2007. № 1. С. 137–141.
- 9) *Георгий Генрихович Дингес (1891–1932)* – этнограф и музейный работник, специалист по языку и культуре немцев Поволжья. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1917). В 1917–1918 гг. принял участие в создании немецкой автономии; с ноября 1918 г. преподаватель Саратовского университета. После того как в 1925 г. в г. Покровске был открыт Центральный музей АССР Немцев Поволжья, Дингес стал его первым директором. В том же году возглавил Центральное бюро по изучению диалектов немцев Поволжья. В 1930 г. Дингес был арестован по обвинению в «антисоветской националистической деятельности» и выслан в Томскую область, где скончался, заразившись сыпным тифом.
- 10) О фольклорно-диалектологических экспедициях участников МЛК см. также: [Якобсон, Богатырев 1923, с. 14].
- 11) Литературно-издательский отдел Наркомпроса (ЛИТО) создан декретом ВЦИК в ноябре 1917 г.
- 12) Отдельные протоколы заседаний МЛК хранятся в личных фондах Г.О. Винокура и В.И. Нейштадта в РГАЛИ [Шапир 1996, с. 370, примеч. 5].

Протокол Заседания Московского Лингвистического Круга от 5 апреля 1919 года¹

Присутствовали: председатель Якобсон, Ю.М. Соколов, Б.М. Соколов, Буслаев, Свешников, Винокур, Яковлев, Шиллинг.

Заседание открывается докладом Н.Ф. Яковлева на тему: «Русская историческая лирика XVI–XVII веков.»¹. Содержание доклада при сем прилагается².

После доклада в имевших место прениях принимали участие: Ю.М. Соколов, Б.М. Соколов и Р.О. Якобсон.

¹ РО ИРЯ РАН. Ф. 20. Ед. хр. 2. II. № 1. Л. 14–15. Текст писан Г.О. Винокуром (чернилами).

² Тезисы доклада в материалах архива отсутствуют.

Ю. Соколов отметил, насколько важное дело начал своей работой Н.Ф. Яковлев, вступив на путь научной разработки вопросов русской устной лирики. До сих пор вопрос об изучении лирики очень плохо разработан в науке. Несомненно, что к изучению лирики необходимо прилагать те же приемы, кои прилагаются и к изучению эпической поэзии, т. е. необходимо то же сопоставление вариантов, исследования стилистики и пр. Подспорьем при этом могут служить текстуальные записи, письменные произведения. В этом смысле работа очень удалась Н. Яковлеву. Ю. Соколов замечает, что эпическую поэзию изучать легче — так как там сюжет запечатлен и устойчив. В лирике же наблюдаем отрывочность мотивов, за которыми часто трудно уследить. В смысле методологическом Ю. Соколов не находит никаких возражений докладчику. По его мнению, совершенно правильно разрешен вопрос о возможности заимствования из галицко-волинской области (заимствования, конечно, быть не могло); эпоха *возникновения лирической песни³, установленная докладчиком на основании тех данных, которыми мы обладаем, также не может быть опровергаема. Очень важно, что докладчик обратил внимание на географическое распространение произведений народной словесности, мы знаем уже, какие ценные результаты дал этот метод при изучении духовных стихов, напр. Также несомненно правильно, что исторические песни восходят к обрядовой поэзии — это положение подтверждает мысль Веселовского. Ю. Соколов не согласен лишь с термином «лиро-исторические» песни, усвоенным докладчиком. «Лиро-эпические» термин гораздо более подходящий, ибо в разряд изучаемых песен могут войти песни и без исторической основы. Для этих же именно и характерно соединение лирики и эпоса. В связи с выслушанным докладом, Ю. Соколов отмечает общее тяготение современных ученых умов к изучению лирики. Между прочим, в последнем заседании Археологического общества ак. Соболевский сделал ряд наблюдений над лирической песней: многие из упомянутых песен восходят к исторической. Лирическая песня, между прочим, содержит целый ряд конкретных указаний; как на пример Ю. Соколов указывает на зачин, наблюдаемый в Александровской слободе.

Б. Соколов отмечает, что по отношению к эпосу уже давно было указано на роль обрядовой песни (Лобода²). Если даже нельзя установить непосредственных источников, то все же — свадебная песня сохраняет в большей первоначальности поэтические образы. Нужно понимать это все в том смысле, что та или иная песня влияла на былины, но вся свадебная поэзия была источником былевого эпоса. Но все же возникает вопрос: непосредственно ли влияние свадебной поэзии на лирическую, или же были различные промежуточные звенья? По мнению Б. Соколова, докладчик допустил ту ошибку, что использовал метод, прилагаемый обычно к изучению письменности, — при изучении народной поэзии

³ *Вписано над строкой.*

необходимо учитывать промежуточные звенья и прихотливые комбинации, путем коих происходило влияние. *Переходя к частным вопросам⁴, Б. Соколов отмечает, что, может быть, исторические песни о взятии Казани дают также какой-либо материал. Б. Соколов предполагает, что в песни о взятии Казани отразились первоначально настроения туземцев, татар, потерпевших разгром.

Р. Якобсон, выяснив, что в северо-великорусской области не замечена свадебная песня, а песня о Казани отмечена лишь в особой редакции — отмечает, что этот факт может служить указанием на момент возникновения этой песни⁵, ибо северное племя отделилось раньше остальных. Происхождение же южновеликорусской народности до сих пор загадочно. Очень может быть, что она представляет из себя конгломерат отдельных⁶ ответвлений различных племен. Особенно настаивать на колонизации из Киевщины на север, *как это делает докладчик⁷, нельзя. К этому времени племена уже сильно отличались друг от друга (между прочим, конечно, и гал<ицко>-вол<ынские> от ю<жно>-в<еликорусских>). На всем ю<жно>-в<еликорусском> наречии следов малорусского отложения не находится, тем более с западной ветвью малорусского племени. Р. Якобсон полагает, что нельзя считать типически лирическим стихом — трехударный стих с ударением на предпоследнем слоге. Р. Якобсон полагает, что 3-х и 4-х ударные стихи обусловлены лишь разными поэти- // (л. 15) ческими школами, и в доказательство ссылается на песни из сборника Кириши Данилова, где песни, отличающ<ие>ся ритмом, отличаются и по поэтике и, как кажется, по языку. Что касается возможности отражения туземных настроений в песни о взятии Казани, на которую указывал Б. Соколов, то, м. б., первоначально плач царицы Евдокии (который приведен и в летописи) был плачем царицы казанской, а затем путем драматической антитезы мотив этот усваивается новым колонистам, которые попадают в бедственное положение.

Н.Ф. Яковлев, отвечая Ю.М. Соколову, указывает, что в его докладе вопрос о роли обрядовой лирики и устойчивости текстов — обойден. Но задней мыслью было желание показать, что одним из элементов, из которых в XIII веке песня слагалась, — была обрядовая лирика. Та же лирика использовалась для создания солдатской песни, причем здесь эти элементы не всегда достаточно хорошо перерабатывались, а иногда имеем и прямые заимствования, как, напр., образы чужой стороны. Аналогичный вопрос был поставлен на Западе Гастон<ом> Парисом³): он указал, что в

⁴ Вписано над строкой.

⁵ Сначала было написано: обрядовой поэзии; потом зачеркнуто карандашом и сверху надписано: этой песни.

⁶ Сначала было написано: различных; потом зачеркнуто и сверху написано: отдельных.

⁷ Приписано сверху.

развитии средневековой поэзии сыграла роль обрядовая поэзия (гл<авным> обр<азом> он указывал на весенние обряды — эту мысль у него взял Аничков⁴⁾). Но Гастон Парис обошел свадебную лирику. На русской почве свад<ебная> лир<ика> была несомненно главным материалом. Что касается устойчивости текста, то Н. Яковлев полагает, что мнение о неустойчивости лирических текстов предвзято, ибо даже в чисто лирических образцах нар<одного> творчества тексты устойчивы. Н. Яковлев указывает на статистич<еский>⁸ метод, который прилагается им при изучении этого вопроса: этот метод дал указание на большое количество совпадений: не ниже 25% и до 50% и даже до 90%. Наиболее подвержены изменениям начало и последующие члены противопоставлений. Что касается термина «лиро-эпический», то Н. Яковлев находит неудобным, потому что, по его мнению, данным термином должна характеризоваться формальная сторона. С этой точки зрения — «лиро-эпический» — термин противоречивый. Отвечая на затронутый Б. Соколовым вопрос о промежуточных стадиях влияния, Н. Яковлев указывает, что здесь возможны самые разнообразные предположения. Но все же здесь более вероятно прямая переработка песни. О запеве это трудно сказать, при нескольких переработках не было бы такой законченности. Надо думать, что здесь имеет место единоличная, единовременная переработка. Записи Джемса указывают на короткий промежуток между событием и созданием песни⁵⁾. На то же указывает и само содержание песни. Такой быстрой переработке помог игровой элемент и готовая поэтическая школа. Можно, конечно, предположить, что песня о Казани раньше приурочивалась к другому событию — тогда эпоха создания отодвигается, но в основе все же лежит акт единоличного творчества. Что касается исторических параллелей, то они не использованы и вряд ли что могут дать.

По этому поводу Б. Соколов и Р. Якобсон указывают на зачин песни, *а также на⁹ параллели в плаче Ксении Годуновой, где слово «кокушка», может быть, указывает на то, что первоначально это был плач царицы Казанской.

Яковлев отмечает¹⁰, что «перепелка» в плаче Ксении Годуновой указывает на заимствование из свадеб<ной> поэзии⁶⁾. Что касается затронутого Р. Якобсоном вопроса о колонизации, то Яковлев повторяет, что дата XII–XIII в. указана как последняя возможная. Что касается ритма, то он несколько сближает велик<орусские> варианты с галицко-волын<скими>. Яковлев полагает, что песни о Казани нельзя возводить к плачу

⁸ Сначала было написано: особого рода, потом зачеркнуто и сверху написано: статистич<еский>.

⁹ Сначала было написано: и, потом зачеркнуто и сверху написано: а также на.

¹⁰ Сначала было написано: указывает, потом зачеркнуто и сверху написано: отмечает.

царицы Евдокии¹¹, ибо форма плача чисто книжная. Есть другая песня, в одном варианте похожая на плач царицы Казанской — но запись очень сомнительная. Во всяком случае элементы песни восходят к обрядовой лирике.

Ю. Соколов задает вопрос: как объяснить, что¹² обрядовая лирика послужила материалом для солдатской песни? Ответ несомненный: через причитания. Это могло случиться потому, что причитальщиками являлись те же лица. Несколько неясна ритмика. Но плач цар<ицы> Казан<анской> и Кс<ении> Годун<овой> могут иметь источником причитания. Это приводит снова к схеме Веселовского. Ю. Соколов еще раз отмечает предпо<чт>ительность термина «лиро-эпический» перед «лиро-исторический», как уже установившегося в науке.

Яковлев отвечает, что этот термин вовсе не так устойчив, наряду с ним употребляются термины: «низший-эпический», «безымянно-молодец<кий>» и пр. Веселовский, создавая этот термин, указывал на древний момент, когда из кантилены возникала эпическ<ая> поэзия. В XVI в. такого непосредств<енного> перехода не видим. О роли же причитаний Яковлев не спорит.

В заключение Б.М. Соколов делает несколько указаний на важность параллельного изучения просодии, т.е. звуковых сочетаний, при изучении произв<едений> народ<ной> словесности. Б.М. Соколов приводит некоторые примеры ассонансов и аллитераций из былин. Так обычно повторение той же группы из гласного и согласного (причем возможно в обратном порядке), напр. «звон во Новгороде», «напитки во Питере» и т.д. Существует определенный закон, по которому встречается одинаковый согласный в¹³ постоянном эпитете и определяемом им слове. Или же существует закон расподобления, если в эпитете *p*, то в слове *л*. *Такие прим<еры> Б. Соколов прив<одит> и из <лирических песен>¹⁴: *горючими слезьми, кудри (головы)*¹⁵ *молодецкие, трава шелковая* и пр.⁷⁾

Р. Якобсон указывает, что к данной стороне изучения песни естественнее приложить термин: «эвфоника», ибо под «просодией» всегда подразумевали все-таки количественные отношения.

Б. Соколов вполне соглашается с этим.⁸⁾

На этом *прения и¹⁶ заседание закрываются.

1) Богатырев и Якобсон сообщили об этом выступлении Яковлева: «Н.Ф. Яковлев посвятил обширную работу отражению исторических

¹¹ Сначала было написано: Казанской, потом зачеркнуто и сверху написано: Евдокии.

¹² Слово вписано сверху карандашом.

¹³ Далее зачеркнуто: в каком-либо слове.

¹⁴ Сначала написано: Напр.; потом зачеркнуто и написано сверху и снизу: Такие прим<еры> Б. Соколов прив<одит> и из.

¹⁵ Слово приписано сверху.

¹⁶ Приписано сверху.

событий XVI–XVII в. в лирической песне. Яковлев прочел в Московском Лингвистическом Кружке (1920 г.) отрывок своей работы, где он сопоставляет известную лирическую песню “Соловей кукушку подговаривал” с повествованием “Казанского Летописца” о падении Казани. Яковлев устанавливает географическое распространение этой песни, пытается путем сопоставления и формального анализа вариантов восстановить первоначальный контекст песни и рассматривает, как изменяется песня, входя, с одной стороны, в круг свадебной лирики, а с другой стороны, попадая в солдатскую среду» [Якобсон, Богатырев 1923, с. 44].

Со ссылкой на Богатырева и Якобсона о докладе Яковлева позднее писал А.В. Позднеев: «...создание одной песни было отнесено ко второй половине XVI в., мы имеем в виду доклад в Московском лингвистическом кружке в 1920 г. Н.Ф. Яковлева (ненапечатанный), где он сопоставлял известную лирическую песню “Соловей кукушку подговаривал” с повествованием Казанского летописца о падении Казани. Наше исследование, проведенное независимо от Н.Ф. Яковлева, подтверждает его выводы. В данной песне первой ее части, содержащей предложения молодца девице ехать в Казань, противостоит вторая, где она отказывается ехать из-за тяжелого положения, в котором находится Казань, где реки протекли кровью. Противопоставление прошлого Казани ее настоящему имеется и в Казанском летописце: “Реки иже по всему граду крови их пролиашеся и потоцы горячих слез протекоша”. В большинстве вариантов песни рассказывается, что по горам лежат головы молодецкие-казацкие, но в двух вариантах присутствует более архаичный конец: головы “молодецкие, все стрелецкие”, что возвращает нас к середине XVI в. и позволяет отнести сложение песни к этому времени. Можно думать, что песня появилась ранее повести: она отражает непосредственное впечатление от событий 1552 г., тогда как повесть создана около 1564 г. Для песни характерно наличие и дактилических, и мужских, и женских окончаний стихов» [Позднеев 1996, с. 393].

2) Фольклорист, этнограф и литературовед Андрей Митрофанович Лобода (1871–1931), автор книги «Русский богатырский эпос» (Киев, 1896) и др. научных трудов.

3) Гастон Парис (Gaston Paris; 1839–1903) — французский исследователь средневековой литературы.

4) Имеется в виду книга: *Аничков Е.В.* Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян. СПб., 1903–1905. Ч. 1–2.

5) «Ричард Джемс, священник, был участником английского посольства в Москву, пробыл там с 19 января 1619 г. по 20 августа того же года, затем вместе с частью посольства зимовал в Холмогорах и весной 1620 г. вернулся в Англию. В его записной книжке, хранящейся в Бодлеянской библиотеке Оксфорда, найдена сделанная хорошо грамотным русским запись пяти исторических и лирико-эпических песен о событиях конца XVI — начала XVII в.» [Демократическая поэзия 1961, с. 163]. См.: *Симони П.К.* Великорусские песни, записанные в 1619–1620 гг. для Ричарда Джемса на крайнем севере

Московского царства. СПб., 1907 (Памятники старин. рус. яз. и словесности XV–XVIII ст. Вып. 2, 1) (Сб. ОРЯС; Т. 82, № 7). В издание включена статья «Чтение академика Ф.Е. Корша с его замечаниями о ритме и метрике песен и проч.» [там же, с. 16–29].

6) Имеются в виду слова из плача дочери Бориса Годунова Ксении: «Сплачется мала птичка, белая перепелка: / “Ох-ти мне, молоды, горевати, / хотят сырой дуб зажигати, / мое гнездышко разорити, / мои малые дети побити, / меня, перепелку, поимати”» [Демократическая поэзия 1962, с. 66].

7) Б.М. Соколов делится с Богатыревым и Якобсоном наблюдениями, которые в развернутом виде он изложил в статье «Экскурсы в область поэтики русского фольклора»: «Особенно бросился нам в глаза при изучении постоянных былинных эпитетов тот факт, что в большом количестве случаев мы встречаем при наличии в определяемом эпитетом слове звука *р* или *л* в самом эпитете обратно звук *л* или *р*. Примеров этому такое большое количество, что из них напрашивается выведение закона о взаимном притяжении плавных *р* или *л*. Примеры перед ударной гласной: *сыРа земЛя, гРидня стоЛовая...*» [Соколов Б. 1926, с. 37].

8) В своей статье «Экскурсы в область поэтики русского фольклора» Б. Соколов посвятил специальную главку «евфонии» в русском фольклоре: «Современная формальная школа литературоведения старательно выдвинула проблемы т. н. “евфонии” и много уделила внимания изучению всевозможных видов созвучий, внутренних и внешних рифм, аллитераций и ассонансов, звуковых повторов и вообще “звуковой инструментовки” поэтической речи. Многое преподносилось как новое открытие. <...> Ближайшее обращение к русскому фольклору показывает, как давно и в каком удивительном разнообразии и многогранности эти “евфонические” приемы были использованы различными жанрами русского фольклора» [Соколов Б. 1926, с. 36].

Протокол заседания Московского Лингвистического Кружка от 20 апреля 1919 года¹⁷

Присутствуют: Брик, Богатырев, Винокур, Нейштадт, Свешников, Якобсон.

Доклад П. Богатырева: «О народных анекдотах»¹⁾. Основные положения прилагаются¹⁸. Прения были разбиты на части соответственно частям доклада.

¹⁷ РО ИРЯ РАН. Ф. 20. Ед. хр. 2. II. № 3. Л. 22–22об. (рукопись), л. 20–21об. (машинопись).

¹⁸ Тезисы доклада в материалах архива отсутствуют.

1. Нейштадт: Какая разница между сказкой и анекдотом? Напр., заветные сказки — сказки или анекдоты? Есть черты, роднящие заветные сказки с бытовыми сказками. Обращаясь в анекдоты, они сокращаются, утрачивают бытовые черты, порнографический элемент усиливается.

Богатырев: Вообще до некоторой степени подразделение условно. Деление же на фантастические и нефантастические сказки очень неубедительно.

Брик: Из доклада не ясна грань анекдота и шутки. В анекдоте мы предполагаем наличие сюжета, факта; ср. с другой стороны вербные (так!) шутки и т. п. Наличие сатирического и юмористического элемента нельзя класть в основание выделения анекдотов в особый вид художественных произведений, есть и сказки смешные. Далее — надо различать юмористические положения и юмористическую передачу, сказ. Можно проследить анекдот как рассказ, где само положение долженствует действовать комически.

Нейштадт: Именно так понимал анекдот Достоевский (ср. «Скверный анекдот»).

Богатырев: Брик считает неправомерным объединение анекдотов и прибаулочек, но принцип построения последних близок к анекдотическому.

Якобсон: Все существующие классификации сказок абсолютно не отвечают требованиям научного метода и относятся к научной классификации, как приемы мясника к приемам анатомиста. Анекдоты с фантастическим элементом представляются докладчику сказками-пародиями. Не есть ли это ошибка нашего восприятия? Деление художественных фактов на основании того, вызывают ли они смех или слезы, крайне субъективно и сверх того подменивает классификацию формальную — психологической. Анализируя стих анекдотов, докладчик упустил из виду темп, играющий в сказовом стихе значительную роль.

Богатырев: О темпе устных рассказов у нас мало данных. Что касается до деления устных рассказов на сказки и анекдоты, то оно, по-видимому, имеет основание и в стилистике.

Якобсон: Во всяком случае классификация должна явиться лишь в результате формального анализа, а не предшествовать ему.

II. Буслаев: На каком принципе происходит отбор при заимствовании?

Богатырев: Критерий отбора — вопрос интересный, но почти не изученный. // (л. 21)

Брик: Необычность не нужно понимать как нечто историческое или местное. Сюда следует относить все необычное по отношению к текущей действительности. В этом случае на докладе сказывается суживающее значение термина «анекдот».

Якобсон: Термин «сверхобычный» страдает двусмысленностью. Кроме необычных происшествий, возможны и иные источники сюжетов.

Такова: 1) произвольная комбинация элементов реальности (кентавр, киклоп, лилипут), 2) словесная форма направляет сюжетное развитие.

III. Нейштадт: Необходимо выделить случаи более сложной композиции, типа: по морю медведь летит.

Брик: Рассматриваемый материал — не анекдоты, это репертуар дурака, но вероятно, есть и сюжеты о дураке, напр., сказка о Иване-дураке.

Якобсон: Именно эти *lazzi* и составляют сюжеты. На примере формального анализа анекдотов о дураках ясно, что те же поэтические приемы мы находим в т. наз. фантастических сказках.

Брик: Очевидно, здесь разница не в поэтике, а в применении. Применение же часто бывает крайне своеобразным. Ср., напр., колыбельное пенье с кошмарным содержанием.

IV. Винокур. Докладчик напрасно считает мазуракание чертой нееврейского произношения²⁾. Ср., напр., передачу еврейской речи в литературе, напр., у Чехова. Что же касается того, что в анекдотах не передано столь характерное для евреев задненебное *p*, то оно может быть усвоено рассказчиками лишь с большим трудом.

Брик. В сказках об инородцах надо различать 2 категории явлений: 1) бытовому явлению придается художественная окраска, 2) рационализация художественного приема.

Якобсон. Анекдоты об инородцах с мотивом надувательства — это не что иное, как приуроченные анекдоты о хитрецах. Сдвиг речи, оправданный иностранным приурочением, может найти не только смехотворное, но и иное, напр. мистическое, применение (ср. языкоговорения сектантов). Анекдоты, высмеивающие быт инородцев, не являются этнографическим очерком. Генетически они могли в некоторых случаях возникнуть и на этнографической почве, но это для них несущественный признак. Они свободно переносятся от одного народа к другому, приобретают классовую локализацию и т. д. Формально анекдоты об инородцах — это локализованные мотивы экстраординарного и не отличаются по существу от анекдотов о дураках. Что касается мазуракания, то оно, конечно, не является чертой белорусской, и в то же время характерно для евреев черты оседлости. Почему евреи мазуракают — это вопрос другой.

V. Винокур: В возникновении сказок о попах, кроме элемента экономического, играет роль и момент художественный, театральный. Этим, может быть, объясняется большее количество анекдотов о попах, чем о барах. // (л. 21об.)

Брик. Связь сюжетов о попах именно с духовенством не имеет характера принудительности. Почему не популярны сказки о барах, между тем как последние не менее театральны, чем духовенство? М. б., играет роль отсутствие страха к последнему. Ср. отсутствие сказок о начальстве.

Винокур. Дело в том, что барин дальше, более чужд крестьянству, в то время как поп — человек, вышедший из своей среды.

Брик. Бытовая спайка духовенства с крестьянством — специфически русская черта (В. Розанов).

Якобсон. Нет ни одного сюжета о попах, который не получал бы иного приурочения. Попы — благодарный материал, потому что незнакомое должно переплетаться со знакомым, а таков быт сельского духовенства. Богохульная обедня основана на несоответствии формы и содержания. Нужно высказать пожелание, чтобы при печатании работы положения были снабжены обильными примерами.

Затем принимается пожелание о том, чтобы летом Кружком была предпринята коллективная работа по какому-либо вопросу поэтического языка.

Избирается в члены Кружка О.М. Брик.

Председатель: <Якобсон>

Секретарь: Винокур

Члены: Богатырев, Нейштадт, Буслаев, Брик

1) Содержание доклада частично восстанавливается на основе сообщения Якобсона и Богатырева: «Одновременно с Шкловским Богатырев, исходя, из полемики с фон-дер-Лейеном, обосновал “теорию необычного”, положенную в основу его докладов о народных анекдотах в Лингвистическом Кружке. Возражая фон-дер-Лейену, видящему, напр., в сказке об убийстве падчерицы мачехой отражение первобытной жестокости, Богатырев высказывает предположение, что в сказку подобный мотив мог попасть лишь будучи фактом необычным, нарушением нормы. Словом, жизненный факт, лишь будучи необычным для среды, в которой возникала сказка, мог стать сказочным сюжетом. Сюда относятся, кроме фактов патологических, воспоминания о бытовых явлениях прошлого, ставших диковинными, а также сведения о бытовых явлениях другой племенной или социальной среды, непривычных для данной среды. Анализируя форму народных анекдотов, докладчик рассматривает последние как развернутые “прибакулочки” (а. – типа метатезы, б. – типа оксюморона). Аналогичны по построению, но отличаются мотивировкой сказки и легенды. Культурно-исторические выводы из анекдотов и сказок надо делать с большой осторожностью, поскольку легко принять за бытовой факт композиционный прием. Анекдоты об инородцах отличаются от анекдотов о дураках исключительно мотивировкой. Далее Богатырев рассматривает способы построения анекдотического языка инородцев, способы анекдотического сказа и приемы сочетания нескольких анекдотических мотивов в единое композиционное целое» [Якобсон, Богатырев 1923, с. 53].

См. также о докладе Богатырева в статье Якобсона «П.Г. Богатырев (29.I.1893–18.VIII.1971): мастер перевоплощений» (1975): «В центре горячих споров и дискуссий Московского лингвистического кружка стояли семиоти-

ческие проблемы взаимоотношений фольклора и письменной литературы, и именно там Богатырев впервые настойчиво поставил вопрос о возможности выстраивания строгой типологии повествовательных сюжетов, бытующих в фольклоре, и предложил соответствующую классификацию (к сожалению, никогда не публиковавшуюся) народного анекдота (*fabliaux*). Эту задачу несколькими годами позже осуществит В. Пропп применительно к волшебным сказкам. Доклад Богатырева “Народные сказки о дураках”, прозвучавший на заседании кружка в 1919 г., глубоко взволновал аудиторию и был дополнен некоторыми внешне близкими и в то же время, как заметил сам докладчик, отдаленными параллелями из собственно литературы. Так, в богатыревской схеме “дураки второй категории” — это те, кто делают обычные вещи, но в неуместной ситуации, например, используют похоронные формулы, но во время свадьбы, и наоборот. Далее автор шутивно добавлял: “Евгений Онегин — типичный дурак второй категории: он отвергает Татьяну в неправильный момент, а затем, опять в неподходящий момент, признается ей в любви”» [Якобсон 1999, с. 69–70]. См. сходные сообщения Якобсона в его беседах с К. Поморской [Якобсон, Поморская 1982, с. 14].

2) Имеется в виду так называемое «мазуравание» — шепелявое произношение согласных, объясняемое польским влиянием.

Заседание 25 апреля¹⁹ [1919 г.]²⁰

Присутствовали: Брик, Винокур, Богатырев, Гурьян, Нейштадт, Якобсон.

Председатель докладывает о предложении О.М. Брика издать сочинения Корша по стихосложению. Поручено Якобсону и Винокуру составить подробный проект изданий Кружка.

Доклад Богатырева: О «Гусаре» Пушкина¹⁾.

Содержание доклада прилагается²¹.

Брик останавливается на некоторых фактах, представляемых великорусской сказкой, которые как будто указывают на большую возможность этой сказки как источника «Гусара». Таким местом является «квартира», причем эта квартира подробно объяснена в сказке. Психологически очень возможно, что именно благодаря этому особому подчеркиванию слова «квартира» в сказке — Пушкин употребил это слово и в своем «Гусаре». Далее, в сказке указывается, что ведьма мажет себе нос перед превращением. Не стоит ли этот мотив в связи с пушкинским: «Понюхал.

¹⁹ РО ИРЯ РАН. Ф. 20. Ед. хр. 2. II. № 4. Л. 25–25об. Писал Г.О. Винокур (чернилами).

²⁰ Приписано карандашом.

²¹ Тезисы доклада в материалах архива отсутствуют.

Кисло и т.д.». Интересно далее сопоставить появление коня у Пушкина и предшествующий ему момент с кочергой — с великорусской загадкой: «черный конь прыгает в огонь».

Нейштадт. Встречаются ли в малорусских сказках мотивы самостоятельного полета неодушевленных предметов? Вероятно, встречаются, ср. «Ночь перед Рождеством». Описание шабаша в некоторых деталях совпадает с западными легендами. Помимо того, ведьма красивая — типична для западной легенды, и нехарактерна для русск<ой> сказки.

Богатырев. В м<ало>р<усской> сказке ведьма обычно красивая, в в<елико>р<усской> некрасивая.

Нейштадт указывает на «Пропавшую грамоту» Гоголя, где обращение к ведьме с просьбой дать коня совпадает с пушкинским. Не есть ли это косвенное указание на возможность м<ало>р<усского> источника?

Богатырев отмечает, что литерат<урная> передача м<ожет> б<ыть> и поздней. Все, что есть в зап<адной> легенде, есть и в в<елико>р<усской> сказке.

Брик. Чтоб обосновать в<елико>р<усское> происхождение — надлежит вычеркнуть все элементы сомовские²¹ и м<ало>р<усские>.

Богатырев отводит м<ало>р<усский> на задний план по двум основаниям: 1) незнакомство Пушкина с м<ало>р<усским> фольклором, 2) промежуток в 13 лет между пребыванием на юге и временем написания.

Нейштадт отводит оба эти основания: 1) незнакомство с м<ало>р<усским>²² фольклором не доказано, 2) между ознакомлением Пушкина с сюжетом «Сказки о царе Салтане» и временем ее написания — промежуток 9 лет.

Винокур считает, что все биографические основания наиболее шатки, и на них нельзя ничего в конечном счете основывать. Так, для того, чтобы Пушкин мог познакомиться с сюжетом «Гусара», ему вовсе не надо было предварительно быть вообще знакомым с фольклором. Единственный верный метод — метод формального и стилистического анализа.

Якобсон (замечания Якобсона прилагаются)²³.

Богатырев. Нет оснований признавать «Сказку о царе Салтане»²⁴ в записи Зеленина вычитанной у Пушкина. Что касается квартеты, то она вполне законна в в<елико>р<усской> сказке и не указывает на заимствование сказки у Пушкина.

Доклад Богатырева «Труд Познанского о заговорах»³).

Содержание доклада прилагается²⁵.

²² Приписано сверху карандашом.

²³ В рукописи замечаний Якобсона нет.

²⁴ Так в рукописи.

²⁵ Тезисы доклада в материалах архива отсутствуют.

Брик указывает, что сквозной эпитет наблюдается не только в заговорах, но и в литературе (напр. Пушкин). Вообще эпитет связан не только с данным словом, но и со всем словосочетанием, произведением; можно утверждать, что существуют эпитеты, сквозные для автора, эпохи и т.д. Можно сравнить эпитет с «протекающей раскраской» современных живописцев, где цвет не совпадает с предметом. В заговорах такой элемент лишь ярче выражен, более сгущен.

Богатырев указывает на скрытый сквозной эпитет. Первоначально был главный эпитет — который окрасил собою последующее.

Брик считает, что не всегда вначале имеем смысловой элемент, хотя в заговорах большей частью именно так. // (л. 25об.)

Якобсон. Сквозной эпитет стоит обычно на первом месте — так же и в лубках. Можно указать также на сквозное определяемое: красный конь, черный конь и т. д.

Богатырев подтверждает частые случаи сквозного определяемого.

Якобсон указывает на изобилие эпитетов, метафор, образов. При этом употребляются всевозможные средства: мы наблюдаем в заговорах словесную гипертрофию: «три тоски тоскущие, три рыды-рыдучии». Познанский — типичный представитель шлейхеровщины⁴⁾, которая строит все на предположении идеального логического соответствия в прошлом. Кроме того, Якобсон указывает, что часто ряд реальный подменяется рядом метафорическим.

Нейштадт приводит обратные случаи.

Председатель: Якобсон

Секретарь: Винокур

Члены: Богатырев, Брик, Нейштадт

1) О содержании доклада Якобсон и Богатырев писали: «Доклад Богатырева (1919 г.) о пушкинском стихотворении “Гусар”. Докладчик указывает на сказку Вятской губ. из сборника Зеленина как на возможный источник стихотворения (обычно стихотворение связывалось с малорусскими источниками) и далее прослеживает возвращение “Гусара” в народную среду в виде монолога в пьесе “Царь Максимилиан”» [Якобсон, Богатырев 1923, с. 39]. Доклад лег в основу статьи: *Богатырев П.Г.* Стихотворение Пушкина «Гусар», его источники и его влияние на народную словесность // *Очерки по поэтике.* Берлин, 1923. С. 147–195.

2) Имеется в виду Орест Михайлович Сомов (1793–1833) — украинский и русский писатель, литературный критик и журналист, автор повести «Киевские ведьмы» (1833).

3) Имеется в виду книга: *Познанский Н.* Заговоры: Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. Пг., 1917 (репринт: М., 1995).

4) Имеется в виду немецкий лингвист Август Шлейхер (August Schleicher; 1821–1868).

**Протокол заседания
Московского Лингвистического Кружка
от 17 мая 1919 г.²⁶**

Присутствовали: Богатырев, Брик, А. Буслаев, И. Буслаев, Винокур, Горнунг, Нейштадт, Петерсон, Свешников, Ю. Соколов, Якобсон.

Утверждаются протоколы 4-х предыдущих заседаний.

Ю.М. Соколов делает сообщение о народных легендах, связанных с текущими событиями¹⁾, записанных г. Барановым, любителем фольклора²⁾. Записи эти делались Барановым на улицах Москвы, в очередях, на площадях и т. п. Ю.М. Соколов имел случаи и сам записывать современные легенды (напр., в Нижегородск<ой> губ.), но в литературе мы не имеем о них почти ничего. Единственная книжка «Дух народа» г<оспо>-жи Федорченко не может внушать полного доверия³⁾, так как не только в книжке нет никаких указаний, у кого и при каких обстоятельствах записаны ее легенды, но даже и в личном с ней разговоре Ю.М. Соколов не мог получить²⁷ ни одного положительного указания со стороны автора. Легенды, записанные Барановым, внушают гораздо больше доверия, так как они снабжены соответствующими указаниями; помимо того, Баранов уже давно интересуется фольклором; бывал на Кавказе, где занимался записями. Что касается, однако, стилистической стороны этих легенд, то им едва ли можно вполне доверять, ибо Баранов не мог иметь возможности записывать непосредственно за рассказчиком, а принужден был записывать по памяти дома. Сюжеты же им, по-видимому, не сочинены. Легенды эти распадаются на два разряда: 1) связанные с войной и царскими кругами, 2) связанные с современной властью; последние в громадном большинстве оппозиционны, что, может быть, объясняется тем, что записаны они не в рабочей среде, а среди мелких торгашей и мещанского люда. В легендах первого типа главными действующими лицами являются: царь Николай II, царица Александра, в. кн. Николай Николаевич и Распутин. Николай II изображается почти всегда очень ограниченным человек<ом>, но с очень доброй и мягкой душой. Он отмечен роком и уже с детства обречен на гибель. Так, в одной из легенд, под заглавием «Цветочки Николая II», Николай, еще мальчик, гуляет по саду и рвет цветы. Но здесь ему является старец и говорит: «Не все тебе цветочки срывать; придет время, и уже нельзя будет тебе рвать цветов»; и действительно, впоследствии, когда разразилась революция, Николай обращается к страже пустить его сорвать цветок, но стража отвечает: «Не приказано, В<аше> И<мператорское> В<еличество>!» Тогда Николай

²⁶ РО ИРЯ РАН. Ф. 20. Ед. хр. 2. II. № 6. Л. 28–29. Запись рукой Г.О. Винокура.

²⁷ Сначала было написано: добиться; потом зачеркнуто и сверху написано: получить.

просит кого-нибудь из стражи самого сорвать цветок и принести ему, но и здесь его просьба не удовлетворяется. Всем, конечно, ясен отголосок имевшей в свое время место фразы²⁸ Николая II о том, что он хочет уехать в Ливадию, что он любит цветы, которая послужила примером многих острот и насмешек в интеллигентном мире в то время⁴). Подобно этому, и другие легенды указывают на проникновение различных слухов, сплетен, ходивших в образованном мире — в демократическую среду. Александра изображается умной, хитрой и злой женщиной, неверной женой, имеющей дружка Распутина, а Ник<олай> Никол<аевич> справедливым и строгим судьей⁵). Обращаясь к легендам второго типа, связанным с современными событиями, Соколов отмечает в них помимо оппозиционного настроения также и антисемитское. Затем Соколов читает ряд легенд *(второго типа)²⁹ по записям Баранова. Были прочтены легенды: «Кровь плачет», «Белая женщина»⁶), «Документы семи сионских мудрецов»⁷), «Чудо св. Сергия»⁸), «Солдаты и св. Гермоген»⁹), «Антихрист»¹⁰).

Обсуждение предложено³⁰ разбить³¹ на три части: 1) предлагаются вопросы, 2) обсуждаются вопросы о подлинности легенд и достоверности их как материала для изучения, 3) обсуждаются сами легенды по существу.

I. Вопросы и ответы.

Якобсон. Легенды³² первого типа конкретны, т. е. там фигурируют определенные исторические лица. Есть ли такая же конкретность и в легендах второго типа, или они все оторваны от реальных условий, подобно прочитанным?

Соколов. О деятелях рев<олюционнного> времени легенд нет. Есть одна легенда о Керенском, где отношение к нему недоброжелательно. В частушках же фигурируют все.

Якобсон. А антисемитизм, на котор<ый> указывал докладчик, конкретно проявляется или отвлеченно?

Соколов. Большею частью отвлеченно, хотя есть одно место, где еврей-комиссар участвует в разоблачении мощей.

Брик. Есть ли³³ указания на то, что евреи восстают против христиан?

Соколов. Вообще в легендах недружелюбное отношение к евреям; они часто служат поводом для осмысления современных событий.

Якобсон. Все ли частушки оппозиционны?

Соколов. Не все, но большинство.

²⁸ Сначала было написано: телеграммы; потом зачеркнуто и сверху написано: фразы.

²⁹ Надписано сверху.

³⁰ Надписано сверху.

³¹ Сначала было написано: разбивается; потом исправлено на: разбить.

³² Далее зачеркнуто: об исторических.

³³ Далее зачеркнуто: противопоставление.

Петерсон замечает, что едва ли следует ожидать других настроений в рабочей среде, как это делает докладчик. Петерсон сам наблюдал случаи такого же оппозиционного отношения и в среде рабочих.

II. Обсуждение достоверности легенд.

Горнунг отмечает, что легенды не одинаково записаны, но производят впечатление обработанности (напр., «Кровь плачет»).

Соколов также подчеркивает неодинаковость стилей. Как раз «Кровь плачет» и возбуждает сомнения.

Брик помимо вопроса о несомненности записей выдвигает новый вопрос: не являются ли эти легенды заранее заготовленными и пущенными в народ? Очень похожи на заготовленные легенды о солдате и св. Гермогене и о чуде св. Сергия. Легенда же о семи мудрецах не вызывает подобного отношения. В указанных легендах слишком очевидна тенденция. Сама оппозиционность³⁴ может объясняться не средой, а тем, что легенды эти являются нелегальной литературой. На то, что подобные легенды изготавливаются, указывает³⁵ то, что они очень уж складно составлены.

Соколов еще раз подчеркивает, что он вполне допускает возможность самостоятельной обработки легенд Барановым, но организованного изготовления он допустить не может. Это очень не похоже на русские агитационные средства, ибо всегда у нас мало пользовались фольклором.

Брик рассказывает³⁶ случай, имевший место в Петрограде. Один литератор читал лекцию об Антихристе, именно в виде таких легенд. Подобные собрания, по-видимому, происходят.

Буслаев находит, что Брик в известной степени прав. Буслаев отмечает, что некоторые легенды определенно появляются раньше в Москве, чем в деревне. Ср. с этим происходившие в разных концах города собрания, при чем ходили легенды, очень возможно, что и искусственного происхождения.

Петерсон находит, что предположение о фабрикации натянуто. Это было бы слишком сложно. Что же касается подлинности записанных Барановым легенд, то они³⁷ очевидно им не выдуманы: фабулы оригинальны, стиль разнообразен.

Богатырев указывает, что Баранов, записывая по памяти, легко мог допускать видоизменения в стиле. Можно ли его инструктировать в том смысле, чтоб он, записывая не со слов, не старался бы уже подражать стилю рассказчика, а особо запечатлевшиеся стилистические особенности — отмечал бы особо. Такая запись была бы научнее. Стиль в легендах <ах>, действительно, разный — то видна их подделка, правда, произ-

³⁴ Далее зачеркнуто: помимо того.

³⁵ Далее зачеркнуто: какая-то.

³⁶ Далее зачеркнуто: характерный.

³⁷ Сначала написано: очень; потом зачеркнуто и сверху написано: они.

вольная. Сюжеты, конечно, им не выдуманы и переданы беспристрастно. Что касается фабрикаций, то систематическая фабрикация маловероятна, в отдельных случаях же возможна. Предложенные записи сделаны из вторых рук с несомненными наслоениями из среды воспринимающих. В легенде об антихристе имеем сказочные мотивы. Если бы даже и была фабрикация, то для фольклориста это едва ли может иметь значение. Нам неважно, откуда пошла легенда; важно лишь, что мы ее знаем из вторых, третьих рук, видоизмененную. Конечно, интересен и источник, но установить его в конце концов трудно.

Горнунг отмечает, что³⁸ на местах легенды создаются скорее, чем в Москве. Там, напр., в связи с современными раскрытиями мошей, создается очень много легенд; кроме того, много легенд известно от подмосковных лиц, уже не из первых рук.

Нейштадт. В провинции оппозиция не выходит из рамок разговора; при этом очень часто можно наблюдать, что, рассказывая о каком-либо слухе или событии, ссылаются на то, что слышали из Москвы. Литературность же прочитанных легенд указывает на инспирацию³⁹.

Богатырев полагает, что ссылка на то что слышали из Москвы, есть часто лишь художественный прием.

Якобсон рассказывает, что ему приходил<ось> уже после февральской революции наблюдать, в связи с политической агитацией, определенное фабрикование легенд и слухов, причем исходило оно с крайних левых флангов. Несомненно, что и сейчас фабрикация имеет место. Конечно, это не есть какое-<то> организованное предприятие, но факт распространения с известной тенденцией — не подлежит сомнению. Для примера можно указать на недавний случай в Москве, в связи со слухами о реквизиции Иверской часовни. Не надо думать, что изучающему народное творчество не важно, откуда идут легенды. Различать агитационную цель от осмысления события — очень существенная задача. Некоторые легенды именно и производят впечатление агитации⁴⁰, причем эта агитация исходит из затронутой образованностью массы, на что указывают многие литературные и книжные места. Что касается вопроса о месте возникновения легенд вообще, то не мешает вспомнить тот факт, что целый ряд исторических рассказов исходил из центра, из специфической, полубразованной среды.

Богатырев согласен, что источник установить — очень интересно; но это чрезвычайно трудно. Так и случай с Иверской часовней — фабрикация или осмысление? Многое говорит и за второе. Вспомним, что 4 р. 40 к. — соответствует эпическому числу.

³⁸ *Далее зачеркнуто*: на местах в деревнях; *сверху написано*: на местах.

³⁹ *Испр., в ркп.*: инспирацию.

⁴⁰ *Сначала было написано*: агитационных целей; *потом ...онных целей зачеркнуто и сверху надписано* и.

Нейштадт. Возможна фабрикация в интеллигентных слоях, с юмористическим подходом. Что касается центров как распространителей легенд, то вспомним время Петровское: легенды об антихристе, как рассказаны они Мережковским¹¹⁾.

Брик. Здесь необходим формальный разбор. Легенда о семи мудрецах характерна своей формальной стороной, именно как народная. В других же легенд<ах> — морализирующая тенденция и построение слишком гладкое.

Буслаев сообщает легенду о падении Краснова, известную в Воронеже, как результат сцепления двух легенд.

Соколов останавливается еще раз на роли Баранова и подчеркивает, что записывал Б<аранов> по памяти, но сюжеты им вряд ли выдуманы. Предполагать, что легенды исходят из более образованной среды, — несомненно нужно (все виды народной поэтики так распространяются). В легендах эпохи войны ясны отголоски интеллигентских слухов и споров. Сейчас такой же процесс. Сравни обычное: «слышал от верного человека». Такого рода инспирацию принять возможно. Но Богатырев правильно отметил, что <для> фольклориста не играет большой роли это, и можно сказать, что в этом не заключается даже и интереса. Первоначальный толчок не важен — важны пути распространения и народная обработка. Но все же сознательную инспирацию вряд ли можно признать. Духовенство едва ли способно на это. Вспомним, что наше духовенство никогда не сумело развить агитации.

Якобсон. Интересно, что слухи об Иверской распространились в один и тот же день в разных церквях. Установить источник очень важно, ибо тот и другой тип легенд по первичной структуре отличаются: тенденция и худож<ественное> осмысление фактов.

Петерсон приводит ряд примеров распространения слухов и легенд, преимущественно из военной среды.

Дальнейшее обсуждение отложено за поздним временем до следующего (23 мая) заседания, в связи с новыми легендами, которые Ю.М. Соколов обещает доложить.

Председатель предлагает в члены Ю.М. Соколова: принят единогласно.

Председатель: Якобсон

Секретарь: Винокур

Члены: Брик, Свешников, Нейштадт, Горнунг

1) О содержании доклада Якобсон и Богатырев писали: «Очень мало, видимо, записано и почти ничего не напечатано из разнообразного фольклорного материала, отразившего события революционных лет. Наибольший интерес представляет доклад Ю.М. Соколова в Моск. Лингв. Кр. (1920). Докладчик подверг рассмотрению легенды и частушки о революции, записанные Барановым. Легенды, связанные с революцией, можно разбить на

3 основных цикла: легенды о крушении старого режима, где видную роль играет Распутин и на которых видимо сказалась газета и городские слухи, легенды эсхатологические и легенды о вскрытии мощей. Легенды последних двух циклов являются в некоторых случаях приспособлением старых легенд к текущим событиям. На героев легенд (Николай II, Александра Федоровна, Распутин, Ленин, Троцкий) обычно переносятся характеристики традиционных сказочных и легендарных героев» [Якобсон, Богатырев 1923, с. 55].

2) Евгений Захарович Баранов (1869 — после 1934) — журналист, собиратель фольклора. С 1892 г. работал на Северном Кавказе, а с 1911 — в московской газете «Русские ведомости». Легенды, записанные им на Кавказе, Баранов издал в нескольких книгах. Из московских записей Баранову удалось опубликовать только одну брошюру; остальные материалы остались в рукописях и частично сгорели в его квартире во время пожара в 1928 г. В 1914 г. Баранов сломал ногу, перелом сросся неправильно и превратил его в инвалида, который не мог передвигаться без костылей.

«После революции он тяжело бедствовал и, скованный своим увечьем, мог искать пропитания лишь внутри небольшого городского пространства: между Арбатской площадью, Смоленским рынком и Никитской (сам он жил на Арбате, в доме 4). Существовал случайными, иногда странными заработками: продавал с лотка подержанные книги, пел с каким-то приятелем по трактирам дуэтом народные песни, порой и нищенствовал... Сыт бывал не каждый день, часто болел. Как могли, помогали друзья: директор музея «Старая Москва» и глава одноименного общества историк П.Н. Мюллер и директор библиотеки Исторического музея этнограф Ю.М. Соколов. В самые тяжелые годы они поддерживали Баранова собственными средствами, а в конце 1920-х гг. их же стараниями удалось выхлопотать ему небольшую пенсию» [Московские легенды 1994, с. 6].

Издания фольклорных записей Баранова: 1) Московские легенды, записанные Евгением Барановым / Сост., вступ. статья и примечания Веры Боковой. М., 1993; 2) Московские легенды о писателях: Записи Е.З. Баранова / Вступ. ст., подг. текста и примеч. В. Боковой // Лица: Биограф. альманах. М.; СПб., 1994. С. 288–338. Лит.: *Китайгородская М. В., Розанова Н.Н.* Евгений Баранов — собиратель народной устной речи // Рус. яз. в науч. освещении. 2001. № 2. С. 225–239.

3) Речь идет о книге Софьи Захаровны Федорченко (1880–1959) «Народ на войне: Фронтовые записи», изданной в 1917 г. издательским подотделом Комитета Юго-Западного фронта Всероссийского земского союза. В предисловии к этому изданию (а также к журнальным публикациям его фрагментов) Федорченко утверждала, что публикует подлинные записи солдатских разговоров, а также фольклорные тексты, собранные на фронте в 1915 и 1916 гг. В действительности книга представляла собой литературную мистификацию. В 1928 г. писательница призналась, что на самом деле никаких записей на фронте она не вела и написала первую часть своей книги в Киеве и Москве — по памяти. До этого признания публикации Федорченко

воспринимались большинством читателей как документальные, чуть ли не стенографические записи аутентичных солдатских бесед. Книга Федорченко была высоко оценена критикой и неоднократно переиздавалась в первой половине 1920-х гг. Ее называли «драгоценным памятником нашей эпохи», «подлинной правдой о войне, о русском народе» (Я. Тугендхольд), «огромным складом народной мудрости» (И. Машбиц-Веров), «энциклопедией народной души» (Л. Войтоловский). Фрагменты из книги Федорченко использовались другими авторами, писавшими о войне и революции, в том числе и А.Н. Толстым. Подобные заимствования можно встретить и в позднейших памятниках советской литературы. См.: *Глоцер В.И.* К истории книги С. Федорченко «Народ на войне» // Рус. литература. 1973. № 1. С. 148–155; *Трифонов Н.А.* Несправедливо забытая книга // *Федорченко С.З.* Народ на войне / Подгот. текста и вступ. ст. Н.А. Трифонова. М., 1990. С. 2–22; *Вахитова Т.М.* Федорченко, Софья Захаровна // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Биобиблиографический словарь: в 3-х томах. М., 2005. Т. 3. С. 572–575; *Панченко А.А.* Софья Федорченко и «русский народ» // *Федорченко С.З.* Народ на войне. СПб., 2013. С. 5–17. — *А.П.* (Комментарии, написанные А.А. Панченко, здесь и далее помечены буквами «А.П.» — А.Т.).

4) Ср.: «О конце Романовской династии у нас в широких массах господствуют не совсем верные представления. Дело рисуется так, что Николай совершенно безропотно подчинился первому мановению революции. <...> Что отрешившийся царь после своего исторического шага чуть ли не ковырял в носу и тупо бормотал: поеду в Ливадию сажать цветочки» (*Кольцов М.Е.* Кто спасал царя // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы / Редакция П.Е. Щеголева; Вступ. статьи Л. Китаева, М.Е. Кольцова. 2-е изд., доп. (Л., 1927). Репринт. изд.: М., 1990. С. 28). — *А.П.*

5) Обзор слухов и легенд об императрице Александре Федоровне и великом князе Николае Николаевиче см.: [Колоницкий 2010, с. 241–506]. — *А.П.*

6) По всей видимости, речь идет о двух широко распространенных в России / СССР первой половины XX в. (и часто объединяемых в рамках одного нарратива) сюжетах о предвестии войны. Н.В. Петров реконструирует их инвариантные схемы следующим образом: «1. Человек (шофер) на дороге (едет продавать хлеб / молоко) встречает сверхъестественного персонажа, тот (в благодарность за услугу — человек привозит одежду, платок) показывает будущее: хороший урожай и смерть людей. 2. Путник идет по дороге, видит странные предметы: гроб, ведро с кровью, мешок с зерном, появляющийся интерпретатор рассказывает, что эти знаки предвещают хороший урожай и смерть людей» (*Петров Н.В.* Как баба в белом войну предсказала: эсхатологические настроения в СССР // Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве: сб. статей / Сост. А. Архипова. М., 2013. С. 194–195). Генетически оба сюжета восходят к средневековым легендам об эпидемиях. См.: *Смит С.* Небесные письма и рассказы о лесе: «суеверия» против большевизма // Антропологический фо-

рум. 2005. № 3. С. 280–305; *Петров Н.В.* Как баба в белом войну предсказала... С. 188–199; *Белова О.В.* Рассказы о знамениях войны из Брянской области: к вопросу о типологии сюжетов // *Studia internationalia*. Материалы II межд. науч. конференции «Западный регион России в международных отношениях XVII–XX вв.» (Брянск, 28–30 ноября 2013 г.) / Ред. С.И. Михальченко, А.А. Чубур. Брянск, 2013. С. 203–211. — А.П.

7) Вероятно, речь идет об устном рассказе, основанном на «Протоколах сионских мудрецов» — конспирологической антисемитской фальшивке, впервые опубликованной в 1903 г. и неоднократно переиздававшейся в 1910-е гг. Об истории «Протоколов» см.: *Кон Н.* Благословение на геноцид. Миф о всемирном заговоре евреев и «Протоколах сионских мудрецов». М., 1990. — А.П.

8) Возможно, речь в этой легенде шла о вскрытии гробницы св. Сергия Радонежского, предпринятом советскими властями в апреле 1919 г. Вскрытие и публичная демонстрация мощей православных святых (1919–1920), а также изъятие церковных ценностей были первыми в череде государственных антирелигиозных кампаний, подразумевавших осквернение и физическое уничтожение различного рода святынь. Официально санкционированные акты святотатства вызвали к жизни особый тип устных нарративов о наказании осквернителей святынь, которые продолжали существовать в течение всего советского периода (см.: *Добровольская В.Е.* Несказочная проза о разрушении святынь // *Русский фольклор*. СПб., 1999. Т. 30. С. 500–512; *Мороз А.Б.* Устная история русской церкви в советский период (народные предания о разрушении церквей) // *Учен. зап. Православного университета апостола Иоанна Богослова*. М., 2006. Вып. 6. С. 177–185; *Штырков С.А.* Рассказы об осквернении святынь // *Традиционный фольклор Новгородской области*. СПб., 2006. С. 208–231). Не исключено, что история о «чуде св. Сергия» представляла собой рассказ о наказании святотатцев, вскрывающих гробницу. С другой стороны, в период «антимощейной» кампании циркулировали и другие слухи — о том, что мощи «подменены большевиками» или что они истлели из-за того, что к ним прикоснулись святотатцы. Обзор истории кампании по вскрытию мощей и соответствующую библиографию см.: *Панченко А.А.* Иван и Яков — необычные святые из болотистой местности: «Крестьянская агиология» и религиозные практики в России Нового времени. М., 2012. С. 277–287. — А.П.

9) Священномученик Гермоген (Ермоген), патриарх Московский (ок. 1530–1612), был причислен к лику святых в 1913 г. В политическом отношении канонизация Гермогена была частью масштабных празднований трехсотлетия дома Романовых. В 1914 г. почивавшие в Успенском соборе Московского Кремля мощи Гермогена были помещены в драгоценную раку, заказанную лично императором Николаем II (см.: *Вовина-Лебедева В.Г., Чугреева Н.Н.* Ермоген // *Православная энциклопедия*. М., 2009. Т. 18. С. 633–646). — А.П.

10) Слухи о появлении и ожидаемом воцарении антихриста были широко распространены в России конца XIX — начала XX в. (см., например: *Мельникова Е.А.* Эсхатологические ожидания рубежа XIX–XX веков: кон-

ца света не будет? // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 250–266) и особенно усилились в эпоху революций и гражданской войны (см.: *Viola L. Peasant Rebels under Stalin*. New York, Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 45–66). Трудно сказать, о каком конкретном сюжете шла речь в данном случае. — А.П.

11) В романе Д.С. Мережковского «Антихрист. Петр и Алексей» (1904–1905), финальной части трилогии «Христос и Антихрист», воспроизводятся слухи о Петре I — антихристе, получившие широкое распространение в России первых десятилетий XVIII в. Источником для Мережковского преимущественно послужили материалы политического сыска той эпохи, опубликованные во второй половине XIX в. Г.С. Есиповым и другими историками. — А.П.

Протокол заседания от 23 мая 1919 г.⁴¹

Присутствовали: Якобсон, Винокур, Нейштадт, Вермель, Брик, Ю. Соколов, Гурьян, Свешников, Горнунг⁴².

После заслушания протокола предыдущего заседания, Ю.М. Соколов продолжает свое сообщение о современных народных легендах. На этот раз Ю.М. останавливается на легендах 1-й группы (смотри протокол заседания от 17/V), т. е. связанных с событиями предреволюционными. Ю.М. указывает на одну статью: «Война и произведения народной словесности», помещенную в Трудах Костромского общества по изучению края⁴³. Там же приводятся несколько легенд 905 и 918 года, причем любопытно, что легенды последние являются повторением старых легенд 905 года, лишь с подменой фигурирующих в них лиц и обстоятельств; так, имеем в легендах «германцы-азиаты», «некрещенные германцы» и т. п. (конечно, в старых легендах было: «японцы-азиаты» и т. д.). В этом же сборнике есть и частушки, но они не внушают доверия: Ю.М. сам автор говорил, что 14 частушек им выдуманно. Затем Ю.М. Соколов читает из этого сборника легенды⁴³: «Как Ник<олай> Николаевич перехитрил немца», где Н.Н.⁴⁴ рисуется оппозиционно настроенным по отношению к немецкой партии. Наконец, Ю.М. Соколов читает ряд легенд, записанных Барановым: «Цветочки Николая II», записанную в сентябре 1917 г., «Николай Николаевич, царица и Распутин», запис<анную> в августе 1917 г., «Смерть Николая II», запис<анную> в декабре 1918 г., «Смерть Распутина и революция», зап<исанную> в ноябре 1918 г.²⁾

⁴¹ РО ИРЯ РАН. Ф. 20. Ед. хр. 2.П. Л. 49–50. № 8. Л. 49–50. Текст записан Г.О. Винокуром (чернилами); поправлен карандашом Р.О. Якобсоном.

⁴² Фамилия Горнунга приписана карандашом.

⁴³ Далее зачеркнуто: «Шляпа Наполеона».

⁴⁴ Далее зачеркнуто: показан как.

В заключение Ю.М. Соколов указывает на одинаковость выражений в разных легендах: «Вольный воздух», «Компаньон». Также во всех легендах сходна схема предсказаний.

Затем, по предложению председателя, переходят к обсуждению легенд.

Брик отмечает одинаковость сюжетных⁴⁵ мотивов в двух легендах: революция, лишение престола, Сибирь. Любопытен часто появляющийся мотив плача.

Нейштадт указывает на осмысление гибели Николая, заключающееся в формуле: «на роду написано».

Соколов ставит вопрос: как объяснить сходство в легендах? О стилистике не приходится говорить, ибо записывал Баранов не непосредственно. Одинаковость же сюжетных схем несколько смущает.

Якобсон по поводу генералов-утешителей указывает, что это есть газетный мотив. В газетах того времени генерал Нилов фигурировал именно как утешитель Николая II.

Нейштадт указывает на книжку о Николае II, где также несколько подчеркнута роль генералов.

Соколов. Нужно выяснить: шаблон, наблюдаемый в легендах, — есть шаблон самого Баранова или газетный?

Нейштадт отмечает некоторые литературные явления в легендах. Таковы предсказания.

Брик полагает, что схема легенд близка к газетной.

Винокур указывает, что в легенде: «Смерть Распутина и революция» почти нет отступлений от газетной схемы, за малыми исключениями. Записана эта легенда от разносчика газет. Прочитанные сегодня легенды еще раз подчеркивают выставленное в прошлом заседании положение о том, что легенды появляются в среде полуобразованной.

Брик полагает, что Баранов старался записывать добросовестно, также и в стилистике. Что касается литературных мотивов, то их присутствие несомненно, однако они проведены не систематически. Таким мотивом является и аналогия: «цветы — наслаждение». В легендах есть и уклонения от литературных источников: «Вышел в Зимний Сад»; «Степь», очевидно, вместо «Стрелка».

Брик и Якобсон оба отмечают⁴⁶, как ходкой⁴⁷ литературный прием письма Николая II.

Нейштадт видит в легенде о Н^{<иколае>}Н^{<иколаевиче>}, Расп.^{<утине>} и царице — округленность памфлетного стиля.

⁴⁵ Слово вписано сверху.

⁴⁶ Испр., в ркп. отмечает.

⁴⁷ Так в рукописи.

Соколов, возражая против этого, полагает, что именно эта⁴⁸ легенда наиболее приемлема. Здесь нет того утонченного психологизма, кот<о-рый> наблюдается в других легендах; образы все типические; простые психологические схемы.

Нейштадт отмечает текучесть этой легенды.

Соколов объясняет это влиянием бесчисленных городских сплетен.

Якобсон делит все прочитанные легенды на две группы: 1) легенды о дореволюционных событиях. В легендах этих главной целью является не осмысление события. Эти легенды есть своего рода авантурные новеллы; фигурирование высочайших особ придает этим легендам особую пикантность (подобную пикантности фривольных, богохульных рассказов)⁴⁹. Какова функция этих легенд? Здесь мало заботы о достоверности передаваемых событий. Очень много прибавлений. Те мотивы, которые встречаются в прочитанных легендах (о Варшаве, о А<лександр>е Ф<едоровне> как немец<ом> шпионе, о генералах-предателях), конечно, с некоторыми вариациями, Р.О. Якобсону часто приходилось наблюдать совместно с П.Г. Богатыревым при своих поездках.

По поводу мотива отравления, можно⁵⁰ вспомнить две легенды: 1) В Верейск<ом> уезде: о А<лександр>е Фед<оровне> и М<арии> Ф<едоровне> как отравительницах^{51 3)}; 2) распространенную в интел<лигентных> кругах — о порке Распутина. Здесь не было отравленного пирога. Таким образом, в читанной легенде контаминация двух мотивов.

2) О событиях революционных — здесь эстетический момент отходит на второй план. Главная цель здесь — осмысление событий. Мы видим здесь тенденцию к упрощению. Мотивировка, при отсутствии политической идеологии, двоякого рода: 1) эсхатологическая, 2) бытовая. Эсхатологическая мотивировка постоянно связана с контрреволюционным настроением. Но любопытен обратный пример: в Серпухове один рабочий, большевик, агитатор, выступает с эсхатологическ<ими> речами⁵², где проводит аналогию между современными событиями и 2-м пришествием (Ленин). // (л. 50) Его речи производят сильное впечатление, особенно на женщин.

Упраж<не>ния же бытовые — очень обычно. При этом некоторые факты очень сложны для бытового осмысления, другие же просты. Наблюдаем здесь и окаменевшие персонажи, напр. комиссар-еврей, всег-

⁴⁸ Испр., в ркп. это.

⁴⁹ Сначала было написано: (ср. фривольность, богохульство); потом сверху надписано карандашом: подобную пикантности рассказов; фривольность исправлено на: фривольных, а богохульство на: богохульных.

⁵⁰ Сначала написано: не лишне; потом зачеркнуто и сверху написано: можно.

⁵¹ Сначала написано: о том, как Н.Н. отравляли А.Ф. и М.Ф.; потом зачеркнуто и сверху написано карандашом: о А. Фед. и М. Ф. как отравительницах.

⁵² Сначала написано: выступлениями, потом зачеркнуто и сверху написано карандашом: речами.

да присутствующий⁵³ при вскрытии мощей⁴⁾ (хотя на деле — во вскрытии мощей евреи не участвуют)⁵⁴. Это очень благодарный мотив. Р<оман> О<сипович> рассказывает *со слов П.Г. Богатырева⁵⁵ одну легенду, распространенную среди Саратовской интеллигенции, где такой персонаж является для осмысления, а также пути осмыслений, наблюдаемые им в академических кругах (в связи со взятием Одессы союзник<ам>и), где опять фигурируют⁵⁶ евреи.

Особый тип легенд — допускающий распространение, приукрашивание фактов. Здесь играют роль газетные слухи, сообщения для красного словца. Таковы бегство царя; полет Гучкова. Иногда здесь имеем максимум фантастического элемента. В Риге среди интеллигенции ходили слухи о кафрах, стреляющих дротиками, которые будто бы вызваны англичанами на помощь.

В тех легендах, которые были здесь сообщены, Якобсон видит пробел: нет легенд бытового, исторического характера. Затем Якобсон приводит одну такую легенду со слов Богатырева о Ленине-мешочнике⁵⁾. Ленин является здесь эпическим типом, противопоставляется своим единомышленникам. Понемногу к нему переходят функции Николая: его заставляют другие делать неприемлемое для народа.

Соколов. Отсутствие таких легенд у Баранова, может быть, объясняется тем, что их боялся рассказывать. С разделением Якобсона Соколов согласен. Интересно, что эсхатологич<еская> мотивировка носит характер не персональный. Антихриста видят во всем. По поводу вновь выпущенных разменных денег давалось такое разъяснение: $1+2+3=6$; 6 три раза = 666 — звериное число.

К чему же мы приходим? Стилистически Баранов легенды обрабатывал — несомненно, однако бессознательно. Трафарет же легенд — трафарет газетный. Искажения действительных фактов легче понять как действительные искажения. Ср. Стрелка — степь и т.д.

Якобсон. Развенчивание Николая началось еще до революции. Такова, напр., легенда о том, как белый царь стал черным, записанная в Вереysком уезде⁶⁾.

Затем Ю.М. Соколов оглашает ряд частушек по записям Баранова.

Брик⁵⁷. Вполне понятно, что оппозиционные частушки⁵⁸ складываются⁵⁹

⁵³ *Испр., в ркп. присутствующих.*

⁵⁴ *Сначала написано: всегда присутствует русский; потом зачеркнуто и сверху написано карандашом: во вскрытии мощей евреи не участвуют.*

⁵⁵ *Надписано сверху.*

⁵⁶ *Сначала написано: таки, потом зачеркнуто и сверху написано: фигурируют.*

⁵⁷ *Далее зачеркнуто: замечает, что.*

⁵⁸ *Далее зачеркнуто: пользуются.*

⁵⁹ *Далее зачеркнуто: неофициальным стихом.*

принятым⁶⁰ в литературе стихом, между тем как поэзия, имеющая официальное⁶¹ содержание, пользуется стихом канонизованным.

Вермель отмечает, что современная официальная поэзия складывается также под влиянием молодой поэзии.

Брик. Влияние это очень слабое.

Яacobсон. Подобные этому факты мы видим и в начале XIX в., как оппозиционная⁶² поэзия пользовалась также неканоническими техническими средствами. Прочитанные частушки являют собой произведения типа варьете.

Сokolov. В этих частушках нет обычных приемов. Это помесь кафешантанных произведений с полународными. Надо думать, что, записывая, Баранов изменял ритм.

Нейштадт отмечает, что «два налива»⁶³ — встречаются у Ершова.

Председатель: Р. Яacobсон

Секретарь: Винокур

Члены: О.М. Брик, В.И. Нейштадт, Б. Горнунг

1) Речь идет о статье: *Смирнов В.* Отношение деревни к войне // Костромская деревня в первое время войны. Кострома, 1916. С. 83–127 (Тр. Костром. науч. общества по изучению местного края, вып. 5). — А.П.

2) Противопоставление великого князя Николая Николаевича и Распутина довольно часто встречается в слухах и легендах эпохи Первой мировой войны. Ср.: «Легендарный рифмованный ответ решительного главнокомандующего Распутину: “Приезжай — повешу”, посланный в ответ на непрошеное обещание “старца”: “Приеду — утешу”, был, по свидетельству современников, распространен народной молвой уже в 1914 году и встречен со всеобщим энтузиазмом. Великий князь не подтверждал этот слух, но и не опровергал его в разговорах с влиятельными современниками» [Колоницкий 2010, с. 431]. Одним из мотивов тогдашней массовой конспирологии была и особая роль Распутина в подготовке революционных событий: достаточно широко была распространена идея, что старец был специально «нанят интернационалом» для свержения монархии [там же, с. 534]. — А.П.

3) Из стенограммы ясно, что в этой легенде речь шла о том, что императрица Александра Федоровна и вдовствующая императрица Мария Федоровна пытались отравить великого князя Николая Николаевича. В слухах этого времени императрица Мария действительно могла фигурировать как еще одна царственная «немка», предавшая Россию и занимающаяся шпионажем и диверсиями. Ей приписывали даже попытки убить собственных сына и внука.

⁶⁰ *Испр., в ркп.:* принятом.

⁶¹ *Так в рукописи.*

⁶² *Далее зачеркнуто:* литература.

⁶³ *Далее зачеркнуто 2 слова.*

«5 марта 1917 года в киевский дворец, служивший резиденцией вдовствующей императрицы, явилась комиссия от городского революционного комитета. В задачи комиссии входило обнаружение во дворце некоего “беспроволочного телеграфа”, по которому якобы “государыня сносилась с немцами”. Разумеется, эти поиски не дали никаких результатов» [Колоницкий 2010, с. 528]. — А.П.

4) Мотив превращения человека в камень в наказание за святотатственные поступки имеет большую древность и общеевропейское распространение. Мы находим его, например, в сюжете АТУ 779 Е* (*Танцоры из Кольбека*). В СССР во второй половине XX в. получило широкое распространение так называемое «Стояние Зои», циркулировавшее как в устной, так и в письменной форме и рассказывавшее о девушке, не нашедшей себе партнера для танца и пустившейся в пляс с иконой св. Николая. Во время этого святотатственного танца она неожиданно окаменела и простояла без движения 128 дней. Только после молитвы некоего старца она смогла сдвинуться с места, но вскоре после этого скончалась, призывая людей к покаянию и молитве. Этот случай якобы имел место в Куйбышеве (Самаре) в 1956 г. (см: Рукописная религиозная проза Нижегородского края: тексты и комментарии / Сост., подг. текста, вступ. ст., комм. Ю.М. Шеваренковой. Нижний Новгород, 2008. С. 234–241). Очевидно, что мотив окаменения святотатца мог встречаться и в соответствующих нарративах о вскрытии гробниц православных святых в 1919–1920 гг. — А.П.

5) «Мешочники» — люди, занимавшиеся мелкой торговлей (преимущественно продовольственными продуктами) в период Гражданской войны. Вероятно, речь идет о сюжете, связанном с кругом легенд о скрывающихся «царях-избавителях». О соответствующих слухах, где фигурировал Ленин и др. советские лидеры, см.: *Архипова А.С. Последний «царь-избавитель»: советская мифология и фольклор 20–30-х гг. XX в.* // Антропологический форум. 2010. № 12 Online. С. 17–27. — А.П.

6) Судя по воспоминаниям Яковсона, современным легендам уделялось внимание в их совместном с Богатыревым отчете об экспедиции 1915 г.: «Исследование диалекта и устной традиции Вереяского района Московской области стало целью совместного исследования, проводившегося в мае и июне 1915 г. П.Г. Богатыревым, Н.Ф. Яковлевым и мной. Мы встретили замечательных рассказчиков и записали около двухсот сказок, вместе с большим количеством песен, примет, пословиц, загадок, верований, ритуалов и обычаев. Народная традиция в городском районе и по соседству с ним оказалась гораздо более устойчивой, жизнеспособной и продуктивной, чем это обычно принято думать. <...> Смешение правды и фантазии, действительности и стереотипных вымыслов, мигрирующих в пространстве и времени, которое мы наблюдали в историях, рассказанных нам крестьянами о событиях исторического прошлого, имело поразительную аналогию со сплетнями тех же самых информантов, когда они обсуждали события дня, например, неудачи на германском фронте, глупые неурядицы в официальных кругах,

приключения Распутина, который был втиснут в традиционный образ фольклорных сказок о жуликоватом слуге, обманывающем своего хозяина, или наконец о шедших в Москве уличных боях и их местных интерпретациях. Многочисленные записи о нашей полевой работе и наши исследования собранных волшебных сказок и других повествований исчезли (я все еще надеюсь, что временно), и в ленинградских архивах Академии Наук остался только план моего и богатыревского доклада об этой экспедиции, сделанного на заседании вышеупомянутой комиссии в конце 1915 г. В нем с осторожным намеком на “высокопоставленную персону”, завуалированным языком упоминалось, что московские слухи о связи царицы с Германией были превращены деревенскими сказителями в записанные нами в деревне Смоленское странные легенды о полотне и хлебе, предназначавшихся для русских солдат, но в действительности отправленных царской женой и ее свитой немецким войскам, или о ее предательских дарах сражающимся — рубашках, пропитанных смертельным ядом, которые на третий день убивали носившего. Когда в конце мая мы втроем начали наш сбор этнологических материалов в селе Новинское, слухи о беспорядках в Москве и ограблениях преимущественно немецких магазинов распространялись в поразительно раздутой и искаженной форме. Посетители местных чайных соперничали друг с другом в рассказывании басен о русских генералах, закованных в цепи и проведенных через всю Москву на глазах всего народа за сдачу галицкой крепости, и о городских облавах на немецких шпионов, пойманных во время составления тайных замеров и планов (*плантов*) отравления колодцев и распространения эпидемий. Глубоко укоренившиеся сказочные клише были приспособлены к текущей ситуации» [Якобсон 1996, с. 103–104].

**Протокол заседания
Московского Лингвистического Кружка
от 4 апреля 1920 года⁶⁴**

Присутствовали: П.Г. Богатырев, А.А. Буслаев, О.М. Брик, Г.И. Винокур, Б.В. Горнунг, Е.Н. Коншина, М.М. Кенигсберг, Е.А. Мейер, М.Н. Петерсон, И.Н. Розанов, М.А. Рыбникова, Ю.М. Соколов, С.А. Усевич, Р.О. Шор, Г.Г. Шпет.

Председательствует — М.Н. Петерсон.

Секретарь — Г.И. Винокур.

Доклад Е.Н. Коншиной: «История литературы как наука» (По поводу книги Архангельского)¹⁾.

⁶⁴ РО ИРЯ РАН. Ф. 20. Ед. хр. 3. № 8. Л. 90–93 об. Писано рукой Г.О. Винокура.

Тезисы доклада:

1. История литературы в широком смысле — не наука, а целая система наук.
2. Науки эти распадаются на 2 группы: статические и динамические.
3. История литературы есть динамическая наука.
4. История литературы возможна как история отдельных литературных родов.
5. История художественной литературы разрабатывает вопросы эволюции художественных форм.
6. Необходимо различать методы исследования и методы изложения.
7. Особого метода исследования в ист<ории> лит<ературы> нет.
8. Методы изложения в ист<ории> лит<ературы> — исторические.

В обсуждении доклада принимали участие: О.М. Брик, Ю.М. Соколов, Г.И. Винокур, А.А. Буслаев, М.М. Кенигсберг, М.Н. Петерсон, П.Г. Богатырев, Г.Г. Шпет.

О.М. Брик считает, что разделение ист<ории> лит<ературы> на две группы наук, статических и динамических, не решает вопроса. Если понимать статическое изучение как изучение отдельной, отлитой формы, то непонятно, как можно выделить особый литературный факт. Возможно ли изучение «Евгения Онегина» как такового? А. Белый советует в данном случае описывать *все*, даже свои впечатления от прочтения произведения. Но ясно, что это ничего не дает. Различение между статикой и динамикой, по-видимому, понимается докладчиком как различение между изучением формы и содержания. История литературы превращается в хронологическое описание содержания.

Е.Н. Коншина замечает, что она вовсе не так понимает это различие. И статич<еская>, и динамич<еская> наука изучает формы, но первая вне исторической перспективы, а вторая с точки зрения генезиса. // (л. 91)

О.М. Брик замечает, что если даже и так понимать это различие, то ему совершенно не представляется понятным статическое изучение. Можно ли рассматривать поэтическое произведение статически? Историки литературы в некотором отношении более правы, чем те, которые изучают литературу статически. Они хотя изучают не то, что нужно, но изучают так, как нужно. О. М. рассказывает о реферате Б. Эйхенбаума²⁾ о Державине, где автор пользовался статическим методом и не мог нарисовать особенностей Державина как поэта. Необходимо внесение динамики в изучение форм. Нужно учитывать обстановку, соблюдать перспективу.

Ю.М. Соколов считает доклад ценным в том отношении, что он очищает историю литературы от многого того, что ее не касается, и удачно обнаруживает ту мешанину, которая владычествует в основоположе-

ниях этой науки. Но все же возникают и недоумения: так, докладчик смешивает 2 понятия — историческая поэтика и история литературы. По-видимому, это смешение неправильно. Можно обосновать историю литературы отдельно от исторической поэтики. Она будет отличаться особым углом зрения. Нужно различать метод исторический, который будет присущ ист<ории> лит<ературы>, и эволюционный — присущий исторической поэтике.

Г.И. Винокур считает, что основная ошибка докладчика заключается в том, что он не установил предмета истории литературы. Формально исключая из понятия истории литературы изучение всех тех сторон, которые по существу не имеют отношения к литературе, как то: идеи, быт, духовная жизнь народа, докладчик вместе с тем как будто оставляет эти явления в поле зрения историка литературы, причем в одну группу наук относит статическое изучение их, а на долю ист<ории> литературы оставляет историческую сводку тех данных, которые добыты предыдущим исследованием. Если бы был точно определен предмет истории литературы, то не было бы нужды говорить о ист<ории> лит<ературы> как о конгломерате наук. Тогда это была бы одна наука, с ей свойственным, специфическим методом, который всецело определялся бы предметом научного изучения. И в самом деле, если мы поставим вопрос: что делает литературу литературой, каков тот признак, который принуждает нас отличать литературу среди кучи иных явлений, то мы найдем и предмет, и метод ист<ории> лит<ературы>. Предметом ист<ории> лит<ературы> явится художественное слово во всей сложности его жизни, методы же будут лингвистическими. Все же то прочее, что познаем мы вместе с художественным словом, конечно, может и должно изучаться, но не будем называть ни историю быта, ни психологию зодчества историей литературы. По поводу вопроса о двух группах наук, статических и динамических, Г.И. замечает, что тайная мысль докладчика м<ожет> б<ыть> и верна, но выражена не так, как следует. Вернее, пожалуй, здесь говорить не о статике и динамике, а о теоретич<еской> и эмпирич<еской> науке. Т. е. первая группа явится теорети-// (л. 91) ческим фундаментом для другой. Сравни, как параллель, общее языкознание и история языка.

А.А. Буслаев задает вопрос, какие роды литературы возможны и что такое род литературы. В конце концов приходится сознаться, что предмет ист<ории> лит<ературы> опять не найден, не найдены и методы. Далее, А.А. указывает на логическое противоречие в докладе: если ист<ория> лит<ературы> есть, по словам докладчика, поэтика в самом широком смысле, а поэтика есть статика, то каким образом ист<ория> лит<ературы> оказывается динамикой?

Е.Н. Коншина замечает, что нужно исправить ее положение так: ист.<ория> лит<ературы> есть *историческая* поэтика в самом широком смысле.

М.М. Кенигсберг настаивает на решении в первую очередь вопроса о предмете истор<ории> литер<атуры>, ибо без этого решения не-

возможно дальше ступить и шагу. Если определим предмет ист<ории> лит<ературы>, как художественное слово, то что есть худ<ожественное> слово, каковы его признаки? Почему поэтика должна изучать Пушкина и не должна изучать заборных надписей? Где грань между тем и другим?

М.Н. Петерсон замечает, что центр тяжести лежит не в критике Архангельского, а в собственных тезисах докладчика. Но пока не определен предмет, нельзя говорить об историческом методе. Методы определяются существом предмета. Помимо того, вряд ли можно говорить об историческом методе. Возможна истор<ическая> точка зрения, но не метод.

О.М. Брик останавливается на словах Архангельского: «Так как история литературы изучает идеи и культурное развитие народа, то она по преимуществу занимается изящной литературой». Наоборот, если изучать идеи и культурное развитие, то литература не изящная дает гораздо больше материала. Здесь важны газеты, журналы и т. п. Но помимо отражения идей в литературе есть и другая сторона. И по отношению к изучению этой стороны нельзя говорить о конгломерате наук. Но необходимо возразить Г.И. Винокуру: нельзя отождествить слово с предметом истории литературы. Вся литература не сводится к языку. Так, сюжет нельзя рассматривать как словесный факт. Сюжет возможен и в картине, и в статуе. Поэтому и поэтика не есть только словесная наука и лингвистикой исчерпана быть не может. Иначе мы приходим к тому, что даже тот «вымысел», который определяет поэзию по Аристотелю, есть также словесный факт.

П.Г. Богатырев. История литературы страдает от того, что историки литературы во что бы то ни стало стремятся изучать все и представляют себе свою науку как цикл наук. В этом повинен и сегодняшний доклад. Нельзя изучать всего. Можно быть уверенным, что историк культуры не стал бы писать сочинения, относящегося к его области, по «Орлеанской деве». У него есть иной для этого, специфический материал. Психолог не стал бы изучать психологии творчества теми приемами, которыми разрабатывают ее историки литературы, — он потребовал бы строго проверенного материала и точных методов. Историки же литературы всюду считают себя хозяевами и готовы изучать все что угодно, не владея никакими научными методами. // (л. 91об.) Затем П.Г. возражает О.М. Брику и полагает, что вполне возможно статическое изучение. Пример с Эйхенбаумом не убедителен: Эйхенбаум сделал ошибку, вырвав Державина из исторической обстановки, но это не есть отрицание динамики. Необходимо лишь иметь хотя бы элементарнейшую дескрипцию, прежде чем переходить к динамическому изучению, а таковой мы до сих пор не имеем. Что касается замечания О.М. Брика о том, что сюжет не есть слово, так как он дается нам и в живописи, то оно не существенно. Ведь выражен данный сюжет все-таки в слове. Не выраженным сюжет не существует.

О.М. Брик. Но сюжет совершенно не зависит от выражения, раз может быть выраженным как угодно. Я могу рассказать в двух словах сюжет

«Ревизора», например⁶⁵. В уездный город приезжает чиновник, которого все принимают за ревизора. Каким образом здесь сюжет выражен в слове? Где здесь словесные факты?

Г.И. Винокур замечает, что в подобной интерпретации это уже не есть сюжет гоголевского «Ревизора» и не заключает в себе никаких признаков художественного произведения, так как вырван из атмосферы гоголевского *выражения*. Но вообще ссылка на возможность сюжета в других областях, кроме слова, легко может быть устранена. Никто и не думает утверждать, что сюжет возможен только в поэзии. Это есть определенная эстетическая категория, по существу абстрактная, но познаем мы ее каждый раз в том или ином конкретном⁶⁶ материале. Поэтому когда мы говорим о сюжете в поэзии и сюжете в картине, мы говорим о разных вещах.

П.Г. Богатырев добавляет, что несомненен факт зависимости сюжета от выражения. Сюжет в поэзии не то, что сюжет в картине. Поэтический сюжет можно определить как сочетание словесных мотивов.

Ю.М. Соколов рассказывает о диспуте по поводу преп<одавания>⁶⁷ истории литературы, где выступили несколько точек зрения³⁾. А.В. Луначарский обосновывал ист<орию>⁶⁸ литературы как историю культуры. Противные точки зрения поддерживались М.О. Гершензоном⁴⁾, который доказывал, что история литературы вообще не есть наука, и В.И. Ивановым⁵⁾, который обосновывал ист<орию> литер<атуры> как историю поэтического искусства и определял ее как историческую поэтику. Ю.М. полагает все же, что возможно построение истории литературы независимо от исторической поэтики. Последняя, напр., изучает элегию в ее эволюции, первая же изучает элегию в связи с другими художественными формами и в связи с теми литературными направлениями, которые имели место в определенную эпоху.

А.А. Буслаев полагает, что между положениями: 1) все вопросы поэтики разработать лингвистически невозможно и 2) предмет истории литературы — слово — нет противоречия. Ист<ория> лит<ературы> — есть словесность, но не поэтика. Поэтика — шире. Тут возможен особый подход. Действи- // (л. 92) тельно сюжет возможен и в картине, и в стихотворении. С этой точки зрения возможна разработка истории сюжета, которая не будет покрываться одной словесностью.

Г.И. Винокур замечает на прежде поставленное ему возражение О.М. Бриком, что он вовсе не сводит литературу как явление к слову, а сводит лишь историю литературы как науку к изучению слова. Это вещи разные. Объективно нам дан конгломерат явлений, но мы необходимо

⁶⁵ *Далее зачеркнуто:* Где здесь.

⁶⁶ *Вписано сверху.*

⁶⁷ *Вписано сверху карандашом.*

⁶⁸ *Вписано сверху.*

должны задать вопрос: каков тот признак, который заставляет нас этот конгломерат отличать все же от других явлений. И этот признак — художественно построенное слово. Несомненно, что в литературном произведении можно найти и идеи, и психологию, и быт. Но ведь ни психология творчества, ни история культуры не исчерпывают своего материала только литературой, даже плюс⁶⁹ изящная. История культуры изучается не только по поэзии, по газетам: она может и должна искать себе материала и в памятниках материальной культуры и т. п. Психология творчества не может довольствоваться литературой, ибо психология поэта и живописца имеют принципиально общие основания. Литература для этих наук — частный случай. Слово же поэтическое всецело заполняет собой одну определенную науку — то, что мы хотим называть историей литературы. Что же касается того, что сюжет возможен не только в слове, то опять-таки этого никто не оспаривает. Но есть полное основание утверждать, что сюжет поэтический — явление совершенно отличное от сюжета живописного. Материал необходимо влияет на эстетическую категорию. А.А. Буслаев говорил о истории сюжета. Но разве возможна история сюжета, которая оперировала бы одновременно и с живописным, и со словесным сюжетом? Если и возможна, то только как глава общей науки об искусстве. Но ведь это уже не поэтика.

О.М. Брик замечает, что необходимо учитывать, кроме всего, то намерение, с каким пишутся литературные произведения. Так, очень важно знать, что Державин писал свои оды с целью прославления. Ю.М. Соколов упомянул о литературных направлениях. Но тут-то и обнаружится узость лингвистического понимания поэзии. Можно ли определить смену направлений исключительно лингвистически, со стороны стиля? Так, Гумилев, напр., определяет романтизм как *enjembement*. Тут причины более глубокие. Точно так же в живописи борьба жанра с религиозными мотивами не может быть объяснена, несмотря на все попытки ученых, сменой стиля и формы.

П.Г. Богатырев не согласен с Ю.М. Соколовым в вопросе о разграничении между историей литературы и исторической поэтикой. Правда, отличие здесь есть, но принципиально и метод, и предмет у обеих наук одинаковые. Можно, пожалуй, выделить историю литературы Ю.М. в особую главу поэтики, но никак не создавать из этих вопросов целой особой науки. // (л. 92об.) Что же касается замечаний О.М. Брика о том намерении, с каким автор сочинял, то разве может себе ставить такие⁷⁰ вопросы поэтика? Это предмет психологии творчества. Не все ли равно, что хотел дать автор? Нам важно, что он дал. Мы должны исходить из данности.

⁶⁹ Сначала было написано: и; потом зачеркнуто и сверху написано: плюс.

⁷⁰ Далее зачеркнуто: задачи.

О.М. Брик берет в пример деревянный стул и замечает, что пока мы не будем точно знать того задания, с каким сделан он, мы не можем рассматривать его структуры.

М.М. Кенигсберг замечает, что художественный импульс может воплощаться различно. Воплощение возможно в слове, но возможно и в сюжете. В романе это воплощение двояко, в сочинениях же Ключевского только в слове. Поэтика и должна строиться, учитывая эту возможность, и различить сюжет от слова.

О.М. Брик добавляет, что нужно изучать не только *как* выражено, но и *что* выражено, а последнее и есть сюжет.

Г.И. Винокур замечает, что сюжет-то и есть «как», а не «что».

Г.Г. Шпет замечает, что самое слабое место доклада — определение предмета. Без этого определения невозможны дальнейшие построения. Архангельский не сумел отличить метод от точки зрения. История литературы не есть наука, потому что представляет из себя совокупность наук. Но ведь о всякой науке можно сказать то же. Каждая частная⁷¹ проблема какой-либо науки может вырасти в отдельную дисциплину, и в результате мы будем иметь тот же конгломерат. Далее из этой совокупности наук выделяется нечто — история художественной литературы. При этом выделяется эта история на основании не методологическом — богатство материала. Докладчик указывает на специфические методы изучения — но это снова не логическое определение. Различать же методы исследования от методов изложения необходимо; жаль только, что не описаны самые методы изложения. В докладе есть еще одна верная мысль, а именно обоснование науки параллельной к истории литературы. Здесь только неудачны определения «статическая и динамическая наука»; они привели к большим недоразумениям. Параллельная наука есть, и во всяком случае должна быть, но это, конечно, не поэтика. Всюду, где мы имеем «историю», рядом находим «теорию». Ср. история философии и введение в философию, история искусств и Kunstwissenschaft. Точно так же рядом с историей литературы мы должны представлять себе что-либо в роде Litteraturwissenschaft. Эта теоретическая наука о литературе обнимает всю проблематику. Докладчик далее устанавливает специфический метод для истории литературы — метод исторический. Но что такое исторический метод? изложение фактов в их преемственной связи? Но изучает ли история литературы факты? Это далеко не очевидно. Всюду, где мы сталкиваемся с фактами — имеем эмпирическую данность. Здесь выступает // (л. 93) генетический метод. Если же иметь в виду *своего рода⁷² поэтическую диалектику — то это не факты. Идеи же истории не касаются. Т^аким о^бразом, если ист^ория лит^ературы изучает факты — то она превращается в историю культуры; если же идеи — то она совсем

⁷¹ Вписано сверху.

⁷² Вписано сверху.

иное. Наконец, если у ист<ории> лит<ературы> нет метода, то след<овательно>, нет и изложения. Но это величайший парадокс. Необходимо, след<овательно>, указать точно, на каких принципах строится ист<ория> лит<ературы>. В прениях этот вопрос все время вращался в плоскости взаимоотношений с лингвистикой. Случайно ли это, происходит ли это лишь благодаря общему преобладанию лингвистических интересов у присутствующих? Надо думать, что нет. Лингвистика здесь не случайна, но и она, конечно, как наука не принципиальная, не есть основополагающая наука для ист<ории> лит<ературы>. Лингвистика здесь играет роль ближайшего основания и вместе с ист<орией> лит<ературы> сама базируется на особых принципах. И в этом смысле те, *которые утверждали⁷³, что история литер<атуры> изучает только слово, были правы. Напрасно указывали, что сюжет — не слово, что он может встречаться и в картине, напр. Это не возражение, ибо к сюжету мы приходим через понимание слова. Ведь вообще нет познания без слова. Сюжет — это смысл слова. Слово не только воспринимается нами, но и понимается. Поэтому вполне законно утверждение, что сюжет нам в слове дан, как и все остальное. И вот здесь только возникает потребность спецификации. Здесь нужны методы препарирования слова, приемы интерпретации. Мы должны *и можем⁷⁴ извлечь из слова и смысл, и психологию, и даже ту выдумку, на которую ссылался О.М. Брик. Что касается того, что сюжет есть и в картине, то ведь в конце концов какие бы источники ни были, все они проистекают из слова. Здесь возник вопрос, можно ли изучать историю сюжета? По-видимому, можно. Чем должна быть история эстетики? История эстетики должна представлять развитие эстетического сознания. Поэтому, изучая сюжеты античной литературы, мы должны присоединять сюда и живописные, скульптурные и прочие сюжеты. Можно говорить о разных способах выражения сюжета, но все способы производны, первоначальный же — слово. Интересно, где в последнее время в изучении живописи применяются методы интерпретации слова, причем всецело переносятся филологические и лингвистические формулы. Что касается того, есть ли сюжет «что» или «как», то нужно заметить, что сюжет есть, конечно, «что», но обязательно квалифицированное. А мы представляем себе историю сюжета как смену различных «как». В конце прений возник вопрос о стуле. Можно ли сказать, что стул есть «данность»? Ни в коем случае. Стул — социальная вещь. То, что он сделан из дерева, не важно. И действительно здесь кроется очень многое. Возьмем объект так, как он дан в его существе, — и из этого будем исходить.

Е.Н. Коншина в заключительном слове дает некоторые разъяснения по поводу возникших недоразумений, причем замечает, что она себе не ставила целью точное // (л. 93об.) выяснение предмета истории литературы,

⁷³ Сначала было написано: кто утверждает, потом исправлено.

⁷⁴ Приписано сверху.

что, пожалуй, и явилось ошибкой с ее стороны. С обоснованием ист<ории> лит<ературы>, предложенным Ю.М. Соколовым, Е.Н. не согласна, и вместе с П.Г. Богатыревым не видит принципиальной разницы между ист<орией> лит<ературы> и историч<еской> поэтикой в понимании Ю.М. Соколова.

После заключения прений О.М. Брик предлагает кружку обратить свое внимание на вновь возникший Литературный Отдел Наркомпроса, который ставит себе лингвистические цели, не обладая в лице своих представителей ни точными методами, ни конкретными знаниями в указанной области.

По предложению Г.И. Винокура постановлено следующее заседание устроить в среду, 7 апреля, в связи с приездом в Москву председателя Кружка Р.О. Якобсона.

По представлению членов Кружка Е.Н. Коншина избирается в члены М.Л.К.

Председатель: М. Петерсон

Секретарь: Винокур

1) Доклад основан на книге: *Архангельский А.С.* Введение в историю русской литературы Т. 1. История литературы как наука. Очерк научных изучений в области истории русской литературы. Из лекций по истории русской литературы. Пг., 1916. — 701 с. Об авторе книги см.: *Воронова Л.Я.* Александр Семенович Архангельский. 1854–1926. Казань, 2002 (с библиогр.).

О заседании см. в письме Ю.М. Соколова к Б.М. Соколову от 11 апреля 1920 г.: «Другое заседание было в тот же день вечером в Лингвист<ическом> кружке. Читала Коншина, секретарь Отдела научн<ого> б<ю>ро Госуд<арственного> издательства: “Что такое история л<итерату>ры” (по поводу “Введения” Архангельского). Конечно, не разбор сумбурной книги был интересен, недостатки Арх<ангельского> всем ясны, сколько постановка общих вопросов, так нас интересующих. К сож<алению>, ей не удалось разрешить поставл<енные> задачи, она старалась определить понятие истории л<итерату>ры, не дав определения понятию самой л<итерату>ры. Отсюда много неясностей. В прениях принимали участие Петерсон, Брик, Винокур, Буслаев, я и Шпет. Я указал, что докладчик не различает двух разных дисциплин: *истории л<итерату>ры* и *истории поэтики*, а между тем, различие есть и большое, и связал все развернувшиеся по докладу прения методол<огического> характера с недавними прениями в Наркомпросе по вопросам методики л<итерату>ры. История л<итерату>ры как часть истории культуры, — точка зрения Луначарского; история л<итерату>ры — историч<еская> поэтика — В. Иванова; нет никакой истории л<итерату>ры — Гершензон; история л<итерату>ры как определенного искусства — моя точка зрения. В заключение говорил Г.Г. Шпет, отметивший методол<огические> пробелы доклада и обрисовавший ряд перспектив в изучении прин<ипиальных> вопросов по л<итерату>ре. По его мнению, есть нек<оторые> общие категории, кот<орые> должны быть предметом ведения более общей науки об искусстве (эстетика),

но есть много специфических особенностей, выделяющих литературу как предмет специальной дисциплины. Наряду с историей литературы должна быть дисциплина, трактующая основные проблемы литературы. Как наряду с историей языка есть «Введение в языковедение»; наряду с историей философии «Введение в философию» и т.д.» [Соколовы 2010, с. 305–306].

2) Борис Михайлович Эйхенбаум (1886–1959) — литературовед, представитель «формальной школы».

3) Диспут, о котором говорил Ю.М. Соколов, подробно описан в его письме к брату от 26 марта 1920 г. [Соколовы 2010, с. 294].

4) Вячеслав Иванович Иванов (1866–1949) — поэт-символист, мыслитель, переводчик, литературный критик, доктор филологических наук.

5) Михаил Осипович Гершензон (1869–1925) — литературовед, мыслитель, переводчик.

Протокол заседания Московского Лингвистического Кружка от 25 апреля 1920 г.⁷⁵

Присутствовали: П.Г. Богатырев, В.И. Авдиев, А.А. Буслаев, Г.И. Винокур, С.Я. Мазе, М.М. Кенигсберг, М.Т. Левит, Р.О. Якобсон, Е.А. Мейер, Малицкий, С.А. Усиевич, А.И. Ромм, М.А. Петровский, Р.О. Шор, Челпанов.

Председательствует Р.О. Якобсон.

Секретарь Г.И. Винокур.

Председатель Кружка вносит на обсуждение собрания проект организации архива по собиранию различных явлений в области современного живого языка и других областей, связанных с языковой культурой и языковой политикой. Архив этот, по мысли Р. Якобсона и М. Кенигсберга, инициаторов проекта, должен заменить собой временно издание соответствующих научных бюллетеней за невозможностью печатания в настоящее время, и явиться материалом для опубликования при более благоприятных условиях печатания. Архив этот включит в себя следующие отделы: 1) материалы по языку малых народностей и языковой политике, 2) материалы по языковой педагогике, 3) новые явления в области русского языка, 4) городской фольклор.

Постановлено данный проект принять и просить следующих лиц взять на себя разработку этого архива: По 1) материалы по языку малых народностей и языковой политике — Р.О. Якобсона (прибалтийские язы-

⁷⁵ РО ИРЯ РАН. Ф. 20. Ед. хр. 3. № 9. Л. 94–96. Текст записан красными чернилами, отсутствует конец.

ки), С.Я. Мазе (еврейский язык). Вопрос о разработке материалов по кавказским языкам, за отсутствием в настоящее время в среде Кружка специалиста в данной области, — временно оставить открытым. Кроме того, желательно привлечь к данной работе Д.Н. Ушакова и Г.И. Винокура, поскольку они принимают или принимали участие в работах тех или иных комиссий, работающих в связи с данным вопросом. По 2) «Языковая педагогика» — М.Н. Петерсона, О.М. Брика и Г.И. Винокура как лиц, близко знакомых с деятельностью Наркомпроса. По 3) «Новые явления в русск<ом> языке» — Д.Н. Ушакова, А.А. Буслаева, Р.О. Якобсона, Г.И. Винокура, Вл.Б. Шкловского, С.И. Бернштейна, Б.Д. Кушнера как лиц, работающих и сейчас в данной области, собирающих различного рода материал или имеющих возможность близко⁷⁶ наблюдать данные факты. По 4) «Городской фольклор» — П.Г. Богатырева.

Помимо поименованных лиц⁷⁷, материал может доставляться // (л. 96об.) также и прочими, и большее число участников лишь будет делать предполагаемый архив более богатым.

Хранение архива и заведывание им решено поручить Г.И. Винокуру. Вместе с тем решено просить последнего должным образом осведомить всех желательных участников архива и испросить их согласия на работу в этой области.

Собрание переходит к заслушиванию доклада Кенигсберга¹⁾ на тему: «Заметки к композиции “Принцессы Брамбиллы” Э. Гофмана».

Тезисы доклада прилагаются к протоколу⁷⁸.

В обсуждении⁷⁹ доклада принимали участие следующие лица...⁸⁰

Р.О. Шор указывает, что отмеченные докладчиком черты в построении «Принцессы Брамбиллы» не суть, собственно говоря, отличительные признаки данного произведения, а вообще являются⁸¹ специфическими особенностями произведений Гофмана. Так, «вставная новелла» встречается во всех его сказках. Мотив двойника — также⁸² найдем в целом ряде его произведений. Что касается «романтической иронии», отмеченной докладчиком, — то она является излюбленным приемом романтической поэзии. Можно, однако, показать композиционные признаки «Брамбиллы», свойственные ей как таковой. В этом произведении использованы старые мотивы, но использование их носит специфический характер. В основе произведения лежит проблема — сосуществование

⁷⁶ Вписано сверху.

⁷⁷ Далее зачеркнуто: все прочие лица.

⁷⁸ Тезисы доклада в материалах архива отсутствуют.

⁷⁹ Сначала написано: По обсуждении, потом зачеркнуто и сверху написано: В обсуждении.

⁸⁰ Не дописано.

⁸¹ Приписано сверху.

⁸² Приписано сверху.

двух миров — мира реального и мира⁸³ фантастического. Материал произведения при этом носит особый характер. Прежде всего он является интерпретацией 8-ми гравюр Калло. Кроме того, материал фантастический исчерпан уже ранее в других сказках: «Золотой горшок» и др. Благодаря этим условиям не могло быть стройного развития действия; в результате мы имеем усиление собственной манеры, доходящее до иронии над самим собою. Далее, проблема, лежащая в основе — влечет за собой разорванность изложения. Т<аким> о<бразом>, мы имеем философскую основу. Задача художника — породить ощущение сна. Но сон не оторван совершенно от реальности, и это учтено художником. В канву действия 4 раза вплетается один и тот же образ — *interieur* у Гиацинты. Это создает впечатление пробуждения от сна. Философичность сказки дается не целиком, а двумя-тремя приемами. Таков аналитический прием, при описании шествия — сначала все непонятно, а потом непонятные моменты // (л. 95) связываются. Что касается новеллистической техники, которую пытается вскрыть докладчик у Гофмана, то эта попытка не убедительна. Нужно сказать, что по отношению к романтизму все подобные попытки терпят *fiasco*. Здесь нет двух новелл. Здесь лишь одна новелла раздробляется на 2 части: история Гиацинты выясняется из 2-х разговоров.

М.А. Петровский останавливается на замечании докладчика о том, что сюжет не есть явление словесное, а более общее, благодаря чему докладчик относит⁸⁴ свой доклад не к области изучения сюжета, а к изучению композиции. М.А. считает, что слово «сюжет» относится исключительно к области «словесной», и вряд ли можем говорить о сюжете картины. Если мы и говорим о сюжете картины, то это значит, что картина является интерпретацией словесного построения. Так, у Калло нет сюжета. Гофман же сообщает ему сюжет, он объединяет его в форме романа. Слово ингридировало в комплекс творческих достижений Калло. Сюжет есть термин словесной дисциплины. Что же касается того лингвистического метода, который подчеркивал докладчик, то так и неясно: что в сущности лингвистического в докладе? Что есть лингвистического в композиции Брамбиллы? Заслушанное⁸⁵ исследование можно назвать филологическим, но не лингвистическим. Докладчик оперировал с переводом — казалось бы, лингвистическое изучение по переводу невозможно. Однако доклад имеет определенный смысл, и исследование достигло известных результатов.

М.М. Кенигсберг указывает, что он считает свой доклад черновым эскизом, поэтому на нем и не видно ясно следов⁸⁶ лингвистического изучения. Что же касается перевода — то ведь предложенное исследование

⁸³ Приписано сверху.

⁸⁴ Сначала написано: и считает; потом зачеркнуто и сверху написано: относит.

⁸⁵ Приписано сверху.

⁸⁶ Приписано сверху.

относится к области семантики, в какой возможно близкое тожество в разных языках. Изучать всю поэтику Гофмана по переводу — конечно, невозможно.

А.А. Буслаев указывает на наличие в «Принцессе Брамбилле» определенных словесных штампов и формул, которые следовало бы отметить в докладе, построенном лингвистически.

Р.О. Якобсон останавливается на вопросе о лингвистическом методе. Действи- // (л. 95об.) тельно, ничего такого, что бы позволяло назвать доклад лингвистическим, в нем не было. Но все дело в том, что, разложив «Брамбиллу» на составные элементы, докладчик не дал этим элементам объяснения, не дал им определения. «Мотив двойника» — есть лишь наименование, но не истолкование. И вот Р.О. Шор дает свое истолкование этим элементам. Она указывает на идейную⁸⁷ проблему, лежащую в основе сказки, и на ряд особенностей стиля, вытекающих из этой проблемы. На самом же деле между идейной проблемой и стилем обратное отношение. Мы изучаем «Брамбиллу» как литературный факт; литературность же определяется исключительно словом, языком. И с этой точки зрения мы имеем в «Брамбилле» характерное для романтиков сопоставление двух рядов — реального и метафорического. Мы имеем здесь два способа выражения. Нельзя объяснять этого факта как противопоставление реального и фантастического. Различные способы выражения могут различно осмысляться. Возможна мотивировка сном. Иногда такая мотивировка дается в виде словесного факта («Нос» Гоголя). Р.О. же считает сон не чистым случаем мотивировки. Даже там, где нет никакой мотивировки как в «Брамбилле», — она считает сон — целью художественного эффекта. Между всяким алогичным художественным построением и сном нет ничего общего, кроме самое алогичности. Поэтому сопоставление со сном натянуто и напоминает многочисленные попытки объяснения алогичных художественных построений — патологией.

Р.О. Шор не считает возможным изучение литературного произведения вне его идейной стороны. У романтиков самое выражение связано с философией. Без последней невозможно изучение их произведений.

М.А. Петровский указывает, что в основе рассуждений Р.О. Якобсона лежит недоразумение. Он отождествляет понятия «слово» и «язык». Между тем это вещи разные — одно шире другого.

Р.О. Якобсон указывает, что слово есть то, из чего складывается язык, и всякий лингвистический учебник начинается с определения слова. Все дело в том, что мы привыкли отождествлять лингвистику со сравнительной грамматикой индоевропейских языков, между тем как последняя есть лишь часть лингвистики, изучающая слово в его коммуникативной функции. Но слово имеет и другие функции — среди них эстетическая. Лингвистика изучает слово // (л. 96) во всех его проявле-

⁸⁷ Приписано сверху.

ниях. Что же касается идейной стороны литературных произведений, то никто не отрицает возможности ее изучения; но такое изучение уже не будет изучением литературы; оно отойдет в область психологии, философии, истории культуры и т.п. Изучение же литературы должно строиться на лингвистической почве. Необходимо точно уяснить⁸⁸ предмет истор<ории> литературы.

П.Г. Богатырев указывает, что между Р.О. Якобсон<ом> и Р.О. Шор возник спор, осмыслил Гофман⁸⁹ ряд картин впоследствии сном или у него было задание изобразить сон. П.Г. кажется, что в разных произведениях приходится это по-разному разрешить. Следует только отметить, что такое разрешение⁹⁰ не является нашей задачей, а является вторжением в области психологии, именно психологии творчества. Р.О. Шор отмечает, что два мира отображены в «Принцессе Брамбилле» — мир реальный и мир фантастический. Обозначения эти очень расплывчаты, помимо того, что они не лингвистические...⁹¹

1) Максим Максимович Кенигсберг (1900–1924), филолог, автор статей: «Анализ понятия “стих”» (1923) и «Идея филологии и поэтика» (1924). См.: *Кенигсберг М.М. Из стихологических этюдов. 1. Анализ понятия «стих» / Подг. текста и публ. С.Ю. Мазура и М.И. Шапира; Вступ. заметка и примеч. М.И. Шапира // Philologica. 1994. Т. 1. № 1/2. 149–185.*

Краткий отзыв о докладе оставил Б.В. Горнунг: «...и сам М.М. читал в том же кружке доклад «О композиции “Принцессы Брамбиллы” Гофмана», представлявший добросовестный формалистический анализ произведения, почти что оторванный от всего культурного контекста гофмановского творчества» [Горнунг 2001, с. 361].

Протокол заседания Московского Лингвистического Кружка 11-го августа 1920 года⁹².

Присутствовали: О.М. Брик, А.А. Буслаев, Б.В. Горнунг, С.Я. Мазз, А.И. Ромм, Н.Н. Соколов, В.И. Яковлева, Н.Ф. Яковлев.

Председатель — А.А. Буслаев, секретарь — Б.В. Горнунг.

⁸⁸ Сначала написано: определить; потом зачеркнуто и сверху написано: уяснить.

⁸⁹ Далее зачеркнуто: свое произведение.

⁹⁰ Сначала было написано: это, потом зачеркнуто и сверху написано: такое разрешение.

⁹¹ Текст обрывается.

⁹² РО ИРЯ РАН. Ф. 20. Ед. хр. 3. № 10. Л. 98–99. Текст записан Б.В. Горнунгом ручкой и карандашом. Публикуется только фрагмент с обсуждением доклада Н.Ф. Яковлева.

<...> // (л. 99) Н.Ф. Яковлев прочел доклад на тему: «Из методологии записи песен», после которого ответил на ряд задаваемых вопросов.

Брик: отразилась ли на исполнительнице песен, записанных докладчиком, и если отразилась, то как, современная городская песенная традиция, в частности частушки?

Яковлев: частушек она не любит, не исполняет, но говорила, что ей нравится одна из современных искусственных песен.

Брик: является ли расчленение слова на части и повторение затем одной из частей постоянным явлением в песнях?

Яковлев: в лирических песнях это явление постоянное.

Брик: замечены ли случаи, когда перебой текста и мелодии наблюдается также и в середине песни?

Яковлев: такие случаи наблюдались только в конце; для того, чтобы не было этого перебоя, необходимо, чтобы общее количество строк текста было четным.

Брик: является ли такой перебой случайным?

Яковлев: нет, это постоянное явление в известной категории песен.

Ромм по поводу слов песни «надоело-надоскучило» спрашивает, не замечал ли докладчик слова «надоскучило» в обыденной речи певицы?

Яковлев отвечает, что не замечал: по всей вероятности, это образование должно быть объяснено стремлением повторять одну схему.

Брик: всегда ли при повторении строк вторая строка короче?

Яковлев: нет, может быть и наоборот, вывод здесь был бы преждевременным. // (л. 99об.)

Мазе: когда певица пела искусственную песню, был ли ритм твердо выражен и не сказывалось ли влияние народного ритма?

Яковлев: в данном случае ритм был выражен твердо, но не исключается и другая возможность. В Новгородской губернии им⁹³ записана песня явно искусственного происхождения, которая пелась на народный мотив.

Мазе: чем объясняет докладчик смешение городской и деревенской песенных традиций в репертуаре певицы?

Яковлев: 1) тем, что она долго не пела, 2) отчасти контаминацией и различными заключениями по аналогии.

Мазе указывает, что Sagan¹⁾ советует связывать мотив с ритмом песни и при изучении ритма исходить из изучения мотива, и спрашивает, не было ли случаев колебаний в отнесении языкового звука с таким же колебанием мелодических единиц.

Яковлев отвечает, что в народной песне ритм до известной степени определяется самим мелодическим построением.

Брик: был ли определенный поэтический ритм при записи песни с голоса, не с пения?

⁹³ Сначала было написано: мною; потом зачеркнуто и сверху написано: им.

Яковлев: достаточно ясный ритм можно было наблюдать далеко не всегда, хотя в некоторых случаях определенный ритм был даже в простом пересказе.

А.А. Буслаев, резюмируя все высказанное, присоединяется к мнению докладчика о необходимости признания при собирании материала по устной словесности признать известную роль и за городом. В наших диалектологических разысканиях мы уже стали на этот путь: теперь нужно это распространить на все категории лингвистического исследования. Для него неясно, почему забвение части песен должно относиться к началу или к концу, как это указывает докладчик, почему середина так уж хорошо помнится; кажется, что должны бы помниться лучше всего места более эффектные со словесной стороны; напр., современные газетные статьи невозможно запомнить целиком, но места наиболее эффектные остаются в памяти. <...>

- 1) См.: *Saran Fr.* 1) *Der Rhythmus des französischen Verses.* Halle, 1904.
- 2) *Deutsche Verslehre.* München, 1907.

Протокол заседания Московского Лингвистического Круга 13 февраля 1921 года⁹⁴

Присутствуют: П.Г. Богатырев, О.М. Брик, С.С. Гадзяцкий, Б.В. Горнунг, И.А. Гуревич, О.М. Гурьян, М.М. Кенигсберг, О.А. Коган, С.Я. Мазе, Д.Г. Михальчи, М.Н. Петерсон, П.С. Романовский, А.И. Ромм, Синьковская, С.А. Усиевич, И.Г. Цетлин, Н.Ф. Яковлев.

Председатель — М.Н. Петерсон, секретарь — Б.В. Горнунг.

Читан и утвержден протокол предыдущего заседания.

П.Г. Богатырев читает доклад: «О формальных особенностях гоголевских комедий».

(Основные положения доклада прилагаются)⁹⁵

В обсуждении доклада принимали участие Брик, Горнунг, Кенигсберг, Мазе, Петерсон, Яковлев.

Кенигсберг спрашивает докладчика, что он понимает под интригой комедии?

Богатырев отвечает, что в том случае, когда одно действие непосредственно вытекает из другого и это продолжается на протяжении всей пьесы, мы и имеем интригу.

⁹⁴ РО ИРЯ РАН. Ф. 20. Ед. хр. 4. № 2. Л. 123–124об. Текст записан Б.В. Горнунгом рукой. Имеется также неоконченный протокол того же заседания, писанный карандашом (л. 125–126об.).

⁹⁵ Тезисы доклада в материалах архива отсутствуют.

Кенигсберг: есть ли тогда разница в структуре⁹⁶ «Ревизора» и структуре такой комедии, которую докладчик считает не имеющей интриги, напр., «Соломенной шляпки»?

Богатырев указывает, что 5-ое действие «Ревизора» не объединено тесно с остальными 4-мя действиями комедии, в частности, не связано совершенно с 4-м действием: 5-е действие «Ревизора» можно было бы вполне изменить, напр., дать вместо уездного города после отъезда Хлестакова приезд Хлестакова домой⁹⁷. На протяжении же первых 4-х действий комедии мы имеем вполне определенную интригу, связывающую эти действия в одно целое.

Брик спрашивает, что имел целью доклад: дать заметки на полях к комедиям Гоголя или же имел определенную цель. Это нужно выяснить для того, чтобы решить, в какой плоскости вести обсуждение. Если доклад преследовал определенную цель, то мы будем обсуждать его в плоскости методологической, если же — нет, то будем говорить по поводу каждого отдельного приема.

Мазэ присоединяется к Брику в том, что неясно, что хотел сделать докладчик. В частности, интересен вопрос, влияла ли принадлежность речи определенному лицу пьесы на синтаксические и семасиологические особенности языка.

Богатырев говорит, что специального анализа этого вопроса по гоголевским комедиям он не производил, но в некоторых случаях исследование⁹⁸ отвечает на это положительно. Пример пола. Скалозуб у Грибоедова. // (л. 123об.)

Кенигсберг, указав, что Гоголем даются по отношению к отсутствующим лицам определенные интонационные задания, спрашивает, можно ли утверждать, что Гоголь строит речь этих лиц согласно этим заданиям.

Богатырев говорит, что особенно ярко это можно проследить в «Женитьбе» на речи Подколесина.

Мазэ отмечает, что драматические произведения в докладе делятся 1) по смене интриг, 2) по смене форм. Но смена интриг — явление семантическое, а смена форм — явление⁹⁹ морфологического порядка. Деление получается не абсолютное. Относительно указанных в докладе приемов гиперболы и повторения можно сказать то же самое; т<ак> к<ак> гиперболу надо также относить на долю семасиологического восприятия.

Богатырев с приведенными доводами соглашается.

Брик делает несколько замечаний по поводу отдельных утверждений докладчика:

⁹⁶ *Далее зачеркнуто:* комедии.

⁹⁷ *Далее взято в скобки и зачеркнуто:* В первых же 4-х действиях мы.

⁹⁸ *Далее зачеркнуто:* положительно.

⁹⁹ *Вписано сверху.*

1) драматическое произведение есть соединение декламации с пантомимой. Другими словами, мы имеем здесь дело с двумя стихиями: двигание и говоренье. Но это можно утверждать только с точки зрения зрелища¹⁰⁰, с точки зрения театра как бытового явления. Нужно изучить это глубже, точнее определить взаимоотношения драмы как¹⁰¹ литературного явления и драмы как сценария. Говоренье далеко¹⁰² не однообразно и не может быть сведено к декламации. Мы имеем: а. декламацию (в монологе), б. дьялог, с. рассказывание анекдотов, d. слова и действия (напр. «пошли вон, дураки»). Если мы станем разрешать вопрос, чем заполнены, напр.¹⁰³, 5 актов «Ревизора», то на все эти категории мы и натолкнемся. Так, напр., городничий, давая наставленья чиновникам, рассказывает ряд анекдотов, в других случаях мы найдем и все остальные категории.

2) разрыв между пантомимой и декламацией. Богатырев утверждает, что это происходит тогда, когда говорят за сценой. А в случае монолога, пенья куплетов на сцене? Как видно, разрыв этот может получаться и в двух совершенно противоположных случаях. Уход актера со сцены есть определенный зрелищный факт. Действие за сценою воображается зрителями, а поэтому это есть прием повышения зрелищного впечатления.

3) взаимоотношение между говореньем и действием. Всегда ли второе сопровождает первое или может быть и наоборот. Напр., пощечина на сцене: здесь определено действие играет главную роль и лишь сопровождается определенным говореньем. Выкрик в танце только дополняет действие и не имеет никакого самостоятельного значения.

4) неясно, почему характеристика прошлого героя пьесы может выражаться // (л. 124) только тремя способами, как это указано в докладе.

Кенигсберг указывает, что в «Бесах» Достоевского он обратил внимание на слово «флебустьер»¹⁰⁴. В «Ревизоре» мы имеем такое же слово «лабардан». Интересно, какое значение имеют эти слова. Затем он ставит вопрос, что представляет собою композиция «Ревизора» как чисто литературного (словесного) произведения. Какова структура драмы как факта языкового. По его мнению, наблюдается сходство драматических произведений с эпистолярными. Тот факт, что 1-й и 2-й акты¹⁰⁵ «Ревизора» спаяны между собою¹⁰⁶ во времени, именно, тем, что второй начинается в тот момент, в который кончается первый, часто имеет место и в повествовании, где главы бывают спаяны аналогичным образом.

¹⁰⁰ Далее зачеркнуто: бытового явления.

¹⁰¹ Вписано сверху.

¹⁰² Вписано сверху.

¹⁰³ Вписано сверху.

¹⁰⁴ Далее зачеркнуто: Интересно, какое.

¹⁰⁵ Испр., в ркп. факт.

¹⁰⁶ Далее зачеркнуто: тем, что один второй.

Богатырев говорит, что методологически едва ли допустимо проведение этой аналогии, но что¹⁰⁷ тем не менее им кое-что сделано в этом направлении, и Гоголь для такого анализа подойдет более, чем кто другой.

Яковлев замечает, что вопрос, поднятый Кенигсбергом, вполне уместен уже по одному тому, что пьесы не только ставятся, но и читаются.

Петерсон указывает, что проблему, поставленную Кенигсберг<ом>, докладчик и пытался разрешить в сегодняшнем докладе, который посвящен анализу языковых особенностей комедий Гоголя.

Мазэ замечает, что предположение Кенигсберга о связи драматического построения с построением эпистолярных произведений ему не кажется возможным.

Кенигсберг говорит, что эпистолярная новелла и драма могут противопоставляться новелле повествовательной.

Мазэ не соглашается и¹⁰⁸ утверждает, что принципиальной разницы между новеллой первого и второго рода — нет.

Брик считает, что лучше¹⁰⁹ производить сравнение с драматической частью повестей и романов. Если же говорить о композиции в целом, то нельзя не различать двух родов драматических произведений. Драмы, *написанные* как сценарии, не могут считаться только словесными произведениями. Расчленив элемент действенный¹¹⁰ и элемент словесный в наших драмах чрезвычайно трудно. В *comedia del arte* действенный элемент выступает гораздо яснее.

Кенигсберг считает, что все-таки возможно произвести анализ драматического произведения как чисто словесного факта¹¹¹, исследовать, как складывается сюжет драмы, применяя аналогии с построением сюжета в про- // (л. 124об.) изведении повествовательном. Пусть сюжет драмы имеет свои специфические отличья: при изучении мы должны отрываться от выражения, а выражен сюжет и там и там в слове.

Горнунг, соглашаясь с Кенигсбергом в том, что при анализе мы должны исходить из выражения сюжета и что сюжет сам по себе недоступен изучению, считает тем не менее, что в данном случае аналогии повествовательного и драматического произведений теряют в значительной мере свою силу, вследствие того, что именно в *выражении* сюжета и коренятся специфические отличья драмы и повествовательного произведения. В то время как в последнем слово является единственным способом выражения, что и дает нам право считать лингвистический подход вполне исчерпывающим, в первом равноценными способами выражения являются как слово, так и действие. Действие, как таковое, к слову сведено быть не

---

¹⁰⁷ Вписано сверху.

¹⁰⁸ Далее зачеркнуто: говорит.

¹⁰⁹ Далее зачеркнуто: сравнивать.

¹¹⁰ Далее зачеркнуто: Кенигсберг.

¹¹¹ Далее зачеркнуто: применяя аналогии.

может, а потому только¹¹² лингвистический подход по отношению к драме может оказаться¹¹³ недостаточным даже и в том случае, когда мы драму берем не на сцене, а в книге. Драма¹¹⁴, и оторванная от сцены, все-таки имеет сценарий, который является фактом не словесного, а действенного порядка, хотя бы в ремарках и пьесе он и выражался при помощи слова.

Петерсон также согласен с тем, что сценичность в том и заключается, что на сцене выражаются больше действием, чем словом. Во всяком случае это справедливо по отношению к нашим пьесам. В древнеиндийском театре слово играло большую роль, так как в значительной мере заменяло отсутствующую театральную постановку. Таким образом, там и сценарий отчасти носил характер чисто словесный, входя в самую пьесу, в речь героев. Относительно доклада Богатырева М.Н. замечает, что в докладе не видно попытки классифицировать указываемые словесные приемы. Эти приемы могут быть охарактеризованы как формальные, с одной стороны, и как функциональные, с другой.

Богатырев соглашается, что классификации приемов в окончательной форме доклад не дает, т.к. <ак> к <ак> носит характер предварительного анализа.

На этом обсуждение заканчивается¹¹⁵, а затем по предложению О.М. Брика постановлено устроить заседание лабораторного характера, посвященное коллективной работе по формальному анализу драматического произведения. Предметом анализа выбирается «Бедность не порок» Островского.

Председатель Круга: Петерсон

Секретарь: Б. Горнунг.

Члены: П. Богатырев, Свешников, О.М. Брик, Кенигсберг, А. Ромм

Протокол заседания Московского Лингвистического Круга 20 марта 1921 года¹¹⁶

Присутствуют: П.Г. Богатырев, А.А. Буслаев, Б.В. Горнунг, И.А. Гуревич, О.А. Коган, А.И. Ромм, П.П. Свешников, Б.В. Томашевский, С.А. Усиевич, Р.О. Шор, В.И. Яковлева, Н.Ф. Яковлев, П.Г. Ярков.

Председательствует — А.А. Буслаев, секретарь — Б.В. Горнунг.

¹¹² Вписано сверху.

¹¹³ Сначала было написано: быть, потом зачеркнуто и сверху написано: окататься.

¹¹⁴ Далее зачеркнуто: как словесное.

¹¹⁵ Далее зачеркнуто: и заседание закрывается.

¹¹⁶ РО ИРЯ РАН. Ф. 20. Ед. хр. 4. № 6. Л. 135–136 об. Текст записан Б.В. Горнунгом ручкой.

Председатель, открыв заседание, предложил изменить повестку дня 1) ввиду выяснившейся неподготовленности присутствующих к коллективному разбору «Бедность не порок», 2) в виду приглашения Н.Ф. Яковлевым на сегодняшнее заседание собирателя и исполнителя народных песен Петра Глебовича Яркова¹⁾. Предложенное изменение принимается, и слово предоставляется Н.Ф. Яковлеву.

Н.Ф. Яковлев знакомит присутствующих с Петром Глебовичем Ярковым и рассказывает о своей с ним встрече и о том, что сделано П.Г. в области собиранья песенного матерьяла. Н.Ф. предлагает установить порядок вопросов, которые должны будут сегодня обсуждаться в связи с тем матерьялом, который сможет дать П.Г. Такими вопросами являются прежде всего: 1) биографические сведения самого П.Г., 2) вопрос о роли Москвы и, далее, вообще городского центра в процессе песенного творчества.

А.И. Ромм предлагает выяснить, в чем же собственно заключается роль городского центра: в том ли, что город снабжает новым песенным матерьялом, или в том, что под городским влияньем старые песни начинают исполняться иначе.

П.Г. Ярков, отвечая Рому, совершенно отрицает, что какие бы то ни было изменения в песнях произошли исключительно вследствие известных городских влияний на деревню. Наоборот, роль города гораздо значительнее и сложнее. Можно сказать, что город, в частности Москва, является центром песенного творчества. Пословица «Во Гжель ездил за дудками, в Москву — за песнями» имеет свое реальное подтверждение в том, что несомненно можно сказать, что почти все песни различных областей и губерний, даже различных эпох, могут быть — при желаньи искать — найдены в Москве.

Далее П.Г. Ярков отмечает преобладание интереса к напеву над интересом к содержанию и указывает, что факт скорого забыванья вошедшей в моду песни или факт ее сохранения в продолжении значительного промежутка времени зависит в значительной степени от того, является ли напев новой песни оригинальным или нет. Забывавшиеся песни могут затем через много лет снова войти в обиход и стать модными. Так, напр., песни, которые можно найти в Чулковском сборнике²⁾, т. е. записанные около 150 лет назад, пелись в Москве и Московской губернии, как совсем новые, около 30 лет назад. Затем следует отметить постоянное присутствие в песенном репертуаре определенной местности и определенной эпохи некоторых песенных сюжетов. Так, всегда встречается какая- // (л. 135об.) либо песня о ямщике, арестантские песни с определенным сюжетом.

Биографические сведения о себе П.Г. Ярков дает следующие. В настоящее время ему 45 лет (т. е. родился он ок^{оло} 1875 года). С 13-ти летнего возраста он начал жить в Москве, куда его отдали в ученье. Любовь <к> песням у него развита с самого раннего детства, хотя неблагоприятные условия (гл^{авным} образом необходимость сидеть постоянно дома) мало способствовали развитию в нем этого задатка. Первыми

песнями, которые он выучил, были плясовые песни, которые он выучил на свадьбе своей тетки в 5-ти летнем возрасте. Впоследствии от той же тетки он выучился многим другим песням. Развитью в нем любви к песням способствовал также и дед, умерший в возрасте около 75 лет, из-за престарелости не бывший в состоянии сам петь, но много рассказывавший о тех или иных знаменитых песенниках. 7-ми лет П.Г. познакомился с одним исполнителем песен, занимавшимся отхожими промыслами, преимущественно в Москве. Бывая часто в гостях у этого человека, П.Г. выучился у него большому количеству песен, а также умению варьировать напевы. С этого времени и до 13-ти летнего возраста, до отъезда в Москву, песенный репертуар его не переставал разрастаться. В Москве обстановка была также благоприятная: мастера в заведении, куда попал П.Г., во время работы пели много песен, а в праздники это занимало почти весь день, причем присоединялись еще приезжавшие из деревни жены. В то время (в начале 90-х годов) в Москве еще исполнялись песни, называемые *круговыми* («хоровод» — коравот — названы более поздние). П.Г. знает до 30-ти «круговых» песен, что является довольно редким явлением. Можно отметить исполнение «круговых» песен под Москвою, в селе Преображенском, еще в конце 90-х годов (1898–99 гг.). Пели фабричные рабочие, со стороны полиции всегда замечалось желание подавить в народе стремление к песенному творчеству, духовенство же, пользуясь этим, убеждало, почти заставляло петь церковные песни. П.Г. указывает, что сам он церковного пенья не любит. — В том месте, где он находился в ученье (в столярном заведении на Пименовской улице), состав мастеровых был смешанный, были люди из разных губерний, но пелись более или менее одни и те же песни. Тем не менее П.Г. до сих пор помнит, кем исполнялись в особенности те или другие песни, кем вносились те или иные новые, и в своих записях отмечал губернии, из которой, как можно на основании сказанного предполагать, идет та или иная песня. Это относится к самому концу 80-х годов. Далее идут 90-ые годы: песни продолжали петься как в мастерских, так и по дворам (вечером после работы). К этому времени относится появление следующих песен (указаны в хронологическом порядке): «Зачем ты, безумная, губишь?», «Потеряла я колечко» (которая в настоящее время имеет совершенно иной напев), «Чудный месяц плывет над рекою», «Коробей- // (л. 136) ники». — «Коробейники» распространялись чрезвычайно медленно и широкое распространение получили только после 1900 года; напев их несколько раз изменялся, хотя варьации его не были значительными. Здесь следует отметить, что при появлении новых песен исполнителями практиковалась контаминация мелодий: у одной песни брали зачин, у другой заключение; такая контаминация практиковалась и самим Петром Глебовичем. Далее надо указать, что появлявшиеся песни распространялись не одинаково в том смысле, что одни песни имели успех только у молодежи, старики их не принимали, другие — как раз наоборот. Песня «Потеряла я колечко» име-

ла большую популярность: ее выучили и все старики-песенники. Иногда появлялась песня, которая была в моде лет 20–30 назад и которую старики еще не забыли, хотя ими она уже пелась, и песня прививается вновь. Так было с песней «Снеги белые пушистые». И в настоящее время многие песни, по выражению Петра Глебовича, «лежат в старом поколении». Эти песни сейчас иногда вновь входят в обиход; причины их вторичного появления могут быть следующие: девицы сейчас поют только «прибаутки» («прибаутками» П.Г. называет «частушки») и лишь некоторые песни, но только модные. (Но надо сказать, что знать песен они знают гораздо больше, слыша очень много их на свадьбах, которые являются «лучшей песенной школой»: здесь молодые выучиваются неизвестным песням от старших поколений; на свадьбах же вспоминаются старые забытые песни, которые, благодаря этому, снова могут войти в обиход.) Выходя же замуж, девицы перестают петь исключительно модные песни, которые знали и раньше, но петь считали неудобным. В последнее время¹¹⁷ в деревнях, напр. Бронницкого уезда, стали возобновляться старые «круговые» песни, чему старики сильно способствуют. П.Г. рассказывает, что сам он выступил «на гулянье» в деревне 18-ти лет, когда у него был уже большой запас песен, собранный по преимуществу в Москве. Весь этот матерьял он привез с собою из Москвы в деревню и некоторая¹¹⁸ часть этого матерьяла оказалась для деревни совершенно новой, неизвестной. *Среди товарищей его были уроженцы Подольского уезда; полученные от них песни он привозил в Бр<онницкий> у., и многие там прививались¹¹⁹. Далее П.Г. указывает о распространенных в его местности песнях с действием.

И.А. Гуревич замечает, что совершенно аналогичные песни (лишь с некоторыми отличьями в действе) слышал он в дер. Зарубино Старицкого у. Тверской губернии.

Н.Ф. Яковлев спрашивает, кто в наст<оящее> время поет больше песни, женщины или мужчины.

П.Г. Ярков отвечает, что так как большее количество хороших голосов встречается среди девиц, то и поют они больше.

П.Г. Богатырев спрашивает, каково мнение П.Г. о влиянии песенников, а также влиянии лубочных картинок с текстом. // (л. 136об.)

П.Г. Ярков отвечает, что песенники имели громадное влияние¹²⁰, но объяснить это надо тем, что по своему составу они обыкновенно очень отвечали настроению. Вообще влияние книги было довольно значительно; так, он сам в молодости пел много нравившихся ему суриковских сти-

¹¹⁷ Испр., в ркп.: времени.

¹¹⁸ Сначала было написано: значительная, потом зачеркнуто и сверху написано: некоторая.

¹¹⁹ Приписано сверху.

¹²⁰ Сначала было написано: значение, потом зачеркнуто и сверху написано: влияние.

хов³⁾. Что касается влияния песенников на репертуар, то надо отметить, что из песенников редко брались те песни, напев которых не был известен.

П.Г. Богатырев спрашивает о распространении частушек или, по терминологии П.Г., «прибауток».

П.Г. Ярков указывает на большое их распространение в последнее время, причем современные тенденциозные частушки с общественно-политическим содержанием почти всегда переделываются, часто получая совершенно обратный смысл. Характерных напевов частушек по определению П.Г. — 7 (с вариантами это число увеличено до 9–10-ти).

П.Г. Богатырев спрашивает о времени первого появления частушек (прибауток).

П.Г. Ярков первое появление прибауток в Москве относит приблизительно к 1895 году; наиболее старые прибаутки им почти все записаны. Относительно названия «прибаутки» или «частушки» следует указать, что за последнее время прививается и последнее, но идет оно из книги.

Затем П.Г. исполняет большинство из упомянутых им песен, а также песен из собранных им многочисленных записей, давая в отношении некоторых песен комментарии о их возникновении, генезисе их напева и т.п., и после этого заседание закрывается, причем высказывается пожелание, чтобы П.Г. еще раз поделился с Кружком своими матерьялами, на что последний дает свое согласие.

Председатель: Петерсон

Уч. секретарь: Б. Горнунг

Члены: Буслаев, Ромм, Кенигсберг, Мазе, Яковлев, Богатырев.

1) Ярков Петр Глебович (1875–1945) — собиратель и исполнитель народных песен, поэт и журналист. В 1919 г. организовал крестьянский хор, который со временем стал профессиональным коллективом и вел концертную деятельность в 1925–1949 гг. Ярков сам составлял программы для выступлений хора и давал к ним пояснения на концертах. Песни из репертуара Яркова записала и опубликовала А.В. Руднева; см.: Русские народные песни Подмосковья, собранные народным певцом-умельцем П.Г. Ярковым с 1890 по 1930. М.; Л., 1951. См. также: *Нахимовский М.И.* Петр Глебович Ярков. М., 1973.

2) «Собрание разных песен» М.Д. Чулкова впервые было опубликовано в 1770–1774 гг. в 4 частях. В 1776 г. переиздано за счет Кабинета Ее Императорского Величества. В 1780 г. Н.И. Новиков дополнил собрание Чулкова и издал его под заглавием «Новое и полное собрание российских песен». Следует учитывать, что сам Чулков практически не записывал песен, а пользовался рукописными сборниками. См.: *Степанов В.П.* Чулков М.Д. // *Словарь русских писателей XVIII века.* СПб., 2010. Вып. 3 (Р–Я). С. 409.

3) Имеется в виду поэт-самоучка Иван Захарович Суриков (1841–1880), автор ряда стихотворений, которые стали популярными песнями.

**Протокол заседания
Московского Лингвистического Кружка
17 апреля 1921 года¹²¹**

Присутствуют (см. список)¹²². Председательствует — О.М. Брик; секретарь — Б.В. Горнунг.

Читан и утвержден протокол предыдущего заседания.

Н.Ф. Яковлев читает доклад «Элементы фольклора у Лермонтова» («Желанье» («Отворите мне темницу»), «Дары Терека»¹²³, см. у Кенигсберга)¹.

Ромм: <...> В том, что сказал Н.Ф., имеем блестящую работу, устан<авливающую> факт 1) влиянья н<ародного> тв<орчества> на Л<ермонтова>, 2) то, что это нар<ародное> тв<орчество> деформировано. Ни разу Н.Ф. не обращался к т<ак> наз<ываемой> установке, к заданью. Нет надобности прибегать к автопризнанию, вполне достаточно установить соотношение между тем и другим матерьялом. Два раза Н.Ф. отметил, что не важно, сознательно или «само собой».

Почему по Чулковскому сборнику, м<ожет быть>, и непосредственно слышал (детство в деревне). <...>

Бог<атырев>: Почему именно из Чулковского песенника?

Як<овлев>: Насколько я просмотрел, в другие песенники она не попала: довольно редкая.

Бог<атырев>: Б<олее> общий вопрос: каким образом заимствования претворяются.

Горнунг о совершенстве: только о степени техн<ической> обработанности, но нельзя говорить, что иногда автор может сделать пр<оизведение> менее совершенным. Упрощение стиля м<ожет> являться результатом техн<ической> работы.

Нейштадт: эпитет «по синю полю» — результат контаминации «ч<истого> п<оля>» и «с<инего> м<оря>»; м<ожет> б<ыть>, этот эпитет чисто безразличный.

Нейшт<адт>. Яковлев. Мелкие заметки об эпитете.

Ромм: Як<овлев> не довольствуется контаминацией, а прибегает будто бы к псих<ологическим> условиям у Лермонтова, но это тот же чисто формальный, стилистический анализ¹²⁴. <...>

¹²¹ РО ИРЯ РАН. Ф. 20. Ед. хр. 4. № 12. Л. 151–151об. Текст черновой; писан ручкой и карандашом. Публикуется с пропусками неясных мест.

¹²² Список отсутствует.

¹²³ Далее текст написан карандашом.

¹²⁴ Далее взято в скобки и зачеркнуто: Вопрос П.Г. о чисто Лерм<онтовском> приеме конкретно.

Кенигсберг: чрезвычайно интересно, что <это> первая попытка исследования композиции лир<ического> произведения <приемами> более близкими к, если м<ожно> сказать, «языковости». Приемы чисто язык<ового> анализа.

ОпеснеЗемфиры. Румынский текст в переводе 40-х годов. Хрестоматия Теркулова.

Брик Ромму: не надо путать пс<ихологического> настроения и заданья, уже по одному тому, что задание часто может противоречить пс<ихологическому> настроению. Почему только эти два стихотворения?

Як<овлев>: объясняет почему: не разработано и в порядке работы: сперва ранний период, м<ожет> б<ыть>, случайно. В будущем думаю коснуться и дальнейшего.

Брик. Но этот факт можно было бы даже не доказывать. Это уст<ановка> на <1 нрзб.> справку. Только глухо упоминаете о том, как он их претворял, не показывает<е> как влиянье, в чем заимствование выразилось. Каким образом попал в доклад экскурс «конь и женщина»? Само по себе любопытно, но в какой связи с вашей темой? // (л. 151об.)

Як<овлев>. Я старался указать именно, как органически... а не ограничивался простым констатированьем фактов. Комплекс «конь и женщина» разработал¹²⁵ Л<ермонтов> самостоятельно, им разработано композиционное построенье.

В чем выразилось влиянье: именно в композиции; построенье более замаскировано (в нар<одном> творчестве более обнажено) и б<олее> свободно¹²⁶ (в н<ародном> тв<орчестве> б<олее> каноничности).

Богатырев: расчленил на три стихии: 1. нар<одное> влиянье, 2. лит<ературное> влиянье, 3. ч<исто> Лерм<онтовская> стихия.

Ромм: Брик обвиняет меня: я — задание у автора не может быть вне его пс<ихологического> настроения.

1) О докладе есть краткие сведения в книге Богатырева и Якобсона: «Н.Ф. Яковлев прочел в М. Лингв. Кр. (1921) доклад о влиянии русского фольклора на Лермонтова. Докладчик установил песенные источники нескольких стихотворений Лермонтова и рассмотрел, как использовал Лермонтов в “Песне о купце Калашникове” песню о Кострюке из сборника Сахарова» [Якобсон, Богатырев 1923, с. 39].

¹²⁵ Далее зачеркнуто: прежде всего.

¹²⁶ Сначала написано: сложным, потом зачеркнуто и сверху написано: свободным.

**Протокол заседания
Московского Лингвистического Кружка
24 апреля 1921 года¹²⁷**

Присутствуют: Гуревич, Буслаев, Богатырев, Яковлев, Ю. Соколов, Ромм, Горнунг, Михальчи, Романовский, Усиевич, Коган.

Председательствует А.А. Буслаев; секретарь — Б.В. Горнунг.

Прочитан и утвержден протокол предыдущего заседания.

П.Г. Богатырев читает доклад «Опыт изучения заговоров (Повторенья в заговорах)»¹²⁸ (основные положения доклада при сем прилагаются¹²⁸).

В обсуждении доклада принимали участие: <оставлено место>

Ромм: отмечено, что именно повторяется, но кр<оме> того, повторы по-разному между собою связаны. Это в докладе не отмечено. В связи с этим некоторые примеры неправильно обозначены.

Яковлев: оконч<ательная> работа и <ли> нач<альная> стадия?

Бог<атырев>: <начальная стадия> прежде всего уже потому, что ограничился только сб<орником> Майкова. Удобен тем, что заключает только устные заговоры; всякая графика устраняется¹²⁹.

Як<овлев>: Дальше нужно детализировать. Что под «фонемою», я <понимаю?> Только звуковую сторону; иначе «л», «м». Повторенья синт<аксические> и сем<антические> мало отмечены; повт<оренья> ритм<ических> схем совершенно нет. А между тем это влияет на характер повт<орений>, и в связи с этим может измениться схема. Далее, чем обусловлены повторы, их стиль?

Бог<атырев>: Оч<ень> сложн<ый> вопрос. Утилит<арный> характер заг<оворов>ов дает как будто указания, что гипнотизировать.

Сок<олов>: т<ак> к<ак> практ<ическое> задание играет оч<ень> б<ольшую> роль, потому за пределы иск<усства> и яз<ыка> (оч<ень> подр<обно>).

Бог<атырев>: решительно возражает против того, что изуч<ение> повт<орений> ничего не дает.

Сок<олов>: только против раздробления, которое в к<онце> концов уничтожает само явление.

Бог<атырев>: первая ч<асть> работы — констатирование факта повтора. Отн<осительно> того, что матерьял не чисто литературн<ый>, то вопрос, чтó заговор при возникн<овении> — вопр<ос> пс<ихологии> творч<ества>. Ясно все-таки¹²⁹, что деформация разг<оворной> речи, я и дал дескрипцию этой деформации.

¹²⁷ РО ИРЯ РАН. Ф. 20. Ед. хр. 4. № 13. Л. 152–152об. Писано Б.В. Горнунгом карандашом.

¹²⁸ Тезисы доклада в материалах архива отсутствуют.

¹²⁹ Приписано сверху.

Сок<олов>: явления не распределены на явления слов<есного> искусства и др.

Бог<атырев>: присутствие ритма не м<ожет> б<ыть> критерием художественности, т<ак> к<ак> ритмичность именно и является фактом утилитарного характера.

Як<овлев>: вопрос, стоит ли обр<ащать> внимание на отд<ельные> слова: в предс<тавленной> работе это необходимо, начинать с более очевидных явлений, но на этом останавливаться нельзя, в каких разрезах дальше? Можно ли счит<ать> заг<оворы> лит<ератур>ным произв<еде-ни>ем? Нельзя вперед задаваться, чтоб отметить часть яз<ыкового> материала, надо исследовать весь материал. Синкретизм. Эл<емент> слова и эл<емент> движения в заговорах. Можно пока исслед<овать> только слов<есную> сторону, а потом посмотреть, не обуславливается ли тот или <иной> сл<овесный> факт фактом движения, жеста¹³⁰. Поэтому я и спр<ашив>ал, чем обуславливаются повторы; м<ожет> б<ыть>, это и требуется движениями, жестами.

Сок<олов>: присоединяется. М<ожет> оказаться, что явления, <которые> у вас вместе, совсем в разных порядках.

Бог<атырев>: это оч<ень> важн<ый> методолог<ический> вопр<ос>. Я не согласен с Н.Ф.: я представлял, правда, работу как начальную, но <это> не значит, что это только материал, это нуждается только в дор<аботке> и исправлении. М<ожет> б<ыть>, II главы, но эта I-ая останется. Напр., м<ожет> выясниться, что меняется интонация, но факт дословного // (л. 152об.) повторения остается.

Сок<олов>: Бывают ли случаи нарушения повторов, если схемы наруш<ены>? Э<то> оч<ень> важно.

Бог<атырев>: Бывает. Где нарушаются, нужно отметить. Опять-таки это не причина — выходить за пределы лингв<истики>. Такое частичное описание м<ожет> б<ыть> и в картине: напр., одно дело 75% син<его> цв<ета> и 25% крас<ного>, а другое дело син<ий> цв<ет> для неба, кр<асный> для земли. Я могу смотреть только как два¹³¹ пятна, не замечаю, это дело псих<ологии> восприятия. Наше дело, как формируется материал; морф<ологически> так-то, сем<антически>, синт<аксически> так-то. А м<ожет> б<ыть>, к<акой>-либо колдун и не обращает внимания на одну из сторон.

Ромм: то, что говорил Як<овлев> о связи с действием, важно, а связь с телеологией не существенна. Мы ведь рассматриваем как лингвисты. Сознавалось и<ли> не сознавалось; вернее всего даже, что нет. Мы только <рассматриваем> структуру материала.

Яков<лев>: созн<ает> или не созн<ает>: это важно для семантики.

¹³⁰ Приписано сверху.

¹³¹ Далее зачеркнуто: красных.

Сок<олов>: *как этн<ограф> и фольклорист¹³² не могу ограничиться только языковой стороной: боюсь, как бы не заговорить.

Бог<атырев>: мы исходим из сущ<ествующего> матерьяла, будь то слово, краска, глина. В заговорах мы сперва исходим из слов<есного> матерьяла, затем можно пласт<ические> движен<ия>. Боимся только псих<ологических> предпосылок. Мою классификацию нужно дополнить и углубить, но в той же плоскости. (Подр<обно> об этнографии).

Соколов. Но Н.Ф. обусловл.<?> — в область психологическую.

Буслаев: здесь дело проще. Конечно, вперед не решаю, что здесь превагирует. По докладу: долж<ен> все-таки сказать, что не ища сложн<ых> разрезов, что отсут<ствует> ритм, что нет синтеза, все-таки надо приветствовать как первую попытку. В обл<асти> осн<овных> разрезов оч<ень> спутанно. Осн<овные> разрезы: фон<етика>, морф<ология>, синт<аксис>, лекс<ика> (вещ<ественная> семантика), форм<альная> семантика. Повт<оренья> предлогов плохо понимаю, имели ли предл<оги> самост<оятельное> значенье (чисто служебн<ое>), поэтому это не надо было выделять; это не что иное как синтакс<ический> повтор. В обл<асти> повт<оренья> глаг<олов> не установлено количество глагольности. В пл<ане> семантическ<ом> ничего не сделано, не показано простейш<их> сем<антических> фигур в связи с синтаксисом (категории: глуп<ый> дурак, умн<ый> дурак, белый арап) (подр<обно>). Что такое термин «комплекс слов» — то предложение, то нет. Надо было сойти с «предл<ожения>», говорить о словосоч<етаньи> и сочетаньи словосочетаний. Работа начальная, но не поставлена на правильн<ый> мет<одологический> путь. Отсюда все частные возраженья.

Бог<атырев>: согласен. Трудно, так как многое из сказанного находится в стадии установленья. Дело не так страшно: выправить все можно. Семантически ничего не сделал, признаю, след<овательно> и нечего рассматривать. О предлогах — в обл<асти> фонетики (Б<услаев> и Р<омм>: почему не отнесено к отдельным словам?). Надо объединить с другими (повт<оренья> слова <1 нрзб.>). Компл<екс> звуков отн<осится> к фонетике, ф<орма> сло<во>об<разования> и словоизм<енения> к морфологии.

Спор между Бусл<аевым> и Р<оммом> о возможности вообще морф<ологических> повтор<ений>. <...>

Тек<ущие> дела. Н.Ф. Я<ковлев>. МУЗО к конгрессу III Интерн.<ацио-нала> выписывает певцов³. 6 посылок по 500.000 *и 300.000 на певца¹³³. Б.М. Соколов — в Сар<атовский> край, на Вост<очный> Каз<ахстан>, Стерлитамак, Оренбург, Кавказ (с донск<ими> каз<аками>), Петроград, Сок<олов>: за Кривополеновой надо прос<ить> Озаров<скую>⁴, Як<овлев>: Ковалева в Сар<атовскую> губ<ернию>.

¹³² Сначала было написано: боюсь; потом зачеркнуто и сверху написано: как этн<ограф> и фольклорист.

¹³³ Приписано сверху.

1) 24 апреля 1921 г. в 7 часов вечера состоялось заседание президиума МЛК, на котором рассматривался вопрос о поездках членов кружка за исполнителями фольклора для выступления на 3-м конгрессе Коминтерна. В тот же день в 8 часов вечера был заслушан доклад Богатырева «Опыт изучения заговоров (повторения в заговорах)» [Крусанов 2003, с. 470].

По поводу данного доклада Якобсон и Богатырев писали: «Ценным вкладом в область изучения заговоров является книга Познанского “Заговоры, опыт исследования происхождения и развития заговорных формул” (Записки ист. фил. фак. Петрогр. Унив. 1917). Работа Познанского состоит из 5 глав: 1) Обзор исследований заговоров. 2) Морфология заговоров. 3) Магическая сила слова. 4) Заговорные мотивы. 5) Песни и заклинания. Книга написана под сильным влиянием Фрезера. Основное положение: заговорная формула вышла из обряда и во многих случаях является лишь словесным описанием этого обряда. Часто автор увлекается и возводит к обряду те формулы, которые могли возникнуть без обряда или даже обусловить последний. Интересны замечания о формальных особенностях заговорных формул. На одной из формальных черт заговора остановился Богатырев в докладе “Повторение в заговорах”, прочитанном в Моск<овском> Линг<вистическом> Кр<ужке> в 1921 г.» [Якобсон, Богатырев 1923, с. 56].

2) См.: *Майков Л.Н.* Великорусские заклинания // Зап. РГО по Отд-нию этнографии. СПб., 1869. Т. 2. С. 417–580. Дополнения: с. 747–748 (переизд.: Великорусские заклинания: Сборник Л.Н. Майкова / Послесл., прим. и подг. текста А.К. Байбурина. СПб.; Париж, 1992, и др.). Замечание Богатырева о том, что в сборнике Л.Н. Майкова имеются только устные тексты, не соответствует действительности: наряду с устными заговорами в издание включено и много рукописных текстов.

3) Имеется в виду 3-й Коммунистический Интернационал (1919–1943), он же Коминтерн. Третий конгресс Коминтерна прошел в Москве с 22 июня по 12 июля 1921 года. См. в письме Ю.М. Соколова к Б.М. Соколову от 13 мая 1921 г.: «К сессии Коминтерна в н<ачале> июня предложено привезти в Москву нар<одных> певцов разл<ичных> нац<иональностей> и местностей (инициатор Красин из МУЗО). Не будет ли от тебя присылки людей? Ты, каж<ется>, взял сумму на это из МУЗО?..» [Соколовы 2010, с. 448].

4) Мария Дмитриевна Кривополенова (1843–1924) — сказительница, песенница и сказочница из Пинежского у. Архангельской губ. Первые записи от нее были сделаны А.Д. Григорьевым в 1900 г. В 1915–1916 гг. О.Э. Озаровская организовала выступления Кривополеновой в Москве, Петрограде и др. городах. В 1921 г. Кривополенова действительно выступила в Москве перед участниками Третьего конгресса Коминтерна. См.: *Григорьев А.Д.* Марья Дмитриевна Кривополенова // Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым. М., 1904. Т. 1, ч. 2. С. 333–336; *Каретников А.А.* Мария Дмитриевна Кривополенова, сказительница былин // Изв. Арханг. о-ва изучения Рус. Севера. 1916. № 1. С. 33–36; *Озаровская О.Э.* Бабушкины старины. Пг., 1916; *Ефимов В.* «Жива ли бабушка Кривополенова?» //

Север. 1980. № 5. С. 101–102; Иванова Т.Г. 1) Новые материалы к биографии М.Д. Кривополеновой: (К 65-летию со дня смерти сказительницы) // Сов. этнография. 1989. № 4. С. 84–89; 2) История русской фольклористики XX века, 1900 — первая половина 1941 г. СПб., 2009. С.448–449; Пинежские сказители: [сборник / сост.: Л.А. Житов, Н.Л. Ряхина]. Архангельск, 2008. С. 5–18.

**Протокол годичного заседания
Московского Лингвистического Кружка
12 марта 1923 г.¹³⁴**

Присутствовали: члены кружка: А.А. Буслаев, Г.О. Винокур, Б.В. Горнунг, А.И. Жирков, М.М. Кенигсберг, В.И. Нейштадт, М.Н. Петерсон, А.И. Ромм, П.П. Свешников, Р.И. Шор, Н.Ф. Яковлев, Б.И. Ярхо.

Гости: Е.Г. Богатырева, Иванов.

Председатель: Г.И. Винокур.

Секретарь: А.И. Ромм.

1. Заслушан и утвержден отчет о деятельности Кружка за 1922–23 г.

2. Заслушан и обсужден доклад Б.И. Ярхо «Евфоника сербских двенадцатисложных заплачек». Тезисы доклада прилагаются¹³⁵.

При обсуждении доклада из ответов докладчика на вопросы, предлагавшиеся Н.Ф. Яковлевым, М.Н. Петерсоном, В.И. Нейштадтом, Р.И. Шор, выяснилось, что:

Стиховое деление заплачек совпадает с музыкальным; рифмы, основанные на тождестве гласного¹³⁶ последнего открытого слога, надо признавать рифмами, потому что таков сербский канон, и к тому последние 2 слога слова сербами особо подчеркиваются, особенно в пении; 3-й член состоит из традиционных формул общего содержания, могущих быть вставленными по соображениям аллитерации в любой стих независимо от его смысла и потому ретардационных; положение аллитерирующих слов во фразе вполне свободно; имеющиеся литературные стилизации подходят к средним, преобладающим типам народн<ых> заплачек. Выводы¹³⁷ докладчика, *сделанные на основании¹³⁸ записей Караджича¹⁾ и современных наблюдений, относятся к области Черногорского Приморья.

¹³⁴ РО ИРЯ РАН. Ф. 20. Ед. хр. 4. № 6.2. Л. 254–254об. Текст писан А.И. Роммом (синие чернила).

¹³⁵ Тезисы к докладу Б.И. Ярхо «Евфоника сербских двенадцатисложных заплачек» сохранились в архиве (РО ИРЯ РАН. Ф. 20. Ед. хр. 16. Л. 390–391).

¹³⁶ Приписано сверху.

¹³⁷ Сначала было написано: наблюдения; потом зачеркнуто и сверху написано: выводы.

¹³⁸ Сначала было написано: произведенные, потом зачеркнуто и сверху написано: сделанные на основании.

В.И. Нейштадт полагает, что поскольку встречается рифменная или аллитерационная связь между I членом одного стиха и I членом другого, II одного и II другого, // (л. 254об.) III одного и III другого, постольку можно считать эти члены отдельными стихами.

Докладчик указывает, что он не исключает этой возможности. Но надо принять во внимание, что статистически больше всего таких рифмовок мы имеем между III-ми членами и что пауза после III-го члена самая продолжительная.

В.И. Нейштадт: Тогда нельзя ли считать все 3 члена одним стихом?

А.И. Ромм: Вряд ли. Шестистрочная стопа сплошь и рядом вполне отчетливо делится на 2 половины по 3 строки (ср. последние 6 стихов 1-й строфы¹³⁹ оды «Бог» Державина), но это не уничтожает самостоятельности стихов. Вопрос остается неясным.

Г.И. Винокур поддерживает точку зрения докладчика, не предпрещающего вопроса о стихах и строфах и ограничившегося констатированием, что 3 композиционных единства низшего порядка (члены или стихи) объединяются в высшее композиционное единство (стих, строфа), входящее уже в соотношение с другими объединениями того же порядка.

По окончании обсуждения доклада состоялись перевыборы Президиума Круга.

Новый президиум избран в следующем составе:

Председатель — Н.Ф. Яковлев

Заместитель Председателя — Б.В. Горнунг

Ученый секретарь — А.И. Ромм

Члены президиума — Г.И. Винокур и П.П. Свешников

Председатель <Г.И. Винокур>

Секретарь А.И. Ромм

Члены: Н. Яковлев, Горнунг, В.И. Нейштадт, Кенигсберг, Р.И. Шор

1) Вук Стефанович Караджич (1787–1864) — собиратель и публикатор сербского фольклора.

Буслаев А.А. 1 О программе деятельности Московского Лингвистического Круга. 1921 г.¹⁴⁰

1. ВОПРОСЫ СИСТЕМАТИКИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН И ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕСТА ЛИНГВИСТИКИ В ОБЩЕМ НАУЧНОМ СИСТЕМАТИЧЕСКОМ РЯДУ.

¹³⁹ Сначала было написано: стопы, потом зачеркнуто и сверху написано карандашом: строфы.

¹⁴⁰ РО ИРЯ РАН. Ф. 20. Ед. хр. 16. Л. 396. Машинопись. Внизу приписано карандашом: К докладу А.А. Буслаева. 1921 г. О программе деятельности МЛК.

Методология общей лингвистики. Ознакомление с методологией др. наук. Философия и методология математики. Логика и математика. Математическая статистика.

Связь лингвистики с философией (гносеологией и онтологией).

Ознакомление с лингвистическими школами: Фортунатов, Бодуэн де Куртенэ, Мейе, де Соссюр, нем. лингвисты; Вундт, Рис, Моррис, Марр.

Теория относительности и абсолютизма, ее значение для лингвистики. Связь лингвистики с эстетикой и Allgemeine Kunstwissenschaft¹⁴¹.

Внутреннее деление лингвистики. Предмет отдельных лингвистических дисциплин, их взаимоотношение.

2. ЛИНГВИСТИКА И ЭТНОЛОГИЯ.

Взаимоотношение методов; сходство и различие методов.

Расширение этнологической работы и углубление знаний в области этнологии.

Ознакомление с этнологическими школами.

Связь языка с культурой; I этнической, II государственной, социальной и культурой отдельных производств.

3. Дialectология. Методология dialectологии.

4. Язык ребенка

5. Современные языковые явления.

6. Малоизвестные языки.

} Примеры, инструкции и программы.

ПРИМЕЧАНИЕ: Для работ по пп. 3, 4, 5 и 6 учитывается то, что делается Кружком в области вопросов, перечисленных в пункте 1. С другой стороны, практические работы по последним 4-м пунктам должны содействовать усовершенствованию методологии.

7. Поэтический язык.

А. Общие вопросы.

Б. Показательные исследования по литературному поэтическому языку:

I. стих

II. проза

III. драматические произведения

С. Показательные исследования по народному поэтическому языку:

I. песня

II. сказка

III. заговор и лубочный стих

IV. народная драма.

1) К составлению программы был причастен также Б.В. Горнунг, который сообщает: «...А.А. Буслаев и я входили в “Президиум МЛК”, кото-

¹⁴¹ *Прписано карандашом. Allgemeine Kunstwissenschaft — общее искусствознание (нем.).*

рый в течение всего лета 1921 года занимался (по решению кружка, состоявшемуся раньше апреля) разработкою «программы» деятельности кружка. Так как остальными членами «Президиума» были лица, в данном круге вопросов нейтральные (П.П. Свешников и Н.Ф. Яковлев), то мне и А.А. Буслаеву удалось составить «программу» в резко выраженном «антиформалистическом» духе. Осенью 1921 года состоялось обсуждение этой программы. На заседании, в котором участвовали Г.Г. Шпет, Н.И. Жинкин и Н.Н. Волков, активно поддерживавшие наши позиции, произошел полный раскол МЛК, и он зимою 1921–1922 гг. собирался только для слушания специальных лингвистических докладов эмпирического характера» [Горнунг 2001, с. 373].

Матерьялы для curriculum vitae П.Г. Богатырева¹⁴²

Род. 1893 г. 2-ая Саратовская гимназия, затем поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Со второго курса совершил ряд этнографических экспедиций. В 1914 г. ездил в Серпуховской у. Московской губ. Собрал около 50 сказок, 20 песен, загадки, заговоры и т.д. В 1915 г. ездил в Верейский у. Московской губ. совместно с Р.О. Якобсоном и Н.Ф. Яковлевым. Собрано было 200 сказок, песни, заговоры, сведения о народных верованиях и т. д. В 1916 г. ездил по поручению Академии Наук и Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии в Архангельскую губ. Кроме того, собирал материал в Орловской, Курской и Саратовской губ.

Печатные работы¹⁾

1. Верования крестьян Шенкурского у. Этнографическое Обозрение.
2. Легенды Архангельской губ. Живая старина.
3. Частушки Саратовской и Астраханской губ. в «Сборнике великорусских частушек» под ред. Е.Н. Елеонской.
4. Воспоминания собирателя по народной словесности. Газета «Архангельск». 26 авг. 1916. // (л. 403 об.)
5. Рецензия на работу проф. Чижа «Психология деревенской частушки». Филологический Вестник.
6. Рецензия на работу М. Моравской «Поэзия миллионов людей». РФВ.
7. Рецензия на работу Кривошекова «Легенды о войне». РФВ.
8. Отчет о поездке в Московскую губ. Отчет Академии Наук.
9. Отчет о поездке в Архангельскую губ. Отчет Академии Наук.
10. Отчет о Московской поездке. Этнографическое обозрение.
11. Отчет о Архангельской поездке. Этнографическое обозрение.

¹⁴² РО ИРЯ РАН. Ф. 20. Ед. хр. 16. Л. 403–404. Автограф П.Г. Богатырева.

Труды, принятые к печати

1. Жарты и фации. Материалы и исследования.
2. Стихотворение Пушкина «Гусар».
3. Совместно с Е.Г. Богатыревой материалы по балагану.
4. Совместно с Р.О. Яковсоном Народный театр.
5. Материалы по Серпуховскому у.
6. Материалы по Верейскому у. совместно с Н.Ф. Яковлевым и Р.О. Яковсоном.

Оставлен для подготовки к проф<ессорской> деятельности при Саратовском Университете.

Член Этнограф<ического> Отдела Общ<ества> Любит<елей> Антр<опологии> и Этн<ографии>, член Московской Дialectол<огической> Комиссии, член Московского Лингвистического кружка, член Общ<ества> филологии и этнографии; член Общ<ества> Археологии и Этнографии.

П. Богатырев // (л. 404)

Подготавливаются к печати

1. Материалы по диалектологии Шенкурск<ого> у. Арханг<ельской> губ.
2. Материалы по фольклору Шенкурск<ого> у. Арханг<ельской> губ. 100 сказок, песни, заговоры и проч.
3. Заговоры.
4. Рецензия на работу Познанского «Заговоры».
5. «Ревизор» и «Женитьба» Гоголя.
6. Композиция народных анекдотов.
7. Поэтика сказки.
8. Как построены интермедии XVIII в.

Читал лекции в студии «Сатира» на Рабочем Фак<ультете> Инст<итута> Народного Хозяйства и в др. культ<урно>-просв<етительных> учреждениях.

П. Богатырев

- 1) См. библиографию работ П.Г. Богатырева: 1) *Богатырев П.Г.* Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 523–543; 2) *Богатырев П.Г.* Народная культура славян. М., 2007. С. 343–361.

Литература и источники

Богатырев 1931 — *Богатырев П.Г.* Б.М. Соколов [Некролог] // *Slavia*. 1931. Ročn. X. № 4. S. 838–845.

Горнунг 2001 — *Горнунг Б.* Поход времени. Статьи и эссе. М., 2001.

Демократическая поэзия 1961 — Демократическая поэзия XVII века / Вступ. ст. В.П. Адриановой-Перетц и Д.С. Лихачева; Подг. текста и примеч. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1961.

- Колоницкий 2010 — *Колоницкий Б.И.* Трагическая эротика: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.
- Краткий отчет 1919 — Краткий отчет о диалектологических экскурсиях 1916 года // Труды Московской диалектологической комиссии / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1919. Вып. 8. С. 31–36.
- Крусанов 2003 — *Крусанов А.В.* Русский авангард. 1907–1932. В 3 т. М., 2003. Т. 2. Футуристическая революция. 1917–1921. Кн. 1.
- Позднеев 1996 — *Позднеев А.В.* Рукописные песенники XVII–XVIII вв.: Из истории песенной силлабической поэзии. М., 1996.
- Протоколы 1911–1916 — Протоколы Комиссии по народной словесности при этнографическом отделе ОЛЕАЭ. 1911–1916 гг. // ГЛМ. ФА. Инв. № 23/1. Ед. хр. 1.
- Соколов 1926 — *Соколов Б.М.* Экскурсы в область поэтики русского фольклора // Художественный фольклор. 1926. Вып. 1. С. 30–53.
- Соколовы 2010 — Из далеких двадцатых годов двадцатого века (Исповедальная переписка фольклористов Б.М. и Ю.М. Соколовых) / Подгот. текстов, вступит. ст., коммент. и указатели В.А. Бахтиной. М., 2010.
- Ушаков Д.Н., Голанов 1927 — *Ушаков Д.Н., Голанов И.Г.* Краткий очерк деятельности Постоянной Комиссии по Диалектологии Русского Языка за 12 лет (январь 1914 г. – январь 1926 г.) // Труды Постоянной Комиссии по Диалектологии Русского Языка. Л., 1927. Вып. 9. С. 1–9.
- Чичеров 1948 — *Чичеров В.* Обсуждение на заседаниях ученого совета Института этнографии основных недостатков и задач работы советских фольклористов // Сов. этнография. 1948. № 3. С. 146–163.
- Шапир 1996 — *Шапир М.И.* [Вступление и примечания к публикации:] Якобсон Р.О. Московский лингвистический кружок / Подг. текста, публ. и примеч. М.И. Шапира // Philologica. 1996. № 3. № 5/7. С. 361–365, 368–380.
- Якобсон 1996 — *Якобсон Р.О.* Московский лингвистический кружок / Подг. текста, публ. и примеч. М.И. Шапира // Philologica. 1996. № 3. № 5/7. С. 361–380.
- Якобсон 1999 — *Якобсон Р.О.* П.Г. Богатырев (29.I.1893 – 18.VIII.1971): мастер перевоплощений // Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования / Отв. ред. Х. Баран, С.И. Гиндин. М., 1999. С. 65–74.
- Якобсон 2011 — *Якобсон Р.О.* Формальная школа и современное русское литературоведение / Ред.-сост. Т. Гланц; ред. Д. Сичинава; перев. с чеш. Е. Бобраковой-Тимошкиной. М., 2011.
- Якобсон, Богатырев 1923 — *Якобсон Р., Богатырев П.* Славянская филология в России за годы войны и революции. Берлин, 1923.
- Якобсон, Поморска 1982 — *Якобсон Р., Поморска К.* Беседы. Иерусалим, 1982.

Фольклорные темы на заседаниях Московского лингвистического кружка

Московский лингвистический кружок (1915–1924) объединял молодых ученых, среди которых были студенты и выпускники Московского универ-

ситета П.Г. Богатырев, Р.О. Якобсон, Ю.М. Соколов, Б.И. Ярхо и др. В публикацию включены протоколы обсуждений докладов на фольклорные темы, в частности, сообщения Ю.М. Соколова о народных легендах, связанных с текущими политическими событиями.

Ключевые слова: Московский лингвистический кружок, фольклор, П.Г. Богатырев, Р.О. Якобсон, Ю.М. Соколов, Б.И. Ярхо, Н.Ф. Яковлев, Г.Г. Шпет.

Folklore Themes at the Meetings of the Moscow Linguistic Circle

The Moscow Linguistic Circle (1915–1924) combined together young philologists, among whom were students and graduates of Moscow University: Pjotr Bogatyrjov, Roman Jakobson, Juriy Sokolov, Boris Jarkho, and others. The publication includes the records of the discussion of reports on folklore themes, in particular, Juriy Sokolov's paper-lecture about folk legends associated with current political events.

Keywords: Moscow Linguistic Circle, folklore, Pjotr Bogatyrjov, Roman Jakobson, Juriy Sokolov, Boris Jarkho, Nikolay Jakovlev, Gustav Shpet.

П.Г. БОГАТЫРЕВ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕАТРА

Изучение фольклорного театра — одна из центральных тем научного творчества Петра Григорьевича Богатырева. Более того, многие работы ученого, не посвященные собственно театру, как он сам отмечал, относятся «к одной области народной культуры — к фольклорному *действию* (курсив мой. — С.С.)» [Богатырев 1971, с. 5], а монографию «Народный театр чехов и словаков» [Богатырев 1971a] он считал «центральной работой» своего итогового сборника «Вопросы теории народного искусства» [Богатырев 1971], с которой «в том или ином отношении перекликаются все остальные статьи и исследования» [там же, с. 8]. Театр был не только объектом научных штудий П.Г. Богатырева, но и предметом его страстного увлечения, зародившегося еще в юности и пронесенного через всю жизнь. Не случайно поэтому, что исследовательская биография Богатырева открывается статьями о народном театре. На этом материале начинает формироваться метод ученого, а сам подход Богатырева к изучению фольклорного театра окажется новаторским и чрезвычайно плодотворным.

К 20-м годам XX в., моменту появления первых работ П.Г. Богатырева о народном театре, эта область народной культуры не привлекала широкого внимания исследователей. Первые опыты научного осмысления фольклорного театра как феномена культуры, его роли в становлении русского театра относятся к последней трети XIX в. Так, А.Н. Веселовский и П.О. Морозов в работах, посвященных истории театра, в русле идей культурно-исторической школы формулируют концепцию генетической связи фольклорного театра с обрядом, «вырастания» фольклорных игровых театральных форм из некогда существовавшего синкретического целого [Веселовский 1870; Морозов 1889]. Обращаясь к русским фольклорным театральным явлениям, ученые, с одной стороны, также возводят их к обрядам, постепенно утратившим «культовый характер» и превратившимся в самостоятельные драматические сцены, а с другой стороны, отмечают значительное влияние, оказанное на них ранней русской драматургией и литературой.

Кроме того, в этот период развивается историко-литературное направление, изучающее раннюю русскую драматургию как часть русской литературы XVII–XVIII вв. [Тихонравов 1874; Шляпкин 1898; Резанов 1910 и др.]. На первый план учеными выдвигается источниковедческая работа, поиск сюжетных, чаще всего западноевропейских, первооснов русских драм и их сопоставление с отечественными переработками. Осуществляются попытки применения такого подхода

и к русскому фольклорному театру. Так, изучая происхождение и состав наиболее сложной по композиции народной драмы «Царь Максимилиан», исследователи стремятся выявить литературные «прототипы» фольклорной пьесы. В.В. Каллаш предположил «сродство сюжета “Максимилиана” с житием св. мученика Никиты» [Каллаш 1898, с. 49]; в предисловии к изданию текстов «Царя Максимилиана», собранных Н.Н. Виноградовым, А.И. Соболевский высказал гипотезу о связи этой драмы с пьесами театра московской госпитальной школы [Народная драма «Царь Максимилиан» 1914, с. 7]; Б.В. Варнеке считал, что первоначальной основой «Царя Максимилиана» была переработанная из романа пьеса, игравшаяся в светском театре при преемниках Петра I [Варнеке 1908–1910, с. 92]; с русской драматургией конца XVII — первой половины XVIII в. связывал происхождение народной драмы и Р.М. Волков [Волков 1912].

Таким образом, можно сказать, что все работы о народном театре конца XIX — начала XX века отражали диахронный и преимущественно «литературоцентричный» принципы его изучения. Работы П.Г. Богатырева, вышедшие в свет в начале второго десятилетия XX века, демонстрировали совершенно иной подход. Небольшая по объему книга «Чешский кукольный и русский народный театр» была опубликована в 1923 г. в Берлине в ОПОЯЗовском издании «Сборники по теории поэтического языка» (выпуск VI). Хотя на ее обложке значится фамилия одного автора — Богатырева, — в предисловии Петр Григорьевич отмечает, что второй очерк («Народный русский театр») [Богатырев 1923, с. 19–28] и «Программа по собиранию сведений о народном театре» [там же, с. 91–121] были написаны им в соавторстве с Р.О. Якобсоном и являлись частью их совместной «неоконченной большой работы о русском народном театре»¹ [там же, с. 9]. Ту же незавершенную работу он упоминает в предисловии к «Программе...», отмечая, что она должна была содержать «подробный формальный анализ народного русского театра» [там же, с. 93]. В свою очередь, Якобсон в воспоминаниях о Богатыреве пишет об их совместной работе в 1919 г. над «учебником по русскому народному театру» [Якобсон 1999, с. 73]. «Учебник» опубликован так и не был, не обнаруживаются его следы и в архивах. Однако, по-видимому, подходы к изучению народного театра, положенные в основу книги 1923 г., разрабатывались молодыми исследователями еще в конце 1910-х гг.

Вместо господствовавшего в то время, и не только применительно к фольклорному театру, диахронного направления Богатырев и Якобсон предложили синхронный принцип исследования фольклора. В начале очерка «Народный русский театр» исследователи подчеркну-

¹ К сожалению, рукопись этой работы до настоящего времени обнаружить не удастся.

то полемически отталкиваются от методологических установок на изучение лишь тех фольклорных явлений, которые уходят корнями в прошлое, от попыток прочесть в них «забытые» ныне смыслы, от стремления видеть лишь в архаических жанрах эстетически значимые художественные явления: «Все “прекрасное” в фольклоре, все эстетически удовлетворяющее исследователя проецируется в древность, почитается отзвуком седой старины. Все эстетически чуждое объявляется новейшей дегенерацией, осмысливается как результат новейшего растлевающего влияния города и фабрики. <...> Произведения устной словесности в их современном виде, на очередных этапах своей жизни мало интересуют исследователей. Это для них только фрагменты некогда целостной, от начала до конца логичной, осмысленной и мотивированной поэзии» [там же, с. 19–20]. В противоположность этим устоявшимся в науке взглядам, молодые исследователи считают, что «нельзя судить о современной жизни народа по былинам или заговорам» [там же, с. 25], поскольку былины самими исполнителями воспринимаются как «остатки прошлого», чье развитие «уже остановилось», а заговоры обладают высокой степенью консерватизма в силу того, что им «предписывается магическое значение» [там же, с. 23]. Свой интерес к фольклорному театру Богатырев и Яacobсон объясняют тем, что народная драма не является «осколком старины, не есть художественный пережиток» [там же, с. 25], в связи с чем она «не окружена никаким пиететом и в силу этого легко трансформируется, отвечая художественным запросам дня, ибо только эстетические требования момента обуславливают ее существование» [там же, с. 24].

Еще одной причиной интереса Богатырева и Яacobсона к народному театру является то, что, по их мнению, во многих случаях исследователи получают возможность сопоставить поэтику литературных источников драмы с их переработкой в фольклорных пьесах. Богатырев и Яacobсон подчеркивают, что именно «близость к нам по времени многих ее источников» является «чертой, выгодно отличающей народную драму, как объект для изучения, от тех жанров русской народной словесности, которые преимущественно трактовались в науке», поскольку восстановление источников архаических жанров, например былин, всегда имеет «гипотетический характер, ибо длинный ряд промежуточных стадий между источником и подлежащей былинной редакцией нам не известен» [там же, с. 24–25]. Таким образом, Богатырев и Яacobсон переосмысливают сам характер исследовательского подхода к материалу, стремясь уйти от гипотетичности диахронных построений к объективности, находящей подтверждение в непосредственно наблюдаемых фактах.

Возможности этого подхода продемонстрированы Богатыревым в работе «Стихотворение Пушкина “Гусар”, его источники и его влия-

ние на народную словесность» [Богатырев 1923а]. В первой части статьи исследователь устанавливает, какими источниками пользовался А.С. Пушкин, создавая стихотворение «Гусар». Он отмечает, что малороссийская традиция, в которой имеет распространение сюжет, сходный с пушкинским, вряд ли была хорошо знакома поэту к 1833 г. (году создания стихотворения). Несомненно был известен Пушкину рассказ О.М. Сомова «Киевские ведьмы», в котором используются фольклорные мотивы. Богатырев также упоминает сюжетно близкую «Гусару» русскую сказку, опубликованную Д.К. Зелениным в сборнике «Великорусские сказки Вятской губернии» (Пг., 1915). Далее он сопоставляет сюжетные ситуации и мотивы пушкинского стихотворения, с одной стороны, и народной сказки и рассказа Сомова, с другой, выявляя сходства и различия. При этом, анализируя русскую сказку, Богатырев выдвигает предположение, что она сама могла возникнуть под влиянием стихотворения «Гусар», с которым рассказчик мог познакомиться через посредство массовых изданий. Таким образом, ученый приходит к выводу о том, что однозначного ответа на вопрос о степени и направлении заимствования дать невозможно, поскольку, исследуя эту проблему, «приходится иметь дело с уравнием со многими неизвестными и допускать несколько решений» [Богатырев 1923а, с. 159]. Во второй части статьи автор сопоставляет стихотворение Пушкина и его переработку в имевшихся в распоряжении учебного варианта пьесы «Царь Максимилиан». Здесь у исследователя появляется возможность провести буквально пословное сравнение первоисточника и его интерпретаций в народной драме и получить весьма точные данные о характере и степени преобразования пушкинского стихотворения в фольклорной традиции. Восстановленная исследователем объективная, хотя и весьма пестрая картина свидетельствует о разнообразии путей этой переработки: от незначительных ритмических, словесных и композиционных изменений до полной перестройки всех уровней текста, в том числе и его сюжетно-мотивной структуры. Таким образом, статья о стихотворении Пушкина «Гусар» оказывается чрезвычайно показательной как демонстрация новой методологии: ее автор не ставит перед собой задачу выявления исторической семантики фольклорного произведения, а устанавливает, как преобразуются элементы авторской литературной системы при переходе в художественную систему фольклора, показывает, чем обусловлено такое преобразование.

Подход Богатырева, безусловно, связан с применением «формального анализа» [Богатырев, Jakobson 1923, с. 29], который в этот период активно разрабатывается Московским лингвистическим кружком и петроградским ОПОЯЗом. Возвращаясь к книге «Чешский кукольный и русский народный театр», отметим, что именно установкой формалистов на изучение «определенного момента развития художествен-

ной формы» [Шкловский 1964, с. 138] обусловлен и предложенный в ней анализ кукольного театра как «замкнутого художественного целого» [Богатырев 1923, с. 23].

Своеобразие этого анализа особенно очевидно на фоне другой работы — появившейся несколькими десятилетиями ранее книги В.Н. Перетца «Кукольный театр на Руси» [Перетц 1895]. Исследование Перетца направлено на то, чтобы обобщить сведения о пьесах, разыгрывавшихся кукольниками, и представить сводные сюжеты, выявив их историко-культурные и историко-литературные связи. Его книга, безусловно, дает целостное представление о явлении, но отдельные этапы развития народного кукольного театра, в том числе и особенности его современного состояния, не занимают в ней центрального места. Нечто подобное, но в художественной форме, осуществил в 1919 г. А.М. Ремизов, составив сводный текст народной драмы «Царь Максимилиан». Критикуя его с формалистических позиций, Шкловский со свойственной ему экспрессией отметил слабые стороны такого подхода: «Те 17 или более вариантов “Царя Максимилиана” — не варианты, собственно говоря. Они стадии развития сюжета и их нельзя сводить. В детстве человек имеет росту, положим, пол-аршина, взрослый, положим, два аршина. Нельзя же писать, что человек, в общем, имеет росту аршин с четвертью» [Шкловский 1919, с. 1]. Конечно, и диахронный и синхронный подходы имеют свои преимущества и ограничения. В данном случае нас интересует не полемический заряд высказывания Шкловского, а ярко обозначившееся в нем своеобразие подхода формалистов к изучаемому материалу, нашедшее отражение и в работе Богатырева. Обращаясь к исследованию кукольного театра, Богатырев, в отличие от Перетца, в русле синхронистических представлений отказывается от обобщенного анализа сюжета. Напротив, он «дробит» общую картину, давая описания отдельных ее элементов — конкретных представлений (см. гл. II) [Богатырев 1923, с. 11–18]. Это, конечно, не значит, что в его работе вообще отсутствуют аналитические обобщения. Однако они проведены в ином, не диахронном срезе и представляют собой выполненное в соответствии с идеями МЛК систематизированное описание основных общих стилистических приемов чешского кукольного и русского народного театра (гл. III) [Богатырев 1923, с. 29–90]. Не используя термина «структура», Богатырев тем не менее уже в этой книге выделяет такие структурные компоненты театра, как речь, репертуар, композиция, костюмы, публика, анализируя их с разной степенью подробности (более всего — речевые приемы). Осмысление театра и каждого отдельного спектакля как уникальной комбинации вышеперечисленных составляющих, а также поиск способов их описания и анализа составляют ядро новаторской театроведческой концепции П.Г. Богатырева. В теоретическом плане сходное с богатыревским

представление о театре как структуре высказывал в те же годы другой участник МЛК Г.Г. Шпет. В статье «Театр как искусство» [Шпет 1922²] он выдвигает важную и впоследствии ставшую опорной и в концепции Богатырева мысль об условности и знакомом характере сценического искусства: «Театральное действие есть непременно какое-то условное действие, есть знак чего-то... Проблема этой *условности* и есть проблема театра...» [Шпет 2000, с. 112]. Та «отрешенная», «воображаемая», «эстетическая» [там же, с. 120–121] действительность, с которой мы сталкиваемся в театре, по мнению Шпета, не равна литературному источнику спектакля — пьесе. В связи с чем исследователь предлагает выделить две театроведческие дисциплины: одну — изучающую театральные интерпретации драматургических произведений, и другую — исследующую саму «технику» театра, те специфические элементы, из которых строится театральное действие [Шпет 1921, с. 31]³. Для последней дисциплины Шпет предложил название «эстетика театрального искусства» [Шпет 2000, с. 127]. В качестве «дифференциальных признаков», подлежащих изучению, Шпет выделяет сходный с Богатыревым круг элементов: художественное оформление, режиссура, работа актера. При этом наиболее важной и сложной по структуре Шпет считает актерскую игру, функция которой в спектакле является доминирующей⁴.

Надо отметить, что и уже упоминавшийся В.Н. Перетц в начале 1920-х гг. размышляет о необходимости учитывать не только литературную составляющую театра, но и другие его элементы [Перетц 1923, с. 22, 23, 28–30], совокупность которых он называет его «изобразительной» стороной [Там же, с. 18], предпринимая вместе с коллегами по Государственному институту истории искусств опыт такого изучения в сборнике «Старинный театр в России». Переключка подходов Богатырева и исследователей из ГИИИ, конечно, неслучайна: в 1920-е гг. именно в этом институте активно разрабатываются и применяются идеи формальной школы [Иванова 2009, с. 302].

Создавая язык для конкретного описания структурных элементов народного театра, Богатырев и Якобсон остро ощущали ограниченность своих возможностей [Богатырев 1923, с. 91], связанную не только с методологической неразработанностью проблемы, но и с недостаточностью сведений об этом феномене. Представление о том, какой виделась Богатыреву и Якобсону структура фольклорного театра и, соответственно, что должно быть объектом изучения в нем, дает уже упоминавшаяся «Программа по собиранию сведений о

² Статья цитируется по изданию [Шпет 2000].

³ Тот же текст в качестве доклада, прочитанного Г.Г. Шпетом в 1926 г. в ГАХН, опубликован в [Шпет 2000a].

⁴ Подробнее о театроведческой концепции Шпета см.: [Стахорский 2007].

народном театре», опубликованная в книге «Чешский кукольный и русский народный театр». Всего программа включает 220 вопросов⁵, которые распределены по четырем разделам: 1. Как записывать народные игры драматического характера; 2. Как записывать народные пьесы; 3. Театр для народа с литературным репертуаром; 4. Специальные вопросы по балагану. Все вопросы условно можно разделить на две большие группы. Первая направлена на фиксацию сведений о бытовании театрально-игровых явлений (социальная среда, контакты исполнителей с другими социальными группами, степень активности бытования в настоящее время, приуроченность исполнения к определенному моменту времени, половозрастной состав участников и т. д.). Вторая группа вопросов направлена на то, чтобы получить целостную фиксацию самого театрально-игрового феномена. Авторы, помимо текста, предлагают описывать внесловесные выразительные средства и «уровни» представления: жесты, мимику, сценическое движение, организацию мизансцен, оформление представления, костюмы; фиксировать сведения о взаимодействии актеров и зрителей, импровизациях, способах выделения пространства, на котором разыгрывается представление, репетиционном процессе, а также об изменениях представлений, исполнительских и зрительских пристрастий во времени и в зависимости от ситуации исполнения. Очевидно, что сбор материала по этому вопроснику как раз и позволял описать театр как систему взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов.

Если идеи формальной школы служили теоретической базой богатыревской концепции изучения фольклорного театра, то «практической» или «фактической» ее предпосылкой была полевая работа, те способы описания и подачи материала по народному театру, которые были предложены собирателями в конце XIX — начале XX в. Первые записи и публикации текстов произведений фольклорного театра были осуществлены в своем большинстве не ранее 1880-х гг. Первые собиратели произведений народного театра ощущали, что текст фольклорной пьесы дает лишь весьма приблизительное представление о столь сложном феномене традиционной культуры. Это относится и к собирателям, связанным с крупнейшими научными центрами России (как, например, Н.Е. Ончуков или Н.Н. Виноградов), и к любителям, нередко участвовавшим лично в постановках народных драм (как, например, М.К. Васильев или И.С. Абрамов). Осуществляя записи народных представлений, они, в значительной мере интуитивно, пытались преодолеть «недостаточность» текста, фиксируя разнообразные дополнительные сведения о бытовании фольклорных театральных произведений. В связи с этим в их публикациях содержится инфор-

⁵ Ср. в анкете, предложенной В.Н. Перетцем, — 6 вопросов [Перетц 1991, с. 1–2].

мация об организации сценического действия и отдельных мизансцен, сценических «эффектах», характере игры актеров или кукольников, их манере произнесения реплик, движениях, жестах, костюмах, оформлении «сцены», особенностях постановочного процесса. Таким образом, в публикациях конца XIX — начала XX в., хотя и не вполне последовательно и осознанно, фольклорный театр представлял именно как совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных компонентов, которые оказалось возможным выделять и описывать. В то же время фольклорное представление показано как изменчивое явление, обращенное к запросам публики и динамично реагирующее на них. Собиратели, с одной стороны, зафиксировали, как формируются «театральные» коллективы, насколько зависима постановка от состава «труппы» или наличия необходимой куклы, личных вкусов исполнителей, уровня знакомства с традицией, а с другой — обратили внимание на связь каждого конкретного представления с условиями его показа, половозрастным составом и культурным уровнем зрителя, «включенностью» публики в традицию и сиюминутными потребностями наблюдающих представление людей⁶. Таким образом, Богатырев, по существу, превратил в методологически осознанные исследовательские принципы (отразив их не только в исследовании, но и в «Программе по собиранию сведений...») те подходы, которые подспудно складывались в собирательской практике конца XIX — начала XX в.

Наконец, нельзя не упомянуть и о влиянии на становление взглядов Богатырева процессов, происходивших на профессиональной сцене. В начале XX века театральное искусство становится центром притяжения внимания творческой и научной интеллигенции. С.В. Стахорский отмечает, что в этот период театр «мыслится как сила животворящая, как рычаг, которым можно остановить историю, чтобы начать ее заново, как точка опоры, при помощи которой можно изменить мир» [Стахорский 2007а, с. 35]. О театре в тот период писали чрезвычайно много, но в основном как о некой отвлеченной жизнестроительной идее, не замечая реальную сценическую практику. Не случайно такие выдающиеся режиссеры того времени, как А.Я. Таиров и В.И. Немирович-Данченко, подчеркивали утопичность «бумажных» театральных идей, упрекали их создателей в незнании законов, «техники» театра [Стахорский 2007б, с. 275–277]. В то же время сама сценическая практика начала XX в., размышления режиссеров-новаторов о специфике этого вида искусства, о принципах создания конкретных спектаклей [Мейерхольд 1913; Станиславский 1939; Таиров 1921; 1922; Эйзенштейн 1923] буквально заставляла

⁶ Подробнее о принципах записи народных театральных форм см. [Сорокина 2013].

чуткого исследователя увидеть в театральном произведении систему взаимосвязанных элементов. Одним из первых режиссеров-новаторов, поставивших в спектакле в один ряд с текстом пьесы актерскую игру, костюм, декорации, музыкальное и звуковое оформление, организацию сценического действия был К.С. Станиславский. Опубликованные в настоящее время режиссерские экземпляры Станиславского [Станиславский 1980–1994] показывают, насколько детально прорабатывалась режиссером каждая постановка. Он прописывал и прорисовывал каждую мизансцену, отмечая, как должны располагаться и двигаться актеры, каким должен быть темп и ритм произносимых ими реплик, что должно находиться на сцене и как располагаться, какую бутафорию следует использовать, каким должно быть музыкально-звуковое и световое оформление. Понимание театра в целом и каждой отдельной театральной постановки как системы взаимосвязанных и взаимообусловленных компонентов характерно и для других режиссеров-новаторов того времени, таких как В.Э. Мейерхольд, А.Я. Таиров, Е.Б. Вахтангов. Страстный любитель театра Богатырев, простаивавший часами в очередях, чтобы купить дешевый билет на очередную театральную новинку [Якобсон 1999, с. 66], сумел блестяще осмыслить кристаллизовавшееся в практике режиссеров-новаторов представление о театральном искусстве.

В этой связи интересен сам выбор Богатыревым кукольного театра в качестве темы своего исследования. Богатырев обращается к этому материалу не только в силу актуальности и популярности *в народе* данного феномена, но и потому, что в *профессиональном сценическом искусстве* того времени кукла, кукольный театр занимают весьма значимое место. Об этом он пишет в первом очерке своей книги: «Крупнейшие русские режиссеры Евреинов, Мейерхольд и Таиров уделяют в своих теоретических работах большое внимание кукольному театру и заимствуют из него его технику в своих постановках» [Богатырев 1923, с. 11–12]. Исследователь упоминает также об увлечении куклой таких театральных деятелей того времени, как Б. Шоу, Г. Крэг, об использовании техники кукольного театра на берлинской и пражской сценах [Богатырев 1923, с. 11]. Добавим к этому, что и К.С. Станиславский мечтал о включении элементов кукольного театра в свои спектакли и даже, по воспоминаниям «петрушечницы» Н.Я. Симанович-Ефимовой [Симанович-Ефимова 1925, с. 48], заказал около 1916 г. кукольную пьесу А.Н. Толстому. Возможно, в этом интересе Станиславского сказались знакомство мастера с Г. Крэгом и его теорией актера-«сверхмарионетки». Как известно, сотрудничество двух режиссеров-новаторов увенчалось постановкой в 1911 г. на сцене МХТ спектакля «Гамлет», имевшего огромный резонанс [Бачелис 1983, с. 286–287]. Возможно, этот

спектакль видел и Богатырев⁷. Своеобразный итог «кукольному буму» в русском профессиональном театре первых десятилетий XX в. подвела устами одного из своих персонажей в 1923 г. Симанович-Ефимова в «Задумчивой интермедии»: «Я походил по театрам и сделал открытие. Теперь люди играют кукол! В Камерном театре изображают марионеток; в Художественном — каких-то картонных, на манер шопок; на Турандот — петрушек. Люди боятся играть всерьез» [Симанович-Ефимова 1925, с. 89]. Таким образом, исследование П.Г. Богатырева стало, в определенной мере, откликом на небывалый интерес к кукле в профессиональном театральном искусстве, было продиктовано стремлением ученого понять причины этого увлечения. Однако вполне осознаны и сформулированы Богатыревым они будут лишь в работе «Народный театр чехов и словаков» [Bogatyrev 1940; Богатырев 1971a].

Отметим еще один фактор, обусловивший интерес Богатырева к кукольному театру: в 1921 г. он попадает в Чехословакию, где традиции народных кукольников были в то время очень сильны. Богатырев получает возможность наблюдать близкую русской традиции чешского кукольного театра, знакомится и общается с ее знатоком И. Веселым (1885–1939)⁸. Эти впечатления нашли отражение как в книге «Чешский кукольный и русский народный театр» [Богатырев 1923, с. 9 и первый очерк], так и в других трудах Богатырева, написанных в период его пребывания в Чехословакии. Кроме того, в 1920–1930-е гг. Чехословакия становится едва ли не центром европейского театрального авангарда, и Богатырев получает возможность далее плодотворно заниматься своей любимой темой.

В начале XX в. в Чехословакии складывается совершенно особое отношение к народному кукольному театру, остающемуся в этот период живым и чрезвычайно популярным явлением культуры. Его особая роль связана с тем, что на протяжении XVIII–XIX вв., в эпоху борьбы за чешское национальное возрождение, он оказался своего рода рупором национально-освободительной борьбы. Показательно, что в начале XX в. в Праге был установлен памятник народному кукольнику Матею Копецкому (1775–1847), который, несмотря на запреты властей, продолжал играть свои пьесы на чешском языке, высмеивая в них немецкую экспансию. В 1911 г. в Этнографическом музее в

⁷ Во всяком случае, о теории актера-«сверхмарионетки» Г. Крэга Богатырев упоминает в книге «Народный театр чехов и словаков» [Богатырев 1971a, с. 128].

⁸ Йиндржих Веселы в 1909 г. получил степень доктора философии, защитив диссертацию о фаустологических элементах в традиционном искусстве чешских кукольников; в 1911 г. открыл первую выставку народного кукольного театра в Этнографическом музее в Праге; в том же году создал Союз друзей кукольного театра.

Праге состоялась первая выставка кукольного театра; в последующие годы подобные выставки проводились неоднократно; Богатырев, в частности, упоминает о выставках в 1921, 1924, 1929 гг., правда, они были посвящены уже не только кукольному театру [Богатырев 1929, с. 4]. С 1912 г. в Чехословакии начал выходить специальный журнал под названием «Loutkář» («Кукольник»), руководимый «прекрасным знатоком кукольного театра проф. Веселым» [Богатырев 1927, с. 8]. В 1924 г. в Праге прошел Первый съезд чехословацких деятелей кукольного театра. В том же году при Просветительском союзе, позже преобразованном в Массариковский культурно-просветительский институт, было создано специальное отделение кукольных театров, в задачи которого входило как изучение этого вида творчества, так и выработка рекомендаций по организации и использованию его в просветительских целях [Богатырев 1929, с. 4]. О популярности кукольного театра и его персонажей П.Г. Богатырев свидетельствовал позднее, по возвращении в СССР: «В Чехии публика часто предпочитает посещать театр кукол, чем театр живого актера, и первый является серьезным конкурентом для театра живого актера» [Богатырев 2006, с. 249]. Персонажи кукольного театра, по словам ученого, часто становились своеобразной торговой маркой: «Повсюду продавались фигурки из стекла и из гипса; потом даже стали делать особую материю, где изображались эти фигурки. Вообще, как только в Чехии кому-нибудь хотелось быстрее продать свой товар, для рекламных целей изображались эти две фигурки Спейбла и Гурвинка» [там же, с. 248–249]. В середине 1920-х гг., по данным Богатырева [Богатырев 1927, с. 7–8], в Чехии существовало до двух тысяч только зарегистрированных кукольных театров, которые выполняли не только художественные, но и просветительские, и пропагандистские функции (например, кукольный театр доктора К. Дримля ставил пьесы о пользе гигиены); самое широкое распространение имели школьные и домашние кукольные театры. Обратим внимание, что все приведенные сведения Богатырев сообщает в статьях, опубликованных в 1920-е гг. в «Центральной Европе», журнале, издававшемся на русском языке. Таким образом, в это время он уже прекрасно знаком с жизнью кукольных театров Чехословакии и лично со знатоками этой сферы чехословацкой культуры и стремится познакомить с ней русскоязычного читателя.

Закономерным результатом этих крепнущих связей стало участие Богатырева в подготовке советского раздела экспозиции выставки, посвященной кукольному театру. Эта выставка, приуроченная к очередному съезду кукольников, проходившему в Праге 18–20 мая 1929 г., стала первой международной [Богатырев 1929а]. В ней участвовали делегации из Дании, Германии, Югославии, Англии, Франции, США, Турции, СССР [Богатырев 1929, с. 4–6]. П.Г. Богатырев взял на себя почти всю работу по организации советского раздела. Сложнее всего

оказалось найти деньги для доставки экспонатов. Позже П.Г. Богатырев вспоминал: «Я могу даже рассказать одну вещь, которая меня очень тронула: выставку, которую я устраивал в Праге, организовывали, с одной стороны, Союз кукольников [чехословацких. — С.С.], с другой — ВОКС⁹. Когда кукольники узнали, что открытие задерживается из-за неприсылки денег, — кукольники сами стали предлагать мне заимообразно денег, только поскорее бы была открыта выставка русской куклы, настолько у них велик был к ней интерес. Один небогатый художник даже предлагал мне 1000 крон, чтобы только ускорить открытие выставки. Но, к счастью, вскоре пришли деньги из ВОКСа, и мне не пришлось к этому прибегнуть» [Богатырев 2006, с. 255]. К открытию форума прибыли далеко не все экспонаты из СССР, большая часть экспозиции была доставлена с опозданием, и Богатыреву пришлось хлопотать об открытии специальной выставки, посвященной кукольным театрам Советского Союза. Экспозиция расположилась в помещении Пражской ярмарки; были представлены разделы: русский, украинский и туркменский. В русском разделе можно было увидеть экспонаты государственных музеев: ленинградского Русского и трех московских — Театрального им. Бахрушина, Центрального этнографического¹⁰ и Музея игрушек¹¹. В основном демонстрировались фотографии традиционных народных кукольных представлений. Кроме того были представлены фотостенды, отражающие достижения современных профессиональных кукольных театров, а также кукольных театров, существовавших при различных государственных и общественных организациях, например, «Красный Петрушка» при московском Наробразе, «Петрушка Красной Армии», кукольный театр при Воронежском университете. Представлены были и авторские кукольные театры И.С. Ефимова и Н.Я. Симанович-Ефимовой (фотографии и 3 куклы), Ленского (4 куклы из народной драмы «Царь Максимилиан»), С.В. Образцова (куклы, исполняющие популярные

⁹ Всесоюзное общество культурной связи с заграницей. Существовало с 1925 по 1958 гг. Прекратило свое существование в связи с организацией Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами.

¹⁰ Центральный музей этнографии народов СССР организован в 1924 г. в Москве на базе фондов этнографического отдела Румянцевского музея. С 1 июня 1924 г. получил название Центральный музей народоведения. Первым директором был Б.М. Соколов. Постановлением Совета министров РСФСР от 15 июля 1948 г. музей был закрыт, а его фонды переданы в Государственный музей этнографии в Ленинграде, Государственный Исторический музей (Москва) и Музей революции (Москва). Подробнее см. [Ипполитова 2001].

¹¹ Организован в 1918 г. в Москве по постановлению СНК РСФСР. Инициатором его создания был художник Н.Д. Бартрам. Коллекцию музея составляют игрушки и куклы разной принадлежности, в том числе и театральные. В конце 1931 г. музей был перевезен в г. Загорск (ныне — Сергиев Посад) Московской области, где и находится по настоящее время.

романсы и песни). Украинский раздел включал фотографии старых традиционных вертепов, 4 вертепных куклы: Черт, Ирод, Смерть и Гайдамак, а также фотоснимки современных кукольных спектаклей и несколько современных авторских кукол. Туркменская же часть экспозиции была отдана кукольному театру, руководимому санитарным отделом комиссариата здравоохранения. Демонстрировались куклы и фотографии из пропагандистских спектаклей «Трахома», «Чесотка», «Оспа» [Богатырев 1929б]. Нужно отметить, что Богатырев не только участвовал в организации выставки, но и рассказал о ней в прессе, в журналах «Loutkář» [Bogatyrev 1929–1930] и «Центральная Европа» [Богатырев 1929б].

Во второй половине 1920-х — первой половине 1930-х гг. у Богатырева не было крупных трудов о народном театре. В этот период он работает над осмыслением материалов фольклорно-этнографических экспедиций по Закарпатыю (Подкарпатской Руси), куда ездит начиная с 1923 г. Результатом анализа становится, помимо многочисленных статей, монография: «Actes magiques, rites et croyances en Russie Subcarpatique» [Bogatyrev 1929] (Магические действия, обряды и верования Закарпатья [Богатырев 1971б]). В ней, так же как и в двух других крупных исследованиях этого периода — «Полазник у южных славян, мадьяр, словаков, поляков, украинцев» [Bogatyrev 1933, 1934] (русский перевод — Богатырев 2007) и «Funkcie kroja na Moravskom Slovensku» [Bogatyrev 1937] (Функции национального костюма в Моравской Словакии [Богатырев 1971в]), формируется метод ученого, развившийся из идей русского формализма и обогатившийся подходами Пражского лингвистического кружка, участником заседаний которого П.Г. Богатырев становится с момента его основания в 1926 г. Определяя свой метод, он использует принятый ПЛК термин — функционально-структуральный.

Тем не менее и во второй половине 1920-х — первой половине 1930-х гг. «театральная» тема постоянно находится в сфере внимания ученого. Он выступает в «Центральной Европе» с обзорами переводов на чешский язык и постановок на пражских сценах пьес А.Н. Островского [Богатырев 1927а], а также других русских и славянских авторов [Богатырев 1929в]. Эти обзоры свидетельствуют о том, что и в Чехословакии Богатырев продолжает оставаться страстным театралом, хорошо знакомым с репертуаром пражских театров, в том числе с творчеством такого экспериментального коллектива, как «Освобожденный театр» И. Гонзла (1894–1953) [Богатырев 1929в, с. 6]. На эту же близость к театральному «закулисию» указывает и статья, посвященная поверьям актеров, написанная Богатыревым совместно с В. Рыбой [Bogatyrev, Ryba 1927].

Следит Богатырев и за изучением театра. В частности, он пишет рецензии на уже упоминавшийся, близкий ему по подходам сборник

«Старинный театр в России XVII–XVIII веков» [Богатырев 1924–1925], рассказывает о ценной находке югославского ученого О.М. Бадалича, обнаружившего в библиотеке загребского университета собрание русских рукописных пьес начала XVIII в., и рецензирует их публикации, осуществленные Бадаличем в сербской, чешской и советской печати [Богатырев 1927б; 1928].

Русскому народному кукольному театру Богатырев посвящает доклад на конгрессе друзей марионеток, состоявшемся в 1930 г. в Льеже [Bogatyrev 1930–1931]. Кроме того, в эти годы он продолжает собирать материалы о кукольном театре, наблюдая за живой традицией не только в Чехословакии, но и в Германии [Bogatyrev 1931], где с лета 1931 по октябрь 1933 г. читает курсы русской, украинской и словацкой этнографии, русского языка, истории русского театра и литературы в Вильгельм-университете города Мюнстера [Элерс 2002].

В небольших статьях этого времени, несмотря на их в целом информационный характер, тем не менее встречаются теоретические рассуждения. Прежде всего ученого занимает проблема условности кукольного театра, которая коррелирует с разработкой ПЛК знаковой теории. Он отмечает стремление кукольников «достигнуть, чтобы их деревянные актеры возможно больше походили на живых»; при этом «народные кукольники еще больше стилизовали эту условность как в движении кукол, так и в своей декламации» [Богатырев 1927, с. 8]. Разрыв с традицией условного кукольного театра, стремление с помощью «актеров»-марионеток «к полному подражанию» человеку, которое Богатырев наблюдал в творчестве некоторых педагогов, создававших кукольные спектакли в просветительских целях, с его точки зрения, было тупиковым путем развития кукольного театра, и не только потому, что достичь «полного натурализма никогда не удастся», но и потому, что стилизованная природа куклы позволяет сообщить ей выразительность, «которую подчас не удастся достигнуть живому актеру» [там же, с. 8]. Интересно и наблюдение Богатырева относительно того, как связана популярность кукольного театра с общими театральными тенденциями, господствующими в тот или иной период. Он считает, что спад популярности кукольного театра в России в конце XIX — начале XX века связан с господством в этот период в нашей стране натуралистического театра, и высказывает предположение, что с усилением в русском сценическом искусстве интереса к театральной условности кукольный театр может вернуть себе былую популярность [Богатырев 1929б, с. 7]. От этих, в сущности, беглых замечаний тянется нить к подробному исследованию проблемы условности кукольного театра, театрального искусства и искусства в целом, которое будет осуществлено Богатыревым в книге «*Lidové divadlo české a slovenské*» [Bogatyrev 1940] («Народный театр чехов и словаков» [Богатырев 1971а]).

Рождению этого исследования в значительной мере способствовало общение Богатырева с чешскими режиссерами-новаторами И. Гонзлом и Э.Ф. Бурианом и впечатления от их спектаклей. Особую роль, по признанию самого Богатырева, в складывании замысла его книги сыграл Буриан¹². В 1934 г. в Праге молодой режиссер открывает театр «Д-34»¹³, набрав труппу из безработных актеров [Солнцева 2002, с. 91]. Этот театр стал одним из самых ярких явлений чешского театрального авангарда 1930-х гг. Буриан, так же как и Гонзл, стремился к осмыслению специфики сценического искусства, выработке и публичному обсуждению новых театральных идей. Со своими единомышленниками по «Д-34» он начинает издавать журнал «Program D» и проводить конференции с широким привлечением всех интересующихся проблемами театра. П.Г. Богатырев стал одним из постоянных авторов журнала «Program D», а также принял участие в симпозиуме, организованном Бурианом в 1937 г. в рамках фестиваля авангардного искусства [там же, с. 97]. Позднее в предисловии к сборнику «Вопросы теории народного искусства» Богатырев отмечал, что именно этот симпозиум, на котором он выступил с докладом о народном чешском и словацком театре, послужил стимулом для написания книги «Lidové divadlo české a slovenské» [Богатырев 1971, с. 7]¹⁴. Таким образом, в публикациях второй половины 1930-х гг.¹⁵, выступлениях, личном общении с театральными деятелями вырастает замысел масштабного труда, который, по существу, окажется значительно шире своего названия.

Говоря о рождении замысла книги, нельзя, конечно, не обратить внимания на ее ближайший чешский научный контекст: структуральное изучение эстетической функции искусства, понимаемого как особой знаковой системы, в 1930-е гг. активно осуществляется участниками ПЛК, и прежде всего Я. Мукаржовским, с которым Богатырев был хорошо знаком. В ряде статей Я. Мукаржовский развивал идеи, близкие Богатыреву [Мукаржовский 1994; 1994а; 1994б].

¹² Не менее существенным было и влияние идей П.Г. Богатырева на Буриана [Ambros 2012; Солнцева 2002, с. 100].

¹³ В названии театра использована первая буква чешского слова *divadlo* «театр» и отражен год его возникновения — 1934; этим Буриан стремился подчеркнуть его обращенность к эстетическим и социальным проблемам современности.

¹⁴ Нужно отметить, что на формирование концепции Богатырева существенно повлияли идеи и других выдающихся театральных деятелей XX в. В русском переводе книги имеются упоминания о творческой практике и цитаты из работ Б. Брехта [Богатырев 1971а, с. 83], В.И. Немировича-Данченко [там же, с. 85, 155], С.В. Образцова [там же, с. 85], А.Я. Таирова [там же, с. 16, 85], К.С. Станиславского [там же, с. 86, 87–88, 92, 96, 97–98], В.Э. Мейерхольда [там же, с. 95–96, 111, 161], Г. Крзга [там же, с. 128].

¹⁵ Помимо уже упомянутых назовем еще две статьи: [Bogatyrev 1938; 1938а].

Нельзя не упомянуть также исследование О. Зиха «*Estetika dramatického umění*» [Zich 1931]. Работы этого выдающегося философа-позитивиста (1879–1934) и особенно его книга о драматическом творчестве имели большой резонанс в чешской эстетике и искусствоведении [Чешская и словацкая эстетика 1985, с. 492]. Не будучи членом ПЛК, именно он, по мнению Мукаржовского, предвосхитил «структуральную эстетику» [Мукаржовский 1994в, с. 251]. Богатырев нашел в труде чешского ученого такие близкие ему подходы, как первостепенное внимание к формальному анализу художественной структуры, понимание театра как особой системы, все элементы которой находятся в динамической взаимосвязи, анализ природы театральной условности. По-видимому, под влиянием концепции Зиха особое внимание в своей работе Богатырев уделил проблеме сценического пространства [Мукаржовский 1994в, с. 252]. Таким образом, исследование Богатырева органично вписалось в круг актуальных, активно обсуждавшихся в этот период в чешской науке проблем.

В монографии «Народный театр чехов и словаков» Богатырев, используя функционально-структуральный метод, продолжает изучение структуры фольклорного театра, начатое им ранее в книге «Чешский кукольный и русский народный театр» [Богатырев 1923]. О преемственности этих двух трудов свидетельствует тот факт, что Богатырев включил с небольшими изменениями, касающимися в основном подбора примеров и уточнения формулировок, в главу «Театральная речь»¹⁶ книги «Народный театр чехов и словаков» [Bogatyrev 1940; Богатырев 1971а] главу «Общность стилистических приемов в чешском кукольном и русском народном театре» своей ранней работы. В отличие от книги «Чешский кукольный и русский народный театр», материалом исследования в книге 1940 г. служит преимущественно фольклорный театр живых актеров. Накопление фактических данных и углубление взгляда Богатырева на структуру театрального искусства позволило ему увеличить набор анализируемых структурных элементов: в первом исследовании ученый рассматривает речевые приемы, композицию пьес, репертуар, костюмы, публику, теперь ученый дает также характеристику сценической площадки и зрительного зала, декораций, театрального освещения, коллективного творчества актеров, режиссуры, театральных костюмов и масок, движения, декламации, речи.

Прежде чем перейти к анализу структуры фольклорного театра, Богатырев излагает основные положения своей театральной концеп-

¹⁶ Исключены имевшиеся в первой книге разделы «Повторение» и «Сцены, построенные по контрасту»; материал из раздела «Характерные особенности в языке некоторых действующих лиц» в основном включен в раздел «Заумная речь»; добавлен раздел «Диалог».

ции, в основе которой лежит идея перевоплощения: «Одним из главных и основных театральных признаков всякого театрального действия является *перевоплощение*: актер свой личный облик, костюм, голос и даже психологические черты характера меняет на облик, костюм, голос и характер исполняемого им в пьесе лица» [Богатырев 1971а, с. 14]. Выделение перевоплощения в качестве основного признака театра дает возможность Богатыреву противопоставить театральное искусство другим родам искусства: «Перевоплощение является одним из основных признаков, отличающих драму от лирики и эпоса» [там же]. Кроме того, это позволяет исследователю объединить в единую область такие разные явления фольклора, как обрядовые действия, игры, драматизированное исполнение сказок. Важно отметить, что Богатырев отказывается от характерного для этнографии генетического подхода к соотношению обряда, театра и игровых форм фольклора, заменяя его семиотическим подходом. Он характеризует общность перечисленных выше форм не с точки зрения их происхождения, а с точки зрения общности той системы знаков, которая является для всех них конструктивной основой, — персонажи, создаваемые участниками действия посредством изменения своего облика и поведения. Характеризуя специфику театрального перевоплощения, Богатырев подчеркивает, что оно не равно превращению. Опираясь на идеи, высказанные еще в 1920-е гг. В. Шкловским [Шкловский 1923, с. 78] и А. Таировым [Таиров 1921, с. 69–80, 179, 187], он говорит о «мерцающем» театральном перевоплощении: «В отдельные моменты артисты переживают чувство полного перевоплощения в действующее лицо пьесы, а зритель воспринимает актера как изображаемое или действующее лицо (Яго). Но это чувство актера и восприятие зрителя не должно долго продолжаться, оно мерцает, оно то возникает, то исчезает» [Богатырев 1971а, с. 17]. Причем адекватное восприятие театра, по мнению Богатырева, достигается только тогда, когда и создатели театрального спектакля, и зрители осознают условную, знаковую природу всего, что происходит на сцене.

Определив театр как особую систему знаков, Богатырев переходит к следующей проблеме: очевидно, что те явления, которые он включил в систему «театральных действий», достаточно разнородны. Это своего рода «гиперсистема», которая состоит из ряда подсистем. Чтобы выделить эти подсистемы, Богатырев, с одной стороны, обращает внимание на их функции, а с другой стороны, на характер и способы перевоплощения.

Анализу функций фольклорных театральных действий посвящена первая глава исследования [там же, с. 30–49], в то же время к этой проблеме Богатырев неоднократно возвращается и в других разделах книги. По мнению ученого, все явления, отнесенные им к области «фольклорных действий», обладают сходным, хотя и не идентичным

«пучком» функций [там же, с. 49]. Своеобразие каждого «действия» проявляется прежде всего в том, в каком иерархическом соотношении находятся его функции и какая функция оказывается доминантной. Для обряда доминантная функция — магическая, для игры — игровая, для сказки — изобразительная. Таким образом, с точки зрения Богатырева, разные фольклорные действия не отделены друг от друга непроницаемой границей. Смещение функций позволяет им замещать друг друга. При этом чаще всего, хотя и не всегда, происходит и структурная перестройка явления, поскольку структура и функции взаимосвязаны. Анализируя структуру функций народного театра, Богатырев выделяет такие функции, как этическая, социальная, политическая, религиозная, магическая, церемониальная, сатирическая, национальная или региональная, эстетическая. В этом пучке функций эстетическая функция не всегда является доминантной, хотя по своему характеру информация, передаваемая представлением народного театра, является эстетической. Народный театр среди других форм театрального искусства и фольклорных «действ» выделяет не столько сам набор функций, сколько иерархическое соотношение в рамках их структуры. Например, по сравнению с обрядовым действием, в фольклорном театральном представлении меньшее значение играет магическая функция, хотя по сравнению с профессиональным театром, напротив, магическая функция фольклорного представления, как правило, хотя бы в какой-то степени актуализирована.

Определяя народный театр как «информацию эстетическую» [там же, с. 49], в основе которой лежит перевоплощение, Богатырев встает перед необходимостью разобраться в специфике театральной эстетической информации. Эту задачу он решает в общем плане в восьмой главе исследования, носящей название «Кукольный театр», но, в сущности, посвященной проблеме театральной условности. Обращаясь к этой проблеме, Богатырев отталкивается от размышлений о специфике кукольного театра. Он считает, что именно в нем «знаки, общие каждому театральному выражению, выявлены особенно ярко, а потому анализ как самих театральных знаков, так и восприятия их публикой особенно удобно производить на материале кукольного театра» [там же, с. 128–129].

Условность кукольного театра вытекает из противоречия между материалом и стремлением кукольника его преодолеть — мертвая деревянная кукла «изображает» живого человека. У кукольника есть разные способы реагирования на это противоречие. Мастер может подчеркнуть его тем или иным способом либо попытаться максимально нивелировать. Сходные возможности имеются и у зрителя. Он может смотреть кукольное представление, сопоставляя облик и поведение куклы с обликом и поведением реальных людей или отождествляя куклу с живым существом. Однако, с точки зрения Богатырева,

наиболее адекватным подходом к преодолению противоречия между материалом и отношением к нему является признание кукольного театра в качестве особой «системы знаков» [там же, с. 131]. В таком случае кукольник при создании спектакля сознательно и в полной мере будет использовать возможности именно этой знаковой системы. А зритель, владеющий системой знаков, используемых создателем спектакля, сможет по-настоящему понять и оценить представление. Богатырев подчеркивает, что данный принцип распространяется на все явления и виды искусства. Условность лежит в основе любого искусства, в том числе и в основе любой театральной формы. Но способы ее реализации, компоненты, из которых складывается та или иная форма и, в еще большей степени, их соотношение в каждом случае уникальны.

Задача выявления специфической условности народного театра решается Богатыревым в главах, посвященных описанию и анализу структурных элементов народного театра. Сопоставив структурные компоненты фольклорного театра и иных театральных форм, Богатырев выявил ряд специфических признаков первого: импровизационность, отсутствие четкой границы между зрительным залом и публикой и связанное с этим своеобразное обозначение сценической площадки («актер в своем театральном костюме и маске является часто единственным знаком, определяющим сценическую площадку и выделяющим ее из зрительного зала» [там же, с. 65]), совмещение комического и трагического планов, установка на многократное посещение постановки одной пьесы, отсутствие архитектурно-изобразительных декораций и, как следствие, восполнение их в слове и театральном движении, использование бытовых предметов в качестве сценического реквизита за счет придания им новых функций, крайняя неопределенность пространственно-временных характеристик, совмещение функций актера, режиссера, драматурга, совмещение подчеркнутой и часто фантастической экспрессии и натурализма. Реализацию практически каждого из перечисленных признаков Богатырев обнаруживает на разных уровнях структуры фольклорного театра, подтверждая таким образом свою идею о взаимозависимости ее элементов.

Исследование Богатырева подвело итог многолетним размышлениям ученого о природе и сути феномена театра в целом и фольклорного театра как одной из существенных составляющих и сценического искусства, и народного творчества. В труде не только сформулирована оригинальная, впитавшая в себя новаторские функционально-структуральные и семиотические подходы театральная концепция Богатырева, но и продемонстрированы ее возможности в качестве «инструмента» описания такой сложной знаковой системы, как народный театр.

По возвращении из Чехословакии в СССР Богатырев в 1940 г. защитил на основе этой книги докторскую диссертацию, а публикуя ее перевод в сборнике своих статей в 1971 г., по его словам, «ввел ряд дополнений, в частности о русском народном театре, и старался использовать новую литературу о народном театре у чехов и словаков» [Богатырев 1971, с. 8]¹⁷. Несмотря на драматические испытания, выпавшие на долю ученого во второй половине 1940 — начале 1950-х гг. [Сорокина 2004], а также на ограниченные возможности использования структурных и семиотических подходов в отечественной науке советского периода, фольклорный театр не уходит из сферы внимания ученого и в этот период, о чем свидетельствуют его поздние статьи [Bogatyrev 1969; Богатырев 1973].

Концепция Богатырева оказала большое влияние на последующее изучение народной театральной культуры в России [Всеволодский-Гернгросс 1959; Гусев 1980; Савушкина 1988; Ивлева 1998], а в Чехословакии работа русского ученого нашла применение не только в театроведческих и фольклористических исследованиях, но и непосредственно в сценической практике [Гонзл 1985¹⁸; Солнцева 2002; Ambros 2012; Šlaisova 2012].

Литература и источники

Бачелис 1983 — *Бачелис Т.И.* Шекспир и Крэг. М., 1983.

Богатырев 1923 — *Богатырев П.Г.* Чешский кукольный и русский народный театр. Берлин, 1923.

Богатырев 1923a — *Богатырев П.Г.* Стихотворение Пушкина «Гусар», его источники и его влияние на народную словесность // Очерки по поэтике Пушкина. Берлин, 1923. С. 147–196.

Богатырев 1924–1925 — *Богатырев П.Г.* [Рец. на кн.:] «Старинный театр в России XVII–XVIII веков». Сборник статей под ред. В.Н. Перетца, Петербург, 1923 // *Slavia. Praha. 1924–1925. Ročn. III. S. 161–165.*

Богатырев 1927 — *Богатырев П.Г.* Чешский кукольный театр // Центральная Европа. 1927. № 3. С. 7–8.

Богатырев 1927a — *Богатырев П.Г.* Островский в Чехии // Центральная Европа. 1927. № 27. С. 7–9.

Богатырев 1927b — *Богатырев П.Г.* Работы югославянского ученого по истории русского театра // Центральная Европа. 1927. № 6. С. 7–8.

¹⁷ Л.П. Солнцева также отмечает, что между чешским и русским текстами работы имеются различия [Солнцева 2002, с. 92, 99], что, безусловно, ставит задачу осуществления нового перевода оригинала и тщательной сверки его с переводом 1971 г.

¹⁸ Впервые статья опубликована в журнале *Slovo a slovesnost*. 1943. Ročn. IX. Č. 4. S. 188–193.

- Богатырев 1928 — *Богатырев П.Г.* Труд югославянского ученого о драмах елизаветинского времени // Центральная Европа. 1928. № 9. С. 8.
- Богатырев 1929 — *Богатырев П.Г.* Выставка кукольного театра в Праге // Центральная Европа. 1929. № 3. С. 4–6.
- Богатырев 1929а — *Богатырев П.Г.* Съезд деятелей кукольного театра в Праге // Центральная Европа. 1929. № 5. С. 8–9.
- Богатырев 1929б — *Богатырев П.Г.* Выставка кукольного театра СССР в Праге // Центральная Европа. 1929. № 20. С. 5–8.
- Богатырев 1929в — *Богатырев П.Г.* Пьесы славянских авторов на пражских сценах // Центральная Европа. 1929. № 6. С. 5–6.
- Богатырев 1971 — *Богатырев П.Г.* Вопросы теории народного искусства. М., 1971.
- Богатырев 1971а — *Богатырев П.Г.* Народный театр чехов и словаков // *Богатырев П.Г.* Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 11–166.
- Богатырев 1971б — *Богатырев П.Г.* Магические действия, обряды и верования Закарпатья // Там же. С. 167–296.
- Богатырев 1971в — *Богатырев П.Г.* Функции национального костюма в Моравской Словакии // Там же. С. 297–366.
- Богатырев 1973 — *Богатырев П.Г.* О взаимосвязи двух близких семиотических систем (Кукольный театр и театр живых актеров) // Труды по знаковым системам. 6: Сборник научных статей в честь Михаила Михайловича Бахтина: к 75-летию со дня рождения. Тарту, 1973. С. 306–329 (Учен. зап. Тартус. гос. ун-та, вып. 308).
- Богатырев 2006 — [*Богатырев П.Г.*] Стенограмма доклада профессора П.Г. Богатырева «Театр кукол у славянских народов» 12 сентября 1941 года на совещании Кабинета театра кукол ВТО // *Богатырев П.Г.* Функционально-структуральное изучение фольклора. М., 2006. С. 243–257.
- Богатырев 2007 — *Богатырев П.Г.* «Полазник» у южных славян, мадьяр, словаков, поляков, украинцев // *Богатырев П.Г.* Народная культура славян. М., 2007. С. 131–214.
- Богатырев, Якобсон 1923 — *Богатырев П.Г., Якобсон Р.О.* Славянская филология в России за годы войны и революции. Берлин, 1923.
- Варнеке 1908–1910 — *Варнеке Б.В.* История русского театра XVII–XIX веков. Казань, 1908–1910. Ч. 1–2.
- Веселовский 1870 — *Веселовский А.Н.* Старинный театр в Европе. М., 1870.
- Волков 1912 — *Волков Р.М.* Народная драма «Царь Максимилиан». Опыт разыскания о составе и источниках // Русский филологический вестник. 1912. № 1–2. С. 323–343; № 4. С. 280–336.
- Всеволодский-Гернгросс 1959 — *Всеволодский-Гернгросс В.Н.* Русская устная народная драма. М., 1959.
- Гонзл 1985 — *Гонзл И.* Иерархия сценических средств // Чешская и словацкая эстетика XIX–XX вв. В 2 тт. М., 1985. Т. 2. С. 251–258.
- Гусев 1980 — *Гусев В.Е.* Русский фольклорный театр XVIII — начала XX в. Л., 1980.
- Иванова 2009 — *Иванова Т.Г.* История русской фольклористики XX века: 1900 — первая половина 1941 г. СПб., 2009.
- Ивлева 1998 — *Ивлева Л.* Дотеатрально-игровой язык русского фольклора. СПб., 1998.

- Ипполитова 2001 — *Ипполитова А.Б.* История музея народов СССР в Москве // *Этнографическое обозрение*. 2001. № 2. С. 144–160.
- Каллаш 1898 — *Каллаш В.В.* Материалы для истории народного театра // *Этнографическое обозрение*. 1898. Кн.39. № 4. С. 47–66.
- Мейерхольд 1913 — *Мейерхольд В.Э.* О театре. СПб., 1913.
- Морозов 1889 — *Морозов П.О.* История русского театра (до половины XVIII столетия). СПб., 1889.
- Мукаржовский 1994 — *Мукаржовский Я.* Сценическая речь в авангардном театре // *Мукаржовский Я.* Исследования по эстетике и теории искусства. М., 1994. С. 356–359.
- Мукаржовский 1994а — *Мукаржовский Я.* К современному состоянию теории театра // Там же. С. 360–379.
- Мукаржовский 1994б — *Мукаржовский Я.* Опыт структурного анализа актерской индивидуальности (Чаплин в «Огнях большого города») // Там же. С. 420–426.
- Мукаржовский 1994в — *Мукаржовский Я.* Отакар Зих // Там же. С. 244–253.
- Народная драма «Царь Максимилиан» 1914 — Народная драма «Царь Максимилиан». Тексты, собранные и приготовленные к печати Н.Н. Виноградовым. СПб., 1914 (Сб. ОРЯС имп. АН. Т. 90. № 7).
- Перетц 1895 — *Перетц В.Н.* Кукольный театр на Руси. СПб., 1895.
- Перетц 1923 — *Перетц В.Н.* К постановке изучения старинного театра в России // *Старинный театр в России XVII–XVIII вв.* Пб., 1923. С. 7–33.
- Перетц 1991 — *Перетц В.Н.* Кукольный театр на Руси (Ротапринтное переизд. Б. Голдовского). М., 1991.
- Резанов 1910 — *Резанов В.И.* Из истории русской драмы. Школьные действия XVII–XVIII вв. и театр иезуитов. М., 1910.
- Савушкина 1988 — *Савушкина Н.И.* Русская народная драма. М., 1988.
- Симанович-Ефимова 1925 — *Симанович-Ефимова Н.Я.* Записки петрушечника. М.; Л., 1925.
- Солнцева 2002 — *Солнцева Л.П.* Петр Григорьевич Богатырев и чешская театральная культура // *Петр Григорьевич Богатырев. Воспоминания. Документы. Статьи*. СПб., 2002. С. 75–108.
- Сорокина 2004 — *Сорокина С.П.* Судьба ученого как отражение истории науки (конец 1940-х — начало 1950-х гг. в биографии московского фольклориста П.Г. Богатырева) // *Москва и «московский» текст в русской литературе и фольклоре*. М., 2004. С. 61–71.
- Сорокина 2014 — *Сорокина С.П.* Первые собиратели народной драмы // *Личность в культуре*. М., 2014. С. 216–230.
- Станиславский 1939 — *Беседы К.С. Станиславского в Студии Большого театра в 1918–1922 гг., записанные заслуженной артисткой РСФСР К.Е. Антаровой* / Общ. ред. и предисл. Л.Я. Гуревич. М.; Л., 1939.
- Станиславский 1980–1994 — *Станиславский К.С.* Режиссерские экземпляры К.С. Станиславского: В 6 т. М., 1980–1994.
- Стахорский 2007 — *Стахорский С.В.* Густав Шпет: феноменология театра // *Стахорский С.В.* Искания русской театральной мысли. М., 2007. С. 382–391.

- Стахорский 2007а — *Стахорский С.В.* Театральная утопия // Там же. С. 31–38.
- Стахорский 2007б — *Стахорский С.В.* Театральная утопия при свете рампы // Там же. С. 275–286.
- Таиров 1921 — *Таиров А.Я.* Записки режиссера. М., 1921.
- Таиров 1922 — *Таиров А.Я.* Фокусничество в науке театрального искусства // Мастерство актера. № 1. 1922. С. 25–29.
- Тихонравов 1874 — *Тихонравов Н.С.* Русские драматические произведения 1672–1725 гг. Т. 1–2. СПб., 1874.
- Чешская и словацкая эстетика 1985 — Чешская и словацкая эстетика XIX–XX вв.: В 2 т. М., 1985. Т. 2.
- Шкловский 1919 — *Шкловский В.* «Царь Максимилиан» Ремизова // Жизнь искусства. 1919. 14 октября. С. 1.
- Шкловский 1923 — *Шкловский В.* О психологической рампе // *Шкловский В.* Ход коня. Берлин, 1923. С. 76–79.
- Шкловский 1964 — *Шкловский В.Б.* Жили-были. М., 1964.
- Шляпкин 1898 — *Шляпкин И.А.* Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени. СПб., 1898.
- Шпет 1921 — *Шпет Г.* Дифференциация постановки театрального представления // Культура театра. 1921. № 7–8. С. 31–33.
- Шпет 1922 — *Шпет Г.* Театр как искусство // Мастерство театра. 1922. № 1. С. 31–56.
- Шпет 2000 — *Шпет Г.* Театр как искусство // *Шпет Г.* Архивные материалы. Воспоминания. Статьи / Отв. ред. Т.Д. Марцинковская. М., 2000. С. 111–134.
- Шпет 2000а — *Шпет Г.* Дифференциация постановки театрального представления // Там же. С. 43–46.
- Эйзенштейн 1923 — *Эйзенштейн С.М.* Монтаж аттракционов // Леф. 1923. № 3. С. 70–75.
- Элерс 2002 — *Элерс К.Г.* П.Г. Богатырев в Мюнстере. Малоизвестный эпизод из жизни и творчества русского этнографа // Петр Григорьевич Богатырев. Воспоминания. Документы. Статьи. СПб., 2002. С. 109–119.
- Якобсон 1999 — *Якобсон Р.О.* Петр Богатырев (29.I.1893–18.VIII.1971): мастер перевоплощений // Роман Якобсон: Тексты. Документы. Исследования. М., 1999. С. 65–74.
- Ambros 2012 — *Ambros V.* Pětr Bogatyřev (1893–1971) et Emil František Burian (1904–1959). Entre formalisme et structuralisme, entre ethnographie et sémiotique du théâtre, entre folklore et théâtre moderne // Pětr Bogatyřev et les débuts du cercle de Prague. Recherches ethnographiques et théâtrales. Paris, Presses Sorbonne nouvelle, 2012. P. 135–146.
- Bogatyrev 1929 — *Bogatyrev P.G.* Actes magiques, rites et croyances en Russie Subcarpatique. Paris, 1929.
- Bogatyrev 1929–1930 — *Bogatyrev P.G.* Výstava ruského loutkářství v Praze // Loutkář. Praha, 1929–1930. Ročn. 16. S. 43–48.
- Bogatyrev 1930–1931 — *Bogatyrev P.G.* Le theatre russe de marionnettes (Dedie a l'occasion du congres des amis des Marionnettes a Liege 22.X.1930) // Louthář. Praha, 1930–1931. Ročn. XVII. № 6. P. 160; № 7. P. 184.

- Bogatyrev 1931 — *Bogatyrev P.G.* Puppentheater in Münster // Prager Presse. 1931. 23/VIII.
- Bogatyrev 1933, 1934 — *Bogatyrev P.G.* Полазник у южных славян, мадьяр, словаков, поляков, украинцев // *Lud Słowiański*. Т. III, zesz. 2, B (etnografia). Kraków, 1933. S. 107–114; zesz. 2, B (etnografia). Kraków, 1934. S. 212–273.
- Bogatyrev 1937 — *Bogatyrev P.G.* Funkcie kroja na Moravskom Slovensku. Turčianski Sv. Martin, 1937.
- Bogatyrev 1938 — *Bogatyrev P.G.* Príspevok ku skúmaniu divadelných znakov. K otázke vnímania znakov bábkového divadla // *Slovenské smery*. Bratislava. 1937–1938. Ročn. V. Č. 6–8. S. 238–246.
- Bogatyrev 1938a — *Bogatyrev P.G.* Znaky divadelní // *Slovo a slovesnost*. Praha, 1938. Ročn. IV. S. 138–149.
- Bogatyrev 1940 — *Bogatyrev P.G.* Lidové divadlo české a slovenské. Praha, 1940.
- Bogatyrev 1969 — *Bogatyrev P.G.* Le théâtre populaire tchéque et slovaque // *Inter-scena*-69. I–III. 1969. S. 1–23.
- Bogatyrev, Ryba 1927 — *Bogatyrev P., Ryba V.* Herecké pověry // *Přítomnost*. Praha, 1927. Ročn. IV. S. 153–155.
- Šlaisova 2012 — *Šlaisova E.* Gesunkenes Kulturgut? Bogatyřev et la transformation fonctionnelle des fait ethnographiques // *Pětr Bogatyřev et les débuts du cercle de Prague. Recherches ethnographiques et théâtrales*. Paris, Presses Sorbonne nouvelle, 2012. P. 147–156.
- Zich 1931 — *Zich O.* Estetika dramatického umění. Praha, 1931.

П.Г. Богатырев — исследователь фольклорного театра

В статье рассматриваются истоки и формирование метода изучения фольклорного театра П.Г. Богатырева. Исследуются связи метода с русской и чехословацкой научными традициями и театральной практикой. Анализируются основные теоретические положения наиболее важных работ Богатырева о народном театре.

Ключевые слова: фольклор, фольклорный театр, театр, структура, функция, знак.

P.G. Bogatyrev as a Researcher of Folklore Theater

The article is devoted to the origins and formation of the study of P.G. Bogatyrev's method of folkloric theater. The author investigates the connections between the Bogatyrev method and Russian and Czechoslovak scientific traditions and theater practices. The author analyzes the main theoretical principles of the most important works of Bogatyrev.

Keywords: folklore, folklore, theater, theater, structure, function, sign.

Духовный кризис эпохи и поиски
ФОЛЬКЛОРНОЙ АЛЬТЕРНАТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ
РУССКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА
(В.В. Розанов, Е.Н. Трубецкой, Б.П. Вышеславцев)

Социальные метаморфозы эпохи трех революций в жизни России привели к кардинальному историческому слову, который можно определить как *эпоху кризиса* русской государственности, идеологии и культуры. По авторитетному мнению В.В. Сапова, одного из исследователей русской философской мысли Серебряного века, «с начала Первой мировой войны, в считанные годы, оставшиеся до революции, многие русские мыслители — из числа тех, кого принято называть представителями русского религиозно-философского Ренессанса, — словно охваченные предчувствиями неминуемого и страшного конца, принялись писать свои итоговые книги, книги “о самом главном”, чтобы не пропало это “самое главное”, “итог всего, что ум скопил» для грядущих и неведомых поколений русских людей» [Сапов 2011, с. 433].

В 1918 г., незадолго до своей кончины, написали свои главные итоговые книги В.В. Розанов («Апокалипсис нашего времени») и князь Е.Н. Трубецкой, который, размышляя в своем труде «Смысл жизни» о произошедшей катастрофе современной культуры, писал следующее:

По условиям времени вопрос о ценности и смысле светской культуры приобретает в наши дни необычайную остроту. Он ставится ребром переживаемыми нами катастрофическими событиями. Рассуждая о проявлениях бессмыслицы в мировой жизни, я уже указал на некоторые черты этой катастрофы, которые дают основания говорить о провале всемирной культуры, частью совершившемся, частью еще надвигающемся. На наших глазах апокалиптическое видение *зверя, выходящего из бездны*, облекается в плоть и кровь; господствующая в современной жизни тенденция выражается именно в превращении человеческого общежития в *усовершенствованного* зверя, попирающего всякий закон божеский и человеческий; к этому результату ведут головокружительные успехи современной техники, с одной стороны, и столь же головокружительно быстрое падение человека и человечества, с другой стороны. Звериное начало утверждает себя как безусловное начало поведения, которому должно быть подчинено *все* в человеческой жизни. В особенности современное государство, с его аморализмом, с его стремлением коллективного эгоизма, являет собою как бы конкретное воплощение начала зверочеловечества [Трубецкой 2011а, с. 257–258].

Несомненно, духовный кризис в России начала XX столетия был связан с упадком национального самосознания и утратой традици-

онных духовных ценностей. Конечно, Е.Н. Трубецкой имел право давать столь категорическое определение эпохи, в которую он жил и творил, как духовная катастрофа и даже как Апокалипсис. Однако России в очередной раз повезло, она переболела звериной болезнью, и эпоха «торжества зверочеловечества» так и не наступила. Поэтому будем все же рассматривать эти нелегкие годы как эпоху очень глубокого духовного кризиса с коренной трансформацией всей парадигмы социокультурных отношений, что привело в конце концов в сфере народного мировоззрения и народной культуры к неизбежному появлению *новой мифологической системы*.

Каждая эпоха так или иначе рождает свою собственную мифологию, отвергая прежнюю. В 1930 г. А.Ф. Лосев писал в своей книге «Диалектика мифа»:

С точки зрения коммунистической мифологии, не только «*призрак* ходит по Европе, призрак коммунизма» (начало «Коммунистического манифеста»), но при этом «*копошатся гады контрреволюции*», «*воют шакалы империализма*», «*оскаливает зубы гидра буржуазии*», «*зияют пастью финансовые акулы*», и т.д. Тут же снуют такие фигуры, как «бандиты во фраках», «разбойники с моноклем», «венценосные кровопускатели», «людоеды в митрах», «рясофорные скулодробители»... Кроме того, везде тут «*темные силы*», «*мрачная реакция*», «*черная рать мракобесов*»; и в этой тьме — «*красная заря*» «мирового пожара», «*красное знамя*» восстаний... Картинка! И после этого говорят, что тут нет никакой мифологии [Лосев 2001, с. 125].

Обращение литературы к фольклору всегда зависело от конкретных исторических условий. Активное освоение литературой фольклорного наследия происходило обычно в годы наивысшего социально-общественного подъема, на стыке слома общественно-политических систем, когда возникал повышенный интерес общества именно к народной культуре и народ как ее носитель начинал осознаваться как новая творческая сила истории. Отсюда все возрастающее стремление проникнуть в психологию народа через его культуру. Как образно писал А.С. Пушкин в черновом наброске статьи «О народности в литературе», «климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу» [Пушкин 1978, с. 28–29].

Рубеж XIX–XX столетий интеллектуальной элитой России всё более явственно стал ощущаться как время неизбежного перехода от одной системы художественных ценностей к другой. По мнению современных исследователей, именно в такие кризисные эпохи подобная

смена художественных вех «или может представлять резким разрывом между системами ценностей, или же соответствовать преемственности, когда разрыв нейтрализуется сохранением существующих ценностей и их полным или частичным включением в новую систему ценностей» [Хренов 2007, с. 364].

Выдающиеся деятели культуры ощущали происходящие в России перемены в первую очередь через призму искусства. Символист Вячеслав Иванов убежденно рассматривал «кризис искусства как знак конца вчерашней культуры. Современный кризис искусств есть острое выражение критического и аналитического характера нашей культуры — этой чрезмерно расчлененной и раздробленной культуры уединенных личностей и обособленных групп, из которых каждая ищет утвердить свое господство над жизнью путем синтетического ее осознания и построения, между тем как сама жизнь течет мимо этих притязательных отвлеченностей, послушная закону своего стихийного процесса» [Лавров 2007, с. 423].

Фольклорное наследие, являясь культурно-интегрирующим феноменом, объединяющим русский народ в единое целое, в равной мере определяло и его ментальность. В разные периоды отечественной истории, особенно в периоды глубокого и всеобъемлющего кризиса духовной сферы, когда происходила переоценка базовых социально-культурных ценностей и русское общество переживало *культурную травму*, когда ломались и вытеснялись традиционные духовные и культурные ценности, именно фольклор сохранял хотя бы иллюзию духовной перспективы модернизированного общества.

Фольклорное поле России всегда оставалось живым и развивающимся пространством как в благоприятные, так и в самые тяжелые периоды отечественной истории. Вместе с тем условия рубежа XIX–XX вв., в частности экология бытования фольклора, имели ряд специфических особенностей. Изменение природной среды, социальные и техногенные трансформации всегда оказывали на фольклор определенное воздействие. Впрочем, изменялось и само фольклорное поле, утратив привычные контуры, расширялись его границы и, следовательно, креативные возможности.

Замкнутость деревенского пространства «консервировала» жизнь, способствуя уравновешенному ритму. Культура развивалась в региональном варианте и бережно его сохраняла. Постороннее непременно переосмысливалось. Фольклор был как выражением *этнобытового уклада*, так и эстетическим явлением, которое соответствовало нравственным и духовным началам сельской жизни. В начале XX в. фольклор во всем своем жанровом многообразии еще существовал как мощная живая традиция, т. е. объективно осознавался русским обществом как определяющий фактор стабильности *культурного генотипа* русской цивилизации.

Вместе с тем многие фольклористы-собиратели той «кризисной» эпохи обратили внимание на изменение контекста бытования традиционных фольклорных произведений, на появление в них новых идей и установок, которые ранее не привлекали внимания фольклористов и никак не фиксировались. Так, известный русский советский этнограф, фольклорист и географ Владимир Владимирович Богданов (1868–1949), вспоминая о своей первой этнографической экспедиции 1891 г. в Духовищинский и Бельский уезды Смоленской губернии, отмечал следующее:

Я думал, что этнографы, бывавшие в деревнях, как, например, Павел Васильевич Шейн, Владимир Николаевич Добровольский, Евдоким Романович Романов, Николай Яковлевич Никифоровский, Алексей Парфеныч Сапунов, должны были хорошо ознакомиться с тем, что говорят крестьяне о своем недавнем крепостном прошлом, о современных крестьянских порядках, о которых в то время так много писали в пореформенной печати и упрекали одни других в полном незнании, что такое община, существует ли она, и вообще стало ли крестьянам лучше или хуже после отмены крепостного строя и при земском самоуправлении.

У меня при этом сложилось теоретическое представление, что выше-названные этнографы-собиратели могли записать подлинные крестьянские рассказы на все эти темы и особенно о таких ярких переживаниях, как самоуправство дворян и убогая жизнь крестьян в крепостное время. Эту мысль я обосновал тем, что крестьянское словесное творчество изображало, хотя и с некоторой долей фантазии, такие исторические события, как издевательство над русским народом татарских сборщиков дани, как взятие Казани Иваном Грозным, убиение им своего сына, падение Лжедмитрия, поволжская вольница Степана Разина и другие.

Поэтому я был удивлен, что Шейн в вышедшем в 1890 г. I томе (ч. I и 2) своих «Материалов для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края», включив и Смоленскую губернию, ни одним образцом народной песни, сказки, рассказа не отозвался даже на историческое прошлое крепостной жизни. Впрочем, Шейн далеко не все видел, слышал и записывал сам, а собирал записи через своих многочисленных корреспондентов [Богданов 1989, с. 36].

Необходимость не просто единичной записи фольклорного текста, а его многократной фиксации «в историческом времени» понимали в начале XX в. не только представители нового поколения фольклористов-собирателей, но и люди, далекие от фольклористики. Так, в книге философа Е.Н. Трубецкого «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке» также подчеркивалось, что сказочные тексты отражали конкретную историческую эпоху, что, например, «больное место сказки, особый предмет ее забот — солдат, потому что ему

исключительно тяжело живется. Сказки в сборнике Афанасьева, которые собирались в пятидесятых и шестидесятых годах, полны мечтами солдата николаевской эпохи. И тип дезертира встречается здесь нередко в связи с жалобой на чрезмерную тяжесть службы: приходится служить царю двадцать пять лет, а за тяжкие проступки в полку “сквозь строй загоняют”. Даже исправному солдату приходится “то и дело под палками отдуваться”. Вот почему уже в те времена в народной душе шевелится мечта о солдате-министре, о короле-мужике и в особенности об “ином царстве”, где солдат и мужик находят недостающее им благополучие» [Трубецкой 2011, с. 397]. Очевидно, что сказочные тексты, записанные в другую историческую эпоху, отразили бы какие-то изменившиеся фольклорные коллизии и состояния, а может быть, и новых сказочных героев.

А.П. Сапунов и Н.Я. Никифоровский были искушенными знатоками фольклора Северо-Западного края России, этой уникальной контактной зоны русско-белорусского пограничья. Как и П.В. Шейн, А.П. Сапунов исследовал «свою старину», но не по народной старине, в рассказах и преданиях крестьян, а по архивам, по историческим изданиям, по археологическим памятникам. «Я вынес впечатление, — замечал В.В. Богданов, — что он — типичный интеллигент, столь же мало подготовленный в гимназии и в университете, каким был и я сам, не знавший ни истории русского народа (да и кто ее знал!), ни народного быта в реальной современности» [Богданов 1989, с. 36–37].

Необходимость исследования народной культуры и фольклора в *реальной современности* — этот очевидный для современных исследователей тезис в кризисную для отечественной культуры эпоху рубежа XIX–XX вв. становился в полной мере программным и определяющим. В.В. Богданов приводит следующий разговор с А.П. Сапуновым:

— Неужели, Алексей Парфеныч, витебские крестьяне ничего не рассказывают о том, как их отцы и деды тридцать лет тому назад еще боролись с крепостниками? — спрашиваю я Сапунова. — Неужели, — говорю, — нет у них семейных рассказов о каком-нибудь «покойном барине», который в своей усадьбе был самодуром, а среди крестьян страшилищем либо посмешищем?

— Не слышал таких рассказов, — отвечал Сапунов, — да если бы они и были, то мужик их не расскажет нашему брату — учителю, чиновнику, вообще человеку не в зипуне.

— Почему?

— Не доверяет. Ведь они всех таких, как я, считают и называют «панамы», т.е. господами, барамы. А барин у них — дядюшка черта.

— Ведь были же, — говорю, — записаны песни о Степане Разине. Не побоялись крестьяне их петь.

— Не знаю, где и кому их пели, — отвечал Сапунов, — а А.С. Пушкину эти песни «были на вид поставлены». Да что и говорить о Разине, о Пугачеве. У нас на витебском базаре, как запоят нищие слепцы об Алексее Божием человеке, которого мучил царище-бурсурманище, так их сейчас же городской — в шею: «Проваливай, мол! Был Алексей, да не такой, как ты, ротозей» [Богданов 1989, с. 37].

Рубеж XIX–XX столетий отмечен серьезным кризисом в религиозном сознании разных слоев русского общества, что не могло не отразиться на фольклорных скрепах русского народного православия. Религия, игравшая определяющую роль в сохранении нравственных, этических, эстетических и художественных традиций, постепенно утрачивала свое влияние как среди интеллигенции, так и среди крестьянства. Так, за незначительный отход от традиционных религиозных канонов в эпоху Религиозно-философских собраний Розанов чуть было не состоялся как очередной российский ересиарх [Розановская энциклопедия 2008, с. 1713–1714].

В крестьянской среде кризисное ослабление влияния Церкви проявлялось еще более явственно. Фольклористы тех лет приводят факты превращения некоторых церковных канонов в *фольклорный фарс*. Во время своей экспедиции 1891 г. В.В. Богданов посетил Сергея Александровича Рачинского (1833–1902), члена-корреспондента Академии наук по отделению русского языка и словесности, профессора ботаники Московского университета, народного учителя и просветителя, ставшего сельским учителем в церковной школе в своем поместье Татево. С.А. Рачинский был приятелем всеякого К.П. Победоносцева, но как «кающийся русский дворянин» посвятил свою жизнь утопической задаче «окультуривания» темного русского крестьянина. Он ратовал за то, чтобы деревенские священники назначались из крестьян («крестьянские попы»). Однако в истории русской общественной мысли остался «как педагог-практик, поднявший в своей школе — сельской школе — преподавание арифметики на очень высокую ступень, особенно это относится к устному счету и решению задач» [Баврин 2003, с. 8]. Хранящаяся в Третьяковской галерее картина любимого воспитанника Рачинского Николая Петровича Богданова-Бельского «Устный счет» изображает урок устного счета в той самой татевской школе. В.В. Богданов вспоминал:

За обедом в гостях был крестьянский поп, служивший обедню. В беседе со мной поп расхваливал Татево, татевскую школу, свою татевскую православную паству и, как выученный школьник, повторял:

— Крестьянам нужен крестьянский поп.

— А понимают ли они догматы христианства, например, о троичности божества, о богочеловечестве Христа?

— Выучил их и этому, — самодовольно хвалился поп.

Рачинский, сидевший рядом с попом, строго сказал ему:

— Ты бы выучил их читать «Отче наш», а то они какую-то нелепицу несут.

Я записал эту молитву от одного из бельских крестьян. Она блещет юмором и является своего рода творческим протестом против непонятных народу молитв. Вот текст этой молитвы:

Оча наша,
Ке на **мори**,
Ке на **поли**,
Ке у муркаты**ни**,
Ке у буркаты**ни**, —
От**сунь**, засу**нь**.
Во веки веков. Аминь.

Перевод и смысл молитвы таков:

Отец наш,
То, что на море [рыбная ловля],
То, что в поле [хлеба и прочие посевы],
То, что на языке [или во рту],
То, что в животе [пища],
Все это отсунь и засунь [поставь на свое место].
Во веки вечные. Истинно так.

Эту молитву (года через два-три после этого) списал у меня Сергеенко, биограф Льва Толстого (его книга: «Как живет и работает Толстой»), когда приходил ко мне с просьбой перевести одно письмо к Толстому на югославянском языке. Над этой молитвой, по словам Сергеенко, Толстой от души смеялся, удивляясь юмору русского человека и его живому протесту против церковности. На этот раз, за обедом в школе Рачинского, я умолчал об «Оча наша» [Богданов 1989, с. 97–98].

В России рубежа XIX–XX столетий духовный кризис религиозного сознания, кризис нравственный, эстетический, художественный, затронул самые разные слои русского общества. Молодой фольклорист В.В. Богданов стал свидетелем того, как о предчувствии грядущей духовной катастрофы пророчествовал его известный однофамилец, успешный русский художник Н.П. Богданов-Бельский, в прошлом просто талантливый крестьянский мальчик, когда-то бескорыстно «окультуренный» великим просветителем и педагогом Сергеем Александровичем Рачинским:

«Мне надо уходить в деревню, как ушел и мой учитель. Ни Москва, ни Петербург мне не дали того, что я должен был бы принести народу, моей деревне, моему брату-мужику. Я знаю, что я не вынесу этих испытаний. О, хоть бы скорей разразилась гроза над Содомом и Гоморрой и над всеми

русскими хананеями, в них живущими!» Снова молчание. Ночь темна. Оба заснули [Богданов 1997, с. 95].

Гроза разразилась гораздо быстрее, чем все ожидали. Урбанизация и социальные (в том числе и революционные) изменения народной жизни, крестьянского быта привели к тому, что традиционный фольклор всё более утрачивал свою *этноконсолидирующую роль*, сохраняя лишь *эстетическую функцию*, т.е. происходил процесс перехода обрядовой и сакральной народной поэзии в фольклор бытовой. Фольклор новой эпохи следует воспринимать как *особый тип народной культуры*, имеющий свои принципы, целостную функциональность и содержательную организацию. Исторически *фольклорный тип культуры* как бы предшествует литературному в культурном развитии любого народа и влияет на него. Однако неизбежно и обратное влияние — профессиональной культуры на народную, книжной, городской — на сельскую. Помимо книжной культуры, существовала своя *система устного городского творчества*, об истории которого нам известно крайне мало, а о взаимном влиянии сельского и городского фольклора можно говорить во многом только априорно. Если *сельский фольклор* стал активно фиксироваться, когда стала очевидна тенденция к его разрушению, то *городской фольклор* первых лет XX в. почти не исследовался.

В то же время существовала огромная масса достаточно банальных рукописных сборников, которые были распространены среди грамотного населения России и, в частности, среди грамотного крестьянства. Такие сборники не содержали редких автографов и уникальных текстов, их художественный уровень был невысок, но соответствовал культурным запросам их создателей и владельцев. Однако как *исторический источник* такие рукописные сборники важны и уникальны, если исследователь и просто читатель задался целью определить социально-культурный контекст эпохи, «аромат времени», который изменчив и не фиксируется в традиционных «серьезных» исторических памятниках. К культурному контексту эпохи можно отнести и песенный репертуар, состав текстов которого (их варианты, переделки и даже ошибки и искажения) волей-неволей отражал особенности того или иного исторического периода. Поэтому важным представляется введение в научный оборот таких нетрадиционных фольклорных источников [Налепин 2009, с. 429–454].

В опубликованном солдатском песеннике Михаила Андреевича Круглова было много личного. Автор, несомненно, обладал ярким поэтическим даром, виртуозно ремарками комментируя тот или иной поворот песенного сюжета, вплетая в него факты собственной биографии (например, в песне под номером 22, где изложена вся история его тяжелого ранения), иногда географически привязывая песенный

сюжет к месту своего проживания (село Усть-Кожа в песне под номером 25), а подчас создавая *оригинальные развернутые песенные сюжеты*, как, например, в песне «В походе», которой трудно найти аналог в традиционной жанровой системе русской народной песни [Налепин 2009, с. 450–451]. Даже вставленные автором в текст песни цифры играли определенную роль. Они являлись неотъемлемой частью данного фольклорного текста: исполнитель, перечисляя предметы и детали своей солдатской амуниции, подчеркивал этим тяжесть окопной жизни русского солдата, идущего на смерть за Веру, Царя и Отечество. Этот фольклорный текст уже в полной мере отражал патриотизм нового типа, отличающийся от традиционного. Кризисная эпоха в полной мере востребовала *окопный патриотизм* уставшего воевать русского солдата.

Зафиксированные в солдатских песенниках фольклорные тексты военного времени несли на себе неповторимый художественный отпечаток истории. Публикация рукописного песенника М.А. Круглова времен Первой мировой войны [Налепин, Щербакова 1995] вызвала определенный филологический и исторический интерес, о чем свидетельствует выдвинутая Еленой Михайлик оригинальная гипотеза о перекличке некоторых текстов этого сборника с известным стихотворением Михаила Светлова «Гренада» (1926) [Михайлик 2005]. Иногда и тексты, спорные в художественном отношении, даже антихудожественные, но являющиеся памятниками определенной эпохи, свидетельствуют об историческом контексте культуры, как аналог тех самых «ментальностей», которые успешно изучает в США так называемая *«бихевиористская история»* [Налепин 2009, с. 125–133]. Выдающийся фольклорист Н.Е. Ончуков так сформулировал главную *фольклорную альтернативу XX столетия*: «Теперь это — история, и подобного рода творчество следует заносить на ее скрижали» [Ончуков 1925, с. 272]. Объективно возникает в связи с этим необходимость в создании новых исследовательских подходов к проблемам фольклоризма, а точнее говоря, методологически внятного *«фольклористического расширения и продолжения»* традиционных методик изучения фольклоризма. Это исследовательское расширение сегодня рассматривается как важная общеполитическая проблема, и его разнообразные культурологические аспекты активно изучаются современными учеными [Генисаретский 2001].

Этому способствует изучение творческого наследия выдающихся отечественных мыслителей, «возвращенных» в русское художественное пространство только в конце XX в. Их фольклористические изыскания носили дилетантский характер и проходили в строгих рамках философских исследований. «Странность» этих исследований заключалась в том, что ученые понимали и чувствовали отечественный фольклор не как эстетическую систему, а как некое мистическое отра-

жение происходивших в России социально-исторических процессов. Причем не только и не столько времени прошедшего, но и времени будущего. *Футурологические потенции отечественного фольклора* одновременно притягивали и настораживали русских философов начала XX столетия, заставляли видеть в происходящем в России историческом, социальном, культурном и в конце концов нравственном кризисе нечто, культурой (в том числе и фольклором) как бы запрограммированное заранее, видеть то семя, тайна которого становится понятной, лишь когда в условиях переживаемой всеми действительности появятся «новые побег» новой словесности [Налепин 2009, с. 359].

Василий Васильевич Розанов (1856–1919)

Фольклор как креативная составляющая занимал особое место в творчестве Розанова. Очевидный, на первый взгляд, «фольклорный нейтралитет» писателя выразился практически в полном отсутствии явного творческого интереса к этой сфере художественной деятельности. Подобная фольклорная «нейтральность» во многом объяснялась тем, что это была неблизкая ему культура, отличная от культуры провинциальных русских городов, в которых прошли детство и юность Розанова. Своеобразие и особенности взаимоотношения творчества Розанова с народной культурой достаточно подробно освещены в моих предыдущих исследованиях по этой теме [Налепин 2009, с. 340–374; Розановская энциклопедия 2008, с. 2251–2254]. Вместе с тем некоторые аспекты этой проблемы пока не были достаточно освещены. Исследование творчества Розанова в последние годы является одним из приоритетных направлений отечественной гуманитарной науки. Об этом свидетельствует и завершение издания 30-томного собрания сочинений писателя (М.: Республика, 1994–2010), и выпуск фундаментальной «Розановской энциклопедии» (М.: РОСПЭН, 2008), и подготовка издания академического собрания сочинений великого русского писателя. Поэтому так важно обратиться к той части творческого наследия Розанова, в которой в той или иной форме затронуты «фольклористические» аспекты отечественной культуры.

В первую очередь это относится к его текстам, связанным с эволюцией общего восприятия народно-поэтической стихии в контексте всей русской жизни конца XIX — начала XX столетия и, наконец, с ролью фольклора в раскрытии темы Апокалипсиса, ставшей главной в последний период творчества русского писателя и философа. Общее восприятие русского фольклора в эти кризисные для русской культуры годы было неоднозначным.

В качестве философского обоснования проблемы Розанов обращается к так называемой *антитетике* Канта, т.е. к своду противореча-

щих друг другу тезисов и антитезисов, своего рода «спору разума с самим собой» (антиномии Канта). В качестве провокационного полемического приема Розанов выдвигает следующий *тезис*. В работе 1901 г. «Первые шаги отечествоведения» он рисует нарочито утрированную картину увиденного им русского фольклорного мира. У молодого интеллигента Розанова, тогда еще гимназиста, чьи мысли крутились вокруг образа его желанной возлюбленной, непрочитанной еще книжки Бокля и купленного кулька со сладким изюмом, уже существовал его собственный, розановский *образ народа*, который выглядел следующим образом, о чем он рассказал в статье 1901 г. «Первые шаги отечествоведения»: «Встал и остался в душе моей образ народа нашего, в минуты отдыха, отрады (ибо очевидно был час отдыха), как именно: 1) сбитого в кучу, 2) сидящего, 3) галдящего, 4) с чайными блюдечками в руках; даже не идущего, как я! Не имеющего изюма!! Ни Бокля, ни возлюбленной!!!» [Розанов 1993, с. 59]. Более того, Розанов усиливал свой беспощадный тезис. Розановский *образ народа* в довершение всего приобретал совсем уж неприглядный вид: «Итак: 1) дует, 2) вонь, 3) страшно — опять впечатление от народа» [Розанов 1993, с. 60].

Далее писатель выдвигал свой *антитезис*. Одновременно с этим *образ народа* у Розанова существовал как нечто завораживающее благодаря первым *фольклорным урокам*, усвоенным им от крестьян-углежогов, «останавливавшихся во дворе у покойной моей матери: они пережигали уголь в деревне (обилие лесов) и вывозили его на базар в Кострому, а ночевали с возами — у нас, и вот я всегда, бывало, к ним выберусь, к их ужину, краюшкам, квасу, смотрю им в рот, на седые добрейшие бороды, слушаю непонятные прибаутки. <...> Вот бедные крохи, которые ношу в душе своей. Кто что имеет, тот над тем и работает. И моя мысль не умеет иначе работать с объектом: “народ”, “Россия”, “русское”, “деревня”, “труд”, как или сдвигая или расширяя все это же: “дует”, “вонь”, “страшно”, “чайные блюдечки”, “го-го-го” — бессмыслица, пот, жар, нет воздуха, темнота... вон отсюда!! Почему вон? Нет, останемся. Но как же мы-то будем тут жить, когда знаем... чистый воздух, звезды, образование, очарование?» [Розанов 1993, с. 60].

Объективно в контексте кантовской *антитетики* после столкновения и взаимодействия *тезиса* и *антитезиса* возникал искомый *синтез*. По Розанову, среди многих тайн жизни, которые он называл «сфинксами», «есть сфинкс “слияния с народом”, состоящий в свою очередь из других “сфинксов”. Для этого нужно быть нарядным. О, я говорю не о платье. Нужно быть нарядным в жизни, кутаться в народную жизнь, завертываться, как мы завертываемся в простыню после купания, в хорошие обычаи, в хорошие привычки; в достойные понятия, в достойные верования (самые общие и доступные), в достойные, хотя бы не высокие и не широкие (не героические) убеждения» [Розанов 1993, с. 62].

Разгадывание загадки этого *сфинкса слияния с народом* представлялось актом титаническим или, как Розанов образно говорил: «А вот работа богов. Ибо цари для нее недостаточны» [Контекст-1992, с. 62]. Вообще же для Розанова постижение России через ее фольклор мыслилось как «война за Родину», как духовная параллель Отечественной войны 1812 г. В статье «Первые шаги отечествоведения» Розанов по сути обнародовал своеобразный *фольклорный манифест* русской консервативной интеллигенции рубежа XIX–XX столетий.

Высоко оценивая решающее значение для исторической судьбы России Отечественной войны 1812 г., Розанов утверждал:

Но гораздо менее сознано, что около времени этой борьбы за существование своего государства мы повели столь же огромную, сложную и еще более длительную войну за родину, но проходившую в тех поэтических, мягких, неуловимых формах, в каких вообще протекает все относящееся до родины. Ее начали собиратели старых руин своего отечества. От Кириши Данилова до недавно умершего собирателя народных песен Шейна, целый ряд людей, как Вл. Даль, Сахаров, Снегирев, Киреевский, Рыбников. Афанасьев, Погодин и еще множество других — начали собирать по щепочке деревенскую и сельскую Русь. В шестидесятых и семидесятых годах их ряд словно завершился Ф.И. Буслаевым, одновременно совмещавшим в себе и непосредственную любовь к родине, и высокое всестороннее европейское образование. Русь встала в наряде цветов и песен, а не одних тяжеловесных событий войн и законодательства. Мы получили осязательный предмет любви и восхищения, а не одной гордости и не одного уважения. «Война за родину» параллель «отечественной войны». Между тем воинственного-то жара и не было у всех этих собирателей, от Кириши Данилова до Буслаева. Лекции этого последнего в Московском университете я еще помню. В них был бесконечный интерес. Но была ли в них бесконечная важность? Увы, ее менее было, нежели в труде какого-нибудь земского доктора, захватывавшего вовремя скараптину на деревне... [Розанов 1993, с. 57].

В предсмертных выпусках «Апокалипсиса нашего времени», и особенно в статье «С вершины тысячелетней пирамиды (Размышления о ходе русской литературы)», в предсмертных работах Розанова фольклорная стихия вновь рассматривается как философская категория, как исходная *культурная первоматерия*. Отстаивая свой противоречивый тезис об исторической «вине» великой русской литературы перед историей, Розанов отмечает, что литература была грандиозна, «ни вера наша, ни церковь наша, ни государство — все уже не было столь же гениально, выразительно, сильно» [Розанов 2013, с. 376]. Русская словесность талантливо высмеивала и разрушала народные идеалы. Розанов подвел итог переживаемой Россией культурной эпохе войн

и революций: «Русскому человеку не оставалось ничего любить, кроме прибауток, песенок и сказочек. Отсюда и произошла революция» [Розанов 1918, с. 9].

Именно фольклор, считал Розанов, стал расплатой за «грехи» возгордившейся великой литературы. Розанов с болью и отчаянием писал о боготворимом им русском «народе-богоносце»: «Совсем дрянь народ. Какой же толк из него может выйти, раз он все поет, музыканит, рассказывает сказки и шутит прибаутки. Решительно, надо собрать не серьезные пословицы, а прибаутки русского народа. Тогда балаган русской жизни или “русская жизнь как в балагане” — восстала бы в полном порядке» [Розанов 1918, с. 6].

И все-таки в том, что народу, который «прогулял свое царство», Розанов оставил некий художественный минимум (прибаутки, присловья, пословицы), ниже которого лишь молчание и полное забвение национальной культуры, был определенный исторический оптимизм. Именно из этого фольклорного источника неизбежно должны были появиться «новые побеги» русской словесности, а следовательно, и Возрожденной России.

В творческом арсенале писателя на рубеже XX в. определенную роль стала играть сектантская поэзия. Современный исследователь отмечает: «Две книги венчают долгую творческую жизнь Розанова: “Апокалипсис нашего времени” и “Возрождающийся Египет”. Первая — книга гнева и отчаяния, проклятий и стенаний, вторая — попытка дойти до корня всех вещей. <...> Но “Апокалипсис” рожден лицемерием “последних времен” русского царства и страшного, как-то “вдруг” наступившего будущего» [Федякин 2002, с. 492]. Апокалипсическая тема в эти предреволюционные годы становится доминантной в философских работах Розанова, который справедливо полагал, что Апокалипсис является любимой священной книгой сектантов. Розанов отмечал: «Только в Апокалипсисе ключ к евангельской разгадке, — отчего все сектанты так безумно привязаны к этой книге, хватаются за нее как за последнее спасение, как за якорь в бурю и за крест во тьме» [Розанов 2000, с. 72].

Розанов стал одним из первых русских мыслителей, кто исследовал общие категории и закономерности духовной поэзии русских сектантов-мистиков как *онтологическую проблему*. Хлысты были религиозной сектой, возникшей еще в XVII в. Они признавали возможность прямого общения со Святым Духом и даже возможность воплощения Святого Духа в праведниках, которые становятся «христами», т.е. «хлыстами». Хлысты совершали «радения» — моления, сопровождаемые «видениями», «пророчествами» и коллективными плясками, где участники доводили себя до полного иступления. В полных тайного смысла духовных стихах хлыстов такие коллективные «радения» назывались «хождением в духе» и «духовным весельем».

В теме, связанной с Апокалипсисом, Розанов интересовали разнообразные аспекты. В конце 1904 г. Розанов поехал к хлыстам на окраине Петербурга вместе с влиятельным чиновником Синода, издателем журнала «Миссионерское обозрение» и церковной газеты «Колокол» В.М. Скворцовым. Рассказ об этой поездке и стал центральной главой его книги «Апокалипсическая секта (Хлысты и скопцы)», вышедшей в Петербурге в феврале 1914 г. По сути это был этнографический очерк, где, как отмечал на страницах «Богословского вестника» рецензент книги А.В. Ремезов, «интерес к внешним фактам преобладает над интересом к объясняющим их принципам» [цит. по: Розанов 2002, с. 513]. Сектантская поэзия не является фольклорным жанром, ее тексты имеют авторское происхождение. Однако по некоторым признакам (*устность, вариативность, синкретизм* и т. д.) сектантская поэзия с некоторой долей условности может рассматриваться в русле фольклорной культуры. Как философская проблема стихия сектантства с его проповедью необычных, порою самых изуверских форм искупления греха, с его очевидным протестом против многих канонов и догматов официальной церкви интересовала Розанова. В культуре сектантства видел он аналоги тех же «проклятых» вопросов (связанных с поисками «религии пола», например), которые были важны и для него самого как философская и личная проблема [Эткинд 1998, с. 179–190].

Интерес к сектантству как явлению заставил Розанова посвятить этой теме немалое количество статей, часть из которых и была собрана в 1914 г. в книгу «Апокалипсическая секта. (Хлысты и скопцы)». Размышляя «об оригинальном и огромном движении, которое испытала русская душа в расколе, об этой бездне инициативы, акции суровой борьбы и поэзии» [Розанов 1914, с. 42], Розанов дал отличные этнографические зарисовки быта сектантов (хотя его «фольклорная экспедиция» была всего лишь на окраину Петербурга) и исследовал феномен хлыстовства и скопчества, и даже опубликовал некоторые образцы этой поэзии: «Послания» и «Страды» Кондратия Селиванова, а также скопческие духовные песни, извлеченные из показаний скопцов в Соловецком монастыре. Книга Розанова была создана под влиянием распространенных в те годы идей религиозного возрождения России. Розанов не был литературным первооткрывателем в этой области духовных исканий. Достаточно вспомнить роман Андрея Белого «Серебряный голубь», «сектантские» стихи Александра Добролюбова. В конце XIX — начале XX столетия философско-публицистическое наследие Розанова также было создано в рамках этого востребованного, отчасти даже модного направления отечественной общественной мысли.

Обращение Розанова к *сектантской поэзии* и *духовному стиху* было мотивировано не только темой «грядущего конца Света», но и

стремлением как можно более полно выразить иррациональность духовного архетипа русского народа. Розанова завораживала своеобразная поэтика этих «мистических» жанровых образований русского фольклора. Поэтика духовных стихов русских сектантов-мистиков кардинально отличалась от поэтики *старообрядческой поэзии*, для которой характерны сюжеты двух видов: во-первых, сюжеты, рассматривающие современный мир как царство победившего Антихриста; во-вторых, сюжеты, высмеивающие этот мир. Розанова интересовала именно поэзия сектантов-мистиков с ее идеей Апокалипсиса, приближающего второе пришествие Христа, а именно этот мотив являлся ведущим для своеобразного *песенного творчества русских сектантов*.

Художественные достоинства сектантской поэзии невысоки, песни были до некоторой степени примитивны, но при этом пронизаны своеобразной символикой. Именно в сектантских текстах Розанов открыл для себя богатый источник символов. «Полузапретный» характер этой жанровой разновидности способствовал тому, что *сектантская песня* представляла собой в первую очередь *зашифрованный текст*, где каждое слово прочитывалось при помощи особого *кода*, который понимал лишь посвященный в тайны сектантской терминологии человек.

Во время этой своеобразной этнографической экспедиции писатель исследовал семантику некоторых слов и выражений в хлыстовских текстах и оказался достаточно посвящен в тайный смысл некоторых слов-символов. Например, Розанов, комментируя «Послания» Кондратия Селиванова, объясняет: «Белизна — везде *скопчество*. “На белых коней садиться” — *оскопляться*....» [Розанов 1914, с. 163]. Розанов видел за каждым словом опубликованных им «Скопческих духовных песен», собранных из показаний скопцов в Соловецком монастыре, некий зашифрованный тайный смысл, тогда как для непосвященного читателя это были всего лишь неожиданные красочные художественные образы. Для хлыста же в первую очередь был важен скрытый метафизический смысл. Так, например, «гусли» на языке сектантов-мистиков означали пророческие речи, а выражение «золота труба трубила» [Розанов 1914, с. 169] — *обладать даром пророчества* и т. д.

Хотя книга эта не относилась к области фольклористики, а продолжала тему книги 1913 г. «Люди лунного света», введение в научный оборот этих текстов было объективно полезно для фольклористики и этнографии. В дореволюционной России книга Розанова стала заметным явлением. Его книга была последним комплексным исследованием жанра духовных стихов уходящей эпохи. Лишь в 1935 г. в Париже вышла книга Г.П. Федотова «Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам)» [Федотов 1935], которая в эмиграции продолжила важную для изучения русского менталитета и

духовности исследовательскую тему. В России эта книга была введена в научный оборот в 1991 г. благодаря усилиям С.Е. Никитиной, Н.И. Толстого и А.Л. Топоркова [Федотов 1991].

Как отмечал давний рецензент книги А.В. Ремезов, в ней «нет отвлеченных рассуждений, почти каждую *мысль* свою В.В. Розанов выражает описанием конкретного случая; *язык* книги — это язык фактов, значительная доля которых была собрана самим автором при личном общении с хлыстами. <...> Автор проникает в самую *душу* секты и четко прислушивается как к доминирующему в ней настроению, так и к нюансам в сложных переживаниях мистиков. Далеко не всякий, даже много и часто вращающийся в среде сектантов, способен так удачно подметить их общее настроение и вообще учесть производимое ими впечатление, а тем более так рельефно передать его, как это с легкостью опытного писателя делает В.В. Розанов» [цит. по: Розанов 2002, с. 514].

Книга Розанова «Апокалипсическая секта (Хлысты и скопцы)» не только ввела в культурный и научный оборот неизвестные «полузапретные» тексты русских сектантов-мистиков, но в гораздо большей мере отразила особенности розановского мышления и мировоззрения. Розановская философская концепция искусства (в том числе и фольклора) пережила вместе с автором трагическую эволюцию. Условный раздел можно провести по годам революции и гражданской войны в России, когда розановское осмысление фольклора и литературы приобрело апокалипсический характер, причем источник случившейся со страной социальной трагедии писатель усмотрел именно в изящной словесности (в самом широком значении этого слова). В его предсмертной статье 1918 г. «С вершины тысячелетней пирамиды. Размышления о ходе русской литературы» наиболее остро была сформулирована им философская проблема ответственности и даже вины отечественной словесности перед русской историей, когда в пропасть, сотворенную великой русской словесностью, с треском провалилась великая русская история, когда случилась «гибель от литературы, единственный во всей всемирной истории образ гибели, способ гибели, метод гибели. Собственно — гениальное, и как-то *гениально урожденное* — в России и была только одна *литература*» [Розанов 2013, с. 376].

Во времена революционных перемен розановская философия фольклора вобрала в себя всю гамму противоречивых чувств — от мрачного пессимизма до предчувствия обновленной гармонии и ожидания некоего нового духовного синтеза. 20 апреля 1917 г. в статье «Что такое народ теперь?» он неожиданно для всех произнес:

Суть в душе, в сердце народном. И вот почему нам революции — в смысле духовном и идеальных ценностей — совершенно нечего бояться.

<...> Ну и еще налетит шквал. Еще встряхнет — ничего. Ничего и ничего. В марте (не скрою) я сам был болен. Аки в гробу. Да еще лицом книзу: не хочу смотреть и видеть. Где же Русь, которую я любил. Тут все *марксисты*. Только из гроба щелочка, и стал я в щелочку поглядывать: какие такие люди, и какой у них шаг. И какие лица. По всему надо измерять человека, везде видеть рост его, в вершок или сажень. И увидел я: люди хорошие, brave; лица смелые, открытые, не затаенные, не подлые. Стало сердце отлегать: как будто не очень скверно, как будто даже хорошо. Вылезаю из гроба, смотрю: все же живая Русь. Только будто помолодела и приосанилась. И подумал я: сплетется этот марксизм со старыми песенками, со старыми сказочками. Сплетется он с «Голубиной книгой», — ну и еще поглядим, что и как выживет и кто кого переживет. Меньше тревоги, не надо тревоги. Наша башка да рабочие руки — порукой за историю и бесконечность в будущем. Ничего не остановится. Будем спорить [Розанов 1917].

В этих розановских «настроениях мысли» вдохновенно жил *фольклорный оптимизм* его своеобразной философии, его парадоксально-го мирочувствования.

Евгений Николаевич Трубецкой (1863–1920)

В годы Гражданской войны в России другой великий русский философ и общественный деятель, князь Евгений Николаевич Трубецкой, неожиданно для многих тоже обратился к отечественному фольклору, создав яркую философско-публицистическую книгу «“Иное царство” и его искатели в русской народной сказке». О судьбе Трубецкого первый номер эмигрантского журнала «Русская книга» привел скудную информацию: “Кн. Евг. Ник. Трубецкой, б. проф. Моск. унив., скончался от тифа в конце 1919 г. в Новороссийске» [Трубецкой 1921, с. 32]. На самом деле Е.Н. Трубецкой скончался 23 января (по старому стилю) 1920 г., о чем журнал сообщил в своем третьем номере, и брошюра, вышедшая в 1922 г. в московском издательстве Г.А. Лемана, напечатанная на рыхлой газетной бумаге в типографии «Боровичско-Валдайского Кустарного и Сельскохозяйственного Союзного Товарищества», объемом всего в сорок восемь страниц, стала последним трудом оригинального русского мыслителя, название главной книги которого «Смысл жизни» (1918), пожалуй, вернее всего отражал основную идею его философских рассуждений и исканий.

Е.Н. Трубецкой полагал, что только практическая работа способна приостановить надвигающуюся духовную катастрофу. Не экономическую, не социальную, но именно духовную, ибо ясно видел, что *звериный лик индивидуума*, то есть способность убить, унижить или

ограбить себе подобного и найти пристойное тому оправдание, проявляется в эпоху крушения религиозно-нравственных начал. Именно поэтому он обратился к русскому фольклору, к народной сказке.

Тема для философа мирового уровня, последователя и ученика Владимира Соловьева, автора книг, посвященных религиозно-общественным идеалам христианства, философии права, метафизической теории познания, русской иконописи и многих других, — неожиданная и в то же время глубоко закономерная. Исходя из материала отечественного фольклора, Е.Н. Трубецкой вышел на новый уровень теории познания действительности. Россия реальная, распадающаяся на составные части, и Россия идеальная, которую в *«тоске по всеединству»* (термин Е.Н. Трубецкого) он тщетно пытался собрать в некий духовный Собор, агонизировала в братоубийственной войне. Предрекая дальнюю историческую перспективу будущего русского всеединства, во имя которого он жил и творил, Трубецкой объективно выразил свои пророчества в таких книгах, как *«Звериное царство и грядущее возрождение России»* (Ростов-на-Дону, 1919), *«Великая революция и кризис патриотизма»* (Ростов-на-Дону, 1919) и *«Иное царство»* и его искатели в русской народной сказке» (М., 1922).

Философское творчество Е. Трубецкого, — утверждал В.В. Зеньковский, — выросло из построений Соловьева — оно вносит большую последовательность и внутреннее единство в некоторые концепции Соловьева. <...> Быть может, внутренним тормозом в философском творчестве Е. Трубецкого была зависимость его от Вл. Соловьева, концепции которого словно ослепляли его. Трубецкой постепенно освобождался от этих чар, — и чем свободнее он был от них, тем сильнее выступала его философская одаренность [Зеньковский 1991, с. 113].

Именно книгой *«Иное царство»* и его искатели в русской народной сказке» Трубецкой заявил о своей философской независимости от идей Владимира Соловьева. Все работы последнего периода творчества Трубецкого развивали его давнюю тему, которая была сформулирована им еще в ноябре 1910 г., в дни десятилетних поминок по Владимиру Соловьеву. В реферате *«Владимир Соловьев и его дело»* Трубецкой предрекал этот испепеляющий революционный самум, которому суждено будет пронестись над просторами России во имя грядущего ее возрождения:

Русское общество мечтало о скором, близком осуществлении царства правды на земле, в котором наступит полное общественное обновление. Все мы так или иначе участвовали в созидании нашего земного рая, той преображенной земли, где должно царствовать преображенное человечество.

Но Россия еще не выстрадала своего просветления, не приняла еще своей последней крестной муки; а потому рухнула наша хижина, построенная из негодного, наполовину сгнившего материала [Трубецкой 1911, с. 94].

В предсмертных философских работах Трубецкого в сказочной метафоре «звериного царства» подразумевались две сущности, с которыми надо было вести беспощадную борьбу, — «черный зверь» русской реакции и «красный зверь» русской революции. Критикуя «черного зверя» за преступную неуступчивость, а «красного зверя» за всепоглощающее разрушение и хаос, Трубецкой отстаивал тезис о праве свободы выбора между добром и злом и утверждал, что сам человек выбирает свой путь и сам несет ответственность за добро и зло в этом мире.

Этот тезис о праве свободы выбора в книге «“Иное царство” и его искатели в русской народной сказке» Трубецкой обосновывал на фольклорном материале, когда в своих умозрительных догадках размышлял о соблазнах и опасностях построения в России «идеального» общества, созданного на основе мнимых, антинародных, безнравственных идеалов, о том, как в годы социальной ломки произошла подмена духовных идеалов и возобладала конкретная материальная субстанция, фантом, мечта «легкого хлеба», «жирная утопия солдата-дезертира». Для Трубецкого «вопрос о смысле личной жизни подчинен решению вопроса о смысле жизни вообще. Если есть Высший Смысл Жизни, то есть, или по крайней мере должен быть, смысл и *моей* жизни. И мировая бессмыслица, по Е.Н. Трубецкому, есть отрицание этого Всеобщего Высшего Смысла, в результате чего жизнь превращается всего-навсего в «способ существования белковых тел» [Сапов 2011, с. 442]. Эта наступающая «мировая бессмыслица» представлялась Трубецкому причиной грядущей катастрофы Российской империи. Трубецкой в статье 1919 г. «Звериное царство и грядущее возрождение России» писал:

Человек не есть высшее в мире существо. Он выражает не только конец, куда мы все стремимся, а только срединную ступень мирового подъема. И вот оказывается, что на этой срединной ступени останавливаться нельзя. Человек должен сочетаться с Богом или со зверем. Он должен или пережить себя, подняться над зверем, или провалиться в пропасть, утратив свое отличие от всего, что на земле ползает и пресмыкается. На свете есть две бездны, те самые, о которых некогда говорил Достоевский, и среднего пути нет между ними. Все народы мира должны решить ясно и определенно, к которой из двух они хотят принадлежать [Трубецкой 1991, с. 68].

Провозглашая право каждого человека на свободу выбора между добром и злом, Трубецкой с оптимизмом утверждал: «Тот путь зве-

рино царства, куда большевизм увлекает мир, есть путь смерти. А тот путь, куда теперь поворачивается русское народное самосознание, есть путь воскресения. В этом и есть то освобождающее слово, которое должно спасти Россию, а с ней вместе все народы Вселенной» [Трубецкой 1991, с. 68].

Трубецкой искал и нашел это «освобождающее слово» в русском фольклоре, создав книгу «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке» [Трубецкой 1922], смысл и значение которой становится понятным лишь в контексте его философско-публицистического труда «Звериное царство и грядущее возрождение России» [Трубецкой 1919]. Две книги составили своеобразный *исследовательский диптих*, объединенный единым замыслом и идеей. К сожалению, как в нашей стране, так и за рубежом по-прежнему учитывается лишь первая часть этого *диптиха*, а второй не уделяется должного внимания.

В книге «Звериное царство и грядущее возрождение России» Трубецкой указал на истоки победившего большевизма, усмотрев их причину прежде всего в кризисе народного духа. Он утверждал, что «то угасание духа, которое подготовило почву для большевизма, тесно связано с совершившимся за последние десятилетия пышным расцветом материальной культуры. Быстрый рост материального благополучия всюду оказал на человеческую душу одно и то же отрицательное влияние. Он усыпил духовную жизнь. Сладкая мечта о земном рае, ныне одурманившая демократические массы, первоначально выросла на почве сытости и довольства. Сначала ею жило привилегированное меньшинство. Но вот в дни величайших страданий мировой войны солдаты из окопов увидели издали этот рай богатых и спекулянтов. Большевики сказали: “берите, он ваш”, “мир на фронте, война внутри государства” — и в тылу у армии загорелось кровавое зарево. Роковая причина этого пожара — угасание духа. Утраченные духовные ценности были заменены идолами. А идолы, как бы они ни различались между собой, всегда кровожадны и требуют человеческих жертв. Оттого-то одно идолопоклонство так легко переходит в другое. Поклонение “золотому тельцу” породило между людьми взаимную ненависть и вызвало войны. А ненависть и вражда отдали человечество во власть “зверя, выходящего из бездны”. Конец этой нечистой власти настанет лишь тогда, когда душа народов освободится от оков околдовавшего его плена» [Трубецкой 1991, с. 61].

Этот беспощадный анализ кризисных процессов в России неизбежно приводил Трубецкого к категорическому философскому суждению о «духовном сопротивлении» Мировому Хаосу. В книге «Звериное царство и грядущее возрождение России» Трубецким были не просто вскрыты и проанализированы причины победы большевизма, но и вынесено принципиальное суждение: «Большевизм возник и вырос

в мировую величину на почве духовного падения народов. Поэтому и освобождаться от него можно только путем духовного подъема» [Трубецкой 1991, с. 61]. Художественно-эстетическое обоснование этого важного постулата и было разработано Е.Н. Трубецким в книге «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке».

Книга Трубецкого «Звериное царство и грядущее возрождение России» определила во многом круг тем и персонажей книги «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке». Так, суждение о необходимости «духовного подъема», о котором размышлял Трубецкой в книге «Звериное царство и грядущее возрождение России», в книге «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке» воплотилось в образе «Ненаглядной Красоты» из «простонародного мужицкого творчества» [Трубецкой 2011, с. 405]. Суждение об искупительной человеческой жертве отразилось в осмыслении сказочных эпизодов прикармливания собственным телом вещей птицы, несущей героя. Становится понятным и появление в книге Трубецкого «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке» сюжета о солдате Мартышке, который «присвоил себе чужой дом, взял чужой кошель и карты. Отсюда — начало наполеоновской карьеры солдата» [Трубецкой 2011, с. 396].

Трубецкой полагал, что философию любой революции лучше всего объясняет *народная сказка*, т.е. она в большей мере, чем другие фольклорные жанры, выражала социально-утопические устремления народа. В книге философа Трубецкого на материале русского сказочного фольклора впервые в гуманитарной науке была предпринята попытка исследовать морально-нравственную иерархию социально-утопических идеалов, субстанции нравственного сознания русского народа. «Есть эпохи народной жизни, — отмечал Трубецкой, — когда все вообще мышление народных масс облекается в сказочные образы. В такие времена сказка — прибежище всех ищущих лучшего места в жизни и является в роли социальной утопии» [Трубецкой 2011, с. 394]. «Иное царство» искали всегда, но еще никогда и нигде такая утопия не становилась реальностью. В русской сказке, по мысли Трубецкого, сказочные искатели разнятся в плане духовном по отношению к системе «неумирающих ценностей человеческой жизни». Трубецкой выделил среди искателей «иноного царства» героев низшего, высшего и среднего духовного уровня. Реально существовал в сказках любого народа и «воровской идеал», мечта «легкого хлеба», добытого без труда и усилий. Низкий идеал («вульгарный гедонизм») в эпоху социально-нравственной стабильности уравнивается высоким идеалом, который «смотрит в Небо». Трагедия происходит, когда ложный «воровской» идеал становится социальной доминантой. О конкретных ужасах этой трагедии красноречиво рассказал И.А. Бунин в своем ошеломляющем дневнике «Окаянные дни» [Бунин 1935].

Предрекая будущее неизбежное возрождение России, Трубецкой особо выделял в русском фольклоре и, следовательно, в русской жизни высокие идеалы, которые «смотрят в Небо». Именно они определяют подлинную физиономию народа. Розанов видел путь будущего духовного возрождения России в чистой фольклорной первооснове (незамутненное народное сознание). Трубецкой показал направление этого движения. В самом факте существования «иноного царства» не как осязаемой материальной субстанции «жирной утопии солдата-дезертира», а как вечного стремления к «иному царству», воспарения над вульгарно материальным, полета к «Красоте Ненаглядной» видел Трубецкой будущее Одухотворение человека и Возрождение России. «Иное царство» как в жизни, так и в сказке имеет смысл лишь как категория духовно-нравственная, а не материально-вульгарная. Утрата этого духовного (фольклорного) начала страшила как Розанова, так и Трубецкого.

В этом смысле работа Трубецкого стала своего рода вызовом материалистической эпохе, защищая народные (т. е. фольклорные) идеалы, провозглашая борьбу за духовность. Трубецкой, оперируя вечными фольклорными образами, размышлял не о вульгарной политике, не о «текущем моменте», а объективно боролся за человеческое в человеке, за то духовно высшее вечное «иное царство», которое существует в сказках русского народа или, как образно писал Трубецкой, за «чудесное превращение в его мирочувствии. Сопоставьте видение синей лазури и полет к Ненаглядной Красоте с жирной утопией солдата-дезертира. Там высота подъема и легкость духа; здесь — волчий аппетит и земная тяжесть. Обе сказки — создание простонародного мужицкого творчества. И однако в той и другой мы найдем не только иной взгляд на жизнь, но вместе с тем и *иную душу*» [Трубецкой 2011, с. 405].

Борис Петрович Вышеславцев (1877–1954)

После смерти Е.Н. Трубецкого сформулированная им тема фольклорной альтернативы грядущего духовного возрождения России была талантливо продолжена в эмиграции Борисом Петровичем Вышеславцевым (1877–1954), выдающимся философом, исследователем в области этики, социальной философии, истории философии, религии. Б.П. Вышеславцев — противоречивая фигура в русской эмиграции и в истории русской общественной мысли за рубежом. Выпускник юридического факультета Московского университета, он в 1899 г. начал вести адвокатскую практику. Одновременно занимался научно-философской работой. В 1908 г. сдал магистерский экзамен и был командирован за границу, где еще два года изучал фи-

лософию. По возвращении в Россию в 1911 г. стал читать лекции по истории философии права в Московском университете, а в университете Шанявского — общую теорию права, историю политических учений и государственное право. В 1914 г. защитил диссертацию на тему «Этика Фихте. Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии». С 1917 г. — профессор философии права Московского университета. После революции сблизился с Н.А. Бердяевым и участвовал в работе Вольной Академии духовной культуры в Москве.

В 1922 г. Вышеславцев эмигрировал из Советской России в Германию, а затем переехал во Францию, где как профессор Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже преподавал историю новой философии и нравственное богословие. Его книга 1929 г. «Сердце в христианской и индийской мистике» стала одной из важных систематизирующих работ по православному пониманию проблемы.

Важным для Вышеславцева стало его знакомство с трудами Зигмунда Фрейда и Карла Густава Юнга, что привело его к увлечению психоанализом, отразившемуся в его главном философском труде 1931 г. «Этика преображенного Эроса. Проблема Закона и Благодати» и в работе 1923 г. «Русский национальный характер». Во время Второй мировой войны Вышеславцев переехал в Германию. Неприятие им Советской власти явилось причиной его активного участия в антисоветской кампании пропагандистских органов фашистской Германии и публикаций в антикоммунистических сборниках. После войны он был вынужден перебраться в Швейцарию, где до своей смерти в 1954 г. активно сотрудничал с Народно-трудовым союзом (НТС).

Русский фольклор никогда не был предметом его философских исследований. Однако недавно обнаруженное и введенное в 1995 г. в научный оборот исследование, посвященное национальному характеру русского народа, основано на русском фольклоре, в частности, на текстах сказок и былин [Вышеславцев 1995, с. 112–114].

В своем докладе «Русский национальный характер», прочитанном им в ноябре 1923 г. на конференции в Риме, организованной Институтом Восточной Европы (Италия), Вышеславцев отмечал, что Россия интересна, но непонятна для Запада и, может быть, поэтому и особенно интересна, что непонятна. «Мы и сами себя не вполне понимаем, — отмечал Вышеславцев, — и, пожалуй, даже непонятность, иррациональность поступков и решений составляют некоторую черту нашего характера» [Вышеславцев 1995, с. 113]. Он считал, что характер народа определяется на бессознательном уровне, в области подсознания. Проникнуть в подсознание человека можно через его сны, используя метод психоанализа Зигмунда Фрейда. В то же время сны народа, утверждал Вышеславцев, — это его эпос, сказки и поэзия.

Именно в них раскрываются черты национального характера, надежды и страхи народа.

Заявленная Вышеславцевым методология и определила его исследование фольклорных текстов для уяснения основных характеристик русской души. Так, на материале сказочных текстов он особо выделил такие черты национального характера, как страх бедности, страх горя, страх тяжелого труда и, наконец, самый возвышенный страх — страх разбитой мечты, страх падения с небес на землю. Доклад Вышеславцева впервые в русской гуманитарной науке активно использовал методологию и терминологию психоанализа Зигмунда Фрейда и теорию архетипов Карла Густава Юнга. Еще в начале XX столетия, в 1912 г., Карл Густав Юнг опубликовал работу «Метаморфозы и символы либидо» [Jung 1912], в которой он, развивая положения «глубинной психологии», исследовал самопроизвольное появление в снах своих пациентов фольклорных и мифологических мотивов и пришел к важному выводу, что в психике человека помимо личного бессознательного существует и более глубокий слой — *коллективное бессознательное*, которое в структурах мозга отражает опыт предшествующих поколений людей.

Вышеславцев в контексте исследований Карла Юнга и Зигмунда Фрейда поставил конкретную задачу — проникнуть через сны и фольклор в *коллективное бессознательное* русского духа. Мыслитель формулировал эту задачу следующим образом: «Но как проникнуть туда, в бессознательное нашего духа? Фрейд думает, что оно раскрывается в снах. Сны суть наши подсознательные устремления. Во сне мы видим то, чего мы боимся, и то, чего мы жаждем. В этом отношении сны не обманывают: они развертывают художественные символы скрытых сил нашей души. Чтобы понять душу народа, надо, следовательно, проникнуть в его сны. Но сны народа — это его эпос, его сказки, его поэзия... Многих возмущала пошлость и безнравственность сказки. Но сны бывают разные: прозаические, низменные, отвратительные, и — возвышенные, божественные. Сны, как и сказки народа, не выбирают самого красивого и благородного, как это делают стихи поэта; они, напротив, неумолимо правдивы даже в своем цинизме» [Вышеславцев 1995, с. 113].

Выделяя на основе анализа сказок наиболее характерные черты, страхи и мечты русского человека, Вышеславцев утверждал, что русские люди более всего страшатся «горя», которое буквально «привязывается к нему» и при этом еще и заявляет герою сказки: «Я теперь от тебя не отстану» [Вышеславцев 1995, с. 113]. При этом Вышеславцев особо подчеркивал принципиальное отличие «русского горя» от рока у древних греков: «Замечательно тоже, что “горе” здесь сидит в самом человеке: это не внешняя судьба греков, покоящаяся на незнании, на заблуждении, это собственная воля, или скорее какое-то собственное

безволие» [Вышеславцев 1995, с. 116]. Однако в русском национальном характере, а следовательно, в русских сказках, живет еще один страх, «страх более возвышенный, чем страх лишений, труда и даже “горя”, — это страх разбитой мечты, страх падения с небес — прямо в *болото*; множество сказок изображает эту тему Икара в чисто русском смешном обаянии. Как часто мы видим и теперь сны этого типа, сны падения с высоты воздушного замка! И это вещи сны, которые предсказали русскую действительность» [Вышеславцев 1995, с. 116].

В народных сказках, отмечает Вышеславцев, развернута «вся гамма желаний» — от самых возвышенных до самых низких. Есть в них и самые заветные мечты русского идеализма, и самый низменный житейский «экономический материализм». Например, мечта русского народа о таком «новом царстве», где распределение будет построено на принципе «каждому по его потребностям», где можно вдоволь наесться и напиться, где стоит «бык печеный», где молочные реки и кисельные берега. А главное — там можно ничего не делать и лениться. Такова, например, известная сказка о лентяе Емеле, который предстает в ней отнюдь не как отрицательный персонаж. Аналогичным образом Вышеславцев анализирует и сказку о «хитрой науке», владея которой «можно не работать, сладко есть и чисто ходить». Есть сказки, в которых «хитрая наука» на деле оказывается обыкновенным искусством воровства. И самое удивительное, что счастье обыкновенно сопутствует лентяю и вору. При этом сказки беспощадны: они разоблачают все, что живет в коллективном подсознании, в коллективной душе народа, охватывающей как лучших, так и худших его представителей. Таким образом, сказка раскрывает все, что так тщательно скрыто в реальной жизни, в ее показном благочестии и даже в официальной идеологии.

Суммируя свои наблюдения с позиции теории архетипов Карла Густава Юнга и толкования сновидений Зигмунда Фрейда, Вышеславцев приходит к выводу, что все эти смешные сказочные сны русского народа в реальной жизни оказались вещими и пророческими. Так, например, «хитрая наука» о «легком хлебе» оказалась «научным социализмом» Карла Маркса. Эта наука учила народ, что воровство есть вовсе не воровство, а «экспроприация экспроприаторов». «Хитрая наука» объясняла, как попасть в то или иное царство, где можно наесться и напиться, где можно лежать на печи и все будет исполняться «по щучьему велению», куда можно смело прыгнуть, выражаясь сказочным языком; а выражаясь философским языком — «совершить прыжок из царства необходимости в царство свободы».

Много пророчеств можно найти в русских сказках, но и в былинном эпосе есть текст, который обладает положительным ясновидением, отмечает Вышеславцев, имея в виду былинку об Илье Муромце и его ссоре с князем Владимиром. Мыслитель подчеркивал, что лю-

бимый национальный богатырь Илья Муромец происходит из крестьянской семьи и воплощает главную опору и силу русской земли. Вместе с тем он есть главная и постоянная опора престола и церкви. Устроил князь Владимир «почестен пир» «на князей, на бояр, на русских богатырей», но «забыл позвать старого казака Илью Муромца». Илья страшно обиделся. Натянул он тугой лук, вложил стрелочку каленую и начал стрелять «по Божьим церквам, да по чудесным крестам, по маковкам золоченым». Философ приходит к очевидному политическому и идеологическому выводу: «Вот вам вся картина русской революции, которую в пророческом сне увидела древняя былина: Илья, этот мужицкий богатырь, это олицетворение крестьянской Руси, устроил вместе с самой отвратительной чернью, с пьяницами и бездельниками, настоящий разгром церкви и государства; внезапно он стал разрушать все, что он признавал святыней и что защищал всю свою жизнь» [Вышеславцев 1995, с. 116].

Безусловно, в этой былине ясно виден весь русский характер: несправедливость была, но реакция на нее совершенно неожиданна и стихийна. Это не западноевропейская революция с ее добыванием прав и борьбой за новый строй жизни, а стихийный нигилизм, мгновенно уничтожающий все, чему народная душа прежде поклонялась, и сознающий при этом свое преступление. Это не есть восстановление нарушенной справедливости в мире, это есть неприятие мира, в котором такая несправедливость существует.

В своем докладе Вышеславцев справедливо отмечал, что былина оканчивается более благополучно, чем окончилась русская революция. Владимир, увидев учиненный Ильей Муромцем «погром», испугался и, понимая, «что пришла беда неминуемая», устроил новый пир специально для «старого казака Ильи Муромца». Но не знал, как его пригласить на этот пир. Было ясно, что обиженный Илья так просто на пир не пойдет. Тогда и снарядили в качестве посла Добрыню Никитича, по мнению Вышеславцева, «русского барина-богатыря», который обычно исполнял дипломатические поручения. Только он сумел уговорить Илью. И вот Илья, которого теперь посадили на самое лучшее место и начали угощать вином, говорит Владимиру, что он не пришел бы, конечно, если бы не Добрыня, его «брат названный». Вот этого пророческого предупреждения, совершенно ясно высказанного в русской былине, не поняла русская монархия, чем и обрекла себя на неминуемый крах. Таков следующий вывод Б.П. Вышеславцева, основанный на материале русского былинного эпоса: мудрость эпоса состоит в том, что подсознательная душа народа высказывает в нем то, чего она втайне желает или чего боится. В этих подсознательных силах заключено все прошлое и будущее русского народа.

Полет фантазии русского народа, утверждал Вышеславцев, всегда направлен в «иное царство» («иное государство»). Он оставляет дале-

ко внизу все ежедневное, будничное, но также и все мечты о сытости и все утопии «жирного неба». Сказка смеется над ними, не сюда устремлен ее полет, не это ее лучший сон. Бесконечно далекая «иная страна» манит героя русской сказки — Ивана Царевича. Он летит в эту желанную страну, потому что ищет свою невесту — Ненаглядную Красоту (Василису Премудрую). «В этом и есть лучшая мечта русской сказки. Об этой невесте говорится: “Когда она рассмеется, то будут розовые цветы, а когда заплачет — то жемчуг”. Ее нелегко найти, трудно похитить (украсть) эту невесту, «и вместе с тем это вопрос жизни: добудешь ее, и все счастье устроено, не сумеешь — погиб навеки» [Вышеславцев 1995, с. 116]. «Вот русская форма таинственного мифа об Эросе и Психее», — утверждает Вышеславцев и развивает свою мысль далее: «Иван царевич с его вечными полетами и бесконечными стремлениями — это русский Эрос. Как и Эрос Платона, он рвется прочь от земной юдоли и жаждет обладания мудростью и божественною красотой. Какова же его Психея, его ненаглядная Василиса Премудрая? Она красота и мудрость запредельная, потусторонняя, но странным образом связанная с красотой сотворенного мира. Вся тварь ей повинует: по ее мановению муравьи ползучие молотят несчетные скирды, пчелы летучие лепят церковь из воска, люди строят золотые мосты да великолепные дворцы. Русская Психея связана с душой природы, и она же учит людей, как строить жизнь, как творить красоту. Пока Царевич с нею, для него нет трудностей в жизни, Василиса Премудрая выручает его из всякой беды. Настоящая беда только одна: если он забудет свою невесту» [Вышеславцев 1995, с. 116]. Такова, судя по сказкам, главная и самая красивая мечта русского народа.

Вышеславцев заканчивает свое эссе о сказке гимном русскому Эросу: «Наш Эрос жаждет беспредельного и сам беспределен, бесформен, стихийен, лишен граней. Ваш Эрос радостно и уверенно совершает путь творческого восхождения. <...> Он не знает тоски от бесформенности, не знает тех падений, тех блужданий, тех разрушительных порывов, которые свойственны русскому Эросу, поистине унаследовавшему природу своей бедной матери. Дисгармония жизни приводит нас в отчаяние, и мы начинаем разрушать все и все хотим восстановить и спасти, все преобразить. У нас с вами противоположные задачи: у вас — не дать Эросу остыть и иссякнуть среди завершенности прекрасных форм, у нас: найти форму для нашего беспорядочного Эроса, найти центр, овладеть собою. Вы обладаете в совершенстве тем, чего мы более всего жаждем» [Вышеславцев 1995, с. 117].

В предисловии к публикации работы Б.П. Вышеславцева «Русский национальный характер» Н.К. Гаврюшин поставил вполне закономерные вопросы: «Но, как казалось до самого последнего времени, один только князь Е.Н. Трубецкой в небольшой книжке «“Иное царство” и его искатели в русской народной сказке» (1918) решился проверить свои умозри-

тельные догадки фольклорным материалом. Недавно открытая работа Бориса Петровича Вышеславцева «Русский национальный характер» (1923) вызывает сразу множество вопросов: в какой мере на ее замысел повлияла работа Е.Н. Трубецкого? насколько может она прояснить творческую историю одной из лучших книг самого Вышеславцева — «Русская стихия у Достоевского»? что общего у Трубецкого и Вышеславцева с представителями аналитической психологии в подходе к фольклорному материалу? и т. д.» [Вышеславцев 1995, с. 112].

На самом деле Е.Н. Трубецкой оказался не единственным исследователем, «кто решился проверить свои умозрительные догадки фольклорным материалом». После появления в Советской России работы Трубецкого находившийся в эмиграции Б.П. Вышеславцев исследовал русский национальный характер на материале русского фольклора, что позволяет говорить о существовании в эмигрантской среде устойчивой традиции привлечения фольклорного материала в различного рода философских, психологических, социологических и иных исследованиях. Работа Вышеславцева в полной мере была основана на фольклорных материалах книги Трубецкого. Он привлекает те же сказочные сюжеты и тех же сказочных персонажей. Можно утверждать, что для Вышеславцева фольклорным источником послужили вовсе не классические сборники фольклорных текстов, а именно книга Трубецкого ««Иное царство» и его искатели в русской народной сказке». Правда, Трубецкой ограничил свое исследование материалами сказочного жанра, тогда как Вышеславцев использовал также и материал русских былин. Кроме того, Вышеславцев стал первым русским исследователем, кто применил методики аналитической психологии к русскому фольклорному наследию, что стало важным событием для гуманитарной науки в целом.

Фольклорный материал предоставил философской науке необычный исследовательский ракурс. Доклад Вышеславцева существенно уточнял философско-методологическую структуру философского дискурса о национальном характере.

По мнению С.И. Бажова, одного из авторитетных исследователей русской философской мысли конца XIX — начала XX в., Вышеславцев на материале русских сказок выделил «следующие черты русского национального этоса — противоречивость (сочетание низших и высших устремлений и др.); жажда социальной правды и склонность к утопическим упованиям; максималистские и разрушительные протестные реакции; недостаточная социокультурная оформленность жизнестремлений; устремленность к опыту предела; поиск мировой гармонии, стремление к высшей правде и красоте на путях религиозной веры. Таким образом, по Вышеславцеву, в структуре национального характера есть и высшие, и низшие начала. <...> Концепция Вышеславцева заслуживает внимания

не только в качестве репрезентативной точки зрения, отображающей ряд аспектов философского мировоззрения мыслителя, но и как философско-культурологический экскурс, затрагивающий общественно-исторические проблемы. В частности, весьма интересным является вопрос о том, каким образом в сказках оформились и получили широкое распространение контркультурные мотивы и образы: страх перед трудом; терпимость к безволию; мечты о лени и своевольной свободе; утопическое упование на «иное царство» с молочными реками, кисельными берегами и печеными быками (попутно отметим, что молочная река — это архаичный индоевропейский образ благополучия) и на хитрую науку о легкой жизни; образ Емели на печи и т.д.» [Бажов 2011, с. 213–214].

С.Е. Никитина в статье «Н.С. Трубецкой и исследование устной народной культуры» справедливо отмечала, что «большие ученые оказывают влияние на развитие науки прежде всего своими общеторетическими подходами, фундаментальными понятиями, которые становятся инструментами научных исследований. При этом воспринимающей стороной может стать и смежная наука» [Никитина 1993, с. 248]. Оставаясь в первую очередь оригинальными мыслителями, В.В. Розанов, Е.Н. Трубецкой и Б.П. Вышеславцев своими «трудами на фольклорную тему» не только внесли существенный вклад в развитие философской мысли в России, но объективно обогатили и такую научную дисциплину, как фольклористика. Двадцатый век предложил русскому социуму фольклорную альтернативу преодоления жесткого кризиса русской культуры. Значение фольклорной альтернативы той эпохи огромно и заключалось в том, что она сыграла важную роль в культурно-историческом осмыслении произошедшей в России социально-культурной катастрофы, сумела сохранить приоритет общечеловеческих ценностей и одновременно преданность национальным интересам. Народно-поэтическое творчество русского народа стала осознаваться как новая (фольклорная) альтернатива, которая помогла русской культуре сохранить морально-этический баланс в сложном переплетении социально-этических вопросов в кризисную эпоху, когда на нее реально воздействовали взаимоисключающие идейные течения и мировоззренческие установки.

Литература и источники

- Баврин 2003 — Баврин И.И. Сельский учитель С.А. Рачинский и его задачи для умственного счета. М., 2003.
- Бажов 2011 — Бажов С.И. Русский национальный характер как тема религиозно-философской мысли русского зарубежья в 20–50-х гг. XX в. // История философии. М., 2011. № 16. С. 208–224.

- Богданов 1989 — *Богданов В.В.* Этнография в истории моей жизни. М., 1989.
- Вышеславцев 1996 — *Вышеславцев Б.П.* Русский национальный характер // Вопросы философии. 1996. № 6. С. 112–117.
- Генисаретский 2001 — *Генисаретский О.И.* Навигатор: методологические расширения и продолжения. М., 2001.
- Зеньковский 1991 — *Зеньковский В.В.* История русской философии. Л., 1991. Т. 2. Ч. 2.
- Лавров 2007 — *Лавров А.В.* Русские символисты: этюды и разыскания. М., 2007.
- Лосев 2001 — *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». М., 2001.
- Михайлик 2005 — *Михайлик Елена.* «Гренада» Михаила Светлова: «откуда у хлопца испанская грусть?» // Новое литературное обозрение. 2005. № 75.
- Налепин 1993 — *Налепин А.Л.* В.В. Розанов и народная культура // Контекст-1992. Литературно-теоретические исследования. М., 1993. С. 101–127.
- Налепин 2009 — *Налепин А.Л.* Два века русского фольклора: Опыт и сравнительное освещение подходов в фольклористике России, Великобритании и США в XIX–XX столетиях. М., 2009.
- Налепин, Померанская 2013 — *Налепин А.Л., Померанская Т.В.* Розанов@etc. ru. Псков, 2013.
- Налепин, Щербакова 1995 — *Налепин А.Л., Щербакова О.Ю.* Солдатский песенник // Российский архив. М., 1995. Т. 6. С. 472–487.
- Никитина 1993 — *Никитина С.Е.* Н.С. Трубецкой и исследование устной народной культуры // Н.С. Трубецкой и современная филология. М., 1993. С. 248–256.
- Ончуков 1926 — *Ончуков Н.Е.* Что и как записывать по народному творчеству // Краеведение. 1925. № 3/4. С. 269–284.
- Пушкин 1978 — *Пушкин А.С.* О народности в литературе (черновой набросок) // *Пушкин А.С.* Полное собр. соч. в 10 томах. Изд. 4-е. Л., 1978. Т. 7. С. 28–29.
- Розанов 1901 — *Розанов В.В.* Первые шаги отечествоведения // Новое время. 1901. 17 октября.
- Розанов 1902 — *Розанов В.В.* Пол и душа // Новое время. 1902. 4 апреля.
- Розанов 1910 — *Розанов В.В.* О вещах бесконечных и конечных (По поводу несостоявшегося «отлучения от церкви» писателей) // Русское слово. 1910. 13 октября.
- Розанов 1914 — *Розанов В.В.* Апокалипсическая секта (Хлысты и скопцы). СПб., 1914.
- Розанов 1917 — *Розанов В.В.* Что такое народ теперь? // Новое время. 1917. 20 апреля.
- Розанов 1918 — *Розанов В.В.* Таинственные соотношения // Книжный угол. 1918. № 4. С. 8–10.
- Розанов 1993 — *Розанов В.В.* Первые шаги отечествоведения // Контекст-1992. Литературно-теоретические исследования. М., 1992. С. 56–69.
- Розанов 2000 — *Розанов В.В.* Собрание сочинений. М., 2000. Т. 12. Апокалипсис нашего времени.

- Розанов 2005 — *Розанов В.В.* Собрание сочинений. М., 2005. Т. 20. Загадки русской провокации. Статьи и очерки 1910 г.
- Розановская энциклопедия 2008 — *Розановская энциклопедия* / Сост. и гл. ред. А.Н. Николюкин. М., 2008.
- Сапов 2011 — *Сапов В.В.* Князь Е.Н. Трубецкой. Очерк жизни и творчества // *Трубецкой Е.Н.* Смысл жизни. М., 2011. С. 433–445.
- Слонимский 1915 — *Слонимский Н.Л.* Солдатские письма (Новая книга З. Гиппиус) // Журнал журналов. 1915. № 33, декабрь. С. 10–11.
- Трубецкой 1919 — *Трубецкой Е.Н.* Звериное царство и грядущее возрождение России. Ростов-на-Дону, 1919.
- Трубецкой 1921 — [Без автора.] Трубецкой Е.Н. Некролог // Русская книга. 1921. С. 32.
- Трубецкой 1922 — *Трубецкой Е.Н.* «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке. М., 1922.
- Трубецкой 1991 — *Трубецкой Е.Н.* Звериное царство и грядущее возрождение России // Кубань. 1991. № 2. С. 60–68.
- Трубецкой 2011 — *Трубецкой Е.Н.* «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке // *Трубецкой Е.Н.* Смысл жизни. М., 2011. С. 386–430.
- Трубецкой 2011а — *Трубецкой Е.Н.* Смысл жизни // *Трубецкой Е.Н.* Смысл жизни. М., 2011. С. 7–296.
- Федотов 1935 — *Федотов Г.П.* Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). Париж, 1935.
- Федотов 1991 — *Федотов Г.П.* Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам / Отв. ред. А.Л. Топорков. М., 1991.
- Федякин 2002 — *Федякин С.Р.* Сокровенный труд Розанова // *Розанов В.В.* Собрание сочинений. М., 2002. Т. 14. Возрождающийся Египет. С. 492–499.
- Федякин 2014 — *Федякин С.Р.* Уединенное // Русская философия. Энциклопедия. М., 2014. С. 657–659.
- Хренов 2007 — *Хренов Н.А.* Публика в истории культуры. Феномен публики в ракурсе психологии масс. М., 2007.
- Эткинд 1998 — *Эткинд А.* Хлыст: Секты, литература и революция. М., 1998.
- Jung 1958 — *Jung C.G.* Wandlungen und Symbole des Libido. Z.-Stuttg., 1958 (*Jung C.G.* Gessammelte Werke. Bd. 1).

**Духовный кризис эпохи и поиски фольклорной альтернативы
в творчестве русских мыслителей первой трети XX века.
(В.В. Розанов, Е.Н. Трубецкой, Б.П. Вышеславцев)**

Статья посвящена изучению выбора фольклорного вектора философских исследований в трудах выдающихся русских философов первой трети XX столетия (В.В. Розанов, Е.Н. Трубецкой, Б.П. Вышеславцев). Статья вводит в научный оборот новые материалы, исследует особенности осознанного выбора

именно фольклорной альтернативы, что было важно как для русской философии, литературы и культуры, так и для отечественной фольклористики.

Ключевые слова: русский фольклор, этнология, фольклористика, волшебная сказка, Серебряный век, Розанов, русская философия.

**Spiritual Crisis of the Epoch and the Search for Folklore Alternatives
in the Works of Russian Thinkers
of the First Third of the XXth Century
(V.V. Rozanov, E.N. Troubetzkoy, B.P. Vysheslavitsev)**

The paper studies the choice of folk vector in the philosophical studies of prominent Russian philosophers in the first third of the twentieth century (Vasily Rozanov, Evgeny Troubetzkoy, Boris Vysheslavitsev). The article introduces the scientific revolution of new materials and explores the characteristics of conscious choice of the folklore alternative. It was important for Russian philosophy, literature and culture, as well as for national folklore studies.

Keywords: Russian folklore, ethnology, the study of folklore, fairy tale, Silver Age, Rozanov, Russian philosophy.

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И РЕЦЕПЦИИ
«МОРФОЛОГИИ СКАЗКИ» В.Я. ПРОППА

Доклад В.Я. Проппа
«Морфология русской народной сказки»

(вступительная статья, подготовка текста
и комментарии Н.Г. Комелиной)

В русской и мировой фольклористике имя В.Я. Проппа остается актуальным на протяжении многих десятилетий. Поэтому любые новые факты, проливающие свет на создание им революционной «Морфологии сказки», заслуживают внимания. В фонде братьев Ю.М. и Б.М. Соколовых в РГАЛИ сохранились протоколы различных заседаний, среди которых Протокол № 17 заседания Сказочной комиссии от 12 февраля 1926 г. На этом заседании В.Я. Пропп сделал доклад «Морфология русской народной сказки». В настоящей публикации представлены два документа: резюме доклада Проппа, написанное им, а также протокол обсуждения, который вела секретарь Сказочной комиссии Н.П. Гринкова.

В предисловии к «Морфологии сказки» В.Я. Пропп пишет: «Наши научные учреждения оказали мне широкую поддержку, дав возможность обменяться мыслями с более опытными работниками науки» [Пропп 1928, с. 7] и упоминает об обсуждении своей работы в Сказочной комиссии Русского географического общества (далее — РГО). В отчете Н. П. Гринковой о работе Сказочной комиссии за 1924–1925 гг. имя В.Я. Проппа не упоминается [Гринкова 1926]. В 1927 г., как говорится в кратком отчете¹, «В.Я. Проппом сделано сообщение по вопросу морфологии сказки: “Функции волшебного помощника”» [Краткий отчет 1928, с. 5]. В этом же году в издании РГО выходит его статья «О составлении алфавитных указателей к собраниям сказок» [Пропп 1928а], в которой отражен опыт работы над «Морфологией сказки». Пропп дает практические советы по строго научному составлению указателя. В речи на юбилее весной 1965 года В.Я. Пропп вспоминает, что, нуждаясь в научном общении в процессе написания «Морфологии сказки», он познакомился с академиком С.Ф. Ольденбургом, председателем Сказочной комиссии. Пропп пишет: «Он был энтузиаст сказки, любил ее, пожалуй, больше всего на свете. “Сказочная комиссия” собиралась у него в кабинете два-три раза в месяц. Она состояла из пяти-шести человек энтузиастов. Меня он попросил выступить с докладом. Доклады, беседы, которые там велись, блестящие резюме, которые он давал, и стали моей и научной, и человеческой школой, тут я рос как ученый» [Пропп 2002, с. 360].

По-видимому, сотрудничество ученого со Сказочной комиссией началось в 1926 г. и активно развивалось в последующие годы.

Публикация выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для молодых кандидатов наук: МК-3884.2014.6.

¹ Отчет опубликован анонимно, но очевидно составлен Н.П. Гринковой.

Т.Г. Иванова, оценивая деятельность комиссии в этот период, пишет: «...интенсивность работы этого учреждения в области фольклористики, при всем уважении к его заслугам, не может сравниться с активностью, которую проявили новые институты, возникшие в послеоктябрьскую эпоху» [Иванова 2009, с. 258]. Т.Г. Иванова считает, что более плодотворным было сотрудничество В.Я. Проппа в 1920-е гг. с фольклорной секцией Государственного института истории искусств (ГИИИ). В своей монографии «История русской фольклористики XX века: 1900 — первая половина 1941 г.» Т.Г. Иванова приводит тезисы некоторых докладов Проппа и сведения об их обсуждении в ГИИИ: «Великорусские кумулятивные сказки», «Трансформации волшебных сказок», «Некоторые комментарии о Золушке и Буренушке», «Происхождение мотива о чудесном рождении». Наиболее близкий к публикуемому нами тексту доклад был прочитан В.Я. Проппом 21 февраля 1927 г. и назывался «Методы сравнительного изучения волшебных сказок». В тезисах ученый насчитывает «около 30 функций»², в обсуждении эта цифра уточняется — 27 функций. При обсуждении доклада сомнения вызвала абстрактная схема сказки, предложенная ученым. А.И. Никифоров высказал сомнения в возможности ее существования, В.М. Жирмунский считал ее искусственным созданием «для удобства исследователя», а В.Н. Перетц полагал, что она «хороша лишь как методологический прием» [Иванова 2009, с. 294–295].

Свою концепцию Пропп впервые печатно изложил в заметке «Морфология русской волшебной сказки», помещенной в обзоре работ Сказочной комиссии за 1926 г. [Пропп 1927]. Приводим текст заметки полностью:

Морфология русской волшебной сказки **В.Я. Пропп**

Под таким заглавием автором настоящей заметки закончено исследование, посвященное сравнению волшебных сказок с точки зрения их строения. Исследование исходит из наблюдения, что самые разнообразные сказочные персонажи в различных сказках действуют одинаково. Так, испытывать и награждать героя могут и яга, и леший, и медведь, и встречный старичок и т. д. Атрибуты действующих лиц меняются, меняется способ осуществления функций (различны, напр., способы испытания), но функции, как таковые, повторяются. Одинаковые функции встречаются в самых разнообразных сюжетах. Это наблюдение заставляет нас изучать сказки по функциям действующих лиц. Наблюдаемая повторность их приводит к предположению, что число этих функций

² Как и в заметке 1927 г. «Морфология русской волшебной сказки» [Пропп 1927].

для волшебной сказки вообще весьма ограниченно. Чтобы проверить это предположение, следует прежде всего выделить эти функции. На анализе 100 сказок Афанасьевского сборника (№ 50 по 151 вкл.) выясняется, что можно зафиксировать лишь около 30 функций. Эти данные подтверждаются материалом других сборников.

После выделения функций возникает вопрос: в какой последовательности и в каких группировках встречаются эти функции? Наблюдение показывает, что последовательность этих функций всегда одинакова. Есть колебания, есть обращенные последовательности, но это не дает права говорить о наличии нескольких систем. Система лишь одна. Расположение всех функций в том порядке, в каком они имеются в сказках (итоговая схема), дает один стройный и последовательный рассказ, образующий морфологическую основу данного разряда сказок. Что касается группировок функций, то по отношению к найденной схеме отдельные сказки представляют собой неполную основу. Таким образом, все сказки данного разряда оказываются однотипными по своему строению. Подтипы могут определяться по наличию и отсутствию в них тех или иных функций. Невозможным оказывается распределение по постоянным связям разновидностей отдельных функций (т. е. по сюжетам и вариантам в общепринятом смысле слова), так как каждая из сказочных функций может варьировать и метаморфировать независимо от других. Из этого правила исключаются лишь парные функции, как запрет — нарушение, бой — победа, погоня — спасение, так как здесь разновидность первой половины вызывает соответствующую разновидность второй. Исходя отсюда, все сказки данного разряда должны рассматриваться как цепь вариантов³. Отсюда вытекает и недопустимость отдельного сравнительного изучения так называемых сюжетов. Ни один из них не может изучаться без других, так как составные части одного сюжета входят и в другие.

В связи с этими наблюдениями можно поставить вопрос о распределении на разряды действующих лиц. Оказывается, что можно установить 6 категорий их: 1) вредители, 2) посредники (взывают о помощи и пр.), 3) носители движения или герои, 4) дарители, 5) помощники, 6) искомые персонажи.

Всеми этими данными можно пользоваться для точного определения разряда волшебных сказок. Разряд этот оказывается чрезвычайно широким. К нему, кроме тех сказок, которые давно определены как волшебные, принадлежат также некоторые из сказок, в которых действующими лицами являются исключительно животные, а также ряд так называемых легенд [Пропп 1927].

³ Этим объясняется неразрешимость спора о количестве имеющихся в сказочном запасе сюжетов и условность распределения материала по типам. — *Прим. В.Я. Проппа.*

В архивном резюме доклада на заседании Сказочной комиссии ученый говорит, что морфология хотя и позволяет изучать сказку в целом, однако служит подготовительным этапом для исторического исследования жанра. Классификации, понятой морфологически, должна предшествовать характеристика сказки, то есть установление и регистрация ее признаков. Признаки действующих персонажей Пропп разделяет на функциональные и атрибутивные. Исследователь кратко сообщает о персонажах: герое, испытателях, дарителях, могучих помощниках, враге-вредителе и «искомом персонаже». Он выявляет закономерность в последовательности 22 функций для фантастической сказки при помощи сравнительных таблиц. Вводит термин «просказка», под которым понимает сконструированную теоретическую сказку. Максимально приближенной реализацией ее является сказка о похищении змеем царевны. Для анализа им привлечены 100 волшебных сказок из сборника А.Н. Афанасьева [Афанасьев 1913–1914]⁴. Однако Пропп называет свои выводы предварительными из-за использования ограниченного материала.

Заметны колебания ученого в формулировке заглавия своего исследования. С.Ю. Неклюдов в статье «В.Я. Пропп и “Морфология сказки”» пишет: «Уместно напомнить, что поначалу книга имела заголовки “Морфология волшебной сказки”, а первое предварительное сообщение о результатах исследования именовалось еще точнее — “Морфология русской волшебной сказки”». Однако уже тогда, вероятно, стало ясно, что итог работы много превышает первоначальный замысел, в результате чего появилось окончательное название — обобщенное и лаконичное» [Неклюдов 1995, с. 29]. Судя по названию доклада — «Морфология русской народной сказки», Пропп изначально предполагал довольно широкие границы своего исследования, распространяя его выводы целиком на жанр сказки в русской традиции.

Сравнивая публикуемые нами текст тезисов и отчет о докладе, представленный в обзоре работ «Сказочная комиссия в 1926 г.», с текстом первого издания «Морфологии сказки», можно отметить некоторые отличия, свидетельствующие о движении мысли ученого. В тезисах Пропп говорит о 22 функциях, в отчете сообщается более обтекаемо: «около 30 функций» (видимо, имеется в виду 27)⁵, в монографии речь идет о 31 функции. В тезисах не указано распределения

⁴ Наиболее вероятно, что именно это издание использовал В.Я. Пропп в первом издании «Морфологии сказки». Во втором издании его книги (1969) нумерация сказок дана по изданию сборника Афанасьева 1957 года [Афанасьев 1957], а в приложении приведен список соответствий между нумерацией дореволюционных изданий сказок Афанасьева и нумерацией последующих изданий.

⁵ См. о докладе Проппа в ГИИИ 21 февраля 1927 года в книге Т.Г. Ивановой [Иванова 2009, с. 294–295].

функций по персонажам; в отчете 6 действующих лиц, а в монографии — 7 (добавляется ложный герой). Отличия заключаются еще в том, что в кратком отчете Пропп выделяет «посредников», а в монографии — отправителя.

Обсуждение работы Проппа в «Сказочной комиссии» позволяет понять восприятие его теории научным сообществом 1920-х гг. В целом работа Проппа как исследование формальной организации волшебной сказки была принята учеными положительно. Сам Пропп и его коллеги говорили о необходимости осуществить вслед за морфологическим — генетическое исследование жанра.

Приведем краткую рецензию Р.О. Шор, опубликованную в 1928 году в периодическом издании «Печать и революция»:

Шор Р. В. Пропп. Морфология сказки. Изд. «Academia». Л., 1928. (Государственный институт истории искусств. Вопросы поэтики XII в.) С. 152. Тир. 1600 экз. Ц. 1 р. 80 к.

Одним из основных вопросов фольклористики вообще и исследования сказок (Märchenforschung) в частности является вопрос о принципах описания огромного сказочного материала, собранного почти полутора-вековым прилежанием собирателей всех стран. Характерные особенности объекта — бесконечная множественность вариаций и в то же время ошутительная статичность тематики — невольно направляют исследование от литературоведческого анализа конкретного материала к сравнительному изучению его отдельных (преимущественно тематических) элементов. Но именно здесь и встает во всей остроте вопрос о тематической единице — о том элементе сказочной тематики, который должен служить основанием для многообразных сопоставлений и обобщений.

Сравнительное изучение сказок колеблется в определении этой единицы: в то время как северная школа фольклористов⁶ настаивает на исконности сказочного типа (т. е. сюжета или комплекса сюжетов в целом) и на возможности реконструировать его сопоставлением исторически засвидетельствованных вариантов, некоторые другие исследователи⁷ склонны рассматривать сюжет лишь как более или менее случайный конгломерат более мелких единиц — мотивов.

Развитию и углублению учения о мотиве как об основной единице сказочной тематики и распределению сказочных мотивов на основные группы и посвящена разбираемая книга. Отрицая «органическую цельность сказочных сюжетов», настаивая на необходимости исследования сказок «по дробным составным частям», автор в качестве важнейшей

⁶ Ср.: К. Krohn. «Die folkloristische Arbeitsmethode». Oslo, 1926. — Прим. Р.О. Шор.

⁷ Ср.: К. Spiess. «Das deutsche Volksmärchen». Lpz., 1917. — Прим. Р.О. Шор.

группы мотивов, подлежащих изучению, выдвигает группу «функций», т. е. «поступков действующих лиц, определенных с точки зрения их значимости для хода действия». «Постоянными, устойчивыми элементами сказки, — утверждает автор, — служат функции действующих лиц, независимо от того, кем и как они выполняются. Они образуют основные составные части сказки» (с. 30–31).

Наряду с группой «функций» — постоянных сказочных мотивов, автор выделяет группы других мотивов, более подверженных вариациям: это «связки», т. е. «элементы, служащие для связи функций между собой», «мотивировки» и, наконец, «сказочные персонажи», при изучении которых могут быть разграничены их «функции», «номенклатура» и «атрибуты» <так!>. Таким образом, классификация мотивов, предлагаемая В. Проппом, опирается не просто на тематику, но и на композицию сюжета⁸.

Эта четкость классификации мотивов является безусловным достоинством «морфологии сказки» и свидетельствует о хорошей литературоведческой школе, проделанной ее автором. Не менее ценно и отчетливое отделение статистического описания сказки от генетического ее изучения; предлагаемое автором дробление на тематические элементы и их классификация должны облегчить именно статистическое описание сказки.

К сожалению, молодой автор не вполне последовательно пытается несколько раз осветить и проблемы сказочной генетики — мифические и бытовые истоки сказки, социальный круг ее бытования, ее взаимоотношения с письменной литературой, ее древнейшие сюжетные формы⁹.

Но не говоря уже о том, что материал, проработанный автором (сто сказок собрания Афанасьева), слишком ограничен, чтобы обосновать подобные экскурсы, выдвигаемый им метод дробления на тематические элементы является исключительно методом статического описания, методом каталогизации сказочного материала. Действительно, если признание органически цельных сюжетных протипов позволяет северной школе фольклористов географически и этнически их приурочивать и намечать их дальнейшие миграции и связанные с этим вариации, то отказ от этой гипотезы совершенно закрывает пути для генетического изучения сказки как некоторого целого. Поэтому-то — в своих генетических экскурсах — автор принужден то подменивать сюжетные схемы логическими¹⁰, то просто высказывать положения, не вытекающие из прорабо-

⁸ Ср. аналогичное различие «Moment» и «Motiv» в терминологии К. Кроппа. — Прим. Р.О. Шор.

⁹ Ср. «Морфология сказки», стр. 77, 84, 95, 98, 100, 109, 113, 117, 126. — Прим. Р.О. Шор.

¹⁰ Ср.: Морфология сказки, с. 31, 113, 122. — Прим. Р.О. Шор.

танного им материала, а почерпнутые из других источников¹¹. Нельзя не пожелать, чтобы в дальнейшем в своей работе автор или отбросил эти построения или подвел под них достаточное обоснование. Было бы желательно также, чтобы автор более отчетливо формулировал свою позицию по отношению к северной школе, в частности к работе К. Krohn «Die folkloristische Arbeitsmethode», почему-то им не упоминаемой.

Отмеченные непоследовательности отнюдь не лишают значения основную часть работы В. Проппа — классификацию сказочных мотивов, интересную и ценную для всякого собирателя и исследователя сказок [Шор 1928].

В рецензии на «Морфологию сказки» Р. Шор отмечает, что Пропп, в отличие от западных ученых, считает основной единицей сказочной тематики мотив. Ценным автор отзыва находит отделение «статистического» описания¹² от генетического изучения, а также отмечает четкость классификации мотивов. Недостатками работы молодого автора Шор называет слабость генетических экскурсов (относительно мифических и бытовых истоков сказки и др.) [Шор 1928].

Критика термина «просказка», с одной стороны, как отвлеченной схемы, а с другой стороны, как праформы — реконструкции древнейшего типа сказки — встречается как в обсуждении докладов 1926 и 1927 гг., так и в рецензии В.Н. Перетца на монографию [Перетц 1930]. При обсуждении доклада Д.К. Зеленин делает замечание относительно неясности термина «просказка» и предлагает под ним понимать схему, «а не древнейшую сказку, из которой развилась современная сказка». Н.П. Андреев не согласен с тем, что «тема о похищении дочери царя змеем является “просказкой”». В.Н. Перетц вполне согласен с мыслью Проппа, что повторяющиеся формы создают определенный «сказочный канон», однако оговаривает, что «отсюда еще далеко до того, чтобы надежда Проппа — “построить праформу волшебной сказки — не только схематически, но и конкретно” (с. 98) — осуществилась. Про это, как нам кажется, говорить преждевременно и едва ли не утопично: сказка не застывший организм, а вечно живой, который творится заново, хотя бы и по принципу сочетания уже известных функций; но все ли эти функции были свойственны “праформе”?» [Перетц 1930, с. 190]¹³.

Во всех откликах на работу Проппа встречается упрек в том, что автор ограничивает свой материал ста текстами из сборника А.Н. Афанасьева. При обсуждении 1926 года пожелание привлечь

¹¹ Ср.: Морфология сказки, с. 77, 98, 100, 109, 118, 126. — Прим. Р.О. Шор.

¹² Имеется в виду статическое (синхронное) изучение.

¹³ Цитируется по переводу рецензии Перетца на русский язык, опубликованному в наст. изд.

дополнительный сказочный материал высказывал А.И. Никифоров. Н.П. Гринкова советовала использовать также варианты сказок из сборника Афанасьева. С.Ф. Ольденбург считал, что этот сборник содержит специфически подобранный материал, и рекомендовал рассмотреть более поздние русские сказки, а также «обратиться к другим, менее культурным народам». В своем отзыве В.Н. Перетц говорил о невозможности построения теории на основе сборника Афанасьева, так как критически относился к этому источнику и отмечал его «литературность».

В тезисах доклада 1926 г. есть фраза: «Существующие попытки построения морфологии неудовлетворительны, нарушая элементарные правила классификации и внося ее в материал произвольно». Вероятно, В.Я. Пропп имел в виду книгу Р.М. Волкова о сказке [Волков 1924], в которой говорилось о необходимости изучения формы, стиля и сюжетосложения фольклорных жанров и формулировались задачи «наблюдения над сюжетосложением сказки в целом» и установления «сказочных мотивов и сюжетов» [Волков 1924, с. 5]. Р.М. Волков выделял 15 сюжетов в фантастической сказке (о невинно гонимых, о героине-дурне, о трех братьях и др.). Пропп находит, что основания для подобного деления случайны (в первом сюжете по завязке, во втором по характеру героя, в третьем по количеству героев и т. д.), и не считает предложенную Волковым классификацию научной [Пропп 1928, с. 16]. Пропп полагал, что деление сказок по сюжетам невозможно. Он писал: «Роковая ошибка Волкова: “Сказочный сюжет и есть та постоянная единица, из которой единственно возможно исходить в изучении сказки” (“Сказка” стр. 5). Ответим: сюжет не единица, а комплекс, он не постоянен, а изменчив, исходить из него в изучении сказки нельзя» [Пропп 1928, с. 21].

Одновременно с В.Я. Проппом изучение формальной организации сказки вел ленинградский сказковед А.И. Никифоров, сотрудничавший с ГИИИ. А.И. Никифоров, указавший в обсуждении, что «им ведется аналогичная работа над русской сказкой, в которой он приходит почти к тем же выводам, что и докладчик», опубликовал в 1928 г. статью «К вопросу о морфологическом изучении народной сказки» [Никифоров 1928]. А.И. Никифоров в этой статье предлагает выводы неоконченного исследования. Под морфологическим анализом он понимал «метод сближения разных, далеких друг от друга, мало схожих сюжетов, с целью обнаружения общих конструктивно творческих основ в их изложении и бытовании» [Никифоров 1928, с. 174]. Термин «морфология» автор статьи понимал с лингвистической точки зрения. Например, среди закономерностей структуры сказки он выделял закон категориальной или грамматической формовки действия. «Он состоит в том, что частные сказочные действия складываются в единый ход по категориям, аналогичным морфологическим кате-

гориям словообразования в языке. Если взять в варианте отдельный законченный круг действия <...>, то окажется, что в нем есть ядровое (корневое) действие и тяготеющие к нему в порядке предшествования (префиксальные) и в порядке следования (суффиксальные и флексийные) действия, причем связь всех аффиксов с ядром не просто логически-причинная, а именно категориально данная традиционным бытованием» [Никифоров 1928, с. 175]. С теорией Проппа перекликается выделение Никифоровым функций персонажей. Он пишет: «Группировка частных функций главного персонажа и вторичных персонажей в некоторое количество комбинаций по принципу свободных сочетаний и составляет основную пружину сказочного сюжетосложения» [Никифоров 1928, с. 176]. Исследователь выделяет вторичные и стержневые персонажи, а по главным персонажам делит сказки на мужские, женские и нейтральные. Последнее он советовал сделать и Проппу (см. обсуждение). Рассуждения Никифорова относятся к жанру сказки в целом и включают в себя шванки, сказки о глупцах и пр.

Изучению рукописных материалов к исследованию Никифорова и сравнению «двух морфологий сказки» посвящена статья Е.А. Костюхина [Костюхин 1999]. Он считает, что в основе биологических метафор в обоих случаях лежат идеи культурно-исторической школы И. Тэна. Если у Проппа идея морфологии восходила к биологии, то Никифоров был непоследователен и колебался между морфологией биологической и лингвистической. В целом Костюхин оценивает работу Никифорова как «творческую неудачу большого ученого» [Костюхин 1999, с. 302].

Предшественники Проппа, занимаясь формальным исследованием сказки, обращались к данным литературоведения и лингвистики, и шире — гуманитарных дисциплин. В.Я. Пропп — к естественнонаучным¹⁴. Приведем большую цитату из статьи «Трансформации волшебных сказок»:

Изучение сказки во многих отношениях может быть сопоставлено с изучением органических образований в природе. Как натуралист, так и фольклорист имеет дело с видами и разновидностями одинаковых по сущности явлений. Вопрос о «происхождении видов», поставленный Дарвиным, может быть поставлен и в нашей области. Сходство явлений как в царстве природы, так и у нас, не поддается непосредственному, точно объективному и абсолютно убедительному объяснению. Оно представляет собой проблему. Как здесь, так и там возможны две точки зрения: или внутреннее сходство двух внешне не связанных и не связуемых явлений не возводится к общему

¹⁴ О биологических метафорах в русском формализме см. [Davydov, Steiner 1977].

генетическому корню — теория самостоятельного зарождения видов, или это морфологическое сходство есть результат известной генетической связи — теория происхождения путем метаморфоз или трансформаций, возводимых к тем или иным причинам [Пропп 1928а, с. 70].

Элементы волшебной сказки, подлежащие сравнению, соответствуют в зоологии «сравнению позвонков с позвонками, зубов с зубами и т.д.». При этом, однако, имеются и различия. В зоологии «изменение одной части или одного признака ведет за собой изменение другого признака, в сказке каждая часть может изменяться независимо от других частей» [Пропп 1928б, с. 70]. В 1920-е гг. язык науки и научная мысль в целом претерпели большие изменения. Стремление Проппа к точности исследования привело его к использованию терминологического аппарата естественных наук (ботаника и зоология), а также использованию метафор природного мира применительно к фольклорным жанрам. С одной стороны, такая метафорика характерна для предшествовавшего периода. Народ, общество, язык на протяжении XIX в. описывались как живые организмы. Фольклор также представлялся как органическое образование, которое рождается, растет, испытывает период расцвета, упадка, умирает, перерождается и пр. С другой стороны, можно с осторожностью предположить, что на биологическо-зоологическую подоплеку морфологии сказки могла повлиять и физическая антропология, развивавшаяся в начале XX века (например, в работах и университетских курсах С.И. Руденко), и деятельность Н.Я. Марра, и теория этноса С.М. Широкогорова¹⁵.

Публикуемый нами текст, по-видимому, является хронологически одним из первых документов, свидетельствующих о публичном обсуждении «Морфологии сказки». В тезисах доклада отражены в целом основные идеи исследования В.Я. Проппа. Неустоявшимися к 1926 г. являлись следующие элементы: название работы («морфология сказки / волшебной / русской народной»), говорящее о желании применить теорию не только к волшебной сказке, но и к жанру сказки в целом; количество функций (в 1926 г. — 22 функции, в 1927 г. — 27 функций, в 1928 г. — 31 функция); вопрос о целесообразности морфологического описания и генетического изучения

¹⁵ Об осмыслении С.М. Широкоговым развития этносов в виде молекулярных структур в сравнении с подходами ученых 1970-х гг. говорилось в докладе Д. Арзютова «Политика этнографической лаборатории: сибирский ландшафт и книга "Народы Сибири"» на семинаре 19 февраля 2014 г. «Религиозный национализм: дискурсы и практики» в Высшей школе экономики (Санкт-Петербург). Е. Головкин на конференции в апреле 2015 г. «Антропология, фольклористика, социолингвистика» (ЕУСПб, Санкт-Петербург) прочитал лекцию «Экология языка и языковая смерть. О биологических метафорах в (социо)лингвистике».

жанра в рамках одного научного исследования. В процессе обсуждения работы критике подвергаются высказывания Проппа о происхождении сказки и попытки выявить ее генезис (в рецензиях на «Морфологию сказки» и замечаниях Д.К. Зеленина, Н.П. Андреева при обсуждении 1926 г.).

Текст публикуется по машинописи: РГАЛИ. Ф. 483 (Соколовы Ю.М., Б.М.). Оп. 1. Ед. хр. 269. Л. 200–201об. «Протоколы заседаний, тезисы докладов, явные листы и смета фольклорной подсекции литературной секции Государственной академии художественных наук. Машинопись, рукопись. 1924–1925–1926».

В архивном документе протокол обсуждения (л. 200) предшествует резюме доклада (л. 201–201об). Однако при публикации логичнее текст доклада поместить перед стенограммой обсуждения, что мною и было сделано. Сокращения раскрыты в угловых скобках, подчеркивания переданы курсивом. Фамилии выступающих на обсуждении даны разреженным шрифтом.

Протокол № 17
Заседания Сказочной комиссии 12 февраля 1926 г.
под председательством С.Ф. Ольденбурга при Секретариате
Н.П. Гринковой

Присутствовали: Н.П. Андреев, Д.К. Зеленин, Д.А. Золотарев, А.И. Никифоров, Н.Е. Ончуков, В.Я. Пропп, М.М. Серова, В.И. Чернышов, Н.М. Элиаш.

1. Заслушано сообщение В.Я. Проппа: «Морфология русской народной сказки» (тезисы прилагаются).

Резюме доклада: В.Я. ПРОПП
«Морфология русской народной фантастической сказки»
12 февраля 1926 г.

Морфологическое изучение сказки важно потому, что морфология дает возможность изучать сказку *в целом*. Значение морфологии — служебное, создание ее подготавливает изучение историческое.

Существующие попытки построения морфологии неудовлетворительны, нарушая элементарные правила классификации и внося ее в материал произвольно.

Классификации должна предшествовать характеристика. Под характеристикой подразумевается установление и регистрация признаков сказки.

Можно установить двоякие признаки действующих персонажей:

- 1) Функциональные, вытекающие из роли персонажа в ходе действия;
- 2) Атрибутивные, связанные с обликом и прочими статическими свойствами персонажа.

Функции легко переносятся с одного персонажа на другой, их немного. Морфологию следует строить на функциях независимо от атрибутов, хотя и атрибуты попутно должны быть изучены и приведены в систему. Функции могут изучаться по сделанным персонажам.

Отец героя обладает только одной специфической функцией, отсылая героя из дому <так! — Н.К.>. Чудесное рождение героя, его быстрый рост и проч. — все это статические моменты, действие развивается независимо от этих моментов. В пределах отцовского дома, как одного <так! — Н.К.> из мотивов сказки, дается завязка. Завязка создается тройко:

1). Появление[м] злого существа, наносящего ущерб, который приводит к разлуке или исчезновению;

2). Угрозой или опасностью этого ущерба;

3). Готовой ситуацией наличной недостачи. Между этими формами можно установить морфологическое родство, а по подразрядам их вести классификацию сказок.

Завязка, как правило, приводит к выходу героя из дома. Часто первый персонаж на его пути — Баба-Яга. Устанавливаются ее функции. Изучение других персонажей приводит к выводу, что целый ряд их, не обладая атрибутами Яги, исполняет ее функции. Это — персонажи испытатели и дарители.

Вслед за Ягой изучается конь. В круг функций коня опять уместается ряд персонажей — могучие помощники.

По таким же принципам изучается Змей и царевна (враг или вредитель, искомый персонаж).

Данными функциональными кругами исчерпываются функции сказочных персонажей на пути Ивана. На долю самого Ивана приходится три функции. Всех функций набирается 22.

Далее является вопрос, есть ли закономерность в последовательности функций? Обнаруживается полная закономерность. Последовательность одинакова для всех так называемых фантастических сказок. Таким образом, можно говорить о композиционном единстве сказок этого разряда.

Материал прорабатывается путем составления сравнительных таблиц. Отдельные графы тех таблиц приводят к выводу, что некоторые формы должны быть признаны основными, другие — производными. Законы изменений установлены Аарне¹⁶. Пользуясь этими законами, можно сконструировать теоретическую сказку, типовую для всех ска-

¹⁶ Видимо, имеется в виду работа Антти Аарне «Leitfaden der vergleichenden Märchenforschung» (Hamina, 1913) («Основы сравнительного изучения сказок»). В «Морфологии сказки» В.Я. Пропп ссылается только на «Указатель сказочных типов» Аарне «Verzeichnis der Märchentypen» (Helsinki, 1911) («Указатель сказочных типов»), опубликованная в серии Folklore Fellows Communications.

зок данного разряда (условный термин: просказка). Эта типовая сказка, однако, не является чистой абстракцией. Максимальное приближение к ней дают сказки о похищении змеем царевны. Детальное изучение завязки, змея и ряд других соображений и наблюдений приводят к тем же выводам. Таким образом, все сказки данного разряда могут быть рассмотрены как варианты одного сюжета и расположены по степеням¹⁷ приближения к нему.

Через таблицы проводятся подряд 100 сказок (номеров) сборника Афанасьева. К сказкам других сборников в настоящее время делается применение выводов, причем коррективов вносить не приходится. Однако, пока не изучен весь существующий материал, выводы должны считаться предварительными.

В. Пропп

В обсуждении доклада приняли участие: С.Ф. Ольденбург, Н.П. Андреев, Н.П. Гринкова, Д.К. Зеленин, А.И. Никифоров.

А.И. Никифоров указал, что им ведется аналогичная работа над русской сказкой, в которой он приходит почти к тем же выводам, что и докладчик; высказал пожелание, чтобы докладчик привлек и другой сказочный материал, кроме сборника Афанасьева; при установлении «просказки» следует делить сказки на мужские и женские, в зависимости от героя.

Д.К. Зеленин отметил важность формального изучения композиции сказки и высказал пожелание формального анализа кроме сказки <так! — Н.К.>. Термин «просказки» не совсем ясен. Д.К. Зеленин склонен под ним понимать искусственную схему, а не древнейшую сказку, из которой развилась современная сказка.

Н.П. Андреев высказал сомнение в строгости выводов, к которым приходит докладчик, в частности не согласен с тем, что тема о похищении дочери царя змеем является «просказкой».

Н.М. Элиаш указала на необходимость параллельного формального и исторического изучения сказки.

Н.П. Гринкова указала на необходимость привлечь если не все главные сказочные сборники к работе, то хотя бы варианты тех сказок, которые использованы докладчиком из сборника Афанасьева.

С.Ф. Ольденбург выразил горячее приветствие появлению такого рода работы по сказке, так как строгий метод поможет разобраться в сложных вопросах изучения сказки. С.Ф. Ольденбург не согласен с выбором материала у докладчика: использовать только сборник Афанасьева — пользоваться искусственным материалом, специфически подобранным; нужно привлечь, с одной стороны, более поздний русский материал, а также обратиться к другим, менее культурным народам.

¹⁷ Испр., в ркп.: «на степеням».

В.Я. Пропп, отвечая оппонентам, указывает, что термин «просказки» понимается им не генетически, а морфологически. Морфология — есть предварительная стадия работы, открывающая путь к историческому изучению сказки. С указанием, что афанасьевского сборника мало, докладчик согласен и собирается привлечь и другой сказочный материал.

С подлинником верно¹⁸

Секретарь Н. Гринкова

Литература и источники

Афанасьев 1913–1914 — Русские народные сказки А.Н. Афанасьева / Под ред. и с биогр. очерком А.Е. Грузинского. Изд. 4-е. М., 1913–1914. Т. 1–5.

Афанасьев 1957 — Народные русские сказки А.Н. Афанасьева / Подг. текста, предисл. и примеч. В.Я. Проппа. М., 1957. Т. 1–3.

Волков 1924 — Волков Р.М. Сказка. Разыскания по сюжетосложению народной сказки. Одесса, 1924.

Гринкова 1926 — Гринкова Н.П. Отчет о работе Сказочной комиссии за 1924–25 гг. // Сказочная комиссия в 1924–25 гг. Обзор работ / Под ред. С.Ф. Ольденбурга. Л., 1926. С. 7–9.

Иванова 2009 — Иванова Т.Г. История русской фольклористики XX века: 1900 — первая половина 1941 г. СПб., 2009.

Костюхин 1999 — Костюхин Е.А. Две «Морфологии сказки»: В.Я. Пропп и А.И. Никифоров // Русский фольклор. Т. 30. Материалы и исследования. СПб., 1999. С. 302–307.

Краткий отчет 1928 — Краткий отчет о деятельности Сказочной Комиссии в 1927 году // Сказочная комиссия в 1927 г. Обзор работ / Под ред. С.Ф. Ольденбурга. Л., 1928. С. 5.

Неклюдов 1995 — Неклюдов С.Ю. В.Я. Пропп и «Морфология сказки» // Живая старина. 1995. № 3. С. 29–30.

Никифоров 1928 — Никифоров А.И. К вопросу о морфологическом изучении народной сказки // Сборник статей в честь академика А.И. Соболевского. Л., 1928. С. 173–178.

Перетц 1930 — Перетц В.Н. Новый метод изучения сказки // Етнографічний вісник. 1930. Кн. 9. С. 187–195.

Пропп 1927 — Пропп В.Я. Морфология русской волшебной сказки // Сказочная комиссия в 1926 г. Обзор работ / Под ред. С.Ф. Ольденбурга. Л., 1927. С. 48–49.

Пропп 1928 — Пропп В.Я. Морфология сказки. Л., 1928.

Пропп 1928а — Пропп В.Я. О составлении алфавитных указателей к собраниям сказок // Сказочная комиссия в 1927 г. Обзор работ / Под ред. С.Ф. Ольденбурга. Л., 1928. С. 64–78.

¹⁸ Написано от руки.

Пропп 1928б — *Пропп В.Я.* Трансформации волшебных сказок // Поэтика. 1928, № 4. С. 70–89.

Пропп 2002 — *Пропп В.Я.* Речь на юбилее весной 1965 года / Публ. А.Н. Мартыновой // Неизвестный В.Я. Пропп / Предисл., сост. А.Н. Мартыновой. СПб., 2002. С. 359–363.

Шор 1928 — *Шор Р.* [Рец.:] *Пропп В.Я.* Морфология сказки. Л., 1928 // Печать и революция. 1928. Кн. 7. С. 192–193.

Davydov, Steiner 1977 — *Davydov S., Steiner P.* The Biological Metaphor in Russian Formalism: The Concept of Morphology // SubStance. 1977. Vol. 6/7. № 16. Translation / Transformation (Summer, 1977). P. 149–158.

Доклад В.Я. Проппа «Морфология русской народной сказки»

Вниманию читателей предложены тезисы и протокол обсуждения одного из первых докладов В.Я. Проппа о морфологическом изучении русской волшебной сказки на заседании Сказочной комиссии Русского географического общества.

Ключевые слова: сказка, морфология, Сказочная комиссия, доклад, обсуждение.

V. Propp's Presentation: «Morphology of the Russian Folktale»

The readers' attention is brought to the thesis and record of discussion of one of the first Vladimir Propp's presentations on the morphological study of Russian folk tales at the meeting of the Folk-tale Commission of Russian Geographical Society.

Keywords: folktale, morphology, Folktale Commission, paper-lecture, discussion.

РЕЦЕНЗИЯ В.Н. ПЕРЕТЦА НА «МОРФОЛОГИЮ СКАЗКИ»
В.Я. ПРОППА

(вступительная статья, подготовка текста
и комментарии А.Н. Дмитриева)

Развернутый отзыв В. Перетца на ставшую впоследствии знаменитой книгу В. Проппа отражает взгляды самого рецензента на природу и эволюцию этого жанра. С идеями Проппа Перетц был хорошо знаком еще до публикации этой монографии (в частности, по работе в Институте сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока им. А.Н. Веселовского — ИЛЯЗВе). Как показала Т.Г. Иванова в недавней книге об истории русской фольклористики, работа Проппа не раз обсуждалась на заседаниях секции художественного фольклора в Государственном институте истории искусств. Протоколы этой секции ГИИИ убедительно демонстрируют интерес и внимание авторитетных ленинградских ученых (помимо Перетца, также В.М. Жирмунского) к первым шагам Проппа в области фольклористики [Иванова 2009, с. 294–296]. Так, 21 февраля 1927 года при обсуждении доклада Проппа «Методы сравнительного изучения волшебных сказок» Перетц подчеркивал важность выявления схематики сюжетных функций, но указывал на сугубо классификаторский, привносимый извне характер такого выявления; Пропп же в соответствии со своими взглядами настаивал на *органическом* характере обнаруженной им сказочной праформы. В докладах, произнесенных уже после публикации «Морфологии сказки» (1928): «Некоторые комментарии к сказкам о Золушке и Буренушке» (10 октября 1929 г.) и «Происхождение мотива о чудесном рождении» (20 марта 1930 г.), — заметен сдвиг Проппа в сторону будущих исследований генетических аспектов сказки. Этот акцент на ритуально-религиозную компоненту сказочного творчества не нашел понимания у Перетца, который — при обсуждении второго доклада — считал желательным, чтобы «в дальнейшем развитии работы центр тяжести лежал не в верованиях, а в анализе самих сказок», ибо пока у автора доклада «литературно-сказочная сторона еще мало выявлена» [Иванова 2009, с. 296].

Следует отметить, что изучением формальной стороны сказки в те же годы занимался давний (еще с 1915 г.) ученик Перетца Александр Никифоров [Никифоров 2008]. Его имя, в ряду прочих своих учеников, упомянет в посвящении к книге «Краткий очерк методологии истории русской литературы» (1922) сам Перетц. Никифоров, как и Пропп, опирался на биологические метафоры и аналогии, но так и не

Перевод М.Н. Кибальной, предисловие и комментарий А.Н. Дмитриева выполнены при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2015 г. (грант № 15-05-0055).

опубликовал рукописи своего морфологического исследования сказки (он был связан, как и Пропп, с работами ГИИИ и ИЛЯЗВа, а также Сказочной комиссии С. Ольденбурга). Реконструировавший несколько десятилетий спустя замысел Никифорова Е.А. Костюхин отмечал, что тот не считал перспективной реконструкцию праформы сказки именно путем описания и группировки сюжетных функций, как это сделал Пропп. Никифоров предпочитал такому способу реконструкции анализ мотивов [Костюхин 1999]. Оба ученых достаточно критически рассматривали попытку описания сказок, незадолго до этого предпринятую Р.М. Волковым [Волков 1924].

Сам Перетц, судя по рецензии, расценивал подход Проппа как весьма многообещающий, однако не считал его единственным или хотя бы главным способом реконструкции художественного своеобразия *любой* сказки (и тем более — *всех* сказок) [Мартынова 2006, с. 77–79]. Вместе с тем Перетц — по сравнению с другими рецензентами книги Проппа конца 1920-х (например, Розалией Шор) — позитивно отметил выявление автором устойчивых функций в сказочном сюжете, также отметив важность изучения соотношения традиции и импровизации в сказке¹.

Автор «Морфологии сказки» вспоминал о Перетце в середине 1960-х гг.:

Перетца как профессора я знал еще со студенческих лет. Меня тянуло в знаменитый семинар по методологии, но тогда я к нему не пошел. Он оттолкнул меня своей грубостью, нетерпеливостью, насмешливостью своего обращения. В студенческой среде он слыл также как убежденный женоненавистник. Но когда <...> через много лет я попал к нему в фольклорную секцию, а собиралась эта секция у него на квартире на ул. Маяковского, предо мной вдруг предстал совершенно другой человек. Это был ласковый, гостеприимный хозяин. Это был удивительный руководитель. Секция тоже состояла из 5–6 человек. Здесь читались доклады, здесь происходили оживленные прения. Меня поразило, как В[ладимир] Ник[олаевич] умел вникать во все, даже мельчайшие детали сообщений, как он умел проникать в чужую мысль и ценить ее. Женоненавистничества не было и следа. Половина членов состояла из женщин. Я помню доклад одной из сотрудниц, которая во время экспедиции текстуально точно записала игры девочек и сделала об этом очень интересный и очень женский доклад. Помню также и живой интерес и одобрение, с каким к этому докладу отнесся суровый и строгий академик. Ко мне он относился исключительно хорошо и внимательно. Он выступил оппонентом, когда

¹ См. сопоставление отзыва Перетца с другими рецензиями на первую книгу Проппа [Уорнер 2005, с. 50 и след].

«Морфология» защищалась на звание научного сотрудника², он же первый дал об этой книге развернутую статью» [Пропп 1965, с. 360–361].

Несколько слов нужно сказать и о месте публикации рецензии Перетца. Киевский «Етнографічний вісник» был выбран для этого явно не случайно: и сам Перетц, и его сотрудники с середины 1920-х годов активно печатались в этом солидном неперIODическом издании. Его редакторами были давний коллега Перетца киевский фольклорист Андрей Лобода (1871–1931) и его ученик Виктор Петров (1894–1969). В позднейшем автобиографическом очерке Петрова «Болотяна лукроза» (он был опубликован автором уже во второй половине 1940-х, когда тот находился в западной оккупационной зоне в Германии, под литературным псевдонимом «В. Домонтович») особо подчеркивалась важная роль Перетца для всего молодого поколения украинских культурных деятелей и гуманитариев конца 1910-х годов и киевского круга литераторов-«неоклассиков», среди которых было много учеников и слушателей Перетца:

Начиналась эра ученой поэзии. Поэзия превращалась в науку... Проф<ессор> Владимир Перетц был первым, кто с кафедры Киевского университета провозглашал на своих лекциях по методологии литературы: не *что*, а *как*. Не содержание, а *форма*. Не поэт-гражданин, а поэт — знаток своего ремесла [Домонтович 2000, с. 234; курсив автора]³ (пер. с укр. — А.Д.).

Помимо оригинальных работ по фольклору, признанного литературного таланта и ярких научных дарований, Петров был еще и человеком фантастических жизненных обстоятельств: в 1940-е гг. он оказался непосредственно связан и с НКВД, и с украинским национальным движением [Агеева 2006, с. 17–16; Андреев 2012]. Кстати, Перетц был официальным оппонентом диссертации Петрова о П. Кулише (Петров 1929)⁴. Принудительное реформирование и ликвидация Этнографической комиссии Всеукраинской академии наук после смерти

² Речь идет о практике присвоения званий научного сотрудника I и II разряда в 1920-е годы; при отмене степеней и диссертаций во многих институтах фактически сохранялась процедура защиты квалификационной работы (с отзывами оппонентов), какой, очевидно, и была, в случае Проппа, его «Морфология сказки». См: Дмитриев 2013, с. 125–132. Тем самым Перетц своим откликом содействовал началу собственно исследовательской карьеры Проппа.

³ Подробнее о киевском окружении Петрова, его причудливой биографии и культурной программе 1920-х см. [Агеева 2006, с. 15–16, 117–137].

⁴ См. [Перетц 1931]. О защите 11 мая 1930 г. диссертации Петрова и выступлении Перетца упоминал в одном из писем поэт и литературовед Микола Зеров [Зеров 2003, с. 1080].

А. Лободы и закрытие «Етнографічного вісника» в начале 1930-х — закономерная часть сталинской культурной революции и ликвидации очагов свободной академической и интеллектуальной жизни в республиках тогдашнего СССР [Музиченко 2002].

Академик Владимир Перетц
Новый метод изучения сказки

(В. Пропп. Морфология сказки. Вопросы поэтики.

Вып. XII. Ленинград, 1928, 12°, 151 стр.)⁵

Книги по теории литературы, касающиеся разных вопросов поэтики, часто выходят в наше время. Далеко не в таком положении устное традиционное творчество, которое обычно называют «народной словесностью». С тем большим удовольствием следует приветствовать книжку В.Я. Проппа, посвященную морфологии сказки. Материалом для нее послужил сборник сказок, а именно «волшебные» сказки сборника Афанасьева с № 50 до № 151. Сто сказок — вот его рабочий материал, которым он полагает ограничиться, учитывая частое повторение сказочных явлений в этих сказках, и поэтому автор считает, что это в плане теории верно. Конечно, против такого подхода можно возразить — при сколь угодно многих повторениях сказки Афанасьева не могут дать исчерпывающего материала, с тем чтобы проследить и выстроить главную мысль В. Проппа. Можно еще спросить, почему В. Пропп взял именно сборник Афанасьева, «литературность» которого вызывает очень серьезные сомнения. Конечно, было бы полезней и для большей обоснованности выводов В. Проппа, если бы он использовал все известные записи волшебных сказок, ограничившись прежде всего определенной национально-языковой группой: ведь среди взятых им сказок Афанасьева есть, например, белорусские. Почему, спрашивается, одни белорусские сказки попали в материал для штудий, а другие — куда более многочисленные, и, может быть, более ценные — в сборниках Романова, Федоровского⁶ и других, остались вне поля зрения исследователя. Так или иначе, — в работе использован словно бы случайно выбранный круг записей волшебных сказок. Как нам кажется, это никак не способствует «универсальности» взглядов Проппа. Да и ему самому в процессе работы приходится это иногда чувствовать, о чем мы скажем дальше.

Впрочем, В. Пропп не случайно взял именно этот материал. Перед исследователями море сказок; этим морем плывет исследователь «без

⁵ Перевод с укр. по изданию: Перетц В.Н. Нова метода вивчати казки // Етнографічний вісник. № 9. Київ, 1930. С. 187–195.

⁶ Имеются в виду посвященные сказкам тома из изданий Михаила Федоровского (1853–1923) «Lud białoruski na Rusi Litewskiej» (Kraków, 1897–1903. Т. 1–3) и Евдокима Романова (1855–1922): Романов Е.Р. Белорусский сборник. Витебск, 1887. Вып. 3; 1891. Вып. 4; Могилев, 1901. Вып. 6.

руля и без ветрил», без конца сравнивая варианты и пересказы. Наш автор справедливо пишет: «Дело не в количестве материала, а в качестве его разработки» (с. 34)⁷. Наш автор не столько доказывает свои тезисы, столько декларирует их, а впрочем, это довольно показательная черта и других работ по теории литературы нашего времени. Конечно, это частично объясняется тем, что автор предполагал дать в своей книге много такого, чего в ней нет (см. предисловие, с. 6–7). Зная, как сложно печатать научные труды в наше время, — мы радуемся, что автору удалось огласить хотя бы то, что вместились в тесные рамки его книги.

Прежде всего отметим полезные методологические замечания автора — о том, что нельзя, точнее нецелесообразно, генетически изучать сказки — не описав их перед этим систематически (с. 12, с. 23), как это делается и делалось применительно к другим литературным жанрам, в противном случае — нельзя правильно классифицировать материал; о том, что необходимо выяснить, что именно собой представляет сказка, прежде чем узнавать, откуда она происходит; о том, что нужно классифицировать сказки в соответствии с данными самого научного материала, а не согласно принципам, взятым откуда-то извне (с. 12), в противном случае сказки и не помещаются в рамках использованной классификации. Автор удачно прослеживает то, что составляющие части сказки могут без единого изменения переходить в другую сказку (с. 15), называя эту особенность сказок «перемещаемостью элементов ее» (с. 17). Поэтому он считает, что нельзя разделять волшебные сказки по сюжету, и дает меткую оценку попыткам их классифицировать. Он справедливо усматривает фатальную ошибку Р.М. Волкова, который видит в сюжете сказки «постоянную единицу», в то время как сюжет представляет собой комплекс более мелких элементов, мотивов. Тем более по Проппу и мотив нельзя разложить, а ко всему прочему, по мнению Веселовского, мотив может приурочиваться к различным сюжетам. Неподдельный вес имеют критические замечания В. Проппа об Аарне и его школе, о Бедье и других, которые работали как историки фольклора и только отчасти уделяли внимание формальным исследованиям сказок. Этим студиям и посвящена всецело книга Проппа.

Каждый научный труд интересен постольку, поскольку автор подает что-либо свое, новое. Это новое в работе Проппа заключается в том, что он определяет значение функций сказочных элементов, на которые распадается любая сказка, если ее анализировать. Автор рассуждает так: в сказках, похожих по композиции и частично по содержанию, наблюдаются величины постоянные и переменные. Изменяются названия и атрибуты действующих лиц, но не изменяются их функции.

---

⁷ Здесь и далее в цитатах из «Морфологии сказки» разрядка В.Я. Проппа.

Это дает возможность изучать сказку по функциям действующих лиц (с. 29). Повторяемость функций, как считает В. Пропп, поразительна: разные персонажи, неважно, насколько они разнообразны, — делают раз за разом то же самое; меняться же может только способ осуществления функции. Для В. Проппа в исследованиях сказок важно, что делают действующие лица, вопрос о том, кто и как делает, — занимает второстепенную роль (с. 29).

Эти функции действующих лиц и являются теми составными частями, которыми Пропп предлагает заменить «мотивы» Веселовского и элементы Бедье.

А впрочем, следует отметить, что «под функцией понимается поступок действующего лица, определенный с точки зрения его значения для хода действия» (с. 31). Действительно, наблюдения над рассматриваемыми сказками показывают, что «постоянным, устойчивым элементом сказки служат функции действующих лиц, независимо от того, кем и как они выполняются. Они образуют основные составные части сказки». Они движут ее действие. «Число функций, известных в волшебной сказке, ограничено»; «при том и последовательность функций всегда одинакова» (с. 31), и неважно, что далеко не все сказки предоставляют все функции (с. 32), — все же «все волшебные сказки однотипны по своему строению» (с. 33).

Функции действующих лиц — по сути, далеко не многочисленны. По мысли Проппа их всего 31, и, конечно, их количество зависит от рассматриваемого им материала. К тому же некоторые функции могут иметь несколько разновидностей. Так, герой получает волшебное средство (XIV) — в девяти разновидностях, или — герой переходит к месту поисков (XV) — в 6 разновидностях (с. 59), «недостача ликвидируется» (XIX) в 11 формах и так далее. Все функции в сказке вытекают одна из другой в связи с логической и художественной необходимостью (с. 72), к тому же они группируются по две (запрет — нарушение, преследование — спасение) и так далее (с. 73). Эту главу работы Проппа мы считаем наиболее оригинальной и наиболее ценной. В ней обосновывается новый метод изучения сказки — пока еще волшебной — и даны очень удачные и меткие наблюдения над ее устройством.

В главе IV наш автор говорит об «ассимиляции способов исполнения функций» (с. 74); мне кажется, тут мы можем говорить не об ассимиляции, а только о контаминации двух способов, например, «испытания героя дарителем» через выбор коня — и в другом случае — опять путем выбора, но уже выбора невесты из 12 разных девушек. Но почему тут нельзя усматривать попросту «выбор» с его разновидностями, в соответствии с целью разворачиваемого сюжета? И, оглядываясь немного назад, мы должны указать, что, не отбрасывая в принципе классификации функций, классифицировать их можно немного иначе.

Другое явление, схожее с ассимиляцией, Пропп усматривает в «двойном морфологическом значении одной функции», когда, например, согласие на уговоры вредителя сопоставляется с нарушением запрета (с. 77).

В главе V Пропп рассматривает вспомогательные элементы в сказке, и в первую очередь — элементы, которые связывают функции между собой (с. 79). Наряду с функциями (точнее — с устными выражениями функций. — В.П.) в сказках существуют составные части, которые хотя и не определяют ее развитие, но все же очень важны. Это а) «целая система осведомлений», более или менее сложных, которые связывают функции; б) вспомогательные элементы, при утروении (детали атрибутивного характера, отдельные функции и пары функций, целые ходы); повторение может быть равномерным, расти или дважды иметь негативное следствие, а заканчиваться позитивным; в) мотивация, которая придает сказке особенную яркую окраску (например, изгнание — мотивируется ненавистью мачехи, завистью братьев и так далее, с. 83–84).

В VI главе речь идет о распределении функций по действующим лицам. Много функций, которые наблюдает В. Пропп, логически объединяются по определенным кругам, а именно: круг действий вредителя, дарителя, помощника, «искомого персонажа»: царевны и ее отца, героя, ложного героя.

Так что волшебная сказка, по Проппу, предполагает 7 действующих лиц, не считая специальных персонажей для связок. «Вопрос о распределении функций может быть разрешен в плоскости вопроса о распределении по персонажам кругов действия» (с. 89). Возможны три случая: 1) «круг действий в точности соответствует персонажу»; 2) «один персонаж охватывает несколько кругов действий»; 3) «обратный случай: один круг действий распределяется по нескольким персонажам». А впрочем, сам автор предостерегает от такого разделения (с. 92). Пропуская эти случаи, перейдем к следующей главе его труда.

Глава седьмая рассматривает «способы включения в ход действия новых лиц» (с. 93). В границах материала, на котором строит свое исследование Пропп (и это нужно указать), «каждая категория персонажей имеет свою форму появления» — то есть особенные способы включения в ход действия, а именно: вредитель появляется по ходу действия дважды; даритель возникает случайно; волшебный помощник включается в действие в виде дара (всегда ли? — В.П.). Герой-отправитель, ложный герой и царевна — включаются в изначальную ситуацию. Но, как отмечает сам Пропп, «бывают и отступления» от этого порядка, их он схематично перечисляет; ко всему прочему, таких отступлений довольно много. «Все персонажи могут вводиться через начальную ситуацию» (с. 94–95).

Так что исключений накапливается, вероятно, не меньше, чем случаев «правильных», «нормальных» по Проппу. Это показывает, что рассуждения в выводах этой главы нужно проверить на более обширном и разнообразном материале.

Об атрибутах действующих лиц и их значении наш автор рассуждает в восьмой главе. В то время как функции в сказке являют собой постоянные величины, номенклатура и атрибуты действующих лиц представ-

ляют собой величины переменные. Под атрибутами В. Пропп понимает: «совокупность всех внешних качеств персонажей: их возраст, пол, положение, внешний облик, особенности этого облика и т. д.» (с. 96). В сказке мы наблюдаем разнообразие персонажей, они легко замещают друг друга, иногда по очень сложным причинам; но наш автор все же считает, что благодаря постоянным функциям, составляя специальные таблицы, можно «привести в систему элементы, которые группируются вокруг функций». С этим можно вполне согласиться, как и с тем, что «наиболее часто повторяющиеся формы представляют собою известный сказочный канон» (с. 97). Но отсюда еще далеко до того, чтобы надежда Проппа — «построить п р а ф о р м у волшебной сказки — не только схематически, но и конкретно» — осуществилась (с. 98). Про это, как нам кажется, говорить преждевременно и едва ли не утопично: сказка не застывший организм, а вечно живой, который творится заново, хотя бы и по принципу сочетания уже известных функций; но все ли эти функции были свойственны «праформе»?

Но это замечание нашего автора, пусть и неприемлемое для нас, ценно одной стороной: оно выявляет, что у него есть уклон толковать сказку исторически, это особенно выразительно видно по таким его словам: «Изучение атрибутов дает возможность научного толкования сказки» (с. 100), а «с точки зрения исторической это означает, что волшебная сказка в своих морфологических основах представляет миф». И далее: «Морфологические разыскания в этой области следует связать с и з у ч е н и е м и с т о р и ч е с к и м» (с. 100).

Последняя, IX глава исследования посвящена «сказке как целому» и содержит 5 параграфов. В первом из них (А) автор дает свое определение сказки: «Морфологически сказкой может быть названо всякое развитие от вредительства или недостачи через промежуточные функции к свадьбе или другим функциям, использованным в качестве развязки. Конечными функциями иногда являются награждение, добыча или вообще ликвидация беды, спасение от погони и т. д. Такое развитие названо нами ходом» (с. 101). «Одна сказка может иметь несколько ходов», которые идут непосредственно один за другим или переплетаются. Автор рассматривает 6 способов сообщения ходов и выделяет признаки двух ситуаций: когда перед нами н е с к о л ь к о ходов, которые создают одну сказку, или когда перед нами д в е с к а з к и или б о л ь ш е (с. 105).

В параграфе В представлен образцовый анализ сказки «Гуси-лебеди» (Аф. № 64), в результате чего мы получаем формулу (с. 165–168). С аналогичными формулами мы встречаемся и дальше. Нельзя не отметить, что эти формулы, которые должны быть вспомогательными в классификации сказок, довольно сложны, и чтобы расшифровать их, необходимо напряжение и трата сил. То есть вряд ли они так уж облегчали разработку сказочного материала, как считает автор книги.

Напомнив в параграфе С о том, что его предшественникам не удалось классифицировать сказки по сюжетам, автор предлагает воспользоваться своими выводами, чтобы классифицировать сказки по структурным признакам. Он дает свое определение волшебной сказки (это «рассказ, построенный на правильном чередовании приведенных функций в различных видах, при отсутствии некоторых из них для каждого рассказа и при повторении других», с. 108), он предлагает заменить термин «волшебный» каким-то другим и определяет их так: «сказки, подчиненные семиперсонажной схеме», или предлагает возродить, исходя из исторической позиции, ныне отброшенное наименование мифических сказок. На этот пункт нужно обратить внимание особо — не говоря уже о том, что определения Проппа, пускай и «гипотетические», в целом, скажем так, бесплотны и не охватывают всех существенных сторон сказки. А желание его назвать волшебные сказки мифическими может вызвать новое недоумение: действительно, куда следует относить тогда сказки, по сути своей мифические, то есть многочисленные сказки о леших, домовых, водяных и прочих мифических существах, бытующих в нашем фольклоре? Не лучше ли оставить давний термин «волшебные сказки», к которому Пропп возвращается с некоторой неохотой? Наш автор утверждает, что классификация не всегда может следовать за сущностно-структурными признаками (с. 111). А когда сказки «многоходовые», обозначать приходится каждый ход. Хотя это «логически и по существу верно», однако же и осуществлять классификацию, и использовать формулы, о которых речь пойдет дальше, оказывается слишком тяжело и неудобно. Схематизация должна классификацию облегчать. Последняя же должна иметь четкий и ясный *principium divisionis*⁸. Этого нельзя сказать про классификацию В. Проппа: его схематизация не облегчает, а усложняет работу классификатора.

И если это так, то упреки в адрес акад. Сперанского (с. 117) безосновательны. Нелегко читается и параграф Д, трактующий «об отношениях частных форм структуры к общему строю», и самый главный его вывод — «о полном единообразии строения волшебных сказок» (с. 115), столь «неожиданный» для автора рассматриваемой работы, можно было бы получить и без его формул. Установив схему, которая подтверждает его тезис о «полном единообразии», автор считает не лишним предостеречь и (на с. 117 и далее) обнаруживает, что «не всюду последовательность функций такова, как показывает итоговая схема. Внимательное рассмотрение схемы покажет некоторые отступления». Наблюдается обратная последовательность, изменение места функций, отсутствие ожидаемых функций. То же самое в подготовительной части сказок. Это опять наводит на мысль: а что бы было, если бы и тут автор

⁸ Принцип деления — принцип, на основе которого производится классификация. — *Прим. В. Перетца.*

использовал не сто сказок сборника Афанасьева, а, например, утроенное их количество из других сборников? Устояла бы его нормальная схема или нет? Еще один пункт в рассматриваемой книге, который может оказать особенно вредное влияние на выводы автора, — узкий и преднамеренный подбор материала. Пропп это чувствует (с. 119), сетуя по другому поводу на необходимость детального дополнительного анализа на большем материале. Далее Пропп ставит далеко не лишенный значения вопрос о том, как рассматривать установленные им схемы: «связаны ли разновидности одной функции непременно с соответствующей разновидностью другой функции». Наблюдение над функциями показывает, что 1) «есть элементы, которые всегда без всяких исключений связаны соответствующими друг другу разновидностями»; 2) «есть пары, где одна половина может быть связана с несколькими разновидностями своей корреспондирующей половины, но не совсем» (с. 120). Но эти установленные автором нормы, как он сам говорит, в сказке иногда нарушаются. 3) «Все остальные элементы, а также пары как таковые, соединимы совершенно свободно, без всякого нарушения логики или художественности» (с. 121). Пропп предлагает проверить выводы экспериментально, комбинируя элементы, и таким образом восстановить процесс складывания сказки (с. 122).

Отсюда — естественно перейти к давно обсуждаемому в литературе вопросу об устных эпических жанрах; свободно ли творчество сказочника или он творит, комбинируя готовое, — а настоящего творчества нет. В. Пропп очень правдоподобно решает это задание, и в этом также его заслуга: сказочник и связан, и свободен. Он не свободен, не творит: 1) «в общей последовательности функций», которая развивается по схемам, выведенным Проппом; 2) «в замене тех элементов, разновидностей которых связаны с абсолютной или относительной зависимостью»; 3) «сказочник не свободен в иных случаях в выборе некоторых персонажей со стороны их атрибутов, если требуется определенная функция»; 4) существует определенная зависимость между изначальной ситуацией и последующими функциями, которую сказочник преодолеть не может (с. 123). С другой стороны — сказочник свободен — 1) выбирать функции, которые он пропускает или использует; 2) выбирать способ осуществлять функцию; 3) выбирать номенклатуру и атрибуты действующих лиц; 4) выбирать языковые средства, которые создают словесный стиль сказки (с. 124). Все эти наблюдения значительно уточняют общие размышления о свободном и несвободном творчестве сказочника, и их можно по большей мере перенести и на носителей другой большой области русского эпоса — на «сказителей» былин.

В параграфе Е сжато и кратко рассмотрен «вопрос о композиции и сюжете, о сюжетах и вариантах» сказки (с. 125–127). Основная мысль Проппа в том, что одна та же композиция может лежать в основе разных сюжетов. Вариант — это сказка, в которой изменено одно из составляю-

щих ее звеньев; а коль скоро изменены два и больше элементов — «вопрос из качественного сводится к количественному», и мы не можем уже отличить вариант от нового сюжета. Вывод таков: весь запас волшебных сказок следует, как считает В. Пропп, рассматривать как цепь вариантов. Конечно, утверждение автора, что «морфологически все данные сказки могут быть выведены из сказок о похищении змеем царевны», той разновидности, которую В. Пропп считает основной, — слишком смелое, и он сам это отмечает. Но последующие его мысли ценны и новы: мы не располагаем ныне всеми разновидностями сказки, потому что их начали собирать тогда, когда сказка начала уже разлагаться. И мы можем догадаться, что в прошлом существовали такие сказки, которых теперь нет (с. 126). Но отметим, что для этого не стоит применять астрономию, которая открывает невидимые звезды: достаточно вспомнить более близкую к нам науку — сравнительную грамматику. Из последующих методологических рассуждений автора (с. 126–127) следует признать справедливым требование изучать первым делом элементы независимо от их использования в той или иной сказке; по большей мере они выходят из той или иной архаической, бытовой, культурной, религиозной или другой действительности, которую необходимо привлечь для сравнения. А дальше уже «должно следовать генетическое изучение того стержня, на котором строятся все волшебные сказки, изучение нормы и формы метаморфоз», и лишь тогда можно приступить к изучению вопроса об образовании новых сюжетов (с. 127).

Излагая мысль автора последовательно и по возможности формулируя самое существенное его же собственными словами, мы иногда останавливались и делали замечания касательно некоторых его мыслей и построений. Теперь позволим себе сделать отдельно несколько замечаний, может быть и не очень существенных.

«Научная литература о сказке не слишком богата», утверждает автор (с. 9); тем более следовало бы ему подробнее в ней разобраться: с тех пор как вышла в свет (1911 г.) известная книга С.В. Савченко⁹, появилось много ценных работ, из которых только часть Пропп подверг своей критике. Можно добавить кое-что и к библиографии (с. 27): для российского читателя было бы нелишним вспомнить брошюру Д. Дмитриева «Исследование о происхождении и распространении европейских народных сказок», Киев, 1907, которая представляет собой перевод предисловия Коскена к его «Contes populaires de Lorraine»¹⁰, и, может быть, В. Клоутона «Народні казки та вигадки, їх мандрівки і переміни», перевод А. Крымского, Львов, 1896. Вместе с новой популярной статьей С.Ф. Ольденбурга

⁹ Савченко С.В. Русская народная сказка. История собирания и изучения. Киев, 1914.

¹⁰ Имеется в виду известная работа французского фольклориста Эммануэля Коскена (1841–1919): *Cosquin E. Contes populaires de Lorraine*. Paris, 1860.

в «Восходе», № 4¹¹ — полезно было бы обозначить и старую, но не устаревшую статью Буслаева в «Моих досугах» (1886), а именно «Перехожие повести»¹². На с. 26 наш автор замечает, что исторические разыскания внешне более интересны, чем морфологические. Отдавая каждому свое, мы должны упомянуть, что это совсем разные сферы, и интересом уж никак не следует измерять целесообразность или нецелесообразность таких работ. Каждая сторона работы над сказкой имеет свой смысл и значение. К тому же в конце своей книги В. Пропп сам признает уместность сравнительной и исторической работы над сказкой. Поэтому немного по-сектантски звучит утверждение Проппа (с. 26): «Пока нет правильной морфологической разработки, не может быть правильной исторической разработки» сказочного материала. Во многом и даже, допустим, во всех главных и существенных аспектах вполне верные и удачные размышления Проппа о волшебной сказке представляют собой лишь попытку — попытку ценную, но не отменяющую все прочие способы изучения сказок. Если же признать «единственно спасительное» значение новой работы — неужели следует отбросить любую мысль об исторических штудиях, или искать «единственно правильную» морфологическую разработку, либо ждать, пока ее найдут другие? Такие вещи легче, конечно, декларировать, чем воплощать в жизнь. Истина — как часто бывает — где-то посередине.

Сложно согласиться с автором и в том, что живой язык являет собой конкретно данное, грамматика — его абстрактный субстрат (с. 25). То, что грамматика является научной абстракцией, — это так, но как субстрат языка она становится очень похожа на учение Платона об идеях как прообразах сущего. Мы считаем наоборот: живой язык является субстратом для построения грамматики. Сложно согласиться и с тем, что «без изучения этих отвлеченных основ» (субстратов, «лежащих в основе очень многих жизненных явлений») «не может быть объяснена ни одна конкретная данность» (с. 25). Кажется, что научный позитивизм нашего времени — не может согласиться с такой своеобразной концепцией.

Для меня неясно и утверждение автора, что «изучение сказки должно вестись... строго дедуктивно, т. е. идя от материала к следствию» (с. 33). Кажется, этот путь, от материала, через частичные наблюдения и выводы к выводам более общего характера, — обычно называют индукцией.

Общий наш вывод о книге В.Я. Проппа будет таким. В своих размышлениях он опирается на идеи, которые восходят к Гете, а в частности, в сфере штудий над устным творчеством — на идеи А. Веселовского, ча-

¹¹ Речь идет о статье С.Ф. Ольденбурга в журнале «Восток»: *Ольденбург С.Ф. Странствование сказки // Восток. Журнал литературы, науки и искусства. М.; Пг., 1924. Кн. 4. С. 157–160.*

¹² *Буслаев Ф.И. Перехожие повести и рассказы // Буслаев Ф.И. Мои досуги. Собранные из периодических изданий мелкие сочинения. М., 1886. Т. 2. С. 259–406.*

стично Бедье. Он углубил эти идеи и дал им новую, совершенно самостоятельную интерпретацию на основе своеобразного способа изучать сказки начиная с их морфологии; этот способ до него никто еще не использовал. Для В. Проппа учение Веселовского в целом (а не только о мотивах и сюжетах) «представляет собой только общий принцип». Исходя из него, через совершенно самостоятельные находки в морфологическом анализе волшебных сказок, хотя и на довольно ограниченном материале, Пропп в конце возвращается к идее великого русского ученого, который интуитивно предуготовил, а может быть и частично подсказал эту детальную, кропотливую и не всегда легкую для чтения работу. Несомненная заслуга молодого ученого состоит в его идее изучения «функций», из которых состоит сказка, и ряде выводов, которые из этого следуют, не всегда, правда, равноценных и абсолютно приемлемых, но каждый раз значительных и новых. Книга, помимо положительных ее качеств, — будит мысль, а это, по сути, и есть почти самое главное. Краткость изложения, отсутствие многословия и богатство мысли также составляют заметные особенности книги Проппа.

Перевод с украинского Марины Кибальной

Литература и источники

- Агеева 2006 — *Агеева В.* Поетика парадокса: Інтелектуальна проза Віктора Петрова-Домонтовича. Київ, 2006.
- Андреев 2012 — *Андреев В.М.* Віктор Петров. Нариси інтелектуальної біографії вченого. Дніпропетровськ, 2012.
- Волков 1924 — *Волков Р.М.* Сказка: Разыскания по сюжетосложению народной сказки. Т. 1: Сказка великорусская, украинская и белорусская. Одесса, 1924.
- Дмитриев 2013 — *Дмитриев А.* Статусы знания (о социальных маркерах эволюции российского университета первой трети XX века) // Новое литературное обозрение. 2013. № 4 (122). С. 108–133.
- Домонтович 2000 — *Домонтович В. [Петров В.]* Дівчина з ведмедиком: Роман; Болотьяна Лукроза: Оповідання та нариси. Київ, 2000.
- Зеров 2003 — *Зеров Микола.* Українське письменство. Київ, 2003.
- Иванова 2009 — *Иванова Т.Г.* История русской фольклористики XX века: 1900 — первая половина 1941 г. СПб., 2009.
- Костюхин 1999 — *Костюхин Е.А.* Две морфологии сказки: В.Я. Пропп и А.И. Никифоров // Рус. фольклор. СПб., 1999. Т. 30. С. 303–307.
- Костюхин 2008 — *Костюхин Е.А.* Сказка в исследованиях А.И. Никифорова // *Никифоров А.И.* Сказка и сказочник. М., 2008. С. 9–19.
- Мартынова 2006 — *Мартынова А.Н.* Владимир Яковлевич Пропп: жизненный путь, научная деятельность. СПб., 2006.
- Музиченко 2002 — *Музиченко С.* Етнографічна Комісія ВУАН (1921–1933) // Борисенко В.К. Нариси з історії української етнології 1920–1930-х років. Київ, 2002. С. 73–80.

Перетц 1931 — *Перетц В.* Куліш і його новий біограф // Науковий збірник Ленінградського товариства дослідників української історії письменства та мови. Київ, 1931. Кн. III. С. 33–43.

Петров 1929 — *Петров В.* Пантелимон Куліш у п'ятидесяті роки: Життя. Ідеологія. Творчість. Київ, 1929.

Пропп 1965 — *Пропп В.Я.* Речь на юбилее весной 1965 года / Публ. А.Н. Мартыновой // Неизвестный В.Я. Пропп: Научное издание / Предисл., сост. А.Н. Мартыновой. СПб., 2002. С. 359–363.

Уорнер 2005 — *Уорнер Э.Э.* Владимир Яковлевич Пропп и русская фольклористика. СПб., 2005.

Рецензия В.Н. Перетца на «Морфологию сказки» В.Я. Проппа

Рецензия Перетца представляет собой один из первых откликов на всемирно известную книгу В.Я. Проппа «Морфология сказки». Рецензия была опубликована в киевском издании «Етнографічний вісник» на украинском языке в 1930 г. В настоящей публикации методологически важная рецензия Перетца впервые печатается в русском переводе. В предисловии к публикации кратко проанализирован контекст появления рецензии; идеи Проппа рассматриваются в связи с положениями ученика Перетца Александра Никифорова (также высказанными во второй половине 1920-х гг.).

Ключевые слова: морфология, анализ сказки, история украинской фольклористики.

Vladimir Peretz Review to Vladimir Propp's "Morphology of the Folktale"

The Peretz's review on Vladimir Propp's "Morphology of the Folktale" (1928) was one of the first responses on this well-known book. This review was published in the journal "Ethnographic Herald" on Ukrainian (1930). This methodologically important essay is first printed in Russian translation. The preface devoted to the context of the emergence and publication of the Peretz's review. Peretz's perception of Propp's "Morphology" is considered in the preface in connection with the similar provisions of Alexander Nikiforov, Peretz's student from 1915 (as expressed in the late 1920s in the same institutions as Propp).

Keywords: morphology, analysis of the tales, history of the Ukrainian folk-studies.

НЕОСУЩЕСТВЛЕННАЯ ИДЕЯ КЛАССИФИКАЦИИ СКАЗОК (Заметки о «Морфологии сказки» В.Я. Проппа)

Владимир Яковлевич Пропп в своей книге «Морфология сказки» (1928) весьма критически оценил классификацию сказок по сюжетным типам. Он даже утверждал, что «деление волшебных сказок по сюжетам по существу вообще невозможно» [Пропп 1969, с. 13]. Автор книги предполагал, что на основе описаний текстов сказок по функциям «можно будет проследить, какие сказки дают одинаковые функции. Такие сказки с одинаковыми функциями могут считаться однотипными. На этом основании может быть создан указатель типов, построенный не на сюжетных признаках, несколько неопределенных и расплывчатых, а на точных структурных признаках» [там же, с. 26]. Увы, такого указателя сказок не создал ни сам В.Я. Пропп, ни его многочисленные последователи.

Цель этой статьи — попытаться ответить на вопрос, почему так смело и даже категорично заявленная идея не была реализована ни ее автором, ни его единомышленниками. К книге «Морфология сказки» доверчиво отнеслись не только начинающие фольклористы, но и опытные исследователи; можно предположить, что на них влияла не только аргументация автора, но и другие факторы. В статье мы опираемся на свой опыт по исследованию структур народных сказок; в ней будут представлены и некоторые личные воспоминания.

С названным выше вопросом я хотела обратиться к самому В.Я. Проппу, когда в 1962 г. он был приглашен в Вильнюс на совещание по классификации фольклора; он стал и редактором публикации материалов совещания [Методическая записка 1963]. Я не посмела обратиться к автору книги «Морфология сказки», которой я доверяла, так как изучала литовские народные предания и только готовилась заниматься сказками. Меня удержала не только робость. Было предложено классифицировать предания: образовать три раздела (*Великаны, силачи, смельчаки, Географические предания и Исторические предания*), а далее тексты группировать по объектам, о которых рассказывается в произведениях, т. е. выделять группы преданий о горах, озерах, болотах и т. д. [там же, с. 80–81]. На мое замечание, что многие варианты тех же сюжетов могут оказаться в разных подразделах, председатель заседания В.Я. Пропп ответил, что участникам совещания предложен верный принцип классификации преданий. Я вспомнила отношение к сюжетам, представленное в «Морфологии сказки», и поняла, что мой вопрос неуместен.

Начальная глава книги В.Я. Проппа отличается строгостью изложения. Задача исследования сформулирована так: «...Всю классификацию сказок следует поставить на новые рельсы. Ее нужно перевести на формальные, структурные признаки» [Пропп 1969, с. 12]. Некоторые мысли автора не вызывают возражений. Он уверен, что возможно «установление закономерностей строя» [там же, с. 7], что в сказках «возможно имеются законы зарождения и развития» [там же, с. 21], что «прежде, чем осветить вопрос, откуда сказка происходит, надо ответить на вопрос, что она собой представляет»¹ [там же, с. 21], что правильная классификация — «одна из первых ступеней научного описания», что она «должна быть результатом известной проработки» [там же, с. 11].

К сожалению, в главе «Сказка как целое» нет даже намека на то, что описание сказок по функциям персонажей помогло выяснить главное — что сказка «собой представляет», т. е. каково назначение произведений, почему множество поколений людей упорно хранило их в памяти и передавало своим потомкам.

На последней странице книги под заголовком «Заключение» автор пишет: «Резюмировать тезисы нет необходимости, они помещены в начале, ими проникнута вся работа» [там же, с. 106]. Видимо, автор имеет в виду утверждения, содержащиеся в главе «Метод и материал»: «I. Постоянными, устойчивыми элементами сказки служат функции действующих лиц независимо от того, кем и как они выполняются. Они образуют основные составные части сказки. II. Число функций, известных волшебной сказке, ограничено. <...> III. Последовательность функций всегда одинакова. <...> IV. Все волшебные сказки однотипны по своей структуре» [там же, с. 25–26].

В главе «Метод и материал» крайне мало говорится о том, почему функции — это основа структуры сказок. Приведены четыре предложения, в которых сказано: «Царь дает удалцу орла. <...> Дед дает Сученке коня. <...> Колдун дает Ивану лодочку. <...> Царевна дает Ивану кольцо». В концовках этих предложений сказано, что различные дары применяются одинаково: орел, конь, лодочка или вызванные с помощью кольца молодцы уносят получателей даров в иное царство [там же, с. 23]. Автор отметил, что в этих предложениях «имеются величины постоянные и переменные. Меняются названия (а с ними и атрибуты) действующих лиц, не меняются их действия или *функции*». Поскольку в сказках одинаковые действия выполняются различными персонажами, делается вывод: «Это дает нам возможность изучать сказку по функциям действующих лиц» [там же]. На наш

¹ Здесь и далее в цитатах разрядка и курсив В.Я. Проппа, за исключением специально оговоренных случаев.

взгляд, этот вывод никоим образом не вытекает из представленного примера. В.Я. Пропп не обратил внимания на то, что передаче даров предшествуют действия и героя, и другого персонажа сказки — собственника / хранителя нужного герою объекта. Далее автор напоминает, что различные персонажи (баба-яга, Морозко, медведь и леший) испытывают и награждают падчерицу, т. е. «делают одно и то же» [там же, с. 24]. Автор правильно заметил, что испытателей довольно много, но не учел, что они назначают испытуемым различные задания.

К чему стремился В.Я. Пропп, частично можно узнать в первой главе книги «К истории вопроса». Автор высоко оценил идею А.Н. Веселовского о необходимости отделить вопрос о мотивах от вопроса о сюжетах, но показал, что мотивы разложимы, ибо они могут варьировать, и заявил: «Мы впоследствии должны будем решить задачу выделения каких-то первичных элементов иначе, чем это делает Веселовский» [там же, с. 19]. Видимо, он полагал, что *функции* далее неразложимы. Однако неразложимы только обозначения функций (*запрет, вредитель, даритель* и т. д.), а выделенные В.Я. Проппом фрагменты текстов могут варьировать. Ниже мы рассмотрим, как в «Морфологии сказки» осуществлен переход от фрагментов конкретных текстов к обобщенным обозначениям функций.

В главе «Сказка как целое» дается такая характеристика волшебных сказок: «Волшебные сказки можно бы назвать сказками, подчиненными семиперсонажной схеме. Это термин очень точный» [там же, с. 90]. В завершающих книгу главах много оговорок и попыток оправдать отклонения от «нормы»: если в текстах сказок не обнаруживаются некоторые функции или отсутствуют персонажи, это якобы не нарушает единства строя. Утверждается, что таких сказок мало (подсчитано, сколько их среди использованных в книге ста текстов из сборника А.Н. Афанасьева). О причинах отклонений от якобы установленных закономерностей не сказано ни слова. Хотя в начале книги автор намекнул на возможность развития сказок, категоричные суждения о единстве и стабильности всех волшебных сказок равноценны утверждению, что произведения не менялись от глубокой древности до XIX–XX вв. Нет нужды доказывать, что записанные в период массового собирания фольклора волшебные сказки весьма различны как по структуре, так и по количеству изображаемых персонажей.

Помня утверждение автора, что последовательность функций *всегда одинакова*, в главе «Функции действующих лиц» мы читаем, что сказки начинаются с первой функции — *отлучка*. В части сказок старшие члены семьи действительно куда-то уходят или даже умирают, а молодые люди отправляются в странствие или на поиски какого-либо объекта. Но многие сказки начинаются и по-другому (напр., рождение героя-силача, мальчика-с-пальчика и др.). Кстати, без пе-

ремещений персонажей трудно себе представить развитие действия в любом произведении.

Как была создана последовательность из 31 *функции*, автор не сообщил. Среди ста сказок из сборника А.Н. Афанасьева, на которые автор ссылается как на исходный материал, мы не нашли ни одного текста, содержащего все выделенные В.Я. Проппом *функции*. Больше *функций* можно было бы обнаружить в сложных сюжетах сказок, в которых герой побеждает змея, спасает девушку или освобождает трех похищенных змеем девушек, а возница / спутники пытаются устранить героя и присвоить его заслуги. Именно об этих сказках В.Я. Пропп писал: «Это наиболее полная и совершенная форма сказок» [там же, с. 86].

Поскольку «выделение элементов составляет ось всей работы и предопределяет выводы» [там же, с. 8], необходимо познакомиться с тем, как это осуществлено в «Морфологии сказки». Сначала обратимся к примерам анализа сказок, представленных в *Приложении 11*. При этом мы будем помнить уточнение определения функции, что это «поступок действующего лица, определяемый с точки зрения его значимости для хода действия» [там же, с. 25], а также утверждение, что «Все (выделено нами. — Б. К.) сказуемые дают композицию сказок» [там же, с. 103].

Анализируя сказки, В.Я. Пропп только обозначает некоторые фрагменты и пишет: «не функция хода действия». Так определен фрагмент сказки № 139 из сборника А.Н. Афанасьева (далее мы будем пользоваться сокращением Аф.), в котором братья решили выяснить, кто из них станет старшим, и бросили копьё; копьё Сученка (сына сучки) улетело очень далеко — он стал старшим. В этом фрагменте выявлен особенно сильный герой, который, пользуясь только своей силой, позже победит Белого Полянина, старого деда и совершит главный подвиг — убьёт змея. Без этого фрагмента упомянутые достижения героя были бы непонятны.

«Не функцией хода действия» объявлен начальный фрагмент сказки Аф. № 247. В соответствующем тексте из сборника А.Н. Афанасьева купец услышал пение соловья и сказал, что он много дал бы тому, кто сказал бы, о чем соловей поет. Маленький сын «перевел» пение соловья: родители будут служить сыну; отец подаст ему воды умыться, а мать — полотенце. Желая избежать унижения, родители бросили сына в море. Далее в тексте рассказывается, как сын предсказал будущее корабельщику, объяснил королю поведение воронов и наконец стал королем. Он встретился с родителями — предсказание соловья сбылось. Таким образом, сущность сказки — рассказ об исполнении предсказания; начальный фрагмент («перевод» пения соловья) обусловил содержание всего сюжета.

Если начало текста нельзя обозначить функцией *отлучка*, автор монографии его только отмечал и относил к начальной ситуации.

Так он описал начало сказки Аф. № 139: «Бездетный царь. Чудесное рождение трех сыновей царицей, короной (в тексте — *поварихой*. — Б.К.), собакой» [там же, с. 116]. Начало «второго хода» сказки Аф. № 133 только упомянуто: «Рождается Покатигорошек» [там же]. В обоих фрагментах имеются действия персонажей, т. е. *сказуемые*. В начале сказки Аф. № 139 по совету старика бездетный царь ловит рыбу; ее съедают царица, повариха и сука. Один из трех рожденных мальчиков — сын суки Сученко — очень сильный. В сказке Аф. № 133 от проглоченной матерью горошины рождается силач — будущий победитель змея.

Мы заметили такую закономерность: когда в сказках изображается победа над змеем, силачи в борьбе почти всегда пользуются только собственной силой, а обычные герои до битвы получают волшебный меч, зверей-помощников или чудесного коня. Таким образом, фрагменты текстов Аф. № 139 и Аф. № 133, в которых повествуется о рождении силачей, существенно влияют на структуры обеих сказок: в них нет элементарных сюжетов, результаты которых — *герой получает преимущество*. Иными словами, эти фрагменты делают ненужной функцию дарителя.

Анализируя тексты, В.Я. Пропп весьма своеобразно интерпретировал некоторые их фрагменты. В тексте Аф. № 139 братья увидели палатку. Сученко велел сыну царицы (затем — сыну поварихи) посмотреть, кто в ней находится. Брат вошел и увидел, что на кровати лежит Белый Полянин. Он ударил брата мизинцем по лбу и сунул его под кровать. Дважды повторяющийся фрагмент интерпретирован так: «Схватка с враждебным дарителем — отрицательная реакция ложно-героя» [там же].

В тексте сказки Аф. 139 нет никакой схватки, оба брата не реагируют на щелчок по лбу. Скорее всего, братья нарушили отдых силача, а тот разозлился и наказал слабых пришельцев. Изображение встречи братьев с Белым Полянином перекликается с литературной сказкой «Еруслан Лазаревич». Непонятно, почему Белый Полянин назван *дарителем*, а побитый брат — *ложным героем*.

Сученко победил Белого Полянина, но пощадил его и взял с собой. Белый Полянин потерпел поражение при встрече со стариком так же, как и два слабых брата героя сказки. Однако в конце сказки Полянин (а не братья) попытался отнять невесту у освободителя царевен. Именно таких персонажей В.Я. Пропп обычно называл *ложными героями*.

В начале текста сказки Аф. № 133 («Покатигорошек») отец послал двух сыновей пахать, а те спросили: «Кто обедать принесет?» Отец ответил: «Девка». Разговор отца с сыновьями в «Морфологии сказки» интерпретирован так: «просьба — обращенная форма запрета» [там же, с. 115]. Здесь мы видим только бытовую деталь — пояснение, почему сестра оказалась одна вне дома.

В той же сказке Аф. № 133 братья один за другим пошли к змею освобождать свою сестру. По дороге они встретили пастухов и на их вопросы ответили, что идут отнимать сестру. Пастухи сказали каждому брату: «Если хочешь ее отнять, съешь моего самого большого барана / кабана / вола». Оба брата отказались. Слова пастухов В.Я. Пропп назвал «испытанием дарителя», а отказ братьев — «отрицательной реакцией ложного героя» [там же]. Мы полагаем, что слова «Если хочешь ее отнять» позволяют понимать предложение съесть животных как предупреждение, что освободить сестру сможет только такой силач, который способен съесть целого барана или вола. Обратим внимание на то, что похитивший сестру змей велел каждому брату съесть двенадцать его быков. Оба брата не могли отказаться, но съели только по маленькому кусочку. Змей сунул братьев под камень. В.Я. Пропп интерпретирует это так: «Наказание вместо награждения».

Учитывая то, что братья пришли в жилище змея как просители и были обязаны выполнять распоряжение хозяина, фрагмент можно интерпретировать как типичное невыдержанное испытание. В таких случаях герои всегда наказываются испытателями. Дополнительным аргументом для такой интерпретации служит то, что силач Покатигорошек такое же испытание выдержал, а затем победил змея в рукопашном бою.

Таким образом, пастухи не заслужили определения *даритель*. Они каждому брату предлагали попробовать, сможет ли он выдержать испытание змея. Слабые братья отказались есть животных, ибо знали, что на это неспособны, а Покатигорошек принял предложение пастухов (съел предложенных пастухами животных). Встречу силача с пастухами В.Я. Пропп интерпретировал так: «испытание героя — его реакция — испытание остается для хода действия без последствий» [там же, с. 116]. Нам представляется, что «последствия» вполне очевидны: Покатигорошек показал, что к змею идет настоящий силач, способен выдержать испытание едой и отнять у змея свою сестру.

То, что при анализе текстов некоторые фрагменты остались без описаний *функциями*, вызывает подозрение, что последовательность *функций* была создана раньше, а примеры анализа появились позже: заранее не были учтены все элементы конкретных сказок. В конце третьей главы «Функции действующих лиц» имеется такая фраза: «Вопрос, как применяется данная схема к текстам, что такое представляют собой отдельные сказки по отношению к схеме, может быть разрешен только на анализе текстов» [там же, с. 60]. Видимо, эта фраза — невольное признание, что функции были выделены не на основе тщательного анализа даже тех текстов сказок из сборника А.Н. Афанасьева, которые указаны автором как основной материал.

Спорные или явно ошибочные интерпретации фрагментов сказок позволяют предположить, что автор не обращал внимания на кон-

текст, из которого извлекались *функции*. В начале главы «Распределение функций по действующим лицам» сказано: «Нашему изучению подлежат лишь функции как таковые, но не исполнители их и не объекты» [там же, с. 72]. Как конкретное выражение *функции* часто приводится действие одного персонажа, но опускается его имя. Порой даже не ясно, к кому он обращается. Например, «Если придет яга-баба, ты ничего не говори, молчи (106)» [там же, с. 30]. Иногда все-таки указан и персонаж: «Медведь: “Кто же мне про царских детей скажет, куда они девались?” (201)» [там же, с. 31], изредка отмечены и обстоятельства: «Поп исповедует: “Отчего так скоро сумел ты поправиться?” (258)» [там же]. Такие фрагменты произведений вне контекста весьма трудно или даже невозможно интерпретировать.

Анализируя многочисленные тексты литовских сказок и аналогичных произведений других народов, мы каждый раз обнаруживали, что в них изображаются враждебные или мирные столкновения двух персонажей (*героя* и его противоположности — *антипода*). Действие *героя* вызывает реакцию (тоже действие) антипода; часто первым действует антипод, а *герой* реагирует на его поступок. В столкновениях героев и антиподов участвуют и другие персонажи (*близкие героя, близкие антипода*, иногда — *нейтральные персонажи*). Мы убедились, что интерпретировать действия персонажей возможно только в контексте относительно самостоятельных фрагментов сказок, которые мы называем *элементарными сюжетами*. Иногда необходим и более широкий контекст.

Рассмотрим, удалось ли автору «Морфологии сказки» сгруппировать выделенные им действия персонажей, т. е. однородные ли фрагменты текстов отнесены к определенным *функциям*. Для этого мы обратимся к тем текстам сказок из сборника А.Н. Афанасьева, номера которых указаны В.Я. Проппом в скобках после цитат, и те же действия персонажей будем интерпретировать в контекстах соответствующих элементарных сюжетов.

Ко второй *функции* «К герою обращаются с запретом (определение — *запрет*)» отнесено высказывание: «В этот чулан не моги заглядывать (159)» [там же, с. 30]. В указанном тексте Аф. № 159 Марья Моревна так обратилась к своему мужу. Когда муж вошел в этот чулан, он нашел там привязанного Кощея Бессмертного и, пожалев его, дал воды напиться. Кощей освободился и похитил Марью Моревну. Это означает, что Марья Моревна именно этого боялась и *предостерегла* мужа, чтобы он не совершил опасного действия.

Чтобы показать, чем отличается обращенное к герою предостережение его близкого от запрета испытателя, напомним контекст сходного высказывания «В эту комнату не заходи» в сказке «Три сестры в неволе» (К 3.1.0.3. / АТ 311), известной в репертуарах многих европейских народов. Похищенная медведем, паном, зайчиком и пр. девушка

находится в доме / поместье похитителя в лесу. Хозяин дает ей ключи от всех комнат и яблоко, но велит в одну комнату не заходить. Девушка заходит в запретную комнату, яблоко падает и пачкается. Хозяин проверяет девушку. Она говорит, что в запретную комнату не заходила, но хозяин видит испачканное яблоко и убивает ее. В сказке «Три сестры в неволе» похититель оставляет в живых ту девушку, которая заходит в запретную комнату, но имитирует, что она туда не заходила.

В сказке «Три сестры в неволе» девушки полностью зависят от хозяина. Это типичные отношения испытуемых с испытателями. Испытатели что-либо запрещают героям или приказывают им что-то делать; они всегда проверяют поведение испытуемых. Приказы или запреты антиподов-испытателей мы называем *акцией распоряжения*. Распоряжения обязательны в элементарных сюжетах об испытании героев, а предостережения или советы их близких и других персонажей (мы называем их *побуждением поступать правильно / неправильно*) — факультативные элементы элементарных сюжетов различных классов. Чтобы отличить *распоряжение* испытателя от предостережения близкого героя, необходимо обращать внимание на взаимоотношения персонажей и учитывать контекст столкновения *героя и антипода*.

В качестве примеров функции *запрет* В.Я. Пропп цитировал и другие высказывания, содержащие глаголы в форме повелительного наклонения с отрицанием: «Береги братца, не ходи со двора» (113), «Ежели придет яга-баба (пропущено: *да станет считать ложки*. — Б.К.), ты ничего не говори, молчи (106)» [там же]. В тексте Аф. 113 мать оставила маленького сына под присмотром дочери и предостерегла ее, чтобы та не оставляла ребенка без присмотра. Чтобы дочь особенно заботилась о брате, мать обещала привезти ей подарок. В тексте Аф. 106 кот с воробьем пошли рубить дрова, а жихаря оставили одного дома. Они предупредили, чтобы Жихарько не выдал себя яге-бабе, когда та придет и будет считать ложки. В обоих текстах близкие обращаются к героям и побуждают их не поступить неправильно, но герои поступают неправильно.

Автор выделил «обращенную форму запрета» и привел ее примеры: «братья просят сестру принести в поле завтрак (133), мать велит взять в лес братца (244)» [там же]. В соответствующих сказках Аф. 133, Аф. 244 мы не обнаружили не только запретов, но и даже предостережений, ибо изображаемые персонажи не предчувствуют опасности.

Далее в «Морфологии сказки» выделена функция *запрет нарушается*; она трактуется как функции *запрет*. Автором сказано, что «запреты всегда нарушаются» [там же, с. 35]. В сказках герои часто игнорируют предостережения своих близких. Например, в сказке Аф. 113 дочке захотелось поиграть, а в это время гуси-лебеди похитили оставленного без присмотра братца. В сказке Аф. 106 Жихарько спря-

тался от яги-бабы, но сам выдал себя: закричал, чтобы та не трогала его ложку.

Все-таки герои иногда слушаются своих близких, особенно тогда, когда те предупреждают о негативных последствиях того или иного действия. Например, в популярной сказке «Брат и сестра» (К 1.2.1.8. + 1.2.1.12. / АТ 450) брат дважды или даже трижды не пьет воду из следов животных и сохраняет свой облик. Распоряжения испытателей не выполняют / нарушают лишь те герои элементарных сюжетов, которые поступают неправильно и не выдерживают испытаний. Правильно поступающие герои распоряжения испытателей выполняют, а когда это невозможно, имитируют их выполнение [Кербелите 1991, с. 71–73].

Нарушение запрета В.Я. Пропп нашел даже в сказке о животных «Козлята и волк» [Пропп 1969, с. 90–91]. В многочисленных литовских вариантах этой сказки и в известных нам ее вариантах других европейских народов коза очень редко предостерегает детей, чтобы они не открывали дверь никому, кроме нее. Возвращаясь в избушку, коза каждый раз теми же словами просит козлят открыть дверь. Козлята запоминают «пароль» и признак матери (тембр ее голоса). Когда волку удалось точно воспроизвести не только слова козы, но и тембр ее голоса, козлята открыли ему дверь. Козлята ошиблись — они открыли дверь волку, потому что приняли его за свою мать.

В описании *первой функции дарителя* выделены группы различных действий антиподов. Одна группа названа «Даритель испытывает героя». Действие «Яга задает девушке домашние работы (102)» [там же, с. 40] в соответствующей сказке Аф. № 102 обнаруживаем в таком контексте: девушку, которую невзлюбила мачеха, отец привез к бабе-яге в услужение. Таким образом, герой (девушка) полностью зависим от антипода (бабы-яги). Яга велела девушке прясть, истопить печку и «всего припасти». Девушка все выполнила. Баба-яга проверила работу девушки и ее одарила. Это действительно элементарный сюжет о выдержанном испытании.

Однако к *испытаниям дарителя* отнесены и действия, не характерные для испытаний. Например: «Яблоня, река и печь предлагают очень простую пищу (113)» [там же, с. 41]. В этой сказке Аф. 113 (в «Морфологии сказки» представлен и полный ее анализ — с. 87–89) сестра идет искать похищенного брата, в пути встречается печку и спрашивает ее, куда полетели гуси. Печка отвечает: «Съешь моего ржаного пирожка — скажу». Сестра отказывается. Естественно, печка не сообщает, куда полетели гуси. Автор книги не учел того, что сестра хотела получить информацию, а печка поставила ей условие, которое сестра отказалась выполнить. Естественно, что сестра не узнала, куда полетели гуси. В других вариантах этой сказки встреченные в пути предметы и животные сразу обращаются к сестре с просьбой; наличие условия просьбу не устранило.

Целый ряд заданий, характерных для испытаний героев, автором «Морфологии сказки» отнесен к функции *трудная задача*. Все-таки сюда попали и иные действия. Например, «Рассказать, истолковать сон (241)» [там же, с. 57]. В указанной сказке Аф. № 241 человек не может истолковать свой сон. Он обращается с просьбой к толкователю снов, и тот легко все объясняет. Требование «доставить подвенечное платье, кольцо, башмаки (132, 139, 156, 169)» [там же] в указанных вариантах Аф. № 132, 139, 156 находится в довольно широком контексте. Невеста героя, победившего змея / добывшего смерть кощея бессмертного, не хочет выходить замуж за похитившего ее спутника / брата истинного освободителя, ибо надеется дожидаться своего жениха. Желая отложить свадьбу, она требует, чтобы самозванец доставил ей такую одежду и обувь, какую она носила в подземных дворцах / такое кольцо, какое она подарила своему жениху. Девушка вовсе не испытывает самозванца: она знает, что ее требования может выполнить только победитель змея / кощея бессмертного. В результате девушка встречает своего освободителя, а тот предъявляет истинные доказательства своего подвига.

В.Я. Пропп заметил, что в описаниях двух функций имеются сходные поступки, и предложил так разграничить элементы: «Если за решением задачи следует получение волшебного средства, то мы имеем испытание дарителя (Д). Если следует добыча невесты и брак, мы имеем трудную задачу (З)» [там же, с. 61–62].

Поскольку В.Я. Пропп не обращал внимания на сюжеты сказок, он не мог заметить, что их структуры образуют соединения сюжетных элементов. Поэтому он не учитывал, что элементарные сюжеты об испытаниях героев по структуре отличаются от других элементарных сюжетов сказок: только в них имеется *акция распоряжения* и отчетливо просматривается зависимость героев от испытателей. Иногда (скорее всего — в архаичных вариантах) эти элементарные сюжеты бывают без обрамлений, но гораздо чаще они включаются в обрамления двух типов. Весьма популярно такое обрамление: король / сама невеста объявляет условие получения королевны / королевны и половины королевства (например, в сказке «Королевна на стеклянной горе». К 3.1.0.13. / АТ 530). Сказка завершается свадьбой, если герой выполняет это условие и предъявляет соответствующее доказательство. В обрамлениях второго типа поясняется, как испытуемый попал в трудное положение: по приказу мачехи отец увез свою дочь в лес (например, в сказке «Падчерица в избушке медведя» К 3.1.0.2. / АТ 480); мачеха послала падчерицу за огнем к ведьме («Усадьба ведьмы» К 3.2.0.10. / АТ 334); желая извести мужа красавицы, король поручил ему чрезвычайно трудное задание, например, «принеси то, не знаю что» (К 3.1.0.12. / АТ 465А) и т. п.

Выше мы отмечали, что некоторые функции В.Я. Пропп считал парными. Часто оказывается, что автор разъединял взаимосвязанные действия героев и антиподов тех же элементарных сюжетов и описывал их в «парных» функциях. Например, действия антиподов отнесены к *первой функции дарителя*, а действия героев — к *функции реакция героя*.

Итак, неоднородные фрагменты текстов отнесены к определенным функциям. Это случилось потому, что их очень трудно интерпретировать, ибо отдельные действия персонажей изолированы от действий другого участника столкновения и даже от деятелей. *Функции* не являются элементами структур сказок. Выделенные В.Я. Проппом *функции* невозможно применить при классификации элементов сказок.

О классификации сказок в книге В.Я. Проппа сказано противоречиво. Автор предложил выделить три группы сказок: 1) имеется пара функций *борьба — победа*; 2) имеется пара функций *задача — разрешение*; 3) обе пары функций отсутствуют.

Но элементарные сюжеты, в которых герои борются и побеждают сильных противников (тип 1.1.1.24. *Герой превосходит антипода силой в бою*), обнаруживаются как в роли главных, так и в роли вспомогательных элементов сюжетных структур сказок [Кербелите 2005, с. 499]. Так что в группе сказок «борьба — победа» могли оказаться весьма различающиеся произведения.

Далее в «Морфологии сказки» предложено: «Надо выбрать такой элемент, который обязателен для всех сказок, и по его разновидностям и произвести деление. Такими обязательными элементами являются только **А** (*нанесение вреда*) или **а** (*недостача*)» [Пропп 1969, с. 92]. Так якобы можно выделить сказки о похищении человека или талисмана, о поисках невесты, талисмана и т.д. Это уже попытка вернуться к конкретному содержанию сказок. К сожалению, и этот принцип классификации неудачен: названные автором фрагменты часто обнаруживаются в начале сказок и не являются главными элементами сюжетных структур. Итак, В.Я. Проппу не удалось не только создать классификацию, но и предложить перспективные принципы для этого. А ведь это основная цель предпринятого исследования.

Невольно возникает вопрос: понял ли автор, что он потерпел поражение? В другой его книге, «Исторические корни волшебной сказки» (первое издание вышло в 1946 г.), идея выделения *функций* послужила попытке доказать, что основа волшебных сказок — обряд посвящения и представления о смерти. К сожалению, и в этой книге обнаруживается много натяжек и неаргументированных категоричных суждений. Например, автор утверждает, что баба-яга *никогда* не ходит, а только летает и лежит; что она *слепая*, а в ее жилище *слепнет* и герой, что начало сказок свидетельствует о том, что герои *всегда*

направляются в иной мир и т.д. [см. Кербелите 2009; Kerbelytė 2011, с. 393–407]. Достаточно обратиться к тем вариантам сказок, которые цитирует В.Я. Пропп, чтобы убедиться в том, что эти суждения не соответствуют действительности.

В книге «Русская сказка» (1984), подготовленной на основе лекций В.Я. Проппа в Ленинградском университете, содержатся положительные отзывы о жанровом принципе расположения сказок в сборнике А.Н. Афанасьева. Созданная А. Аарне система классификации сказок оценивается несколько иначе: не определено, «что понимается под типом», *разряды* волшебных сказок выделены «не по исключаящим друг друга признакам» [Пропп 1984, с. 58–59, 61–62]. Подобные упреки высказывали многие фольклористы. Автор книги «Русская сказка» утверждал, что «научная классификация сказок не создана до сих пор» [там же, с. 62], и ничего не сказал о принципах, предложенных им самим. Создается впечатление, что В.Я. Пропп признал, что классифицировать волшебные сказки по *функциям* невозможно. Но вряд ли он понял ошибочность своей методики: многочисленные цитаты из «Морфологии сказки» без изменений перекочевали в раздел «Волшебные сказки» этой книги. Возможно, что наличие последователей, переводы книги на другие языки и частое цитирование суждений автора не позволили ему вернуться к работе 1928 года и беспристрастно оценить ее.

Вернемся к вопросу, почему в книге «Морфология сказки» не были созданы основы научной классификации сказок. Исследователи сказок уже отмечали, что автор книги опирался на недостаточный по объему материал. Сам В.Я. Пропп считал, что «сто сказок на разные сюжеты представляют собой более чем достаточный материал» [там же, с. 27]. Все-таки автор не охватил даже весь репертуар русских волшебных сказок, он имел ограниченные возможности сравнить варианты одного и того же сюжета и вряд ли ими воспользовался. Кроме того, он не обращался к рукописным вариантам (мы заметили, что варианты, сюжеты которых значительно отличаются от распространенных версий, очень редко публикуются; видимо, некоторые фольклористы считают их испорченными). Вряд ли В.Я. Пропп сам записывал сказки.

Ограниченным материалом нередко пользуются авторы, желающие создать отвлеченные теории. Я запомнила разговор со своим соотечественником А.Ю. Греймасом (между прочим, он попытался уменьшить количество функций В.Я. Проппа). В 1979 г. в Вильнюсе ему показали созданную мною картотеку «Каталога литовского повествовательного фольклора». Тогда картотека содержала классификацию описаний или копий примерно 70 тысяч текстов. Гость взглянул на два внушительных шкафа с карточками и спросил меня: «Сколько же вам нужно текстов?» —

«Нужны все, которые в картотеке, а многих еще не хватает». — «Вы слишком научная. Чтобы создать теорию, мне достаточно десяти текстов».

Все-таки не только ограниченность материала обусловила неудачу В.Я. Проппа. Он знал, что элементы текстов необходимо выделять «правильно», но, видимо, стремился найти далее неразложимые фрагменты и не интересовался, с чем и как они соединяются. Вряд ли автор «Морфологии сказки» проверял правильность переходов от цитат действий к обозначениям определенных *функций*. Выделение извлеченных из контекста и изолированных друг от друга *функций* — главная методологическая ошибка В.Я. Проппа.

Автор «Морфологии сказки» пренебрежительно относился к сюжету. В книге имеется утверждение, что никто не знает, что такое сюжет, и даже нет его определения. Это не совсем так: в начале XX в. исследователи знали и теперь знают, что сюжет — это событийная основа произведений. Даже в реальной жизни люди рассказывают о событиях, а не перечисляют изолированные действия. В.Я. Пропп уверял: если прочитать выделенные функции, можно вернуться к сказке. А кто захочет слушать такую сказку? Как ее запомнить? Интересно, помнит ли кто-нибудь всю последовательность из 31 функции?

Нельзя забывать, что *сказки — сюжетные произведения*, поэтому и структурные элементы текстов должны быть сюжетными.

Хотя метод описания единой структуры всех волшебных сказок не помог глубже понять эти народные произведения, он на несколько десятилетий определил целое направление изучения сказок. Чтобы обоснованно ответить на вопрос, почему другие ученые не заметили существенных ошибок В.Я. Проппа и пытались продолжить или усовершенствовать его методику, пришлось бы внимательно изучить и сравнить работы этих исследователей. Сейчас мы не можем представить такое исследование. Ограничимся лишь несколькими предположениями. Допустим, что доверчивые исследователи владели ограниченным материалом. Но натяжки и ошибки автора книги были бы замечены при внимательном прочтении только тех текстов, которые В.Я. Пропп цитировал. К сожалению, интерпретации фрагментов текстов никто основательно не проверял.

Обратим внимание на то, как В.Я. Пропп знакомил читателей со своей методикой. Он очень резко критиковал других авторов за нарушения логики и правил классификации и тут же категорично утверждал правильность своих суждений и действий. В.Я. Пропп часто не доказывал что-то с помощью аргументов, а *внушал*. Так создалось впечатление, что автор опирается на законы логики и строго придерживается правил классификации. Даже авторитетные фольклористы поддались внушению, не возражали против неаргументированных суждений. Например, исследователи видели, что нелогично называть

дарителями тех черт, которых герой хитростью заставляет удалиться от волшебных предметов, чтобы их похитить. Они дипломатично придумали термин *вынужденные дарители*.

Из судьбы книги В.Я. Проппа «Морфология сказки» можно извлечь некоторые уроки. Во-первых, если нравится исследование и хочется ему доверять, необходимо тщательно проверить аргументацию автора. Проверке подлежат суждения и методические предпосылки всех авторов, даже самых авторитетных. Никто не должен оказаться за пределами научной дискуссии. Во-вторых, необходимо очень внимательно анализировать тексты и любые детали интерпретировать только в контексте. Мы убедились, что часто достаточно контекста соответствующего элементарного сюжета. Наконец, необходимо опираться на максимально доступное количество аутентичных фольклорных записей.

Известно, что в любой науке бывают полезными даже тупиковые исследования. Полезна ли фольклористике «Морфология сказки» В.Я. Проппа? Да, полезна: если бы не В.Я. Пропп, вряд ли фольклористы обратились к трудам исследователей природы и вряд ли бы «взяли на вооружение» их определение морфологии (т. е. структуры). Перенесенное В.Я. Проппом в фольклористику определение, что морфология (структура) — это «описание сказки по составным частям и отношению частей друг к другу и к целому» [там же, с. 23] пригодно в исследованиях, учитывающих иерархию элементов и развитие структур.

Литература и источники

Кербелите 1991 — *Кербелите Бронислава*. Историческое развитие структур и семантики волшебных сказок. Вильнюс, 1991.

Кербелите 2005 — *Кербелите Бронислава*. Типы народных сказок. Структурно-семантическая классификация литовских народных сказок. М., 2005. Ч. 1–2.

Кербелите 2009 — *Кербелите Бронислава*. Поиски обряда в сказках (заметки о книге В.Я. Проппа) // *Consortium omnis vitae*. Сборник статей к 75-летию профессора Ф.П. Федорова. Daugavpils, 2009. С. 66–82.

Методическая записка 1964 — Методическая записка по архивному хранению и систематизации фольклорных материалов. Вильнюс, 1964.

Пропп 1969 — *Пропп В.Я.* Морфология сказки. 2-е изд. М., 1969.

Пропп 1946 — *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Ленинград, 1946.

Пропп 1984 — *Пропп В.Я.* Русская сказка. Ленинград, 1984.

Kerbelytė 2011 — *Bronislava Kerbelytė*. Lietuvių tautosakos kūrinų prasmės. Kaunas, 2011.

Неосуществленная идея классификации сказок (Заметки о «Морфологии сказки» В.Я. Проппа)

В книге «Морфология сказки» В.Я. Пропп весьма критически оценил классификацию сказок по сюжетным типам. Он полагал, что типы сказок необходимо выделять на основе описаний текстов по функциям. В.Я. Пропп не только не создал такую классификацию, но и не предложил ее перспективных принципов. Автор статьи пытается объяснить причины неудачи В.Я. Проппа.

Исследователи сказок отмечали, что автор «Морфологии сказки» опирался на недостаточный по объему материал (сто текстов из сборника А.Н. Афанасьева). Но это только одна из причин неудачи. Важнейшая причина — в качестве элементов структуры В.Я. Пропп выделил функции, т. е. извлеченные из контекста действия персонажей, и не учитывал, как они соотносятся с действиями персонажей, участвующих в столкновениях, и с последствиями конфликтов.

Ключевые слова: сказка, сюжет, тип, классификация, структура, функция, контекст.

The Unrealized Idea of Classifying Folktales (Some Notes on «Morphology of Folktale» by V. Propp)

In his book «Morphology of the Folk-tale» V. Propp critically evaluated the classification of folk-tales according to plot types. He believed that the types of folk-tales should be distinguished based on the text descriptions of their features. V. Propp not only did not create such classification, but also did not propose its principles of perspective. The author of the article attempts to explain the reasons for V. Propp's failure.

Researchers of folk-tales have noted that V. Propp's conclusions were made on very limited text material (one hundred tales from A. Afanasjav's collection). But this is only one reason for his failure. The most important reason is that V. Propp distinguished the structural elements of folk-tale incorrectly. He extracted the functions of the actions of characters from their context. He did not consider how the actions of one character related to the actions of the other character, or how they were involved in collision or consequences of conflict.

Keywords: folktale, plot, type, classification, structure, function, context.

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И НАУЧНЫЙ ПОИСК
В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ МАКАРЕНКО —
РЕВОЛЮЦИОНЕР, ЭТНОГРАФ, ФОЛЬКЛОРИСТ

А.А. Макаренко принадлежит к замечательной когорте русских этнографов, вступивших на поприще изучения традиционной культуры народов России в качестве подневольных жителей Сибири и Русского Севера. Один из типичных в XIX в. путей в этнографию и фольклористику, свойственный, кажется, исключительно русской науке, — это «революционная противоправительственная деятельность — ссылка — наука о “живой старине”». Этим путем прошел и А.А. Макаренко — автор фундаментального труда «Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. Восточная Сибирь. Енисейская губерния» (СПб., 1913), не потерявшего своего значения и в наше время. Как ни странно, при всей востребованности данной работы и неоднократном обращении историков науки к имени А.А. Макаренко его биография известна только в общих чертах [Стож 1915, с. 51–52; Азадовский 1928, с. 101–112; Сиб. сов. энциклопедия 1932, с. 267; Кошелев 1962, с. 221–253]. Наш очерк призван осветить некоторые повороты в биографии ученого. Восстанавливая биографию А.А. Макаренко, мы будем опираться в том числе на его личный архивный фонд, хранящийся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН [РО ИРЛИ, р. V, кол. 119].

Вся жизнь А.А. Макаренко связана с тремя географическими точками: Харьков, Сибирь, Петербург.

Харьков. В биографическом справочнике «Политическая каторга и ссылка» (кстати сказать, не во всем точном в отношении биографии А.А. Макаренко) сказано: «Макаренко, Алексей Алексеевич — украинец, сын чиновника, учащийся; род. 24 июля 1860 г. в Харькове; не оконч<ил> 6 кл<ассов> реальн<ого> уч<или>ща» [Политическая каторга и ссылка 1934, с. 380]. Остается неясным, по какому стилю, старому или новому, приведена здесь дата рождения.

Отец будущего этнографа был мелким отставным чиновником. Как следует из документов, цитируемых нами далее, он имел звание почетного гражданина, которое дало ему и его потомству право на дворянство. Сам А.А. Макаренко в официальном судебном разбирательстве, о котором мы скажем ниже, назван дворянином. Однако семья жила отнюдь не по-дворянски. А.А. Макаренко был седьмым ребенком в семье, которая находилась на грани нищенства. Матери

он лишился, когда ему было всего полгода. «Каждому из нас, — писал ученый потом о своих братьях и сестрах в автобиографии, подготовленной для Русского географического общества, — довелось жить и работать в одиночку» [Азадовский 1928, с. 108–109]. Когда семья окончательно распалась, подростку пришлось служить в чужих людях («в няньках»), мальчиком-служкой в трактире, подручным в кузнице. М.К. Азадовский цитирует автобиографию А.А. Макаренко: «Было мало радостных дней; самые лучшие воспоминания того времени оставила сердобольная “шинкара” и добросердечный крестьянин ближайшей к Харькову деревни. Эта женщина порою брала к себе в “шинок”, кормила, поила, слушала мои песенки <...> и укладывала спать с лаской и заботливостью матери» [Азадовский 1928, с. 109]. Был в жизни беспризорного мальчика и какой-то крестьянин, благодарный за что-то его отцу. Он увез А.А. Макаренко к себе в деревню, где тот прожил больше года. Тем не менее положение юного А.А. Макаренко в какой-то момент изменилось, и он получил возможность учиться в Харьковском реальном училище, которое, впрочем, как уже было сказано, не закончил. У А.А. Макаренко, внесшего не просто заметный, а исключительный вклад в изучение традиционной культуры русского населения Сибири, подчеркнем, не было не только высшего, но даже среднего образования.

В начале 1880-х гг. А.А. Макаренко, ученик Харьковского реального училища, примыкает к народническим революционным кружкам. Харьков, следует сказать, был заметной точкой на революционной карте России. Здесь располагался один из семи тогдашних университетов — рассадник свободолобивых настроений; к студентам университета примыкали учащиеся Харьковского ветеринарного института. Город был промышленным: здесь складывался новый класс — пролетариат. Идеи народовольцев, с их крайними террористическими установками, и народников, искавших пути сближения с народом, разрабатывавших формы его просвещения, ратовавших за пропагандистские методы, будоражили умы харьковской молодежи, организовавшейся в кружки самообразования и жадно читавшей нелегальную литературу. Атмосфера этого времени (студенческие беспорядки 1882 г., увольнение студентов, просветительская работа в рабочих кружках) нашла отражение в воспоминаниях одного из участников харьковских кружков — тогда студента Харьковского ветеринарного института, а впоследствии профессора Витебского ветеринарного института Алексея Макаревского [Макаревский 1923, с. 63–97]. О революционных кругах Харькова 1880-х гг. пишет также бывший народник И.Д. Веденьев [Веденьев 1923, с. 98–108].

В конце 1881 г. А.А. Макаренко был арестован, но вскоре освобожден на поруки. В газете «Харьковские губернские ведомости» находим извещение о предстоящем 28 января 1882 г. слушании дела в

Харьковском военно-окружном суде: «Об ученике хар^ьковского> реальн^ого> учил^ища> вил^енском> мещан^ине> Сигизмунде Обедзинском, двор^янине> Шавелского уезда А. Сиповиче, студ^енте> Хар^ьковского> вет^еринарного> инст^итута> мариупольском мещ^анине> Д. Цимблере, быв^шем> учен^ике> Кур^ского> реал^ьного> учил^ища> куп^еческом> сыне В. Коронном, аптекарск^ом> учен^ике> двор^янине> Херс^онской> губ^ернии> В. Данилове, учен^ике> Хар^ьковского> реальн^ого> учил^ища> двор^янине> А. Макаренко, оконч^ившем> курс в том же учил^ище> хар^ьковском> мещ^анине> П. Забалуеве и купеч^еском> сыне В. Литягине, обв^иняемых> в распространении революц^ионных> печатных изданий с целью возбуждения народа к бунту или иному неповиновению верховной власти» (Дела, назначенные к слушанию 1882). А.А. Макаренко в ходе этого судебного разбирательства был оправдан, хотя очевидно, что он уже тогда непосредственно участвовал в пропаганде революционных идей в рабочей среде. Народник В.Н. Головкин в своих воспоминаниях пишет: «...у нас, харьковцев, были еще связи в рабочей среде, где я был своим человеком, через Макаренко — последнего могикана народничества в духе “Черного передела”, суд над которым был в свое время в Харькове злобой дня (процесс Данилова, Макаренко, Литягина, Забалуева)» [Головкин 1931, с. 222].

В 1883 г. А.А. Макаренко вместе со своим другом П.Л. Забалуевым занимался в кружке саморазвития, во главе которого стоял кандидат прав Юлий Алексеевич Бунин — старший брат великого русского писателя. Из видных революционеров в кружок входили Иван Львович Манучаров (Манчаров, Манчурьянц Ованес Арспаньян — будущий шлиссельбуржец и впоследствии ссыльный на острове Сахалин) [Макаревский 1923, с. 70]. А.А. Макаренко, как следует из воспоминаний другого харьковского народника, Ивана Дмитриевича Веденьева, в это время работал в артели кровельщиков, которой руководил отец его товарища П.Л. Забалуева. Описывая социальный состав харьковского революционного движения начала 1880-х годов, И.Д. Веденьев дает А.А. Макаренко такую характеристику: «и интеллигент, и рабочий» [Веденьев 1923, с. 99]. Интеллигентом А.А. Макаренко, без сомнения, сделало самообразование.

Революционная работа А.А. Макаренко была связана с нелегальной типографией, располагавшейся в квартире Н.В. Иордана. Здесь печатались брошюры революционного содержания: «Несколько слов о прошлом русского социализма и о задачах интеллигенции», «Объяснительная записка к программе Народной партии» и др. [Макаревский 1923, с. 73]. В начале 1884 г. после громких событий — неудачная экспроприация почты на Чугуевской дороге, убийство революционерами предателя Федора Шкрябы (Шкриобы) — типография (гектограф) была раскрыта полицией. Непосредственно в типографии

с оружием в руках был арестован Николай Владимирович Иордан, на улице с нелегальными листовками взяли И.Л. Манучарова, затем Дмитрия Ивановича Ослопова. «Одновременно с этим был произведен обыск в квартире А.А. Макаренко, активного и весьма деятельного народника, но его дома не оказалось, — пишет А. Макаревский, — напротив, в ней пил чай студ<ент> Петровско-Разумовской академии, бывший харьковский реалист, приехавший в Харьков на праздники, Пав<ел> Лазар<евич> Забалуев, и его арестовали. В квартире этой было найдено много нелегальной литературы, но Ал.Ал. Макаренко задержан не был, он скрылся, перейдя на нелегальное положение» [Макаревский 1923, с. 72]. Среди нелегальной литературы, найденной на квартире Забалуевых-Макаренко, были «Манифест коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, брошюры «Что такое социализм», «Что такое заработная плата и как она определяется» и др. А.А. Макаренко некоторое время скрывался на квартире у народника В.П. Денисенко [Денисенко 1929, с. 128]. Затем он переехал в Москву, где поступил «в типографию наборщиком, ведя пропаганду среди рабочих» [Макаревский 1923, с. 72].

В 1885 г. А.А. Макаренко в связи с революционной работой находился в Кременчугском уезде Полтавской губернии. Однако именно от этого периода его жизни в позднейшей статье 1897 г. «Почитание огня у крестьян-сибиряков Енисейской губернии» мы имеем маленькое этнографическое наблюдение: «Живя недолго в Кременчужском (так! — Т. И.) уезде Полтавской губ., между прочим, мне пришлось видеть, как парубки в продолжении всей Ивановской ночи ходили с зажженными пучками соломы, укрепленными ивовыми прутьями к длинным шестам: при свете таких своеобразных факелов они переходили из хутора в хутор, с целью навестить своих “коханок”» [Макаренко 1897а, с. 247]. Искренний, сочувственный интерес к народной жизни и природная наблюдательность вскоре из Макаренко-революционера сделают Макаренко-этнографа.

В Кременчуге А.А. Макаренко в 1885 г. был арестован. По пути, пока его везли в тюрьму, он бежал, но был опять схвачен. В 1886 г. в административном порядке будущий этнограф был выслан в Сибирь.

Сибирь. Ссылку А.А. Макаренко отбывал в большом селе Ужур (около 2000 жителей) Ачинского уезда Енисейской губернии. Здесь вместе с группой ссыльных (7 человек), прибывших в Ужур в 1886–1887 гг. по разным политическим делам, он организовал земледельческую общину (1887–1893), жизнь которой описал в своем очерке «Ужурская трудовая коммуна (1887–1893)» один из ее участников, П.К. Пешекеров [РО ИРЛИ, р. V, кол. 119, п. 5, № 14; машинопись]. В данной рукописи имеется список ссыльных:

«1. Кудряшев, Виталий Николаевич, 27 лет, русский, рабочий — токарь мастер<ских> ж<елезной> д<ороги>, образование низшее, народоволец (по Лопатин<скому> делу).

2. Макаренко, Алексей Алексеевич, 25 лет, украинец, из личных почетн<ых> граждан, образование среднее, народник — народоволец (слово «народоволец» зачеркнуто карандашом, возможно, А.А. Макаренко. — Т. И.).

3. Новиков-Ривенко, Александр Михайлович, 26 лет, украинец, студент последнего курса Дерптского ветеринарного института, народоволец.

4. Пешекеров, Петр Кириллович, 23 лет, армянин, из мещан, образование среднее, народоволец (по Лопатин<скому> делу).

5. Рыдзевский, Боислав (так! — Т.И.) Юрьевич, 26 лет, поляк, студент Александровского сельско-хозяйственного института, член польской партии «Пролетариат».

6. Синев, Егор Данилович, русский, 24 лет, из крестьян Самарск<ой> губ<ернии>, солдат лейб-гвардии Павловского полка, образование низшее, народоволец.

7. Шаповалов, Яков Сергеевич, русский, 26 лет, сын служащего, образование среднее, народоволец (по Лопатин<скому> делу)» [РО ИРЛИ, р. V, колл. 119, п. 5, № 14, л. 4об.–5].

Шестеро из этой компании молодых людей в сентябре 1887 г. наняли полуразвалившуюся избу (седьмой продолжал жить отдельно). Переболев поочередно тифом, весной 1888 г. они выкупили у одного из крестьян готовую с осени под посев землю и засеяли ее пшеницей, рожью и овсом. В этом же году трудовая коммуна выкорчевала лес под пашню, получив на будущий год урожай вдвое против обычного. Приобретены были две лошади. Члены коммуны, городские жители, научились пахать, сеять, жать, молотить, косить сено. Не скоро, постепенно они завоевали уважение жителей Ужура. В автобиографии А.А. Макаренко писал: «...все это открыло нам широкий доступ в крестьянскую массу и в их жилища, облегчило пути взаимного понимания и тесного сближения. То была действительно народная школа. В ней мы, политические изгнанники, черпали полную меру познания материального быта, духовного его творчества, его психики и чаяний» [Азадовский 1928, с. 102].

Трудовая коммуна установила свой устав, в котором был следующий пункт:

«9. Наличные средства коммуны и полученные средства от продажи продуктов, за вычетом средств для поддержания хозяйства, должны были обращаться на:

а) Приобретение книг, брошюр, газет для членов коммуны и книжных пособий для обучения детей и взрослых.

- б) Оказание медицинской помощи крестьянам.
- в) Оказание денежной помощи отъезжающим товарищам и нуждающимся товарищам по ссылке в других районах.
- г) Оказание денежной помощи революционному движению» [РО ИРЛИ, р. V, колл. 119, п. 5, № 14, л. 19об.–20].

Трудовая, крестьянская по сути дела, жизнь совмещалась политическими ссылными с просветительской деятельностью. Они организовали в Ужуре домашнюю (неофициальную) школу; оказывали местному населению медицинскую помощь. Согласно воспоминаниям П.К. Пешекерова, А.А. Макаренко с особым удовольствием занимался обучением грамоте крестьянских детей и самих крестьян.

Вели политические ссыльные в Ужуре и революционную пропаганду. «Макаренко (Алексейч) и я, — писал П.К. Пешекеров, — ведшие еще в России кружки рабочих, применили и здесь свой навык в деле пропаганды и, помимо ознакомления с русским революционным движением, знакомили в рассказах с положением рабочего движения в Европе и наводили мысль слушателей на общие принципиальные вопросы» [РО ИРЛИ, р. V, колл. 119, п. 5, № 14, л. 22об.].

По окончании сельскохозяйственных работ 1888 г. ужурские коммунары, разработав анкету о положении политических ссыльных в Сибири, разослали ее по известным адресам товарищей, отбывавших ссылку в других местах, и, получив ответы, начали обрабатывать материал. Однако зимой 1888/1889 г. в доме коммуны внезапно был произведен обыск жандармами, приехавшими из Минусинска. Только находчивость и хладнокровие А.А. Макаренко смогли спасти коммуны от больших неприятностей: практически на глазах у обыскивающих он сумел сжечь в печи материалы анкетирования [РО ИРЛИ, р. V, колл. 119, п. 5, № 14, л. 26об.–27].

Колония политических ссыльных в Ужуре занимала активную общественную позицию. 22 марта 1889 г. в Якутске произошли события, которые вошли в историю русского революционного движения как «Якутская трагедия» — власти жестоко подавили протест ссыльных, требовавших возможности закупить необходимые вещи для продолжения пути к месту назначения. Были убиты С.Я. Гуревич, П.А. Муханов, Я.Ш. Ноткин, С.А. Пик, П.П. Подбельский, Г.Е. Шур. После проведения следствия к повешению были приговорены А.Л. Гаусман, Н.Л. Зотов и Л.М. Коган-Бернштейн. 7 августа приговор был приведен в исполнение.

Когда до ужурских ссыльных дошла весть о Якутской трагедии, они выступили с протестом. В записной книжке А.А. Макаренко записывал: «22 марта 1889 г. произошла драма в Якутске. Вр<еменно> и<сполняющий> д<олжность> губ<ернатора> Осташкин, ополчившись на ссыльно-политических, подверг их расстрелу и избиению.

Были убиты: Пик, Ноткин, Шур, Муханов и Подбельский. Софья Гуревич, будучи в положении, была разорвана штыками. Остальных 33 человека предали военному суду. После приговора суда, утвержденного иркутским генерал-губернатором Игнатьевым, были повешены: Коган-Бернштейн, Гаусман и Зотов» [РО ИРЛИ, колл. 119, п. 5, № 1, л. 12].

И далее на этой же странице сделана более поздняя приписка: «P.S. Я, Пешекеров, Кудряшев и Синев послали министру внутренних дел протест, считая расстрел якутских товарищей очередным преступлением царского правительства. В ответ мы получили прибавки срока ссылки на 3 года» [РО ИРЛИ, р. V, колл. 119, п. 5, № 1, л. 12]. П.К. Пешекеров в своем очерке об Ужурской коммуне пишет: «Другим результатом этого протеста было то, что мы с Макаренко решили более определенным образом подумывать о побеге из ссылки, так как 3-хлетняя прибавка давала в перспективе ему еще 6 лет, а мне еще 7 лет пребывания в ссылке. По единогласному решению всех членов коммуны мы с Макаренко должны были, оставаясь активными членами коммуны и принимая по-прежнему участие во всех ее работах, перейти на житье в другую квартиру, чтобы изолироваться от них и в благоприятный момент исчезнуть из Ужура, не навлекая на них по крайней мере формальной кары за наш побег» [РО ИРЛИ, р. V, колл. 119, п. 5, № 14, л. 30].

Однако мечтам о побеге не суждено было сбыться. В марте 1890 г. на квартире А.А. Макаренко и П.К. Пешекерова опять был произведен обыск, найдены письма компрометирующего содержания, программа народников, переписанная рукой А.А. Макаренко. В результате они были отправлены в Красноярскую тюрьму. Шесть месяцев сидели в камерах-одиночках, а затем в камере вместе с другим политическим ссыльным. За время пребывания в Ужуре А.А. Макаренко и П.К. Пешекеров сумели завоевать у крестьян такой авторитет и уважение, что те были готовы под залог своих участков и построек взять их на поруки, что, впрочем, властями было отклонено. Лишь в 1891 г., через год и три месяца, А.А. Макаренко и П.К. Пешекеров были возвращены в Ужур. А.А. Макаренко в своей записной книжке отмечал: «...после обыска в начале 1890 года Пешекерова и меня арестовали, посадили в Красноярскую тюрьму, выдержали под следствием год и в 1891 г. водворили в Ужур ожидать окончание "дела"» [РО ИРЛИ, р. V, колл. 119, п. 5, № 1, л. 12].

От планов побега А.А. Макаренко отказался. Ссылная колония, редая (отбывшие свой срок покидали Ужур), продолжала свое существование. В 1892 г. А.А. Макаренко при крестьянском обозе в качестве «доброхотного» ямщика (и, кажется, втайне от властей) побывал на дальних золотых приисках Южно-Ачинской тайги. В этом же году Ужур и окрестности подверглись какой-то эпидемиче-

ской болезни. Как пишет Макаренко в своих дневниковых заметках, «нечто вроде холеры»: «Хворал и я 4 суток сильно, потом пошел на поправку...» [РО ИРЛИ, р. V, колл. 119, п. 5, № 1, л. 16об.]. В 1892 г. из семи членов коммуны, когда-то начинавших общее дело, в Ужуре остались только А.А. Макаренко и П.К. Пешекеров. В декабре 1893 г. П.К. Пешекеров был переведен в г. Минусинск. Коммуна прекратила свое существование.

Ужур оказался не единственным местом ссылки А.А. Макаренко. Глубокой осенью 1894 г. он был из Ужура выслан в с. Казачинское. В записной книжке значится путь в 204 версты — расстояние от Красноярска через ряд сел до Казачинского — и указаны расходы на дорогу. «Прибыл на третий день 12.XI.1894 г.», — отмечает А.А. Макаренко [РО ИРЛИ, р. V, колл. 119, п. 5, № 1, л. 96]. И далее синим карандашом, явно много позднее, дано пояснение: «Поехал на свой счет, будучи высланным из Ужура в Казачинское по распоряжению Иркутского генерал-губернатора Горемыкина — сроком на 2 года» [РО ИРЛИ, р. V, колл. 119, п. 5, № 1, л. 96].

В с. Казачинское Казачинской волости Енисейской губернии А.А. Макаренко пробыл до мая 1897 г. В автобиографии он писал: «Продолжая ссылку в Казачинском, свое существование поддерживал работами по найму у крестьян, будучи каменотесом, плотником, нанимаясь косить, жать, пахать и проч.» [Азадовский 1928, с. 102]. По окончании срока ссылки в 1897 г. А.А. Макаренко остался в Сибири; проживал в г. Енисейске, а затем в с. Стрелковском Маклаковской вол. Енисейского у. Работал конторщиком на предприятии Министерства путей сообщения, изучавшем проходимость порогов на р. Ангаре. Летом 1897 и 1898 г. в связи со своими должностными обязанностями он плавал по рекам Енисею и Ангаре на судах «Ангарской казенной флотилии», занимаясь в том числе и этнографическими наблюдениями (позднее по материалам этих плаваний будет написано исследование «Промысел красной рыбы на Ангаре» [Макаренко 1902а]). В 1899 г. он опять побывал на золотых приисках в Енисейском округе. Каждая из таких поездок дает А.А. Макаренко, наделенному даром наблюдателя-этнографа, огромный материал для изучения жизни горнорабочих, рыбаков, крестьян.

За годы жизни в Сибири (1886–1899) А.А. Макаренко, не отрекаясь от своих революционных взглядов, превратился в этнографа, причём этнографа высокого класса.

Печататься А.А. Макаренко начал еще в 1887 г., находясь в с. Ужур. Правда, поначалу это были статьи на злобу дня. В известной своими демократическими установками газете «Восточное обозрение» сначала был опубликован очерк «Тайны сибирской деревни (Из путевых записок)» [Макаренко 1887а, с. 16–17], где нарисован образ деревенского кулака — владельца лавки и кабака. В корреспонденции «Ужур»

[Макаренко 1887б, с. 7–8] описана практика самосудов в селе. Статья «Ульбинская община» [Макаренко 1887в, с. 10–12] посвящена общине в Усть-Каменогорском у. Семипалатинской обл. (остается неясным, как автор получил материал об этой местности). В еще одной корреспонденции из Ужура [Макаренко 1887г, с. 8] подняты проблемы переселенцев, направлявшихся в Сибирь. Возможно, ему же принадлежат статьи за подписью Ужурянин [Макаренко 1888а; 1888б]. Все газетные статьи и заметки имели острый характер и определялись общественно-политической позицией А.А. Макаренко.

Однако, по-видимому, довольно скоро на основе этой же общественно-политической позиции, обусловленной пониманием несправедливости социального устройства мира, начинает складываться иная платформа — этнографическая. Рядом с публицистическим вектором прорастает и постепенно начинает все решительнее заявлять о себе научный, этнографический, подход к описываемым сторонам жизни. Из рукописной заметки «К ужурской досюльщине» [РО ИРЛИ, р. V, колл. 119, п. 21, № 46], датированной 19 января 1896 г., следует, что к этнографии А.А. Макаренко обратился в 1888 г., заручившись поддержкой основателя Минусинского музея Н.М. Мартыанова. В отчете Минусинского музея за 1888 г. говорится: «Группе русской этнографии, до сих пор едва существовавшей в виде случайного собрания некоторых коллекций и отдельных предметов, положено основание коллекции старинных сибирских крестьянских костюмов, подбираемой в Ачинском округе сотрудником музея А.А. Макаренко» [Отчет по Минусинскому музею 1889, с. 4]. В описании Минусинского музея соответственно читаем: «В “доброе старое время” первых завоевателей [костюм] значительно разнился от употребляемого теперь и может быть восстановлен лишь с трудом. Комитету музея посчастливилось достать через А.А. Макаренко и крестьянок с. Ужура Ачинского округа — Варвару Степ. Шабалину, Анну Сергеевну и Татьяну Ивановну Ананьиных большую часть такого старинного одеяния, правда, больше женского...» [Яковлев 1900, с. 129].

Первый опубликованный научный труд А.А. Макаренко, написанный в с. Казачинском, касался красильного промысла, материалы по которому были получены им в 1889–1890 гг. в Ужуре в связи с собиранием сведений по другой, очень его интересовавшей, теме — по народной медицине. Напечатана статья была в журнале «Живая старина», нередко предоставлявшем свои страницы «подневольным» исследователям традиционной культуры народов, населявших Российскую империю. Через кого А.А. Макаренко связался с «Живой стариной», остается неясным, но сотрудничество его с этим ученым органом оказалось прочным и плодотворным.

Подробно описав технологию крашения и кубленья домотканых холстов, дав список красящих растений, начинающий этнограф при-

вел также суеверия и заговоры, сопровождающие эту крестьянскую работу [Макаренко 1895, с. 349–356]. Так, чтобы обеспечить успех кубления, крестьянки произносили следующий заговор: «Как белую березу солнцем не печет, морозом не берет, так и мой куб бы чтобы не брали ни уроки, ни призоры от девицы простоволосой, от бабы долговолосой, от мужика-колдуна. Будьте мои слова крепки-лепки» [Макаренко 1895, с. 354]. Через пять лет, уже оказавшись в Петербурге, А.А. Макаренко составит программу для изучения крестьянского красивого ремесла [Макаренко 1901а, с. 108–111].

В 1897 г. в «Живой старине» А.А. Макаренко напечатал основательные «Материалы по народной медицине Ужурской волости Качинского округа Енисейской губ. С приложением Сборника народно-медицинских средств той же волости» [Макаренко 1897б]. Работа по сбору материалов, как пишет сам автор, была начата в 1892 г., когда его товарищ по трудовой коммуне А.М. Новиков, студент Дерптского ветеринарного института, лечивший безвозмездно ужурских крестьян, уезжая из Ужура по окончании ссылки, посоветовал ему собрать лекарственные травы, узнать их названия и способы лечения. Статья «Материалы по народной медицине» была закончена этнографом уже в Казачинском. Посвящена она была скончавшемуся в 1888 г. в ссылке в Томске П.Л. Забалуеву — харьковскому товарищу А.А. Макаренко. Как следует из предисловия, А.А. Макаренко пользовался консультациями Н.М. Мартынова, основателя краеведческого музея в Минусинске, и доктора В.М. Крутовского. Собранный в 1892–1894 гг. в Ужуре при помощи крестьян гербарий лекарственных растений был передан исследователем в Общество врачей Енисейской губернии. Сам этнограф этот труд считал «результатом соединенных усилий целой группы крестьян и крестьянок» [Макаренко 1897б. Вып. 1. С. 57], имена которых он скрупулезно называл. О себе же писал: «Мое участие в общей работе составления “Материалов” чисто случайное. Моя роль в ней была ролью рядового стенографа, заносящего на страницы памятной книжки картинки живой действительности, реальные повествования живых людей. Я старался не видоизменять слышанные пересказы и удерживал, по возможности, форму изложения, местные особенности терминологии и технические выражения народного говора...» [Макаренко 1897б. Вып. 1. С. 61].

Действительно, в описании болезней и способов их лечения читатель все время слышит голоса жителей Ужура, например, о кумушке (лихорадке) читаем:

«Кумушка каждоденна. “Что день трясти приматься, кидать в озноб, то в жар; теряшь выть (аппетит), худашь, слабешь”.

Перед тем, как кумушке трясти, советывается сесть на смиренного коня и ехать в поле. Не робей при этом. “Кумушка кинется в погоню, станет

бросаться на коня зверем, реветь и всяко престаиваться... Надо вытерпеть, молча ехать, — тогда она бросит”.

“Отец мой, покойничек, хворал кумушкой семь лет. Вздумал спробовать это средство, саял на коня и поехал в поле. Вот кумушка начини-ко шарашиться на коня и бить в зад, словно горохом, — как сказывал тятинька; конь испужался, бросился на болота и сбросил седока; отец упал на кочку и ушиб грудь; чуть живой вернулся домой. Кумушка отстала... Но тятенька вскоре умер”. Анна Дан. Ананьина» [Макаренко 1897б. Вып. 1. С. 62].

Написанная с народнических позиций, вскрывающих положение крестьянина-сибиряка (отсутствие качественной медицинской помощи, темнота и суеверие народа), эта работа одновременно дает обширный материал по народной медицине и фольклору. Медицина, подчеркивает А.А. Макаренко, — это прежде всего женская сфера: «Не отрицая существование в крестьянах-сибиряках знаний по народной медицине и лекарственных средств, можно сказать утвердительно, что они обстоятельнее и многостороннее в крестьянках-сибирячках» [Макаренко 1897б. Вып. 1. С. 59]. Сама же народная медицина исследователю представляется смесью «суеверий и грубо-примитивных приемов лечений с разумными <...> и целесообразными медицинскими средствами» [Макаренко 1897б. Вып. 1. С. 59].

Материалы по народной медицине систематизированы А.А. Макаренко в нескольких разделах («Разряд ходячих (то есть эпидемических. — Т. И.) болезней»; «Разряд обыкновенных болезней»). В разделе «Народное акушерство» описаны темы «Роженье», «Уход за роженицей», «Уход за новорожденным», «Народное кормление грудных детей». Специально выделен раздел «Детские болезни». Завершается исследование «Сборником народно-медицинских средств», в который включены наговоры (заговоры), тексты которых расположены по информантам, а также «Надобья» — список лекарственных растений. Особо выделен раздел «Растения с чудесной силой». О чернобыльнике, например, А.А. Макаренко зафиксировал следующие сведения: «На Иванов день, до восхода солнца, чтобы никто тебя не видел, рви чернобыльник; под корнем найдешь уголь; он от многих болезней облегчение доставляет — от брюха, тошноты и проч. Если увидят тебя за этим делом — уголь уйдет в землю» [Макаренко 1897б. Вып. 3/4. С. 410]. Учитывает собиратель лечебные средства животного происхождения, мази, спирты и водки, минералы и пр.

Труд А.А. Макаренко, по отзыву В.И. Ламанского, в совокупности со статьей о красильном искусстве у русских сибиряков, был удостоен малой золотой медали Русского географического общества. В.И. Ламанский писал о работе по народной медицине, с которой он познакомился в рукописи: «Обильный материал освещен ясным, гуманным взглядом, расположен стройно-систематически. Все изло-

жение просто, можно сказать, художественно и, без сомнения, произведет сильное впечатление, заставив, наконец, обратить внимание и общества, и государства на необходимость устройства врачебной помощи на широких началах народу нашему вообще и сибирякам в частности» [Доклад Комиссии по присуждению медалей 1897, с. 22].

Через двадцатка лет «Материалы по народной медицине Ужурской волости» стали методологическим ориентиром для исследования Г.С. Виноградова «Самоврачевание и скотолечение у русского старожилородного населения Сибири (Материалы по народной медицине и ветеринарии). Восточная Сибирь. Тулуновская волость, Нижнеудинский уезд, Иркутская губерния» [Виноградов 1915, с. 325–432]. И теперь уже А.А. Макаренко, известный этнограф и член Русского географического общества, написал отзыв на работу своего молодого земляка (см. отзыв на рукопись: [Макаренко 1916, с. 74–78]).

В советское время А.А. Макаренко, перебирая свои бумаги и, возможно, думая о переиздании «Материалов по народной медицине Ужурской волости», на дореволюционном корректурном экземпляре статьи дал многочисленные дополнения и изменения. Среди прочего он исправил опечатку в фамилии своего друга (не Забалцев, а Забалуев), а также сделал сноску к словам «Посвящается памяти П.Л. Забалуева»: «Моего лучшего друга, стойкого революционера. Был сослан на 5 лет в Нарым (Томской г.) в 1886 г. (шли вместе в ссылку). Незадолго до смерти его перевели в Томск, где он умер от скоротечной чахотки 10 мая 1888 г., на 25 году жизни (Павел Лазаревич Забалуев (Некролог) // Сибирская жизнь. 1888. № 35). Макаренко» [РО ИРЛИ, р. V, колл. 119, п. 5, № 135; см. также другой корректурный экземпляр статьи — № 136].

Судя по всему, медицинская тема интересовала А.А. Макаренко не только в аспекте лекарственных средств. Среди его работ имеются небольшие очерки с описанием патологических ментальных состояний: «Дурачки и убогие» и «Урочливая» [Макаренко 1897в, с. 126–128; 1897 г, с. 129–130].

К сибирскому периоду жизни относится еще одна этнографическая статья А.А. Макаренко, уже названная нами: «Почитание огня у крестьян-сибиряков Енисейской губернии» [Макаренко 1897а, с. 247–253]. Этнограф указывает на использование огня как очистительного средства при падеже скота и при эпидемиях, на предохранительное окуливание скота в Великий четверг. С подробным описанием технологии (и с рисунками) дается картина добывания нового «деревянного огня» (путем трения). Без сомнения, юношеская трудовая закалка и активное участие в жизни трудовой коммуны ссыльных позволили А.А. Макаренко уловить многие «технологические» детали этнографических явлений.

В условиях сибирской ссылки А.А. Макаренко складывался прежде всего как этнограф. Однако далеко не чужды ему были и сугубо

фольклористические интересы. В архиве сохранились подготовительные материалы и черновая рукопись, озаглавленная «Частицы этнографического прошлого села Ужура Ачинского округа Енисейской губернии» [РО ИРЛИ, р. V, колл. 119, п. 21, № 48], а также начало перебеленного варианта под названием «Досельщина села Ужура Ачинского округа Енисейской губернии» [РО ИРЛИ, р. V, колл. 119, п. 21, № 59–60]. В этом труде намечены три раздела: «Улус» (до-русская история местности), «Переселенцы в Ужурской поселъбе» и «Свадьба в Ужурской поселъбе». Очевидно, что свадебный обряд, о котором А.А. Макаренко не оставил специальных трудов, его интересовал серьезно. В РО ИРЛИ сохранился черновой вариант программы исследователя по собиранию материалов о свадьбе с датой: «3.VI. 1895 г. С<ело>Казачинское» [РО ИРЛИ, р. V, колл. 119, п. 21, № 23].

Имеются в архиве А.А. Макаренко и записи ужурского песенного фольклора (полевые карандашные и перебеленные чернилами рукописи): величання и причитання [РО ИРЛИ, р. V, колл. 119, п. 21, № 61–62]; игрищные, вечерочные, плясовые, проголосьные песни [РО ИРЛИ, р. V, колл. 119, п. 5, № 23–39]. Весь этот материал, находящийся в хаотическом состоянии, требует внимательного заинтересованного исследования.

В с. Казачинское в 1895–1896 гг. А.А. Макаренко записывал сказки, причем делал он это по предложению Г.Н. Потанина. Сказочный материал (29 сказок) был опубликован в 1902 г. Г.Н. Потаниным в «Записках Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела имп. Русского географического общества» [Макаренко 1902б, с. 13–48; см. в РО ИРЛИ корректуру сказок, с отдельными правками собирателя — РО ИРЛИ, р. V, колл. 119, п. 21, № 136]. Помимо Казачинской волости здесь представлен материал из Кежемской волости; отдельные сказки помечены 1900 г. Очевидно, что, как и в случае с собиранием материалов по народной медицине, А.А. Макаренко смог к работе со сказкой привлечь местных жителей. Так, сказка «Черт-работник» (№ 26) и полубытовой рассказ «Стрелец и гуси» (№ 27) определенно были записаны Степаном Брюхановым, парнем из д. Заимка Кежемской вол. (скорее всего, из собственного репертуара); сказка «Три загадки» (№ 28) — крестьянским сыном Александром Казанцевым (с. Казачье). В статье «Сибирские песенные старины» Александра Никифоровича Казанцева, крестьянина-поэта, собиратель называет своим другом [Макаренко 1907а. Вып. 1, с. 19]. Вероятно, и в других случаях, когда под сказочным текстом стоит имя того или иного крестьянина, можно предположить, что это не только исполнитель сказки, но и собиратель.

Результатом фольклорно-этнографических наблюдений периода ссылки стала также статья «Новогодняя ворожба по деревням Енисейской губернии» [Макаренко 1901б, с. 122–126], построенная на материалах, собранных в Ачинском и Енисейском уездах.

Исследователь предлагает свою классификацию гаданий по целям: 1) узнать, женится ли кто или выйдет замуж; 2) узнать имя суженого / суженой; 3) узнать внешний облик; 4) характер и наклонности; 5) определить имущественное положение; 6) в какую сторону выйдешь замуж или откуда возьмешь жену; 7) количество будущих детей; 8) жив ли будешь или умрешь в течение года; 9) на разные заветы (под «заветами» собиратель понимает слушание под окнами: свои собственные обстоятельства слушающий истолковывает в зависимости от темы разговора хозяев дома). В статье, как и в других работах А.А. Макаренко, четко прочитывается, помимо этнографической составляющей, народнический социально-просветительский подход. Исследователь считает, что необходимо искоренять суеверия, в том числе и гадания, и склонять крестьян «к более разумному пониманию вещей и служить основанием для построения новых точек зрения» [Макаренко 1901б, с. 126].

Петербург. В 1899 г. А.А. Макаренко возвращается, как говорили сибиряки, в Россию — то есть в европейскую часть Российской империи. Следует сказать, что он не отрекся от социально-политических идеалов своей юности. Поселившись в Петербурге, 3 марта 1902 г. он участвовал в политической демонстрации, в результате чего подвергся кратковременному аресту в знаменитой тюрьме «Кресты». Принял он также участие в печально известной мирной демонстрации рабочих 9 января 1905 г.: опять арест, те же «Кресты», освобождение по амнистии. В 1908 г. А.А. Макаренко судили за принадлежность к Крестьянскому союзу [Азадовский 1928, с. 103; Политическая каторга и ссылка 1934, с. 380].

В Петербурге А.А. Макаренко, уже зарекомендовавший себя своими трудами в области этнографии, наконец-то входит в профессиональную научную среду. Деятельность ученого в 1900–1910-е гг. была связана с двумя учреждениями — Русским географическим обществом, членом-сотрудником которого он являлся с 13 марта 1900 г. [Состав Русского географического общества 1902, с. 81], и Этнографическим отделом Русского музея императора Александра III, созданным в январе 1902 г. Во главе этого отдела, напомним, стал бывший политический ссыльный Д.А. Клеменц — видный этнограф, исследователь культуры сибирских народов. С Д.А. Клеменцем А.А. Макаренко познакомился еще в 1888 г., когда тот, возвращаясь из экспедиции в район древних могильников Кызыльского края Енисейской губернии, заехал, зная о существовании там колонии ссыльных, в Ужур. Оказавшись в Петербурге, А.А. Макаренко стал бывать в семье Д.А. Клеменца, занимавшего тогда должность старшего этнографа в Музее антропологии и этнографии имени Петра I. С богатейшими коллекциями Музея А.А. Макаренко познакомил

сам Д.А. Клеменц. В 1902 г., когда А.А. Макаренко искал себе работу, он благодаря Д.А. Клеменцу получил возможность сотрудничества с Этнографическим отделом Русского музея [Макаренко 1917, с. 316–355]. Сначала А.А. Макаренко при финансовом обеспечении Этнографического отдела совершал научные экспедиции; впоследствии занял в Этнографическом отделе должность регистратора коллекций — служащего по вольному найму.

В марте–августе 1904 г. по поручению Русского географического общества и Русского музея А.А. Макаренко совершил этнографическую поездку в южную часть Енисейского уезда (Ангара, Верхняя Тунгуска, г. Енисейск на Енисее). На экспедицию Русский музей выделил этнографу 701 руб., что позволило приобрести для музея 810 предметов и сделать 120 фотоснимков [Отчет о деятельности Русского музея 1904, с. 14, 31].

Среди собранных фольклорных материалов оказались волшебные сказки, записанные в с. Кежме Енисейского у. — на правом берегу Ангара [Макаренко 1912, с. 351–386]. Здесь А.А. Макаренко встретился с великолепным знатоком фольклорной традиции и сказочником Ефимом Максимовичем Кокориным (Чимой):

«И мне пришлось встретить на Ангаре, в упомянутом селе Кежме, интересного “посказателя” сказок. Это был пожилой крестьянин-старожил, полный слепец с ранних годов женитьбы, крайне бедного положения, поддерживаемый трудами своей жены и сына, которые вели скромное сельское хозяйство. Имя ему было Ефим Максимович, а по фамилии Кокорин; в общегитии называли его попросту Чима. Это был доброй души человек, приветливый, полезный для окружающих своим острым умением вести на память календарное днеисчисление. У Чимы имелся, кроме того, богатый запас поговорок, загадок, задач, присказок, песенного и сказочного материала, а главное, он обладал живым воображением, горячей фантазией и незаурядной плавностью речи, чем положительно увлекал своих слушателей. Они собирались то к нему в избу, то приглашали его на устроенное где-либо собрание. Чима занимал их побасенками, сказками. Так коротали кежемцы долгие темные зимние ноченьки» [Макаренко 1912, с. 353].

Две сказки Чимы фольклорист публикует в «Живой старине». Через двадцать лет М.К. Азадовский включил Е.М. Кокорина в круг лучших сказочников в сборнике «Русская сказка: Избранные мастера» [Азадовский 1932. Т. 1, с. 215–237].

Помимо сказок А.А. Макаренко во время экспедиции 1904 г. записывал также песенный фольклор. 5 мая 1906 г. в Русском географическом обществе ученый прочитал доклад «Сибирские песенные старины», а позднее опубликовал песенные материалы [Макаренко

1907а], собранные им в период ссылки в Ачинском и Енисейском округе и в поездке 1904 г. Как следует из статьи, предвещающей публикацию, А.А. Макаренко вполне профессионально осознавал фольклористические проблемы (например, проблему классификации песен). В противовес авторитетному мнению А.П. Шапова и С.В. Максимова об отсутствии песни у сибиряков, фольклорист поставил задачу «попытаться внести к приговорам упомянутых авторов требуемые поправки и постараться установить более или менее правильную точку зрения на свойства сибирской песенной поэзии и отношение к ней самих сибиряков» [Макаренко 1907а. Вып. 1, с. 2]. Песенная культура сибиряков, отмечает собиратель, полностью восходит к песенности европейских районов России.

Из статьи также становится ясным, что, находясь в ужурской и казачинской ссылке, А.А. Макаренко специально песни *не записывал*. Он, наделенный от природы музыкальным слухом и, по-видимому, любивший петь, *заучивал* их: «В мои планы, должен оговориться, никогда не входил специальный сбор песен; находясь в ссылке, я заучивал содержание и напевы песен исключительно для себя, и из числа тех, которые более были употребительны и более нравились по мотивам. Лишь в 1904 году, будучи командированным имп. Русским географическим обществом в Енисейскую губернию, я записал попутно 3 былины, 3–4 пересказа их и около 30 текстов оригинальных песен» [Макаренко 1907а. Вып. 1, с. 15]. Данное утверждение, кажется, все-таки не во всем отвечает истине. Как мы показали выше, в архивных документах А.А. Макаренко, хранящихся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, имеются песни. Были у собирателя и помощники, передававшие ему свои записи, например, П.Т. Воронов [см. письмо П.Т. Воронова к А.А. Макаренко — РО ИРЛИ, р. V, колл. 119, п. 17, № 143, л. 1].

Ценнейшим материалом, записанным А.А. Макаренко и его помощниками, являются былины. В «Сибирских песенных старинах» (вып. 2) собиратель опубликовал зафиксированные им в 1904 г. в Кежемской волости (в основном в д. Заимке / Кежемской заимке) сюжеты «Сухман» (Суханко сын Туманович), «Добрыня и Змей» (Добрыня Никитич), «Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича» (Женитьба Алеши Поповича), прозаические пересказы «Бой Добрыни с бабой Горынищем», «Неудавшаяся свадьба Алеши Поповища», «Олеша Поповища, Якимша слуга-парубок и Тугарин».

Будучи в ссылке в Ужуре, А.А. Макаренко записал начало старины о Здунае Ивановиче: мать героя запрещает ему ехать в кружала государевы, где приготовлено отравленное зелье. Этот текст ранее был передан А.А. Макаренко в «Живую старину» и напечатан с комментариями Г.Н. Потанина, который в духе миграционной школы указал на ряд параллелей в фольклоре других народов [Потанин 1901, с. 126–128].

В Кежемской заимке были записаны также исторические песни, включая песни о Степане Разине и из петровского цикла, а также протяжные проголосные песни. Песни, помеченные с. Ужур с именами ужурских крестьян, надо полагать, А.А. Макаренко воспроизводил по памяти. Всего в публикации «Сибирские песенные старины» помещено 76 песен.

По результатам поездки 1904 г. исследователем была написана также статья «Канун по сибирским селениям (Восточная Сибирь. Енисейская губерния)» [Макаренко 1907б, с. 181–199], где подробно, с технологическими деталями, описывается варка общественного пива (канун) для храмовых (съезжих) праздников. Исследователь указывает на религиозную и мирскую составляющую обрядового кануна.

Наконец, в 1904 г. А.А. Макаренко собрал материал по свадебному обряду [РО ИРЛИ, р. V, колл. 119, п. 21, № 2–12]. Тогда же, вероятно, П.Т. Воронов передал этнографу свои записи из с. Тушомо Карапчанской волости Киренского уезда Иркутской губернии [РО ИРЛИ, р. V, колл. 119, п. 21, № 13–15].

Имела экспедиция 1904 г. и общественно-политические последствия. В разгар Первой русской революции А.А. Макаренко выступил со статьями, в которых обращал внимание на бедственное положение местного туземного населения. В статье «Эксплуатация тунгусов на реке Катанге» [Макаренко 1905] исследователь пишет о тунгусах Средней Тунгуски (Катанги), кочующих на территориях, пограничных с Пинчужской и Кежемской волостями. По сравнению с 1880-ми гг., когда тунгусы два раза в год выходили из тайги к черте русской оседлости и обменивались с крестьянами товарами (оленина и пушнина — на порох, свинец, соль, водку), к 1904 г. взаимоотношения тунгусов с русскими принципиально изменились. Если раньше в торговом обмене участвовали все русские крестьяне и, следовательно, существовала здоровая конкуренция, при которой сам обмен был более или менее справедливым, то в начале XX в. предприимчивые кулаки, проложив по тунгусским тропам дороги, приезжали с товарами непосредственно в места тунгусских кочевков и навязывали им свои условия обмена. От такого положения вещей одинаково страдали и тунгусы, и русские крестьяне, отрезанные от экономического общения с коренным населением края.

В условиях Первой русской революции, когда в середине 1905 г. уже настойчиво шли разговоры о необходимости создания российского парламентского органа (Думы), А.А. Макаренко страстно писал:

«Ради сохранения жизни этих пасынков Сибири, бедственное и бесправное положение коих всецело лежит на ответственности правящей бюрократии, следует желать скорейшего осуществления предполагаемого созыва народных представителей. Они правильно поймут интересы

обездоленных инородцев Сибири — в том числе и тунгусов с р. Катанги, избавят от разоряющей их стаи русских хищников и внесут коренные улучшения в их бытовую строй, сообразно с требованиями мирового прогресса и теми желаниями, которые инородцы свободно заявят в свободном собрании народных представителей, избранных всем народом путем всеобщего голосования» [Макаренко 1905, с. 5–6].

Острую несправедливость отношения кулаков к тунгусам ощущали, кстати, и сибирские крестьяне. В статье «Сибирские песенные старины» А.А. Макаренко приводит самодеятельное стихотворение своего приятеля Павла Трефилевича Воронова, уроженца с. Кежемского Енисейского у.:

Ангарские жители,
Реки Катанги обители,
Тунгусов грабители...
[Макаренко 1907а. Вып. 1, с. 20].

В 1906 г. А.А. Макаренко отправился (опять от Русского музея) в этнографическую экскурсию по Ачинскому и Минусинскому уездам Енисейской губернии, где он изучал культуру русского народа и татар Мелецкой инородной управы, проживавших на р. Чулым. Этнограф привез 906 предметов материальной культуры [Отчет о деятельности Русского музея 1906, с. 13]. В архивном фонде исследователя в РО ИРЛИ сохранился типографский экземпляр списка фотографий [РО ИРЛИ, р. V, колл. 119, п. 21, № 17], сделанных во время поездки (типографский номер № 1148). В селах Ачинского уезда (Большой Улуй, Красновское, Большой Ишим, Ужур и др.) и в д. Корелка Минусинского уезда А.А. Макаренко сделал 87 фотографий: виды местностей, типы местных жителей, крестьянские дома, резные ворота, вышивки, сцены из местной жизни (освящение скота, сенокос, работа на самопряхе, различные стадии кирпичного производства и пр.).

Имеются также типографские экземпляры со списками предметов, привезенных этнографом в 1904 и 1906 гг. в Этнографический отдел Русского музея [РО ИРЛИ, р. V, колл. 119, п. 21, № 18 и 19; типографские номера 999 и 1030]. Предметы доставлены из Енисейского уезда (с. Казачинское и д. Сполошная Казачинской волости; с. Кежма и д. Кежемская заимка Кежемской волости) и из Ачинского уезда (с. Ужур и д. Щыкчуль Ужурской волости; улус Протокинский Мелецкой инородной управы). Учтены 23 предмета по списку № 999; 58 предметов по списку № 1030.

Среди предметов обращают на себя внимание вещи, имеющие отношение к свадебному обряду. А.А. Макаренко подробно описывает лукошко-коробье для приданого невесты, плетъ дружки, девью кра-

соту и пр. В описании имеются многочисленные интересные детали. Так, предмет за № 999–7 описывается следующим образом: «Иголка без ушка — как талисман против “порчи” свадебного поезда: втыкается в складки одежды всем участникам свадьбы»; № 999–9: «Гусь свадебный — чучело, украшенное синей, розовой, красной, желтой и серой бумагой, нарезанной в виде бахромы и цветков. Ставится на свадебный стол вместо живого гуся»; № 1030–1 а, б: «“Курники” — продолговатые пироги из пшеничного теста с начинкой (с ячменной кашей или морковью, “осердьем”); “защипаны” гребнями: один проходит по выпуклой поверхности вдоль курника, а к нему сходится по семи поперечных гребней с каждой стороны. Подаются за свадебной “естьей”, на “девичнике”», и пр. По справке заместителя директора Российского этнографического музея Н.Н. Прокопьевой, большинство предметов сохранились: в 1954 г. по списку коллекции № 999 были исключены № 4, 10, 11, 21; из коллекции № 1030 исключены № 5, 19, 24, 25, 30–32, 34–50, 53, 54, 58. Свадебный гусь (№ 999-9) находится в экспозиции «Русские» в разделе «Свадебная обрядность».

В 1907–1908 гг. состоялась длительная экспедиция А.А. Макаренко в бассейн р. Подкаменной Тунгуски для изучения быта енисейских тунгусов: уезды Красноярский (волости Погорельская и Еловская) и Енисейский (волости Казачинская, Маклаковская, Пинчугская, Кежемская, г. Енисейск, Туруханский край) [Отчет о деятельности Русского музея 1908, с. 15]. Во время поездки он опять побывал в Казачинской волости.

Сугубо научная поездка в очередной раз послужила А.А. Макаренко поводом для того, чтобы поднять острые вопросы о положении коренных народов Сибири. Он пишет об их вымирании, утрате под влиянием новых экономических условий привычной среды обитания, заболеваний, приносимых новопоселенцами, алкоголизме [Макаренко 1908а; 1908б]. В статье «Гибель инородцев в северной Сибири» [Макаренко 1908в, с. 34–41] А.А. Макаренко описал эпидемию оспы, пережитую Туруханским краем — в районе рек Подкаменная Тунгуска и Таз. Взывая к заботе о благополучии так называемых инородцев Сибири, А.А. Макаренко писал об их культурной ценности: «Наши самоеды, тунгусы, юагиры и другие аборигены северных палестин, помимо полезной деятельности в сфере своей экономической жизни, представляют высокую ценность для науки своим этнографическим составом, своею культурою отдаленнейших времен, языком, религией и обычаями, в которых отлились формы первобытных отношений людей друг к другу, одних народов к другим» [Макаренко 1908в, с. 38–39]. И тут же автор говорит о необходимости создания особых правовых норм, регулирующих жизнь малых народов: «Уж одно это должно было бы побудить нас наделить северных инородцев такими правовыми нормами, какие наилучшим образом способствовали бы

упрочению их благосостояния, развитию самостоятельности и широкому просвещению» [Макаренко 1908в, с. 39]. Целый ряд узаконений, которые должна, на взгляд А.А. Макаренко, принять Государственная Дума, он сформулировал в конце статьи. Здесь и обеспечение медицинской и ветеринарной помощи, и объявление ряда территорий заповедными, ограниченными для проникновения туда русского влияния, и создание сети потребительских лавок за счет казны, и т. д.

В 1910 г. в качестве статистика А.А. Макаренко присоединился к статистико-экономической Амурской экспедиции под руководством Н.Л. Гондатти. Сохранились краткие разрозненные дневниковые записи исследователя [РО ИРЛИ, р. V, колл. 119, п. 27, № 313–317], фиксирующие его пребывание в Иркутске, Чите, Шилке, Благовещенске, селениях на р. Амуре. В Благовещенске этнограф собрал коллекционный материал у проживавших там китайцев [Отчет Русского музея императора Александра III за 1910 год. СПб., 1913. С. 40]. Китайские материалы (костюмы и принадлежности цирюльника, кузнеца и гадальщика), привезенные ученым, были представлены на выставке 1910 г. [Отчетная выставка 1910, с. 4]. Китайские материалы составили коллекцию № 2009. К сожалению, они сильно пострадали во время наводнения в 1920-е гг.; в 1955 г. часть вещей была исключена, а оставшаяся часть в 1956 г. передана в Музей антропологии и этнографии (Кунсткамеру).

В 1913 г. состоялась поездка А.А. Макаренко в Нерчинский округ в Забайкалье, откуда он привез ценные этнографические коллекции из быта орочей (эвенков), за что получил бронзовую медаль Русского музея: «Во время экспедиции А.А. Макаренко вошел в соприкосновение с шаманом, наблюдал процесс камлания и привез ряд весьма интересных фотографических снимков» [Отчет Этнографического отдела 1914, с. 12].

Самым крупным трудом А.А. Макаренко в предреволюционное время является «Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. Восточная Сибирь. Енисейская губерния» [Макаренко 1913; 1993, сокращенное переиздание; см. рукописные и корректурные материалы к книге — РО ИРЛИ, р. V, колл. 119, п. 18, № 66–85]. В первом разделе «Месяцеслов» А.А. Макаренко дает последовательное описание календарных дней по числам; во втором разделе «Календарные дни и недели “не в числах”» представлен материал о Маслянке (масленице), Паске (Пасхе), Фомине дне и т. д. Этнограф поднимает вопрос о способах празднования в разных социальных слоях общества (высшие слои городского населения, рабочие, деревня). В Приложении даются сведения о храмовых (съезжих) праздниках, об обетных, бабьих праздниках, о днях с ворожбой и пр. Исследователь приводит много песен, описаний различных обрядов, игрищ, гаданий. Сибирский календарь этнограф трактует как версию общевеликорус-

ского календаря; сибиряк, по его наблюдениям, многое сохранил в противоречие местным природным условиям (например, приметы).

В декабрьском разделе во фрагменте, посвященном Рождеству, А.А. Макаренко поместил несколько текстов, которыми славили Христа. Песенный репертуар оказывается довольно разнообразным. Помимо церковного тропаря «Рождество твое, Христе Боже наш» ребяташки ранним утром пели «Славить, славить, / Сами про то знают», днем под окнами исполняли коляду. В г. Енисейске популярно было хождение со звездой и пение «Виноградья» — былины об Илье Муромце и Соколе-корабле [см. рукопись — РО ИРЛИ, р. V, колл. 119, п. 18, № 131]. П.Т. Воронов прислал собирателю еще один вариант Сокола-корабля, помещенный в книгу [рукопись — РО ИРЛИ, р. V, колл. 119, п. 17, № 145; п. 18, № 131]. Данные два текста являются дополнительным материалом к комплексу былин, опубликованных А.А. Макаренко в «Сибирских песенных старинах» в 1907 г.

«Сибирский народный календарь» имел большой резонанс в научном мире. По отзыву А.С. Ермолова на рукопись этого исследования (еще до выхода в печати) А.А. Макаренко была присуждена малая золотая медаль Русского географического общества [Ермолов 1912, с. 86–87]. Отметив, что, вопреки ожиданиям, материал А.А. Макаренко, записанный в глухой сибирской деревне, оказывается созвучен и соразмерен общерусскому календарю, зафиксированному в европейской части страны, А.С. Ермолов отдает должное систематике автора: «Интересен перечень праздников, которые автор разделяет на общесибирские (вернее было сказать, общерусские), местные, церковные, праздники рыболовов, охотников, полупраздники, бабьи, девьи, съезжие дни и пр.» [Ермолов 1912, с. 86]. По мнению рецензента, «труд г. Макаренко, составленный на основе личных наблюдений и записей автора среди крестьянского населения в малоизвестной, отдаленной области Сибири, написан прекрасно и читается с интересом» [Ермолов 1912, с. 87].

Архивные документы позволяют добавить к этому эпизоду научной биографии А.А. Макаренко отдельные детали. В 1941 г., разбирая свои бумаги, ученый сделал копии со своего собственного письма и с письма А.А. Шахматова по поводу «Сибирского народного календаря» [РО ИРЛИ, р. V, колл. 119, п. 18, № 137, л. 1–1об.]. А.А. Шахматов писал 19 декабря 1912 г.:

Глубокоуважаемый Алексей Алексеевич!

С большим интересом познакомился с вашей работой. Как не специалист, не решаюсь о ней [высказать] свое суждение, но мне она представляется содержательной и ценной.

Искренне уважающий А.Шахматов.

19 дек. 1912.

На следующий день А.А. Макаренко писал в ответ:

Глубокоуважаемый Алексей Алексеевич!

Несколько слов Вашего отзыва о моей работе явились наилучшей наградой за многолетний и кропотливый труд. Они влили свежую струю бодрости в мои силы для продолжения мною начатых [трудов] по этнографии сибирско-русского населения и тунгусов.

А. Макаренко.

20. XII. 1912 г.

Здесь же А.А. Макаренко дает небольшой комментарий:

«А.А. Шахматов был очень внимателен и добр, что дал совет представить Сиб<ирский> н<ародный> к<аленда>рь на соискание академ<ической> премии; даже написал черновичок обращения в Отделение русского языка и словесности Ак<адемии> наук. А.А. уговорил А. Ермолова дать свой отзыв о Сиб<ирском> н<ародном> к<аленда>ре, о чем сообщил мне А. Ермолов в письме от 27.II. 1913 г.

А я не помянул добрым словом о А.А. Шахматове. Непростительно!»

Такого же рода комментарий оставлен А.А. Макаренко на корректурном (дореволюционного времени) листе «Сибирского народного календаря» (раздел «От автора»), когда он готовил второе (не вышедшее) издание своего труда [РО ИРЛИ, р. V, колл. 119, п. 18, № 9]. В издании автор выразил благодарность ряду лиц (в том числе Д.К. Зеленину, С.Ф. Ольденбургу, А.С. Ермолову), но по досадной оплошности не упомянул имя А.А. Шахматова, что и отметил с сожалением на корректурном листе.

А.А. Шахматов, как уже сказано, побудил А.С. Ермолова дать отзыв на «Сибирский народный календарь». Алексей Сергеевич Ермолов (1847-1917), выпускник Александровского лицея, известный в фольклористике как автор фундаментального издания «Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах» [Ермолов 1901–1905], был высокопоставленным чиновником (в чине действительного статского советника). В 1893–1905 гг. он являлся министром государственных имуществ и министром земледелия; в 1905 г. его ввели в Государственный совет. А.А. Макаренко сам, конечно, никогда бы не смог обратиться к А.С. Ермолову с просьбой об отзыве.

В приведенных архивных документах говорится также о выдвижении «Сибирского народного календаря» на премию Академии наук. Действительно, исследование получило по Отделению русского языка и словесности Академии наук премию имени М.А. Ахматова. Томский университет присудил А.А. Макаренко премию имени Л.П. Кузнецова за лучшую работу в области истории, антропологии и социологии [см.

справку о получении А.А. Макаренко за печатные труды по этнографии Сибири почетных наград и премий — РО ИРЛИ, р. V, колл. 119, п. 5, № 18, л. 18–18об.].

«Сибирский народный календарь» получил также отзывы в печати. В. Богданов, высоко оценивая книгу А.А. Макаренко, писал: «Едва ли когда-нибудь русский народный календарь был изучен и разработан так обстоятельно, как сделал это г. Макаренко в настоящей книге для небольшого сравнительно района нескольких волостей Енисейской губернии» [Богданов 1914а]. А.В. Мезьер обращала внимание на социально-экономическую составляющую в календаре: «В большую заслугу автора надо вменить и то, что он остановился не только на разработке этнографической подкладки календаря, а уделил серьезное внимание и чертам *социально-экономического* значения» [Мезьер 1913, с. 21]. См. также другие положительные рецензии на книгу: [Енисейская мысль 1913; Богданов 1914б, с. 213–215; Иохельсон 1914].

В предреволюционные годы А.А. Макаренко опубликовал также другие труды: отзыв на изданные Г.П. Георгиевским «Песни, собранные Н.В. Гоголем» [Макаренко 1908г]; библиографический список «Литература по вопросу и народной медицине» [Макаренко 1914].

Дореволюционный период жизни А.А. Макаренко — и сибирский, и петербургский — был, как мы видели, чрезвычайно плодотворным. После революции произошел резкий спад в творческой активности ученого. Сказывался возраст, но в еще большей степени тяжелейший быт. В 1920 г. (почтовый штампель — 9.8.20) своему молодому коллеге М.К. Азадовскому, проживавшему тогда в Томске, А.А. Макаренко писал:

«Виду и чувствую, что и не полностью [наверстать] потерянного времени, не обработать своего материала, ибо жизнь страшно опростила все и вся, превращает тебя в раба буднично-мелочного труда, напр., сегодня исполняем трудовую повинность по разборке и переноске пола на дрова, завтра это делать и всю неделю так; дома выполняешь всю грязную работу и т. д. <...> Вы хорошо знаете, что я не белоручка, но то, что делаешь, чересчур уже много для старика, порою непосильного, постороннего, с наукой ровно ничего общего не имеющего, оупляющего. А зима вернется, с нею возобновятся распухание от недоедания, комнатной стужи и темноты, которые не позволяют использовать долгие сумерки и ночи для души и для науки...» [Литературное наследство Сибири 1969, с. 209].

После революции А.А. Макаренко продолжал работать в Этнографическом отделе Русского музея — в отделении Сибири и Дальнего Востока (до 1934). Он состоял также членом Комиссии по изучению племенного состава СССР (КИПС). В 1923 г. ученый совершил свою последнюю экспедицию — в Бурятию. В 1926 г. Русское

географическое общество в знак уважения к трудам А.А. Макаренко в области этнографии присудило ему (по отзывам С.Ф. Ольденбурга и Д.К. Зеленина) большую золотую медаль (см. справку о получении А.А. Макаренко за печатные труды по этнографии Сибири почетных наград и премий — [РО ИРЛИ, р. V, кол. 119, п. 5, № 18, л. 1]).

Печатался в советское время А.А. Макаренко очень немного [Макаренко 1924а; 1924б], однако продолжал внимательно следить за литературой по этнографии Сибири. В недатированном письме середины 1920-х гг. ученый писал М.К. Азадовскому об издававшейся им в Иркутске «Сибирской живой старине»:

«“Сибирскую Старину” считаю содержательной и при богатстве “сибирской народной досельщины” и новых струек современной этнографии уверен, ваш журнал будет всегда полон статьями с интересным содержанием. В добрый час! И полного успеха желаю в этом трудном, но полезнейшем начинании» [Литературное наследство Сибири 1969, с. 211].

В «Сибирской живой старине» А.А. Макаренко, кстати, опубликовал последнюю из известных нам статей — о революционере-этнографе В.С. Арефьеве [Макаренко 1929], отбывавшем ссылку в том же с. Казачинском, что и А.А. Макаренко, но уже после того, как тот оттуда выехал.

Активная общественная позиция, приведшая в юности А.А. Макаренко к народникам, была свойственна ему и в старости. В 1927 и 1928 гг. он являлся кандидатом Ленсовета XI созыва. Ученый был членом Совета Ленинградского отделения Общества бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев, заместителем председателя Секции по изучению культурного значения политической ссылки для Сибири.

«Мы, политические ссыльные старого поколения, — писал он М.К. Азадовскому, — оставаясь в Сибири, или отдавая свое внимание ее общественности, или свои исследовательские влечения на изучение быта живущих в ней племен и народов и окружающих их естественно-исторических условий, относили наши влечения сибирские на счет того, что Сибирь хотя и была для нас мачехой в некотором роде, но мачехой сравнительно доброй, привлекавшей необыкновенной новизной природы и жизни живущих в ней людей. Купно всем этим, нам казалось, нельзя было не увлечься, то и другое хотелось изучать и быть полезным и Сибири — как стране — и ее населению» [Литературное наследство Сибири 1969, с. 212].

Скончался А.А. Макаренко в блокадном Ленинграде в июле 1942 г.; похоронен был на Серафимовском кладбище [Книга памяти 2005, с. 554].

А.А. Макаренко было суждено стать прочным звеном в истории сибирской этнографии. Символом этого звена оказались дорожные шахматы, подаренные ему когда-то выдающимся этнографом, сибиреведом Д.А. Клеменцем. Сам А.А. Макаренко в начале Великой Отечественной войны, понимая, что его жизнь клонится к концу, передал эти шахматы другому выдающемуся фольклористу и сибиреведу — Марку Константиновичу Азадовскому. На листке, вложенном в шахматную доску, имеется запись, сделанная его рукой: «Шахматы Д.А. Клеменца, подаренные А.А. Макаренко. 1909 г. Подарены проф. М.К. Азадовскому. 24.VIII.1941. А. Макаренко. На добрую память о Клеменце и М-ко» [Петряев 1969, с. 178].

Литература и источники

Азадовский 1928 — *Азадовский М.К.* А.А. Макаренко. К сорокалетию научно-общественной деятельности. 1887-1927 // Сибирская живая старина. Иркутск, 1928. Вып. 7. С. 101-112.

Азадовский 1932 — *Азадовский М.К.* Русская сказка: Избранные мастера. Л., 1932. Т. 1-2.

Богданов 1914а — *Вл. Б. А. Макаренко.* Сибирский народный календарь [Рец.] // Русские ведомости. 1914. 12 марта, № 59. С. 7. — Авт.: В. Богданов.

Богданов 1914б — *Богданов В.* [Рец. на кн.: Макаренко А.А. Сибирский народный календарь. СПб., 1913] // Этнографическое обозрение. 1914. № 1/2. С. 213-215.

Веденьев 1923 — *Веденьев И.Д.* В харьковских революционных кружках 1882-1889 гг. // Летопись революции: Журн. Комиссии по изучению истории Октябрьской революции и коммунистической партии (большевиков) Украины. 1923. № 5. С. 98-108.

Виноградов 1915 — *Виноградов Г.С.* Самоврачевание и скотолечение у русско-го старожилого населения Сибири (Материалы по народной медицине и ветеринарии). Восточная Сибирь. Тулуновская волость, Нижнеудинский уезд, Иркутская губерния // Живая старина. 1915. Вып. 4. С. 325-432.

Головкин 1931 — *Головкин В.Н.* Из воспоминаний народника // Народовольцы. М., 1931. Сб. 3. С. 213-232.

Дела, назначенные к слушанию 1892 — Дела, назначенные к слушанию в Харьковском военно-окружном суде // Харьковские губ. вед. 1882. 26 янв. № 24.

Денисенко 1929 — *Денисенко В.П.* Харьковская группа партии «Народной воли» 1885-1887 гг. // Народовольцы 80-х и 90-х годов: Сб. статей и материалов, составленный участниками народовольческого движения. М., 1929. Вып. 2. С. 128-142.

Доклад Комиссии по присуждению медалей 1897 — Доклад Комиссии по присуждению медалей Отделения этнографии // Отчет имп. Русского географического общества за 1896 год. СПб., 1897. Приложение. С. 22-29.

- Енисейская мысль 1913 — Енисейская мысль. 1913. 31 окт. № 229.
- Ермолов 1904–1905 — *Ермолов А.С.* Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. СПб., 1901–1905. Ч. 1–4.
- Ермолов 1912 — Отзыв почетного члена А.С. Ермолова о трудах чл.-сотр. А.А. Макаренко // Отчет имп. Рус. геогр. о-ва за 1911 год. СПб., 1912. Приложения. С. 86–87.
- Иохельсон 1914 — *Иохельсон В.* Сибирский народный календарь и русская этнография // Речь. 1914. 31 марта (13 апр.). № 88.
- Книга памяти 2005 — Книга памяти: Блокада. 1941–1945. Ленинград. СПб., 2005. Т. 18.
- Кошелев 1962 — *Кошелев Я.Р.* Русская фольклористика Сибири (XIX — начала XX в.). Томск, 1962.
- Литературное наследство Сибири 1969 — Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1969. Т. 1.
- Макаревский 1923 — *Макаревский А.* Воспоминания народовольца восьмидесятых годов. Революционный Харьков в 1882–5 годах // Летопись революции: Журн. Комиссии по изучению истории Октябрьской революции и коммунистической партии (большевиков) Украины. 1923. № 5. С. 63–97.
- Макаренко 1887а — *Макаренко А.А.* Тайны сибирской деревни (Из путевых записок) // Восточное обозрение. 1887. 2 апр., № 13/14. С. 16–17. — Подп.: М-ко.
- Макаренко 1887б — *Макаренко А.А.* Ужур // Восточное обозрение. 1887. 6 авг., № 31. С. 7–8. — Без подп.
- Макаренко 1887в — *Макаренко А.А.* Ульбинская община // Восточное обозрение. 1887. 22 окт., № 42. С. 10–12.
- Макаренко 1887г — *Макаренко А.А.* Ужур // Восточное обозрение. 1887. 12 нояб., № 45. С. 8. — Без подп.
- Макаренко 1888а — *Макаренко А.А.* Ужур // Восточное обозрение. 1888. 18 сент., № 37. С. 6–7. — Подп.: Ужурянин.
- Макаренко 1888б — *Макаренко А.А.* Переселенцы // Восточное обозрение. 1888. 4 дек., № 48. С. 8. — Подп.: Ужурянин.
- Макаренко 1895 — *Макаренко А.А.* О красильном искусстве у русских Енисейской губ. // Живая старина. 1895. Вып. 3/4. С. 349–356.
- Макаренко 1897а — *Макаренко А.А.* Почитание огня у крестьян-сибиряков Енисейской губернии // Живая старина. 1897. Вып. 2. С. 247–253.
- Макаренко 1897б — *Макаренко А.А.* Материалы по народной медицине Ужурской волости Качинского округа Енисейской губ. С приложением Сборника народно-медицинских средств той же волости // Живая старина. 1897. Вып. 1. С. 57–100; Вып. 2. С. 230–246; Вып. 3/4. С. 381–439; Отд. отд. СПб., 1897.
- Макаренко 1897в — *Макаренко А.А.* Дурачки и убогие // Живая старина. 1897. Вып. 1. С. 126–128.
- Макаренко 1897г — *Макаренко А.А.* Урочливая // Живая старина. 1897. Вып. 1. С. 129–130.

- Макаренко 1901а — Макаренко А.А. Опыт программы для собирания сведений о красильном искусстве среди крестьян // Живая старина. 1901. Вып. 1. С. 108–111.
- Макаренко 1901б — Макаренко А.А. Новогодняя ворожба по деревням Енисейской губернии // Живая старина. 1901. Вып. 3/4. С. 122–126.
- Макаренко 1902а — Макаренко А.А. Промысел красной рыбы на Ангаре. СПб., 1902.
- Макаренко 1902б — Сказки, собранные А.А. Макаренко в Казачинской волости Енисейского уезда Енисейской губернии // Зап. Краснояр. подотдела Восточно-Сибирского отдела имп. Рус. геогр. о-ва. По этнографии. 1902. Т. 1, вып. 1. С. 13–48.
- Макаренко 1905 — Макаренко А.А. Эксплуатация тунгусов на реке Катанге // Рассвет. 1905. 29 июня (12 июля), № 107. С. 5–6.
- Макаренко 1907а — Макаренко А.А. Сибирские песенные старины // Живая старина. 1907. Вып. 1, отд. 1. С. 1–20; Вып. 2, отд. 2. С. 25–44; Вып. 3, отд. 2. С. 55–69; Вып. 4, отд. 2. С. 88–95; То же. Отд. изд. СПб., 1907.
- Макаренко 1907б — Макаренко А.А. Канун по сибирским селениям (Восточная Сибирь. Енисейская губерния) // Живая старина. 1907. Вып. 4. С. 181–199.
- Макаренко 1908а — Макаренко А.А. Вымирание сибирских инородцев // Речь. 1908. 4 (17) янв., № 3. С. 5.
- Макаренко 1908б — Макаренко А.А. Отчего вымирают наши северные инородцы // Речь. 1908. 6 (19) янв., № 5. С. 5.
- Макаренко 1908в — Макаренко А.А. Гибель инородцев в северной Сибири // Сибирские вопросы. СПб., 1908. № 25. С. 34–41.
- Макаренко 1908г — Макаренко А.А. [Рец. на кн.: Памяти В.А. Жуковского и Н.В. Гоголя. СПб., 1908. Вып. 2] // Живая старина. 1908. Вып. 4, отд. 3. С. 509–510.
- Макаренко 1912 — Макаренко А.А. Две сказки русского населения Енисейской губернии // Живая старина. 1912. Вып. 2/4. С. 351–386.
- Макаренко 1913 — Макаренко А.А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. Восточная Сибирь. Енисейская губерния. СПб., 1913 (Зап. имп. Рус. геогр. о-ва по отделению этнографии; Т. 36).
- Макаренко 1914 — Макаренко А.А. Литература по вопросу о народной медицине // Сборник инструкций и программ для участников экскурсий в Сибирь. 2-е изд. / О-во изучение Сибири и улучшения ее быта. СПб., 1914. С. 199–202.
- Макаренко 1916 — Отзыв д. чл. А.А. Макаренко о рукописи Г.С. Виноградова // Отчет имп. Русского географического общества за 1915 год. Пг., 1916. С. 74–78.
- Макаренко 1917 — Макаренко А.А. Д.А. Клеменц в Этнографическом отделе Русского музея императора Александра III (1901–1909 гг.) // Изв. Вост.-Сиб. Отд. имп. Рус. геогр. о-ва. Иркутск, 1917. Т. 45. С. 316–355.
- Макаренко 1924а — Макаренко А.А. Инструкция для собирания материалов по народной медицине // Летняя школа. Л., 1924. Вып. 2. С. 55–57.

- Макаренко 1924б — Макаренко А.А. Программа для собирания сведений о «народном крашении» и его организации // Летняя школа. Л., 1924. Вып. 2. С. 40–43.
- Макаренко 1929 — Макаренко А.А. Из припоминаний о В.С. Арефьеве // Сибирская живая старина. Иркутск, 1929. Вып. 8/9. С. 221–224.
- Макаренко 1993 — Макаренко А.А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. Восточная Сибирь. Енисейская губерния. Новосибирск, 1993. — Сокращенное переиздание.
- Мезьер 1913 — Мезьер А.В. Народы и страны. По Русскому Северу // Русская школа. 1913. № 11, отд. 3. С. 19–22.
- Отчет о деятельности Русского музея 1904 — Отчет о деятельности Русского музея императора Александра III за 1904 год. [СПб., 1904].
- Отчет о деятельности Русского музея 1906 — Отчет о деятельности Русского музея императора Александра III за 1906 год. [СПб., 1906].
- Отчет о деятельности Русского музея 1908 — Отчет о деятельности Русского музея императора Александра III за 1908 год. [СПб., 1909].
- Отчет по Минусинскому музею 1889 — Отчет по Минусинскому публичному местному музею за 1888 год // Восточное обозрение. 1889. 9 апр., № 15/16. С. 3–4.
- Отчет Этнографического отдела 1914 — Отчет Этнографического отдела Русского Музея императора Александра III за 1913 год. Пг., 1914.
- Отчетная выставка 1910 — Отчетная выставка за 1910 г. собранных Этнографическим отделом Русского музея императора Александра III этнографических коллекций. [СПб., 1910].
- Петряев 1969 — Петряев Е.Д. М.К. Азадовский и Сибирь // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1969. Т. 1. С. 176–181.
- Политическая каторга и ссылка — Политическая каторга и ссылка: Биографический справочник членов Общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев. М., 1934.
- Потанин 1901 — Потанин Г.Н. Здунай-то, Здунай сын Иванович // Живая старина. 1901. Вып. 1. С. 126–128.
- РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, р. V, колл. 119 (личный фонд А.А. Макаренко).
- Сиб. сов. энциклопедия 1932 — Сибирская советская энциклопедия. М., 1932. Т. 3.
- Состав Русского географического общества 1902 — Состав имп. Русского географического общества. СПб., 1902.
- Стож 1915 — Стож М.Е. Словарь сибирских писателей, поэтов и ученых. Иркутск, 1915. Ч. 1.
- Яковлев 1900 — Яковлев Е.Н. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск, 1900. Вып. 4: Описание Минусинского музея.

**Алексей Алексеевич Макаренко —
революционер, этнограф, фольклорист**

В статье на основе архивных материалов и мемуарных свидетельств восстанавливается биография известного этнографа и фольклориста А.А. Макаренко, внесшего заметный вклад в изучение сибирской этнографии и народной словесности. Освещается деятельность А.А. Макаренко как революционера-народника в Харькове, его арест и ссылка в Енисейскую губернию (1887–1897). Описывается становление А.А. Макаренко как этнографа и фольклориста в Сибири. Характеризуется его собрание песен и сказок. Анализируются основные труды исследователя — о народной медицине, народном календаре и др. Раскрывается также деятельность ученого в Этнографическом отделе Русского музея (ныне Российский этнографический музей).

Ключевые слова: А.А. Макаренко, Енисейская губерния, народная медицина, народный календарь, песни и сказки Сибири.

**Alexei Alexeevich Makarenko —
Revolutionary, Ethnographer, Folklorist**

In the article, the biography of the famous ethnographer and specialist in folklore, A.A. Makarenko, who made a noticeable contribution to the study of Siberian ethnography and folklore, is restored on the basis of archival materials and memoirs. The article highlights the activity of A.A. Makarenko as a revolutionary populist in Kharkov, his arrest and exile to the Yenisei province (1887–1897). It also describes how A.A. Makarenko became an ethnographer and specialist in folklore in Siberia, as well as characterizes his collection of songs and folk-tales. The main works of the researcher concerning traditional medicine, a national calendar, etc. are analyzed. The activity of the scientist in the ethnographic department of the Russian Museum (now Russian Museum of Ethnography) is also disclosed.

Keywords: A.A. Makarenko, the Yenisei province, traditional medicine, a traditional calendar, songs and fairy tales in Siberia.

В.Н. ХАРУЗИНА КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ФОЛЬКЛОРА

Вера Николаевна Харузина (1866–1931) была первой в России женщиной — профессором этнографии. Человек непреклонной воли, блестящего ума и большой эрудиции, она всю свою жизнь посвятила любимому делу — изучению быта, обычаев, фольклора народов мира.

Выходцы из богатого купеческого рода, Вера и трое ее братьев — Михаил (1859–1888), Алексей (1864–1932) и Николай (1865–1900) выбрали нелегкий путь в науке, стали известными этнографами, внесшими неоценимый вклад в сокровищницу русской научной мысли. Жизнь и творчество Харузиных были тесно связаны с историей и культурой России и свидетельствовали об их глубоком интересе к русскому и другим славянским народам, а также к многочисленным неславянским народам и этническим группам, населявшим Российскую империю.

Отец Харузиных — Н.И. Харузин, московский купец первой гильдии, принадлежал к поколению «нового» купечества второй половины XIX в., которое хотело не только достичь личного благосостояния, но и содействовать процветанию России [Керимова 2011, с. 26–33]. Эти люди новой эпохи, среди которых выделялись друзья Харузиных — Боткины, Третьяковы, Алексеевы, Прохоровы, Щукины, — были устремлены к наукам и искусству, деятельно занимались благотворительностью и меценатством.

Харузины находились в центре общественной и культурной жизни Москвы, были близко знакомы с выдающимися учеными, писателями, художниками, музыкантами России, среди которых были М.М. Ковалевский, Д.Н. Анучин, В.Ф. Миллер, А.А. Шахматов, А.Н. Пыпин, М.Н. Сперанский, Л.Н. Толстой, И.С. Аксаков, А.А. Фет, братья Н.Г. и А.Г. Рубинштейны, С.И. Танеев, В.В. Кандинский [Керимова 2006; 2007] и многие другие. Это сыграло огромную роль в формировании неординарных личностей, их интеллектуального багажа и художественного вкуса.

Обучению детей в семье придавалось большое значение, тщательно подбирались домашние учителя и учебные заведения. Вера Харузина закончила с золотой медалью лучшую в Москве частную женскую гимназию С.Н. Фишер. Братья (кроме Николая, обучавшегося в 4-й московской мужской гимназии) — прославленную немецкую гимназию в г. Ревель (Эстляндия).

Братья и сестра были тесно связаны друг с другом в жизни и науке. Они всегда делились планами, вместе не раз ездили в этнографические экспедиции. Нередко их многогранные исследовательские интересы

перекрещивались: они увлекались одинаковыми или близкими темами и проблемами, изучали одни и те же регионы России и зарубежья.

С малых лет Веру Харузину привлекал труд, она писала, что он «влек ее бессознательно» [Харузина 1999а, с. 316]. Она любила рассматривать изделия, сделанные тетей для приютов и церкви, наблюдать за работой горничных, экономки, прачки, садовника, бедной метельщицы Зарядья или деревенских перчаточниц. Все они, простые труженики, всегда вызывали у нее искреннюю симпатию и неподдельный интерес.

Посещение подмосковного Петровского вместе с семьей Д.П. Боткина принесло Вере большое удовольствие. Боткин попросил крестьянских девушек сплясать (был праздник Тихвинской Божьей Матери). «В пляске народной, — отмечала она, — есть художественность — следовательно к ней надо относиться серьезно, с вниманием и любовью» [Харузина 1999б, с. 316]. Благодаря Боткина за возможность увидеть «кусочек» народного искусства, Вера проявила и свое, присущее ей с детства, стремление лучше узнать и понять все стороны быта простого народа.

Серьезно отнеслась тринадцатилетняя девочка и к посещению в 1879 г. Антропологической выставки в Москве: она назвала ее позже «светлым лучом, внесшим в ум живую струю интереса» [Харузина 1999в, с. 342]. Первым учителем этнографии был для Веры брат Михаил. С 15 лет под его руководством она занималась собиранием этнографических экспонатов во время многочисленных поездок по России и за границей, а в 18 лет сделала свою первую самостоятельную запись свадебного обряда (с приложением фольклорных материалов), который она наблюдала в Малоархангельском у. Орловской губ. Впоследствии она отдала свою запись Н.А. Янчуку — председателю музыкально-этнографической комиссии при ИОЛЕАЭ. В 1882 г. Вера написала свой первый очерк «На торфе», навеянный рассказом Михаила «про чудеса торфяного болота» вблизи деревни Озерки (около Павловского Посада) [Харузина 1999г, с. 327].

Несовершенство системы женского образования (в университет девушек не принимали, а Московские Высшие женские курсы В.И. Герье в 1886 г. были закрыты и вновь открылись лишь в 1900 г.) не позволило Вере Харузиной после окончания в 1886 г. гимназии С.Н. Фишер продолжить учебу. Ей пришлось выбрать самообразование, а «университетом» для нее стали ее братья, обладавшие большими познаниями в этнографии, антропологии, истории и археологии. Они с радостью опекали сестру, помогали ей в занятиях, а она с жадностью впитывала то, о чем они рассказывали и спорили. В пользу самостоятельного образования говорило и постоянное нездоровье.

С 1886 по 1896 г. Николай Харузин, по заданию Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии

при Московском университете (ИОЛЕАЭ) и по личной инициативе, посещает различные регионы России. В поездках в Олонецкую и Архангельскую губ., Лапландию, Вятскую губ., Сибирь его сопровождает Вера, накапливая экспедиционный и научный опыт.

1887 год — значительный рубеж в научной жизни Веры Харузиной. В этом году она вместе с Николаем отправляется в свою первую экспедицию на Русский Север. По результатам поездки Николай в 1890 г. издает знаменитую монографию «Русские лопари». Вера в том же году публикует свою первую книгу путевых воспоминаний «На Севере» (М., 1890. 234 с.) (позднее она возвращается к теме Русского Севера в очерках «Вотяки» и «Лопари»).

В книге «На Севере» В.Н. Харузина с присущим ей даром рассказчика передает то, что осталось в ее памяти от длительной поездки по огромному малоизученному региону. Маршрут определил композицию книги из семи глав, которые обозначали основные пункты остановок, где, очевидно, и делались первые наброски текста книги (гл. I — Кивач — первое знакомство с Пудожским у.; II — На озере Купецком; III — Водлозеро; IV — Кенозеро; V — По Белому морю; VI — По Лапландским лесам и озерам; VII — Кола).

Побывав на Купецком оз., Вера Николаевна записывает поверья про лесного царя, возвращающего домой заблудший домашний скот. Она знакомится здесь с певцом былин Никифором Прохоровым по прозвищу Утка (из с. Мелентьево), знающего 15 былин, с ворожеей, от которой записывает заговоры, предания, поверья, гадания. На Кенозере ей удалось записать народные поверья о знахарстве: «Из ольхи, березы и можжевельника вяжут “иваньские венички”, которые служат при лечении коровы. Ольховые ветки втыкают в картофель, чтобы он лучше уродился» [Харузина 1890, с. 52–54]. Этнографом зафиксирован и древний обычай умыкания невесты.

Вера Николаевна была заворожена диковинной красотой озерного края, суровостью красок тундры, гор, редкими погостами и скитами и их разноликими обитателями — от русских старообрядцев и поморов до жителей величественной Лапландии — лопарей, населявших Кольский полуостров. В книге ей удалось ярко представить физический тип лопарей, склад их характера, одежду, хозяйственный уклад. Она представляет лопарей как «беззаботное, детское племя...», они доверчивы и добродушны. Хитрость, считает Вера Николаевна, которую они усвоили от русских, выглядела у лопарей так «просто-душно-неумело и по детски наивно, что вызывала улыбку» [Харузина 1890, с. 174].

Необходимо отметить, что этот первый опыт В.Н. Харузиной удостоился рецензии А.Н. Пыпина, которая была опубликована в общественно-литературном журнале «Вестник Европы» за 1890 г. Именитый ученый и публицист справедливо причислил книгу Харузиной к

сочинениям, проникнутым «духом народолюбия и народничества» [Пыпин 1890, с. 431–432].

В связи с этой же поездкой на Русский Север интересна статья Веры Николаевны «Несколько слов о родильных и крестинных обрядах и об уходе за детьми в Пудожском уезде Олонецкой губернии», написанная на основе записей, сделанных ею в 1887 г. в трех местах Пудожского уезда, на озерах Купецком, Водлозере и Кенозере [Харузина 1906, с. 89–95]. Эта статья демонстрирует прекрасное умение автора, используя свою собственную программу-вопросник, фиксировать весьма специфические, присущие только данной местности обряды православных крестьян. Она приводит множество своеобразных терминов, использующихся на Севере при крестинах (*божатка, пестунья, зыбка* и др.), рассказы, приметы, записи колыбельных песен. В.Н. Харузина сообщает поверья о трех днях зарождения плода, о появлении двойни, если качать пустую колыбель, о касании рта ребенка пяткой матери, о заговорах от грыжи, о пуповине, зашитой в ладанку, воспроизводит тексты заговора от сглаза и ночницы (по поверьям, это была женщина, мучающая детей по ночам) и др.

Думается, что современные этнологи, изучающие в настоящее время аналогичные обряды и фольклор населения Русского Севера, могут провести исключительно важный сравнительный анализ прошлых и современных родильных и крестильных обрядов, принимая за основу материал статьи и программы Харузиной.

Воспользовавшись перерывом в учебе Николая, он и Вера решаются вместе отправиться сначала в Финляндию, а затем во Францию и Германию, чтобы познакомиться с западноевропейской этнографией, историей и культурой. Они пробыли за границей около 2 лет (1892/1893 гг.). Пребывание во Франции и очень краткое в Германии оказались весьма плодотворными. Они вместе занимаются в Париже в Национальной библиотеке [ОПИ ГИМ, Дневник Харузиной 1892/93, л. 10], слушают лекционные курсы Летурно, Морилье, Саботье и др. французских ученых [Прошение В.Н. Харузиной 1907], посещают Лувр и другие музеи Парижа. В одном из писем Вера сообщала, что в декабре 1892 г. наконец добралась до французской этнографии, которую изучала в Сорбонне и Национальной библиотеке. В Берлине, Лейпциге, Дрездене посещала этнографические музеи. Поездка за границу дала многое для пополнения научного багажа Веры Харузиной. Именно в этот период она начинает вести подготовку к преподавательской деятельности.

Педагогическая деятельность В.Н. Харузиной в высших учебных заведениях Москвы и Смоленска, начавшаяся в 1907 г., продолжалась, с небольшими перерывами, до конца 1924 г. Этнографический опыт, полученный во время экспедиций, знания по истории и этнографии, приобретенные во Франции и Германии, редактирование че-

тырехтомного курса лекций «Этнография» Н.Н. Харузина и, прежде всего, огромный багаж разного рода исследовательских работ — все это послужило основой для подготовки и преподавания самых разных лекционных курсов.

Директор Московского Археологического института проф. А.И. Успенский дал согласие на преподавание Веры Николаевны в качестве ассистента, и в сентябре 1907 г. ее прошение на его имя о зачислении в преподаватели было утверждено [ЦИАМ, Отношение министерства народного просвещения 1907, л. 160]. Таким образом, Вера Николаевна начала читать лекции сначала в Московском Археологическом институте (на археологическом и археографическом отделениях) и в его филиале в г. Смоленске, а с марта 1909 г. — на историко-филологическом отделении Высших женских курсов в Москве (ВЖК) [Отчет 1913].

Учитель Н.Н. Харузина профессор В.Ф. Миллер, после смерти Николая ставший главным наставником его талантливой сестры, наблюдал за ее научной карьерой, вселяя уверенность в успехе, которой ей как раз не хватало. Веру Николаевну обуревали сомнения, как она, не имеющая высшего образования и ученой степени, сможет справиться со столь ответственной работой. Она понимала, что без участия и помощи В.Ф. Миллера не сможет преодолеть все трудности. Его совет о целесообразности начать читать лекции на ВЖК вдохнул мечты о продолжении дела брата Николая, но и возродил беспокойство. Первого апреля 1907 г. в дневнике В.Н. Харузиной появляется запись о том, что «новое начинающееся дело» воскрешает мысли о Коле [ОПИ ГИМ, Дневник Харузиной 1907, л. 2]. Волнения Харузиной были не напрасны: предстояло обсуждение ее кандидатуры на заседании Совета историко-философского факультета ВЖК по рекомендации В.Ф. Миллера. В связи с этим она представила ему программу и предварительный конспект своих лекций. Совет факультета принял решение о прочтении ею пробной лекции.

1908/1909 учебный год оказался особенно удачным. Преподаватель В.Н. Харузина избирается действительным членом Императорского Московского археологического Института [Отчет 1910, с. 6]. В 1909 г. произошли еще три знаменательных события в ее преподавательской деятельности. Был напечатан первый выпуск ее учебника «Этнография», в который вошли два раздела лекций: 1. Введение и 2. Верования малокультурных народов. Отныне тексты этого тома с небольшими коррективами на протяжении последующих лет легли в основу лекционных курсов Веры Николаевны. На Совет Археологического института ею были представлены четыре темы для итоговых студенческих работ: 1) похоронные обряды русского крестьянства сравнительно с обрядами инородцев; 2) обряды при рождении ребенка у русских крестьян и инородцев; 3) хлеб в верованиях и обрядах

русских крестьян и инородцев; 4) вода в верованиях и обрядах русских крестьян и инородцев.

В том же году Харузина получила приглашение Распорядительного комитета XII съезда русских естествоиспытателей и врачей, подписанное Д.Н. Анучиным, с предложением участвовать в работе этого мероприятия. Как и А.Н. Максимов, она была избрана помощником заведующего подсекцией этнографии, председателем которой был В.Ф. Миллер (съезд проходил в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г.). На съезде она выступила с докладом «Роль детей в религиозно-обрядовой жизни».

Основное внимание в докладе было уделено обрядам обхода села и одаривания детей¹. Обходы села с песнями и обрядовыми действиями, обычно знаменующие переход одного времени года в другое, имели целью: 1) пожелание благополучия и здоровья семьям, умножение урожая, скота и живности, величание хозяев; 2) изгнание злых сил и вредных насекомых посыпанием, обливанием, стеганием прутьями и пр.; 3) разыгрывание определенных ролей (народные примитивные театрализованные представления); 4) посещение определенной категории лиц в селе (например, молодоженов). При хождении по домам, например на Новый год, Пасху, на Троицу, детей обычно одаривали гостинцами. Благопожелания, произносимые в стихах или песнях, имели целью привлечение благополучия в дом; осыпание зернами — магическое действие, призванное вызвать обильный урожай; стегание прутьями сообщало живительную силу оплодотворения, скрытую в весеннем ростке; обливание считалось средством, обеспечивающим обилие небесной влаги. Все эти действия носили символический и магический характер и большей частью были призваны обеспечить хороший урожай. Харузина считала, что в обходах детей следует видеть «дегенерировавший обряд». Часто обряды и песни взрослых переходили в детскую сферу и долго еще жили в их играх; обычай обхода постепенно изменил свое значение и стал достоянием детей [Харузина 1911, с. 45]. Действенность обрядов, исполняемых детьми и молодежью, объяснялась тем, что именно эти возрастные группы являются полной сил, крепнущей, растущей частью населения, содействующей возобновлению сил природы.

Оригинальная для начала XX в. тематика статьи стала ориентиром для будущих исследований [Календарные обычаи и обряды, 1973; Бернштам 1988; Любимова 1998].

¹ Интересно, что, будучи еще в 1907 г. в Aix les Bains во Франции и беседуя с местным аббатом на этнографические темы, Вера Николаевна писала: «Мне кажется, что аббат ошибается, и колядование существовало во Франции». Она была права, колядование во Франции существовало, но французская церковь запрещала этот обычай, вероятно, поэтому аббат умолчал о его существовании (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 71. Л. 32об.).

При содействии В.И. Герье и В.Ф. Миллера Харузина 30 марта 1909 г. была наконец зачислена в штат историко-филологического факультета ВЖК как преподаватель обязательного курса по предмету «Сравнительная география и этнография» со сдачей итогового экзамена и для чтения курса «Этнография: малокультурные народы (культура духовная и материальная», а также курса «Этнография: верования и словесность малокультурных народов» и ведения семинара для изучения источников.

1 октября 1910 г. курс лекций по этнографии был объявлен Смоленским отделением Императорского археологического института. На археографическом факультете чтение лекций по этнографии было поручено В.Н. Харузиной. 1910-1912 годы — период ее тесной дружбы с княгиней М.К. Тенишевой, заинтересованной в успехе Смоленского отделения института, и их обоюдного увлечения народным искусством.

В 1911 г. учитель Харузиных профессор В.Ф. Миллер был избран ординарным академиком по Отделению русского языка и словесности Императорской Академии наук и переехал жить в Петербург. В 1911–1912 гг. Харузина постоянно отчитывалась перед ним о подготовке курсов лекций.

«Вы всегда для нас останетесь москвичом, которого у нас отняли, и которого мы не желали отдавать... Так тесна Ваша связь с Отделом этнографии, и, в частности, для меня так много связано воспоминаний о Вашем живом в нем участии. <...> Я начала читать на курсах (ВЖК. — М. К.) старый прошлогодний курс — отчасти потому, что не хватило у меня сил на новый курс, отчасти потому, что лекции были изданы комиссией при курсах в таком количестве экземпляров, чтобы хватило на 2 года... Мы разбирали произведения народной словесности, также обряды, и в этом году мне хотелось бы обратить внимание больше на изучение обрядов. <...> В Институте я тоже читаю курс прошлого года, но <...> готовлю новый курс. В этом курсе я задаю себе такую цель: познакомить слушателей с приемами собирания этнографических сведений, как в области материальной, так и в области культуры духовной. Но помимо приемов собирания, мне хотелось бы дать сведения, которые помогли бы сознательно отнестись к собиранию: например, перед тем, как говорить о собирании сведений по жилищу, говорю о развитии жилища и т.п. <...> Для этого курса будет снято много диапозитивов. <...> Есть у меня заветная мысль: написать курс *по народной словесности* (курсив мой. — М. К.) <...> Я не знаю, хватит ли у меня на это сил, но мне очень хочется, пока смогу работать для дорогой нам этнографии» [РГАЛИ. Письма Харузиной Миллеру 1912, л. 3,4].

Изучение народного словесного творчества было мечтой Харузиной. Она хотела воплотить свой интерес к фольклору также и в

лекционной деятельности. Миллер, в частности, писал Вере Николаевне: «Уверен, что при Вашей обширной эрудиции в этнографии и фольклоре Вы успешно справитесь с этой задачей и введете в изучение этой области новые точки зрения» [ОПИ ГИМа. Письма Миллера Харузиной 1912, л. 112об.]. В другом письме Миллер добавлял, что ее новый курс по фольклору поможет «дальнейшему процветанию... этнографического курса» [ОПИ ГИМб. Письма Миллера Харузиной 1912, л. 115об.]. При подготовке курса народной словесности Харузина посещает заседания Комиссии по народной словесности Этнографического отдела ИОЛЕАЭ, слушает сообщение П.Г. Богатырева о новых книгах по народной словесности [ОПИ ГИМ. Дневник Харузиной 1912, л. 13], переписывается с историком литературы, этнографом и фольклористом Н.С. Ашукиным (письма за 1912–1914 гг.) [ОПИ ГИМ. Письма Харузиной Ашукину 1912–1914, л. 12].

7 апреля 1913 г. — последнее перед окончанием учебного года факультетское заседание на ВЖК, и Вере Николаевне жаль расставаться с курсистками и близкими ей по духу профессорами — М.Н. Сперанским, П.Г. Виноградовым, А.В. Кубицким. Она словно предчувствует, что скоро изменится вся ее жизнь. Очень переживает она потерю любимой мамы и профессора В.Ф. Миллера, пишет много теплых слов его жене Е.В. Миллер и сыну В.В. Миллеру. Первую лекцию после похорон Миллера Вера Николаевна посвящает его памяти, и курсистки понимают горестное состояние своего лектора, но в то же время хвалят ее лекцию, отличающуюся глубиной и ясностью.

При всех трудностях этого периода В.Н. Харузину радуют экспедиции ее учеников, молодых этнографов, выборы Д.Н. Анучина председателем Этнографического отдела ИОЛЕАЭ (1914), окружение из дорогих ей друзей — фольклористов и этнографов: Е.Н. Елеонской, Е.Н. Клетновой, В.В. Богданова, Ф.А. Фиельструпа, А.Н. Липского и др.

Летом 1915 г. лечащий врач и близкий друг Веры Николаевны П.С. Усов советует ей оставить преподавание, но она продолжает бороться с болезнью и мечтает об углубленных исследованиях по этнографии и о новых путях в науке, о создании этнографических кружков. А в канун Нового года — 31 декабря 1914 г. — Харузину посещает Б.Э. Петри. Он, а затем и Д.К. Зеленин сообщают ей о присуждении большой золотой медали Императорского Русского географического общества [О награждении медалями ИРГО 1915, с. IV] за совокупность ее ученых трудов по этнографии: «Изношенное сердце мало может радоваться, и все же это радость», — записывает Вера Николаевна в дневнике [ОПИ ГИМ. Дневник Харузиной 1914, л. 37, 37об., 45].

1919–1929 гг. — последнее десятилетие преподавательской и научной деятельности Веры Николаевны. Это было время трагических событий и в жизни страны, и в истории российской науки, и в жизни семьи Харузиных.

Отметим, что еще задолго до революции и в первые послереволюционные годы в Московском, С.-Петербургском, Казанском, Новороссийском, Дерптском (Тартуском) и других университетах существовали кафедры географии и этнографии. В Петроградском географическом институте (основан в 1918 г.) было создано этнографическое отделение². В начале XX в. ученые — этнографы, антропологи, историки культуры, расхоdivшиеся во взглядах на предмет и задачи этнографии, все чаще признавали, что вступает в права и этнология как наука, призванная изучать в теоретико-аналитическом плане общую культуру народов земного шара на всех ступенях ее развития. Эти основополагающие принципы были положены в основу создания в 1919 г. в I МГУ факультета общественных наук (ФОН) и в его рамках (с 1922 г.) — этнолого-лингвистического, общественно-педагогического и других отделений (всего их было восемь). В 1925 г. ФОН был преобразован в факультеты советского права и этнологический. Этнологический факультет имел отделения: историко-археологическое, этнографическое, литературное, изобразительных искусств. В 1931 г. ФОН был упразднен. И лишь в 1939 г. в рамках исторического факультета МГУ была создана кафедра этнографии.

С 1919 г. по конец 1924 г. Харузина числилась в должности сверхштатного профессора на ФОНе I МГУ. На втором курсе общественно-педагогического, а затем этнолого-лингвистического отделения она читала курс лекций: «Этнография малокультурных народов» и вела семинары «Народная словесность в связи с верованиями малокультурных народов», «Приемы изучения обрядов», «Проблемы изучения материальной культуры» [Отчет ФОН 1922-24, д. 23, л. 5; д. 39, л. 13]. Среди ее публикаций за 1922–1924 гг. значится и «Программа для собирания сведений о женском крестьянском труде» [Отчет I МГУ 1923, с. 32].

За 17 лет своей преподавательской деятельности Вера Николаевна была научным наставником таких впоследствии известных фольклористов и этнографов, как Е.Н. Клетнова, С.В. Просвирина, А.В. Анохин, П.Я. Чепурина, Р.С. Данковская, В.П. Тихонов, Н.А. Бронников и др.

Мною обнаружен документ о том, что 16 декабря 1924 г. приказом № 1814 «деканат ФОНа ходатайствует перед правлением об отчислении из личного состава лиц (№ 33) Харузиной В.Н.» [Отчет ФОН 1924]³. Таким образом, решается вопрос о сроках ее преподавательской деятельности в советское время.

² В 1925 г. Географический институт был преобразован в географический факультет Ленинградского университета.

³ В 1925 г. был образован Этнологический факультет I МГУ и на нем Этнографическое отделение. Курс этнографии после В.Н. Харузиной читал А.Н. Максимов.

Надо сказать и о том, что после революции 1917 г. Вера Николаевна получила возможность окунуться в сферу новых проблем этнологии и общаться с видными учеными: П.Ф. Преображенским, А.Н. Максимовым, С.А. Токаревым, С.П. Толстовым, В.К. Никольским и многими другими. В 1929 г., незадолго до кончины, она печатает свои исследования в журнале «Этнография» (с 1926 г. его возглавлял академик С.Ф. Ольденбург), состоит в секции Этнологии Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук.

До конца жизни Харузина остается верной науке. Письма известному фольклористу, редактору журнала «Этнография» Б.М. Соколову, с которым она была в тесных дружеских отношениях, от 1927–1929 гг. свидетельствуют об ее активном участии в деятельности журнала и неугасающем интересе ко всему, что связано с этнографией. В них она сокрушается об утрате рукописи ее статьи «Заговоры», поздравляет Соколова с открытием музея народоведения в Нескучном саду и переживает, что не смогла там присутствовать [Письма Харузиной Соколову, 1923⁴; Письмо Виноградова Дурасову, 1928].

Период с 1917 по 1924 г. стал трагическим для всей семьи Харузиных. В апреле 1920 г. ее старший племянник Мстислав Алексеевич Харузин (сотрудник контрразведки деникинской армии), будучи членом монархической организации, убил в Константинополе начальника штаба Вооруженных сил Юга России генерала И.П. Романовского и пропал без вести [Гуль 1984; Лехович 2000].

В 1922 г. в московском особняке Харузиных в Борисоглебском переулке случился пожар. Чудом спасенная горничной Варей (завернув хозяйку в ковер, та скатила ее по лестнице со второго этажа), Вера Николаевна навсегда осталась, по свидетельству родственницы Харузиных И.Е. Огневой, «в устрашающих шрамах от ожогов». В течение двух лет, пока продолжался ремонт дома, она бедствовала — сгорели личные вещи, записи, книги. Харузина была вынуждена переселиться в дом жилищного товарищества научных деятелей, где на время получила комнату. 23 июля (5 августа) 1924 г. скоропостижно скончалась сестра, Елена Николаевна Арандаренко. В июне 1927 г. произошел первый арест брата А.Н. Харузина — крупного государственного деятеля [Керимова 2012, с. 30–44].

Вера Николаевна постоянно находилась в поисках новых тем и проблем, нередко еще недостаточно разработанных. Особенно знаменателен в этом плане период первого двадцатилетия XX в. Толь-

⁴ Здесь речь идет об открытии Центрального музея народоведения (ЦМН), в основу которого вошли этнографические коллекции Дашковского этнографического музея. Он был открыт в Москве в 1923 г. Находился в Мамоновой даче на Воробьевых горах (ныне ул. Косыгина, 4). Новая экспозиция открылась в здании Нескучного дворца на Большой Калужской (ныне Ленинский проспект, 14) 15 декабря 1927 г. — Подробно о музее см.: Ипполитова 2001.

ко благодаря силе воли, энтузиазму, преодолевая тяжелые недуги и потери близких людей, стойкая и увлеченная женщина могла сочетать преподавательскую деятельность в ведущих вузах с подготовкой трудов по фольклору (сказки, мифы, легенды, предания), составлять и издавать сборники сказок народов мира, статьи по народному искусству (игры и игрушки, примитивные формы драматического искусства), принимать деятельное участие в развитии музейной этнографии, составлять этнографические программы⁵, писать множество научно-популярных очерков, рецензий на труды зарубежных ученых для журнала «Этнографическое обозрение» и оставить потомкам мемуары и дневники.

Сказки с детства были любимы Верой. В ней рано проснулась уверенность в том, что знание прошлого и настоящего, жизни простого народа идет из народной словесности. Как заметил А.А. Федоров-Давыдов⁶ — знаток детской художественной литературы, Харузина быстро углядела, что в сказках, преданиях, мифах «говорила о себе давным-давно отшумевшая жизнь полузабытым языком минувшего... что в них билась душа народная» [Кто за детей 1906, с. 76]. Она была действительно очарована русской стариной, понимала, что кладезь народной мудрости заключается не только в русской словесности, но и в творчестве неславянских народов Российской империи.

Большим достижением В.Н. Харузиной в просветительской деятельности можно назвать составление и издание сборников «Сказки русских инородцев» с краткими бытовыми очерками и иллюстрациями (М., 1898) и «Африканские сказки» (М., 1919).

В сборник сказок народов России Харузина включила произведения 24 народов: самоедов (ненцев, энцев, нганасан), лопарей (саамов), финнов, латышей, мордвы, вотяков (удмуртов), остяков (хантов), башкир, киргизов, калмыков, сибирских татар, бурят, якутов, гиляков (нивхов), гольдов, сартов (равнинные узбеки и таджики), кабардинцев, чеченцев, лезгин, осетин, грузин, армян, курдов, имеретин. Сборник получился внушительных размеров — 292 страницы [Харузина 1898]. Каждая сказка сопровождалась фотографиями пейзажей или народного жилища. Высококвалифицированно составлен и ав-

⁵ Ее «Программа для собирания сведений о родильных и крестильных обрядах у русских крестьян и инородцев» и «Почитание огня» до сих пор используются современными этнологами.

⁶ А.А. Федоров-Давыдов (1875–1936) — детский писатель, редактор, издатель, искусствовед. Написал 125 книг для детей. Перевел сказки братьев Гримм (1900), Андерсена (1907), в 1908 выпустил собрание русских народных сказок. Был редактором и издателем детских журналов — «Огонек», «Светлячок», «Путеводный огонек», «Дело и потеха». В журналах Федорова-Давыдова участвовали Мамин-Сибиряк, Немирович-Данченко, Засодимский, Станюкович, Чехов, Баранцевич и другие лучшие детские писатели того времени.

торский текст, предваряющий сказки, с краткими этнографическими данными о каждом народе. В предисловии к сборнику В.М. Михайловский, видный этнограф, друг Харузиных, хорошо знакомый с их творчеством, солидаризируется с составителем сборника — В.Н. Харузиной, считавшей вслед за Э. Лэнгом, что «все разнородные представители человечества отводят свою душу в сказке, и в этом фантастическом мире находят осуществление своих заветных чаяний и идеалов» [Михайловский 1898, с. 1-2]. Автор предисловия справедливо считает сказки «первым начальным звеном всей дальнейшей цепи умственного развития подрастающих поколений». Заслугу Веры Николаевны он видит в стремлении как можно точнее и без прикрас передать местный колорит и этническую тональность каждой сказки, удалить все, что может навредить детской душе, соединив серьезное с увлекательным, укрепить интерес к знанию.

В дополнение к оценке Михайловского скажем о высоком признании сборника. Например, фольклорист, литературовед и библиограф В.В. Каллаш отмечал, что сказки из этого сборника «носят на себе яркий отпечаток быта пересказывающего их народа, в них мало так называемых “странствующих мотивов”. В этом отношении они только дополняют сжатые и содержательные “бытовые очерки”, обильно иллюстрированные. Перед читателем проходят, таким образом, рельефные бытовые картины, цель которых — заложить в юном читателе плодотворную идею роста человеческой культуры...» [Каллаш 1898, с. 171].

Анонимный рецензент этого сборника считает, что заслугой составителя является «национальная особенность народного творчества», подчеркнутая удачным выбором сказок. Но главное, пишет автор рецензии, «это первая попытка выпустить в свет собрание сказок наших инородцев» и «одна из полезных и приятных литературных новинок» [Рецензия 1898а, с. 504]. Харузиной произведена удачная попытка — соединить «приятное с полезным — сказки с этнографическими сведениями» [Рецензия 1898б, с. 418]⁷.

Не менее впечатляет сборник Харузиной «Африканские сказки» (с иллюстрациями), выпущенный в 1919 г. издательством «Мир сказок» под редакцией Л.Б. Хавкиной. Вера Николаевна посвятила его своему младшему племяннику Всеволоду Харузину, изучавшему историю народов Африки и даже побывавшему там. В него вошли 30 сказок, представляющих племена всех частей африканского архипелага: зулусов, кафров, пондо, евеян и др. В маленьком введении Харузина подчеркнула основные черты африканских сказок: присутствие в них

⁷ В.Н. Харузина очень гордилась выходом в свет этой книги, она получила за нее первый в своей жизни гонорар — 150 руб. (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 66. Л. 22).

живого, безобидного юмора, «умение народных сказителей заглянуть в человеческую душу и найти в ней нежные и тонкие чувства. Рассказчики, — пишет составитель, — нередко обладают драматургическим даром, они хорошие имитаторы, а обилие звукоподражаний в африканских диалектах дает им возможность словом передать поступь и движения животных. Барабанные звуки помогают им делать паузы в повествованиях. И льются так рассказы долго-долго в ночные часы, озаренные светлым месячным сиянием и горящими ярко на ночном небе звездами» [Харузина 1919, с. 6]. Привлекая не только детей, но и молодежь, сказки делаются достоянием многих африканцев, живущих особой эмоциональной жизнью.

Талант беллетриста, богатство воображения и прекрасный русский язык Харузиной проявились в ее собственных рассказах и сказках, опубликованных в разное время: «Рождественская звезда» (1898), «Царевна — каменное сердечко» (1899) (выдержала несколько изданий) [Рецензия 1902], «Оцзи и Олесь. Из жизни лопарей» (1903) [Рецензия 1898в], «Сказ о боярине Кручине и посадком человеке Савве Акинфиевиче» (1905), «Друзья. Картинки из жизни словинских детей» (1909), «Тунгусенок Михайло» (1928), «Никифор Утка» (1938) и других художественных произведениях, в которых присутствуют этнографические мотивы. Безусловно, имело значение сотрудничество талантливого прозаика и этнографа в таких известных изданиях, как «Родник», «Детский отдых», «Путеводный огонек», «Игрушечка», «Читальни народных школ» и др.

В дневниках Харузиной сохранились записи, которые свидетельствуют о большой востребованности ее произведений для читателей. В 1908 г. издательница К.В. Лукашевич из Петербурга в письме к Харузиной просит разрешить перепечатать ее сказку «Сон и дрема» в широко известном сборнике «Сказки современных русских писателей» (Т. 1–2. М., 1910) [ОПИ ГИМ. Письмо Лукашевич Харузиной 1908, л. 21]. В следующем году редактор журнала «Семья и школа» В. Львов предлагает В.Н. Харузиной отдельным изданием опубликовать ее рассказ «Друзья. Картинки из жизни словинских детей» и добавляет: «Будет очень интересно и современно дать книжечку о славянском народе», — так широко смотрел издатель на просветительскую задачу рассказа о жизни и взглядах словенской детворы горной деревушки вблизи Альпийской вершины Триглав в Крайне [Письмо Львова Харузиной 1908]. В 1914 г. Харузина получает письмо от П.Г. Богатырева, в котором он от имени Комиссии по народной словесности Этнографического отдела ИОЛЕАЭ приглашает на свое сообщение о новых книгах по фольклору [Письмо Богатырева Харузиной 1914].

Просветительская деятельность Харузиной проявилась и в переводах. Наряду со сказками ее привлекали мифы, легенды, предания. В 1901 г. выходит из печати перевод книги английского этнографа Э. Лэнга

«Мифология» (М., изд. В. Линд, 1901) под редакцией Н.Н. и В.Н. Харузиных. Книга вызвала интерес русских этнографов и фольклористов тем, что в ней были представлены мифы разных народов и сделана попытка объяснить их с точки зрения анимистической теории. Центральное место в книге Лэнг отвел статье «Мифология», написанной им для девятого издания «Encyclopedia Britannica». Но Харузины неслучайно сделали свой перевод книги с французского [Lang 1896], так как именно это издание было наиболее полным и включало также статьи «Исторический и критический обзор мифологических теорий», «Мифы», «Героические предания и сказки» и было снабжено примечаниями.

В рецензии на перевод Харузиных газета «Русские ведомости» [Рецензия 1901; 1902] отмечала ценность труда Э. Лэнга, который в своем историческом обзоре мифологических воззрений разных веков полемизировал с филологической теорией происхождения мифов М. Мюллера и Г. Спенсера, доказывая ее односторонность. В первой части книги рассматриваются пережитки седой старины и первобытного склада мышления. Во второй части Лэнг анализирует различные мифы, начиная с мифов аборигенов Австралии, Меланезии, Африки и др. стран и кончая скандинавскими. Особо останавливается он на мифах о происхождении вселенной, похищении огня, солнце и луне, о происхождении смерти, заканчивая героическими преданиями.

Анонимный рецензент журнала «Русская мысль» подчеркивал тщательность перевода Харузиных и тот факт, что перевод мифов «заполняет существенный пробел в научно-популярной литературе» [Рецензия 1902].

К сожалению, такие работы В.Н. Харузиной, как «Мифы Южной Америки» и «Чудовищное в фантастике и культовых представлениях малокультурных народов», остались в рукописи и до сих пор нами не обнаружены. Не обнаружены и ее переводы: «Легенды Гастона Париса» и «Култ св. Вольфганга в Германии».

В связи с мифологической проблематикой в творчестве В.Н. Харузиной нельзя обойти вниманием ее рецензию на известную монографию Д.К. Зеленина «Очерки русской мифологии» (Пг., 1916), получившую огромное количество откликов после выхода ее в свет [Зеленин 1995] и не утратившую своего научного значения в настоящее время. Труд Зеленина посвящен такому центральному мифологическому персонажу, как русалка, связанному с ней культу мертвых, верованиям в загробную судьбу умерших неестественной смертью. Исследование и анализ поверий и обрядов, связанных с этими аспектами русской духовной культуры, Д.К. Зеленин проводит на основе богатого этнографического материала, применяя к анализу источников сравнительно-исторический метод.

Рецензия В.Н. Харузиной является, по сути дела, самостоятельным исследованием. В ней автор обращает внимание на метод Д.К. Зелени-

на, используемый им для реконструкции восточнославянской мифологии и обрядов. Харузина считает, что, изучая мифологию и обряды, нужно учитывать и аспекты, не учтенные Зелениным, а именно: «определение основных характерных черт явления и выяснение их значения. И тут мы наталкиваемся на такие поразительные аналогии в этих характерных чертах обрядов и верований у разных народов, что пройти мимо них исследователю невозможно. Должно быть какое-нибудь психологическое или другое основание, на котором мифологические образы разнообразнейших народов обладают сходственными чертами и обряды, имеющие аналогичную цель, протекают по определенной схеме, воспринимают одинаковые детали. Тут с полным правом вступает сравнительный метод, выражающийся, однако, не в сопоставлении аналогичных этнографических явлений, но в сопоставительном изучении их характерных черт. <...> Причем особенно плодотворные результаты дадут факты из жизни народов малокультурных» [Харузина 1917, с. 332]. В этой оценке метода Д.К. Зеленина В.Н. Харузина приблизилась к взгляду современных филологов и лингвистов, согласно которому «особого рода источником для реконструкции славянской мифологии является сравнительно-историческое сопоставление с разными индоевропейскими мифологическими системами» [Иванов, Топоров 1980, с. 450–456].

В 1931 г. в статье, написанной по поводу кончины В.Н. Харузиной [Зеленин 1931, с. 278], Д.К. Зеленин с благодарностью подчеркнул, что в этой рецензии она четко высказалась за объединение социологического и историко-этнографического подходов и правильное применение сравнительного метода. Здесь следует отметить, что интересы В.Н. Харузиной не ограничивались этнографией. Она рассматривала этнографию в контексте и взаимосвязи с другими смежными дисциплинами: географией, правоведением, физической антропологией, археологией, статистикой, фольклористикой и др. Она понимала, что только комплексный подход к изучению разных народов может содействовать более высокому уровню анализа наблюдаемых фактов и явлений жизни. В творчестве В.Н. Харузиной гармонично сочетались разные теоретико-методологические подходы. Она использовала принципы эволюционной, культурно-исторической школ, диффузионизма, американской исторической школы Ф. Боаса и т. п. В исследованиях фольклора Харузина следовала основным принципам исторической школы В.Ф. Миллера.

В 1927–1928 гг. в журнале «Этнография» публикуется фундаментальное исследование В.Н. Харузиной «Примитивные формы драматического искусства». Новизна и оригинальность этой работы заключается в постановке вопросов о значении индивидуального творчества в создании примитивных драматических представлений, об обрядовой и магической роли драмы, о наличии комического эле-

мента, об участии женщин и детей в архаичных спектаклях-играх. Автор подробно останавливается на роли *актеров* (шаманов, жрецов), *зрителей* (в частности, на участии зрителей в роли исполнителей), *режиссера* (например, алтунжи — знатока мифов и обрядов у австралийских племен), на выборе места для представления, на костюме и гриме. Проблематика этой статьи давала возможность автору сопоставить далекое прошлое с современным театральным искусством, выделить общее и особенное. Драматическое искусство, постоянно развивающееся культурное явление зависит не столько от эволюции форм, сколько от познания человеческой психики и силы воображения. Внутренний смысл и внешнее выражение одинаково ценно и в примитивном искусстве и в театре современном. Своим исследованием Харузина хотела обратить внимание будущих ученых на необходимость всестороннего изучения форм драматического искусства в прошлом. Проблематика этой статьи для конца 1920-х гг. была весьма актуальной. В России конца XIX — первой трети XX в. информация о первобытных формах драматического искусства была очень скудна, хотя о зачатках русской драмы было написано уже немало. До сих пор эту богатую мыслями и сведениями харузинскую работу используют современные искусствоведы, занимающиеся истоками театрального искусства.

Весьма интересна статья В.Н. Харузиной «Время и обстановка рассказывания повествовательных произведений народной словесности» [Харузина 1929, с. 47–57].

В этой статье автор поднимает недостаточно разработанный в науке вопрос о времени и обстановке народных прозаических повествований. Она обращает внимание на то, что прежде всего собиратели произведений народной словесности интересовались их фабулой, опираясь на свой вкус. Затем стали анализировать язык и стиль, а от них тянулась нить к личности сказителя. Возникла и проблема его дарования, биографии, особенностей художественной манеры и др. Живая бытовая обстановка, в которой собирались мифы, предания, сказки, давала очень много, как и время и место их рассказывания. У многих народов запрещалось в определенное время рассказывать произведения народной словесности. Отдавалось предпочтение рассказыванию мифов вечером. Считалось, что в дневное время может убить молния, тучи могут упасть на голову. Так было у готтентотов, кафров, гольдов и других племен. И.А. Лопатин, например, описывал, что гольд отказался рассказывать ему сказки при дневном свете, поскольку он мешал его вдохновению [Лопатин 1914, с. 20, 30]. То же самое отмечал Д.К. Зеленин, исследуя великорусские сказки в Пермской губернии [Зеленин 1914, с. 27–28]. Но исследователи обычно не определяли категорию сказок, а рассказчики имели одну только цель — занять слушателей, иметь у них успех, так что в один и тот же

вечер можно было услышать и остроумную звериную сказку, и басню, и предание о мифических временах.

Как считает В.Н. Харузина, некоторые категории сказок рассказываются не только в определенное время, но и в соответствующей обстановке. Многие мифы сами по себе имели священную силу, так что произнесение их являлось магико-религиозным обрядом⁸.

Автор статьи останавливается также на народной прозе, посвященной этиологическим мифам о происхождении отдельных явлений, о прародителях и героях вселенной. Она ссылается на книгу «Золотая ветвь» Дж. Фрэзера [Фрэзер 1928], много писавшего о присутствии магической силы в мифах и заговорах. В.Н. Харузина приводит многочисленные примеры из жизни племен Америки, Новой Гвинеи и пр. Она справедливо выделяет и особо подчеркивает роль этиологических мифов в религиозно-магических обрядах, объясняющих происхождение отдельных явлений. Некоторые из них одновременно являются и мифами о прародителе или культурном герое. Изложение этих мифов не только оживляет в памяти слушателей причину явлений, но так или иначе содействует действенности совершаемого обряда.

В произведениях народной словесности, считали Николай и Вера Харузины и другие ученые, мифы и сказки соединялись с древними обрядами. Это подтверждается «медвежьим праздником» и «медвежьими вечерками», на которых рассказывалось не менее 300 рассказов; рассказывание сказок на свадьбе, имеющее целью содействовать счастливому браку, также носило обрядовый характер и не было просто увеселением. Сказка, отмечала Харузина, не создавалась сразу как готовый жанр, она коренилась в обрядовой и культовой жизни народа, трансформировалась из мифа. Соответственно и формы ее исполнения развились из форм бытования мифа, который имел магически-заклинательное значение.

Отметим, что указанные выше проблемы впервые в российской науке были подняты именно В.Н. Харузиной [Авдеев 1959; Добровольская 2006]. Развивая ее мысли, Д.К. Зеленин показал охотничью основу запретов на рассказывание сказок в определенное время года [Зеленин 1934, с. 215–240], сохраненную и переосмысленную в таких, например, запретах, как «летом нельзя говорить сказки, овцы падают», и продемонстрировал, что сказка некогда имела значение оберега, заклинания и составляла часть обряда.

Итак, не получившая высшего образования купеческая дочь В.Н. Харузина стала первой в России женщиной — профессором этно-

---

⁸ У племени хупа маг рассказывает миф о рыбе семге и сам в то же время как бы ловит семгу и выполняет с нею те действия, о которых говорится в мифе: разрезает рыбу каменным ножом, разводит огонь, бросает в него ладан и т. д.; цель обряда — обеспечить удачный лов семги.

графии, прославилась как собиратель народной словесности, написав множество ценных трудов по фольклору.

Феноменальная увлеченность любимой наукой сопровождала В.Н. Харузину всю жизнь. Блестящий ум и энергия, исключительное трудолюбие и широкая эрудиция, а также прекрасный стиль, многообразие творческих интересов определили ее значительный вклад в историю российских гуманитарных наук. Многогранная популяризаторская и просветительская деятельность В.Н. Харузиной до сих пор вызывает интерес не только у специалистов, но и у всех тех, кто увлекается народным творчеством.

Литература и источники

- Авдеев 1959 — Авдеев А.Д. Происхождение театра. Элементы театра в первобытно-общинном строе. М.: Л., 1959.
- Бернштам 1988 — Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в. Л., 1988.
- Гуль 1984 — Гуль Р.Б. Я унес Россию. Апология русской эмиграции. Нью-Йорк, 1984. Т. 2. Ч. 6.
- Добровольская 2006 — Добровольская В.Е. Нормативный контекст фольклорного текста и его роль в бытовании фольклорной традиции // Первый Всероссийский конгресс фольклористов. Сборник докладов. М., 2006. Т. 2. С. 428–449.
- Зеленин 1914 — Зеленин Д.К. Великорусские сказки Пермской губернии. Пг., 1914.
- Зеленин 1931 — Зеленин Дм. Вера Николаевна Харузина [Некролог] // *Lud Słowiański*. 1931. Т. 2. S. 278–281.
- Зеленин 1934 — Зеленин Д.К. Религиозно-магические функции фольклорных сказок // Сергею Федоровичу Ольденбургу. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности (1882–1832). Сборник статей. Л., 1934. С. 215–240.
- Иванов, Топоров 1980 — Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянская мифология // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. Т. 2. С. 450–456.
- Ипполитова 2001 — Ипполитова А.Б. История Музея народов СССР в Москве // Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 144–159.
- Календарные обычаи и обряды 1973 — Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Зимние праздники. М., 1973.
- Каллаш 1898 — Каллаш В.В. (псевдоним В.К.) [Рец. на кн.: В.Н. Харузина. Сказки русских инородцев] // ЭО. 1898. № 4. С. 171.
- Керимова 2006 — Керимова М.М. Письма В.В. Кандинского к Н.Н. Харузину // Альманах. Вестник истории, литературы и искусства. М., 2006. № 3. С. 481–496.
- Керимова 2007 — Керимова М.М. Н.Н. Харузин и В.В. Кандинский // Этнографическое обозрение. 2007. № 6. С. 14–33.

Керимова 2011 — Керимова М.М. Жизнь, отданная науке. Семья этнографов Харузиных. М., 2011.

Керимова 2012 — Керимова М.М. Алексей Николаевич Харузин (политический портрет) // Вопросы истории. 2012. № 7. С. 30–44.

Кто за детей 1906 — Кто за детей? Галерея писателей для детей. (Предисловие А.А. Федорова-Давыдова. Взгляд на детскую литературу). М., 1906. С. 76–77.
Лехович 2000 — Лехович Д. Белые против красных. Генерал Деникин. Нью-Йорк, 2000.

Лопатин 1914 — Лопатин И.А. Летом среди орочон и гольдов // Далекая окраина. 1914. С. 19–35.

Любимова 1998 — Любимова Г.В. О роли детей в обычаях и обрядах календарного цикла (по материалам детских новогодних «посеваний» в Сибири) // Русские Сибири: культура, обычаи, обряды. Новосибирск, 1998. С. 142–151.

Михайловский 1898 — Михайловский В.М. [Предисловие к сборнику В.Н. Харузиной «Сказки русских инородцев»]. М., 1898. С. 1–2.

О награждении медалями ИРГО 1915 — О награждении медалями ИРГО 1915 // Живая старина. 1915. Вып. 1–2. С. IV.

Отчет 1910 — Отчет о состоянии Императорского Московского археологического института за 1908–1909 г. М., 1910.

Отчет 1913 — Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского археологического института за 1911–1912 гг. М., 1913.

Отчет 1923 — Отчет I МГУ за 1923 г. М., 1923.

Пыпин 1890 — Пыпин А.Н. [Рец. на кн.: В.Н. Харузина. На Севере. Путевые впечатления] // Вестник Европы. 1890. Т. 2. № 3. С. 431–432.

Рецензия 1898а — [Рец. на кн.: В.Н. Харузина. Сказки русских инородцев] // ЖМНП. 1898. № 4. Отд. 2. С. 504.

Рецензия 1898б — [Рец. на кн.: В.Н. Харузина. Сказки русских инородцев] // Русская мысль. 1898. № 10. С. 418.

Рецензия 1898в — [Рец. на кн.: В.Н. Харузина. Оцзи и Олесь. Рассказ из жизни лопарей] // Русская мысль. 1898. № 4. С. 170.

Рецензия 1902а — [Рец. на кн.: В.Н. Харузина. Царевна каменное сердечко] // Русская мысль. 1902. № 2. С. 61.

Рецензия 1902б — [Рец. на кн.: Э. Лэнг. Мифология. М., 1901] // Русская мысль. 1902. № 1. С. 2.

Толстой 1995 — Толстой Н.И. Очерки русской мифологии Д.К. Зеленина и развитие русской мифологической науки // Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии. М., 1995. С. 1–10.

Фрэзер 1928 — Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М., 1928. Вып. 1–4.

Харузина 1898 — Харузина В.Н. Сказки русских инородцев (с краткими бытовыми очерками и иллюстрациями). М., 1898.

Харузина 1890 — Харузина В.Н. На Севере (путевые воспоминания). М., 1890.

Харузина 1906 — Харузина В.Н. Несколько слов о родильных и крестинных обрядах и об уходе за детьми в Пудожском уезде Олонецкой губернии // Этнографическое обозрение. 1906. № 1–2. С. 89–95.

Харузина 1911 — *Харузина В.Н.* Об участии детей в религиозно-обрядовой жизни // ЭО. 1911. № 1–2. С. 42–51.

Харузина 1917 — *Харузина В.Н.* [Рец. на кн: Д.К. Зеленин. Очерки русской мифологии] // ЖС. 1917. Вып. 4. С. 331–336.

Харузина 1919 — *Харузина В.Н.* Африканские сказки. М., 1919.

Харузина 1929 — *Харузина В.Н.* Время и обстановка рассказывания повествовательных произведений народной словесности // Учен. зап. Института истории Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М., 1929. Т. 3. С. 47–57.

Харузина 1999а — *Харузина В.Н.* Прошлое. Воспоминания детских и отроческих лет / Сост., авторы предисловия, комментария, указателя М.М. Керимова и О.Б. Наумова. М., 1999.

Lang 1896 — *Lang A.* Mythes, cultes et religions. P., 1896.

В.Н. Харузина как исследователь фольклора

Статья посвящена фольклорным изысканиям В.Н. Харузиной в конце XIX — первые десятилетия XX столетия. Первая женщина — профессор этнографии в России, помимо интенсивной преподавательской деятельности, много сил отдала подготовке трудов по фольклору (сказки, мифы, легенды, предания), издала сборники сказок народов мира, статьи по народному искусству (примитивные формы драматического искусства, игры и игрушки). Она также принимала деятельное участие в развитии музейной этнографии, создала этнографические программы-вопросники на разные темы, написала множество научно-популярных очерков, рецензий на труды зарубежных ученых для журнала «Этнографическое обозрение». В статье представлены научные связи В.Н. Харузиной с ведущими российскими фольклористами, проанализированы ее заслуги в области изучения фольклора народов мира.

Ключевые слова: В.Н. Харузина, история российской этнографии и фольклористики, сказки, мифы.

V.N. Haruzina as a Researcher of Folklore

The article is devoted to the folklore research of V.N. Haruzina at the end of XIX century — the first decades of XX century. As the first female professor of ethnography in Russia, in addition to intensive teaching, she gave much effort to the preparation of research papers on folklore (fairy tales, myths and legends), published a collection of tales of the world's peoples, and articles on folk art (primitive forms of dramatic art, games and toys). She also played an active part in the development of museum ethnography and ethnographic programming; she created questionnaires on various topics, wrote many science-popular essays, and reviewed the works of

foreign scientists for the magazine "Ethnographic Review". The article presents the scientific relations of V.N. Haruzina with leading Russian folklorists and analyzes her contribution to the study of folklore of the world's peoples.

Keywords: V.N. Haruzina, the history of Russian ethnography and folk studies, fairy tales, myths.

НАУЧНЫЕ ОТКРЫТИЯ Н.И. ЛЕБЕДЕВОЙ В ОБЛАСТИ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Наталья Ивановна Лебедева (1894–1978) — археолог, этнограф и собиратель фольклора — совершила целый ряд научных открытий:

1) сгруппировала фольклорные жанры (преимущественно относящиеся к обрядовому фольклору, несказочной прозе и народной медицине) в единый комплекс, чтобы на основе его изучения проследить этнические процессы восточных славян;

2) в полевых условиях исследовала жанры обрядового фольклора в неразрывной связи с этнографическими компонентами, записывала устно-поэтические произведения со слов носителей традиции, часто в естественном бытовании (в составе праздничной культуры и повседневного быта);

3) ввела в экспедиционную практику последовательное посещение соседних сел по заранее намеченному и строго выверенному маршруту, чтобы зафиксировать варианты фольклорных текстов, проследить их изменчивость по географическому признаку;

4) предложила научному сообществу метод этнологического картографирования, необходимый для выявления разных этнических групп населения и прослеживания миграционных потоков в различные исторические периоды; сама успешно применяла этот метод;

5) поставила задачу выявить «замкнутые этнографические районы» и изучала Калужско-Брянско-Смоленское и Белорусское Полесье — своеобразный феномен народной культуры, сложившийся на стыке проживания белорусов, украинцев и русских. Впоследствии (уже во второй половине XX века) духовные традиции полешуков детально изучали научные экспедиции МГУ и Института славяноведения и балканистики РАН, возглавляемые акад. Н.И. Толстым;

6) сохранила для потомков в рукописных полевых дневниках, зарисовках цветными карандашами, чертежах с точными обмерами, фотографиях и документальном беззвучном фильме уходящий патриархальный быт, выявив и зафиксировав разными способами его архаические черты.

Все эти научные достижения Н.И. Лебедева осуществила в ходе многочисленных этнографических экспедиций, маршруты которых очерчивают южную, западную и северо-западную части России и примыкающие к ней территории Литвы, Белоруссии и Украины, а также Восточной Сибири. Фактически Лебедева участвовала в экспедициях на протяжении четырех десятилетий — с 1920 по 1968 г. (летние полевые сезоны 1920–1930, 1935, 1951, 1953, 1954, 1956, 1957, 1960, 1962, 1964–1968 гг.).

Выбор экспедиционных маршрутов не был случайным: он охватывал основные регионы Центральной России и ее пограничье с Белоруссией (Полесье) и центр Украины, то есть те районы, которые дают возможность изучить этногенез восточных славян. Н.И. Лебедева очерчивала этнографически-знаковую территорию в статье «Прядение и ткачество восточных славян в XIX — начале XX в.» (1956), в значительной мере оглядываясь на пройденные в течение 30 лет жизни экспедиционные пути: «Материалы для этой работы были собраны мною в 1921–1932 гг. в РСФСР: в Рязанской, Калужской, Брянской, Тульской, Смоленской, Новгородской, Псковской и Московской областях; в Белоруссии (Гомельщина, Мозырщина, Туровщина, Витебщина); на Украине (Полтавщина); в 1950 г. в Рязанской обл. (Конобеевский и Сасовский районы), в 1951 г. — в Пензенской обл. (Земетчинский район), в 1953 г. — в Смоленской и в Псковской областях, в 1954 г. — в Курской и Орловской областях» [Лебедева 1996. Т. 2, с. 4].

Н.И. Лебедева исследовала народную культуру с обязательными указаниями на географию распространения ее элементов. Этому способствовал целый ряд жизненных обстоятельств.

Во-первых, Н.И. Лебедева как ученый была воспитана на трудах Д.К. Зеленина, цитировала его работы (напр., «Обрядовое празднество совершеннолетия девицы у русских», 1911; «Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных в связи с течением позднейшей великорусской колонизации», 1913); П.П. Семенова-Тян-Шанского, А.А. Шахматова, Е.Ф. Будде и др. географов, этнологов и лингвистов, уделявших большое внимание территориальному распределению явлений народной культуры.

Во-вторых, метод исследования духовной культуры Н.И. Лебедевой являлся исключительно экспедиционным, построенным на первоначальном выявлении изучаемых реалий в их естественном бытовании, предполагавшим если не полную паспортизацию объектов и информаторов, то уж во всяком случае — точную географическую привязку.

В 1920-е годы, на которые пришлось становление Н.И. Лебедевой как ученого, невозможно было работать иначе, не полагая сельские населенные пункты своеобразными заповедниками народной культуры. Соответственно в научных статьях нельзя было не отметить зоны бытования конкретных этнологических реалий, рассматриваемые как реликты патриархального быта и архаической картины мира.

Н.И. Лебедева делала полевые зарисовки и фотографировала, обязательно применяла эти навыки в экспедиционной работе (см. [ГЛМ. Фонд Н.И. Лебедевой. Инв. 20, 21]). В «Предварительном отчете об этнографических работах в Сапожковском у. Рязанской губ. летом 1923 г.» (1924) Н.И. Лебедева указывала на проблематичность применения нового метода фиксации этнологического материала:

«<...> старухи не идут “сниматься”, заявляя, что после “сняmania” — умрешь» [Лебедева 1996. Т. 1, с. 22].

Н.И. Лебедева о региональных исследованиях в этнологии и фольклористике и географической вариативности фольклорных текстов. Летом 1925 и 1926 гг. Н.И. Лебедева обследовала в экспедициях территории от г. Калуги до г. Трубчевска, Смоленска, Новгорода-Северского.

В итоге Н.И. Лебедева сделала доклад «Этнологическое изучение Калужского Полесья как характерного этнологического района» [Лебедева 1927а] и написала монографию «Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки. (Этнологическая экспедиция в Брянской и Калужской губерниях в 1925-ом и 1926-ом годах). Ч. I. Народный костюм, прядение и ткачество» [Лебедева 1927б].

Широкие географические рамки экспедиции были необходимы для определения границ Полесья как неизученного уникального этнографического района и выявления специфики народной культуры полешуков, по данным археологии и истории живущих на пограничье бывших славянских племенных союзов вятичей (в бассейне р. Оки), кривичей (в верховьях р. Днепра и р. Десны), северян (в бассейне р. Неруссы и р. Десны) и, по предположению А.А. Шахматова на основе диалектологических разысканий, продвижения по этой земле радимичей и обитания дославянских групп населения — финского и литовского. Н.И. Лебедева рассуждала: «Где культурный стык племенных групп, там наиболее хорошо сохраняются архаические черты» [Лебедева 1927а, с. 29; то же: Лебедева 1996. Т. 1, с. 28].

Фактически Н.И. Лебедева выявила границы Калужско-Брянско-Смоленского Полесья: это территория по рекам Витебети, Россете, Болве, Навле, Десне, междуречью Днепра и Оки. В своих экспедициях она охватила более широкую территорию, чтобы увидеть характерные признаки быта полешуков, отграничить их от соседнего населения, а не только основываться на самосознании местных жителей. Готовясь к экспедиции, она ориентировалась на исследования археологов и историков, которые считали Полесье «пограничной полосой между славянским племенем, так называемыми “вятичами” (бассейн Оки), кривичами (верховье Днепра и Десны), северянами (бассейн Неруссы и Десны)» [Лебедева 1996. Т. 1, с. 28]. Лебедева считала полехов южновеликорусами, сохранившими архаические черты древних групп, на основе которых сформировались белорусы и украинцы, а также литовцы. По ее мнению, Полесье — это реликтовый район стыка разных культурных групп [Лебедева 1996. Т. 1, с. 29–30].

В 1927 г. Н.И. Лебедева совместно с В.П. Никольской исследовала Мозырский округ (левобережье р. Припяти) и западную часть Бобруйского округа в Белоруссии. Результатом стала работа

Н.И. Лебедевой «Жилище и хозяйственные постройки Белорусской ССР. Мозырский и Бобруйский округа по левому берегу Припяти и ее притокам» [Лебедева 1929д]. В экспедиции Лебедева записывала также фольклорные произведения: «Из духовной культуры изучались обряды, связанные с годовым кругом праздников, обряды, связанные со скотом, и семейные обряды» [Лебедева 1996. Т. 1, с. 133].

Н.И. Лебедева использовала принцип географического (регионального) изучения народной культуры, о котором писала: «Основным требованием при изучении каждого этнического явления в пределах намеченной темы было: во-первых, расчленить целое явление на его составные элементы и проследить эти элементы в отдельности и в комплексах территориально, во-вторых, проследить изменяемость этих явлений и их элементов по оставшимся бытовым памятникам и по памяти живущего поколения, в-третьих, изучить технику изготовления отдельных материальных элементов быта, в-четвертых, собрать материал по терминологии, в-пятых, изучить условия бытования каждого этнического явления» [Лебедева 1996. Т. 1, с. 133–134]. Заметим, что крестьянская терминология, как и произведения устного народного творчества, отличается вариативностью, прослеживаемой также регионально, от одного населенного пункта к другому и к целой группе селений.

Как и в других экспедициях, Н.И. Лебедева делала рисунки и чертежи, а также фотографировала основные этнографические объекты, стремясь запечатлеть реалии уходящего крестьянского быта и подготовить иллюстративные материалы для будущих статей и монографий. В результате рукопись Н.И. Лебедевой «Материальная культура Мозырского округа БССР» (1930) сопровождается рисунками и чертежами (с аннотациями на обороте): изображены упряжь, сани, желоб для кормления лошадей, ярмо для одного вола, доенка, маслобойка, соломорезка, лодка, плот, нож гончара, тканье на бердо, трепало, тканые узоры, выкройки мужских рубахи и штанов, женские головные уборы, приготовление сыра, соха, мельница, батрак, усадьбы, хаты, планы гумен и др. [ГЛМ. Инв. 21. Ед. хр. 2–45]. Особо выделяются рисунки тканых узоров [ГЛМ. Инв. 21. Ед. хр. 19–25. № 49–95]. Имеются также фотографии с аннотациями: здесь водяная мельница, избы, дворы, дворовые пристройки, гумно и двор-гумно, курени, ульи, домашняя утварь (соломорезка, ручная мельница), ловля рыбы, пахота, борничество, полевые работы, крестьянки за домашней работой, крестьяне в народных костюмах с. Тонеж, с. Радзивиловичи, с. Милашевичи, д. Заболотье [ГЛМ. Инв. 21. Ед. хр. 46–65]. Вариативность подмечается и в фотографиях: Лебедева сфотографировала разнообразную народную одежду в соседних селах.

В 1935 г. исследовательница указывала в «Описи материалов по фольклору, собранных Лебедевой Н.И. в Калужской, Смоленской губ.

и Брянском округе в 1925–1929 гг.»: «В свободное время от основных заданий поездки был собран материал по фольклору. Большинство обрядов записано со слов их участников. Наблюдать самой пришлось лишь некоторые обряды в с. Бояновичи в 1929 г. и в 1926, <19>25 г. по др. деревням (похор<оны> мушки, блошки, похор<оны> мокрицы и др.)» [ГЛМ. Инв. 15. Папка 1, ед. хр. 35].

Ю.М. Соколов дал высокую оценку материалов Лебедевой в подготовленном им документе («Заключение») от 13 марта 1935 г.: «Предлагаемые Л.М. Лебедевой материалы по обрядовому фольклору собраны ее дочерью Н.И. Лебедевой, опытной собирательницей-этнографом, автором спец. исследований, представляют несомненный большой научный интерес. Они собраны в 1925–29 гг. на обширной территории в 11,2 тыс. километров. Собирались они по продуманному научному плану и *сдаются в прекрасно систематизированном виде*» (подчеркнуто Ю.М. Соколовым)» [ГЛМ. Инв. 15]).

Собирая обрядовый фольклор, Н.И. Лебедева подготавливала основу для картографирования и составления полноценной картины этнической принадлежности местного населения. 20 февраля 1935 г. она оценивала экспедиции 1925–1927 и 1929 гг.: «При записывании обрядов ставилось задачей — выявить наличие обряда, составные его элементы. Ввиду обширности изученной территории, *устанавливается территориальное распространение отдельных обрядов*. Многие из обрядов свойственны только отдельным группам сел изучаемой территории, и они ярко характеризуют группу населения, выделяя элементы средневеликор<усские>, южновеликорусские и белорусские. Беглый обзор этих обрядов обнаруживает связь их с некоторыми элементами материал<ьной> культуры, которые характеризуют те же группы населения» (выделено Н.И. Лебедевой [ГЛМ. Инв. 15. Папка 1, ед. хр. 35]).

Н.И. Лебедева рисовала картину вариативности устно-поэтических произведений каждого важного для нее жанра, преимущественно относящегося к обрядовому фольклору. Вариативность фольклорного произведения Лебедева понимала скорее как этнограф, чем как филолог: она считала своим долгом в каждом обследованном селении записать по одному тексту намеченного для изучения жанра и на этом полагала свою задачу выполненной, но совершенно не заботилась о фиксации еще нескольких подобных текстов, которые легко можно было бы услышать от других односельчан. Кроме того, если текст оказывался прозаическим, то Лебедева записывала его своими словами (то есть в пересказе), приводя в кавычках лишь отдельные высказывания информанта. Естественно, диалектные черты почти (за редким исключением) не принимались в расчет. Зато Лебедева обязательно указывала народный жанровый термин, если он имелся; при его отсутствии ставила на белой карточке научное обозначение.

И все-таки благодаря обширности охваченной полевыми исследованиями территории, образующей одну или несколько соседних этнологических зон, у Н.И. Лебедевой получался впечатляющий результат! Приведем характерный пример. В экспедициях 1925-1927 гг. в 40 селениях Калужской, Брянской губ. и Смоленского округов Лебедева записала 40 текстов об окончании жатвы, часть из них пометив народными терминами: «дожин», «дожинки», «отжинки», «женитьба серпа» и «толока». Она обязательно давала описание обряда, выявив в общей сложности следующие его варианты — уникальные или наиболее типичные:

1) «Как кончат жать, все жницы садятся и вытягивают ноги, чтоб рожь была в “1 постыжь»» (д. Замощье Сычевского у. Смоленской губ., 8.V.1926 — № 54);

2) «По окончании жатвы жнея катается по полю, приговаривая <...>» и т.п. (№ 56–60, 62–63, 65, 70–71, 73–76, 78–79, 81–85, 88–90, 92–93, 95);

3) «По окончании жатвы связывали красной ниткой несколько колосков, под них клали в тряпочке хлеб, соль — Илье борода»; «“коненка” завьют»; «оставляют недожатый пучок, связывают его, под него кладут хлеб, соль — “козу положить”» и т.д. (№ 58–60, 62–69, 71–79, 82–85, 89–93, 95);

4) «На серп наматывают былинки ржи, чтоб урожай был хлеба» и т.п. (№ 60, 69, 80, 85, 93);

5) «Кто запоздает, тому помогают соседи в праздник или как сами отождутся» (№ 61, 64); «кто отождется 1-ым, идет помогать отстающим» (№ 69);

6) «Когда кончат жать, делают из колосьев венки, его хранят у икон, на Спасов день его освящают, потом обмолачивают, им засевают»; «крест» из колосьев [ГЛМ. Инв. 15. Папка IV. № 90–91, 94–95].

По записям Н.И. Лебедевой наблюдается циклизация обрядов или, говоря иначе, замкнутость их по календарному кругу ‘весна — осень’: между собой корреспондируют «зажин» и «дожин», «свадьба серпа» и обычай «разженить серп», а изготовление венка из колосьев нацелено на будущий ритуал «засеять поле». Упоминания Ильи и Спасова дня показывают приблизительную приуроченность обряда окончания жатвы, хотя конкретные даты не называются.

Обряд окончания жатвы во многих селениях включал приговор, представляющий одну из двух формул, каждая из которых обладает вариативностью. Это две просьбы: 1) нива (жнива) должна отдать силу жнее и наказать пахаря (реже — отблагодарить его); 2) Илья пришлет милость. Приговор первого типа произносился одновременно с катанием жницы по стерне (иногда без повойника), подниманием из положения лежа рук и ног кверху, маханием руками. Вот тексты первого типа приговора:

- Жнивушка, жнивушка, // Золотая нивушка, // Отдай мою силушку, // Тебе чтоб постоять, // А мне не хворать (№ 70);
- Нива, нива, отдай мою силу. Нивушку жала, силу потеряла (№ 95);
- Нивушка, отдай мою силушку, // По вашей нивке ходила, // Силу ронила (№ 56);
- Нива, нива, отдай то, // Что на тебе поранила (№ 57);
- Ивка, ивка, отдай мою силку, // Я по полю ходила, // Силу теряла, // По колосочку хлебушко собирала (№ 85);
- Нива, нива, возьми мою силу, // А кто пахал, сеял, тому килу (№ 59);
- Нива, подай мою силу, а кто сеял, тому килу (№ 60, ср. № 78, 81);
- Нива, нива, подай мою силу, // А тому, кто пахал и сеял — тому скрылу (т. е. пирог) (№ 82);
- Нивушка, отдай силушку на яровую жнивушку, а кто сеял, скоро-дил, тому килушку (№ 84);
- Нивка, нивка, отдай мою силку, // На нивку — гной, а на мене — лой (№ 90);
- Нивка, нивка, отдай мою <силку> на яровинку, чтоб моя серединка не болела (№ 93);
- Жнива, жнива, отдай мою силу на яровую горку (№ 66);
- Оржаная жнива, отдай силу на яровую жниву (№ 71, ср. № 75);
- Нивушка, отдай силушку на другую нивушку (№ 89).

Существуют также одночленные усеченные варианты: «Нивка, отдай мою силку» (№ 62, ср. № 65, 67); их небольшое количество и незавершенность свидетельствуют о разрушении текста. Имеются и неточные варианты, в которых обращение искажено: «Ива, ива, дай силу к яровому жниву» (№ 75, ср. № 76, 85, 88 — «ивка»); «Сивка, сивка, береги мою силку на яровинку» (№ 92).

Итак, адресатом первого типа приговорки по случаю окончания жатвы является убранное поле: *оржаная жнива, золотая нивушка, нивушка, жнивушка, нива, нивка* и даже *ива, ивка, сивка*. Обращение часто удвоено: *жнива-жнива, нива-нива*; в редких случаях оно составляет целый зачин — «Жнивушка, жнивушка, // Золотая нивушка». Обращение представлено одним словом, состоящим более чем из двух слогов, — «нивушка», или двусложным существительным с эпитетом — «оржаная нива».

Тексты второго типа, также употребляемые при завершении жатвы: «Илья-батюшка, // Пришли вашей милости» (№ 58); «Дал Господь ему бороду, и мы ему оставляем» (№ 75); «Как завилось жирушко, // чтоб так жито и лето хорошо» (№ 89) и др.

Поскольку это совершенно разные по сути приговорки — с требованием к жнивью или ниве вернуть силу и с благодарностью к Илье, сопровождаемые различными действиями и атрибутами, то в ряде селений (хотя бы в одном — № 75) они употреблялись обе [ГЛМ. Инв. 15. Папка IV].

Совершенно очевидно, что тексты с упоминанием Ильи гораздо реже встречаются, чем тексты про ниву (жниву). Концентрация приговорок про Илью в Брянском округе Бежецкого РИК (с. Подбужье, д. Нехочи, с. Лутна) и соседнем Рославльском у. Смоленской губ. (с. Рогнедино) образуют самостоятельный ареал, в то время как приговорки про ниву распространены почти повсеместно. Однако это только приблизительный вывод, вытекающий из региональных записей Лебедевой. При расширении географии подобных записей вывод может быть уточнен.

Лебедева привлекала дополнительную информацию, будь то сведения из археологических раскопок, публикации о сопредельных землях и иноплеменных соседях, исторические факты о миграционных потоках, диалектологические данные и т. п. Она стремилась расширить информационное поле вглубь и вширь.

Применение Н.И. Лебедевой комплексного подхода для изучения народной культуры показало, что и фольклористика — наука в определенном плане географическая, историческая и социальная, а не только филологическая; что каждый фольклорный текст прикреплен к конкретному носителю традиции и населенному пункту; что инвариант (как условная форма, собранная из всего множества вариантов) изменяется в хронологическом и территориальном диапазоне.

Н.И. Лебедева о типологии и систематике этнологических и фольклорных явлений. Являясь помощником заведующего Русским отделом Центрального музея народоведения, в 1925 г. Н.И. Лебедева подготовила статью о русском обрядовом печенье для тома 1-го «Трудов» музея, в который также должны были войти большие статьи Б.М. Соколова о ЦМН (история создания, деятельность и план развития), Б.А. Куфтина о гончарстве у русских и П.П. Свешникова о южнославянских коллекциях (с выставки 1867 г.) [ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 9. Д. 251. Л. 29]. Типология обрядового печенье и география его распространения в Тамбовской, Калужской и Брянской губ. в 1924–1925 гг. выявляются по фольклорным записям Лебедевой, сохранившимся в Государственном архиве Рязанской области. Лебедева устанавливает типологию ритуальных изделий из теста в связи с тремя разновидностями обрядов: 1) календарными — «кресты» и «похресники», «катки» и «катушки», «бабки», «жаворонки», «кулики», «кулички», «копыто»; 2) свадебным — «курник» и «каравай»; 3) похоронно-поминальным — «лестницы» [Лебедева 1997, с. 19–23]. Экспедиционные записи в Смоленской губ. в 1926 г. и в Мозырском округе Белоруссии в 1930 г. добавляют еще календарное печенье: «кони», «галочки», «птушки», «бабаки», «кружелки», «борона», «пасха» и «лестницы» [Лебедева 1997, с. 22–27].

Статья «Свадебные и праздничные печенья Рязанской губернии» (только в узких региональных рамках, но с обязательным указанием мест сбора этнологических сведений и с более широкой хронологией записей — 1923–1926 гг.) была дважды опубликована уже посмертно [Лебедева 1997, с. 64–67; 1999]. Что касается тома 1-го «Трудов Центрального музея народоведения», то он вышел в 1929 г. и включал монографию Н.И. Лебедевой о жилище белорусов.

В 1930 г. Н.И. Лебедева осуществила две поездки в район р. Припяти и в Московскую обл. (обе повторно — после экспедиций 1927 и 1925 гг. соответственно). Экспедицию в Белоруссию она характеризовала так: «Главная задача была — изучение материальной культуры, но попутно в свободное время были произведены записи по духовной культуре. Во время поездки был подвергнут обследованию Мозырский округ, по правому берегу р. Припяти и по р. Уборти, точнее говоря — д. Запесочье, с. Тоннеж, д. Радзивиловичи (Туровский район), с. Милашевичи, с. Мельчицы, д. Липляны (Лельчицкого района), с. Ремезы (Каролинского района)» [ГЛМ. Инв. 14. Ед. хр. 7. Л. 5].

При сдаче в архив ГЛМ фольклорных материалов Н.И. Лебедева в 1935 г. писала об особенностях сбора фольклора и сделала вывод о его активном бытовании: «Весь материал записан гл<авным> образом на собраниях колхозников и от наиболее передового элемента по изучаемым селам. Степень сохранности у него даже среди этой группы населения материалов по обрядам говорит об обилии материалов по духовной культуре в означенном округе» [ГЛМ. Инв. 14. Ед. хр. 7. Л. 5].

Н.И. Лебедева производила наблюдения над возрастными различиями в диалекте носителей фольклора, вызванными особенностями школьного обучения или его отсутствием: «Разница в системе записи по отдельным селам и обрядам говора объясняется тем, что у разных возрастов отмечается разница в говоре. Если запись ведется от старика сверх 50 лет, то отмечаются местные старинные особенности говора, если запись ведется от 30 лет возраста и выше, то в большинстве случаев чувствуется русская речь, так как этот возраст прошел чрез русскую школу, бывшую там при царизме. Запись от лиц моложе 30 лет характеризуется близостью к литературному белорус<скому> языку, так как этот возраст учился уж<е> в белорус<ской> школе и владеет литературным языком» [ГЛМ. Инв. 14. Ед. хр. 7. Л. 5].

В «Описи материалов по фольклору БССР, собранных в 1930 г. в южной части Мозырского округа» Н.И. Лебедева предложила систематизацию обрядового фольклора, сведя его в таблицу со следующими графами (колонками): «№ по порядку / Название и краткое содержание обряда / Место происхождения <= место записи> / Количество листов in quarto / Кол-во листов in oktavо / В 1/2 листа / Примечания» [ГЛМ. Инв. 14. Ед. хр. 7. Л. 1]. Лебедева дала достаточно подробную классификацию обрядов, приведя и их народные названия.

Исследовательница сгруппировала ритуальные действия в систему семейных и календарных обрядов, подчеркнув главные разделы (не всегда последовательно): семейные обряды (рождение и крестины с более дробными частями; свадьба с отдельными ее элементами) и т.п. Получилась следующая схема (приведем фрагмент — классификацию родильно-крестильных и свадебных обрядов — без указания объема и объединив однотипные пункты):

«Семейные обряды

При рождении ребенка (№ 1–2, д. Запесочье, с. Тоннеж);

При рождении ребенка и крестины (№ 3–4, д. Радзивиловичи);

Рождение, “отведы и крестины” (№ 5–6, д. Милашевичи);

Рождение, “зливки”, “отведы” и крестины (№ 7, д. Липляны);

Крестины (№ 8–9, д. Запесочье, с. Тоннеж);

Свадьба: сватовство, заручины, венчание, обряд печения коровая, де-
леж его, приданое, надевание на́митки. Опис<ание> жен<ского> гол<ов-
ного> убора (№ 10, д. Запесочье);

Свадьба: коровайный обряд, [сватовство,] встреча жениха, невесты,
надевание на́митки, сватовство (№ 11, с. Тоннеж);

Свадьба: сватовство, заручины. Изготовление каравая, суканье свечей,
свадеб<ная> елка (№ 12, д. Радзивиловичи);

Свадьба: сватовство, веселье, обряд надев<ания> на́митки, приезд
жениха, приезд невесты к жениху, каравайный обряд “перезва” (№ 14, с.
Лельчицы);

Свадьба: каравайный обряд, елка, сученье свечей, надевание на́митки
(№ 15, с. Ремезы) [ГЛМ. Инв. 14. Ед. хр. 7. Л. 1–1об.].

Данная классификация Н.И. Лебедевой являет собой пример сложной систематизации с одновременным использованием целого ряда группировочных факторов:

1) региональный (представлен системой жанровых обозначений, привязанной к конкретной территории);

2) синхронный (обусловлен конкретным краткосрочным периодом сбора фольклора);

3) актуальный (дающий плоскостной хронологический и территориальный срез в многогранной картине бытования фольклора, наблюдаемой собирателем «в поле»);

4) терминологически смешанный (научная терминология соединена с народной, представленной локальными диалектными дефинициями);

5) субординационный (соблюден принцип выделения широких классифицирующих обозначений с подчинением им более мелких элементов);

6) элементарный (стремящийся к максимальной дробности выделения обрядовых единиц);

- 7) основанный на естественной композиции обряда;
- 8) подчиненный последовательности ведения полевых записей;
- 9) обрядово-приоритетный (то есть выделяющий обряды и ритуальные действия из общего массива фольклорно-этнографических сведений);
- 10) обрядово-ограничительный (игнорирующий иные фольклорные жанры, далеко отстоящие от обрядовой практики);
- 11) вариативный (наблюдается вариативность как в терминологии целых обрядовых комплексов, так и в обозначении мелких ритуальных единиц).

Очевидно, количество векторов можно увеличить при более детальном научном прочтении классификации Н.И. Лебедевой. Понятно, что классификация является достаточно гибкой, способной к видоизменению сообразно применению к другим полевым материалам (собираемым в иную историческую эпоху, в другом регионе, у иной народности и т. д.). Между тем классификация Лебедевой охватывает наиболее значимые реалии народной духовной культуры, необходимые для выявления генезиса основных жизненно важных обрядов, обозначения особых культурных зон, установления путей миграции населения и т.п.

В экспедициях 1925–1927 гг. в Калужскую, Брянскую губ. и Смоленский округ Н.И. Лебедева собирала фольклор по следующим разделам (с подразделами):

1) обряды, связанные с земледелием: посев, зажин, толока, окончание косьбы, дожин, женитьба серпа, окончание молотьбы; сюда же относится подраздел «борьба с засухой и вредителями» — вызывание дождя, похороны мокрицы, мушки, блошки;

2) обряды, связанные со скотом и птицей: выгон скота, купля-продажа скота, отел коровы, «обмаливание» коровы (перед первым употреблением молока), крещение ягненка, падеж скота, борьба с эпизоотией — окуривание и опаживание, уход за скотом и лечение, «дворной», куриный бог, обряд с цыплятами;

3) обряды, связанные с жилищем: «заклад» избы, вход (и переход) в новую избу, домовой, заговор от пожара;

4) обряды календарные или связанные с годовым кругом праздников: аграрные, скотоводческие, весенние игры, календарные песни, обрядовое печенье;

5) обряды семейные; среди них выделены рождение, крестины, первое надевание поневы, свадьба с каравайным обрядом и похороны, поминки;

6) народная медицина: борьба с эпидемией (опаживание), заговоры и мази, обеты («обреченные» фартуки, полотенца) ([ГЛМ. Инв. 15. Ед. хр. 2–12, 14–16]).

Такая систематика фольклорных жанров использовалась Н.И. Лебедевой на протяжении всей ее научной деятельности. Сдавая

полевые материалы в 1935 г. в архив ГЛМ, Н.И. Лебедева 20 февраля составила следующую опись по жанрам и жанровым образованиям, включающую № 2–16:

- «2. Обряды, связанные с земледелием. Засев.
3. Зажин.
4. Окончание жатвы.
5. Залом.
6. Борьба с засухой и вредителями.
7. Выгон скота. Купля-продажа.
8. Отёл коровы.
9. Борьба с эпизоотией.
10. Скотьи боги.
11. Календарные обряды.
12. Весенние игры.
13. Песни календарные.
14. Обряды семейные.
15. Народная медицина.
16. Обряды, связанные с жилищем» [ГЛМ. Инв. 15. Папка 1].

Местный репертуар вносил некоторое своеобразие в хранящийся в памяти Лебедевой «опросник» по духовной культуре, учитывавший региональные особенности. Напр., для белорусов оказались очень значимыми родильно-крестильные обряды («родины», «рождение», «зливки», «отведы», «крестины»), а в д. Запесочье Туровского РИКа Мозырского округа в 1930 г. обнаружилась любопытная «эмбриология человека»: «На 24-ю неделю после зарождения будущий человек представляет собой как бы ниточку суконную. В 20 недель у ребенка есть душа. В 40 недель ребенок рождается» [ГЛМ. Инв. 14. Ед. хр. 5. № 154].

Н.И. Лебедева о методике проведения экспедиций. К каждой экспедиции Н.И. Лебедева тщательно готовилась: изучала литературу по археологии, этнографии, диалектологии по интересующему ее «этнологическому району»; вырабатывала маршрут; планировала цели поездки и разрабатывала устный опросник (очевидно, хранимый в памяти); получала деньги на приобретение экспонатов, а в 1920-е гг. запасалась мануфактурой для обмена; в местных архивах добывала сведения по истории заселения края; иногда в сельсоветах делала списки населенных пунктов с указанием количества дворов; налаживала сотрудничество с краеведами и коллекционерами на местах.

Применялось два способа ведения полевой работы:

1) маршрутный (в том числе методическая экскурсия со студентами 1-го Московского гос. университета по р. Ветьмице в 1927 г.);

2) стационарный (здесь особенно важна приуроченность экспедиции к моменту совершения обряда).

При первом способе предпочтение отдавалось пешему передвижению (знакомство на базарах с информаторами, беседы при долгом пути, расспросы на обратной дороге после совместного выполнения полевых работ и т.д.). В период экспедиций в Калужскую, Смоленскую губ. и Брянский округ в 1925–1927 и 1929 гг. пройдено около 1,5 тыс. верст. Тогда же определился важный результат: «Ввиду обширности изученной территории устанавливается территориальное распространение отдельных обрядов», многие из которых «свойственны только отдельным группам сел», «ярко характеризуют группы населения, выделяя элементы средневеликорусские, южновеликорусские и белорусские» [ГЛМ. Инв. 15. Ед. хр. 1].

Маршрутный метод включает в себя «рекогносцировку» — сбор сведений по намеченному району и последовательное выборочное «стационарное изучение» селений с наиболее выраженными характерными особенностями исследуемых явлений [Лебедева 1929д, с. 3]. Несмотря на очевидные достоинства, пешие путешествия имели три неудобства, отмеченные Н.И. Лебедевой: ограниченность физических сил человека, ухудшение погоды и обилие бандитов по дорогам и лесам в начале 1920-х годов [Лебедева 1924, с. 8]. Тем не менее исследовательница отважно пускалась в путь: в ее полевых дневниках встречаются характерные фразы вроде этой: «Пройдя 30 верст пешком чрез дивные леса, добираюсь до Мелехова» (Касимовский у. Рязанской губ., 30 июля 1922 г. [РИАМЗ. Н.а. III-508-522, 559, 611–614. Кн. 18. № 434. Л. 8 — Этнологический архив ОИРК]). В воспоминаниях Лебедева отмечает: «1925–26. По 2 месяца я брожу от Калуги до Судимира, от Навли до Карачева, по р. Болве» [ГАРО. Ф. Р-6710. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 23]. В автобиографии: «1928–9 гг. — пешеходные экспедиции от Новгорода до Великих Лук, по побережью Псковского озера и от Пскова до Порхова» [РИАМЗ. Н.а. III-2657 — Автобиография Н.И. Лебедевой]. В пожилом уже возрасте Н.И. Лебедева в письмах к Г.С. Масловой иногда подписывалась «старый бродяга» (22.07.1959.) и жаловалась: «Скучаю по бродяжничеству» (16.07.1970 [Маслова 1996, с. 8]).

В интервью исследовательница шутиливо сетовала: «Правда, однажды я изменила своему правилу, — с улыбкой вспоминает Лебедева. — В 1957 году, когда решили строить Братскую ГЭС, в составе экспедиции Института этнографии я изучала села, которые намечались под затопление. Ездили мы на машинах, хотя я сторонник “пешеходного” сообщения... Знаете ли, так лучше знакомиться с людьми... Работает человек в поле — поможешь ему, поговоришь о старине, о народных обычаях... Идешь с базара — тоже словом перекинешься, узнаешь что-то полезное... У пешехода перед пассажиром завидное преимущество...» [Яковлев 1969, с. 4].

По мнению Н.И. Лебедевой, принцип составления экспедиционных маршрутов вызван необходимостью при систематическом изучении этнологических явлений «исследовать один замкнутый этнографический район», отличающийся «от окрестных сел одеждой, жилищем, говором и т.д.» [Лебедева 1924, с. 5].

Н.И. Лебедева полагала, что дореволюционное административно-территориальное деление на уезды «чаще совпадает с делением на этнографические группы» и потому предпочтительнее современного [Лебедева 1924, с. 5]. В полевых исследованиях (вне зависимости от вхождения селений в уезды) удобно использовать два вида расположения сел и деревень относительно рек: 1) по берегам реки, особенно протекающей исключительно внутри губернии; 2) размещение населенных пунктов «углом» между двумя реками.

При изучении явлений народной культуры Н.И. Лебедева четко разграничивала социальную среду их бытования, ясно прослеживаемую из-за сословной разобщенности «низшего класса» до Октябрьской революции 1917 г. Наиболее архаические черты выявляются у запятанных в глуши казенных крестьян; помещицы крестьяне были расселены помещиками по разным губерниям и сохраняли там исконные традиции; имели свои особенности и монастырские крестьяне; однодворцы захватили главные пути по Дону и «благодаря своей “дворянской спеси” стремились обособиться от остального населения и создавали свою однодворческую культуру» [Лебедева 1929в, с. 110].

Стремление Н.И. Лебедевой и других ученых картографировать объекты народной культуры служило цели определения границ их распространения и, в конечном счете, подводило к проблеме происхождения этнографических групп. Такая методологическая установка реализовалась позднее Институтом этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР (г. Москва) в капитальном труде «Русские. Историко-этнографический атлас» в 1967 г., для которого Н.И. Лебедева совместно с Г.С. Масловой уже с 1951 г. готовила раздел по крестьянской одежде XIX — начала XX в.

При сборе любого этнологического материала важное значение Н.И. Лебедева придавала «общей методической установке», заключающейся в следующем:

1) при изучении областного материала надо при помощи картографирования «расслоить территории»;

2) для выявления славянской архаики недостаточно простой ее констатации, нужно попытаться установить «ту область, где вырабатывался известный круг культурных навыков»;

3) необходимо выделять самые существенные проблемы — «боевые вопросы», «ударные точки», наиболее характерные для каждой исследуемой территории [ОР РГБ. Ф. 177. К. 45. Ед. хр. 2. Л. 1 — Лебедева Н.И. Конспективный план работ семинария Н.И. Лебедевой

по этнологии (Составлен на основании вступительных лекций). Ок. 1928; Лебедева 1997, с. 122; 1929 г, с. 220].

Н.И. Лебедева всегда ставила глобальные задачи: «При изучении каждого этнологического явления имелось в виду: 1) установить основные формы, 2) выделить архаические элементы и более поздние, при этом проследить изменчивость явления на памяти живущего поколения, 3) определить границы распространения элементов и форм быта» [Лебедева 1927б, с. 12].

По полевым записям в общих тетрадях и беловым этнографическим карточкам, хранящимся в государственных архивах, выстраивается удобная рабочая схема, которой старалась придерживаться Лебедева при фиксации объектов духовной культуры:

1) дефиниция обряда, фольклорного жанра или обозначение праздника;

2) паспортизация (время и место записи, данные об информаторе — фамилия, имя и отчество, возраст или год рождения, социальное положение, откуда он родом и где сейчас живет);

3) календарная приуроченность или иная (оказиональная) причина совершения обряда, его цель и суть, наличие обрядовой атрибутики (особенности пошива ритуальной одежды, способы приготовления печенья и его форма и т.д.);

4) поэтические тексты, сопровождающие обряд.

Если фольклорные произведения отсутствуют или старожилы не помнят слов, то исследовательница добросовестно отмечала это: например, в с. Вослебы и с. Ново-Александрово Скопинского у. Рязанской губ. в августе 1924 г.: «Особых каравайных песен нет. Поют, что вздумается»; «Потом гости поют особую песню “Каравай” (слов не помнит)» [Лебедева 1994, № 68–69].

Н.И. Лебедева указывала и степень сохранности обрядов: «в старину», «мать 48-летней ей рассказывала», «до войны», «было лет 15 тому назад», «бывает и сейчас» [ГЛМ. Инв. 15, папки 2-17].

Н.И. Лебедева о фольклорных жанрах. Фольклор для Н.И. Лебедевой — археолога и этнографа — являлся второстепенным материалом. Первым жанром, который привлек ее внимание и заинтересовал на всю жизнь, оказалось топонимическое предание. В археологической экспедиции на р. Вожу в Рязанском у. Рязанской губ. в 1921–1922 гг. она не только участвует в раскопах, но и опрашивает местных жителей об особенностях окрестного ландшафта и записывает сюжеты преданий:

1) о трех городках как наблюдательных пунктах трех богатырей, перекидывавших общий топор при рубке дров и зарывших клады;

2) о лесе близ с. Ногина, в котором недавно срубленная последняя липа была свидетелем сражения князя Владимира с татарами; о том,

как Владимир смотрел в подзорную трубу, стоя на горе у будущей деревни Н. Василево;

3) о Дураковских воротах (болотце, озере, омуте) около Семеновой поляны, под которыми зарыт охраняемый драконом или иным звероподобным персонажем клад; вариант: туда с Глебова городища при битве с татарами был сброшен вместе с оружием колокол, который звонит, если его заденут, и часто рвет сети рыбаков; либо там находится крест на мраморной подставке, и тому, кто его видит, будет подана тройка лошадей для поездки в Нестеров монастырь [Лебедева 1925, с. 7].

Н.И. Лебедева пыталась выяснить происхождение предания — «откуда оно попало в народную среду: из книги или как отголосок далекого времени, сохранившийся в памяти народа» [Лебедева 1925, с. 7]), — и для этого посещала лиц, которые будто бы прочитали в книге об этом событии. Далее исследовательница приходит к наблюдениям о «трафаретности» (типологичности) преданий, об отнесенности разновременных по археологической природе городков к единой условной мифически-богатырской эпохе, что вызвано фольклорными жанровыми рамками.

Н.И. Лебедева постоянно применяла точный аналитический инструментарий исторических дисциплин, чтобы выяснить соотношение достоверности и вымысла в образчиках повествовательного фольклора. Проверка происходила прямо в «поле». Так, изучая народную одежду в 1923–1924 гг. в Сапожковском, Скопинском и Раненбургском (б. Данковском) уездах Рязанской губ., Лебедева записала и включила в 1925 г. в доклад и затем в статью «Материалы по народному костюму Рязанской губернии» предание об Иоанне Грозном, который после взятия Казани «посадил» в села Кривское, Телятники и Напольное часть участников похода. Указанные тут же информатором с. Троицкое и д. Алексеевку исследовательница исключила как не подтвержденные данными по народной одежде [Лебедева 1929а, с. 5].

Используя предания в первую очередь как этнограф, Н.И. Лебедева увязывает топонимику с генеалогией. В августе 1922 г. в экспедиционном дневнике она набрасывает план с. Мелехово Касимовского у. Рязанской губ., отмечая названия «концов» — улиц (Выдерга, Лужское, Брежное, Попова Горка, Юлина Горка, Чартобрийский конец) и обозначения крестьянских «обществ» (Чарто<б>рийское, Лубеновское, Бреварское) [РИАМЗ. Н.а. III-508-522, 559, 611–614. № 434, л. 8–9 — Этнологический архив ОИРК].

Исследовательница проявляла интерес к фамилиям и прозвищам. На научном совещании этнологов Центрально-Промышленной области в 1927 г. в прениях по докладу М.Я. Феноменова «Значение для областной этнологии мелко-районного изучения деревни» Н.И. Лебедева задается вопросом: «Возможно ли установление связей совре-

менного населения с населением XVI века путем сопоставления фамилий? Ведь фамилии в крестьянском быту — явление совершенно неустойчивое. Они могут меняться даже на памяти одного поколения» [Лебедева 1929г, с. 217].

Н.И. Лебедева находит в топонимах указания на миграционные пути и особенности поведения жителей: например, согласно преданиям, жители с. Подбужья пришли из-под Буга, с. Бояновичи получило название от разбойника Бояна, название «Елдахово» происходит от слова «подъелдытник» — побуждающий к ссорам, с. Нехочи — от «не хотеть» (не принимали участия в ссорах), с. Пеневичи — от «пенять» (пеняли на соседей, заводя вечные раздоры), Слобода — от «свобода» (никого не хотели признавать), с. Хвастовичи — хвастались своим богатством [Лебедева 1927б, с. 145].

В экспедиции 1951 г. в Сасовский р-н Рязанской обл. и в написанной на ее основе статье «Изучение Рязанской области в этнографическом отношении после Октябрьской революции» [Лебедева 1959] исследовательница сопоставляет этнические группы мешеры (в том числе «лесной мешеры») с местными названиями «чураны» и «цуканы» в Пензенской обл. В 1964 г. в Клепиковском р-не Рязанской обл. Н.И. Лебедева с помощью этнонима пытается объяснить обыкновение ставить кресты на могилах в головах покойников, считая это заимствованием у католиков: «Этноним обывателей Ветчан — “литовцы”. Литовцы крещены в XIII в. Не принесли ли они с собою и эту традицию, следовательно, появились здесь после XIII в.» [ГАРО. Ф. Р-6710. Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 59об.; Лебедева 1994, № 84; 1996. Т. 2, с. 193, № 84].

Из других жанров повествовательного фольклора Лебедеву привлекают поверья и близкие к ним по своему происхождению произведения «малой формы» — приметы. Исследовательница видит в них неотъемлемую составляющую быта определенной группы населения и одновременно проявление важных мировоззренческих черт. Большинство произведений этих жанров прикреплено к совершению ритуальных или особо значимых бытовых действий: в рыболовном промысле — к окончанию сетевязания, первому выезду на ловлю, застигнутому на озере урагану, завершению удачного лова; в жатвенных обычаях связано с зажином и дожином и т.п. Исследовательница расслаивает толщу народных представлений на два религиозных пласта — языческий и православный; стремится установить первооснову и поздние напластования (например, на Ильмене при «погибели»-урагане ловец привязывает себя ко дну лодки — ср. «древний способ хоронения в лодке» [ГЛМ. Инв. 20]).

К поверьям близок другой сказочный жанр — быличка. Главными героями собранных Лебедевой быличек (без употребления этого термина) являются как природные и домашние духи — леший, «полдники», русалки, дворной, домовый и домовище, овинник, — так

и люди со сверхъестественным даром или претерпевшие насильственную смерть — колдуны и колдуньи, «успленцы» [Лебедева 1994, № 1–3, 6–8; 1996. Т. 2, с. 187, № 1–3, 6–8; ГАРО. Ф. Р-6710. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 13об. — Милюково Смоленской губ., 1926]. На основании временной или событийной приуроченности большинства быличек Лебедева относила их к обрядовому фольклору и в беловых автографах поместила в разделы внекалендарных и календарных обрядов, связанных со скотоводством, земледелием, жилищем и аграрными праздниками.

Духами хозяйственных построек Н.И. Лебедева интересовалась в связи с изучением двух тем: 1) обряды, связанные со скотом; 2) обследование жилища. При тщательном обследовании крестьянских домов в статье «Методика полевой работы по жилищу» (ок. 1928) Н.И. Лебедева считала необходимым фиксировать «семейные события, связанные с данной избой» и «обряды при постройке» и подобные же сведения приводить о дворе и хозяйственных строениях [ОР РГБ. Ф. 177, к. 45. Ед. хр. 3. Л. 1об.–2 — *Лебедева Н.И.* Методика полевой работы по жилищу. Ок. 1928 г.; ср.: Лебедева 1929б, с. 17–24].

Образ русалки интересовал Лебедеву как относящийся преимущественно к календарной аграрной обрядности. Исследовательница совершила в 1965 г. специальную поездку на место проведения обряда в Скопинский р-н Рязанской обл.: «Ездили в Секирино: проводы русалки» [Лебедева 1994, № 8; 1996. Т. 2, с. 187, № 8]. Важно было увидеть исчезающий обряд и записать собственные наблюдения, и Лебедева делится в интервью своей радостью: «Вы ни разу не были на проводах русалки? <...> Хотите, расскажу? Девушки в узорчатых поневах и парни в вышитых рубашках собираются в круг... Девушки свивают венки, бросают их в воду... Качаются они на волнах, а девушки поют... Как там у них?.. Ах, да... “Мой веночек утонул — мой милый обо мне вспомнул...” Красиво, правда? Времена уходят, а традиции остаются... Это в Секирине Скопинского района...» [Яковлев 1969, с. 4]. Приведенные сведения относятся к семицко-троицкой обрядности, а не описывают собственно проводы русалки. Н.И. Лебедева понимала, что название стершегося в памяти людей ритуала перенесено на активно бытующий родственный весенне-летний обряд, и, вероятно, поэтому в полевом дневнике не дала о нем подробных сведений. В письме к Г.С. Масловой от 21 июня 1965 г. она отмечала, что «никто, даже старики, не могли объяснить, что это за русалка и что это за праздник» [Маслова 1996, с. 18]. Типичный обряд был зафиксирован ею в августе 1951 г. в с. Салтыково Сасовского р-на Рязанской обл.: «Русалку провожают: малый нарядится во все белое, ловит и летит, и детишек пугает: защекочет» [Лебедева 1994, № 7; 1996, с. 187, № 7]. Исследовательница выявляет причины утраты обряда в др. населенных пунктах: «В Морозовых Борках перестали провожать русалку,

как перестали коноплю сеять, так как ходили провожать в конопи» (Сапожковский р-н Рязанской обл., 29 июня 1965 г. [Лебедева 1994, № 8; 1996, с. 187, № 8]).

Н.И. Лебедева отмечала приуроченность поверий о русалках и обряда их проводов к календарному празднику, в том числе и к обозначаемому с его помощью периоду — предшествующему дню, последующей неделе. В разных местностях совершение обряда варьируется в пределах весенне-летней поры: Семик, Троицкая неделя, неделя после Духова дня, под Петровское заговенье. Лебедева зафиксировала описание русальского праздника:

1) «Русалки в неделю после Духова дня переходят. Выходят на дорогу, качаются на деревьях с распущенными волосами, как женщины. Венки завивали» (Волково, с. Щербино, Василево, ж.-д. ст. Юзов, д. Клиньинского у. Смоленской губ., 3 авг. 1926 [ГАРО. Ф. Р-6710. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 71]);

2) «Под Петровское заговенье проводы русалки. Ходят “харить” — рядятся в маски “хари”, тулуп выворачивают, играют» (с. Отхожее Веневского РИК Тульского округа, 01.10.1929 [ГЛМ. Инв. 17, № 68]).

По приведенным записям видно, что проводы русалки означают уничтожение ее, изгнание из посевов, переход в другую среду обитания и носят характер оберега полевых культур. Русалка, согласно народному мировоззрению, несет разрушение, смерть (портит рожь, ловит и щекочет детей), имеет соответствующий «переходному» состоянию человека облик (распущенные женские волосы) и ведет свое происхождение от задавленных случайно матерями во сне младенцев или детей, проклятых своими родителями:

1) «Заспанные младенцы — “успленцы” — делаются русалками» (с. Лом Касимовского у. Рязанской губ., 1923 [Лебедева 1994, № 6; 1996, т. 2, с. 187, № 6]);

2) «Русалки ходят всю Троицкую неделю, качаются на ветках... <...> В д. Лиховой в полдень выскочила девочка в длинной белой рубашке, ее <?> спросили: “Кто ты?”, — она ответила: “Меня мать прокляла”. Когда погнали коров на росу, девочка пропала» (с. Берестня Козельского у. Калужской губ., 28.07.1925 [ГЛМ. Инв. 15. Ед. хр. 11. № 340]).

Образы колдунов и колдуний по записям Н.И. Лебедевой представляются амбивалентными. Иногда под колдовством понималось совершение уже забытых большинством людей обрядовых действий. Например, исполнение ритуала перехода в новую избу порой приписывалось исключительно колдуньям: «Под красный угол на правый венец деньги: “Хозяин мой, иди домой”. Уголья берут из старого. Кошку вперед себя пускают. (Это делают колдуны)» (Сычевский у. Смоленской губ., июль 1926 [ГАРО. Ф. Р-6710. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 180б.]), — хотя одновременно в соседних селах так поступали

обычные люди. Считалось, что колдовскую силу применяют людям во вред.

В отношении же изготовления заломов и прожинов — «следов» и «дорожек» в злаковых культурах — занятие колдунов приравнялось к деятельности различного рода сверхъестественных персонажей (от стихийных духов до христианских святых), и оценка этого явления из отрицательной сменялась на положительную:

1) «Заломы делают колдуны. Кто сожнет их — скорюжится» (д. Бокеевка Мосальского у. Калужской губ., 09.09.1925);

2) «Если на Семик русалку не зарежут, то она будет гулять по ржи, наломает и наделает куколок, всю спорынь возьмет, не будет хорошо умота. У залама корни черные. Если кто руками возьмет залом, то руки заболеют» (с. Русаново Калужского у. и губ., 08.07.1925);

3) «“Дорожка” в поле — по ржи бывает. Это — Илья зажинает. Это хороший признак. Он радуется, что хороший хлеб. Делает дорожку, чтоб и на лето (на будущий год) ровен был» (с. Салтановка Бежецкого РИК Брянского округа, 14.08.1925 [ГЛМ. Инв. 15. Ед. хр. 5. № 98, № 97, № 102]).

Сверхъестественный дар можно направить и на пользу людям: «1 старик шел по лесу... Хозяйка сказала: “Хочешь, будешь ребят умыть или работать (колдовать)?” Он выбрал первое. С тех пор он проведет по лицу больного ребенка, то<т> выздоравливает. <...> Колдуньи есть — нужны для спасения людей» [ГАРО. Ф. Р-6710. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 53об.-54].

В полевых материалах Н.И. Лебедевой встречается несколько записей легендарного характера. Две из них представляют собой варианты одного поверья, которые различаются именами христианских персонажей и связанной с этим прикрепленностью к разным календарным датам весенней поры. Их жанровую природу исследовательница характеризует понятием «запрет». Вот эти тексты:

1) «До Миколы нельзя ходить смотреть рожь, потому что Микола ходит и подсеивает, где посеи плохи. На Миколу ходят смотреть — весь урожай налицо» (с. Берестня Козельского у. Калужской губ., 28.07.1925);

2) «До Вознесенья не ходят смотреть рожь, ибо до этого времени Христос ходит. На Вознесенье всем селом ходят смотреть рожь» (с. Русаново Калужского у. и губ., 08.06.1925 [ГЛМ. Инв. 15. Ед. хр. 11, № 382–383]).

В экспедициях 1925–1927 гг. в Калужскую, Брянскую губ. и Смоленский округ собирательница, может быть, единственный раз специально выделила жанр пословиц, записав два варианта одной из них в с. Милашевичи: 1) «Як стали орать плугами, дык и ляскаюць зубами»; 2) «Як стали орать плугами, дык стали ездить в Мельчицы з мехами» — за хлебом (примеч. Н.И. Лебедевой [ГЛМ. Инв. 14. Ед. хр. 5]).

В жанровом отношении Н.И. Лебедева отмечала предания, поверья, приметы, пословицы, запреты, заговоры, плачи («голосят при похоронах»), песни календарные («колядные», «Овсень», на Святках, на Масленицу, «кликанье / закликанье весны», волочебные, на Троицу — «танки водить»), внекалендарные (при опахивании), свадебные (в том числе песни, которые девки поют дружке и при входе молодых в дом), весенние игры взрослых [ГЛМ. Инв. 15. Ед. хр. 2–16; инв. 14. Ед. хр. 2, 5; ГАРО. Ф. Р-6710. Оп. 1. Ед. хр. 41. № 2. Л. 30].

Исследовательница не выделяла специально и не фиксировала необрядовых песен, однако они присутствуют в ее записях обрядов — в том случае, если приурочены к ним в конкретной местности. По данным Лебедевой, выявляются две возможности исполнения необрядовых песен при совершении обряда: они поются в дополнение к обрядовым песням и ритуальным формулам — и тогда звучат после них, знаменуют собой момент перехода участников из сакрального пространства ритуала в обычные границы населенного пункта, завершают увеселительную часть. Во втором случае приуроченных необрядовых песен может быть несколько в одном селении, причем информаторы придерживаются строгой последовательности их исполнения [ГЛМ. Инв. 15. Ед. хр. 2. № 332].

Для развернутой картины праздника характерен такой порядок следования песенных жанров: песня обрядовая — приуроченная необрядовая — необрядовая. Календарные праздники, относящиеся к весенне-летнему периоду: день Жен Мироносиц, Троица, Вознесение, Петровское заговенье, — в XX веке допускают исполнение обрядовых и необрядовых песен. Очевидно, это связано с закрепленным в определенных временных пределах и в то же время индивидуальным для каждой конкретной местности началом вождения хороводов, которые составляют центральную часть праздника, начавшегося с совершения календарного обряда.

Типичным примером использования необрядовых песен в качестве обрядовых и наряду с ними является описание Лебедевой «похорон кукушки» в 1925 г. в д. Местковичи Бежецкого РИК Брянского округа. На Вознесение во время похорон кукушки две девушки кумятся на кладбище, а их подруги отвлекают внимание парней тем, что «скачут с ноги на ногу» под плясовую песню «Рябина» с семейным мотивом наказания молодки свекром за ее участие в гулянии с ребятами; потом все участники обряда возвращаются в деревню под пение любовной песни «Как за рекою было, за быстрою рекою...» и там уже начинают водить «караводы» под игровую песню «Из-за леса, леса темного...» о выборе женихами красной девушки с помощью жеребьевки. И когда на Петровское заговенье «перехоранивают кукушку» — бросают ее в воду, то после троичской песни о гадании по венку и уже упомянутой плясовой «Рябины» снова «играют “караводы”» и поют хороводно-игровые песни «Не в нашем

огороде, не в нашем саде...» и «А вы куры мои, петушочки...» [ГЛМ. Инв. 15. Ед. хр. 2. № 332].

Пример исполнения необрядовых песен вслед за непесенной ритуальной формулой наблюдается в соседнем с. Бояновичи. Там в день Жен Мироносиц после произнесения обрядового текста при приготовлении яичницы: «Маргоссы, маргоссы, деўки в лето, а ложки кладите в веко» («веко» — крышка дежи) — бабы поют солдатскую песню «Наш батюшка белый царь, он российский государь...», далее тюремную «Подкашена трава, подвалена...» (о воре Иванушке, который лишился воли из-за любви к девушке, укравшей в Москве платочек и посаженной за это в острог) и затем любовную «Ой, Егор, Егорушка, раскудрявая головушка...» [ГЛМ. Инв. 15. Ед. хр. 2. № 291].

Случаи использования необрядовых песен вместо утраченных обрядовых в записях Н.И. Лебедевой единичны. Жанровыми разновидностями различных внекалендарных песен собирательница не интересовалась, если они не оказывались включенными в структуру какого-либо обряда. При изучении же обрядового фольклора исследовательнице важно было установить роль культового предмета, часто имеющего в повседневном быту самое ordinарное применение, «выяснить точки зрения, с которых расценивается вещь», уточнить ее соотносительность со словесным текстом и ритуальными действиями [Лебедева 1929г, с. 220].

Н.И. Лебедева знала статью «Обрядовое празднество совершеннолетия девицы у русских» Д.К. Зеленина [Зеленин 1911] и также обратила внимание на обряд первого надевания поневы. Она использовала исключительно собственные записи, а не печатные или архивные источники, и прояснила приуроченность обряда к календарным праздникам и определенным свадебным ритуалам, соотношение поневы и сарафана как единой одежды переходного периода невесты и изготовление поньки будущей невесткой или старшей сестрой — уже «посвященной» в общество замужних женщин [Лебедева 1927б, с. 45–48; 1929а, с. 13].

К периоду разложения родового быта и образования сельской общины Н.И. Лебедева относил преобладание половозрастной направленности календарных дат: Егорьев день — мужицкий праздник, Жен Мироносиц — бабий, Троица — девичий и др. В современных условиях эти даты в основном потеряли функцию организации определенных возрастных групп и, будучи ограничены пределами деревни в плане конкретных вариантов их проведения, оказались праздниками этой административно-территориальной единицы. Н.И. Лебедева задумывалась о роли общины в свадебном обряде, выделяя три ритуала: 1) переряживание девушек парнями при посещении жениха; 2) хождение молодых по воду — их общественное

признание; 3) «Копытцы» — прием молодой в члены общества баб данной деревни» [ГАРО. Ф. Р-6710. Оп. 1. Ед. хр. 74. Л. 2].

Исследовательница составила список праздников в честь святых — покровителей домашних животных и птиц (с прикрепленностью к местности — в 1925 г. это Калужский и Брянский округа): Егорий — лошадиный праздник (также Фролов день — лошадей кропят святой водой, бывают скачки), Власий — коровий, Мамонтий — овечий, Василий Кесарийский — свиной, Сергиев день — петушиный, Кузьмы и Демьяна — куриный (также Покров — куриный день, Евдокия — куриный праздник), Никита — режут гусей [ГЛМ. Инв. 15. Отд. папка, № 377]. Часто Н.И. Лебедева на учетных карточках делала тематические пометы: «колодезь», «крестины и похороны кукушки», «мирская свеча» и др. [ГЛМ. Инв. 15. Ед. хр. 2–16]. Внимание уделялось диалектным названиям: «Маргоссы», «Маргоски», «Маргосцы» — день Жен Мироносиц — «бабий праздник» в 1-е воскресенье после Пасхи (так у Лебедевой, повсеместно — в 3-е вс. после Пасхи [ГЛМ. Инв. 15. Ед. хр. 2, № 290–291]).

Несмотря на обилие сделанных ею в разные годы фольклорных записей, сама Лебедева не переоценивала значение своего вклада в собирание произведений устного народного творчества: «Духовная культура изучалась лишь в отдельных вопросах: а) обряды, связанные с элементами материальной культуры, как то отдельными частями одежды, с отдельными элементами жилищ, б) обрядовое печение, в) обряды, связанные с годовым кругом праздников, д) похоронные обряды и некоторые моменты свадебных обрядов» [Лебедева 1927б, с. 12]; хотя после высказывания 1927 г. добавились еще некоторые жанры и описания ритуалов.

В 1950–1960-е гг. Н.И. Лебедева сотрудничала со Славяно-русским сектором Института этнографии АН СССР (ныне Институт этнологии и антропологии РАН), поэтому ее научные интересы, естественно, были устремлены к темам по материальной культуре. Между тем в архивах хранится (и наполовину уже опубликовано) большое количество фольклорных материалов, попутно собранных Лебедевой в многочисленных этнологических экспедициях 1920-х гг. Если бы личностью Лебедевой заинтересовались фольклористы и привлекли бы ее к разысканиям в области фольклористики, то целый ряд разделов устного народного творчества получил бы оригинальное научное освещение. В письме к Г.С. Масловой в 1960 г. Н.И. Лебедева указывала: «Много новых тем можно проследить по Рязанской области, которые будут по результатам не хуже, чем результаты изучения одежды. Например, пища, свадьба» [Маслова 1996, с. 17].

Литература и источники

- Зеленин 1911 — *Зеленин Д.К.* Обрядовое празднество совершеннолетия девицы у русских // Живая старина. 1911. Вып. 2. С. 233–246.
- Из далеких двадцатых годов 2010 — Из далеких двадцатых годов двадцатого века (исповедальная переписка фольклористов Б.М. и Ю.М. Соколовых) / Подгот. текстов, вступ. ст. В.А. Бахтиной. М., 2010.
- Лебедева 1924 — *Лебедева Н.И.* Предварительный отчет об этнографических работах в Сапожковском у. Ряз. г. летом 1923 г. // Вестник рязанских краеведов. [Касимов], 1924. № 3. Янв. С. 5–8.
- Лебедева 1925 — *Лебедева Н.И.* Современное состояние Вожской засеки // Вестник рязанских краеведов. Журнал Общества исследователей Рязанского края. 1925. № 4 (8).
- Лебедева 1927а — *Лебедева Н.И.* Этнологическое изучение Калужского Полесья как характерного этнологического района // Вопросы этнологии Центрально-Промышленной области. М., 1927.
- Лебедева 1927б — *Лебедева Н.И.* Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки. (Этнологическая экспедиция в Брянской и Калужской губерниях в 1925-ом и 1926-ом годах). Ч. I. Народный костюм, прядение и ткачество // Мемуары Этнографического отдела ОЛЕАиЭ. М., 1927. Вып. 2.
- Лебедева 1929а — *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму Рязанской губернии. Рязань, 1929. (Труды ОИРК. Вып. 18).
- Лебедева 1929б — *Лебедева Н.И.* К методике полевой работы по постройкам // Крестьянские постройки. Кабинет краеведения МОНО. М., 1929. Вып. 2. С. 17–24.
- Лебедева 1929в — *Лебедева Н.И.* Вопросы этнологического изучения южных уездов Рязанской и Тульской губерний (Бассейн Дона) // Культура и быт населения Центрально-Промышленной области. Этнологические исследования и материалы. М., 1929. С. 109–113.
- Лебедева 1929г — *Лебедева Н.И.* Прения // Культура и быт населения Центрально-Промышленной области. Этнологические исследования и материалы. М., 1929. С. 217–220.
- Лебедева 1929д — *Лебедева Н.И.* Жилище и хозяйственные постройки Белорусской ССР. Мозырский и Бобруйский округа по левому берегу Припяти и ее притокам // Труды Центрального музея народоведения. М., 1929.
- Лебедева, Милонов 1950 — *Лебедева Н.И., Милонов Н.П.* Типы поселений Рязанской области. (По документам Рязанского областного архива и Научного архива Рязанского краеведческого музея) // Советская этнография. 1950. № 4. С. 107–132.
- Лебедева 1951 — *Лебедева Н.И.* Изучение Рязанской области в этнографическом отношении после Октябрьской революции // Краеведческие записки. Рязанский областной краеведческий музей. К 75-летию музея. 1959. С. 120–130.
- Лебедева 1956 — *Лебедева Н.И.* Прядение и ткачество восточных славян в XIX — начале XX в. // Восточнославянский этнографический сборник.

Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. М.; Л., 1956. С. 461–540 (Труды Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Нов. сер. Т. 31).

Лебедева 1959 — *Лебедева Н.И.* Изучение Рязанской области в этнографическом отношении после Октябрьской революции // Краеведческие записки. Рязань, 1959. С. 120–130.

Лебедева 1960а — *Лебедева Н.И.* Материальная культура русского сельского населения западных областей (во второй половине XIX — начале XX в.) // Ганцкая О.А., Лебедева Н.И., Чижикова Л.Н. Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР / Труды Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. М.; Л., 1960. С. 5–71.

Лебедева 1960б — *Лебедева Н.И.* Материальная культура сельского населения южновеликорусских областей (XIX — начало XX в.) // *Ганцкая О.А., Лебедева Н.И., Парникова А.С.* Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР / Труды Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. М.; Л., 1960. С. 172–256.

Лебедева 1994 — *Лебедева Н.И.* Духовная культура рязанских крестьян. Из полевых материалов 1923–1965 гг.; Классификация одежды русских. Рязань, 1994 (Рязанский этнографический вестник).

Лебедева 1996/1–2 — *Лебедева Н.И.* Научные труды: В 2 т. Рязань, 1996 (Рязанский этнографический вестник).

Лебедева 1997 — *Лебедева Н.И.* Этнологические материалы / Сост., предисл., коммент. и указатель Е.А. Самоделовой. Рязань, 1997 (Рязанский этнографический вестник).

Лебедева 1999 — Из архива Н.И. Лебедевой: Свадебные и праздничные печенья Рязанской губернии (Публ. Е.А. Самоделовой) // *Palaeoslavica*. Cambridge; Massachusetts. 1999. № 7. Р. 261–274.

Маслова 1996 — *Маслова Г.С.* Из истории изучения восточнославянской этнографии (О жизни и творчестве Наталии Ивановны Лебедевой) // Лебедева Н.И. Научные труды: В 2 т. Рязань, 1996. Т. 1. С. 5–20.

Яковлев 1969 — *Яковлев В.* Слушая голос веков // Приокская правда. Рязань, 1969. 16 янв. С. 4.

Научные открытия Н.И. Лебедевой в области фольклористики

Статья знакомит читателя с личностью известного российского археолога и этнографа, внесшего существенный вклад в методику полевых исследований и в систематику фольклорных жанров. Лебедева исследовала русское и белорусское Полесье, Рязанщину и Новгородчину и другие российские регионы; обратила внимание на типологию ритуальных предметов, циклизацию обрядов и вариативность фольклорных текстов. Статья написана на основе архивных материалов.

Ключевые слова: Лебедева Наталия Ивановна, российская фольклористика, полевые исследования, систематика и типология фольклорных жанров, русское и белорусское Полесье, фольклорные экспедиции 1920–1930-х и 1950–1960-х годов, региональные экспедиционные исследования.

Natalia Lebedeva's Scientific Discoveries in the Field of Folklore

The article introduces the reader with the personality of the famous Russian archaeologist and ethnographer, who has made a significant contribution to the field of research methodology and systematics of folklore genres. Lebedeva studied Russian and Belarusian Polesie, Ryazan and the Novgorod and other Russian regions; she drew attention to the typology of ritual objects, the cyclization of rites and the variety of folklore texts. The article is written on the basis of archival materials.

Keywords: Natalia Lebedeva, Russian folk studies, field studies, systematics and typology of folklore genres, Russian and Belarusian Polesie, folklore expeditions of 1920–1930th and of 1950–1960th, regional field studies.

В.Ф. Демич и изучение народной медицины

Василий Федорович Демич родился 6/18 марта 1858 г. на хуторе Свеса Глуховского уезда Черниговской губернии в семье украинских крестьян. Каких-либо данных о родителях Демича не удалось найти, однако известно, что его родной дядя Дмитрий Павлович Демич работал частным землемером и занимался «съёмкой земель» помещика князя Н. Кекутова в с. Бегаче Черниговского уезда. Дмитрий Павлович оставил воспоминания о Т.Г. Шевченко, записанные В.Ф. Демичем [Демич 1988]. Родной брат Демича всю жизнь прожил в селе, занимаясь земледелием.

В 1883 г. Демич женился в Петербурге на выпускнице Института благородных девиц Елизавете Ивановне Янович. Для него это был второй брак. От первой жены, умершей при родах, у Демича была дочь Лидия, которая жила впоследствии в Киеве и умерла в 1970-х гг. В семье Демича и Янович было трое детей — две дочери и сын. Средняя дочь Мария проживала в Ленинграде (ум. в 1960-х гг.), младшая дочь Екатерина — в Киеве (ум. в 1970 г.), сын Николай — в Москве. Известно, что Николай работал завхозом в ряде московских больниц, а его дочь в 2006 г. жила в Мытищах [Бойчак 2006, с. 57].

В 1874 г. Демич оканчивает Новгород-северскую гимназию, после чего поступает в Императорскую медико-хирургическую академию в Петербурге, откуда он 14 декабря 1878 г. был отчислен за участие в студенческих беспорядках, которые произошли 30 ноября того же года, и выслан на родину, в Глухов. В личном деле Демича, хранящемся в Тарту, сообщается: «Переведен на II курс <...> как подлежащий удалению из Петербурга административным порядком. Уволен из ведомства Академии из II курса» [ЭГИА. Ф. 402. Д. № 4275. Л. 3]. Арест и задержание двадцати шести студентов Академии красочно описывает журнал «Земля и воля», подчеркивая, что роль петербургских «бунтовщиков» была лишь заступнической: студенты хотели передать императору прошение, в котором предлагали помиловать арестованных в Харькове студентов-ветеринаров, поднявших протест против одного из преподавателей Харьковского ветеринарного института; являясь сторонником консервативной политики инспекторского контроля в высших учебных заведениях, введенного в 1874 г. министром просвещения Д.А. Толстым, тот не желал работать согласно либеральному университетскому уставу 1863 г. [РЖСГ 1905, с. 220–229, 300–315]. В сообщении «Земли и воли» Демич значится как один из трех студентов второго курса, подлежащих «высылке в северные губернии» [РЖСГ 1905, с. 303], однако на деле он вернулся на родину, в

Черниговскую губернию. В Глухове Демич был под негласным надзором; известно, что вследствие доноса его подозревали в участии в местном революционном кружке и 13 сентября 1879 г. даже привлекали к дознанию [ДРДР 1929, стб. 343–344].

Звание лекаря Демич получил в 1886 г. В 1887–1888 гг. он готовит докторскую диссертацию на медицинском факультете Дерптского университета (ныне Тарту, Эстония) [Русские 2006]. Из-за нехватки средств на оплату занятий он вынужден был давать уроки русского языка [Бойчак 2006, с. 51]. В 1888 г. на кафедре фармакологии под руководством профессора Рудольфа Коберта он защитил докторскую диссертацию. Изначально предполагалось, что темой исследования Демича станут «Русские народные врачебные средства с исторической и фармако-терапевтической точек зрения», но после учебной командировки в Петербург (известно, что весь зимний семестр 1887 г. Демич работал в Императорской Публичной библиотеке, ныне Российская национальная библиотека), где Демич собирал материал для диссертации, стало очевидно, что тема слишком широка и требует конкретизации. В итоге работа получила название: «*Literärische Studien über die wichtigsten russischen Volksheilmittel aus dem Pflanzenreiche*» («Изучение важнейших русских народных лекарственных средств из растительного мира»). Диссертация была написана на немецком языке и увидела свет в Дерпте [Demitich 1888]. В 1889 г. она была издана также в Германии под названием «*Russische Volksheilmittel aus dem Pflauzeureiche*» («Русские средства народной медицины из мира растений») [Demič 1889c].

На русском языке текст не был опубликован, однако в газете «Врач» в 1888 г. появилось его реферативное изложение. В своей диссертации Демич обобщил сведения об использовании 76 лекарственных растений в народной медицине русских и украинцев и пришел к выводу, что их применение имеет большое сходство с их использованием в Древней Греции и Древнем Риме. Демич объясняет этот факт двояко: или христианские миссионеры, прибывшие на Русь, обладали гораздо большими медицинскими сведениями, чем обычно принято считать, и могли передать русским свои знания, или же русские эмпирическим путем пришли к тем же выводам, что и греки, относительно многих растений [Демич 1888a]. Полевые материалы для своей диссертации Демич собирал в родном Чернигове, а в качестве параллелей использовал литературные данные.

По возвращении из Дерптского университета Демич служил врачом-ассистентом в больнице принца П.Г. Ольденбургского в Петербурге, где практиковал как педиатр. А 26 мая 1891 г. был переведен из этой больницы в Брест-Литовский военный госпиталь младшим ординатором [ВМЖ 1891, с. 91]. Известно также, что он служил какое-то время в Харьковском военном госпитале, где занимался лече-

нием больных сифилисом [Бойчак 2006, с. 52], а в 1899 г. исполнял обязанности младшего ординатора Киевского военного госпиталя. В том же году 30 марта Демич был избран медицинским факультетом Университета Св. Владимира в Киеве на должность «ассистента при клиническом отделении кожных болезней в названном Госпитале» [Университетские известия 1900, с. 11].

Все эти годы Демич активно пишет и публикуется. В 1888 г. в газете «Неделя» Демич публикует свою первую статью «Русская народная медицина» [Демич 1888], где освещает народные названия растений, в том числе лекарственных, пересказывает легенды (например, о лютике), дает оценку способов народного лечения. В начале 1889 г. Демич делает сходный по содержанию доклад «О русской народной медицине (Литературно-исторические исследования с демонстрацией коллекции народно-врачебных средств)» на Третьем съезде Общества русских врачей памяти Н.И. Пирогова в секции фармакологии и гидрологии (доклад и прения по докладу от 9 января 1889 г. — [Демич 1889e]). В докладе Демич говорит о том, что существует два способа изучения народной медицины: практический («экспериментально-наблюдательный») и теоретический («основанный на тщательном изучении существующих литературных данных»). Изучая народную медицину «обоими способами» с 1886 г., Демич приходит к выводу, что в ней «рядом с грубо-невежественными, основанными на суеверии приемами попадают часто настоящие перлы здравого народного смысла и наблюдательности» [Демич 1889e, с. 366]. Впрочем, это можно утверждать лишь относительно лекарственных трав, но не о народном акушерстве, приемы которого, по мнению Демича, крайне вредно действуют и на мать, и на ребенка. Подобное деление народно-медицинских средств лечения на «полезные» и «вредные» прослеживается во всех последующих трудах автора.

В середине 1889 г. в газете «Врач» вышла первая часть «Очерков русской народной медицины», которая называлась «Акушерство» и содержала описание родовспомогательных практик в русской деревне. Текст существует в двух незначительно отличающихся друг от друга вариантах [Демич 1889a]. Почти сразу эта работа была переведена на немецкий и чешский языки и издана в переложении доктора Сухого (dr. Suchý или Suchy) в Праге и Вене [Děmič 1889; Dēmič 1889]. В конце того же года газета «Медицина» опубликовала вторую часть «Очерков...», посвященную «Гинекологии у русского народа» [Демич 1889b].

Безусловно, попытки обобщения материалов по народной медицине производились исследователями и раньше [Дерикер 1865; 1866; 1881]. Однако, говоря об «Очерках народной медицины» Демича, необходимо отметить, что все-таки большинство имеющейся на момент их создания литературы по народной медицине представляло собой бессистемный, отрывочный материал, набор статей из разных обла-

стей медицинского знания (например, статьи из «Фельдшера», отдельные труды врачей или этнографов о народной медицине). В этой связи Демич интересен как исследователь, пытавшийся одним из первых доказать значимость изучения народной медицины и ставший классифицировать имеющиеся у него данные. Он был прежде всего систематизатором. Упорядочивая данные и источники, Демич и свои научные труды выстраивает логически (о методах работы Демича мы скажем ниже): от болезней и травм, получаемых человеком при рождении, до самых тяжелых форм заболевания. Все его очерки — единое целое, увы, незавершенное.

Некоторые материалы первых двух очерков Демича легли в основу его следующего, третьего, обширного труда — «Педиатрия у русского народа», изданного в 1891 г. [Демич 1891]. В нем он подробно описал причины высокой детской смертности в русской деревне, среди которых назвал грубые приемы ухода за ребенком в первые дни и месяцы жизни, отсутствие должных представлений о гигиене как у родителей ребенка, так и у знахарей.

Через три года в том же журнале выходит четвертая часть «Очерков...» — «Лихорадочные заболевания и их лечение у русского народа» [Демич 1894]. В этом очерке Демич указывает, что нет ни одной болезни, кроме лихорадки, с которой было бы связано столько способов лечения, причем как «резонных», так и вредных: «...одни поражают своей оригинальностью, а другие отличаются поистине варварским бессмыслием» [Демич 1894, с. 3].

Перечисленные работы принесли Демичу известность и репутацию крупного специалиста в области русской народной медицины. В частности, на все очерки, указанные выше, доктор Д. Никольский написал рецензии [Никольский 1892; 1895а; 1895б]. Он отмечал крупный вклад Демича в современную науку и утверждал, что затрагиваемый им вопрос «заслуживает серьезного внимания не только со стороны врачей, но и этнографов» [Никольский 1895а, с. 144]. Именно Демичу предложили написать развернутую статью о народной медицине для создававшегося тогда многотомного «Энциклопедического словаря» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона [Демич 1897].

В 1901 г. Демич пишет очерк «Сифилис, венерические и кожные болезни и их лечение у русского народа» [Демич 1901]. Важно отметить, что Демич профессионально обучался дерматовенерологии в клиническом отделении кожных и венерических болезней (клиника профессора С.П. Томашевского) и даже называл себя как специалиста сифилидологом-терапевтом. Поэтому, серьезно изучив проблему сифилиса, Демич сумел собрать обширный пласт информации о причинах и разнообразных способах лечения этой болезни у народа, об отношении к больным сифилисом и др. Данная работа, как и все предыдущие, насыщена фольклорными материалами.

В 1911 г. в серии «Очерков русской народной медицины» увидела свет работа Демича «Хирургия у русского народа» [Демич 1911]. Еще раньше, в апреле 1909 г., он выступил на заседании Общества киевских врачей с докладом на эту тему, который «ввиду его обширности» слушался два дня [Труды 1910, с. 17]. В этом очерке Демич рассматривает способы лечения болезней путем хирургического вмешательства, уделяя внимание его неблагоприятным последствиям и отсутствию у народа представлений об антисептике [Демич 1911]. Фольклорная составляющая здесь уже практически отсутствует.

В очерке о хирургии Демич сообщал, что работает над материалами, посвященными народному лечению зубных болезней, однако это исследование так и не появилось. Здесь же Демич выдвигает предложение составить «Словарь русской народной медицины» силами медиков и Академии наук [Демич 1911, с. 1625]. И, наконец, завершающим очерком, который Демичу удалось опубликовать, стал труд «Заразные болезни и лечение их у народа» 1914 г. [Демич 1914]. Очерк перекликается с более ранними изданиями Демича, особенно с трудами о лихорадке и сифилисе, однако добавляются и развернутые фрагменты о таких заболеваниях, как сибирская язва, оспа и др.

В «Фельдшере» за 1902 г. опубликована статья Демича «К вопросу о русской народной медицине», адресованная именно этой категории медиков, стоявших «более, чем кто другой, близко к народному самоврачеванию» [Демич 1902b, с. 578]. В 1903 г. в юбилейном выпуске фельдшерского сборника появился его «Обзор материалов по русской народной медицине, помещенных в газете “Фельдшер” за 1891–1901 гг.» [Демич 1903]. А в 1906 г. газета «Фельдшер» опубликовала статью Демича «Фельдшера и народная медицина» [Демич 1906].

Осенью 1899 г. Демич выезжал из Киева в Царевский уезд Астраханской губернии для участия в ликвидации эпидемии чумы [Университетские известия 1900, с. 11]. Вместе с ним в поездке находились и другие врачи, например А.В. Кружилин, описавший вспышку заболевания и мероприятия по ее устранению в работе «Из поездки на чумную эпидемию в Астраханской губернии (этнографический и медико-санитарный очерк)» [Кружилин 1902]. Помимо сугубо медицинских сведений, очерк включает в себя интересные этнографические сведения о киргизах, занесших чуму в Астраханскую губернию. Достаточно подробно описаны традиционная одежда, типы жилища, пища и некоторые элементы киргизской религиозной обрядности [Кружилин 1902, с. 2554–2569].

В начале Русско-японской войны 1904–1905 гг. Демич направлен на Дальний Восток, где назначен главным врачом Харбинского сводного госпиталя № 4. Это было самое крупное по количеству предусмотренных мест военно-лечебное учреждение, а по предназначению — практически первый в русской армии специализированный

госпиталь для лечения пациентов с кожными и венерическими заболеваниями. Госпиталь функционировал с 26 мая 1904 г. по 21 июля 1906 г. [Бойчак 2006, с. 52]. О деятельности Демича в госпитале можно судить по его пространному очерку «Харбинский сводный № 4 госпиталь, его жизнь и деятельность в Русско-японскую войну» [Демич 1907]. За работу в госпитале во время войны Демич был переведен в чин коллежского советника.

В 1907 г. с разрешения Военного министра он был командирован на год за границу для изучения способов лечения от кожных и венерических болезней. 24 марта Демич еще участвовал в заседаниях Общества, затем был в командировке, а уже 11 октября вновь присутствовал на заседаниях. 15 ноября и 1 декабря 1908 г. Демич выступил в Обществе киевских врачей с докладами «Год за границей с научно-практической целью (дерматологические впечатления в Германии)» и «Годичная командировка за границу. Дерматологические впечатления в Париже, Вене и Бреславле» [Труды 1909, с. 47, 56]. К сожалению, сам текст доклада не сохранился, в протоколах за указанные даты значатся лишь темы выступлений и прения по вопросу сохранения каучуковых предметов в больничной практике [Труды 1909, с. 56].

Стоит отметить, что Демич часто выступал в Обществе киевских врачей с докладами по дерматологии, лечению туберкулеза, организации медицинской помощи на войне, говорил об истории Киевского военного госпиталя и исследованиях по народной медицине. Несколько раз его избирали секретарем Общества. 29 ноября 1900 г. Демич выступил в Киевском сифилитическом и дерматологическом обществе с докладом «Лечение болезней кожи у русского народа», который впоследствии найдет свое отражение в его очерке о сифилисе [Демич 1901a].

С медицинской точки зрения важны его научно-практические доклады с демонстрацией больных в 1899 г. (проказа), 1900 г. (язвы половых органов), 1907 г. (узловатая проказа, прения с проф. Лурье), 31 января 1909 г. (редкая форма невуса), 20 февраля 1910 г. (пикриновая искусственная желтуха). Также Демич занимался проблемами заболевания лепрой, холерой и брюшным тифом (доклады 1907–1908 гг.).

16 декабря 1906 г. Демич выступил на заседании Общества с докладом «Киевский военный госпиталь в 1847 г.», в котором, используя архивные документы, подробно описал деятельность этого медицинского учреждения в середине XIX в., его персонал, охарактеризовал заболеваемость и применяемые методы лечения. В докладе Демич особенно подробно останавливается на посещении госпиталя императором Николаем I 10 сентября 1847 г. Это практически первый опубликованный материал, посвященный истории Киевского военного госпиталя [Бойчак 2006, с. 54].

В 1904 г. Демич принимал участие в очередном (девятом) Пироговском съезде врачей, сделав доклад «Народно-врачебные средства от пьянства» в отделе общественной медицины. Первоначально текст доклада был опубликован в журнале «Русский врач» [Демич 1904а], а затем и в виде отдельных оттисков и брошюр [Демич 1904б].

В этом же году Демич опубликовал рецензию на книгу Г. Попова «Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева» [Попов 1903]. Демич критикует Попова за то, что «не вполне ясно, есть ли книга д-ра Попова научное исследование русской народной медицины, или это только ряд популярно изложенных очерков, рассчитанных на большую публику» [Демич 1904с, с. 106], поскольку Попов использует только материалы Тенишевского бюро, не привлекая данные других исследователей народной медицины. Демич не согласен также с некоторыми данными Попова относительно лечения сифилиса и психических заболеваний у народа. Однако в заключение он пишет, что «несмотря на указанные мной недостатки, книга д-ра Попова все же интересна, написана живым, образным языком и богата фактами из области этнографии и фольклора» [Демич 1904с, с. 107].

28 августа 1910 г. Демича на несколько месяцев командировуют в Новочеркасск для борьбы с холерой. А уже 20 января 1911 г. приказом № 8 по военно-санитарному ведомству Демич в звании коллежского советника был назначен старшим врачом Житомирского местного лазарета. Там он служил недолго, затем вновь вернулся к работе в Киевском военном госпитале [Бойчак 2006, с. 57].

Ю.Н. Квитницкий-Рыжов писал, что в годы Первой мировой войны Демич возглавлял Киевский военный госпиталь [Квитницкий-Рыжов 1982, с. 71], однако, по мнению М.П. Бойчака, обязанности главного врача в этот период исполнял В.Ф. Бушуев. Исследователь предполагает, что Демич мог руководить одним из многих других госпиталей или лазаретов, находившихся тогда в Киеве. По воспоминаниям внучки Демича, А.В. Журид, во время войны он был одним из организаторов курсов сестер милосердия при Киевском военном госпитале. Эти занятия посещали жена Демича и обе старшие дочери [Бойчак 2006, с. 57].

За выслугу лет и активную научную деятельность в области медицины в 1896 г. Демич был награжден орденом Св. Владимира IV-й степени, а затем в 1907 г. удостоился ордена Св. Станислава III-й степени. К 1917 г. Демич состоял в чине действительного статского советника и был причислен к потомственным дворянам. Внучка Демича вспоминала, что у деда был парадный мундир с большим количеством наград, однако во время революции все награды вместе с другими семейными ценностями были изъяты, а наградные листы пропали во время Гражданской войны. По некоторым данным, в 1918 г. Демич

носил звание генерал-хорунжего [Проценко, Костенко 1998, с. 89]. По мнению М.П. Бойчака, это воинское звание Демич мог получить в период, когда у власти находился гетман П. Скоропадский [Бойчак 2006, с. 58].

После Гражданской войны Демич с семьей какое-то время проживал в Житомире, там родился его последний ребенок, сын Николай. Затем они переехали в с. Триполье, где Демич заведовал диспансером и занимался лечением кожных и детских болезней. Скончался он 28 декабря 1930 г. в возрасте 73 лет от тяжелой травмы, полученной при падении с лошади, когда ехал к пациенту. Лечился Демич в Киеве, там же умер и похоронен на Лукьяновском кладбище. На его могиле установлен памятник — крест из рельс.

Обратимся к фольклористической составляющей работ Демича. Все его очерки по народной медицине составляют единое целое, но в то же время каждый из них является вполне самостоятельной работой. Так, например, свой очерк о лихорадочных заболеваниях Демич начинает со слов: «Предлагаемая статья, представляющая собою законченное целое, служит вместе с тем продолжением “Очерков русской народной медицины”» [Демич 1894, с. 1].

Каждый очерк имеет определенную композицию: вначале автор анализирует народные названия болезни и этиологические легенды, а затем способы лечения болезни, причем в первую очередь рассматриваются «разумные» средства, а затем те, которые, по мнению автора, являются нерациональными и даже вредными.

В большинстве случаев Демич сам указывает те источники, из которых черпает свои материалы. Так, в работе о сифилисе и кожных болезнях Демич пишет, что источники могут быть разделены на 3 группы: во-первых, это «многочисленные литературные указания»; во-вторых, «сообщения товарищей, земских врачей и других лиц, близко стоящих к народу» (эти данные составляют наименьший процент от всей источниковой базы); и, в-третьих, то, что самому Демичу «удалось подметить непосредственно от простолюдинов при занятиях, в течение 11 лет, сначала в детской больнице принца П. Ольденбургского, в С.-Петербурге, летом в военных госпиталях Брест-Литовска и Киева, а также в частной практике» [Демич 1901, с. 2]. Демич фиксировал свои наблюдения и сопоставлял их с данными, почерпнутыми из литературы, лишь затем он описывал их в своих очерках.

Демич извлекал данные из рукописных источников (многочисленные травники, лечебники и др.) и печатных трудов (статьи или монографии таких исследователей, как Г.Г. Плосс, В.В. Дерикер, В.И. Даль и др.). Если сведения были получены от конкретных лиц, то указания на них могут быть следующие: «по сообщению д-ра Шуригина» или «уважаемый товарищ Талько-Грынцевич из Звенигородки сообщил мне» [Демич 1889b, с. 14] и т. п.

Обращаясь к литературным данным, Демич следует принципу полноты, учитывая по возможности все известные источники, статьи в периодических изданиях (формируя тем самым набор во многом уникальных материалов), а также монографии по изучаемому им вопросу, как на русском, так и на иностранных языках. В каждом очерке Демич ставит перед собой единую цель: «Собрать с возможною полнотою и сгруппировать относящиеся сюда литературные материалы, подчеркнуть резонные стороны народного самоврачевания, отделить их от преобладающей массы бестолковых, грубых, суеверных способов лечения и указать на вред, приносимый этими последними серому, невежественному люду, — вот задача, которую я преследую в своих работах о народной медицине» [Демич 1894, с. 2]. Часто в текстах Демича можно обнаружить не только материалы середины — второй половины XIX в., но и отсылки к текстам средневековых или даже античных авторов.

Как указывает А.А. Власов, к концу XIX в. в работах по народной медицине «прослеживается разделение фактического материала на “материальную” народную медицину, где дается информация о применении растительных лекарственных средств, и суеверия в народной медицине» [Власов 1997, с. 22]. В этом отношении работы Демича не являются исключением. Так, он делит народные способы лечения на три вида. Во-первых, эмпирические средства, «целесообразность которых в большей или меньшей степени подтверждается наукой»; по мнению автора, они являются плодом «вековой наблюдательности, здравого смысла и опыта» народа. К этому виду относятся массаж, траволечение, мази на основе лекарственных препаратов, кровопускание и т.п. Во-вторых, мистические средства — «продукт религиозных воззрений, невежества и старинных предрассудков (суеверий)». К ним относятся заговорные формулы и средства, основанные на эффекте плацебо; например, пациент пишет на бумаге слово «абракадабра» или иной набор букв и носит ее на себе, считая, что это спасет его от болезни. В-третьих, средства, «заимствованные из разумной медицины» [Демич 1889а, с. 182]. Демич занимается в основном изучением первых двух типов народного лечения. Некоторые исследователи народной медицины, например Н.Ф. Высоцкий, вообще опускали в своих работах заимствованные из научной медицины средства и описывали лишь эмпирическую и мистическую области [Высоцкий 1911, с. 1].

Большое значение Демич придает изучению народных названий тех или иных болезней и связанных с ними этиологических легенд. По его мнению, «врачебная терминология народа представляет много своеобразного, важна не только для медиков, но и для филологов, и потому вполне заслуживает тщательного изучения» [Демич 1889b, с. 3]. Наиболее интересной и богатой является, по наблюдению Де-

миха, народная терминология лихорадочных, кожных заболеваний и сифилиса. Например, среди названий лихорадки Демич выделяет несколько подтипов: 1) по названию явлений, которые лихорадка вызывает у заболевшего (сюда относятся «трясовица», «дрожалка» и т.п.); 2) ласкательные названия («кума», «тетка»); 3) по времени года, когда чаще всего появляется болезнь («веснянка», «подосенница»); 4) ругательные названия («поганка», «сатаниха») и др. [Демич 1894, с. 3–4]. Данная классификация была впоследствии значительно дополнена и расширена уже упомянутым нами Н. Ф. Высоцким [Высоцкий 1911, с. 23]. Демич перечисляет все известные ему названия, пытаясь их классифицировать и анализировать. Попутно делаются интересные наблюдения, например: «Крестьяне редко произносят слово лихорадка, да и то с оговором: “не слушай, лишона хоромина” — в избе, “на ветер”, или “не прикладно будь сказано” — на улице» [Демич 1894, с. 4–5]. Как правило, народным названиям болезней в каждом очерке посвящена особая глава.

Помимо народных названий болезней, Демич указывает и на специфические слова и выражения: бить «не ронко» — т. е. редко попадать в цель [Демич 1899, с. 1158]; болезнь «тягаецья» по селу в значении «свиристует в деревне»; «пóшесть» — эпидемия [Демич 1899, с. 1242]; замок «спрыгивает» — замок отпирается [Демич 1899, с. 1246]; «заговорывание» — кража в ночь на Благовещение [Демич 1899, с. 1249].

Анализ этиологических легенд также помогает прояснить народные представления о возникновении и сущности болезней. Эти легенды могут быть изложены подробно (и даже приведены в диалоговой форме, что говорит о литературно-художественной ценности многих исследований Демича) или в кратком пересказе. Например: «Простонародие Воронежской губернии выводит происхождение лихорадок из следующих легенд: 1) они — дочери ада, сатаны, были прокляты Богом и осуждены до конца мира ходить по земле и мучить грешников (Задонский край); 2) лихорадки — 12 дочерей Ирода, подвергнувшиеся за смерть Иоанна Крестителя проклятию и обращенные в орудие наказания против людей (Бобровский уезд)» [Демич 1894, с. 9].

Подобным образом дело обстоит и с заговорами, которые Демич называет также «народными молитвами». В большом количестве присутствуют краткие заговорные формулы, такие как «поп в дом — клоп вон» [Демич 1901, с. 11]. Иногда приводятся и относительно большие тексты; например, от золотника: «Во имя Отца, Сына и Святаго Духа и проч. Пресвятую Богородицу на помощь призываю, а я, раба божия (и. р.) у родимого человека (и. р.) про дорогой золотник (Uterus) розыск начинаю» [Демич 1889b, с. 23]. От лихорадки: «Тряся сатана! Тряси злого, черемного, рыжеволосого, беловолосого, отступи и откачнись от раба Божия (и. б.). Если не отступишь и не откачнешься,

то возьмут тебя, трясую сатану, Петр и Павел, первоверховные Апостолы, и Михаил Архангел, грозный воевода небесных сил, под руки и поведут тебя, тр<ясая> С<атана>, к огненной реке и ввергнут тебя, тр<ясая> С<атана>, в огненную реку до скончания века, аминь, во веки аминь, и во веки веков аминь» [Демич 1894, с. 30].

Работы Демича по народному акушерству и педиатрии изобилуют приметами, связанными с беременностью, рождением ребенка и первыми днями его жизни: например, если беременная на вопрос, кого она родит, покраснеет, надо ждать девочки, если нет — мальчика; если беременная с испугом наступит на лягушку, то «причинит» ребенку пятно на теле, похожее на лягушку; если ребенок родится во время вихря, будет калекой [Демич 1891, с. 131, 133].

В отличие от собирателей и исследователей народной медицины, не являющихся по профессии медиками и поэтому считающих, что традиционная медицина «составляет предмет особого исследования, предоставленного врачу-профессионалу» [Власов 1997, с. 22], врачи-фольклористы стараются не только привести подробное описание народно-врачебных средств, но и дать им по возможности научное объяснение, что в очередной раз показывает их прагматический подход к анализируемому материалу. Демич здесь не является исключением — в его работах можно наблюдать многочисленные попытки объяснить рационально те или иные приемы народной медицины и дать им оценку. Например, Демич пишет об одном из способов лечения от лишая: «Над сухим, зудящим лишаем, покрытым мелкой шелухой, высекают из кремня искры, которые лучеобразно падают на кожу, производя легкие покалывания и красноту. Повторяют это до тех пор, пока сыпь не исчезнет. Зуд же прекращается скоро. Описанный способ, несмотря на суеверную подкладку, может, до некоторой степени, быть рассматриваем как предвестник современного лечения болезней кожи светом и электричеством» [Демич 1901, с. 10].

Траволечение, которому уделяется наиболее значительная по объему часть каждого очерка, автор также считает средством, которому «нельзя отказать в некоторой целесообразности», поскольку оно представляет собой «наиболее благодарный материал для медика» [Демич 1889а, с. 4], в то время как остальные средства, по его мнению, часто являются нелепыми и вредными [Демич 1901, с. 20].

Как и многие врачи XIX–XX вв., Демич высказывает в своих работах мысль о необходимости просвещения народа и, в конечном итоге, искоренения тех лечебных средств народной медицины, которые вредят здоровью крестьян. Он пишет: «Света надо нашему бедному, темному люду, который бродит впотьмах и потому видит вещи и явления природы в извращенном состоянии» [Демич 1899, с. 1266]; «Заря лучшего будущего в деле народного лечения уже зажжена и поддерживается земскими врачами» [Демич 1901, с. 54].

Даже если в очерке речь идет о лечении болезни при помощи симпатических или иных «вредных» средств, автор все же указывает на положительный эффект лечения, если таковой имел место. Так, после рассказа о лечении от бородавок путем закапывания в землю нитки, на которой завязано определенное количество узлов, соответствующее количеству бородавок у больного, Демич разъясняет: «Что бородавки иногда излечиваются подобными способами — факт достаточно известный; происходит это путем особого рода самовнушения при помощи сильной веры в симпатические средства» [Демич 1901, с. 34].

Интересно отметить и тот факт, что сам врач также не гнушался пользоваться народными средствами: «Народ от паразитов, наряду с суеверными и симпатическими средствами, употребляет также душистые, более или менее острые растения и ядовитые металлы. Многие из этих средств если не убивают паразитов, то, по крайней мере, прогоняют их в течение ночи. Проводя лето в Черниговской губ., я нередко спасался от множества блох, по совету знакомой старухи, свежей полынью и только благодаря ей мог спокойно спать» [Демич 1901, с. 39].

Несколько иной характер, в отличие от трудов по конкретным областям народной медицины, носят работы Демича фольклорной направленности. В 1899 г. он пишет статью «Легенды и поверья в русской медицине» [Демич 1899]. Для филолога этот очерк наиболее интересен, поскольку практически не содержит медицинских отступлений и терминологии — в нем автор собрал все известные ему фольклорные материалы из предыдущих очерков. Например, из статей об акушерстве и педиатрии он берет приметы и верования, связанные с детьми (плачущий при крещении ребенок будет жить, а спокойный — помрет; чтобы ребенок не боялся покойника, его заставляют подержать последнего за ноги и т. д. [Демич 1899, с. 1241]), из очерка о лихорадочных заболеваниях — народные представления об оспе (например, народные названия: «оспица-матушка», «Оспа Ивановна»). Некоторые материалы вошли в дальнейшем в состав очерка о змее (например, легенды о змеином мясе) [Демич 1899, с. 1254].

Очерк о легендах интересен также тем, что в нем Демич выстраивает классификацию народных легенд, разделяя их на 4 вида: 1) легенды и поверья, заимствованные из преданий античной медицины («разрыв-трава», ясень — средство от змей и др.); они почти целиком заимствованы у Плиния, распространялись при помощи переводных лечебников и травников; 2) легенды и поверья, сложившиеся под влиянием поэтических взглядов народа на природу, как это описано в труде А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» (1865–1869. Т. 1–3); 3) поверья, образовавшиеся в силу свойственной всем первобытным народам склонности к симпатии и аналогии; 4) библейские и христианские сказания; для них характерен дуализм (борьба дьявола с Богом), упоминания Христа, св. Девы Марии, свя-

тых и т.д. К сожалению, в статье практически нет аутентичных записей, сделанных самим автором, поскольку целью его работы было «познакомить читателя с легендами и поверьями, разбросанными в многочисленных статьях и журналах» [Демич 1899, с. 1267].

В 1898 г. Демич опубликовал статью «Из области легенд и поверий в русской народной медицине» в газете «Киевлянин» [Демич 1898], а в 1902 г. — «Ночь на Ивана Купала по народным поверьям» в «Киевской газете» [Демич 1902а]. В обеих статьях Демич много говорит о суеверных представлениях крестьян о травах и их лечебных и магических свойствах. Первую из них мы публикуем в Приложении.

В 1912 г. выходит статья Демича «О змее в русской народной медицине: культурно-этнографический очерк» [Демич 1912]. Автор говорит здесь о двояком представлении о змеях: как о причине всякого зла, с одной стороны, и как о змее — целительнице от болезней, приносящей в дом достаток и счастье, — с другой. Сходные наблюдения можно встретить у В.П. Клингера и Е.Г. Кагарова, однако в отличие от Демича они скорее склонны считать змею символом зла либо образом души умершего, в то время как дарителем блага змея, по их мнению, в народных верованиях выступает редко [Кагаров 1913, с. 286–296; Клингер 1911, с. 155–175]. В очерках о легендах и о змее автор приводит тексты поверий и легенд (в подробном или кратком пересказе), заговоров и песен, лишь изредка пытаясь их анализировать. Если для его работ по народной медицине характерно критическое отношение к традиции, то здесь скорее видно восхищение поэтикой и образностью народных легенд и сказаний.

И в завершение хотелось бы сказать несколько слов о последнем произведении Демича — статье 1929 г. «Забываемое социальное зло — знахарство на селе». Статья была напечатана в харьковском журнале «Профилактическая медицина» в разделе «Социальные болезни и санитарный быт». Уже из названия работы видно, что она сильно отличается от всех его предыдущих трудов своим резко критическим тоном по отношению к народной медицине. Здесь мы не находим поэтического воспевания легенд, а видим осуждение деятельности знахарей и колдунов. Демич называет народных врачей шарлатанами и оккультистами, знания их — убогими, методы лечения — варварскими. Завершается очерк утверждением, что «не может быть двух мнений на тот счет, что знахарство, этот пережиток старины, является злом народной жизни, причиняющим неопишуемый вред, врагом, требующим основательного изучения» [Демич 1929, с. 94]. В то же время Демич показывает объективные причины существования народной медицины в деревне и отдает должное умениям и традиционным знаниям сельских целителей. Даже в год «великого перелома» он не призывает к репрессиям против знахарей, а лишь намечает просветительские и организационные мероприятия, которые в перспек-

тиве должны ослабить воздействие знахарей на сельских жителей. Статья Демича включает интересный фольклорный и этнографический материал: автор приводит развернутую аналитическую классификацию знахарей, освещает наивные представления о человеческой анатомии, публикует интересный лексический и фразеологический материал.

Вклад Демича в изучение народной медицины очень велик. Его работы, насыщенные во многом уникальным материалом, представляют большой интерес для современных исследователей, тем более что проблемы народной медицины, и в особенности взаимодействия народной и научной медицины, на сегодняшний день особенно актуальны.

Литература и источники

Бойчак 2006 — *Бойчак М.П.* История Киевского военного госпиталя: Киевский военный госпиталь в первой половине XX века. Киев, 2006. Кн. 2. С. 51–61.

Власов 1997 — *Власов А.А.* Русская народная медицина: К истории и современным аспектам изучения. М., 1997.

ВМЖ 1891 — Постановления и распоряжения Правительства. Перемены в личном составе военно-медицинской части // Военно-медицинский журнал. СПб., апрель 1891. Ч. CLXX. Год 69. С. 91.

Высоцкий 1911 — *Высоцкий Н.Ф.* Народная медицина. М., 1911.

Демич 1888a — *Демич В.Ф.* Изучение важнейших русских народных лекарственных средств из растительного мира. <Рец.> // Врач. СПб., 1888. № 21. С. 419.

Демич 1888b — *Демич В.Ф.* Русская народная медицина // Неделя. СПб., 3 июля 1888. № 27. С. 859–864.

Демич 1889a — *Демич В.Ф.* Очерки русской народной медицины. Акушерство // Врач. СПб., 1889. Т. 10. № 7. С. 181–183; № 9. С. 226–227; № 10. С. 251–252; № 11. С. 270–272.

Демич 1889b — *Демич В.Ф.* Очерки русской народной медицины. Акушерство (Отд. оттиск). СПб., 1889.

Демич 1889c — *Демич В.Ф.* Очерки русской народной медицины. Гинекология у народа // Медицина. 1889. № 22; С. 1–3; № 23. С. 5–7; № 26. С. 3–6; № 32. С. 4–6; № 37. С. 4–7; № 38. С. 5–7; № 39. С. 4–8; № 40. С. 1–5.

Демич 1889d — *Демич В.Ф.* Очерки русской народной медицины. Гинекология у народа (Отд. оттиск). СПб., 1889.

Демич 1889e — *Демич В.Ф.* О русской народной медицине // Дневник Третьего съезда Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова. СПб., 1889. С. 365–367.

Демич 1891 — *Демич В.Ф.* Педиатрия у русского народа // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. СПб., 1891. Т. 11. Кн. 2.

С. 125–145; Кн. 3. С. 187–212; Т. 12. Кн. 1. С. 66–67; Кн. 2. С. 111–123; Кн. 3. С. 169–187.

Демич 1894а — Демич В.Ф. Очерки русской народной медицины. Лихорадочные заболевания и их лечение у русского народа // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. СПб., 1894. Т. 22. Кн. 3. С. 133–169; Т. 23. Кн. 1. С. 1–29.

Демич 1894b — Демич В.Ф. Очерки русской народной медицины. Лихорадочные заболевания и их лечение у русского народа (Отд. оттиск). СПб., 1894.

Демич 1897 — Демич В.Ф. Народная медицина // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1897. Т. 20. С. 579–583.

Демич 1898 — Демич В.Ф. Из области легенд и поверий в русской народной медицине // Киевлянин. Киев, 1898. 22 марта. № 81. С. 2–3.

Демич 1899 — Демич В.Ф. Легенды и поверья в русской народной медицине // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. СПб., 1899. Кн. 9. С. 1151–1183; Кн. 10. С. 1240–1267.

Демич 1901а — Демич В.Ф. Сифилис, венерические и кожные болезни и их лечение у русского народа // Русский архив патологии, клинической медицины и бактериологии. СПб., 1901. Вып. 4. С. 337–364; Вып. 5. С. 423–455.

Демич 1901а — Демич В.Ф. Сифилис, венерические и кожные болезни и их лечение у русского народа (Отд. оттиск). СПб., 1901.

Демич 1901с — Демич В.Ф. Сифилис, венерические и кожные болезни и их лечение у русского народа: автореферат // Фельдшер. СПб., 1902. 1 окт. № 19. С. 594–596.

Демич 1902а — Демич В.Ф. Ночь на Ивана Купала по народным поверьям // Киевская газета. Киев, 1902. 23 июня. № 171. С. 4.

Демич 1902b — Демич В.Ф. К вопросу о русской народной медицине // Фельдшер. СПб., 1902. 1 окт., № 19. С. 577–583.

Демич 1903 — Демич В.Ф. Обзор материалов по русской народной медицине, помещенных в газете «Фельдшер» за 1891–1901 гг. // Фельдшерский сборник по поводу десятилетия газеты «Фельдшер». СПб., 1903. С. 81–105.

Демич 1904а — Демич В.Ф. Народно-врачебные средства от пьянства // Русский врач. СПб, 1904. Т. III. № 4. С. 132–135.

Демич 1904b — Демич В.Ф. Русские народно-врачебные средства от пьянства. СПб., 1904.

Демич 1904с — Демич В.Ф. Рецензии и библиографии. Д-р мед. Г. Попов. Русская народно-бытовая медицина // Русский врач. СПб., 1904. 17 января. № 3. С. 106–107.

Демич 1906 — Демич В.Ф. Фельдшера и народная медицина // Фельдшер. СПб., 1906. 15 марта. № 6. С. 161–170.

Демич 1908 — Демич В.Ф. Алкоголизм и его лечение у русского народа. Киев, 1908.

Демич 1911 — Демич В.Ф. Очерки русской народной медицины. Хирургия у русского народа // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. СПб., 1911. Кн. 11. С. 1603–1627; Кн. 12. С. 1739–1794.

- Демич 1912 — Демич В.Ф. О змее в русской народной медицине: культ.-этнографич. очерк // Живая старина. СПб., 1912. Вып. 1. С. 39–60.
- Демич 1914 — Демич В.Ф. Заразные болезни и лечение их у народа // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. СПб., 1914. Кн. 3. С. 373–387; Кн. 4. С. 494–524; Кн. 5. С. 657–674.
- Демич 1929 — Демич В.Ф. Забытое социальное зло — знахарство на селе // Профилактическая медицина. Харьков, 1929. № 1. С. 89–94.
- Демич 1988 — Демич В.Ф. Тарас Григорьевич Шевченко. К его биографии. 1847 г. // Воспоминания о Тарасе Шевченко. Киев, 1988. С. 209–210.
- Демич 2004 — Демич В.Ф. Очерки русской народной медицины // «А се грехи злые, смертные...» Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX — начала XX в. М., 2004. Кн. 2. С. 298–319.
- Дерикер 1865 — Дерикер В.В. О знахарях и врачебной помощи в деревнях. СПб., 1865. 3-е изд.
- Дерикер 1866 — Дерикер В.В. Сборник народно-врачебных средств, знахарями в России употребляемых. СПб., 1866.
- Дерикер 1881 — Дерикер В.В. Народный лечебник. Руководство к пользованию болезней гомеопатическими средствами. СПб., 1881. 3-е изд.
- ДРДР 1929 — Деятели революционного движения в России: биобиблиографический словарь. От предшественников декабристов до падения царизма / Под ред. В. Виленского-Сибирякова, Ф. Кона, А.А. Шилова. Т. 2: Семидесятые годы. Вып. 1: А–Е. М., 1929. Стб. 343–344.
- ДРДР 1931 — Деятели революционного движения в России: биобиблиографический словарь. От предшественников декабристов до падения царизма / Под ред. А.А. Шилова, М.Г. Карнауховой. Т. 2: Семидесятые годы. Вып. 3: М–Р. М., 1931. Стб. 1020.
- Кагаров 1913 — Кагаров Е.Г. Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. СПб., 1913.
- Квитницкий-Рыжов 1982 — Квитницкий-Рыжов Ю.Н. Выдающийся исследователь отечественной народной медицины В.Ф. Демич (1858–1930) // Советское здравоохранение. М., 1982. № 7. С. 70–74.
- Клинггер 1911 — Клинггер В.П. Животное в античном и современном суеверии. Киев, 1911.
- Коваленко 1895 — Коваленко Г. О составлении словаря народной медицины // Фельдшер. СПб., 1895. № 7. С. 216–217.
- Кружилин 1902 — Кружилин А.В. Из поездки на чумную эпидемию в Астраханской губернии (этнографический и медико-санитарный очерк) // Военно-медицинский журнал. СПб., 1902. Август. Ч. 204. Год 80. С. 2547–2579.
- Никольский 1892 — Никольский Д. [Рец.] Демич В.Ф. Очерки русской народной медицины. СПб., 1892 // Этнографическое обозрение. М., 1892. Кн. 15. № 4. С. 7–9.
- Никольский 1895а — Никольский Д. [Рец.] Демич В.Ф. Очерки русской народной медицины. СПб., 1894 // Этнографическое обозрение. 1895. Кн. 24. № 1. С. 143–144.

- Никольский 1895b — *Никольский Д.* [Рец.] Демич В.Ф. Очерки русской народной медицины. СПб., 1894 // *Русская мысль*. М., 1895. Кн. 7. С. 343–344.
- Попов 1903 — *Попов Г. И.* Русская народно-бытовая медицина. СПб., 1903.
- Проценко, Костенко 1998 — *Проценко Л., Костенко Ю.* Лук'янівське цивільне кладовище. Київ, 1998.
- РЖСГ 1905 — Революционная журналистика семидесятых годов. Первое приложение к сборникам «Государственные преступления в России» / Под ред. Б. Базилевского. Париж, 1905.
- Русские 2006 — Русские общественные и культурные деятели в Эстонии: словник-справочник. Материалы к биографическому словарю / Сост. С.Г. Исаков. Т. 1 (до 1940 г.). Таллин, 2006. — <http://www.ut.ee/FLVE/ruslit/estorussica/slovník.htm>. Дата обращения: 10.07.2015.
- Труды 1909 — Протокол очередного заседания общества киевских врачей 15 ноября 1908 г. // Труды общества киевских врачей с приложением протоколов за часть 1907-го и 1908 год и отчетов за 1906–1908 г. Киев, 1909. Т. IX. Вып. II. С. 47–48.
- Труды 1910 — Протокол очередного заседания общества киевских врачей 25 апреля 1909 года // Труды общества киевских врачей с приложением протоколов за 1909 и часть 1910 г. и отчетов за 1908–1909 г. Киев, 1910. Т. IX. Вып. III. С. 17–18.
- Университетские известия 1900 — Протоколы заседаний Совета Университета Св. Владимира // Университетские известия. Киев, 1900. № 12. С. 11.
- Demitsch 1888 — *Demitsch W.* Studien über die wichtigsten russischen Volksheilmittel aus dem Pflanzenreiche. Diss., Derpt, 1888.
- Děmič 1889a — *Děmič V.F.* Nástin ruské prstonárodní mediciny (Přeložil dr. Suchý) // *Časopis Lékařů Českých*. 1889. Roč. XXVIII. S. 28–31, 548–549, 567–569, 586–588, 606–609.
- Demič 1889b — *Demič V.F.* Ueber Volksmedizin in Russland (übersetzt von Dr. Suchý) // *Wiener klinische Wochenschrift*. 1889. № 47. S. 902–908.
- Demič 1889c — *Demič V.F.* Russische Volksheilmittel aus dem Pflanzenreiche // *Ko-bert R.* Historische Studien aus dem Pharmakologischen Institute. Halle a. S., 1889. Bd 1. S. 134–240.

В.Ф. Демич и изучение народной медицины

В статье освещаются жизнь и творчество выдающегося украинского врача конца XIX — начала XX в. Василия Федоровича Демича, реконструируется биография медика и анализируются его научные труды в области русского и украинского фольклора. В течение тридцати лет Демич, будучи дипломированным военным хирургом, активно собирал материал и публиковал описательные и аналитические очерки, посвященные медицинскому фольклору: этиологическим легендам о болезнях, терминологии заболеваний и их лечения, заговорной традиции, малым фольклорным формам.

Ключевые слова: В.Ф. Демич, биография, библиография, медицинский фольклор, врач-фольклорист.

Vasiliy Djomich and the Studies in Folk Medicine

The article highlights the life and work of the famous Ukrainian doctor, Vasily Fedorovich Demich, in the late XIX — early XX centuries. It reconstructs and analyzes his medical biography and scientific works in Russian and Ukrainian folklore. For thirty years Demich, a certified military surgeon, had actively collected material and published descriptive and analytical essays in medical folklore: etiological legends about diseases, terminology and treatment of diseases, spells, and small folklore forms.

Keywords: Demich, biography, bibliography, medical folklore, doctor-folklorist.

ЗАБЫТОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ЗЛО — ЗНАХАРСТВО НА СЕЛЕ¹

(подготовка текста А.Г. Айдаковой)

Знахарство — старое, как мир, явление — донныне процветает в глухих селах и пользуется еще любовью и доверием крестьян. Знахарство, как и религия, относится к тем отдаленным временам, когда первобытные люди верили во вмешательство в свою жизнь таинственных, сверхъестественных сил в природе. Вот почему знахарская медицина носит в себе ясные следы воззрений народа на внешний мир. В прежнем, чистом виде знахарство теперь редко встречается, оно видоизменилось, приспособилось к требованиям новейшего времени и постепенно вытесняется опытными дипломированными сельскими врачами, переходя в городах в шарлатанство. В деревнях еще существуют колдуны и ведьмы. Трудно провести резкую границу между колдунами и знахарями. По народному представлению, первые служат дьяволу, чинят только вред, вторые — деятели добра, полезные, благожелательные. Знахари по преимуществу — старые люди, бабы и деды, занимающиеся лечением болезней селянина и домашних животных, дающие селянам «спасительные советы» в некоторых случаях домашнего быта. Они — предсказатели, отгадывают будущее, знают многие приметы, поверья и другие предания седой, языческой старины и даже иногда обладают некоторыми, передаваемыми из рода в род, техническими и натуралистическими сведениями. По выражению д-ра Пантюхова, знахари — не идеалисты, не лирики, а реальные практики. Полицейские преследования заставили их хитрить, быть осторожными, скрывать свою работу, окружать ее дымкой таинственности. Всякое глухое село имеет своих знахарей и баб-шептух, к которым селяне охотно прибегают с своими физическими и психическими немощами.

На Украине знахари — вещие люди, которые, по мнению односельчан, борются с воздействием на человека и животных страшной, зловредной нечистой силы, в лице ее служителей — колдунов, ведьм и чародеев. В Великороссии знахарей часто смешивают с колдунами, но есть между ними и разница: знахари — «знатки», занимаются по преимуществу врачеванием болезней. По древнему сказанию, первый знахарь знал только добрые травы, созданные богом на пользу человека. Первый знахарь различал шелест и говор трав, умел подслушивать шепот матери-земли, и все тайны природы ему были «открыты». Встречаются, главным образом, знахари, сознательно мо-

¹ Первая публикация: Практическая медицина. Харьков, 1929. № 1. С. 89–94. С подзаголовком: «Из Научно-Методического Кабинета Киевского Санпросвета».

рочащие, обирающие легковверных селян, но сохранились еще знахари, так сказать, «идейные», серьезные бабы и деды, исполненные собственного достоинства, верующие в свое призвание, в силу зелий и чародейских приемов. Попадаются среди такого рода народных врачевателей лица, не жадные до денег, лечащие «для бога», даром, или за небольшой подарок — «гостинец». Разница между колдунами и знахарями, по поверьям селян, особенно сказывается на свадьбах: первые портят жениха и невесту, вторые помогают испорченным. Существуют еще отворотники, отворачивающие заговорами привороты и присухи. Местами селяне различают шептуна, шепчущего только хорошее, исцеляющего порчи, от колдуна, знающего с нечистым, а посему зловредного.

Наряду с настоящими знахарями в дореволюционной Руси, в заголустьях, встречалось много разных других доморожденных врачевателей: крестьян лечили священники, помещики, их жены, отставные солдаты, больничные служители, цыгане, проходимцы, побывавшие на Афоне, в Почаеве и в подобных местах. Давали врачевные советы и монахи. Прежняя текущая пресса описывала такого рода «эскулапов», представлявших пеструю картину «одежд и лиц, племен, наречий, поколений».

Большая роль знахарей в дореволюционной Руси видна из обширной, разнообразной номенклатуры знахарства, достойной упоминания. Древняя письменность упоминает волхвов, кудесников, чародеев, занимавшихся врачеванием, говорит о сновидящих обаянниках, звездочетах, облакопрогонниках, ведунах и лихих бабах (Костомаров). В Домострое встречаются мечетники (кровопускатели) и зелейники. В наше время эти народные врачеватели известны под именем знахарей, костоправов и других специалистов. Слово знахарь, т. е. знаток, происходит от глагола знать, и порой в деревне говорят: «ён знат». На Украине селяне толкуют про бабок-шептух, которые тихо заговаривают «хороби». И в Великокороссии есть знахари-шопотуны. На Волыни шептух зовут еще бабами травницами-кореньщицами, потому что они собирают лечебные зелья. Великокорусские старухи, занимающиеся мытьем хворых, зовутся просто бабками или бабушками, а есть еще ворожки, ворожцы, ворожбиты, ворожеи, умеющие гадать, и доки, распознающие порчу. Большую роль, особенно в сердечных делах, играют украинские «чарівниці», производящие таинственные обряды — чары для отогнания нечистого и для привлечения милого сердцу. На Украине бабки-знахарки дают «лікі» или пускают в ход средства для присушки и отвораживают привороты. Целый ряд народных врачевателей носит название по роду специальности, что давало себя знать еще в старой Руси, когда практиковали очные лекаря и чапутинных дел мастера, лечившие чапутинным корнем сифилитиков. О камнесечцах — операторах

каменной болезни в XVIII в. — говорит Пирогов. Тогда по деревням Западной и Южной Руси ходили греки, волохи, цесарцы, продавали мази-олейки, холостили животных, иногда вырезывали камни у людей. Кровопусканием, любимым пособием селян, занимаются цирюльники, коновалы и подобные доморощенные врачи. Д-р Жбанков описывал во «Враче» «бродячих лечителей» — торговцев, ходебщиков, офеней. Множество их появляется на Нижегородской ярмарке, где можно встретить «лекарей от запоя», «персидских докторов» и тому подобных гастролеров. Особенно склонны к врачеванию лица, близкие к больницам, как сторожа, санитары, аптекарские служители. Народные акушерки — по-великорусски «бабушки-повитухи» — зовутся на Украине «бабками-пупоризками». Знахари пермяков, своеобразно лечившие переломы, почему-то назывались «вежливыми». Земский врач Рудинский разделял знахарей Рязанской губ. на 1) собственно знахарей или знатоков, 2) на заговорщиков, 3) кровопускателей или рудометов, 4) на юродивых и 5) угадов. Отдельно он ставит колдунов.

Помимо приведенных названий, вспомним, что дореволюционная пресса описывала много других видов знахарства и шарлатанства, именуя их паразитами народной жизни. В газетах публиковались спецы по части косметики, излечения от простуды, перхоти, а то и по части «изгнания злого духа». Узкими специалистами являются украинские бабки: одни из них помогают от «лихоманки», другие — «от зубів»; иные «шептуны от бишихи», выливают «волос», «заваривают сонюшницю», лечат детей от «крикливців» (бессонницы). Есть и специалистки по врачеванию «пранців» (сифилиса) и т. д.

Крайне интересно было бы собрать статистику знахарства, но ее у нас нет. Надо заметить, что в Германии, при свободе медицинской практики, знахарство достигло больших размеров. В Пруссии, например, насчитывалось в 1924 г. 5.648 бездипломных врачевателей, а в 1925 г. — 6.183, и только 226 знахарей понесли по суду наказание за принесенный больным вред. А между тем, в Германии функционирует общество борьбы с знахарством, праздновавшее в феврале с. г. 25-ти-летний юбилей.

Достоин внимания, что знахарство сильно развито не только в наших темных селах, но и в Киеве, где в былые года публика в этом отношении недалеко уходила от селян. До войны в газетах печатались объявления «известной» хиромантки, предсказывающей по картам события жизни. Китаец давал советы по венерическим, женским, ревматическим и другим болезням. Фельдшер — ассистент покойного венеролога предлагал свои услуги широким массам, и особенно широко рекламировалась «Парижанка-окультист — психолог-хиромантка, ученица М-м де-Тэб, М-лле Петижан», имевшая больше пациентов, чем психиатры, занимавшиеся психоанализом.

Не мешает вкратце упомянуть о том, какими сведениями обладают знахари по анатомии, физиологии и патологии человеческого тела. Сведения эти, как и гигиенические познания народных врачей, по литературным данным, крайне ограничены, примитивны, нелепы, по большей части вздорны, ошибочны. Украинские знахари, по выражению проф. Сумцова, имеют «окрему патологию й окрему терапию». Правда, знахари обладают некоторыми гигиеническими познаниями, как результат жизненного опыта и вековой наблюдательности, они знают целебные свойства многих трав, о чем интересующиеся найдут подробности в моей диссертации, но с другой стороны, убоги представления народных лечителей об анатомии и физиологии нашего тела. Я согласен с д-ром Г. Поповым, написавшим интересную книгу «о русской народной бытовой медицине», что знахари не умеют отличать дыхательного горла от пищевода, а на месте желудка предполагают сердце. Пищеварение в глазах народа — переработка пищи «парами», ибо у человека много «жару». Совершенно не понимают знахари сущности дыхания, кровообращения, пищеварения. Говорят в селе: «трепещет душа». Смутно представление народа и его врачей о скелете: кожа зарастает мясом, тело держится жилами, под которыми понимают и сухожилия, и нервы, и кровеносные сосуды. Средоточие внутренностей — брюхо-утроба, где центром является сердце. Кровь от бога; она застывает к смерти, порой «мается», «портится», «просится наружу». Предметом особого внимания «шептух» служит «золотник» — беспокойный орган, перемещающийся с места на место, называемый иногда «животом». У женщин это, вероятно, матка, но «золотник» есть и у мужчин, и тогда, как я видел, бабы «підбирають живіт, коли золотник не на місці». Многие женские болезни называются на Украине своеобразно «уразом», «піднимком» и объясняются перемещением «золотника». Великорусские же знахари думают, что «человек на пупу основан» и если «скрюнуло с пупа», или «пуп рассыпался», тогда «правят живот», «накладывают глечики». Повитухи, воображая, что ребенок рождается не в порядке, — «правят» его носик и другие части, парят крошку.

В такой же степени своеобразна, будучи наивна, сбивчива и безтолкова, и знахарская диагностика болезней, а об этиологии и говорить здесь не приходится, так она сумбурна, оригинальна, ибо в народной медицине преобладают суеверные, мистические взгляды на причину и происхождение заболеваний, при чем красною нитью дает себя знать вера в патогенное влияние нечистой силы на человека. Таким образом сложились мифы о демонах болезней и об олицетворении их. Знахари полагают, что одни болезни от бога, как наказание за грехи людей; другие — от черта и его слуг — колдунов и ведьм. Сюда относятся: сглаз, уроки и призоры, порчи, пристрит, переляк и т. п. В связи с такого рода представлениями стоят своеобразные способы

народного самоврачевания, имеющие целью убогатить, обмануть, изгнать, обезвредить демонов болезней, как это описано в моих «Очерках русской народной медицины».

Переходя к рассмотрению причин знахарства, их надо разделить на общие и местные. Мы видели, что знахарство распространено и в просвещенной, культурной Германии. Ломброза пытается объяснить этот факт атавизмом, присущим всем людям, особым инстинктом, побуждающим даже скептика, в случае болезни, верить в чудесные лекарства, в фантастические способы лечения. Хохловкин полагает, что «ни высокое положение в обществе, ни принадлежность к обеспеченным, образованным классам, ни даже талант и гений не гарантируют рациональных понятий в вопросах здоровья, о которых все судят легкомысленно; мистицизм и суеверие присущи всем классам населения, высшим и низшим, образованным и невежественным». Проф. Чиж объяснял успех не-врачей тем обстоятельством, что они обращают большое внимание на «Я» больного, хорошо знают психологию своих пациентов, одушевляют их, терпеливо выслушивают их жалобы. Наконец, причина знахарства обуславливается и тем, что медицина, как наука, пока далека от совершенства, неточна, походит скорее на искусство или ремесло, и часто самые ученые врачи не в силах помочь страждущему. Фактически же знахарство является продуктом капиталистических отношений и вытекающего из них несовершенства врачебно-санитарной помощи трудящемуся населению. Это особенно видно при анализе причин местного свойства.

Местными причинами знахарства на селе, по общепринятому мнению бытописателей, этнографов и медиков, являются: 1) Невежество селян, опутанных суевериями, с которыми народ живет и умирает. 2) Предоставление селян во врачебном отношении самим себе, так как до наших дней в деревнях наблюдается недостаток опытных врачей и хорошо обставленных больниц. 3) Задера усматривал причину знахарства в индифферентизме к своему делу врачей и фельдшеров, а современные врачи видят одну из причин знахарства в недостаточной квалификации молодых медиков, ибо только тогда врач справится на участке со своими задачами, если познает психологию селян и условия их жизни. С таким взглядом я вполне согласен, как и с мнением д-ра Степа, что врачам, не интересующимся вопросом о знахарстве, кажется, будто это печальное явление на селе исчезает. По собственному многолетнему опыту знаю я, что врачу надо быть героем, надо хорошенько изучить условия жизни селян, чтобы заслужить их полное доверие и суметь вырвать больных из цепких знахарских рук. 4) Недостаток медикаментов в сельских амбулаториях несомненно служит также развитию знахарства. Надо отметить, что лозунг «Мы не лечим, а предупреждаем» труднее провести в жизнь в темной деревне, чем в городе. Надо считаться с психологией селян,

которые слепо верят в целебную силу медикаментов, жаждут, просят их побольше, почувствительнее и порой думают, что в лесу растет от каждой болезни своя трава. Селяне не удовлетворяются одними гигиеническими наставлениями и, не различая врача от фельдшера, ищут, заболевши, прежде всего «ліків», а кто их дает, тот и «дохтур» на селе. Оставьте врача без медикаментов, и его пациенты уйдут к знахарям, у которых своя простая, общедоступная аптека, содержащая все, что под рукою, до Dreckapothek² включительно. 5) Бедность, невежество, косность крестьян, их техническое убожество более сближают селянина с знахарем, чем с врачом, ибо первый ближе, понятнее, внимательнее выслушивает селян, гармонирует с ними во взглядах на происхождение и лечение болезней. б) «Дохтура над больными долго валандаются», знахари же обещают скорую помощь, к каковой душою и телом стремится занятый селянин. Украинцы любят бабу-шептуху за то, что она «коло пупа щось пошепче, так у раз тобі й полегше», и великорусские знахари лечат болезни скоро — «как рукой снимают». Но повторяю, главнейшею, основною причиною знахарства на селе является безграмотность, которая обуславливает невежество и суеверие селян, у которых до сих пор остались следы некоторого недоверия к врачу как к быв<шему> барину, «буржую», чиновнику, представителю ненавистного бюрократизма. Станным образом знахарям все безнаказанно сходит с рук, а к врачам народ более требователен и за малейший промах грозит «пропечатать в газетах». С другой стороны, на Украине доверие к шептухам беспредельно. Говорят: «бог з мілостью, а бабка з руками», «бабка походить — всіму ділу пособить». Впрочем, если удастся врачу заслужить доверие селян, то можно услышать и другое мнение, как одна селянка, лечившаяся у шептухи с плохими результатами, говорила: «Звісно, — сто бабів сто лих».

Для полноты характеристики знахарства скажу несколько слов о важнейших способах врачевания «народных лечителей». В арсенале знахарской медицины имеется: 1) Бесчисленное количество эмпирических средств, широкою рукою черпаемых из всех царств природы, особенно из растительного. Путем грубого опыта и вековых наблюдений, передаваемых от поколения к поколению, иногда случайно, или путем заблуждения, народ и его лечители обогатились колоссальной аптекой, из которой врачи извлекли немало ценных препаратов. 2) Наряду с эмпирическими средствами, знахари охотно прибегают к суеверным, мистическим и симпатическим способам и приемам врачевания, среди которых обратили на себя внимание молитвы, заклинания и заговоры. 3) Костоправы и другие представители «народной хирургии» прибегают к помощи всевозможных механических прие-

² Dreckapothek — «нечистотная фармация» (нем.), т. е. лечение экскрементами животных.

мов. Это опасная область народной медицины, послужившая основанием поговорки: «кто лечит, тот и увечит» и «та душа не жива, что по докторам пошла». Достоинно внимания, что в применении суеверных средств дает себя знать стремление знахарей бороться с болезнями влиянием на человека разных демонов, будь это «сестрицы-лихоманки», проблематический червяк в зубах, «волос, що крутить в костях» и т.п. Знахарская медицина, забывая больного и его гигиенические и диетические потребности, по преимуществу борется с нечистым.

Касаясь вопроса о пользе и вреде знахарского врачевания, надо прежде всего сознаться, что в селах, не имеющих опытных дипломированных врачей, знахарство является суррогатом медицины. Заболевший селянин ищет, просит помощи и находит ее у знахарей и шептух, которые «заговаривают болезни», дают в изобилии разные средства и, во всяком случае, успокаивают пациента. Знахари разминают больные места, парят их, «правят», так или иначе, вывихи. Резонно знахари поят лихорадящих квасом, огуречным рассолом и подобными домашними напитками, а кумыс кочевников одобрен врачами. Я уже не говорю о других положительных сторонах народной медицины. Ведь корифеи сердечных средств — ландыши и горіцвіт — заимствованы от народа, как и массаж, гидротерапия, акупунктура и многие другие способы лечения. Но это крупницы, тонущие в громадных наслоениях элементов суеверия и невежества. С другой стороны, не поддаются учету средства и пособия опасные, отрицательные, причиняющие неопишуемый вред объектам знахарей и шептух. Если бы подобрать все печальные случаи знахарской хирургии, получился бы длинный ряд калек и увеченных, потерявших трудоспособность, не говоря уже о летальных исходах. Нелепо, бессмысленно подается первая помощь в несчастных случаях, варварски жестоко приведение в чувства опьяневших. Но самым слабым, безотрадным отделом знахарства является лечение заразных болезней, где поражаешься дикостью нелепых отношений к эпидемиям, незнанием с элементарными требованиями гигиены и диететики, непониманием дезинфекции и изоляции.

В заключение я коснусь мер борьбы со знахарством, вопроса сложного, трудного, требующего полного внимания, хотя над ним уже потрудились многие. Сам я не могу дать исчерпывающего ответа на поставленный вопрос. Это по силам таких учреждений, как здравоотделы с их санитарно-просветительными кабинетами. Поэтому я приведу лишь меры, представляющиеся целесообразными мне лично, и приму во внимание относящиеся сюда замечания товарищей, возражавших мне после моих докладов. Не может быть двух мнений на тот счет, что знахарство, этот пережиток старины, является злом народной жизни, причиняющим неопишуемый вред, врагом, требующим основательного изучения. Если Пироговские съезды врачей,

часто обсуждавшие меры борьбы с знахарством, осуждали полицейские мероприятия против идейных знахарей, то, с другой стороны, все врачи — старые и молодые — единодушно настаивают на декрете, карающем шарлатанов и всевозможных абортмейстеров, самозванных лечителей венеризма и т.п. Напоминаю, что еще в 1902-м году, на международной конференции врачей в Брюсселе по вопросу о борьбе с сифилисом, было постановлено: «Нужен специальный закон, строго карающий знахарей и шарлатанов, лечащих венериков, не имея никаких знаний, и причиняющих громадный вред населению». Такого рода закон уже проектирован во Франции, по предложению комиссии врачей, обсуждавших профилактику венерических болезней.

Наряду с этим надо бороться такими мерами: 1) Знахарство исчезает под влиянием умело проведенных санпросветительных мероприятий, причем сельский врач должен идти в этом отношении рука об руку с народным учителем, подготовленным в достаточной степени, при действительной, энергичной поддержке сознательных членов сельских исполкомов и санитарных комиссий, пока инертных. 2) Здесь необходимы все меры, повышающие культурное состояние селян. 3) Необходимо более основательное преподавание гигиены в трудовых сельских школах и более умелое проведение лекций в сельбудах³, наглядно иллюстрируя чтение картинками, муляжами и т.п. 4) Необходимо привлечь в деревню квалифицированных врачей. В участках, где опытные врачи, знахарство исчезает. Над молодыми несведущими врачами смеются старые фельдшера, нарастает в таких участках число шептух: «Знахарство там крепнет, где слабы мы», признается доктор Ланда и подчеркивает значение диспансеров, консультаций и т.п. учреждений, к сожалению, еще мало распространенных на периферии. 5) Необходимо лучше обставить районные больницы, снабдить их микроскопом и вообще поставить так, чтобы не приходилось часто направлять селян в город. Недостаток медикаментов тоже отшатывает селян от участков. Даже спешное, небрежное изготовление медикаментов вызывает справедливое нареkanie населения, а это умеют использовать знахари. Короче, на сельскую медицину в борьбе с знахарством надо побольше отпускать материальных средств, иначе старый *circulus vitiosus*⁴: «Мы бедны, потому что глупы, а глупы, потому что бедны» — не скоро будет изжит.

³ Сельбуд — от украинского «сільський будинок культури», дом культуры в селе.

⁴ *Circulus vitiosus* — «замкнутый круг» (лат.).

«Изобретая традиции»: метаморфозы фольклорных сюжетов и образов в славянской фэнтези

Один из классиков современной отечественной фантастики, Б.Н. Стругацкий, регулярно повторял на заседаниях своего литературного семинара в Санкт-Петербурге: «Пишите о том, что вы знаете хорошо, либо о том, чего не знает никто». Эта максима стала творческим кредо представителей так называемой «четвертой волны»¹ российской фантастики — авторов, которые пришли в литературу в 1980-х годах и многие из которых были (или считали себя) учениками братьев Стругацких. Причем подобный подход к литературному творчеству не подразумевал каких-либо жанровых или тематических ограничений — сами братья Стругацкие тяготели к социальной фантастике, однако были уверены (опять-таки исходя из комментариев Б.Н. Стругацкого на заседаниях семинара, на которых автору статьи довелось присутствовать в конце 1990-х гг.), что данное утверждение применимо к любой фантастике, равно научной и ненаучной.

Мы отмечаем это обстоятельство потому, что именно представители «четвертой волны» стояли у истоков наиболее популярных тематических направлений в современной российской фантастике, в том числе направления, которое принято называть «славянской фэнтези». Этот термин первоначально использовался как сленговое издательское определение, был подхвачен СМИ, получил распространение среди читателей и сегодня — во всяком случае, с прагматической точки зрения — является общеупотребительным. Если коротко, славянская фэнтези (конечно, корректнее говорить об «условно-славянской») есть совокупность сюжетов, в которых художественно переосмысляются и воспроизводятся топики и сюжетики восточнославянского фольклора, широко используются условно-средневековый восточнославянский исторический контекст и лексические архаизмы и стилизации, а также актуализируется интерес к дохристианской культурной традиции восточных славян. Это направление приобрело популярность с середины 1990-х годов и в известной степени остается востребованным у читателей по сей день; его «фольклорная» основа очевидна, а потому представляется небезынтересным оценить сте-

---

¹ Первая волна — период 1920-х — 1930-х гг.; вторая — 1930-е — 1950-е гг. («фантастика ближнего прицела»); третья — 1960-е — 1970-е гг. Сам термин «четвертая волна» появился как самоназвание группы молодых фантастов 1980-х и был подхвачен читателями и критикой. О периодизации российской фантастики см. работы: [Бритиков 2005], [Володихин 2004], [Геллер 1985], а также публицистическую статью [Байкалов, Синицын 2002].

пень «научности» славянской фэнтези: насколько глубоки познания авторов этого направления в восточнославянском (русском) фольклоре? насколько велика их осведомленность в теориях отечественной фольклористики? какие научные (или, возможно, паранаучные) концепции для них наиболее значимы и почему? наконец, подкрепляют ли они свои тексты авторитетом науки или не утруждают себя поиском необходимых культурно-исторических знаний, предпочитая «свободный полет фантазии художника»?

В 1995 году увидели свет два романа, «инвариантных» для славянской фэнтези, — «Волкодав» М.В. Семенов и «Там, где нас нет» М.Г. Успенского. Принадлежащие перу представителей «четвертой волны», оба эти романа, несмотря на противоположные художественные установки авторов (первый — «героическое» повествование, продолжение традиции позднесоветского исторического романа; второй — роман-пародия, «потешная деконструкция», юмористическое переосмысление популярных фольклорных и литературных сюжетов²), демонстрировали приверженность авторов упомянутому выше принципу братьев Стругацких: и Мария Семенова, и Михаил Успенский писали о том, что хорошо знают. Оба автора приложили немало усилий к изучению конкретного исторического периода и соответствующей этому периоду культуры. Так, М.В. Семенова в интервью отмечала, что при работе над «Волкодавом» и другими произведениями этой тематики для нее «был настольной книгой Рыбаков» [Семенова 2011]³, имея в виду работы академика Б.А. Рыбакова «Язычество древней Руси» (1987) и «Язычество древних славян» (1981). Кроме того, она хорошо знакома с концепцией «основного мифа», предложенной В.В. Ивановым и В.Н. Топоровым [Иванов, Топоров 1974]⁴, и впоследствии опубликовала беллетризованный пересказ этого мифа — «Поединок со Змеем» (1996).

Сюжетная линия «Волкодава» отсылает к стилистике «меча и магии»: единственный уцелевший после нападения врага мальчик из

² О тематических направлениях современной российской фэнтези и о позднесоветском историческом романе см. нашу статью [Королев 2013].

³ В другом интервью М.С. Семенова критиковала коллег-писателей за то, что «даже в воображаемой реальности должны соблюдаться определенные правила, диктуемые самой этой воображаемой реальностью... Да и безграмотность по части мифологии и фольклора встречалась иной раз просто сказочная. Особенно... обидно, что даже отечественные авторы совершенно игнорировали богатейшее русское, славянское наследие» [Семенова 2004].

⁴ Следует отметить, что широкой аудитории (к которой, безусловно, принадлежат и писатели) эта теория известна прежде всего по краткому изложению в энциклопедических изданиях наподобие «Мифов народов мира» или по пересказам ее отдельных положений в научно-популярных (и не совсем «научно-») изданиях.

племени веннов вырастает и, выдержав множество испытаний, становится достаточно сильным, физически и духовно, чтобы приняться за месть. Разыскивая тех, кто заслуживает его мести, он странствует по миру и совершает по необходимости разнообразные подвиги.

Больше всего мир Волкодава получил от условных славян — топонимику и ономастику (Светынь, Глузд, Елень, Жадоба, Лучезар), анимизм (Волкодав кланяется деревьям, «уважая» их духов, — «боги вырезали нас из дерева», и пр.), принципы общественного устройства племени веннов (веннская Правда) и языческие обряды (обряд добывания живого огня, кровное побратимство, различные требы и др.), летучий народ ви́лл с их ездовыми животными-симуранами (этимология явно восходит к богу Симарглу, а описание — к иранской божественной полусобаке-полуптице Сэнмурву)⁵. Да и сама этнонимия («венны») отсылает к историческим вендам, или венетам; в отечественной историографии неоднократно предпринимались попытки сопоставить вендов со славянами (обычно со ссылкой на Иордана, латинских хронистов и на античных историков, вплоть до Геродота, — выстраивалась даже генеалогия «венды — венеды — словены») — вполне вероятно, что М.В. Семенова ориентировалась именно на эту традицию. Примечательно, что сопоставление вендов со славянами обычно происходит в контексте норманистской дискуссии, причем в пользу «вендского генезиса» славян высказываются противники норманизма⁶; более того, в последнее время довод о родстве вендов и славян стал весьма популярен в паранауке [Грот 2013].

Пантеон мира Волкодава отчетливо индоевропейский — во всяком случае, в том виде, в каком этот пантеон описан в работах Б.А. Рыбакова, В.В. Иванова и В.Н. Топорова: Великая Мать (иногда мать-Земля, при этом у веннов общество организовано по принципу матриархата), отец-Небо, Повелитель Грозы (громовник) и его противник Змей. Так, образ Великой Матери очевидно воспроизводит гипотезу Б.А. Рыбакова⁷. Безусловно, М.В. Семенова дополняет образ Великой

⁵ В качестве основных первоисточников для «Волкодава» и популярной энциклопедии «Мы — славяне!» М.В. Семенова указывала работы Б.А. Рыбакова, В.В. Иванова и В.Н. Топорова, В.Я. Проппа; так, симураны как «собако-птицы» и ви́ллы («вилы-русалки») явно взяты автором у Б.А. Рыбакова [Рыбаков 1981, с. 435–437; Рыбаков 1967, с. 91–116].

⁶ Как правило, современные антинорманисты ссылаются на работу [Геденов 1876], где последовательно обосновывается тезис о тождестве вендов и словенов [переиздание 2011 г., с. 49–66]. В частности, аргументы Геденова воспроизводит В.В. Фомин [Фомин 2005, с. 422–438].

⁷ «У земледельческих племен Великая Мать мыслилась, с одной стороны, космогоническим как Прародительница Мира, мать богов и всего сущего, а с другой — как Мать-Земля, Мать-сыра-земля и в силу этого — покровительница урожая» [Рыбаков 1981, с. 401].

Матери в интерпретации Б.А. Рыбакова — в частности, добавляется феминистическая характеристика («Богиня закона и правды»), но в целом автор «Волкодава» следует указанной трактовке этого образа. В мире Волкодава, помимо начатков религии, существует и тотемизм — во всяком случае, у веннов: веннские кланы носят имена прародителей-тотемов, а сам Волкодав ощущает непосредственное родство с прародителем и верит, что после смерти будет держать ответ перед ним в загробном мире: «Хорошим или плохим я был сыном, это я узнаю, когда умру и предстану перед Прародителем Псов».

Отметим, что частые отсылки к славянскому тотемизму, характерные для славянской фэнтези, вероятно, объясняются сложившейся еще в советские годы идеологемой массовой культуры; это идеологема «поиска национальных корней», но в контексте глубины культуры — стремление «проследить» историю предков «до самых истоков» заставляло приверженцев этой идеологемы искать и находить в сохранившихся документальных источниках, будь то летописи, былины или сказки, свидетельства древнейших стадий развития «народного мировоззрения», в частности, поклонения тотемам⁸. Можно вспомнить, к примеру, дискуссию 1970-х годов о слове «медведь» и культе медведя у славян [Наровчатов 1970, с. 25–31, 79–80]. Вдобавок отечественная массовая культура частично восприняла научные идеи — точнее, «выбрала» среди них те, которые могли быть истолкованы как доказательство верности данной идеологемы: например, в упоминавшейся работе «Язычество древних славян» Б.А. Рыбаков подробно останавливается на интерпретации образа медведя в славянском фольклоре и видит в нем отголоски тотемизма [Рыбаков 1981, с. 60–67]. Показательно, что современные неоязычники в своих информационных материалах регулярно цитируют Б.А. Рыбакова и ссылаются на «Язычество древних славян» относительно тотемизма — и на всевозможные паранаучные «исследования», опирающиеся, опять-таки, на работу Б.А. Рыбакова⁹. В общем и целом данная идеологема прочно утвердилась в массовой культуре.

⁸ «Увлеченность» массовой культуры тотемизмом восходит к научной теории, популярной в XX столетии; см., например, монографию С.А. Токарева [Токарев 1964]. Сегодня принято говорить об «обрядях и верованиях, связанных с животными»; см., например, работу А.В. Гуры [Гура 1997].

⁹ См., например, следующие материалы: Тотемизм. Стадии язычества древних славян // Сайт «Мифология славян»: http://www.slavic-myth.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=193:2013-04-20-084451&catid=24:2010-10-30-08-43-13&Itemid=100040; Тотемизм у древних славян // Сайт «Кольцо Славии»: <http://slavya.ru/rings/viewtopic.php?t=3448>; Тотемизм // Сайт «Славянская культура»: <http://slavyanskaya-kultura.ru/forum/thread323.html>.

Что касается М.Г. Успенского, он в своем романе, буквально прочитывая и перетолковывая фразеологизмы, вольно комбинируя фольклорные мотивы и национальные культурные традиции, отдает должное исторической поэтике и теории «бродячих сюжетов», концепциям А.Н. Веселовского, В.М. Жирмунского и В.Я. Проппа; последний даже оказывается одним из персонажей романа: «Кумир был вырезан грубовато, но умело. Поклоняться Проппу стали еще в незапамятные времена, такие незапамятные, что никто и не помнил, что это за Пропп такой и зачем ему следует поклоняться. Много чего знали про Белобога и Чернобога, про Громовика и Мокрую Мокриду... а вот насчет Проппа никто ничего определенного сказать не мог, у него даже жрецов своих не было. Знали только, что он установил все законы, по которым идут дела в мире. Законов тоже никто не помнил, хотя исполнялись они неукоснительно» (явная отсылка к «Морфологии сказки». — К. К.).

«Сказочная» трилогия Успенского, которую открывает роман «Там, где нас нет», посвящена приключениям богатыря Жихаря, по воле князя города Столенград отправляющегося в дальние и полные опасностей походы. По композиции все три романа — типичные квесты, основанные на схеме «пойди туда, не знаю куда; принеси то, не знаю что». Формально главным героем трилогии выступает богатырь Жихарь, олицетворение былинного русского витязя. Сразу оговоримся, что к настоящим былинным персонажам этот богатырь имеет весьма опосредованное отношение; скорее его образ очевидно соответствует стереотипному представлению о былинном витязе в позднесоветской и российской масс-культуре, воспитанной кинематографом, — косяя сажень в плечах, невеликий ум в сочетании с недюжинной силой, пристрастие к пирам и застольям, искренняя готовность сражаться и погибать «за Русь» и при этом демонстративное нежелание считаться с властью в лице князя и приближенных последнего, если те не оказывают богатырю подобающего уважения.

Как читатель и вправе ожидать от текста, стилизованного под фольклор, да еще высмеивающего отечественную псевдогероическую фэнтези, действующие лица романа — не самостоятельные личности, пусть каждый из них и носит собственное имя, а, скорее, типажи. При этом, повторимся, автор широко использует не фольклорные, а литературные и кинематографические источники. О Жихаре говорилось выше; его спутник Яр-Тур (аллюзия на короля Артура и одновременно на эпитет «Буй Тур» из «Слова о полку Игореве») — рыцарь без страха и упрека, куртуазный и справедливый, в любой ситуации принимающий решения, исходя из рыцарского кодекса чести. Другой спутник, монах Лю, — стереотипный китаец (в представлении, почерпнутом из западного кинематографа и приключенческих, в том числе «шпионских» романов): хитроумный, даже коварный, изъясняется весьма

велеречиво, в бою дерется голыми руками и ногами и часто цитирует Конфуция. Эта троица словно списана (разумеется, не буквально) со знаменитой тройки русских богатырей — Ильи Муромца (Яр-Тур), Добрыни Никитича (Жихарь) и Алеши Поповича (Лю), причем снова приходится признать, что эти образы имеют не столько фольклорное, сколько масс-культурное происхождение.

Главный антагонист Мироед — олицетворение коварства, неудачливый искуситель, напоминающий Кощея из советских сказочных фильмов. Все прочие духи и бесы в романе изображены скорее как опасные, но уважаемые соседи, которые всегда не прочь навредить человеку, если тот совершает необдуманные поступки, однако «судят по справедливости», и «если ты к ним с почтением, и они тебя не обидят». Жихарь никогда не пренебрегает обязанностью «уважить» лешего, домового или банника, а с водяным из соседнего со стольным городом озера и вовсе поддерживает почти приятельские отношения. Конечно, он не забывает и почитать богов, от Белобога до Громовика, но «боги далеко, а нечисть-то под боком», поэтому богатырь взывает к богам в ситуациях по-настоящему затруднительных, а с нечистью — к слову, весьма патриотично настроенной — общается по-свойски, исповедуя принцип «услуга за услугу» (подробнее см. [Афанасьева 2009]).

По мере чтения текста Успенского становится ясно, что настоящий главный герой его произведений — псевдофольклорная Древняя Русь, представление о которой сложилось благодаря исторической беллетристике и советскому сказочному кинематографу. Если попытаться сравнить романы Семеновой и Успенского, то мы обнаружим, что их герои из разных миров: мир Волкодава условен исторически, а мир Жихаря — пародийно. Если в первом случае налицо все основания говорить о славянской фэнтези, понимаемой как художественная реконструкция условного прошлого, то в случае втором славянский метасюжет предстает такой же условностью, как и мир, обрисованный в тексте. Не случайно, кстати, издатели ни разу не поместили на обложках книг Успенского слоган «русская фэнтези» или «славянская фэнтези»; эти произведения всегда рекламировались как юмористическая фантастика (или фэнтези).

Упомянутые романы, повторимся, стали «инвариантными» для славянской фэнтези: с «Волкодава» началась «героико-романтическая» линия, позднее продолженная такими авторами, как Л. Бутиков, О.А. Григорьева, Г.В. Романова, Е.А. Дворецкая и др., а роман «Там, где нас нет» породил «игровое», или «карнавальное», направление (произведения Е.Ю. Лукина, А.О. Белянина, О.А. Шелонина и В.О. Баженова и др.). Забегая несколько вперед, отметим, что, к сожалению, «продолжатели» М.С. Семеновой и М.Г. Успенского не считают нужным, за крайне редкими исключениями (например, «Катали

мы ваше солнце» Е.Ю. Лукина), обращаться при работе над своими текстами к фольклорным первоисточникам или к трудам фольклористов (подробнее об этом ниже).

Понадобилось более десяти лет, чтобы «кладовая» славянской фэнтези пополнилась еще двумя произведениями, претендующими на этнографическую достоверность и апеллирующими к фольклорным, историческим и фольклористическим первоисточникам. В 2007 г. были опубликованы повесть О.И. Дивова «Храбр» и «ответ» на нее — роман И.В. Кошкина «Илья Муромец».

«Храбр» основан на былинах об Илье Муромце. Главный герой Ульф (в крещении Илья) Урманин — обрусевший варяг, состоящий на службе у князя. Как дружинник-храбр, Ульф был вынужден креститься вслед за князем, но втайне хранит верность родным языческим богам, а также варяжским представлениям о воинской и мужской чести. Его отличает обыкновение к месту и не к месту проявлять молодецкую удаль, из-за чего он нередко подвергается наказаниям — его то сажают в поруб, то отлучают от службы; да и с князем он не слишком ладит, ибо чересчур независим по характеру. Автор делает несколько фэнтезийных допущений (так, Ульф-Илья — сын обычной русской крестьянки и великана-волота¹⁰, чем объясняются его недюжинная сила и звероподобный облик), но в остальном придерживается канона исторического романа, действие которого разворачивается в условной Киевской Руси времен былинного Владимира Красное Солнышко, на стыке язычества и христианства.

В послесловии к роману Дивов утверждает, что пытался на основе былин, исторических источников и исследований реконструировать мир русского дружинного эпоса. При этом он опирается на такие труды, как «Киевская Русь» академика Б.Д. Грекова и «История русской церкви» академика Н.М. Никольского. В качестве фольклорных источников Дивов называет былины об Илье — «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Сорок калик со каликою» и др. — и ссылается на сборники Кирши Данилова, П.Н. Рыбникова и А.Ф. Гильфердинга. Вообще, формально относясь к фэнтези, роман Дивова тяготеет к истории — точнее, к криптоистории, к рассуждениям о том, «как все было на самом деле в незапамятные времена (а на самом деле все было не так)». В результате былинный Илья Муромец оказывается битым судьбой варягом Ульфом, а Соловей-Разбойник, главный противник Ильи, — реликтовым гоминидом, падким до человечины (можно предположить, что подобная трактовка этого образа навеяна современным фольклором, конкретно — сюжетом о встречах со снежным человеком).

«Храбр» вызвал немалый интерес у поклонников российской фантастики; многие читатели упрекали автора в «уничижении» славян.

¹⁰ Точнее, йотуна, поскольку по происхождению Ульф — скандинав.

И очень скоро был опубликован «патриотический ответ» Дивову — роман И.В. Кошкина. Кошкинский Илья — нисколько не «урманин», а тот самый былинный персонаж, «отсидевший 33 года на печи», и полная противоположность дивовскому Ульфу во всем, кроме недюжинной силы и своевольного характера. Начальная сцена романа, освобождение Ильи из поруба, куда его бросили за «богатырское буйство» (сбивание маковок с церковей), представляет собой очевидную полемику с «Храбром»: Илья не держится особняком и вовсе не нелюдим, он начитан и благообразен внешне, в противовес «волосатому чудовищу» Дивова. Более того, если у Дивова с самого начала текст намеренно суров и мрачен (ср. эпитеты «рыкнули, глухо и недобро», «страшная кисть руки», «князь буравил взором» и т. д.), то экспозиция кошкинского романа столь же намеренно комична: здесь и говорящий конь Бурко, читающий Сунь-цзы, и недотепы-стражники, которых Илья гоняет «за опохмелом», и попытка трех богатырей, Ильи, Добрыни и Алеши, соорудить из половины телеги греческую колесницу.

Впрочем, довольно быстро тон повествования меняется: князь Владимир сообщает Илье, что к Киеву движется войско печенегов, которых ведет Калин-царь, и Илья отправляется созывать богатырей на защиту города. Обиженные на князя, богатыри сначала отказываются, но все же «в урочный час встают за землю Русскую» вместе с киевским ополчением, княжеской дружиной — и отрядом варяжского гостя Сигурда. В сражении под стенами Киева многие богатыри погибают, но сам Илья остается жив и срубает голову Калину, после чего печенеги обращаются в бегство.

В романе Кошкина практически нет магии, неизменного атрибута фэнтези-текстов (разве что «богатырский скак» Бурко через стены и через Днепр), как нет и сверхъестественных существ, помимо Бурко (лишь изредка упоминается о давней победе Добрыни над Змеем Горынычем). Это прежде всего художественная реконструкция «былинной» Руси, тщательно воспроизводящая героический пафос былин и апеллирующая к летописям и историческим исследованиям за доказательствами «русской самостоятельности»: так, один из персонажей романа — кузнец Людота, «коваль настоящего русского меча», согласно выводам А.Н. Кирпичникова [Кирпичников 1966, с. 40–43; Androshuk 2003, с. 15–25] (у Дивова Ульф, разумеется, вооружен скандинавским клинком). Отметим, кстати, что в романе активно действуют или хотя бы упоминаются основные былинные богатыри русского эпоса, от Никиты-Кожемяки и Дуная до Чурилы Пленковича и Данилы Ловчанина. Варяги у Кошкина, как уже упоминалось, — лишь торговые гости, не брезгающие разбоем, а византийские монахи, которых Дивов, ссылаясь на монографию Г.Г. Литаврина «Византия, Болгария, Древняя Русь», рисует «серыми кардиналами», в романе

выведены полностью обрусевшими: они ревностно «окормляют» народ, вместе с воинами сражаются против печенегов, судят «по справедливости и правде», и не удивительно, что таких священников Русь охотно принимает, а Илья в финале романа удаляется в «Печерский монастырь» (имеется в виду Киево-Печерская лавра, в которой хранятся мощи святого преподобного Илии Муромца¹¹).

Обращает на себя внимание «заочная» художественная полемика по «варяжскому вопросу» между авторами вышеназванных романов; перед нами — продолжение дискуссии норманистов (Дивов) и антинорманистов (Кошкин). При этом некорректно заявлять, что О.И. Дивов целиком принимает норманистскую точку зрения на происхождение русской государственности, — он особо указывает, следуя аргументам Б.Д. Грекова, что «варяги только собрали Русь», на территории которой «уже сложилась государственность». С другой стороны, для И.В. Кошкина даже такой «умеренный» норманизм выглядит неприемлемым: его варяги — наемники на службе у князя, прежде — разорители, а вовсе не собиратели «исконно русских» земель. Отметим, кстати, что роман Кошкина оказался едва ли не первым за десятилетие развития славянской фэнтези «сугубо антинорманистским» литературным произведением — большинство авторов, так или иначе затрагивавших в своих книгах «варяжский вопрос», придерживаются норманистских воззрений (для книг О.А. Григорьевой и Е.А. Дворецкой, в частности, любительская литературная критика даже предложила определение «славяно-скандинавская фэнтези»¹²); необходимо указать, что, как правило, «норманистская» фэнтези опирается не столько на научные концепции, сколько на представления о норманизме, бытующие в массовом сознании: показательны в этом отношении романы А.Д. Прозорова из цикла «Ведун», герой которого путешествует по дохристианской Руси, — князья и волхвы (!) на Руси носят скандинавские имена, варягов опасаются, но «крепко уважают», однако все «подлинные» варяги, встречающиеся герою, рисуются «нищими разбойниками», наемниками русских купцов.

Рассуждая об этнографической достоверности художественных текстов славянской фэнтези, нельзя не отметить, что представители «четвертой волны» российской фантастики, чьи произведения анализировались выше, в своих интервью относительно «источников вдохновения» практически не упоминают о трудах основоположников отечественной фольклористики — Ф.И. Буслаева, А.С. Фаминцына (на

¹¹ Об отождествлении былинного Ильи Муромца и киевского святого см. статью «Илья Муромец» в Православной энциклопедии [Лопухина, Флоря 2009, с. 307–315].

¹² См., например, обсуждение на форуме библиографического портала «Лаборатория фантастики»: <http://fantlab.ru/work131189>.

которого в своих работах много ссылался Б.А. Рыбаков) и др. Особенно удивляет «пренебрежение» к богатейшему материалу, собранному А.Н. Афанасьевым в «Поэтических воззрениях славян на природу»: казалось бы, столь «фольклорное» по сути литературное направление, как славянская фэнтези, прямо-таки заставляет авторов обращаться к работе А.Н. Афанасьева как к первоисточнику — однако этого не происходит (но при этом само имя А.Н. Афанасьева в писательских интервью встречается достаточно часто; о причинах подобного см. заключительную часть статьи). Возможно, для М.В. Семеновой, О.И. Дивова и И.В. Кошкина фундаментальный труд А.Н. Афанасьева не представляет особого интереса, поскольку эти авторы сосредотачиваются в основном на реконструкции условно-исторического, а не культурного контекста языческой эпохи¹³. Также возможно, что на их отношении сказывается, вольно или невольно, «школьная» снисходительность к устаревшей и опровергнутой научной теории и «мифологической школе» в русской фольклористике (хотя та же Мария Семенова включила работу А.Н. Афанасьева в библиографию своей популярной энциклопедии «Мы — славяне!» — наряду с такими паранаучными поделками, как «Песни птицы Гамаюн», «Звездная книга Коляды» и др.). Только М.Г. Успенский, тексты которого значительно более, чем у других авторов, насыщены фольклорными реминисценциями, называет А.Н. Афанасьева среди тех ученых, чьи работы использует при написании книг: «Я подхожу к делу основательно — Александр Афанасьев, Федор Буслаев... Александр Веселовский, Владимир Пропп, Елеазар Мелетинский, Люсьен Леви-Брюль, Клод Леви-Строс... Словари — Владимир Даль, Измаил Срезневский, Макс Фасмер... Оттого и пишу подолгу, что готовлюсь помногу. Иначе мне неинтересно» [Успенский 2007].

В этом же интервью М.Г. Успенский называет в числе своих источников еще два имени, упоминание которых доказывает, что для массовой культуры не существует разницы между научными, «нестрогими» и откровенно паранаучными источниками, значение имеет только ценность того или иного текста в массовой культуре. В одном ряду с А.Н. Афанасьевым, В.Я. Проппом и К. Леви-Стросом он называет Ю.П. Миролубова, «автора» (или «первооткрывателя») «Велесовой книги», а к составителям нормативных словарей причисляет А.И. Солженицына — как автора «Русского словаря языкового расширения». Учитывая популярность такого «синтетического» подхода среди писателей, в пору даже говорить о приверженности паранауке, которая проявляет себя в моделях и идеологемах, используемых при построении сюжетов, в выборе типажей и персонажей, наконец, в об-

¹³ О «пересоздании» А.Н. Афанасьевым славянской мифологии см. в работе [Топорков 1997, с. 151–235].

ращении к источникам, санкционирующим и легитимизирующим, по мнению авторов, данные концепции. В особенности это верно в отношении славянского язычества — здесь выстраивается целый ряд авторитетов, чьи теории авторы славянской фэнтези используют в качестве отправной точки для реконструкции в своих книгах «настоящей славянской магии» и «настоящего славянского пантеона». В результате массовый читатель, убежденный ссылками на авторитеты, начинает воспринимать паранаучную картину мира как реальную историю, вследствие чего в массовом сознании мало-помалу формируется образ «истинного» прошлого.

В качестве наиболее показательного примера приведем общественную дискуссию о «Велесовой книге». Отсылки к «Велесовой книге» и прямые цитаты из нее и из аналогичных произведений можно обнаружить в том числе в романах «королевы славянской фэнтези» М.В. Семеновой. Учитывая популярность произведений М.В. Семеновой, не удивительно, что славянская фэнтези во многом эволюционирует именно в паранаучном духе. И цикл о Владигоре Л. Бутякова, и романы О.А. Григорьевой, и цикл о Властимире Г.В. Романовой, не говоря уже о тетралогии «Гиперборея» Ю.А. Никитина и его многотомной эпопее о Троиخ из Леса (с подробными экскурсами в историю и мифологию Гипербореи — дохристианской, даже доисторической Руси; один из персонажей по ходу действия превращается из скифа в бога Сварога), — все эти произведения широко используют теории и гипотезы паранауки.

Так, Ю.А. Никитин в романе «Князь Рус» (1998, первый роман цикла «Гиперборея») обращается к «скифской» теории происхождения славян академика Рыбакова и увязывает эту теорию с «нордической» теорией Н.Р. Гусевой [Гусева 1998]: молодой «княжич» Рус, потомок великого царя Пана (!), ведет своих спутников на север, где «стена льда с версту в высоту, а в длину — до самого края мира». В этом северном краю обитает дикий народ с библейскими именами, в преданиях которого упоминается о Яфете, Аврааме и Саре (видимо, иудеи или хазары). После множества сражений Рус и его спутники оседают в Гиперборее, откуда позднее, в IX столетии, их потомки несут просвещение в земли восточных славян (роман «Ингвар и Ольга», 1998). Родство с северянами-гиперборейцами обнаруживает и венн Коренга, герой романа М.В. Семеновой «Там, где лес не растет» (2007), действие которого разворачивается в мире Волкодава; более того, пес, спутник Коренги, оказывается не кем иным, как крылатым Смарглом.

Ряд идеологем «Велесовой книги» сегодня используется уже как стереотип массовой культуры. Например, В.Ю. Панов, автор цикла романов «Тайный город», сюжетно и тематически никак не связанного со славянской фэнтези, дает имя «Навь», восходящее к триаде

«Явь — Правь — Навь» из «Велесовой книги»¹⁴, одному из Великих Домов Тайного города. Любопытно, что Правь в некоторых художественных и во многих публицистических «родноверских» текстах истолковывается не как закон, установленный богами и исполняемый людьми, наподобие Веннской Правды в мире Волкодава, а как само небо, элемент трехчастной структуры мира.

Из той же «Велесовой книги» в массовую литературу проник и Велес как бог ремесла и этических ценностей («правды»). Образ «скотьего бога» Велеса в славянской фэнтези вообще приобрел множество характеристик, так или иначе связанных с гипотетической реконструкцией В.В. Ивановым и В.Н. Топоровым «основного мифа» [Иванов, Топоров 1982, с. 227]. Так, в цикле Е.А. Дворецкой «Князья леса» Змей-Велес охраняет похищенную им богиню весны Лелю (здесь «основной миф» пересекается с гипотезой «Фаминцына–Рыбакова» о присутствии в древнеславянском пантеоне богинь Лады и Лели [Рыбаков 1981, с. 393–408]), а впоследствии сражается за нее в ритуальной битве с Перуном. В романе О.А. Григорьевой «Колдун» Велес противостоит Христу и препятствует крещению Руси. Кроме того, Е.А. Дворецкая вводит в пантеон славянской фэнтези женскую ипостась Велеса — Велу, «Хозяйку Подземной Воды» и супругу Велеса. А в цикле О.А. Шелониной и В.О. Баженова «Ликвидатор нулевого уровня» Велес предстает в образе деревенского сторожа с ружьем, который охраняет путь к христианскому раю (!) и регулярно спасает главного героя от необдуманных поступков (почему этот персонаж носит имя Велеса, «древнего славянского бога», как сказано в тексте, и для чего авторам понадобилось ввести в повествование эту фигуру, из сюжета понять невозможно).

Помимо «Велесовой книги», авторы славянской фэнтези обращаются к таким текстам, как «исследования» М.Л. Серякова, В.А. Чудинова, В.Н. Демина и других представителей отечественной паранауки. Кроме того, некоторые авторы опираются при конструировании своих вымышленных миров на манифесты и сочинения неоязычников-родноверов. В частности, Е.А. Дворецкая в интервью сообщила, что в трактовке славянского язычества следует работам волхва Велеслава (И.Г. Черкасова)¹⁵, руководителя Русско-Славянской Родно-

¹⁴ В интерпретации Ю.П. Миролюбова (см. [Творогов 1990, с. 245]). В «триаде» Панова Навь как «темный», «демонический» Великий Дом в его текущем состоянии противопоставляется Чуди (рыцарство, огонь) и Люди (феминизм, природа), в прошлом же он противостоял асурам (свет, Правь) и татам (сила, Явь); кроме того, в текстах романов о Тайном городе регулярно упоминается некий «Ключ Трех Рас» (без объяснения) — снова отсылка к трехчастной структуре вымышленного мира.

¹⁵ Онлайн-интервью с Елизаветой Дворецкой // Мир фантастики: <http://forum.mirf.ru/showthread.php?t=4722>.

верческой Общины «Родолюбие». Следование Велеславу — который сам во многом следует Б.А. Рыбакову, к примеру, в описании функций Мокоши, Велеса и других божеств — проявляется у Дворецкой и в представлении языческого условно-славянского пантеона (от Рода до Сварожича и Стрибога), и в не менее условном славянском календаре (дни Велеса, дни Макоши и т. д.), в описании обрядности («славы» в честь различных божеств), социальной организации (родовые общины, «старцы»-управители и т. п.) и даже принципов магии и демонологии (один из персонажей романа «Огненный волк» превращается после гибели в упыря, потому что «презирал Родовой Искон» [Велеслав 2008, с. 31]).

Роман Р.В. Злотникова «Собор» тоже многим обязан паранаучным теориям и родноверским манифестам, а также существующим в массовой культуре представлениям о древнерусской жизни, в том числе — почерпнутым из советских исторических романов наподобие «Руси изначальной» В.Д. Иванова. Так, социальная организация условно-славянского общества, система политических отношений, организация и инфраструктура «пограничного контроля» у Злотникова совершенно очевидно опираются на «Русь изначальную», где в качестве опорных пунктов противостояния Степи упоминаются «слободы», возникшие якобы в древнейшие времена. Кроме того, Р.В. Злотников весьма свободно комбинирует языческие пантеоны по общему признаку «славянства» (Перун, Род, Триглав), объединяет поклонение языческим божествам и тотемизм, элементы родоплеменной и раннефеодальной организации общества. В целом подобное «смешение» представлений о «праистории», в которой разворачиваются сюжеты славянской фэнтези, свойственно большинству произведений данного суб-поля массовой литературы.

В этой связи уместно вспомнить результаты мини-опроса, который мы проводили среди отечественных авторов на Конгрессе фантастов России «Странник» в 2002 г.: было опрошено 20 человек, из них лишь четверо — М.Г. Успенский, О.И. Дивов, Е.Ю. Лукин и Э.В. Геворкян — подтвердили, что знакомы с основными научными и популярными исследованиями по славянской мифологии и фольклору: все четверо назвали «Поэтические воззрения славян на природу», работы А. Коринфского «Народная Русь» и «Нечистая, неведомая и крестная сила» С.В. Максимова, исследование Э.В. Померанцевой «Мифологические персонажи в русском фольклоре», монографии Б.А. Рыбакова; кроме того, М.Г. Успенский и О.И. Дивов упомянули, что изучали некоторые работы Д.К. Зеленина, в частности, «Восточнославянскую этнографию», и работы В.Я. Проппа, прежде всего «Исторические корни волшебной сказки». Остальные же 16 человек (всего в Конгрессе принимали участие около 60 писателей-фантастов, среди них имели на момент опроса опыт написания фэнтези-текстов не более трети) со-

общили, что никаких специальных работ не читали и не планируют.

Поскольку это исследование проводилось достаточно давно, то специально для настоящей статьи мы провели еще один опрос среди отечественных писателей-фантастов, представляющих «четвертую» и «пятую» волны в российской фантастике («пятой волной» условимся считать поколение авторов, публикующихся с середины 1990-х годов). В опросе участвовали 29 человек, которые ответили на 4 вопроса; опрос проходил в феврале-марте 2014 г.

Вопрос 1. *«Приходилось ли вам при работе над своими текстами обращаться к трудам отечественных фольклористов?»* Положительно ответили 27 человек (93% опрошенных), отрицательно — всего 2¹⁶.

Вопрос 2. *«Если да, то кто из перечисленных российских фольклористов оказался для вас наиболее ценным источником информации?»* Было предложено выбрать из списка вариантов, и ответы распределились следующим образом:

Афанасьев А.Н. — 19

Пропп В.Я. — 18

Рыбаков Б.А. — 9

Веселовский А.Н. — 3

Потебня А.А. — 2

Буслаев Ф.И. — 2

Иванов В.В. и Топоров В.Н. — 2

Зеленин Д.К. — 1

Путилов Б.Н. — 1

Толстой Н.И. — 1

Богатырев П.Г. — 0

Пятеро опрошенных выбрали вариант «Другое», но не указали, кто именно.

Вопрос 3. *«Вы согласны, что авторы славянской фэнтези (или литературных произведений с “национальным” колоритом) должны иметь хотя бы общее представление о первоисточниках?»* Было предложено выбрать из списка вариантов, и положительные ответы распределились следующим образом:

— былины — 27;

---

¹⁶ Отметим, что среди авторов отечественной фэнтези большинство составляют те, кто не получил гуманитарного образования: М.В. Семенова, В.Ю. Панов, О.А. Шелонин заканчивали инженерные институты, А.Г. Лазарчук — врач, Р.В. Злотников — профессиональный военный, В.О. Баженов — торговый специалист, О.А. Григорьева — спортсменка, И.В. Кошкин — выпускник МФТИ, А.Д. Прозоров — программист, Г.В. Романова окончила сельхозинститут, Ю.А. Никитин и А.О. Белянин пришли в литературу без высшего образования. Гуманитарное образование среди тех, чьи произведения анализируются в статье, имеют только М.Г. Успенский, О.В. Дивов (оба журналисты, у Дивова незаконченное), Е.Ю. Лукин и Е.А. Дворецкая (оба филологи).

- пословицы и поговорки — 25;
- сказки — 26;
- «Слово о полку Игореве» — 24;
- летописи — 22;
- этнографические исследования советского периода — 16;
- воинские повести («Повесть о разорении Рязани Батыем», «Задонщина» и др.) — 15;
- этнографические исследования XIX — начала XX столетия — 15;
- современные этнографические исследования — 14;
- авантурные романы («Повесть о Бове Королевиче», «Александрия» и др.) — 13;
- жития святых — 11;
- популярные и беллетризованные пересказы фольклорных первоисточников (В.И. Даль, А. Коринфский, С.В. Максимов и др.) — 10;
- подделки в области славянских древностей (И.П. Сахаров, «Велесова книга», «Песни птицы Гамаюн» и т. п.) — 10;
- родноверские / неоязыческие тексты — 4;
- популярные паранаучные руссоцентричные концепции (Е.И. Класен, В.И. Ламанский, В.А. Чудинов, М.Л. Серяков, Н.Р. Гусева, М.Н. Задорнов, А.Т. Фоменко и др.) — 4.

Вопрос 4. *«Согласны ли вы с утверждением, что в изучении первоисточников нет необходимости — вполне достаточно популярных представлений о русской старине, бытующих в современной культуре?»*

Большинство опрошенных считают, что изучать первоисточники необходимо, поскольку «популярные представления — чаще всего развесистая клюква», «даже фантастика должна быть обоснованной, а не взятой с потолка» и «надо разрывать этот порочный круг: бытующие представления не сами собой складываются, а подпитываются ошибками безграмотных авторов, а затем новые поколения писателей питаются этим вторичным продуктом, и повторенная двадцать раз ахинея превращается в общеизвестную истину».

При этом высказывались и противоположные мнения, как то: «Зависит от целевой аудитории книги. Если автор хочет зарядить легкое чтиво в массовую аудиторию — пройти по верхам достаточно. Если нет — то изучение фольклористики необходимо»; «Да, если речь идет о художественной литературе. Я закрою глаза на что угодно, кроме картонных персонажей... Как распорядиться полученным знанием, автор решает сам в зависимости от поставленной задачи»; и даже «Если это фэнтези, то автор вправе моделировать его согласно своей фантазии».

Какие выводы можно сделать из этого опроса и сопоставления полевых исследований 2002 и 2014 годов? На наш взгляд, основных

выводов три — и все они отражают текущее состояние российской массовой культуры, влиянию которой равно подвержены читатели и авторы славянской фэнтези.

Во-первых, выбор фольклорных первоисточников для творчества очевидно определяется предпочтениями массового читателя: писатели обращаются к тем образцам культурного наследия, которые известны (в рамках школьной программы) широкой читательской аудитории, — былинам, сказкам, «Слову о полку Игореве». Общий культурный багаж писателя и читателя в определенной степени гарантирует успешность коммуникации: читатель ожидает найти в текстах славянской фэнтези сюжеты и образы, знакомые ему по перечисленным первоисточникам¹⁷, и автор стремится оправдать эти ожидания. Разумеется, подобный подход совершенно не исключает авторской интерпретации классических фольклорных сюжетов и авторского «произвола» в использовании и комбинировании фольклорных образов, но эти сюжеты и образы все равно остаются узнаваемыми — во всяком случае, в рамках стереотипных представлений о славянской мифологии и русском фольклоре, сложившихся и бытующих в массовой культуре. Иными словами, действуя в «пространстве возможного», то есть в рамках «аккумулированного коллективным трудом наследия» (П. Бурдые), авторы ориентируются на «специфический код поведения и выражения», который и определяет «конечный репертуар возможных ходов и решений» [Бурдые 2005, с. 431].

Во-вторых, обращает на себя внимание «избирательность» авторов славянской фэнтези в отношении фольклористических исследований. Как представляется, эта «избирательность» тоже определяется в значительной степени влиянием массовой культуры. Более 60% опрошенных указали, что изучали работы А.Н. Афанасьева и В.Я. Проппа; на наш взгляд, столь существенный перевес в пользу этих имен и трудов перед остальными объясняется тем, что «Поэтические воззрения славян на природу», пропповские исследования и сами имена А.Н. Афанасьева и В.Я. Проппа сделали в современной российской культуре элементами «джентльменского набора» автора славянской фэнтези. На основании изучения немалого числа художественных текстов и личных бесед с многими авторами славянской фэнтези рискнем выдвинуть предположение, что имя А.Н. Афанасьева в опросе 2014 года упоминается так часто лишь потому, что к

¹⁷ Нередко эти ожидания формируются даже не указанными первоисточниками, а их современными адаптациями, в первую очередь — кинематографическими. О влиянии советского и постсоветского сказочного кино на славянскую фэнтези см. нашу статью в журнале «Русская литература», о которой упоминалось выше.

«Поэтическим воззрениям славян на природу» неизменно апеллирует «фэндом» (неформальное сообщество поклонников фантастики вообще и славянской фэнтези в частности¹⁸): читательский спрос вынуждает авторов демонстрировать свою осведомленность, реальную или мнимую, в этом вопросе. Что касается В.Я. Проппа, на тех же основаниях допустим, что его имя среди авторов славянской фэнтези популяризировал М.Г. Успенский, в трилогии которого о богатыре Жихаре герои неоднократно приходят к «кумиру дедушки Проппа» — чтобы умилистить этого кумира, нужно рассказать ему «новеллу али устареллу» или хотя бы «волыну» («Волына вроде бы похожа на устареллу или новеллу, только длинная и скучная»). Отметим, что и многие читатели узнали (и продолжают узнавать) о В.Я. Проппе именно из романов Успенского: до сих пор на литературных форумах в Интернете встречаются вопросы наподобие «А что это за Пропп, о котором Успенский пишет?»; ответы на эти вопросы варьируются достаточно широко (самые любопытные, какие нам попались, — «советский философ», «придумал формулу сказки» и «комиссар НКВД»)¹⁹, однако показателен читательский интерес.

В-третьих — и это главное, — ответы на вопросы анкеты 2014 г., вкупе с анализом самих художественных текстов, позволяют заключить, что авторы славянской фэнтези, декларируя на словах приверженность изучению фольклорных и фольклористических источников по теме, в действительности не столько следуют традиции, подкрепленной научным авторитетом, сколько эту традицию изобретают — в том смысле, который вкладывал в термин «изобретение традиции» Э. Хобсбаум: «...процесс формализации и ритуализации», связь которого «с историческим прошлым по большей части фиктивная» [Хобсбаум 2000, с. 48]. К этому побуждают, с одной стороны, сами принципы функционирования культурного производства в условиях массовой культуры, когда предложение диктуется спросом, а границы этого спроса формируются уровнем коллективного знания (и коллективной потребности в конкретном знании) — если, упрощая, читателю достаточно присутствия в тексте таких персонажей, как Кощей, баба-яга или древнерусский витязь, каковы бы ни были их функции, чтобы отнести то или иное произведение к славянскому фэнтези, у писателя просто нет необходимости в сколько-нибудь тщательном

¹⁸ С 1983 г. по настоящее время труд А.Н. Афанасьева переиздавался, в виде репринта и в современной орфографии, 17 раз, целиком и фрагментарно. См. статистику переизданий в каталоге интернет-гипермаркета «Озон» (база которого наиболее полно отражает состояние современного российского книгоиздания): <http://www.ozon.ru/person/250330/?sort=year#detf>.

¹⁹ См., например: <http://www.psihologia.net/forum/viewtopic.php?p=1641&sid=171d0c2e07e556ca23ba3139663bef67>; <http://www.dragonlance.ru/forum/index.php?showtopic=2872&st=20&p=586563&>; <http://forum.mirf.ru/showthread.php?t=1085>.

изучении первоисточников и соблюдении этнографической достоверности; с другой стороны, писатели все же чувствуют себя в некоторой степени обязанными выполнять предварительные изыскания, подбирая фактический материал для художественных текстов²⁰, — и при этом не проводят различия между научными и паранаучными источниками, равно свободно используя те и другие, если того требуют творческие задачи конструирования литературного мира. В результате читатель получает культурный продукт, художественно пересоздающий прошлое национальной культуры; а следствием «формализации и ритуализации» (или «банализации», в терминологии П. Бурдые) является возникновение «изобретенной традиции», доминирующей сегодня в славянской фэнтези.

Литература и источники

Афанасьева 2009 — *Афанасьева Е.А.* Интерпретация легенд о короле Артуре в славянской фэнтези (На материале романов М. Успенского о Жихаре) // Профили: Зарубежная филология в гуманитарном дискурсе. Петрозаводск, 2009. С. 225–236.

Байкалов, Сеницын 2002 — *Байкалов Д.Н., Сеницын А.Т.* Волны (итоги года как итоги века) // Фантастика-2002. М., 2002. Вып. 2. С. 508–535.

Бритиков 2005 — *Бритиков А.Ф.* Отечественная научно-фантастическая литература (1917–1991 годы). СПб., 2005. Кн. 2. Некоторые проблемы истории и теории жанра.

Бурдые 2005 — *Бурдые П.* Поле литературы // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 22–87.

Велеслав 2008 — *Волхв Велеслав.* Книга Родной Веры. М., 2008.

Володихин 2004 — *Володихин Д.М.* Четвертая волна: анатомия творчества // Четвертая волна отечественной фантастики. М., 2004. С. 5–28.

Гедеонов 1876 — *Гедеонов С.А.* Варяги и Русь. СПб., 1876.

Гедеонов 2004 — *Гедеонов С.А.* Варяги и Русь. М., 2004.

Геллер 1985 — *Геллер Л.М.* Вселенная за пределом догмы: Размышления о советской фантастике. London, 1985.

Грот 2013 — *Грот Л.П.* Прерванная история русов: Соединяем разделенные эпохи. М., 2013.

Гура 1997 — *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.

---

²⁰ По крайней мере, это справедливо для представителей «четвертой волны»; даже беглое знакомство с текстами представителей «пятой волны» показывает, что авторы этих текстов целиком и полностью ориентируются на стереотипы массовой культуры, фактически игнорируя первоисточники (см., например, произведения С. Бадея, В. Леженды или Е. Звездной).

- Гусева 1998 — Гусева Н.Р. Русские сквозь тысячелетия. Арктическая теория. М., 1998.
- Иванов, Топоров 1974 — Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
- Иванов, Топоров 1982 — Иванов В.В., Топоров В.Н. Велес // Мифы народов мира. В 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 227.
- Кирпичников 1966 — Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. М.; Л., 1966. Вып. 1: Мечи и сабли. IX–XIII вв.
- Королев 2013 — Королев К.М. Жанр фэнтези в России: предыстория и мета-сюжет // Русская литература. 2013. № 2. С. 243–258.
- Лопухина, Флоря 2009 — Лопухина Е.В., Флоря Б.Н. Илия Муромец // Православная энциклопедия. Под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М., 2009. Т. XXII. С. 307–315.
- Наровчатов 1970 — Наровчатов С.Г. Необычное литературоведение. М., 1970.
- Рыбаков 1967 — Рыбаков Б.А. Русалии и бог Семаргл-Перепплут // Советская археология. 1967. № 2. С. 91–116.
- Рыбаков 1981 — Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.
- Семенова 2004 — Семенова М.В. Интервью официальному сайту Марии Семеновой: <http://www.semenova.ru/inter2004.php>.
- Семенова 2011 — Семенова М.В. Интервью газете «Невское время», 19 сентября 2011 г. Источник: Официальный сайт газеты «Невское время» — URL: <http://www.nvspb.ru/stories/mariya-semenova-do-konca-sveta-vypushchu-poslednego-volkodava-46372>.
- Творогов 1990 — Творогов О.В. Влесова книга // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1990. Т. 43. С. 170–254.
- Токарев 1964 — Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1964.
- Топорков 1997 — Топорков А.Л. Теория мифа в русской филологической науке XIX века. М., 1997.
- Успенский 2007 — Успенский М.Г. Интервью корреспонденту сетевого информационного портала SamPressa.ru, 3 июля 2007 г. Сетевая версия: <http://sampressa.ru/39/22003/>.
- Фомин 2005 — Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005.
- Хобсбаум 2000 — Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62.
- Androshuk 2003 — Androshuk F. The “Ludota Sword”. (An Episode of Contacts Between Britain and Scandinavia in the Late Viking Age) // Ruthenica. 2003. № 2. P. 15–25.

**«Изобретая традиции»:
метаморфозы фольклорных сюжетов и образов
в славянской фэнтези**

В статье анализируется ситуация в современной российской массовой литературе, возникшая благодаря широкому общественному интересу к историческому прошлому русского народа и, как следствие, к мотивам, сюжетам и образам русского фольклора. На примере ряда произведений так называемой славянской фэнтези доказывается, что в массовой литературе фольклористическая достоверность не имеет принципиального значения. Фактически происходит изобретение новой псевдоисторической традиции, которая постепенно закрепляется в массовом сознании.

Ключевые слова: массовая литература, фольклор, славянская фэнтези, традиция, современная российская беллетристика, фантастика, фэнтези, фольклористика, Пропп, Афанасьев, патриотизм, история России.

**«Inventing a Tradition»:
Transformations of Folklore Plots and Characters in the Slavic Fantasy**

The paper analyzes the situation in contemporary Russian mass literature, which owes much to the wide public interest in the historical past of the Russian people and in the motives, plots and characters of Russian folklore. The so-called Slavic fantasy proves that in popular literature, folkloristic authenticity is not critical. In fact, there is an invention of a new pseudo-historical tradition that gradually strengthens itself in the mass consciousness.

Keywords: popular literature, folklore, Slavic fantasy, tradition, contemporary Russian fiction, folkloristics, Propp, Afanasyev, patriotic model, Russian history.

ИЗ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ

Письма В.В. Каллаша к А.Н. Веселовскому

(вступительная статья, подготовка текста
и комментарии Т.В. Говенько)

Владимир Владимирович Каллаш родился 1 (13) марта 1866 г. на хуторе Якубовка в Черниговской губернии (ныне Украина) в дворянской семье. После окончания в 1887 г. Киевского университета св. Владимира он перевелся на третий курс исторического отделения историко-филологического факультета Московского университета. Переезд в Москву был очень важен для Каллаша. Несмотря на бытовые и житейские проблемы, молодой человек с энтузиазмом включился в работу Этнографического отделения Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, которое с 1881 г. возглавлял В.Ф. Миллер. Собственно говоря, именно ради него, Миллера, он и перебрался в Москву. Будучи историком, Каллаш разделял взгляды патриарха «исторической школы» в фольклористике и мечтал написать собственное сравнительно-историческое исследование о былинах (см.: Письмо 19). В 1889 г. В.В. Каллаш даже опубликовал несколько заметок, как он выражался — «пустил несколько пробных шаров полубиблиографического свойства: авось интересующиеся былевым эпосом выскажутся по поводу интересующих меня частных вопросов и дадут мне возможность проверить и расширить свою точку зрения» (см.: Письмо 17). Трудно сказать, что стало главной причиной — критика или состояние былиноведения в целом, но вскоре Каллаш почувствовал разочарование в своих занятиях и увлекся новейшей литературой¹.

После окончания университета он поступил на должность преподавателя русского языка и словесности Московского Александро-Мариинского института благородных девиц. Также, в разные годы, Каллаш преподавал в Практической академии коммерческих наук, в Московском училище ордена св. Екатерины, на кафедре истории русской литературы Московского университета. Активно сотрудничал с такими изданиями, как «Русская мысль», «Русский архив», «Русский филологический вестник», «Киевская старина», «Живая старина», стоял у истоков журнала «Этнографическое обозрение» (этот факт хорошо освещен в настоящей переписке). В.В. Каллаш был блестящим историком, литературоведом, библиографом. К сожалению, его труды в области фольклора, этнографии, русской и украинской литературы, отечественной истории до сих пор не оценены по

---

¹ Подробнее о фольклористических разысканиях В.В. Каллаша см. в статье С.П. Сорокиной [наст. изд., с. 427–430].

достоинству, идеи и задумки ученого не осмыслены должным образом, а ведь эрудицией и проницательностью Каллаша не раз восхищался сам А.Н. Веселовский. Вдумчивого прочтения заслуживают «мелкие этнографические заметки» В.В. Каллаша, «догадки и соображения» о «Слове о полку Игореве», гипотезы о «положении стариков в первобытном обществе». Большую ценность для литературоведения представляют подготовленные им собрания сочинений И.А. Крылова (СПб., 1904–1905, т. 1–4), А.Н. Радищева (М., 1907, т. 1–2), М.Ю. Лермонтова (М., 1914–1915, т. 1–6), сочинения и письма Н.В. Гоголя (СПб., 1907–1909, т. 1–9). Не утратили своего значения юбилейные сборники «Puschkiniana» (Киев, 1902–1903, вып. 1–2), «Двенадцатый год в воспоминаниях и переписке современников» (М., 1912) и «Три века. Россия от Смуты до нашего времени: Исторический сборник к 300-летию царствования дома Романовых» (М., 1912–1913). Одним из первых В.В. Каллаш дал полный и объективный обзор украинской литературы («К истории малорусской литературы 20-х и 30-х годов XIX века». Киев, 1900–1901), писал он и об истории русского народного театра, и об истории российской журналистики.

Отзывчивость и открытость В.В. Каллаша, его щедрость и чуждая всякого честолюбия и славолубия натура позволяли ему легко и быстро сходиться с людьми, преданными искусству и науке. Он дружил с А.П. Чеховым, В.Я. Брюсовым, К.И. Чуковским, В.Ф. Миллером, Н.Н. Харузиным, Алексеем Н. Веселовским, Н.Д. Телешовым, А.М. Горьким, В.Б. Шкловским, В.Г. Короленко, Д.Н. Маминым-Сибиряком, И.А. Бунинным, А.И. Куприным, В.И. Немировичем-Данченко и многими другими. Эти свойства его души и характера не мог не заметить и А.Н. Веселовский. Их отношения сложились, еще когда Каллаш был студентом Киевского университета. Самый активный и аккуратный корреспондент Веселовского по малорусскому и польскому фольклору, В.В. Каллаш высылал ему новые книги, журналы, делал выписки из редких польских и древнерусских изданий. Одновременно он делился с А.Н. Веселовским своими замыслами, брал у него консультации, приглашал к участию в разных проектах, просил содействия в организационных вопросах. В каждом письме отражено их тесное сотрудничество и взаимоуважение, несмотря на разницу в возрасте и в положении.

Всего в архиве А.Н. Веселовского (РО ИРЛИ. Ф. 45. Оп. 3. Ед. хр. 383) сохранилось 30 писем В.В. Каллаша, посланных им в период с 1887 по 1904 гг. К сожалению, мы не имеем возможности опубликовать все письма, некоторые из них даются с сокращениями². Письма располо-

² Без сокращений переписка В.В. Каллаша и А.Н. Веселовского будет опубликована в готовящейся к печати книге: *Веселовский А.Н. Избранное: Критические статьи и заметки.*

жены в хронологической последовательности, с указанием архивных номеров. Нескольким письмам присвоена нами также вторая нумерация, соответствующая их хронологической последовательности; архивные номера приводятся в круглых скобках. В тех местах, где в письмах Каллаша используются сокращения, они либо поясняются в примечаниях, либо раскрываются в квадратных скобках.

Данный эпистолярный материал имеет большую историографическую ценность. Благодаря ему мы получаем дополнительные сведения об исследовании А.Н. Веселовского о дуалистических воззрениях в области космогонии. Как известно, этой теме он посвятил около двадцати лет своей научной деятельности, и в итоге «отказался от первоначальной гипотезы об исключительной принадлежности дуалистических представлений южнославянской традиции и связи их с богумильской ересью» [Гусев 1992, с. 135]. Не без помощи В.В. Каллаша Веселовским была собрана «энциклопедическая» по размаху картотека дуалистических преданий, анализ которых привел его к выводу, что дуализм как мировоззрение присутствует в народной культуре повсеместно, в том числе в Америке и в Азии, а формы преданий имеют ярко выраженный местный этнический характер. За идею «самозарождения» дуалистических преданий высказывался и В.В. Каллаш.

Из писем мы также узнаем, что А.Н. Веселовский не прекращал свои разыскания в области русского былевого эпоса до конца своей жизни — вопреки мнению И.В. Ягича, который писал, что Веселовский «его <эпос> бросил или сбежал от него в другую, как ему казалось, более благодарную область, перенес свою лабораторию на почву истории литературы, не то итальянской (Боккаччо), не то русской (Жуковский), не то общей (поэтика)» [Ягич 1911, с. 845]. Да, на продолжение «Южнорусских былин» А.Н. Веселовский, хотя и обещал, — не решился. Однако было восемнадцать выпусков «Мелких заметок к былинам» (1885–1896), ставших важными ориентирами для будущих исследователей, и другие публикации. И пусть не все гипотезы Веселовского подтвердились, его былиноведческие исследования до сих пор сохраняют историографическое и источниковедческое значение.

Письма Каллаша к Веселовскому также убеждают нас в том, что Александр Николаевич продолжал работать и над «опытами по развиту христианской легенды». Об этом свидетельствует также хранящаяся в архиве ученая рукопись готовившейся им к изданию книги на эту тему. В ее состав вошли оттиски статей одноименного цикла 1875–1877 гг., которые пестрят дополнениями, правками, вычеркиваниями и многостраничными вклейками (см.: РО ИРЛИ. Архив 45. Оп. 1. Ед. хр. 52–54, 58, 70–72, 76, 80–81, 88).

Как показывают письма В.В. Каллаша, не ослабевал интерес А.Н. Веселовского и к «Александрии». Придавая особое значение

древнерусским, древнеболгарским и древнесербским переводам этого памятника, Веселовский в своих медиевистических исследованиях разных лет доказывал глубокую связь средневековой славянской письменности с античным наследием и европейской средневековой литературой. «Выявляя достоинства южнославянских источников, исследователь высоко оценил оригинальное окончание сербской “Александрии”, обнаружив в ней “попытки местного народного приурочения”, <...> выяснил огромную роль южно-славянской письменности в общеевропейском литературном процессе, а также значение средневековой книжности для народного эпоса» [Гусев 1992, с. 145].

В.В. Каллаш внимательно следил за научным творчеством А.Н. Веселовского, и его отзывы носили не только хвалебный характер. Часто в своих рецензиях Каллаш указывал на издания, которые А.Н. Веселовскому, судя по всему, были недоступны, обращал внимание на важные детали и факты, и Веселовский непременно брал их на заметку. К примеру, в 1902 г. В.В. Каллаш опубликовал статью «Поэтический дядька чертей и ведьм немецких и английских»³. Размышляя о поэзии В.А. Жуковского, Каллаш находил в ней гораздо больше сентиментальных элементов, чем романтических, и пытался опровергнуть устоявшееся мнение В.Г. Белинского о том, что период романтизма в русской поэзии начинается с Жуковского. Чтобы убедиться в этом, В.В. Каллаш предлагал составить полную научную биографию писателя, которая позволит разгадать множество головоломок и прояснить, насколько жизнь и творчество Жуковского «были чужды самому духу немецкого романтизма» [Каллаш 1902, с. 139]. Суждения В.В. Каллаша не повлияли на общепринятое мнение, так как не имели концептуальных доказательств. Однако его посыл не остался без внимания. Спустя два года А.Н. Веселовский издал монографию «Поэзия чувства и “сердечного воображения”», в которой не только опроверг стереотипное представление о В.А. Жуковском, но и успешно применил в литературоведении методы сравнительно-исторической школы. С присущей Веселовскому въедливостью он изучил все произведения Жуковского, его переписку, дневники, воспоминания о нем современников и шаг за шагом воссоздал жизненный путь писателя в историко-литературном контексте его эпохи, доказав таким образом, что художественное мышление Жуковского сформировалось под влиянием философии, эстетики и психологии сентименталистов «карамзинской школы». В.В. Каллаш книге А.Н. Веселовского был чрезвычайно рад и с восторгом писал, что она «дает такие широкие просветы, от которых прямо захватывает дух» (Письмо 29).

³ См.: Каллаш В.В. «Поэтический дядька чертей и ведьм немецких и английских» // Русская мысль. 1902. Кн. 4. С. 138–157.

Умер В.В. Каллаш в Москве 29 января 1918 г. Его душевное и физическое состояние сильно подорвали революционные события, война, голод, нападки Советского правительства на «Русскую мысль» и московскую интеллигенцию. Мы надеемся, что эта публикация привлечет интерес исследователей к личности и научному наследию удивительного человека и крупного исследователя конца XIX — начала XX столетия Владимира Владимировича Каллаша.

ПИСЬМА В.В. КАЛЛАША К А.Н. ВЕСЕЛОВСКОМУ

Письмо 1

31 января 1887 г.

Милостивый Государь!

Случайным образом в мои руки попался южнорусский список «Александрии»¹⁾ конца XVIII в. Для меня он не представляет особенного значения, и я с большим удовольствием вышлю его Вам, если он может иметь для Вас какое-нибудь значение.

Ваш покорный слуга, Владимир Каллаш.

P.S. Если пожелаете отвечать, пишите по следующему адресу: Киев, Назарьевская у., д. № 18, студенту Вл. Вл. Каллашу или в Университет.

Письмо 3

6 октября 1887 г.

Многоуважаемый Александр Николаевич!

Наконец-то мне удалось исполнить свое давнишнее обещание и выслать Вам «Александрию». Отдаю ее Вам совсем, ибо Вы как бы то ни было утилизируете ее, а у меня она лежала бы долго без всяких результатов.

Кроме этого списка (южнорусского) я знаю еще два: в Киев. Церк.-Арх. Музее (сл. Описание рукописей этого Музея Петрова²⁾) и у П.И. Житецкого³⁾. Кажется, Вашего знакомого (копия — собственно, отрывки «Александрии»). Последний я мог достать на некоторое время и выслать Вам, о первом через своих корреспондентов могу собрать точные сведения. Посылаю Вам также и выписку из Грабовского⁴⁾. У Кулиша (Зап. о Ю.Р.)⁵⁾ и у Вас (Ю.Б.)⁶⁾ есть ссылка на вариант, слышанный Грабовским в Гвоздове⁷⁾ и сходный с кулишовским. Посылаемый же вариант записан в Копачіве⁸⁾, напечатан в чрезвычайно редком польском журнале⁹⁾, ссылок на него нет ни у Кулиша, ни у Ант[оновича] и Драгом[анова]¹⁰⁾, он существенно отличается от других вариантов. Прошлый раз я Вам очень неясно написал о «Чудах Пр[есвятой] Бог[ородицы]». Это — сборник рассказов, механически приплетенных к имени Марии. Написан он довольно хорошим мало-

русским языком, очень близким к народному. Составитель был человек начитанный в средневековой латинской литературе; все рассказы помещены с указаниями, откуда они взяты. Несмотря на все мои справки и розыски, я нигде не нашел указаний на этот сборник: по всей вероятности, он не только не разработан, но даже и не описан. Так как все подобные сборники были очень популярны в Малороссии, то изучение их имеет громадный интерес: по моему мнению, странствующие сюжеты могли распространяться в народе, между прочим, и посредством этих сборников, из которых черпала для себя материал южнорусская проповедь. Я перечислю более интересные списанные мною рассказы, который из них заинтересует Вас, тот я спишу и вышлю. <нрзб> Целый ряд местных легенд без ссылок, с обозначением года. Кроме указанных есть еще много, но перечислять их я не буду. Если поинтересуетесь, я вышлю все выписки или подробное перечисление рассказов.

Уважающий Вас, Вл. Каллаш.

P.S. Как называется та книга, о которой Вы писали?

Письмо 7

Москва, 11 сентября 1888 г.

Многоуважаемый Александр Николаевич!

Вы так были всегда добры ко мне, не отказывали давать указания по всяким литературным сюжетам, что я, по свойственной людям слабости, решаюсь еще раз злоупотребить Вашей добротой и побеспокоить своей просьбой.

Меня очень интересуют две «бродячие повести»:

1) о человеке, который выдавал себя за пришедшего с неба (или из рая), надул жену одного человека, которая передала через него вещи для своего умершего отца, а потом и ее мужа и т. д.¹¹⁾ (я знаю два фран[цузских] вар[ианта], напечатанных Rolland'ом в «Mélusine» и «Romania»; 2 малорус[ских] у Шейковского «Быт подолян»¹²⁾ и Чубинского¹³⁾; в сказках, собр[анных] в Литве Карловичем¹⁴⁾, и у Шоттов¹⁵⁾.

2) повести, типа «Лиры» Шекспира (знаю все, что у Simrock'a¹⁶⁾ и von der Hagen'a¹⁷⁾).

Может быть, Вы укажете что-нибудь еще (в особенности меня интересует первая повесть). Не вышло ли что-нибудь новенького по «Гордому царю» или убийству старцев? Кончаю своих старцев (которых изучал с этнологической и сравнительно-литературной точек зрения)¹⁸⁾ — придется прочесть в здешнем этногр[афо]-антроп[ологическом] общ[естве]¹⁹⁾. Попробовал установить новую схему — не знаю, удачно ли²⁰⁾. Если напечатают, пришлю Вам и попрошу Вашего беспристрастного и очень меня интересующего мнения. Хотелось бы

первый мало-мальски серьезный труд посвятить Вам, как человеку, который сыграл наибольшую роль в моих литературных вкусах и занятиях. Вы ничего не имеете против?

Искренне уважающий Вас, В. Каллаш.

Адрес: Москва, Тверской бульвар, дом Романова, кв. № 113.

Письмо 8

Москва, 5 декабря 1888 г.

Многоуважаемый Александр Николаевич!

К сожалению, я в Москве никак не мог достать тех книжек, о которых Вы мне писали. Спасибо большое за предложение, но это слишком затруднило бы Вас.

Во время своих работ я натолкнулся на несколько мелочей, которые, вероятно, Вам понадобятся. Занимавшую вас легенду о Золотых Воротах я нашел еще в газете «Киевлянин» за 1866 г., № 4 (Трусевич, Народные легенды про Киев и его окрестности). Я сравнил ее с версией (знакомой Вам), напечатанной в сочинении того же автора «Kwiaty i owoce»²¹⁾, и никакой существенной разницы не нашел. Кроме чисто библиографического значения она, может быть, интересна и потому, что, как ясно из нее видно, указание на имена, связь Михайлико с Михайловским монастырем — принадлежит не Трусевичу, а старику, от которого он записал свои рассказы. Кстати, замечу, что в русском переводе ярче, чем в польском, выступают наивные и неумелые изменения и переделки, несомненно принадлежащие перу Трусевича. Вообще, это материал довольно подозрительного качества: попадают рассказы, несомненно существующие в Малороссии, но Трусевич, очевидно, подсластил их а-la Сахаров²²⁾; попадают такие, параллель к которым в литературе нет и очень трудно определить степень их достоверности и отличить народное от принадлежащего Трусевичу.

Эта же легенда напечатана Кулишом в «Украинских народных преданиях» (ч. 1. отд. 1. Москва, 1847), экземпляр которых, чуть ли не единственный, купила Ваша Публ[ичная] Библ[иотека]. Текст почти во всем сходен с текстом Грабовского. В предисловии Кулиш сознается в «исправлении некоторых выражений». Так как при издании «Зап[исок] о Юж[ной] Руси» он имел под руками записи только одного Грабовского, то, по всей вероятности, отличия всецело принадлежат Кулишу²³⁾. Кстати, известны ли Вам «материалы до русской литературы апокрифичной» Калитовского (Львов, 1884)²⁴⁾? В них есть произведения, близко примыкающие к некоторым Вашим работам. <...> Я списал для Вас из очень редкого польского издания — Roman Zamarski (Zmorski). Podania i baśni ludu w Mazowszu (z dodatkiem kilku szląskich i wielkopolskich) [spisał Roman Zmorski]. W Wrocławiu, 1852: Kościół Św. Jadwigi w Trzebnicy, na Szląsku, стр. 149–153 — легенду, которая при-

надлежит к циклу несколько раз разбиравшихся Вами легенд о спящих в течение многих лет богатырях²⁵⁾ и т. д.: может быть, она Вам пригодится. <...> Если Вам вообще нужны будут справки по малорусскому и польскому материалу, я с готовностью сделаю, что могу.

Глубоко уважающий Вас, Вл. Каллаш.

Адрес: Москва, Тверской бульвар, д. Романова, кв. № 113

Письмо 9

13 декабря 1888 г.

Многоуважаемый Александр Николаевич!

Я сделал справку в находящемся под руками материале и кое-что Вам посылаю.

Относительно интересующих Вас дуалистических сказаний²⁶⁾ писал Сумцов²⁷⁾ («Киев[ская] ст[арина]», 1887, июнь–июль, стр. 235–242. Кстати, у Сумцова на стр. 261–262 сближение легенды о Михайлике со сказаниями о Самсоне) и Потебня («Объяснения малорусских и сродных нар[одных] песен. II. Колядки и щедровки. Варшава, 1887. С. 738–740): у нас можно найти разнообразные указания (их я не буду повторять; выписка из Руликовского²⁸⁾ и Новосельского²⁹⁾, так как Вы, вероятно, в Петербурге не найдете их, — прилагаю в конце, ибо у Сумцова эти версии плохо изложены, а Потебня только ограничивается перечислением).

Кроме указанных ими версий я знаю еще: 1) «Киев[ская] ст[арина]», 1887, май, стр. 195–197 (очень оригинальная)³⁰⁾; 2) ново-болгарскую, севернорусскую — «Изв[естия] Импер[аторского] Об-ва Любит[елей] естествозн[ания], антроп[ологии] и этногр[афии]», т. XIII, вып. I; Труды Этнограф[ического] отд[ела ИОЛЕАЭ], кн. 3, вып. I, стр. 9–10³¹⁾; 87, сравн. 105); 3) сибирских маньзов — ib. т. XLVIII, вып. 2 (Труды..., кн. VIII) Гондатти, Следы языческих верований у маньзов, стр. 67 и след. (сравн. 51 и т. д.)³²⁾; 4) член сего Общества Нефедов читал реферат (еще не напечатанный) о поволжских инородцах, в котором указывал на существование таких сказаний у них: постараюсь его найти и отобрать у него нужные справки³³⁾; 5) польские сказания о происхождении мира у: Kolberg. Lud. Serya VII³⁴⁾, стр. 1–21; 6) некоторые параллели, насколько помню, можно найти у Rulikowski, *Zapiski etnograficzne z Ukrainy*, в «Zbior wiadomości do antropologii krajowej», т. III. Dział etnologiczny [Kraków, 1879]. Не имея его теперь под руками, не могу, к сожалению, справиться (только что нашел в своих бумагах справку: могущее интересовать Вас место на стр. 53. В только что полученной мной декабрьской книжке «Киев[ская] ст[арина]» в «Критике» на стр. 75–77 изложение версии Руликовского и указание на перевод Драгомановой); 7) перевод укр[аинской] версии начат Л.М. Драгомановой³⁵⁾ (с примечаниями М.П. Драгоманова) в

«Mélusine» (1888, № 9). Меня очень интересует, как Вы отнесетесь к факту существования подобных дуалистических легенд у инородцев Сербии, севернорусского и поволжского населения. Как человек увлекающийся и падкий на широкие и новые обобщения, я уже успел нарисовать себе следующую картину: кроме известного раннего дуалистического течения с Востока на юг и северо-запад, могло существовать другое, более позднее течение: с юга на север в Азии, через Урал, с севера на юг в Европейской России. Интересно, что дьявол, плавающий в виде гоголя, который встречается в целом ряде известных мне версий, очень напоминает распространенное в сибирских культах представление божества (чаще злого) в виде гагары, гуся, гоголя и т. д. Впрочем, весьма вероятно, что вся эта конструкция — «тяжелый бред души <твоей> больной иль пленной мысли раздраженье»³⁶⁾. Если бы было верно это предположение, то в южнорусских версиях пришлось бы признать наслоение и взаимодействия однородных, одновременных и идущих из разных мест течений: насколько я их знаю, такое наслоение, кажется, можно подметить³⁷⁾.

Подыскиались некоторые параллели к легенде, присланной в прошлом письме: на всякий случай укажу их. Это — Veckenstedt E. Wendische Sagen, [Märchen und abergläubische Gebräuche]. Graz, 1880; Schulenburg W. Wendische Volkssagen und Gebräuche aus dem Spreewald. Lpz., 1880 и его же: Wend[isches] Volksthum in Sage, Brauch und Sitte. Berlin, 1882; насколько помню, есть что-то подобное о короле Матиаше³⁸⁾ у Pojek. Črtice [iz duševnega žitka štaj. Slovencev by Josip Pojek. Ljubljana, 1884] и т. д.

Не знаете ли Вы западноевропейских параллелей и апокрифических источников легенды о колосе (прежде был весь стебель покрыт зернами, Бог в наказание обдернул их и т. д.)³⁹⁾. Я знаю массу малорусских и польских, одну словинскую версию (у Пайка⁴⁰⁾); на другие как-то не наталкивался. Источник их, очевидно, апокрифический, но мне он неизвестен⁴¹⁾.

Для одного здешнего ученого я подобрал указания на славянские и, главным образом, малорусские сказания о песьеголовых и вообще «дивіихъ людехъ». Не понадобятся ли они Вам?

Edward Rulikowski, «Opis powiatu wasylkowskiego pod względem historycznym, obyczajowym i statystycznym», Warszawa, 1853, p. 169–170. Nowosielski. Lud Ukraiński. T. II. Wilno, 1857, видимо, взял текст у Руликовского: только что я сравнил, — дословное сходство⁴²⁾, разница только в знаках препинания: странно, что Нов[осилский] на него не только не ссылается, но даже не упоминает, хотя, очевидно, Руликовским он очень усердно пользовался (не только в данном случае). Кстати, у Нов[осильского] на стр. 9–10 мал[енький] рассказ о неудачной попытке черта сделать человека (он видит, как Бог делал Адама из глины)⁴³⁾, на стр. 11–12 рассказ, вошедший в Zap[iski]

Etn[ograficzne z Ukrainy. Kraków, 1879] Руликовского, о котором я говорил раньше.

Великое спасибо за Ваше любезное предложение. Калитовского, пожалуйста, возьмите себе, так как я имею надежду и возможность достать другой экземпляр (поскольку, я знаю, в продажу эту книжицу не пускают, так что для Вас было бы почти невозможно достать ее). Если еще что-нибудь найду по части сотворения мира, немедленно вышлю.

Глубоко уважающий Вас, Вл. Каллаш.

Письмо 12

14 февраля 1889 г.

Ваше письмо, многоуважаемый Александр Николаевич, и смутило, и растрогало меня. Как всякий южанин и, в особенности, малоросс, — я очень впечатлителен, быстро и сильно отдаюсь каждому чувству: меня совсем околдовала та душевная теплота и доброта, которая так и разлита в Вашем письме. Спасибо, большое спасибо! Ваше письмо — один из таких фактов моей личной жизни, которые никогда, никогда не забудутся. Я до сих пор как-то не могу прийти в себя — простите, если мое настоящее письмо будет бессвязнее обыкновенного.

В прошлом письме, указывая на «Киевский телеграф», я совсем забыл прибавить, что делаю это указание по памяти: еще в Киеве несколько лет тому назад я пересматривал старые газеты и сделал довольно много выписок; помнится, что в этой статье была и интересующая Вас легенда. Кажется, в приложении или переводе из «*Lud ukraiński*» Новосильского. В Москве этой газеты я не мог достать, так что не мог и проверить. У меня есть еще несколько указаний такого же типа: приведу их на всякий случай, авось пригодятся. Это — 1) Статья «О богомилах» — Вят. епарх. ведом., 1865, № 2-3⁴⁴); 2) апокриф[ические] народ[ные] рус[ские] произв[едения] — Полтав. епарх. вед., 1865: письмо Христа, иерус[алимское] знам[ение], о 12 пятн[ицах]⁴⁵); 3) сказание о Соломоне — Владим. губ. вед., 1865, № 24; 4) верования и предания некрещен. черемисов — Памятная кн. Оренб. губ. 1865. стр. 1-9⁴⁶); 5) Первухин. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз 1-ый. Древ[няя] религия вотяков по ее следам в современных преданиях. Вятка, 1888.

Со 2-ого номера Галицкой «Зори»⁴⁷) на этот год начата статья (без подписи) «Набожни казки болгарски», составленная по «*Légendes religieuses Bulgares*»⁴⁸) Драгоманова (Mélusine, 1888, 9, 10, 12); знакомый редактор «Зори» писал мне, что, по всей вероятности, будут и дополнения.

Статья Дерунова уже выслана: в ней указание на статью о Лембоях⁴⁹), которую, кажется, опустил в предыдущих индексах.

Монгольские сказки оказались довольно подозрительного происхождения: не то они сочинены, не то по ним прошла неумелая рука какого-то этнографического вандала. Относительно Нефедова и Астрова пока, к сожалению, ни слуху, ни духу.

Sarnicius (Станислав Сарницкий), *Descriptio veteris et novae Poloniae cum divisione eiusdem veteri et nova* (без обозначения мной стр.), 1585⁵⁰): «Kiovia sedes antiqua Ducum Russiae. Et quod olim Romani de septentrionalibus et Indianis monstis et miraculis sparserunt, hoc Russi de prodigiis et heroibus suis; quos Bohatiros, id est semideos vocant, aliis persuadere conantur. Contumulare autem istos solent in cavernis rupium [конец цитаты Дашкевича], quas in immensum tanquam cuniculos subterraneos usque Novogradiam magnam fabulantur exstendi. Illud tamen pro concessio est, et instar miraculi habetur apud peregrinos qui se eo conferunt, quod a monachis monstrantur istic corpora Principum incorrupta, quae per longa spacia temporum loci temperamentum quoddam absque ullo detrimento conservat. Incolae id ad religionem referunt et loci sanctitati acceptum tribuunt»⁵¹).

Тот же Сарницкий (*Annalium Polonorum*, libr. VIII⁵²), 1506 г., стр. 1198 в Jan Długosz. *Historiae Polonicae libri XII*, Francofurti, 1711, t. I) оставил любопытное и, насколько я знаю, первое известие о думах: «Per idem tempus duo Strusii fratres, adolescentes strenui et bellicosi, a Valachis oppressi occubuerunt. De quibus etiam nunc elegiae, quas dumas Russi vocant, canuntur, voce lugubri et gestu canentium se in utramque partem motantium, id, quod canitur, exprimentes; quin et tibiis inflatis rustica turba passim modulis lamentabilibus, haec eadem imitando exprimit»⁵³). Кто-то уже цитировал это место, чуть ли не Житецкий: в данный момент не имею его сочинения под руками и не могу справиться⁵⁴).

Кстати, относительно посланного Вам «Сборника»: я отправил Вам экземпляр, предназначенный для Вас его молодой редакцией (Харузиным и Янчуком)⁵⁵). Если у Вас будет свободная минутка, напишите о нем несколько слов где-нибудь: они были бы Вам за это очень благодарны.

Крепко жму Вашу руку.
Уважающий Вас, Вл. Каллаш.

Письмо 13

31 марта 1889 г.

Многоуважаемый Александр Николаевич!

Наконец-то мне удалось выловить у одного из «этнографов-собирателей», все обещающих, но не исполняющих обещаний, — рукописную легенду. Она записана Богаевским в Сарапульском у. Вятской губ. от вотяка Лаврентия в деревне Новый Сентяч. Печатную работу сего же Богаевского⁵⁶), в которой изложена другая

легенда, я посылаю Вам при сем письмо. В 3-ем номере «Зори» кончена указанная в прошлом письме статья. Отмечу, на всякий случай, указания, которых раньше я не знал: Erben. Слав. хрестоматия. Стр. 143⁵⁷); Zeitschrift für deutsche Mythologie und Sittenkunde, I, стр. 178–180⁵⁸); Revue des traditions populaires. 1887. № 9 (кажется, об этом я не писал). Колядки о сотворении мира — Костомаров. Об историческом значении народной поэзии. [Харьков], 1843. Стр. 66; Kolberg. Pokucie. I. 348; Nowosielski. Lud Ukraiński. I. 103–104. Вот версия, записанная Б[огаевским]: «В начале всего была одна вода. Какое-то существо, имевшее при себе посылку (посыльного?), жило в то время. Вот оно и вздумало сотворить землю, и оно послало тогда своего “посылку” под воду, сделав большую бутылку, куда был посажен этот “посылка”. К бутылке был привязан ремень, и ее стали спускать в воду: спускали, спускали, а ремень все надо подвязывать. Наконец “посылка” дошел до рака. “Куда идешь?” “Искать землю”. “Какую землю? Я 120 лет живу тут и никакой земли не знаю”. Но “посылка” все ж таки стремится на землю и, как ему было приказано, взял полон рот земли. Вот главное существо и говорит поднявшемуся “посылк”: брызни этой землею так, чтобы у тебя во рту не осталось ни малейшей песчинки. Тому и стало любопытно: а что если оставить одну. Он сделал так. Брызнул — и появилась земля гладкая, а та песчинка, что осталась, начала у него во рту расти, и не мог он от нее освободиться. Главное существо велит ему скорее бросить ее. Сделал это “посылка”, и выросли горы и всякие неровности»⁵⁹).

Насколько я знаю, Б[огаевский] — человек добросовестный, и на его запись можно положиться. Уважающий Вас, Вл. Каллаш.

Письмо 14

Б/д (вероятно: 1889 г.)

Многоуважаемый Александр Николаевич!

Наконец-то мне удалось достать у Нефедова давно уже обещанные им материалы. Одна из версий — черемисская: Н[ефедов] ввел и меня, и Вас в заблуждение, сообщив мне, что она была напечатана в его статье «По Волге»; он перепутал — думал поместить, да забыл. Ее я прилагаю в качестве appendix'a к моему письму. Находится он в пока еще в рукописном реферате Ф.Д. Нефедова: «Черемисы-язычники Уфимской губ.», читанном в 1885 г. в Этн[ографическом] Отд[еле] Общ-ва Любит[елей] Естеств[ознания], Антроп[ологии] и Этнограф[ии]. Другая, записанная Н[ефедовым] от Дерунова, как оказалось, по ошибке юной редакции была напечатана в высланном Вам сборнике, вышедшем под редакцией Харузина, без фамилии Нефедова, хотя и с его вступительной статьей. Так как Вы ее имеете, то я и не присылаю.

За последнее время накопилось несколько мелочей, которые, может быть, Вам пригодятся. В одном народном, очень пространным «лечебнике», копия которого есть у Нефедова, находится глава «о науке врача Моисея Египтянина к Александру, [царю] Македонскому». Если вас это интересует, то напишите — и напишите поскорее: Н[ефедов] скоро уезжает, нужно будет поторопиться, а то дело затянется в очень долгий ящик.

В янв[арской] книжке «Киевск[ой] Ст[арины]» за нынешний год (стр. 231–2) помещена колядка⁶⁰⁾, в которой между прочим трактуется и сотворение мира (стр. 236 — легенды об Иерусалиме); в март[овском] (стр. 733–9) — легенды о богатырях-семилетках, которые бросают новый и очень любопытный свет на Михайлика и других богат[ырей]-семил[еток]⁶¹⁾. Недавно я высылал Вам рукоп[исную] легенду и статью Богаевского: последнюю можете держать у себя сколько угодно, пока не будет нужна. На отдельные эпизоды интересующей Вас легенды я натолкнулся в новом томе «Зап[исок] Императорского Рус[ского] Географического Общества] по отделению] Этнографии», т. XIV, вып. 3 — «Вотяки Сарап. у. Вят. губ.» Верещагина⁶²⁾.

Недавно пересматривал «Български народни песни, собрани от братьев Миладиновци» (Загреб, 1861) и нашел там кой-какие материалы для затронутых Вами в разное время вопросов: помните, ссылки на это издание у Вас не было. На всякий случай отмечу: стр. 522–524 — Еремия и змеи⁶³⁾; стр. 525 — Илья-громовник и ламия⁶⁴⁾; стр. 526 — предание об Алексан[дре] Макед[онском] — эпизод о темном царстве, кобыле, жеребенке⁶⁵⁾; стр. 528 — Марко Крале, его бессмертие (Михайлик и т. д.)⁶⁶⁾; ib. — «Фальба Маркова» — ср. эпизод со Святогором («сѣ пофали (Марко) до подкренишь со мжздрав-отъ сж-та земя; Господь за да му видить юнащина-та, пуши ангелъ, кои со земя напжлна торба» и т. д. [Пер. с болг.: Похвалялся Марко накренишь маждраком⁶⁷⁾ землю; увидел Господь такую силу богатырскую, отправил Ангела, который наполнил землей сумочку, и т. д.]).

Есть кое-что и у Василия Чолакова — «Български народенъ сборникъ», часть I, Белград, 1872, стр. 110–111 — жертвоприношение в Ильин день⁶⁸⁾ и т. д. Вообще масса сведений о болгарской народной прозе.

Кончаю для «Киев[ской] Ст[арины]» заметку — «мал[орусские] легенды и сказки об Илье Муромце»⁶⁹⁾. Имею под руками 5 версий: Кулиша, Трусевича, Руликовского, Сумцова и Эварницкого. Если какая-нибудь из них Вам неизвестна, напишите, и я Вам сообщу. <...>

Уважающий Вас, Вл. Каллаш.

P.S. Адрес: Москва, Поварская, Хлебный, дом Зиловой.

Письмо 17

Москва, 8 февраля 1890 г.

Поварская, Хлебный, дом Зиловой

Многоуважаемый Александр Николаевич!

«Vanitas vanitatum»⁷⁰⁾, Арх[еологический] съезд⁷¹⁾ и болезнь помешали мне вовремя написать Вам. Теперь я, славу Богу, освободился от того и другого — и постараюсь вознаградить потерянное время. Очень боюсь, что некоторые указания опоздают. Прежде всего относительно дуалистических космогоний.

а) Petrov, Lud ziemi Dobrzyńskiej, Zbiór wiadomości do antropologii krojowej, II, 1878, Dział etnologiczny, p. 125. «Pierwotnie ziemia, która leży wśród morza na dwóch wielkich rybach, miała być równa i jednaka wszędzie, ale djabeł się wmieszał i popsuł porządek. Bo gdy Bog zajęty był wielkiem dziełem swoim koło stworzenia świata, djabeł namówił kaczkę żeby ukradła trochę ziemi. Pan Bóg sprostregłszy to, posłał za uciekającą jartrzębia, który ją dogonił i zaczął dusić, kaczka krzyknawszy otworzyła dziób, wypuściła skradzioną ziemię, i wtedy z tego powstały góry»⁷²⁾.

б) Nowosielski, Lud ukraiński, I, 122.

Меня очень заинтересовали легенды, говорящие о том, как герой мстил за неуважение к себе и преследуемые не находили себе защиты у Бога (в данный момент вспоминается только «месть черта богомольному человеку» у Драгоманова, «Предания», и, кажется, нечто подобное в «Легендах» Афанасьева). Если я не ошибаюсь, эти легенды тоже дуалистического характера — и посему привожу сходный отчасти рассказ из очень редкого, кажется, издания (Gloger, Skarbczyk zabawy, gry, zagadki, żarty i przypowieści, 1886, стр. 46, № 18): «szła baba po kładce przez rzekę, gdy z przeciwnej strony zstąpił jej drogę czart i rzecze: «Bobo, powiedz mi, kto lepszy: Bog czy ja? A powiedz prawdę, bo inaczej zepchnę cię z tej kładki do rzeki». Boba nie w ciemię bito, chcąc się zręcznie wykręcić z trudnego położenia, tok djabłu odpowiedziała: «Panie Djable, Bog jest dobry, ale i ważność wcale nie lichi, tylko że źle ludzie dzieląc woszeć na zęły»⁷³⁾.

Tordinak'a⁷⁴⁾ я Вам высылаю: когда будет не нужен, возвратите мне. Может быть, Вы найдете в этой книге еще что-либо любопытное. Хозяин ее (Янчук) может сколько угодно подождать. Относительно былин я буду указывать только то, что Вы не найдете в моих «Этнол[огических] зап[исках]»⁷⁵⁾, которые я высылаю Вам вместе с этим письмом. Свои былины я откладываю в очень долгий ящик. Я хочу пустить несколько пробных шаров полу-библиографического свойства: авось интересующиеся былевым эпосом выскажутся по поводу интересующих меня частных вопросов и дадут мне возможность проверить и расширить свою точку зрения. Относительно Ильи, Соловья и Чурилы я пришел к таким еретическим выводам, что пока боюсь выступать с ними. Относительно Ильи (Этн. Зап.,

№ 2 с прим.) я пока могу прибавить только ссылку на отдельное издание «Апокрифов» Сумцова (Киев, 1888, стр. 125–6). Относительно Журилы — а) Łozinski, Ruskoje wesile, W Peremysły, 1835, p. 115; Батюшков, Пам. русск. стар. в Зап. губ., т. VII, СПб., 1885, стр. 347⁷⁶⁾; Халанский, Былины, 209⁷⁷⁾; Киреевский, Песни, Прил. ХСVI; Kolberg, Pokucie, II, p. 155–6; Соколов, Старорусские солнечные боги и богини. Симбирск, 1887, стр. 121–2, 124 и т. д.; Lipiński, Piosnki ludu wielkopolskiego, т. I, Poznań, 1842, p. 150–2, 179–182; Головацкий, III, 14⁷⁸⁾; Rokossowska, Wesele i pieśni ludu ruskiego ze wsi Jurkowszczyzny w powiecie Zwiąhelskim na Wołyniu, Kraków, 1883, стр. 22–3, № 11; Zbiór wiad. II. 1878⁷⁹⁾; Майков в Др. и Нов. Россия, 1876, VI, стр. 197⁸⁰⁾.

Если какой-нибудь из этих книг не достанете, то напишите: вышлю или книгу, или выписки.

Знакомы ли Вы с «Staročeské výročni obyčejes pověry, slovnosti a zabavy prostonárodní [pokud o nich vypravují písemné památky až po náš věk]» Zibrt'a (v Praze, 1889)? В этой книге есть много материалов по затронутым Вами вопросам. Недавно пересматривал «путешествие в Россию датского посла Якова Ульфельда в XVI в.» (при Иване Грозном), изд. Борисовым в прошлом году в Москве и натолкнулся (на стр. 17) на очень, кажется, любопытный ист[орико]-лит[ературный] факт: Ульфельдт, со слов пристава, передает легенду о Магдалине (довольно вольного качества), которой тот пользовался как аргументом при богословском споре. Мне кажется, что такие исторические указания на распространенность легенды имеют громадное значение. Если хотите, могу ее Вам выслать.

Уважающий Вас, Вл. Каллаш.

Письмо 19

1 марта 1890 г.

Многоуважаемый Александр Николаевич!

Только было отправил Вашу заметку⁸¹⁾ в типографию, как вдруг получаю Ваше письмо. 1-ая книжка «Обозрения» печатается на всех парах и скоро выйдет. Мы все очень огорчены, что Вашей заметки не будет в ней. Впрочем, если Вас не затруднит сделать дополнения и выслать ее на днях, она, может быть, еще поспеет. Если же у Вас времени не будет, пришлите, пожалуйста, для одной из следующих книжек. Чтобы не было много ошибок, я переписал Вашу заметку и отправил в таком виде в типографию. Печатание мы остановим, и я как-нибудь вышлю Вам копию: меня интересует, точно ли я разбираю Вашу руку. По правде сказать, некоторые слова я с трудом разобрал — главным образом собственные имена.

Обещали мне материалы относительно дуализма и ногтей, но пока не предоставили. Как только пришлют, отправлю к Вам.

Недавно вышел новый том Трудов Этногр[афического] Отд[ела] — «Русские лопари» Харузина⁸². Для Вас там много любопытного (дуализм, ориг[инальная] версия Соломоновой саги и т. д.). Я просил в Музее⁸³ выслать Вам, но не знаю, исполнили ли. Кстати, там есть параллель к былинам. Тоже есть у Schröder'a: Ein estnisches Märchen und seine Parallelen in der indogermanischen Welt. Dorpat, 1889. Малорусская легенда о Муромце у Эварницкого: Очерки по истории запорож[ских] козаков и Новорос[ийского] края. СПб., 1889.

На днях был у Миллера⁸⁴, и мы долго разговаривали о былинах. Оказывается, что относительно Муромца мы с ним пришли не то что к сходным, но скорее дополняющим друг друга выводам. Это меня немного подбодрило. Жду его былин с нетерпением — и после него, может быть, выступлю и сам⁸⁵. В февр[альской] кн[иге] «Киев[ской] Стар[рины]» за этот год напечатано новое известие о Чоботке (XVII в.), еще более запутывающее дело. Удастся ли когда-нибудь русским исследователям разобраться в этой старокиевской мгле, в этом уравнивании с сотнями неизвестных? Чем дальше забирается вглубь былина, тем жутче становится: делается все туманнее и туманнее — и право иногда голову теряешь. Ваши «былины» интригуют меня очень⁸⁶. Когда, приблизительно, они могут появиться?

Задумали мы дело большое и сложное: издать сборник мал[орусских] нар[одных] рассказов, в который войдут рукописные материалы и печатные (из газет и т. д.) — кроме Драгоманова, Чубинского, Рудченко и Кулиша. В приложениях думаем изложить вкратце или хотя бы перечислить новейшие искусственные мал[орусские] произв[едения], которые основаны на народных рассказах, — выборки из старой мал[орусской] письменности (легенды нар[одного] происх[ождения] или известные в народе), — собрать отзвуки старокиевского эпоса и древне-русской жизни в позднейшей мал[орусской] нар[одной] поэзии и т. д.⁸⁷ Думаем прибавить и сравнительные примечания. Приведем это намерение в исполнение, вероятно, не скоро. Если хотя бы что-нибудь сделаем в этом направлении, польза, кажется, будет. Каково Ваше мнение относительно сего плана?

Уважающий Вас, Вл. Каллаш.

Письмо 20 (24)

Б/д (вероятно: 1890 г.)

Многоуважаемый Александр Николаевич!

Экзамены заставили меня надолго прекратить переписку. Теперь я немного освободился и могу возвратиться к интересующим меня вопросам. Скоро ли выйдет следующий том «Разысканий»⁸⁸? Не нужны ли Вам какие-нибудь указания? Посылаю Вам рецензию на 5-ый

выпуск «Разысканий»⁸⁹⁾, обезображенную опечатками, к сожалению. Одно указание, быть может, Вас заинтересует.

Занятия былинами и т. д. приходится отложить в долгий ящик. Только в ноябре решится моя судьба и судьба моих занятий. Быть может, придется отложить на несколько лет: грустно это очень — кажется, мне удалось бы сказать по этим вопросам кое-что новое.

Читал объявление о «Живой Старине»⁹⁰⁾: произвело оно на меня довольно странное впечатление. Мне это предприятие кажется еще более рискованным, чем «Этн[ографическое] Обзор[ение]», дни которого, видимо, сочтены: подписчиков скандально мало, средств совсем нет, на бесплатных статьях далеко не уедешь...

На днях вышлю Вам «Этнолог[ические] зап[иски]»⁹¹⁾ из 5-ой книжки «Этн. Обзор.».

Пока определенного адреса не имею. Писать можно по адресу Янчука (Ник[олая] Андр[еевича]⁹²⁾ — Москва, Собачья площадка, д. Харужной для передачи.

Уважающий Вас, Вл. Каллаш.

Письмо 22 (25)

Б/д (вероятно: 1900 г.)

Большое спасибо Вам, глубокоуважаемый Александр Николаевич, за готовность, с которой Вы откликнулись на мою просьбу. Из газет я уже раньше знал о Вашей <нрзб> — и очень порадовался.

Должен Вам признаться, что я почти совсем порвал с фольклором и целиком ушел в новейший период русской литературы. Как переживание прошлого сохранился разве интерес к истории народного театра⁹³⁾. Несмотря на это, очень живо интересовался Вашей «историч[еской] поэтикой» и с нетерпением жду ее продолжения. Я с ней немного знаком по Вашим лекциям⁹⁴⁾, которые удалось достать через одного из Ваших бывших слушателей.

Боюсь, что Вам не доставили «Максимилиана»⁹⁵⁾, и потому разыщу у себя экземпляр и на днях отошлю Вам.

Искренне Вам преданный и благодарный, Вл. Каллаш.

Письмо 23 (26)

Б/д (вероятно: 1902 г.)

Каретная Садовая, д. Дукмасова, кв. 10.

Глубокоуважаемый Александр Николаевич!

Не припомнятся ли Вам какие-нибудь параллели к бродячему анекдоту: мужик в церкви, когда все плачут от проповеди, священник остается вполне хладнокровным потому, что он другого прихода («Прихожанин» Крылова, две французские басни, приводимые

Киреевым⁹⁶), — больше ничего не знаю). Очень обяжете своими указаниями. Залез по уши в Крылова: подготавливаю понемногу полное собрание его сочинений⁹⁷) — вручена на поддержку Академии. Но сущая беда — все рукописи в Петербурге, а я прикован к Москве. Не можете ли посодействовать мне вот в каком отношении. Если Академия проявит свое согласие выслать принадлежащие ей рукописи Крылова, положим, хотя бы в Румянцевский музей, по моей просьбе или просьбе музея, то мои дела будут в значительной степени устроены. Одновременно веду атаку и против Публичной библиотеки. Ваше слово сильно могло бы помочь мне. С большой радостью услышал о Ваших изучениях русского романтизма — Жуковский и предромантики⁹⁸). Жду результатов. С Вашими рефератами о романе познакомился по газетным очеркам и очень ими заинтересован.

Искренне уважающий Вас, Вл. Каллаш.

Письмо 24 (31)

Б/д (вероятно: 1904 г.)

Каретная Садовая, д. Дукмасовой, кв. 10

Глубокоуважаемый Александр Николаевич!

Все устные и письменные подкопы под Ефремова⁹⁹) ни к чему не привели: твердыня упрямая и чудовищная! Он вообразил себе, что я стараюсь для Архангельского¹⁰⁰) (Вас я, конечно, не называл), и уперся самым нелепым образом. Удачливее я был в другом отношении. Мойеровские материалы по Жуковскому печатаются под редакцией Грузинского¹⁰¹), который дал мне слово выслать Вам чистовые листы. Он, должно быть, судя по его словам, очень интересен для Вас. Он напишет Вам на днях.

С искреннем уважением, Вл. Каллаш

Письмо 29 (23)

11 мая 1904 г.

Глубокоуважаемый Александр Николаевич!

Я сам почувствовал необходимость выяснить этот вопрос Отделению и послал бумагу А.А. Шахматову¹⁰²). Очень жалею, что опоздал и что она не попала к заседанию. Надеюсь, что до лета будет еще у Вас заседание.

В полном восторге от Вашей книги¹⁰³). Она дает такие широкие просветы, от которых прямо захватывает дух. Тут дело даже не в Жуковском, которого Вы истолковали впервые, а в манере подходить к материалу, пользоваться им. Это целая методологическая школа.

Глубоко уважающий Вас, Вл. Каллаш

- 1) Сравнительные исследования Веселовского на тему греческого романа и его южнославянских устных и письменных редакций не только выявили своеобразие славянских версий сравнительно с их источниками, но, что еще более ценно в теоретическом и методологическом отношении, — выводили компаративистику на качественно новый уровень. См.: *Wesseloſsky A. Zur bulgarischen Alexandrsage* // A.f.Sl.Ph. 1876. Bd. I. S. 608–611; *Веселовский А.Н.* К вопросу об источниках сербской Александрии. I–IV // ЖМНП. 1884. Т. 233. Июнь. С. 147–197; *Он же.* К вопросу об источниках сербской Александрии. V–VIII // ЖМНП. 1884. Т. 235. Сентябрь. С. 16–85; *Он же.* Две заметки к вопросу об источниках сербской Александрии // ЖМНП. 1885. Т. 261. Октябрь. С. 169–209; *Он же.* Из истории романа и повести. Вып. 1. Греко-византийский период // Сб. ОРЯС. СПб., 1886. Т. 40. Прил. № 2. С. 131–451; *Он же.* Die wunderepisode der mittelgriechischen Alexandreis // A.f.Sl.Ph. 1888. Bd. XI. S. 327–343 и др.
- 2) См.: *Петров Н.И.* Описание рукописей, находящихся в музее Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии // Тр. Киевской духовной академии. 1873–1878 гг. Отд. отд.: Киев, 1875. Вып. 1; Киев, 1877. Вып. 2; Киев, 1879. Вып. 3.
- 3) Житецкий Павел Игнатьевич (*Павло́ Гна́тович Жите́цкий*, 1836–1911), видный украинский лингвист. Изучал староукраинскую и старорусскую письменность XIV–XVIII вв., произведения украинского устного и песенного народного творчества, летописи, историю литературных языков западных и южных славян.
- 4) Грабовский Михаил (*Michał Grabowski*, 1804–1863), польский писатель, критик, публицист, общественный деятель. См.: *Grabowski M.* O gminnych ukraińskich podaniach // Rubon. 1845. Т. 6. Выписка, вероятно, была на отдельном листке, не сохранившемся в письме. См.: *Веселовский А.Н.* Мелкие заметки к былинам. V. Золотые врата в Киеве и Царьграде // ЖМНП. 1888. Т. 257. Май. С. 74–75 с предисловием: «В первой главе Южнорусских былин (вып. I, стр. 3) я указал на пересказ легенды о киевских Золотых воротах, записанный Грабовским; указал, следуя заметке г. Кулиша (Записки о Южной Руси, I, стр. 3–5), ибо редкое издание, в котором явилось сообщение Грабовского, было мне тогда недоступно. Ныне, благодаря В.В. Каллашу, я могу сообщить его версию рассказа, интересную для истории былевых сюжетов» [Веселовский 1888, с. 74].
- 5) Кулиш Пантелеймон Александрович (1819–1897), украинский этнограф, писатель, историк. См.: *Кулиш П.А.* Записки о Южной Руси. СПб., 1856–1857. Т. 1–2.
- 6) См.: *Веселовский А.Н.* Южнорусские былины. СПб., 1882. Вып. 1.
- 7) Гвоздов (укр. Гвоздів) — село в Васильковском районе Киевской области Украины.
- 8) Копачов (укр. Копачів) — село в Обуховском районе Киевской области Украины.
- 9) Журнал «Rubon» (Рубон — древнегреческое название Даугавы) был основан Казимиром Буйницким (Kazimír Bujnizki, 1788–1878) — писателем, пу-

блицистом, историком Латгалии. С 1842 по 1849 г. было издано десять томов альманаха.

10) См.: Исторические песни малорусского народа с объяснениями Вл. Антоновича и М. Драгоманова. Киев, 1874. Т. 1. С. 50–51. № 15 («Легенда о золотых воротах»).

11) СУС 1540 («С того света выходец: женщина, узнав от прохожего, что он с того света и видал там ее умершего сына (мужа), дает ему деньги и платье для передачи покойному; старший сын гонится за обманщиком, теряет лошадь»); ATU 1540 (The Man from Paradise).

12) См.: [Шейковский К.] Быт подолян, издаваемый К. Шейковским. Киев, 1860. Т. I. Вып. 2. С. 59–72.

13) См.: Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Императорским Русским географическим Обществом, Юго-Западный Отдел. Материалы и исследования, собранные д. чл. П.П. Чубинским. В 7 т. СПб., 1878. Т. 2. Отд. 2 («Малорусские сказки»).

14) См.: Podania i Bajki Ludowe Zebrane na Litwie staraniem Jana Karłowicza. Kraków, 1887.

15) См.: Walachische Märchen, hrsg. von Arthur und Albert Schott. Stuttgart; Tübingen, 1845.

16) См.: *Simrock Karl Joseph*. Quellen des Shakespeare in Novellen, Märchen und Sagen. Berlin, 1831.

17) См.: Gesamttabenteuer: Hundert altdeutsche Erzählungen, ed. *Friedrich Heinrich von der Hagen*. Stuttgart und Tübingen, 1850.

18) См.: Каллаш В.В. Положение неспособных к труду стариков в первобытном обществе // ЭО. 1889. № 1. С. 115–135; № 2. С. 135–169; № 3. С. 133–155. Вокруг этой темы возникла длительная и острая полемика после публикации П. Литвиновой (Литвинова П. Как сажали в старину людей старых на «лубок» // Киевская старина. 1885. Июнь. С. 354–356). Подробно историография этого вопроса освещена в книге: Велецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978. С. 31–50.

19) Речь идет об Императорском Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕАЭ), основанном при Московском университете в 1863 г.

20) В своем исследовании В.В. Каллаш ссылается главным образом на труды классических авторов и изучает традиции древних греков и римлян. Поднимая вопрос о человеческих жертвоприношениях, он предлагает «новую схему», которая долгое время не замечалась исследователями. «Не только не было попытки подтвердить или отвергнуть ее, но она просто не принималась во внимание, хотя именно этот путь открывает перспективу раскрытия генезиса важнейших календарных обрядов» [Велецкая 1978, с. 32]. По мнению Каллаша, ритуальные жертвоприношения прошли три стадии: выбор человеческой жертвы по жребию; ритуальные жертвы в лице пленных, рабов, старых, больных и дряхлых; «человеческие жертвоприношения были заменены перенесением в жертву сделанных из сосны, металла, соло-

мы, тростника и воска изображений, также посредством “*ver sacrum*”, то есть заменой принесения в жертву выселением в другие места для колонизации» [Каллаш 1889, № 2, с. 159–160]. Другими словами, в обрядовых действиях с последним снопом, с троицкой березой, в похоронах кукушки, в проводах Масленицы и т. д. Каллаш увидел рудимент древнейшего ритуала человеческих жертвоприношений. «Эти обряды — искаженные переживания обычая убийства стариков и старух, чучела, куклы — то же, что и римские аргеи, сигиллярии, осциллы» [Каллаш 1889, № 2, с. 161].

21) См.: *Kwiaty i owoce, wydał Ignacy Trusiewicz. Kijow, 1870. S. 237–238.*

22) В начале XIX столетия, когда методики и инструментарии точной фиксации фольклорных текстов находились в стадии разработки, издатели произведений устного народного творчества позволяли себе правки, стилизацию, купирование, контаминации и прочее. Подробнее об этом вопросе: *Науменко А.С. Сказки братьев Гримм: зарождение жанровой формы: (Первоначальная рукопись 1810 г.): Автореф. дис. ... доктора филол. наук. М., 1991; Рукописи, которых не было: Подделки в области славянского фольклора / Изд. подг. А.Л. Топорков, Т.Г. Иванова, Л.П. Лаптева, Е.Е. Левкиевская. М., 2002 и другие.*

23) На стр. 5 оттиска «Южнорусских былин» А.Н. Веселовский напротив легенды, опубликованной Трусевичем на польском языке, на полях карандашом делает следующую запись: «Легенда о Золотых Воротах повторена Трусевичем в “Киевлянине”, 1866, № 4: “Народные легенды про Киев и его окрестности” в русском пересказе. Она интересна лишь потому, что связь имени Михайлика с Михайловским монастырем оказывается принадлежащей не Трусевичу, а старику, от которого он записал свои рассказы. Кроме того, в русском переводе ярче выступают наивные и неумелые изменения и переделки, несомненно принадлежащие перу Трусевича. Вообще это материал довольно подозрительного качества: попадают рассказы, несомненно, существующие в Малороссии, но Трусевич, очевидно, подсластил их а-ля Сахаров; попадают такие, параллелей на которые в литературе нет, и очень трудно определить степень их достоверности и отделить народное от принадлежащего Трусевичу. Та же легенда напечатана Кулишом в «Укр. нар. пред.» (ч. 1, отд. 1, Москва, 1847), экземпляр которой, чуть ли не единственный, находится в Имп. Публ. Библ. Текст почти во всем сходен с текстом Грабовского. В предисловии Кулиш сознается в “исправлении некоторых выражений”. Так как при издании “Записок о Южной Руси” он имел под руками запись только одного Грабовского, то, по всей вероятности, отличия всецело принадлежат Кулишу (Из письма ко мне Вл. Каллаша от 5 дек., 1888 г.)» (РО ИРЛИ. Ф. 45. Оп. 1. Ед. хр. 116). В заметке «Золотые врата в Киеве и Царьграде» (1888) А.Н. Веселовский сравнил варианты Кулиша и Грабовского и указал на ряд разночтений в текстах, однако вопрос о первоисточнике так и остался открытым. Спустя более ста лет попытку разобраться в этой запутанной истории предпринял украинский исследователь Евгений Нахлик. Он пишет: «Несколько иную версию этой легенды повезло записать из народных уст

Пантелеймону Кулишу во время проживания в Киеве (в студенческие годы — с сентября 1839 до конца 1840 — или, скорее, в период с августа 1841 до августа 1845, когда он преподавал сначала в Киево-Печерском, а затем в Киево-Подольском дворянских училищах). Собственноручно записанную легенду о Михайлике и Золотых воротах Кулиш сначала напечатал в своем сборнике “Украинские народные предания” (Москва, 1847), в которую вошли исторические предания и фантастические сказки, собранные им в основном на Киевщине во время летних каникул 1843–1845 гг., а также переданные ему приятелями. Здесь эта легенда открывает “Отдел первый. Предания исторические”, называется “Золотые киевские ворота” и сопровождается пометкой “рассказывал один старик нищий в Киеве”. <...> Двумя-тремя годами ранее с рукописью этого сборника ознакомился М. Грабовский, с которым П. Кулиш поддерживал дружеские творческие отношения с 1843 г. М. Грабовский сделал подробный обзор оставленной ему Кулишом рукописи народных преданий в упомянутой статье “O gminnych ukraińskich podaniach” (1845). Вполне правдоподобно, что тогда же в том же рукописном сборнике польский писатель прочитал у Кулиша запись легенды о Михайлике и Золотых воротах, что могло побудить его напечатать собственную запись (публикуя ее в “Rubon”, Грабовский почему-то не упомянул о существовании Кулишовского варианта). Кулиш же, по его воспоминаниям 1890-х гг., хотя и знал о статье Грабовского, все же, за неимением времени, никогда ее не только не читал, но и не видел. “Я знаю, — писал он в «Литературных воспоминаниях», — что Грабовский напечатал записанное мною предание польскими буквами в журнале «Rubon», но никогда не имел времени посмотреть, как он это сделал (Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского НАН Украины. Ф. 1. № 28559). Итак, одинаковое название легенды в статье Грабовского (“Legenda o Złotej Bramie Kijowskiej”) и в “Записках о Южной Руси” Кулиша <...> свидетельствует не о том, что Кулишу была известна публикация Грабовского <...>, а о том, что Грабовский перед тем, как отдать в печать свою запись легенды, ознакомился с версией Кулиша из рукописи “Украинских народных преданий”, где она называлась “Золотые киевские ворота”» [Нахлік 1999, с. 68].

24) См.: *Калитовский О.* Материалы по русской литературе апокрифичной. Львов, 1884.

25) АТУ 766 (Семь спящих, или Король под горой). Анализ этого мотива А.Н. Веселовский посвятил очерк «Легенда о возвращающемся императоре» из цикла «Откровения Мефодия и византийско-германская императорская сага». См.: *Веселовский А.Н.* Опыты по истории развития христианской легенды // ЖМНП. 1875. Ч. 179. С. 48–97. Веселовский привлекает к сравнению обширный материал, проводит связь между немецкой легендой об императоре Фридрихе II, скрывающемся в пещере на Кифгейзере в Тюрингии, с пробуждением которого вернется былое величие Германии, с аналогичными легендами о короле Артуре, о Карле Великом, о чешском князе Вацлаве Святом, о сербском Кралевице Марко и другими. Мотив «король под горой» широко

- распространен в мифологии и фольклоре. Он проснется, чтобы спасти свое отечество и изгнать со своей земли всех врагов. См. также: *Enzyklopädie des Märchens* / Ed. K. Ranke. Berlin; New York, 2007. Bd. 12. Siebenschläfer. S. 662–666.
- 26) Речь идет о дуалистических поверьях о мироздании. Исследование на эту тему А.Н. Веселовский опубликовал в серии «Разысканий в области русских духовных стихов», посвятив В.В. Каллашу. См.: *Веселовский А.Н. Дуалистические поверья о мироздании* // РОРДС. СПб., 1889. Вып. V. Ч. XI. С. 1–117; *Он же*. К вопросу о дуалистических космогониях // ЭО. 1890. № 2. С. 32–48; *Он же*. Еще к вопросу о дуалистических космогониях // РОРДС. СПб., 1891. Вып. VI. Ч. XX. С. 105–137. Переиздание этих работ с обширными дополнениями из архива А.Н. Веселовского см.: *Веселовский А.Н. Избранное: Традиционная духовная культура*. М., 2009. С. 263–400.
- 27) См.: *Сумцов Н.Ф.* Очерки истории южнорусских апокрифических сказаний и песен // Киевская старина. 1887. Т. XVIII. Июнь и июль. С. 235–242.
- 28) См.: *Rulikowski Edward.* Opis powiatu Wasylkowskiego: pod względem historycznym, obyczajowym i statystycznym. Warszawa, 1853.
- 29) См.: *Lud ukraiński, jego pieśni, bajki, podania, klechdy, zabobony, obrzędy, zwyczaje, przysłowia, zagadki, zamawiania, sekreta lekarskie, ubiory, tańce, gry.* Zebrał i stosownemi uwagami objasnił Antoni Nowosielski. Wilno, 1857. Т. 1–2.
- 30) См. в работе А.Н. Веселовского «Дуалистические поверья о мироздании» (1889) цитирование текста украинской легенды и сноску: «Киевская старина, 1887 г., Май, Олтаржевский, Из народных верований, стр. 196–197. Легенда слышана от старика крестьянина, бывавшего и в Кубанских степях, и в Одессе, и в Бессарабии» [Веселовский 2009, с. 358].
- 31) См. цитирование статьи Верковича «Описание быта болгар, населяющих Македонию» в работе Веселовского «Дуалистические поверья о мироздании» (1889) [Веселовский 2009, с. 356].
- 32) См.: *Гондатти Н.Л.* Следы языческих верований у маньзов // Тр. Этнограф. отдела ИОЛЕАЭ. М., 1880. Т. VIII. С. 49–73.
- 33) См.: *Веселовский А.Н.* Дополнения и поправки // Сб. ОРЯС. СПб., 1889. Т. XLVI. Ноябрь: «К стр. 5 (Черемисские легенды о мироздании). Благодаря Вл. Вл. Каллашу я могу сообщить еще несколько сведений о космогонических воззрениях черемисов по реферату Ф.Д. Нефедова “Черемисы — язычники Уфимской губернии”, читанному автором в 1885 г. в Этнографическом отделении Общ. Люб. Естествознания, Антропологии и Этнографии и пока не напечатанному. Действующие лица космогонической легенды — Юмо или Куго-юмо и его младший брат Киреметь или Шинкшир-Киреметлин» [Веселовский 2009, с. 343].
- 34) См.: *Kolberg Oskar.* Lud: Jego zwyczaje, sposób życia, mowa, podania, przysłowia, obrzędy, gusła, zabawy, pieśni, muzyka i tańce. Serya VII. Kraków, 1874.
- 35) Дочь М.П. Драгоманова — Лидия Михайловна Драгоманова (Шишманова) (1866–1937). См.: *Legendes pieuse des Bulgares, traduites par M-lie Lydia Dragomanova et annotées par M. Dragomanov* // Melusine. 1888. № 9–10, 12.
- 36) Строчка из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Не верь себе» (1839).

37) Как известно, В.В. Каллаш анонимно рецензировал работу А.Н. Веселовского «Дуалистические поверья о мироздании» (1889) в «Русской мысли». Сохраняя имя Каллаша в тайне, А.Н. Веселовский в работе «Еще к вопросу о дуалистических космогониях» (1891) писал: «Мое объяснение славянского, финско-тюркского и американского дуалистического мифа не раз наводило и меня на мысль, высказанную моим благосклонным ко мне рецензентом “Русской мысли” (1890, июль, с. 314–315): что мы, быть может, имеем здесь дело с самостоятельным зарождением одного и того же представления в разных этнических сферах, не соприкасавшихся друг с другом, и что дуализм мог быть одной из ступеней религиозного развития у многих народов» [Веселовский 2009, с. 373].

38) См. словенскую сказку «Король Матиаш»: с дружиной он скрылся в пещере, и придет время, когда король пробудится от вечного сна, уничтожит всех врагов и изгонит неправду со света.

39) См.: *Ивановский А. и Каллаш В.* Легенды о колосе и манне небесной // ЭО. 1890. Кн. 7. № 4. Смес. С. 263–265.

40) Пайк Янко (*Janko Pajk*, 1837–1899) — словенский филолог, философ.

41) Легенды и апокрифы о хлебном колосе см.: «Народная Библия»: Восточнославянские этиологические легенды / Сост., коммент. О.В. Беловой. Отв. ред. В.Я. Петрухин. М., 2004; У истоков мира: Русские этиологические сказки и легенды / Сост. и коммент. О.В. Беловой, Г.И. Кабаковой. М., 2014 и др.

42) В работе «Дуалистические поверья о мироздании» (1889) Веселовский замечает: «Nowosielski, Lud Ukrainśki, I (Wilno, 1857), с. 2–3, заимствовал соответствующий рассказ у Руликовского, не ссылаясь на него» [Веселовский 2009, с. 357].

43) Пересказ из сборника Новосильского см. в работе А.Н. Веселовского «Дуалистические поверья о мироздании» (1889) [Веселовский 2009, с. 299].

44) См.: *Соловьев Е.* О Богомилах // Вятские епарх. ведомости. 1865. № 2, 3, 5, 6–8, 10.

45) См.: *М....* Религиозный характер древних христиан русских (XI–XII вв.) // Полтавские епарх. ведомости. 1865. № 23. С. 374–390; № 24. С. 408–426.

46) См.: *Свящ. Ф. Алонзов.* О религиозных верованиях некрещеных черемис Бирского уезда // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Оренбург, 1865. С. 1–8.

47) Научно-литературный журнал «Зоря» — печатный орган Научного товарищества им. Т. Шевченко, объединял патриотически настроенные силы просвещенных кругов Галиции и Буковины. Выходил во Львове с 1880 по 1897 г.

48) См. примеч. 37. Перевод болгарских религиозных легенд на французский язык сделала Лидия Драгоманова-Шишманова. Отдельное издание: *Legendes pieuses des Bulgares, traduites par Mlle Lydia Dragomanova et annotées par M. Dragomanov.* Paris, 1896.

49) См.: *Барсов Е.В.* Северные сказания о Лембохх и удельниках // Изв. ИОЛЕАЭ. Тр. Этнограф. отдела. 1874. Т. 13. Кн. 3. С. 87–90.

50) См.: *Веселовский А.Н.* Мелкие заметки к былинам. IX. Киевские пещеры // ЖМНП. 1889. Ч. 258. Май. С. 31: «При бедности хронологических данных для истории былинного эпоса, указание на Владимира-богатыря из 1675–1676 гг. не лишено такого же интереса, как и показание Сарницкого о “bohaticos, id est semideos”, в киевских пещерах. Соответствующий отрывок, процитированный проф. Дашкевичем наполовину, я могу сообщить благодаря любезности Вл.Вл. Каллаша по редкому изданию: “Sarnicius, Descriptio veteris et novae Poloniae cum divisione eiusdem veteri et nova” (s. I. 1585 г.». Далее следует выписка из письма В.В. Каллаша.

51) «Киев — древняя резиденция русских князей. И как некогда римляне баснословили о северных и индейских уродах и диковинах, так и русские теперь стараются уверить других о своих чудесах и героях, которых зовут богатырями, то есть полубогами. Они погребены по русскому обычаю в горных пещерах, которые будто бы, как подземные коридоры, тянутся на огромное пространство даже до Новгорода Великого. Только то несомненно и считается за чудо богомольцами, стекающимися в Киев, что монахи показывают там нетленные тела князей, которые благодаря какому-то особому свойству местности остаются без всякого повреждения много лет. Киевляне относят это к религии и приписывают святости места». — Перевод с латыни воспроизведен по изданию: Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей. Киев, 1874. С. 3.

52) См.: *Sarnicki S.* Annales sive de origine et rebus gesus Polonorum et Lithuanorum, libri VIII. Cracoviae, 1587.

53) «Тогда же двое братьев Струсов, дюжие и храбрые парни, погибли при нападении Валахов. О них и по сию пору поются жалостным голосом элегии, кои Русские называют “думами”, и певцы пластикой, покачиваясь туда-сюда, выражают то, о чем поется в песне; и под звуки флейты даже чернь время от времени посреди жалостливой мелодии, повторяя за [ними], выражает то же самое». — Перевод с лат. Е.С. Иванюк.

54) См. примеч. 52. На стр. 32 Веселовский пишет: «Старый эпос стал уже пещерным, когда раздался эпос дум, первое по времени упоминание о которых мы встречаем под 1506 годом у того же Сарницкого». Далее в сноске: «Соответствующий текст приведен г. Житецким в его “Очерке звуковой истории малорусского наречия”, стр. 289, прим. 1».

55) Речь идет о первом номере «Этнографического обозрения» — журнала, посвященного «всестороннему изучению быта всех народностей России». С инициативой его создания в конце 1887 г. выступил Вс.Ф. Миллер. С 1881 по 1913 гг. он был председателем Этнографического отдела ИОЛЕАЭ. Задачи и цели журнала: «развитие русской этнографии»; объединить людей, «работающих в области русской этнографии»; «согласить научность содержания с популярностью изложения»; «популяризация научных выводов и разработка вопросов мало исследованных или вовсе не затронутых наукой» [ЭО. 1889. № 1. С. I–II]. Первый номер был подписан к печати 5 мая 1889 г. Издавался четыре раза в год (2 номера в первое полугодие, 2 номера во второе

полугодие). Редакторы журнала: Вс.Ф. Миллер, Н.Н. Харузин, В.В. Каллаш, А.А. Ивановский, Г.И. Куликовский, А.С. Хаханов, В.Н. Харузина. В первом выпуске с программной статьей «О задачах русской этнографии» выступил Д.Н. Анучин.

56) См.: *Богаевский П.М.* Очерк быта сарапульских вотяков // Сборник материалов по этнографии / Изд. Вс. Миллером. М., 1885. С. 13–64 (А.Н. Веселовский цитирует записанную Богаевским вотяцкую легенду в работе «Дуалистические поверья о мироздании» (1889)); *Он же.* Заметки о юридическом быте крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии; Решения волостных судов Сарапульского уезда Вятской губернии. Б. м.: Губерн. тип., 1889. С. 33–59; *Он же.* Очерки религиозных представлений вотяков // ЭО. 1890. № 1. С. 116–163; № 2. С. 77–109. В оттиске статьи «Дуалистические поверья о мироздании» (1889) А.Н. Веселовский записал карандашом: «См. Этнографич. Обзор., IV, стр. 143 след. Богаевский, Очерки религиозн. представлений вотяков» [Веселовский 2009, с. 352].

57) См.: *Sto prstonárodních pohádek a pověsti slovanských. Čítanka slovanská.* Vydal Karel Jaromír Erben. V Praze, 1865 (Maloruské, № 50. S. 143).

58) См. здесь: *Beiträge aus der Bukowina. 1. Gott und der Teufel* // *Zeitschrift für deutsche Mythologie und Sittenkunde.* 1853. Bd. 1. S. 178–180.

59) См. у Веселовского в работе «Дуалистические поверья о мироздании» (1889): «Уже во время печатания этой статьи В.В. Каллаш доставил мне следующий вотяцкий вариант легенды о мироздании, записанный г. Богаевским в Сарапульском уезде Вятской губернии, от вотяка Лаврентия в деревне Новый Сентяч» [Веселовский 2009, с. 355]. Далее следует выписка.

60) См.: *Веселовский А.Н.* Дополнения и поправки // Сб. ОРЯС. 1889. Т. XLVI. Ноябрь. С. 351: «К стр. 1–2 (Экскурс об Иггдрасиле). В “Киевской старине” 1889 г., Январь, с. 231–2 помещена любопытная колядка о сотворении мира, пополненная внесением подробностей, из которых не все являются развитием ее первичных данных. Указанием на нее я обязан В.В. Каллашу». Далее следует текст колядки [Веселовский 2009, с. 336].

61) На оттиске «Южнорусских былин» (ч. 1, с. 6) А.Н. Веселовский карандашом вносит новую сноску: «К “Михаилу семилетке” сл. заметку Савича в “Киевской старине”, 1889 г., Март, стр. 733–9: заметка о малорусских “семи-летках богатырях” или близнецах» [Веселовский 2013, с. 14].

62) См.: *Верещагин Г.Е.* Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии // Зап. ИРГО по Отделению этнографии. СПб., 1886. Т. XIV. Вып. 3. 218 с. Ссылка на это издание и тексты вотяцких преданий о мироздании и о дележе см.: *Веселовский А.Н.* Дополнения и поправки // Сб. ОРЯС. 1889. Т. XLVI. Ноябрь. С. 351–369.

63) В оригинале: Еремія.

64) В оригинале: Гжрменѣ.

65) В оригинале: Царь Александр.

66) В оригинале: Марко крале.

67) Маждрак — холодное оружие.

68) В оригинале: Илин-день.

69) Заметка была опубликована в ЭО. См.: *Каллаш В.В.* К малорусским легендам об Илье Муромце // ЭО. 1889. № 3. С. 241–242.

70) Суета сует (пер. с лат.).

71) VIII Археологический съезд прошел в Москве в январе 1890 г. См.: Труды восьмого Археологического съезда в Москве. М., 1890. Т. 1–4 (Доп. Каталог выставки).

72) А.Н. Веселовский использует эту легенду в работе «Еще к вопросу о дуалистических космогониях» (1891). «Изначально земля, которая лежала среди морей на двух китах, должна была быть равна и однообразна. Однако дьявол вмешался и нарушил порядок мироздания. Потому что Бог в это время был занят своим великим делом — сотворением мира. Дьявол уговорил утку украсть немного земли. Но Бог увидел это и послал за беглянкой ястреба, который ее догнал и начал душить. Утка открыла клюв для крика и выронила украденную землю. И тогда из этой земли сделались горы» (пер. с пол. А. Дбружинского).

73) «Шла баба по перекладине через реку, а навстречу ее Дьявол. “Скажи мне, баба, кто лучше: Бог или я? Но скажи правду, иначе лететь тебе с этой перекладины до самой реки”. Только и баба не лыком шита, желая ловко выкрутиться из трудного положения, так отвечала дьяволу: “Пан Дьявол, Бог — добрый, но и ваша милость никак не из самых скверных, это дурные люди всякое о вас болтают»» (пер. с пол. Е.С. Твердисловой при участии С. и Д. Сиесс-Кшишковских).

74) См.: *Tordinak N.* Hrvatske narodne pjesme i pripoviedke iz Bosne. U Vukovaru, 1884.

75) Речь идет о цикле «Мелкие этнографические заметки». См.: *Каллаш В.В.* Мелкие этнографические заметки: 1. К вопросу о прозвании Ильи Муромца; 2. К малороссийским легендам об Илье Муромце; 3. К былинам о Соловье-Разбойнике; 4. Малороссийские песни о Дунае-богатыре; 5. Тугарин; 6. К песням и былинам о Журиль-Чуриль-Цюриль; 7. Журь; 8. К белорусскому народному снотолкователю г. Романова; 9. Превращение в растения и деревья; 10. Сон-трава // ЭО. 1889. Кн. 3. С. 203–210.

76) Памятники русской старины в Западной губернии / Изд. П.Н. Батюшкова. СПб., 1885. Вып. VII.

77) *Халанский М.Г.* Великорусские былины Киевского цикла. Варшава, 1885. С. 209: «Распространенность имен Чурило, Журило, Цюрило в юго-западной Руси в песнях и местных названиях дает большую вероятность мнению о южнорусском происхождении сказаний об этом богатыре».

78) Народные песни Галицкой и Угорской Руси, собранные Я.Ф. Головацким. М., 1878. Ч. 3. Думы и думки.

79) См.: *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej.* Kraków, 1878. Т. 2.

80) См.: *Майков Л.Н.* Новые данные русского эпоса из Заонежья // Древняя и Новая Россия. 1876. № 6. С. 195–198.

81) См.: *Веселовский А.Н.* К вопросу о дуалистических космогониях // ЭО. 1890. № 2. С. 32–48.

- 82) См.: *Харузин Н.* Русские лопари (Очерки прошлого и современного быта) // Изв. ИОЛЕАЭ. Т. 66. Тр. Этнографического отдела. М., 1890. Т. 10.
- 83) Речь идет о Дашковском Этнографическом музее — подразделении Румянцевского музея. Коллекция музея образовалась благодаря В.А. Дашкову — директору Румянцевского музея. В 1867 г. им была организована Московская этнографическая выставка, после которой коллекция музея изрядно пополнилась. С 1884 по 1897 г. хранителем музея был В.Ф. Миллер.
- 84) Всеволод Федорович Миллер (1848–1913), российский филолог, ориенталист, фольклорист, археолог, глава «исторической школы» фольклористики.
- 85) См.: *Миллер В.Ф.* Экскурсы в область русского народного эпоса. М., 1892.
- 86) А.Н. Веселовский планировал издание продолжения «Южнорусских былин». Подробнее об этом см.: *Говенько Т.В.* А.Н. Веселовский как исследователь эпической и обрядовой традиции // *Веселовский А.Н. Избранное: Эпические и обрядовые традиции.* М., 2013. С. 622–634.
- 87) Подобный труд под ред. В.В. Каллаша опубликован не был. Наиболее известна книга: *Каллаш В.В.* Из истории малорусской литературы 20–30-х годов XIX века. Киев, 1900–1901.
- 88) Речь идет о шестом выпуске «Разысканий в области русского духовного стиха», одна из глав которых является продолжением исследования дуалистических поверий о мироздании. См.: *Веселовский А.Н.* Еще к вопросу о дуалистических космогониях // РОРДС. СПб., 1891. Вып. 6. Ч. XX. См. также издание: *Веселовский А.Н. Избранное: Традиционная духовная культура.* М., 2009. С. 362–381; дополнительный материал из архива ученого см.: Там же. С. 381–400.
- 89) См.: *Русская мысль.* 1890. № 7. С. 313–315. В рецензии В.В. Каллаш высоко оценивает исследование А.Н. Веселовского, однако замечает, что «несмотря на полноту инородческих вариантов космогонической легенды, польские материалы представлены довольно слабо» [Каллаш 1890, с. 314], и указывает на следующие издания: *Stefanija Ulanowska.* Symbolika wiosenna. Kraków, 1884; *Karol Mátyás.* Świat i przyroda w wyobraźni chłopa: przyczynek do etnograficznego studyum. Warszawa, 1888. Т. 2; *Aleksander Petrów.* Lud Ziemi Dobrzyńskiej // *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej.* 1878. Т. 2. S. 125. Этот пробел А.Н. Веселовский восполнил в работе «Еще к вопросу о дуалистических космогониях» (РОРДС. 1891. Вып. VI. Ч. XX) и в «Дополнениях и поправках к V-ому выпуску “Разысканий”» (Сб. ОРЯС. 1891. Т. LIII. Июнь. С. 215).
- 90) Журнал «Живая старина» — периодическое издание Отделения этнографии Императорского Русского географического общества — был учрежден в 1890 г., прекратил свое существование в 1916 г. Издавался под редакцией В.И. Ламанского. Реакцию на появление нового журнала см.: *Миллер В.Ф.* [Рец.] «Живая старина» — периодическое издание Отделения этнографии Императорского Русского географического общества под ред. Ламанского. Вып. I. СПб. 1890 // ЭО. 1890. № 4. С. 176.
- 91) В пятом выпуске ЭО В.В. Каллаш продолжает анализировать былинные мотивы и имена былинных богатырей; см.: *Каллаш В.В.* Мелкие этнографи-

ческие заметки: 1. К вопросу о прозвании Ильи Муромца. 2. Жур и Журило-Чурило-Цюрило. 3. К вопросу об имени Соловья Разбойника и Соловья Будимировича. 4. Алеша Попович и Тугарин — Александр Македонский и Пор. 5. Кожемяка — Ян Усможвец. 6. К сказанию о хождении русских богатырей в Царьград. 7. Татуировка и окрашивание трупов. 8. Чоботько или Чоботок. 9. К борьбе Ильи Муромца с сыном. К вопросу об укрощении змей // ЭО. 1890. Кн. 5. № 2. С. 250–258. В этом же выпуске он отвечает на критическую рецензию (см.: Русский филологический вестник. 1890. Т. 23. № 1. С. 159): <Каллаш В.В.> Pro domo sua // ЭО. 1890. Кн. 5. № 2. С. 248–251. 92) Янчук Николай Андреевич (1859–1921), российский этнограф, фольклорист, писатель. Главный редактор ЭО с 1889 по 1916 гг. С 1897–1920 гг. хранитель Дашковского этнографического музея. Читал лекции в Московском университете по белорусской и украинской литературам.

93) См.: Каллаш В.В. Сумароков и балаганный гаер // Литературный вестник. 1901. Т. II. Кн. 6. С. 134; Он же. Материалы для истории народного театра. «Царь Максимилиан» // ЭО. 1898. Кн. 39. № 4. С. 47–68; Он же. К истории народного театра: Царь Максимилиан. М., 1899; Он же. Страничка из истории русского народного театра. М., 1903; История русского театра / Под ред. В.В. Каллаша и Н.Е. Эфроса. М., 1914. Т. 1.

94) Из письма А.В. Маркова А.Н. Веселовскому: «Недавно я достал у Вл.Вл. Каллаша курс Ваших лекций по истории эпоса 1884–5 гг.» [Азбелев 1992, с. 18].

95) Каллаш В.В. К истории народного театра: Царь Максимилиан. М., 1899.

96) Киреев Николай Петрович (1843–1882), русский актер, драматург, переводчик.

97) Под редакцией В.В. Каллаша вышло первое научно комментированное полное собрание сочинений И.А. Крылова с письмами и вариантами басен. См.: Полное собрание сочинений И.А. Крылова / Ред., вст. ст. и прим. В.В. Каллаша. СПб., 1904–1905. Т. 1–4.

98) См.: Веселовский А.Н. Из истории русского сентиментализма. Жуковский и Андрей Тургенев по новым данным. Эпизод из имеющей появиться книги о Жуковском // Научное обозрение (литературный журнал). 1902. Ч. IX. № 3. Март. С. 22–33; № 4. Апрель. С. 42–58; Он же. «Алеша Попович» и «Владимир» Жуковского // ЖМНП. 1902. Ч. 341. Май. С. 126–147; Он же. В.А. Жуковский. Чтение академика А.Н. Веселовского. СПб., 1902. Май. С. 1–12.; Он же. Жуковский о Байроне, Гете и Шиллере // Научное обозрение. 1902. Ч. IX. № 12. Декабрь. С. 1–20; Он же. Из писем канцлера Фридриха фон Мюллера к В.А. Жуковскому // Изв. ОРЯС. 1904. Т. IX. Кн. 3. С. 339–342; Он же. В.А. Жуковский и А.И. Тургенев в литературных кружках Дрездена (1826–1827 гг.). Заметки к дневнику А.И. Тургенева. I–V // ЖМНП. 1905. Май. С. 159–183.

99) Петр Александрович Ефремов (1830–1908), российский литературовед, историк русской литературы, библиограф. Подготовил к печати восьмое издание «Сочинений» В.А. Жуковского с письмами и дневниками поэта. См.:

Жуковский В.А. Сочинения: В 6 т. / Под ред. П.А. Ефремова. 8-е изд., испр. и доп. СПб., 1885.

100) См.: Жуковский В.А. Полное собрание сочинений в 12-ти томах / Под ред. А.С. Архангельского. СПб., 1902.

101) Письма В.А. Жуковского, М.А. Мойер и Е.А. Протасовой / Под ред. А.Е. Грузинского. М., 1904.

102) Шахматов Алексей Александрович (1864–1920), академик, русский филолог, историк, лингвист.

103) Веселовский А.Н. В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904.

Литература и источники

Азбелев 1992 — Азбелев С.Н. Веселовский и историческое изучение эпоса // Наследие Александра Веселовского: Исследования и материалы. СПб., 1992. С. 6–31.

Велецкая 1978 — Велецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978.

Веселовский 1886 — Веселовский А.Н. Из истории романа и повести. Вып. 1. Греко-византийский период // Сб. ОРЯС. 1886. Т. 40. Прил. № 2. С. 131–451.

Веселовский 1888 — Веселовский А.Н. Мелкие заметки к былинам. V. Золотые врата в Киеве и Царьграде // ЖМНП. 1888. Т. 257. Май. С. 74–75.

Веселовский 2009 — Веселовский А.Н. Избранное: Традиционная духовная культура. М., 2009.

Веселовский 2013 — Веселовский А.Н. Избранное: Эпические и обрядовые традиции. М., 2013.

Гусев 1992 — Гусев В.Е. Славистическая проблематика в трудах Веселовского // Наследие Александра Веселовского: Исследования и материалы. СПб., 1992. С. 128–145.

Каллаш 1889 — Каллаш В.В. Положение неспособных к труду стариков в первобытном обществе // ЭО. 1889. № 2. С. 135–169.

Каллаш 1890 — [Каллаш В.В.] Библиографический отдел // Русская мысль. 1890. № 7. С. 314–315.

Каллаш 1902 — Каллаш В.В. «Поэтический дядька чертей и ведьм немецких и английских» // Русская мысль. 1902. Кн. 4. С. 138–157.

Керимова 2011 — Керимова М.М. О создании журнала «Этнографическое обозрение» (1889–1916) (по архивным материалам В.В. Богданова) // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 397–412.

Нахлік 1999 — Нахлік Євген. Легенда про золоті ворота в Києві у варіантах М. Грабовського і П. Куліша // Вісник Львів. ун-ту. Серія філологічна. Львів, 1999. Вип. 27. С. 67–78.

Ягич 1911 — Ягич И.В. История славянской филологии. СПб., 1911.

Письма В.В. Каллаша к А.Н. Веселовскому

Впервые подготовлены к публикации письма видного историка В.В. Каллаша к академику А.Н. Веселовскому. Насыщенные научными фактами и новыми историографическими сведениями, они позволяют заглянуть в творческую лабораторию А.Н. Веселовского, а также получить представление о жизни и деятельности В.В. Каллаша.

Ключевые слова: историография, дуалистические поверья, южнорусский эпос, литературоведение, фольклористика.

Letters from V.V. Kalash to A.N. Veselovsky

For the first time, the letters from the prominent historian V.V. Kallash to academician A.N. Veselovsky have been prepared for publication. Rich with scientific facts and new historiographic information, they allow a glimpse into the creative laboratory of A.N. Veselovsky and also present an idea of the life and activity of V.V. Kallash.

Keywords: historiography, dualistic legends, South Russian epic songs, literature studies, folklore studies.

СТАТЬИ ДЛЯ БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ
«РУССКИЕ ФОЛЬКЛОРИСТЫ»

Блок Александр Александрович [16(28).11.1880, г. С.-Петербург — 7.8.1921, Петроград] — поэт, драматург, критик, переводчик. Отец, Александр Львович Блок, — юрист, профессор права Варшавского университета, мать, Александра Андреевна Кублицкая-Пиотух (урожденная Бекетова), — переводчица, дочь ректора СПб. ун-та А.Н. Бекетова и переводчицы Е.Г. Бекетовой. В 1903 женился на дочери Д.И. Менделеева Любви Дмитриевне. Окончил С.-Петербургский Императорский университет по Славяно-русскому отделению Историко-филологического факультета. Принадлежал к поколению «младших» символистов. Наиболее важные литературно-философские традиции, повлиявшие на становление творческой индивидуальности, — лирика и философия В.С. Соловьева, философия Платона. Литературный дебют состоялся в 1903. В 1904 опубликовал первый из 10 поэтических книг сборник «Стихи о Прекрасной Даме» (М.: Гриф). С 1906 начинает писать драматические произведения (основные: «Балаганчик», «Незнакомка», «Король на площади», «Песня Судьбы», «Роза и Крест»). В 1906–1911 выходят книги «Нечаянная Радость» (М.: Скорпион, 1907), «Снежная Маска» (СПб.: Оры, 1907), «Земля в снегу» (М.: Золотое руно, 1908), «Ночные часы» (М.: Мусагет, 1911). Сотрудничал во всех символистских журналах («Новый путь», «Весы», «Перевал», «Труды и дни», в журнале «Золотое руно» 1907 вел критический отдел, неожиданно для собратьев по символизму обнаруживая интерес и близость к традициям демократической литературы). В 1911 переработал свои пять поэтических книг в трехтомное собрание стихотворений (Т. 1–3. М.: Мусагет, 1911–1912) — так называемую «лирическую трилогию», «роман в стихах», создающий «миф о пути». Каждое последующее издание «трилогии» включало в себя все значительное, что создавалось между редакциями: цикл «Кармен» (1914), посвященный певице Л.А. Андреевой-Дельмас, поэма «Соловьиный сад» (1915), стихи из сборников «Ямбы» (Пб.: Алконост, 1919), «Седое утро» (Пб.: Алконост, 1920). Принимал участие в ряде филологических изданий (комментарий к стихотворениям А.С. Пушкина, издания стихотворений Ап. Григорьева, М.Ю. Лермонтова, раздел «Поэзия заговоров и заклинаний» в «Истории русской литературы» (Т. 1. Вып. 2 / Под ред. Евг. Аничкова и др. М., 1908. С. 81–100). В 1916 был призван в армию, служил табельщиком 13-й инженерно-строительной дружины Земского и Городского союзов под Пинском. После Февральской революции возвращается в Петроград и входит в состав Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию преступлений царского правительства в качестве редактора стенографических отчетов. Материалы следствия обобщены в книге «Последние дни императорской власти» (Пг., 1921). После Октябрьской революции недвусмысленно заявляет о своей позиции, ответив на анкету «Может ли интеллигенция работать с большевиками», — «Может и обязана»,

одновременно напечатав в январе 1918 в левозэсеровской газете «Знамя труда» цикл статей «Россия и интеллигенция», открывавшийся «Интеллигенцией и революцией», а в феврале поэму «Двенадцать» и стихотворение «Скифы».

После 1918 пишет лишь шуточные стихи «на случай», готовит последнюю редакцию «лирической трилогии», однако новых оригинальных стихов не пишет вплоть до 1921. В то же время с 1918 наступает новый подъем в прозаическом творчестве. Цикл «Россия и интеллигенция» выходит отдельной книгой (1-е изд. — М.: Революционный социализм, 1918; 2 издание — Пг.: Алконост, 1919). Делает культурфилософские доклады в Вольфиле («Крушение гуманизма» — 1919, «Владимир Соловьев и наши дни» — 1920), Школе журнализма («Катилина» — 1918), пишет лирические фрагменты («Ни сны, ни явь», «Исповедь язычника»), фельетоны («Русские денди», «Сограждане», «Ответ на вопрос о красной печати»). Огромная часть написанного связана со служебной деятельностью Б.: после революции он впервые был вынужден искать не только литературный заработок, но и государственную службу. В сентябре 1917 становится членом Театрально-литературной комиссии, с начала 1918 сотрудничает с ТЕО Наркомпроса, в апреле 1919 переходит в Большой Драматический театр. Одновременно становится членом редколлегии издательства «Всемирная литература» под руководством М. Горького, с 1920 — председателем Петроградского отделения Союза поэтов. Первоначально участие в культурно-просветительских учреждениях мотивировалось убеждениями о долге интеллигенции перед народом. Однако острое несоответствие между представлениями Б. об «очищающей революционной стихии» и кровавой повседневностью наступающего тоталитарного бюрократического режима привело к все большему разочарованию в происходящем и заставило поэта вновь искать духовную опору для существования. В его статьях и дневниковых записях появляется мотив катакомбного существования культуры. Мысли Б. о неуничтожимости истинной культуры и о «тайной свободе» художника, противостоящей попыткам «новой черни» на нее посягнуть, были высказаны в его статье «О назначении поэта» и стихотворении «Пушкинскому Дому» (февраль 1921). В апреле 1921 нарастающая депрессия переходит в психическое расстройство, сопровождаемое болезнью сердца. Скончался 7 августа 1921.

Детство прошло в доме деда, ректора СПб. университета А.Н. Беке-това. Среди самых ярких детских и юношеских впечатлений — ежегодные летние месяцы в подмосковном имении Бекетовых Шахматово, с которым связаны и первые встречи с живым фольклором, оказавшие воздействие на его восприятие народного творчества на протяжении всей жизни. Внимание молодого Блока прежде всего привлекали услышанные от крестьян мистические поверья. О поверье «Она мчится

по ржи», поразившем Блока еще в юности, он упоминает в дневнике 1902 г. (январская запись): «24 июля 1901 года. В Боблове поверье: “Она” “мчится по ржи”». 26 июня того же года он записывает «перед ночью»: «Но ужаснее и “глубиннее” всего поверье о том, что “Она” “мчится” по ржи. Как оно попало в народ? Кто занес эту страшную легенду? С нами крестная сила» (Собр. соч. В 8 т. Т. 7. М., 1963. С. 38, 48). В <июле> 1902 пишет о том же З.Н. Гиппиус: «Здесь в одной из соседних деревень ходит странное (и уж исторически совсем необъяснимое) поверье: “она мчится по ржи” (буквально — и больше ничего). Кажется, что теперь это “она” исчезла до времени. Тут есть ведь совпадение, какая-то трудно уловимая, но ощутительно одна мечта и с тем Петербургом, который “поднимется с туманом” у Достоевского, и с Вашим “невидимым градом Китежем”: все они возвратятся *иными* “в последний день”» (Собр. соч. В 8 т. Т. 8. М., 1963. С. 34). Работая в 1904 г. над курсовым сочинением «Болотов и Новиков», Блок вновь вспоминает об этом поверье в связи с рассказом в «Записках» А.Т. Болотова о народном поверье, именуемом «коровьей смертью», которое мемуарист считает доказательством «грубому невежеству и глупости нашего подлого народа»: «Андрос вез хлеб с поля, а она бежит-бежит по нашей роще и тотчас рассыпалась, как скоро Андрос ее увидел». На полях «Записок» Блок сделал надпись: «...Не “она ли мчится по ржи”? (коровья смерть). Древнее...» (Наследие А. Блока и актуальные проблемы поэтики: Блоковский сборник IV. Тарту, 1981. С. 82). Авторы публикации черновых материалов реферата предполагают, что от этой записи протягиваются первые нити к статьям о народе и интеллигенции, где «в трактовке поверья появляется теперь новый аспект: “она” — это не только знак “судного дня”, но и отражение исконной стихийной силы, носителем которой является народ, ощущающий грядущие апокалиптические перемены острее, чем обладающая культурой интеллигенция» (Владимирова И. <Душечкина И.В.>, Григорьев М. <Альтшуллер М.Г.>, Кумпан К. А.А. Блок и русская культура XVIII века // Там же. С. 40–41). В статье «Стихия и культура» Блок воспроизвел это поверье вместе с двумя другими, услышанными в Шахматово, в своем противопоставлении «стихийной» живой народной жизни искусственной жизни современной культуры: «Они видят сны и создают легенды, не отделяющиеся от земли: о храмах, рассеянных по лицу ее, о монастырях, где стоит статуя Николая Чудотворца за занавесью, не виданная никем, о том, что, когда ветер ночью клонит рожь, — это “Она мчится по ржи”, о том, что доски, всплывающие со дна глубокого пруда, — обломки иностранных кораблей, потому что пруд этот — “отдушина океана”» (Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М., 2010. Т. 8. С. 94). В записной книжке № 21 23 июня 1908 г. Блок фиксирует имена крестьян, от которых слышал эти местные легенды: «В озере под деревней Сергиевской нет дна. Иногда всплывают доски с

иностранными надписями — обломки кораблей. Это — отдушина океана (рассказывал Владимир Ястребов лесничему Сергею Ермолаевичу Князеву <...> *Князев рассказывает*: <...> В женском монастыре в Вятке — статуя Христа за занавеской (только для любопытных). Есть статуи Христа и Николая Чудотворца — деревянные и высеченные из камня» (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 341).

Вторая сфера народного творчества, неизменно важная для Блока, — народная песня во всех жанровых разновидностях (лирические, плясовые, хороводные, колыбельные, частушки), а также городской романс. 23 июля 1902 в записной книжке № 1 появляется фраза: «Пели мужики». Значимость этого впечатления подтверждается позднейшей припиской в 1921: «Вот это я описал в 1921 г., в “Ни снах, ни яви”. С тех пор все прахом пошло» (Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 32). Однако, согласно воспоминаниям Андрея Белого, высказывания Блока о народных песнях свидетельствовали о сложном к ним отношении: «Расспрашивал я А.А., любил ли он народные песни. — Нет! Там — надрыв!» (*Белый Андрей*. Воспоминания о А.А. Блоке // *Эпопея*. 1922. № 1. С. 268).

В то же время известны его негативные высказывания о былинах: «Полувывдумки сентиментальных и народолюбивых ученых; какие-то богатыри, которые умеют ругаться, умеют бахвалиться, а лучше всего умеют пьянствовать и расправлять грязные кулачищи. Как запахнет западной легендой, свежее становится; как обработает эту легенду какой-нибудь болгарский поп и привезет в Россию, становится нестерпимо: из легенды вышло не вздыхающее предание, не повесть о любви легкой и бессмертной, а какой-то отвратительный поползень, который окарачь ходит» (Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2003. Т. 7. С. 35). Столь же негативно Блок высказался о русских пословицах: «На Руси — что ни пословица, то пошлость» (Там же).

В 1903–1907 освоению фольклора и научной традиции его изучения способствовали три импульса. Первый — интерес Блока к различным формам магии, колдовства, ворожбы. Магическая тема с самого начала встраивается и в житнетворческий сакрализованный любовный сюжет, и в становящийся литературный сюжет будущей «лирической трилогии». О ее значимости свидетельствует тот факт, что во второй и третьей редакциях «лирической трилогии» (1916 и 1918) в первом томе II и III разделы цикла «Стихи о Прекрасной Даме» были названы «Ворожба (Лето 1901 года)» и «Колдовство (Осень и зима 1901 года)» (*Блок А. Стихотворения*. М.: Мусaget, 1916. Кн. 1 (1898–1904); *Блок А. Стихотворения*. Пб.: Земля, 1918. Кн. 1 (1898–1904)). В сб. «Нечаянная Радость» (М.: Скорпион, 1907) один из разделов также носит название «Магическое». В стихотворениях, входящих в эти разделы, «встречи» между земным героем и небесной героиней прямо описываются как магическое действие («ворожба», «гадание»).

При этом субъектами магических действий оказываются и герой, и героиня («Ты гадаешь. Меня не зови. / Я и сам уж давно ворожу»). Героиня в таких стихотворениях проявляет «демоническую» природу. Герой осознает себя «околдованным», причем колдовство связано с любовной магией, а любовь — с мотивом «огней». «Полоненными ворожбой» в стихотворении оказываются даже дни, которые проживаются героем. Можно предположить, что здесь намечаются два будущих важных для зрелого Блока сюжета. Первый, магистральный, — о пленной Душе мира, ожидающей героя-спасителя. Мотив «плена» неизбежно влечет за собой появление нового персонажа, который в своем происхождении полигенетичен. Это и русский фольклор (образ колдуна в «Поэзии заговоров и заклинаний»), и пушкинские сказки (чародей в «Сказке о царе Салтане»), и Гоголь (Колдун в «Страшной мести»), и гностические легенды (Симон Маг, он же, в другом переводе, Симон Волхв).

Второй, дополнительный к основному мифу «младших» символистский сюжет — о «пленном» или заблудившемся герое. Если в основной сюжетной версии пленная София ждет героя-спасителя, то в «мужском» варианте сюжета в плену оказывается герой (заблудившийся, сбившийся с пути, изменивший, попавший в плен к злой волшебнице), вся надежда которого на спасающую женскую верность (Сольвейг, Герда), заступничество (Богоматерь в легенде о Нечаянной Радости).

Второй импульс — события революции 1905–1907, обнажившей неустойчивую, стихийную природу бытия. В лирике этого времени становится ведущей тема «стихии», как природной, так и социальной. Воплощением «стихии», одновременно разрушительной, но и очищающей, созидательной, для Блока была прежде всего «народная душа», путь к ее познанию виделся Блоку, как и многим символистам, через постижение фольклора, языческого мифа. Возвращение современного художника к мифологическим пластам народного сознания осмыслялось как путь индивидуалистического субъективистского творчества к познанию «народной души» и России. Фольклорные, мифологические мотивы «болотных» стихотворений сборника «Нечаянная Радость» (собранные позднее в цикле «Пузыри земли»), «твари весенние», колдуны, русалки, «косматые ведьмы», чертенята, карлики, нимфа Эхо, свадьба Весны с колдуном, — вся эта народная демонология понимается Блоком как воплощение «старинного предания», «спасаемого» современным художником от забвения и одновременно «спасающего» художника от индивидуалистического отчуждения от народной жизни. Об этом Блок писал и в статьях «Девушка розовой калитки и муравьиный царь» (1906) и «Поэзия заговоров и заклинаний» (1908), созданных одновременно со сборником «Нечаянная Радость».

Третий импульс, относящийся уже не к фольклору, а к фольклористике, — университетские штудии, среди которых следует особо

отметить занятия с научным руководителем Блока проф. И.А. Шляпкиным, а также лекции проф. Ф.Ф. Зелинского, приравнивавшего античную мифологию к фольклору. Курс истории народной словесности читал И.А. Шляпкин (лекции хранятся — РНБ. Ф. 865. № 49), выдающийся знаток древнерусской литературы, ученик О.Ф. Миллера, приверженец «мифологической школы» в фольклористике, хотя и не разделявший ее крайностей. Возможно, не случайно, согласно протоколу государственных экзаменов, Блок должен был отвечать именно на вопрос «Мифологическая школа». Влияние университетских занятий у И.А. Шляпкина проявилось уже в стихотворении «Царица смотрела заставки...», где заметно знакомство поэта не только с традициями духовного стиха, но и с трудами фольклористов (А.Н. Афанасьева, А.Н. Веселовского) о «Голубиной книге».

Говоря о своем отношении к университетской науке, Блок неоднократно противопоставлял художническое и «профессорское» (позитивистское) отношение к культуре. Еще во время обучения в университете он писал отцу 30 декабря 1903: «Существует черта, на которую ни один из моих профессоров до смерти не вступит. Это — религиозная мистика. Живя ею изо дня в день, я чувствовал себя одновременно за правую веру» (Александр Блок. Письма к родным. Т. 1. Л., 1927. С. 96–97). Ср. также образ профессора, игнорирующего «золото» народных поверий, в статье «Девушка розовой калитки и муравьиный царь». В то же время Блок признавал: «С годами я оцениваю все более то, что дал мне университет в лице моих уважаемых профессоров — А.И. Соболевского, И.А. Шляпкина, С.Ф. Платонова, А.И. Введенского и Ф.Ф. Зелинского. Если мне удастся собрать книгу моих работ и статей, которые разбросаны в немалом количестве по разным изданиям, но нуждаются в сильной переработке, — долею научности, которая заключена в них, буду я обязан университету» (Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. С. 15). Когда художница Т.Н. Гиппиус, чей альбом «Kindisch» («Детское») оказал воздействие на демонологические образы цикла «Пузыри земли», попросила Блока рекомендовать ей источники и научную литературу по фольклору, Блок в письме от 24 октября 1905 прежде всего изложил ей университетский учебный план, а затем дал список, в котором перечислил 50 названий сборников фольклорных текстов и исследований (Махлин В.С. Неопубликованное письмо А. Блока к Т.Н. Гиппиус // Филологический сборник. Алма-Ата, 1966. Вып. 5. С. 47–53). Это письмо, вместе со списком литературы, приложенным к статье «Поэзия заговоров и заклинаний», является важнейшим документом для реконструкции объема знакомых Блоку фольклорно-этнографических источников.

Статья писалась по заказу проф. Е.В. Аничкова, ученика А.Н. Веселовского, для редактируемого им первого тома «Истории русской литературы» (СПб., 1908). Блок изучил ряд изданий фольклорных тек-

стов и имевшихся к моменту написания статьи научных трудов, однако статью вряд ли можно назвать научным исследованием. Способы введения фольклорных и научных цитат и реминисценций в статью Блока, проанализированные Э.В. Померанцевой и К.А. Кумпан, показывают, что работа в значительной степени носит компилятивный характер. При этом Блок в одном ряду использует как исследования серьезных ученых, так и популярные книги: «Нечистая, неведомая и крестная сила» С.В. Максимова (СПб., 1903), «Поэтические воззрения славян на природу» А.Н. Афанасьева, «О некоторых символах в славянской народной поэзии» и «Малорусская народная песня по списку XVI века» А.А. Потебни, «Разыскания в области русского духовного стиха» А.Н. Веселовского, «О народной поэзии в древнерусской литературе» Ф.И. Буслаева (1859), «Весенняя обрядовая поэзия на западе и у славян» Е.В. Аничкова, «Ассирийские заклинания и русские народные заговоры» Вс.Ф. Миллера (Русская мысль 1896. № 7. С. 66–89). Цитируемые тексты берутся из собраний русских, украинских и белорусских материалов: «Сборника малороссийских заклинаний» П. Ефименко (М., 1874), «Трудов этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край, собранных П.П. Чубинским» (СПб., 1877). Привлечены также учебные пособия, например, гимназический учебник «История русской словесности, древней и новой» (М., 1894. Т. 1) А. Галахова, а также компилятивная книга М. Забылина «Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия» (М., 1880). По наблюдениям К.А. Кумпан, зачастую в тексте статьи контаминируются цитаты из работ, развивающих дополняющие друг друга теории (например, о вавилоно-ассирийских, западноевропейских или древнерусских корнях заговоров, о соотношении заговора и молитвы и т. п.). При использовании фольклорных источников Блок зачастую не отделяет язык цитаты от собственного языка описания, уподобляя авторскую и народную точку зрения.

Ряд мотивов из заговоров и заклинаний, упомянутых в статье, нашли воплощение в лирической поэзии этого времени. Так, в стихотворении «Русь» (1906) отражается поверье о значении снежных или пыльных столбов на дороге, о котором рассказано в кн. С.В. Максимова (ср. в книге, с. 8: «В вихревых столбах ведьмы и черти устраивают поганные пляски и свадьбы» — и в стих.: «И ведьмы тешатся с чертями / В дорожных снеговых столбах»). Там же упоминается и рассказ из книги Забылина о колдовстве над вырезанным из снега следом (ср. в книге, с. 402: «Стерегут недруга — точат широкий нож в снежной пыли» — и в стих.: «И девушка на злого друга / Под снегом точит лезвие»).

В лирике и прозе 1906–1908 получает развитие еще один жизнетворческий мотив, который можно было бы назвать «поэтологическим». Речь идет о противопоставлении двух концепций поэтически-

го творчества: религиозного, теургического (поэт-пророк, чье творчество в пределе стирает границы между творчеством и религиозным действием), и магического, ставящего перед собой эстетические задачи. Эта антиномия была намечена еще в статье Андрея Белого «О теургии» в 1903, в 1906 подхвачена Блоком в статье «Поэзия заговоров и заклинаний» и в 1910 использована им же при объяснении кризиса символизма: «Были пророками — захотели стать поэтами».

В лирике 1908–1916 заметно влияние городского фольклора — цыганского жестокого романса («Дым от костра струю сизой...», «Натянулись гитарные струны...», сборник «Седое утро»). По мнению Ю.Н. Тынянова, «музыкальная форма, которая является первообразом лирики Блока, — романс, самая примитивная и эмоциональная. Блок подчеркивает эпиграфами родство с цыганским романсом (“Не уходи, побудь со мною”; “Утро туманное, утро седое”), — но эти эпиграфы являются вместе с тем заданным мелодическим строем; “Дым от костра струю сизой...” невозможно читать, не подчиняясь этому мелодическому заданию» (Тынянов Ю.Н. Блок и Гейне // Об Александре Блоке. Пг., 1921. С. 247–248). В 1920 Б. переписал в дневник тексты цыганских романсов (Собр. соч. В 8 т. Т. 7. С. 373–379).

Последнее обращение к фольклорной традиции в художественном творчестве — поэма «Двенадцать» (1918). Язык поэмы опирается на самые демократичные и даже массовые жанры, на стилистику частушек, народных песен, городских романсов и даже революционных маршей. В то же время интерпретация смысла поэмы долгое время порождала споры как у современников Б., так и у позднейших читателей. Наибольшие недоумения вызвала фигура Христа в финале поэмы. Прижизненная критика не заметила многочисленных перекличек с пушкинскими «Бесами», а также менее явных тематических связей с одноименным романом Ф. Достоевского, и не оценила роли национального мифа о бесовстве для понимания смысла «Двенадцати». В развитии темы «бесовства» в поэме важную роль играют фольклорные мотивы: перекресток, на котором разворачивается действие поэмы, — нечистое место гаданий, снежные столбы («снег воронкой завился, снег столбушкой поднялся») — место бесовских свадеб, образ, использованный еще в 1906, пес, воплощающий старый мир, — также традиционный фольклорный образ, связанный с нечистой силой.

Справ.: Материалы к библиографии Александра Блока: (Зарубежная литература) / Сост. Аврил Пайман = Avril Paiman; Ред. К.Д. Муратова // Блоковский сборник: Труды научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А.А. Блока, май 1962 года. Тарту, 1964. С. 557–573; Журов П. Шахматовская библиотека Бекетовых — Блока / Публ. З.Г. Минц и С.С. Лесневского; Вступ. ст. З.Г. Минц // Труды по русской и славянской филологии. XXIV: Литературоведение. Тарту, 1975. С. 396–

417; Русские советские писатели. Поэты: Биобиблиографический указатель. Т. 3. Ч. 2: А.А. Блок / Сост. И.В. Алексахина, Н.В. Гужиева, Т.П. Дорина, Н.Г. Захаренко, Н.И. Кузнецова, В.В. Серебрякова, И.В. Ханукаева, Л.С. Шепелева. М.: Книга, 1980; Библиотека А.А. Блока: Описание. Кн. 1–3 / Сост. О.В. Миллер, Н.А. Колобова, С.Я. Вовина. Л., 1984–1989; Блок в критике современников: Аннотированная библиографическая хроника. 1902–1921 / Сост. В.И. Якубович и др. // Литературное наследство. Т. 92. Кн. 5: Александр Блок. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1993. С. 633–826; Блок в критике современников: Аннотированная библиографическая хроника. 1902–1921 / Сост. В.И. Якубович и др. // Литературное наследство. Т. 92. Кн. 5: Александр Блок. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1993. С. 633–826.

Соч.: Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 1–5, 7, 8. М.: Наука, 1997–2010; Собрание сочинений: В 8 т. М.; Л., 1960–1963.

Лит.: Тынянов Ю.Н. Блок и Гейне // Об Александре Блоке. Пг., 1921. С. 237–264; Померанцева Э.В. Блок и фольклор // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. 3. М.; Л., 1958. С. 203–224 (то же в кн.: Померанцева Э.В. Писатели и сказочники. М., 1988. С. 44–87); Лотман Ю.М., Минц З.Г. «Человек природы» в русской литературе XIX века и «цыганская» тема у Блока // Блоковский сборник. Тарту, 1964. С. 98–156; Махлин В.С. Неопубликованное письмо А. Блока к Т.Н. Гиппиус // Филологический сборник. Вып. 5. Алма-Ата, 1966. С. 47–53; Орлов В.Н. Поэма Александра Блока «Двенадцать»: Страница из истории советской литературы. 2-е изд., доп. М., 1967; Литературное наследство: Александр Блок: Новые материалы и исследования. Т. 92. М., 1980–1993. Кн. 1–5; Левинтон Г.А. Заметки о фольклоризме Блока // Миф — фольклор — литература. Л., 1978. С. 171–185; Максимов Д.Е. О мифопоэтическом начале в лирике Блока: (Предварительные замечания) // Творчество А.А. Блока и русская культура XX века: Блоковский сборник III. Тарту, 1979. С. 3–33; Выходцев П.С. Блок и народная художественная культура // Русская литература. 1980. № 3. С. 64–92; Лотман Ю.М. Блок и народная культура города // Блоковский сборник IV. Тарту, 1981. С. 7–26; Мерлин В.В. «Снежная Маска» и «Двенадцать» (К вопросу о святочных мотивах в творчестве Блока) // Блок и его окружение: Блоковский сборник VI. Тарту, 1985. С. 19–28; Грякалова Н.Ю. 1) О фольклорных истоках поэтической образности Блока // Александр Блок: Исследования и материалы / Отв. ред. Ю.К. Герасимов. Л., 1987. С. 58–68; 2) Природа и фольклор в цикле А. Блока «Пузыри земли» (1904–1905) // Ал. Блок и революция 1905 года: Блоковский сборник VIII. Тарту, 1988. С. 22–30; Магомедова Д.М. Блок и Волошин: (Две интерпретации мифа о бесовстве) // Блоковский сборник XI. Тарту, 1990. С. 33–49; Юлова А.П. Фольклорно-мифологическая традиция в лирике А. Блока 1903–1906 годов // Блок и литература народов Советского Союза. Ереван, 1991. С. 174–183; Смола О.П. «Черный вечер. Белый снег...»: Творческая история и судьба поэмы

Александра Блока «Двенадцать». М., 1993; *Приходько И.С.* Мифопоэтика А. Блока: (Историко-культурный и мифологический комментарий к драмам и поэмам). Владимир, 1994; *Гаспаров Б.М.* Тема святочного карнавала в поэме А. Блока «Двенадцать» // *Гаспаров Б.М.* Литературные лейтмотивы. М., 1994. С. 4–27; *Любимова О.Е.* Блок и сектантство: «Песня Судьбы» и «Роза и Крест» // *Александр Блок: Исследования и материалы.* СПб., 1998. С. 69–89; *Миц З.Г.* 1) Поэтика Александра Блока. СПб., 1999; 2) Александр Блок и русские писатели. СПб., 2000; *Николай Клюев.* Письма к Александру Блоку: 1907–1915 / Публ., вводная статья и комм. К.М. Азадовского. М., 2003; *Эткинд А.* Хлыст: Секты, литература и революция. Изд. 2. М., 2012; *Магомедова Д.М., Топорков А.Л.* Стихотворение А.А. Блока «Царица смотрела заставки...» и духовный стих о Голубиной книге // *Русская литература.* 2015. № 2. С. 192–203.

Арх.: ИРЛИ, ф. 654; РГАЛИ, ф. 55.

Д.М. Магомедова

Васильев Михаил Калинович [1863, г. Лебедин, Харьковской губ. (ныне Сумской обл.) — 10.5. 1912] — инженер-технолог, собиратель фольклора.

Окончил Петербургский технологический институт. Работал инженером на Лебединском (Чигиринский уезд Киевской губ.) и Шебекинском (Белгородский уезд Курской губ.) сахарных заводах. В. принадлежит ряд трудов по технологии сахароварения.

С начала 1890-х В. сотрудничал в журнале «Этнографическое обозрение», где опубликовал ряд материалов по этнографии и фольклору, записанных им на Украине и в Курской губернии: народные рассказы о Доле, Маре, Болезнях, Неделе и Пятнице и др. (Антропоморфические представления в верованиях украинского народа // ЭО. 1890. № 1. С. 87–100; 1892. № 4. С. 157–169), о крушении корабля и встрече с нетронутыми цивилизацией людьми (Дикие люди // Там же. 1890. № 4. С. 266); о сверхъестественных способностях змей-полозов (К вопросу о полозах // Там же. 1892. № 1. С. 191), о приобретении человеком, съевшим змеиное мясо, способности понимать язык животных и растений (Там же. 1897. № 4. С. 125–126), о появлении табака в России и его связи с картофелем (К легендам и поверьям о табаке // Там же. 1898. № 1. С. 156–157), а также ряд песен (Песенные мотивы о превращениях // Там же. 1890. № 3. С. 234–235; Народные песни о смерти солдата (дополнение к статье Н.Ф. Сумцова) // Там же. 1893. № 2. С. 189–191); опубликовал поверье о «курином божестве» — плоском камешке с дырочкой (Куриный бог // Там же. 1892. № 1. С. 190). Значительный интерес представляют материалы В. по народному театру (К истории народного театра: II. «Трон» // Там же. 1898. № 1. С. 76–100). Поми-

мо текста народной драмы, записанного от рабочего Лебединского сахарного завода, В. впервые привел сведения об особенностях ее бытования и исполнения.

Справ.: Укр.СЭ. В 12 т. Киев, 1979. Т. 2. С. 127.

С.П. Сорокина

Грузинский Алексей Евгеньевич [21.IV(3.V).1858, г. Москва — 22.I.1930, г. Москва] — историк русской литературы.

В 1883 окончил историко-филологический факультет Московского университета, ученик Ф.И. Буслаева и Н.С. Тихонравова. С 1886 начал преподавать в средних учебных заведениях Москвы, вел практические занятия в Московском университете, читал лекции на Высших женских курсах и в университете Шанявского. С 1896 — член Общества любителей российской словесности, с 1909 — его бессменный председатель. С 1902 посещал литературный кружок «Среда». Печатался с 1886.

Г. являлся популяризатором русской и западноевропейской литературы; написал популярные очерки о Д.И. Фовизине, В.Г. Белинском, М.Ю. Лермонтове, И.С. Тургеневе, Данте, Шекспире. Много внимания уделял методике преподавания русского языка и литературы, читал на эту тему курс лекций, составил ряд хрестоматий для учащихся средних учебных заведений: «Допетровская литература и народная поэзия» (1906); «Русская литература XVIII в.» (1907) (обе совместно с А.Д. Алферовым). Совместно с Д.Н. Овсяннико-Куликовским и П.Н. Сакулиным издал пятитомную «Историю русской литературы XIX века» (1908–1910). Участвовал в подготовке историко-литературной библиотеки в издательстве И.Д. Сытина, библиотеки европейских классиков (изд-во «Окто»). Г. известен как переводчик арабских сказок (1922–1923), произведений Низами (1922), Р. Тагора (1918); переводил также научную литературу (*Гроссе Э. Происхождение искусства* / Пер. с нем. М., 1899; *Миклошич Ф. Изобразительные средства славянского эпоса* // Древности: Тр. Слав. комис. Импер. Моск. археолог. о-ва. М., 1895. Т. 1. С. 203–236). Один из первых исследователей текстов И.С. Тургенева (К истории «Записок охотника» Тургенева // Научное слово. 1903. № 7. С. 85–110) и Л.Н. Толстого (Комментарии к вариантам текста «Война и мир» // Новый мир. 1925. № 6. С. 3–19). Участвовал в подготовке юбилейного полного собрания сочинений Л.Н. Толстого.

В конце 1880-х — 1990-х гг. опубликовал ряд материалов по фольклору: Вариант песни о Томиленках // Киевская старина. 1887. № 6/7. С. 585–586; [Сообщение о собирателе из Шенкурска Архангельской губернии Н. Борисове] // Этнографическое обозрение. 1897. Кн. 35.

№ 4. С. 131–132; Частушки из Покровского уезда Владимирской губернии // Там же. 1897. Кн. 33. № 2. С. 113–119; К истории народного театра. «Царь Максимилиан» // Там же. 1898. Кн. 38. № 3. С. 161–168.

Г. занимался популяризацией фольклора. В 1895 принял участие в сборнике популярных очерков «Десять чтений по литературе», для которого, помимо статей о Д.И. Фонвизине и В.Г. Белинском, написал очерк «Русские народные певцы». В нем Г. на основе материалов из собраний П.Н. Рыбникова, А.Ф. Гильфердинга, Е.В. Барсова рассказал об исполнителях, с которыми работали эти собиратели; заключительная часть очерка посвящена каликам перехожим. В 1898 Г. подготовил книжку для детей: П.В. Шейн. «Сборник народных детских песен, игр и загадок». Сборник включает песни колыбельные, забавные; конанья; игры; докучные сказки; загадки, извлеченные из сборников П.В. Шейна. Никаких сопроводительных материалов сборник не содержит. В 1919 Г. выступил как редактор сборника «Русские народные песни», подготовленного Я. Мексиним для детей младшего возраста.

Для хрестоматии «Допетровская литература и народная поэзия» Г. составил раздел, в который вошли былины и исторические песни, духовные стихи, сказки; в раздел «Лирические песни» тексты включены в следующем порядке: колыбельные, семейные, причитания, удалые и разбойничьи, обрядовые, малорусские думы. В раздел «Народная драма» вошли: игра «А мы просо сеяли», «Кострома», «Медвежья комедия» (из собрания «Русских народных картинок» Д.А. Ровинского), фрагменты вертепной драмы, Петрушка (пересказ содержания), фрагмент из «Рождественской драмы» Димитрия Ростовского, интерлюдии XVII–XVIII вв., «Царь Максимилиан». Включение в раздел «Народная драма» литературных произведений Г. объясняет желанием дать характеристику «литературного творчества XVII в., стремившегося пользоваться народными мотивами» (с. 365). Все разделы сопровождаются небольшими вступлениями, характеризующими тот или иной жанр фольклора; тексты снабжены примечаниями историко-литературного характера, поясняющими для учащихся средней школы фольклорные сюжеты и непонятные им реалии. В отдельных случаях сообщается, где была произведена запись, однако источники, откуда извлечены тексты, почти нигде не указываются, кроме «Царя Максимилиана», который «записан в городе Глухове Черниговской губернии и напечатан г. Каллашем в Этнографическом обозрении № XXXIX <1898. № 4. С. 52–59>» (с. 391). Выход в свет хрестоматии был отмечен тремя рецензиями. П. Сакулин (Вестник воспитания. 1906. № 10. С. 19–24) дал положительную оценку хрестоматии; такое же мнение высказал Н. Кашин (Русский филологический вестник. 1907. № 2. С. 21–22), наиболее удачным он назвал раздел народной поэзии, а в нем особо выделил материалы по народному театру, отметив, что таковые впервые включаются в учебную литературу для средней шко-

лы. И. Шляпкин (ЖМНП. 1907. № 4. С. 215) отметил недостаточность примечаний и вводных статей, случайность отобранных для публикации текстов, «какие пришлось под руку» (с. 215). В 1907 вышло 2-е издание хрестоматии, в котором были отчасти учтены замечания Шляпкина и расширены вводные статьи, что отметил рецензент С.П. Казанский (Богословский вестник. 1907. № 9. С. 194–202). Хрестоматия выдержала 9 изданий (последнее — в 1917).

Две статьи Г. посвящены П.В. Шейну (П.В. Шейн: (По поводу 40-летия деятельности) // Русские ведомости. 1899. 24 окт. № 294; П.В. Шейн: (некролог) // ЖМНП. 1900. № 12. С. 61–70 (то же: отд. отт.)). В некрологе впервые достаточно подробно излагается биография Шейна; рассказывается о формировании его собирательских интересов, характеризуется научная деятельность. Г. отметил точность и объективность подачи фольклорных материалов в сборниках Шейна, отсутствие в них «какой-либо узости, тенденций» (с. 65) и в то же время характерную для его собирательской деятельности «продуманность и знакомство с требованиями науки», понимание «важности определенной программы и определенных задач собирателя» (с. 66), организаторские способности, позволившие Шейну обучить собирателей на местах приемам научной фиксации фольклора и привлечь к работе большое количество любителей.

Г. редактировал издание сказок А.Н. Афанасьева (*Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. В 2-х т. М., 1897 (3-е изд.); то же. В 5 т. М., 1913–1914 (4-е изд.)*). Г. оставил без изменений тексты, последовательность размещения и нумерацию сказок. Дополнил издания биографическим очерком, указателями географического распространения сказок, собственных имен и предметным, списком сказок, переданных с особенностями местных говоров. Примечания Афанасьева Г. поместил непосредственно после текстов соответствующих сказок (у Афанасьева они были вынесены в отдельный том). Для биографического очерка, помимо материалов, имевшихся в статьях А.И. Кирпичникова и А.Н. Пыпина, Г. использовал неизданные части записок Афанасьева, его письма и письма к нему разных лиц, сведения и материалы, полученные от родственников и знакомых Афанасьева (Е.Н. и Н.И. Аммон, Н.Н. Афанасьев (брат), Е.И. Якушкин, А.В. Щепкин и др.). В статье содержится обзор сочинений Афанасьева и сведения об их судьбе (в частности об издании сборника «Народные русские легенды» (М., 1860) и журнале «Библиографические записки» (1858, 1859), который издавал Н.М. Щепкин (сын актера), но фактически «дело вел» Афанасьев (с. XXIV)); приводятся биографические сведения. Теоретические взгляды Афанасьева Г. не рассматривает, но посвящает отдельный раздел (II) формированию и развитию его собирательских интересов, истории зарождения замысла собрания сказок, характеристике материалов, которые вошли в его собрание.

Г. характеризует текстологические и эдичионные принципы работы Афанасьева с имевшимися в его распоряжении записями, высказывает предположение о применении им к ряду сказок «системы сводного текста» (с. XXXVII).

Г. редактировал 2-е издание «Песен, собранных П.Н. Рыбниковым» (в 3-х т. М., 1909–1910). В отличие от 1-го издания, подготовленного П.А. Бессоновым, где былины подобраны по сюжетам, Г. расположил их по местностям и сказителям в соответствии с первоначальным замыслом П.Н. Рыбникова. Кроме того, Г. дополнил издание предметным указателем к былинам, несколькими письмами собирателя, а также снабдил его подробной биографической статьей, основанной на письмах собирателя, черновых рукописях его статей, документах из архива Московского университета, материалах «Олонецких губернских ведомостей», воспоминаниях его сестры С.Н. Карзинкиной, товарищей по университету и петрозаводских знакомых. И.А. Разумова отметила, что, работая после появления сборника А.Ф. Гильфердинга, содержавшего тексты от тех же исполнителей, от которых записывал Рыбников, Г. внес «поправки и дополнения, касающиеся паспортизации текстов и сведений об исполнителях» (Песни, собранные П.Н. Рыбниковым / Изд. подг. А.П. Разумова, И.А. Разумова, Т.С. Курец. Петрозаводск, 1989. С. 5). П.Д. Ухов считал, что издание Г. ближе к авторскому замыслу, чем издание Бессонова, однако Г. не всегда смог правильно атрибутировать непаспортизованные былины тому или иному исполнителю (*Ухов П.Д. Об издании «Песен» П.Н. Рыбникова П.А. Бессоновым и А.Е. Грузинским // Русский фольклор. Л., 1959. Т. 4. С. 155–167*).

Справ.: КЛЭ; Словарь членов Общества любителей российской словесности. М., 1911; Русский биографический словарь. В 20 т. М., 1999. Т. 6. С. 73–74.

Биогр.: Телешов Н. Записки писателя. М., 1918. С. 170–180.

Исслед.: К истории этнографических изучений: Письма Ю. Фейфалика и В. Маннгардта к А.Н. Афанасьеву // ЭО. 1897. Кн. 33. № 2. С. 139–151; Н.С. Тихонравов в его отношениях к средней школе // Памяти Николая Саввича Тихонравова. М., 1894. С. 45–57.

Арх.: РГАЛИ. Ф. 126. 347 ед.

С.П. Сорокина

Зуева Татьяна Васильевна [в девич. Елисеева, 20.02.1950, г. Севастополь — 24.06.2012, г. Москва, похоронена на Хованском кладбище] — фольклорист, преподаватель и автор учебного комплекса.

Отец, Елисеев Василий Григорьевич, терский казак и офицер Советской Армии, участник Великой Отечественной войны, награжден

двумя орденами Славы и др. наградами; мать из семьи запорожских казаков. В 1954–1967 жила с матерью в Новороссийске, окончила с серебряной медалью среднюю школу № 21 и поступила на дневное отделение факультета русского языка и литературы Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской (МОПИ). Окончила его с отличием в 1971 и в том же году поступила в заочную аспирантуру по специальности «фольклористика» (науч. рук. д.ф.н. проф. А.М. Новикова). С 1968 по 1978 была замужем за Н.Н. Зуевым, родился сын Николай (1970) и две внучки (1997 и 2002 г. р.).

Первые публикации: Повесть XVII века о царевне Персике и народная сказка о Безручке // Проблемы изучения русского устного народного творчества: Республ. сб. М., 1976. Вып. 2. С. 69–82; Сюжет «Чудесные дети» как типологическое фольклорное явление и самобытная сказка восточных славян // Проблемы преподавания и изучения русского народного поэтического творчества: Республ. сб. М., 1976. Вып. 3. С. 45–66.

В 1977–1981 работала преподавателем на кафедре русской литературы МОПИ; ездила в фольклорные экспедиции со студентами в Московскую, Тульскую, Калужскую и Ростовскую обл. В 1981–2012 — преподаватель, позднее доцент и профессор кафедры русской литературы Московского педагогического государственного университета (до 1990 — МГПИ им. В.И. Ленина). Разработала ряд спецкурсов и спецсеминаров: «Историческая поэтика волшебной сказки», «Обряды и обрядовый фольклор», «Обряд и миф в русской традиционной культуре», «Славянский фольклор», «Сказки А.С. Пушкина», «Русская литература и фольклор». В 2000–2011 по совместительству вела курс фольклора как профессор кафедры русской классической литературы и славистики Литературного института им. А.М. Горького.

Кандидатскую диссертацию на тему: «Сказка “Чудесные дети” в фольклоре восточных славян (происхождение и историческое развитие)» защитила в 1978 в Институте мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР (ныне ИМЛИ РАН), докторскую диссертацию «Восточнославянская волшебная сказка в аспекте исторического развития» — в 1995 в МГУ им. М.В. Ломоносова. В 1997 З. присвоено ученое звание профессора.

В 1985 вышла замуж за фольклориста профессора Б.П. Кирдана (скончался в 2006); автор некрологов, статей и библиографии ученого: 1) Борис Петрович Кирдан: К 70-летию со дня рождения: Указатель литературы / Сост., вступ. ст. Т.В. Зуевой. Саранск, 1990; 2) Борис Петрович Кирдан: К 70-летию со дня рождения // Сказка и несказочная проза: Межвуз. сб. науч. трудов. М., 1992. С. 3–23; 3) Б.П. Кирдан — исследователь народных украинских дум // Российская славистическая фольклористика: пути развития и исследовательские перспективы: Мат-лы Междунар. науч. конф. к 100-летию со дня рождения проф. Н.И. Крав-

цова (Москва, 9–10 ноября 2006 г.). М., 2007. С. 84–90 (*то же*: Народна творчість та етнографія. Київ, 2007. № 3/4. С. 102–105); 4) Борис Петрович Кирдан. Памяти ученого // Проблемы современного филологического образования: Межвуз. сб. науч. статей. Вып. 7: Памяти С.А. Леонова, Н.А. Демидовой, Б.П. Кирдана. М.; Ярославль, 2007. С. 6–11.

В дальнейшем З. планировала отредактировать и подготовить к печати научные труды Б.П. Кирдана по украинским думам, славянскому народному календарю и книгу о Великой Отечественной войне (Б.П. Кирдан был ветераном и защитил кандидатскую диссертацию по фронтовому и партизанскому фольклору). Успела подготовить и опубликовать большую главу из книги Б.П. Кирдана «Мне дороги эти позабыть нельзя...»: *Кирдан Б.П. <Без названия> // Из первых уст. Великая Отечественная война глазами очевидцев. М.: ГРЦРФ, 2010. С. 21–67 (раздел I «Воспоминания фронтовиков»).*

Автор монографий «Сказки А.С. Пушкина» (1989), «Волшебная сказка» (1993), антологии «Восточнославянские волшебные сказки» (1992), «Русский фольклор: Словарь-справочник» (2002) и учебного комплекта «Русский фольклор» (1998; совместно с Б.П. Кирданом; учебник и хрестоматия имеют гриф Министерства общего и профессионального образования РФ), «Русские традиции: Народный русский календарь как система ежегодных праздников, сезонных примет. Языческие корни важнейших русских обрядов» (Deutschland, Saarbrücken, 2013), а также более сотни научных статей и публикаций. Среди них выделяются концептуальностью статьи для «Литературной энциклопедии терминов и понятий» (2001) и для «Большой российской энциклопедии: В 30 т.» (изд. продолжается).

Для «Литературной энциклопедии терминов и понятий» (2001) З. написала 15 статей: «Былина» (стб. 105–107), «Быличка» (стб. 108), «Детский фольклор» (стб. 223–224), «Загадка» (стб. 271–272), «Заговор» (стб. 272–273), «Историческая школа» (стб. 329–330), «Легенда» (стб. 432–434), «Миграционная школа» (стб. 542–543), «Небылица» (стб. 625–626), «Обрядовый фольклор» (стб. 674–676), «Предание» (стб. 794–795), «Причитание» (стб. 809–810), «Сказка» (стб. 989–994), «Страшилка» (стб. 1039–1041) и «Частушка» (стб. 1193–1195).

В «Большой Российской энциклопедии: В 30 т.» З. опубликовала статьи: «Былина» (Т. 4. 2006. С. 454–455. Соавт. Е.М. Фраёнова — сказительская традиция); «Быличка» (Там же. С. 455); «Загадка» и «Заговор» (Т. 10. 2008. С. 159 и 160); «Илья Муромец» (Т. 11. 2008. С. 124); «Историческая школа» (Т. 12. 2008. С. 120), «Исторические песни» (Т. 12. 2008. С. 123. Соавт. Е.М. Фраёнова — исполнительские традиции), «Календарный фольклор» (Т. 12. 2008. С. 491. Соавт. Е.М. Фраёнова) и «Калики» (Т. 12. 2008. С. 505); «Кирша Данилов» (Т. 14. 2009. С. 52. Соавт. Е.М. Фраёнова), «Колыбельные песни» (Т. 14. 2009. С. 573. Соавт. Е.М. Фраёнова) и «Колядки» (Т. 14. 2009. С. 588.

Соавт. Е.М. Фраёнова). Статьи З. «Легенда» (Т. 17. 2010. С. 138–139), «Лубочная литература» (Т. 18. 2011. С. 91), «Марков А.В.» (Т. 19. 2012. С. 158), «Миграционная школа» (Т. 20. 2013. С. 219), «Миллер В.Ф.» (Т. 20. 2013. С. 308–309; соавт. А.А. Туаллагов — языкознание), «Миллер О.Ф.» (Т. 20. 2013. С. 312), «Мифологическая школа» (Т. 20. 2013. С. 478) опубликованы посмертно.

Простудировав многочисленные сказочные собрания, в монографии «Волшебная сказка» (1993) З. рассмотрела этот жанр в системе сказочных жанров, проанализировала происхождение чудесного вымысла, определила характерный тип сюжета и отражение в нем древних обрядов, охарактеризовала сущность конфликта и типы героев. Далее исследовательница показала типологию и национальное своеобразие волшебной сказки, обнаружила процессы заимствования, проследила развитие жанра в поздний период, вскрыла традиционное и индивидуальное в сказочном стиле различных исполнителей. З. вписала сюжеты волшебной сказки в контекст календарной и древней семейно-родовой обрядности (в первую очередь, разных инициаций), учитывала архаическую мировоззренческую основу (тотемизм, анимизм, веру в загробный мир). З. иллюстрировала монографии фотографиями архаических орнаментов полотенец и наличников, картинками рисованного лубка и т. п., ратуя за целостность восприятия народного творчества.

В докторской диссертации З. выделила этапы становления жанра волшебной сказки у восточных славян, подразделила все сказочные тексты на мифологическую и классическую сказку как две стадийно различающиеся системы. Реконструировала и выявила истоки восточнославянского сказочного протосюжета и исследовала механизм образования новых сказок по уже сложившемуся канону. Излюбленными сказочными сюжетами З. стали «Чудесные дети» (СУС 707), «Безручка» (СУС 706) и «Бой на калиновом мосту» (СУС 300), которым она посвятила ряд статей: 1) Образование одной из версий сказки «Чудесные дети» в восточнославянском фольклоре // Проблемы изучения русского устного народного творчества: Республ. сб. М., 1979. Вып. 6. С. 3–17; 2) Рождение сказки (№ 706, «Безручка») // Фольклор и литература (проблемы их творческих взаимоотношений): Сб. науч. трудов. М., 1982. С. 43–65; 3) Народная русская сказка «Бой на калиновом мосту» // Литература в школе. М., 1982. № 3. С. 53–59; 4) Сюжет восточнославянской сказки «Бой на калиновом мосту» в генетическом аспекте // Проблемы поэтики русской литературы XIX века: Межвуз. сб. науч. трудов. М., 1983. С. 3–18; 5) Древнеславянская версия сказки «Чудесные дети» («Перевоплощения светоносных близнецов») // Русская речь. М., 2000. № 2. С. 97–105; № 3. С. 91–102 и др.

З. разрабатывала проблемы жанровой поэтики и посвятила им ряд статей: 1) Образы и структурные типы волшебной сказки «Чудесные

дети» в традиционной версии восточных славян // Проблемы изучения русского устного народного творчества (жанровая специфика народных произведений): Сб. трудов. М., 1977. Вып. 4. С. 3–30; 2) Художественная специфика волшебной сказки // Жанровая специфика фольклора: Межвуз. сб. науч. трудов. М., 1984. С. 15–30; 3) Категория чудесного в современном повествовательном фольклоре детей // Проблемы интерпретации художественных произведений: Межвуз. сб. науч. трудов. М., 1985. С. 131–148; 4) Мотив как морфологическая категория волшебной сказки // Фольклор. Литература (теория, история, методика): Сб. науч. трудов. М., 1995; 5) Поэтика былин // Литература в школе. М., 2000. № 2. С. 5–17 (соавт. Б.П. Кирдан); 6) Мотив и сюжет фольклорного произведения в трактовке А.Н. Веселовского // «Историческая поэтика» А.Н. Веселовского: актуальные проблемы и перспективы изучения: Сб. статей. М., 2008. С. 39–44.

3. занималась теоретической разработкой сказочных жанров в статьях: 1) О жанровом выделении волшебной сказки в восточнославянском повествовательном фольклоре // Сказка и несказочная проза: Межвуз. сб. науч. трудов. М., 1992. С. 24–51; 2) Анекдот и прибаутка // Страницы истории русской литературы: Сб. статей: К семидесятилетию профессора В.И. Коровина. М., 2002. С. 21–30; 3) Легендарная сказка как объект исследования // Три века русской литературы. Актуальные аспекты изучения: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 5. М.; Иркутск, 2004; 4) Система сказочных жанров в русском фольклоре. Лекция для студентов 1 курса филологического факультета педвуза // Лучшая вузовская лекция: Академическая филология: Литературоведение. Лингвистика / Лекции дипломантов в номинации «Лучшая лекция по русскому языку и литературе» Международного студенческого фестиваля «Учитель русской словесности» 19–21 октября 2004 года. М., 2004. С. 24–37 (то же: Система сказочных жанров в русском фольклоре // Литература в школе. М., 2006. № 3. С. 8–12).

3. исследовала генезис сказки и происхождение других фольклорных жанров, повлиявших на сказочную поэтику в процессе ее становления и развития: 1) Русь — Россия — русские сказки // Литература в школе. М., 1993. № 4. С. 17–24; 2) Бытовые сказки // Литература в школе. М., 1993. № 6. С. 36–40; 3) Художественное выражение закона сопричастия в обрядах и сказках, или Кто летел «по поднебесью» // Русская речь. 1995. № 4. С. 95–101; 4) «Питьё» — метафора любовного вожделения: её обрядовые корни // Русская речь. М., 1996. № 3. С. 80–87; 5) Волшебные сказки // Українське народознавство: стан і перспективи розвитку на зламі віків: Матеріали других міжнародних науково-практичних читань, присвячених пам'яті українського фольклориста Михайла Пазяка. Київ, 2002. С. 181–182; 6) Сказки о животных // Там же. С. 182–183; 7) Мифологическое сознание в сказке (полисемантизм образов) // Традиционная культура: Науч. альма-

нах. М., 2007. № 2. С. 16–24; 8) Святая Русь в волшебных сказках // Литература в школе. М., 2008. № 8. С. 8–14.

Попутно З. изучала более общие и частные вопросы возникновения и истории календарной и семейной обрядности, родство устно-поэтической символики у восточных славян, историческую изменчивость картины мира и русского менталитета. На эту тему она написала ряд статей: 1) «С неба звёздочка упала...» (Происхождение образа) // Русская речь. М., 1997. № 5. С. 99–105; 2) «Упавшая звёздочка» в свете исторической поэтики фольклора русских, украинцев и белорусов // Українське народознавство: стан і перспективи розвитку на зламі віків: Матеріали міжнародних науково-практичних читань, присвячених пам'яті українського фольклориста Михайла Пазяка. Київ, 2000; 3) Цветовые символы в славянских переходных обрядах // Человек. Язык. Искусство: Материалы Международной научно-практической конференции 14–16 ноября 2000 г., МПГУ. М., 2001; 4) Билини // Українське народознавство: стан і перспективи розвитку на зламі віків: Матеріали других міжнародних науково-практичних читань, присвячених пам'яті українського фольклориста Михайла Пазяка. Київ, 2002 (совм. с Б.П. Кирданом); 5) Язычничество Древньої Русі // Там же. С. 380–381 (совм. с Б.П. Кирданом); 6) Народный русский календарь, его поэзия // Литература в школе. 2010. № 7. С. 10–11; 7) Русские семейно-бытовые обряды, их поэзия // Литература в школе. 2011. № 6. С. 2–6; № 7. С. 2–6; № 9. С. 4–10.

В монографии «Сказки А.С. Пушкина» (1989) и в разделе докторской диссертации З. подчеркивала, что народные волшебные сказки и литературные романтические поэмы стояли у истоков авторских сказок-поэм Пушкина, описала историю конкретных фольклорных сюжетов, схематично зафиксированных писателем от носителей фольклора.

Фольклоризму А.С. Пушкина посвящен ряд статей З.: 1) «Сказка о царе Салтане» А.С. Пушкина. (Авторское овладение фольклорным сюжетом) // Проблемы изучения русского народного поэтического творчества (взаимовлияния фольклора и литературы): Республ. сб. М., 1980. С. 62–89; 2) Пушкин и народная сказка. «Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях» // Литература в школе. М., 1982. № 5. С. 57–62; 3) Художественная структура поэмы А.С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» // Идеино-эстетическая функция изобразительных средств в русской литературе XIX века: Межвуз. сб. науч. трудов. М., 1985. С. 29–45; 4) «У лукоморья дуб зелёный...» как поэтическое исследование природы фольклорного жанра // Литература в школе. М., 1985. № 3. С. 12–18; 5) Сказки А.С. Пушкина с народно-поэтической стилиевой основой // Проблемы взаимовлияния фольклора и литературы: Межвуз. сб. науч. трудов. М., 1986. С. 56–78; 6) Народная волшебная сказка в творческом развитии А.С. Пушкина //

Фольклорные традиции в русской и советской литературе: Межвуз. сб. науч. трудов. М., 1987. С. 51–87; 7) «Кризис авторского замысла» или «простодушнейшее умиление» поэта? // Русская речь. 1994. № 4. С. 104–107; 8) Русская социальная утопия в сказках А.С. Пушкина // Литературная сказка: История. Поэтика. Методика преподавания. М.: МПГУ, 1997. С. 5–7; 9) «Город новый, златоглавый...» (русская социальная утопия в сказках А.С. Пушкина) // Славянская традиционная культура и современный мир: Сб. материалов научно-практической конференции. М., 1999. Вып. 3. С. 169–177; 10) Личная тема в сказках А.С. Пушкина // Статьи о Пушкине. К 200-летию со дня рождения поэта: Сб. статей. М., 1999. С. 41–57; 11) Фольклорные и литературные особенности сказок А.С. Пушкина // Русская речь. М., 1999. № 3. С. 112–122; 12) «Мимо острова Буяна, к царству славного Салтана...»: Фольклорные источники сказок А.С. Пушкина // Народное творчество. М., 1999. № 3. С. 2–4.

3. изучала также творчество К.С. Аксакова, Н.А. Некрасова, И.С. Шмелёва, Н.М. Рубцова; см. ее статьи: 1) Символика цвета в русских обрядах («Мороз, Красный нос» Н.А. Некрасова) // Литература в школе. М., 1985. № 6. С. 59–60; 2) У истоков исторической школы: К.С. Аксаков // Славянская традиционная культура и современный мир. Сб. мат-лов научно-практической конф. М., 2002. Вып. 4. С. 194–210; 3) «Наша народная эпопея...» (К.С. Аксаков — исследователь былин) // Литература в школе. М., 2002. № 2. С. 1–6; 4) Православное мироощущение русского народа как источник устного поэтического творчества (рассказ И.С. Шмелева «Знамения») // Гуманитарные науки и православная культура. Материалы Всероссийской научной конференции «Первые Пасхальные чтения», 28–29 апреля 2003 года. М.; Ярославль, МПГУ, 2003; 5) К проблеме национальной картины мира в русской литературе: стихотворение Н.М. Рубцова «В минуты музыки» // Традиционная культура. М., 2010. № 4. С. 19–24.

3. отстаивала комплексный подход в исследованиях, сочетала историко-филологический метод с научными достижениями мифологической и миграционной школ, делала синхронный срез вариантов произведения, прослеживала диахронический путь развития целого жанра.

В фольклорных экспедициях в Костромскую обл. с 1982 по 1989 она с равным интересом записывала легенды о Максимке Прозорливом, изучала свадебные полотенца, находила фигуру русалки на наличниках (вдохновленные ею студенты создали целый фотоальбом «деревянного орнамента») и т.п. Беседуя со сказочницей Е.А. Сироткиной, 3. обучала студентов вести попарно запись фольклора, пользуясь методикой братьев Ю.М. и Б.М. Соколовых. Там же производились повторные записи сказок.

Обзор экспедиционных текстов см.: Фольклор деревни 1980-х годов (по материалам экспедиций в Костромскую обл.) // Славянская

традиционная культура и современный мир: Сб. материалов научно-практической конференции. М., 1999. Вып. 3. С. 257–265. Полевые записи частично напечатаны в статье: Свадебный приговор при выносе «девьей красоты» в Костромской области // Русская речь. М., 1998. № 4. С. 103–111.

Множество фольклорных произведений, записанных в экспедициях в Костромскую обл., вошли в подготовленное 3. издание: Русский фольклор: Хрестоматия: Для высших учебных заведений. М., 1998. 480 с. (Соавт. Б.П. Кирдан): переиздания: 2001 (второе), 2002 (третье), 2003 (четвертое).

В 1980-е 3. руководила также студенческой фольклорной практикой в Московской обл. 3. обосновала и с 1990 по 2010 проводила студенческую фольклорную практику нового типа — по сбору, систематизации и подготовке к архивному хранению современного фольклора (в том числе городского и Интернет-фольклора); см.: *Самоделова Е.А.* Современный городской фольклор: дефиниции, жанры, тексты (по материалам фольклорного архива МПГУ) // Современный фольклор: Справочное издание. Мат-лы для обсуждения. М., 2012. С. 32–33.

3. выпустила учебный комплект по фольклору, состоящий из программы, учебника, хрестоматии текстов и хрестоматии исследований (создан совместно с Б.П. Кирданом). Этот учебный комплект удостоен Диплома I степени конкурса имени А.Ф. Лосева в МПГУ на лучшую научную работу в области гуманитарных наук в 1999 (решение Учёного совета МПГУ от 29.03.1999, протокол № 6), оценен 5 положительными рецензиями и выдержал 6 переизданий: 2000 (2-е), 2001 (3-е), 2002 (4-е), 2003 (5-е и 6-е, исправл.).

В учебнике «Русский фольклор» (1998) 3. акцентировала внимание на стадиях развития устного народного творчества и обозначила раннетрадиционный, классический и позднетрадиционный фольклор — согласно хронологии жанровых систем, исторически сменявших одна другую вслед за кардинальными изменениями народного быта и социального устройства. К достоинствам учебника относится включение в него намеренно забытых при советской власти жанров былички и бывальщины, анекдотов, заговоров и духовных стихов, а также страшилок. Учебник предворяла публикация: Концепция курса русского фольклора в педагогическом вузе // Славянская традиционная культура и современный мир: Сб. материалов научно-практической конференции. М., 1997. Вып. 2. С. 201–203 (соавт. Б.П. Кирдан).

3. живо откликалась на современные веяния в фольклористике и была намерена издать усовершенствованный и дополненный учебник по устному народному творчеству, с новыми разделами (Интернет-фольклор, фольклор молодежных субкультур). Для будущего учебника 3. написала статью: Содержание термина «классический

фольклор» // VI Пасхальные чтения: Гуманитарные науки и православная культура. М., 2009. С. 216–219.

3. неоднократно усовершенствовала учебные программы — как по отдельным фольклорным жанрам, так и по фольклору и фольклористике в целом: Русский фольклор: Программа для педагогических вузов. М., 1996 (соавт. Б.П. Кирдан); Фольклористика // Программы по специальным дисциплинам для поступающих в аспирантуру. Гуманитарные науки. М., 1998 (соавт. Б.П. Кирдан); Фольклористика // Программы по специальным дисциплинам для поступающих в аспирантуру. Гуманитарные науки. М.: Прометей, 2007. С. 65–72; Устное народное творчество // Программы дисциплин предметной подготовки по специальности 021700 — Филология: Сб. М., 1999; Русский фольклор // Программы дисциплин предметной подготовки по специальности 021700 — Филология: Для педагогических университетов и институтов. М.: Флинта: Наука, 2000 (соавт. Б.П. Кирдан; 2-е изд., испр.: 2001. С. 103–141); Русский фольклор // Русский фольклор. История русской литературы XI–XX веков: Программы дисциплин междисциплинарной подготовки по направлению 520300 Филология. М., 2003 (соавт. Э.В. Захаров); Примерная программа дисциплины «Русское устное народное творчество». М., 2004 и др.

3. публиковала специальные методические разработки по фольклору: Методические советы по курсу «Русское устное народное творчество» // Методические рекомендации для студентов 1 курса заочного отделения Литературного института им. А.М. Горького. М., 2003 (переизд., доп-е: 2008 и 2009) и др.

3. уважительно относилась к ведущим ученым, написала поздравительную статью: «Мы всегда остаёмся молодыми». Владимиру Прокопьевичу Аникину — 80 лет // Поэтика фольклора: Сб. статей: К 80-летию юбилею профессора Владимира Прокопьевича Аникина / Сост. С.В. Алпатов, Н.Ф. Злобина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. С. 7–15 (Соавт. Б.П. Кирдан).

Справ.: Кто есть кто в русском литературоведении: Справочник: В 3 ч. М., 1991. Ч. 1. С. 195–196; Наука в Московском педагогическом государственном университете: Основные направления и научные школы. М., 2002. С. 190, 194, 234.

Лит.: Буравова О. Работать в своё удовольствие — искусство // Педагогический университет (Газета Московского педагогического государственного университета). 2002, 18 апреля. № 6 (1769). С. 2; Самоделова Е.А. Поздравляем с днем рождения Татьяну Васильевну Зуеву // Традиционная культура. М., 2010. № 2. С. 135–137; Зуева Татьяна Васильевна (1950–2012) // Традиционная культура. М., 2012. № 3. С. 189; Крупина Н.Л. Памяти Татьяны Васильевны Зуевой // Литература в школе. М., 2012. № 11. С. 19; Абашева Д.В., Николаева Е.В. В минуты музыки печаль-

ной... Памяти Т.В. Зуевой // Литература в школе. М., 2013. № 3. С. 6–7; Зуев Н.Н. Вместо предисловия // Русские традиции: Народный русский календарь как система ежегодных праздников, сезонных примет. Языческие корни важнейших русских обрядов. Deutschland, Saarbrücken, 2013. С. 3; Крупина Н.Л. Памяти Татьяны Васильевны Зуевой // Там же. С. 4–7.

Арх.: ГРЦРФ; Фольклорный архив кафедры рус. лит-ры МПГУ.

Е.А. Самоделова

Каллаш Владимир Владимирович [1(13).3.1866, хутор Якубовка Черниговской губ. — 29.1.1918] — литературовед, библиограф, фольклорист.

В 1890 окончил историко-филологический факультет Московского университета. Работал преподавателем в московских учебных заведениях. Печатался с 1884. Основные труды посвящены творческой истории, текстологии и библиографии сочинений русских писателей. Под редакцией К. вышло первое научно комментированное полн. собр. соч. И.А. Крылова (т. 1–4, СПб., 1904–1905), включающее письма и варианты басен; полн. собр. соч. М.Ю. Лермонтова (т. 1–6, М., 1914–1915), в последний том которого включены мемуары и критические материалы о поэте; сочинения и письма Н.В. Гоголя (т. 1–9, СПб., 1907–1909); собрание сочинений А.Н. Радищева (т. 1–2, М., 1907). К. принадлежат статьи и публикации в журналах «Русская мысль», «Русский архив», «Русский филологический вестник». К. являлся членом редакции журнала «Русская мысль». Под редакцией К. вышло 17-е издание «Истории русской словесности» А.И. Незеленова (М., 1910), для которой К. написал 3-ю часть, посвященную русской литературе XIX в. (рецензию И. Шляпкина на это изд. см. в ЖМНП. 1910. № 10. С. 241–248; ответ К. на рецензию — там же. 1910. № 12. С. 254–265). К. принадлежат работы по истории русской журналистики (Очерки по истории русской журналистики. М., 1903), школы и просвещения (Что сделано Екатериной Второй для русского народного просвещения. М., 1899; Из истории русской школы начала XIX в. М., 1899; Очерки по истории школы и просвещения. М., 1902). Большой интерес представляет составленный К. сборник «Двенадцатый год в воспоминаниях и переписке современников» (М., 1912), в котором собраны свидетельства лиц, принадлежавших к разным сословиям, об Отечественной войне 1812 года.

В конце 1880-х — начале 1900-х К. опубликовал ряд материалов по фольклору в журналах «Этнографическое обозрение», «Живая старина», «Киевская старина». Эти небольшие публикации представляют собой библиографические обзоры по той или иной теме: подборка литературы по теме «Колос и манна небесная» (ЭО. 1890. Кн. 7. № 4. С. 265); Библиографические этюды по литературе сказочных схем и

мотивов: 1. Ленора (жених- или брат-мертвец). 2. Шемякин суд (Живая старина. 1892. Вып. 2. С. 142–145), фольклорные материалы, извлеченные из других печатных источников, в основном украинских и польских (Мелкие этнографические заметки // ЭО. 1889. Кн. 3. С. 210–212; 8. К белорусскому народному снотолкователю г. Романова (положительно оценивает труд Е.Р. Романова и приводит параллели к толкованиям снов); 9. Превращение в растения и деревья (приводит украинское поверье о превращении в цветок брата и сестры, по неведению вступивших в кровосмесительную связь); 10. Сон-трава (приводит рассказы о происхождении сон-травы); Одна из ранних записей былин // ЭО. 1900. Кн. 44. № 1. С. 156–159 (приводит тексты, опубликованные в 1827 в «Московском вестнике» и «Московском телеграфе»); Мелкие этнографические заметки // ЭО. 1900. Кн. 47. № 4. С. 137–142: 1. Старая запись народной песни (песня из «Московского вестника» за 1828 г.); 2. К истории народного обряда и поверья (из того же издания описание обряда, проводимого во время падежа скота, на Красную горку, поверья о превращении коня св. Георгия в камень); 3. Московские народные гуляния начала XIX в. (сообщение из «Дамского журнала» о гуляниях в Марьиной и Петровской рощах); 4. Наречие жителей города Архангельска в воспроизведении А.Е. Измайлова (1828) (из журнала «Славянин»); 5. К былинам об Иване Годиновиче (предание о происхождении этого персонажа из местечка Годена близ Ростова (Ярославского) из «Дамского журнала»); Мелкие этнографические заметки // ЭО. 1901. Кн. 49. № 2. С. 166–167: 1. К литературной истории легенды о Кирике (об опубликованных рассказах о попе, к которому приросла козлиная шкура); 2. Старинные записи народных песен (перечень народных песен, помещенных в «Письмовнике» Курганова); 3. Народные песни в «Карманном песеннике» Дмитриева (о наличии в нем народных песен). Одной из излюбленных тем К. является поиск параллелей, прежде всего украинских, к «прозваниям» персонажей былин и былинным мотивам (Мелкие этнографические заметки: 1. К вопросу о прозвании Ильи Муромца; 2. К малорусским легендам об Илье Муромце; 3. К былинам о Соловье Разбойнике; 4. Малорусские песни о Дунае богатыре; 5. Тугарин; 6. К песням и былинам о Журиле — Чуриле — Цюриле; 7. Жур // ЭО. 1889. Кн. 3. С. 203–210; Мелкие этнографические заметки. 1. К вопросу о прозвании Ильи Муромца (дополнения); 2. Жур и Журило-Чурило-Цюрило (дополнения) // ЭО, 1890. Кн. 5. № 2. С. 251–257; 3. К вопросу об имени Соловья Разбойника и Соловья Будимировича; 4. Алеша Попович и Тугарин; 5. Кожемяка — Ян Усмошвец; 6. К сказанию о хождении русских богатырей в Царьград; 7. Татуировки и окрашивание трупов; 8. Чоботько или Чобото; 9. К борьбе Ильи Муромца с сыном; К малорусским легендам об Илье Муромце // ЭО. 1891. Кн. 10. № 3. С. 241–242). Стремление возвести прозвище «Муромец» к

южнорусской топонимике, а также характеристика песни о Дунае Селивановиче как «малорусской» получили негативную оценку в рецензии, опубликованной в «Русском филологическом вестнике» (1890. Т. 23. № 1. С. 159, автор рецензии не указан); ответ К. на рецензию см. в «Этнографическом обозрении» (*Pro domo sua* // ЭО. 1890. Кн. 5. № 2. С. 248–251); ответ на ответ К. опубликован в «Русском филологическом вестнике» (1890. Т. 24. № 3. С. 164–165).

В работе «Палий и Мазепа в народной поэзии» (М., 1889) К. пришел к следующему выводу: «Более всего материала народным легендам и песням и схоластическим виршам дала измена Мазепы и сопряженные с ней обстоятельства, но не одинаковым образом обработали они данный историей материал. <...> Схоластические вирши, проклиная Мазепу, <...> напирают, главным образом, на несправедливую казнь Кочубея и Искры; <...> народные песни — на ссылку Палия, которого народ считал своим приверженцем...» (с. 25). Сопоставляя содержание народных песен и рассказов, К. отмечает, что «основное содержание песен — арест Палия, легенд — жизнь Палия и Полтавская битва» (с. 25), первые при этом отличаются более «реальным, историческим характером» (с. 25). К. систематизирует основные мотивы рассказов о Палии и Мазепе, подчеркивая наличие «странствующих мотивов и общих эпических мест» (с. 26). Работа снабжена Приложением, в которое включены 13 народных рассказов и одна песня о Палии и Мазепе, извлеченные в основном из различных украинских изданий.

Ряд работ К. посвящен народному театру. В статье «Страничка из истории русского народного театра» он приводит интересные сведения о возникновении и развитии русского театра и высказывает мысль о его влиянии на фольклорный театр. В работе «Материалы для истории народного театра. “Царь Максимилиан”» (ЭО. 1898. Кн. 39. № 4. С. 47–68; отд. отт.: М., 1899) К. возводит пьесу к житию св. мученика Никиты, основываясь на сходстве основного сюжета и имени царя (в житии — Максемьян), а также устанавливает «постоянные черты» (сцены) в известных вариантах драмы, ставя вопрос о необходимости их сопоставительного изучения. Здесь же К. публикует два записанных по его просьбе и ранее не издававшихся текста «Царя Максимилиана» из Черниговской и Ярославской губерний. Кроме того, под редакцией К. (совместно с Н.Е. Эфросом) вышла «История русского театра» (М., 1914. Т. 1).

К. принадлежит статья о Пыпине, в которой он дает высокую оценку творчеству ученого, отмечая, что «замечательная эрудиция, библиографическая точность и обстоятельность, строгая научность метода, широта и глубина обобщений идут у него об руку с популярностью изложения, изяществом и благородною простотой стиля» (К пятидесятилетию научно-литературной деятельности А.Н. Пыпина // Русская мысль. 1903. № 4. С. 174–175).

Справ.: КЛЭ; Русский биографический словарь. В 20 т. М., 1999. Т. 8. С. 48–49.

Исслед.: Мелкие этнографические заметки: 1. Полозы; 2. Укрощение змей; 3. Сон-трава // ЭО. 1890. Кн. 4. № 1. С. 261–262; Вопросы по этнографии // Киевская старина. 1900. № 12. С. 152–153; Из истории мало-русской литературы 20-х — 30-х годов XIX века. Киев, 1900–1901; Материалы и заметки по истории русской литературы (Песни Ф.Г. Волкова) // Изв. ОЛЯиС. 1901. Т. 6. Кн. 3. С. 170–206; Н.В. Гоголь и его письма. М., 1902; Pushkiniana. [Библиогр. Труды о Пушкине. Материалы и исследования о Пушкине]. Вып. 1–2. Киев, 1902–1903; Заметки о Пушкине. СПб., 1907; Н.В. Гоголь в воспоминаниях современников и переписке. М., 1909; Очерки по истории новейшей русской литературы. М., 1911.

Арх.: РГАЛИ. Ф. 249 (В.В. Каллаш). 59 ед.; ОР РГБ. Ф. 178 в составе Музейного собрания.

С.Б. Сорокина

Кирпичников Александр Иванович [18(30).8.1845, г. Мценск Орловской губ. — 30.4.(13.5)1903, г. Москва; похоронен на Ваганьковском кладбище] — филолог, историк зарубежной и русской литературы, археограф. В периодической печати подписывал свои заметки инициалами А.К., А.К-вз, а также сокращениями С<тарый> С<тудент> и С<тарый> М<осковский>С<тудент>.

Родился в купеческой семье, занимавшейся хлебной торговлей. После смерти отца дело пришлось ликвидировать, и К. с матерью переехали Москву. Здесь он поступил в I московскую гимназию, которую закончил с золотой медалью, хотя с 6 класса принужден был зарабатывать уроками. В 1861–1865 обучался на историко-филологическом факультете Московского университета, где слушал лекции Ф.И. Буслаева по древней русской литературе и Н.С. Тихонравова по новой русской литературе. Значительное влияние на формирование К. как ученого оказал Ф.И. Буслаев; не случайно К. называют одним из ближайших его учеников. Профессор внимательно следил за успехами студента, регулярно посещавшего его домашние собеседования со слушателями университетского курса по вторникам и воскресеньям, снабжал К. книгами из домашней библиотеки и настаивал на продолжении им научных занятий. Узнав о том, что К. испытывает материальные затруднения, Ф.И. Буслаев пригласил его в качестве домашнего учителя латинского языка к своему сыну. Именно совет Ф.И. Буслаева побудил К. избрать для кандидатского сочинения тему «Калевала, финский народный эпос».

В студенческие годы вместе с товарищем по университету, будущим писателем И.Н. Захарьиным (Якуниным), К. предпринял единственную в своей жизни попытку составить небольшой сборник

русских народных песен. Работа была начата в ответ на письменное обращение П.А. Бессонова, который по поручению Общества любителей российской словесности редактировал «Песни, собранные П.В. Киреевским» (М., 1860–1874. Вып. 1–10), занимался архивом П.В. Киреевского и приглашал за вознаграждение присылать материалы для дополнений к фольклорной коллекции. К. не имел опыта собирательской работы, но нуждался в деньгах, а потому откликнулся на предложение И.Н. Захарьина (Якунина) и стал записывать песни, бытующие в Орловской губ., от своей матери. Весной 1863 юные составители передали сборник, включавший свыше 150 бытовых песен, П.А. Бессонову, который, однако, не выполнил взятых на себя обязательств. К. и его соавтор были вынуждены настаивать на возвращении рукописи, надеясь опубликовать ее самостоятельно. При содействии Ф.И. Буслаева сборник удалось вернуть, но планам составителей так и не суждено было осуществиться. Средств на издание найти не удалось, а спустя несколько лет рукопись погибла во время пожара.

Выйдя из университета кандидатом, К. в течение пяти лет преподавал в средней школе: сначала историю в I московской гимназии, затем русский язык в V московской гимназии. Эта деятельность дала повод к созданию нескольких методических статей и учебных пособий. Вместе с Ф.А. Гиляровым К. подготовил к изданию «Этимологию русского языка для низших классов гимназии, применительно к правописанию» (М., 1868); идею этой книги, по свидетельству Н.П. Кондакова, составители позаимствовали у него; самостоятельно К. был разработан «Синтаксис русского языка, применительно к правописанию» (М., 1869). Обе книги многократно переиздавались и стали классикой отечественной учебно-методической литературы. Тогда же К. составил пособия для гимназий по литературе: «История русской литературы для учащихся» (М., 1869) и «Историческая хрестоматия для старших классов. Ч. 1: Русская литература» (М., 1869).

Отдавая много сил педагогической деятельности, К. не прекращал заниматься изучением памятников западноевропейской литературы. Летние каникулы 1869 он использовал для поездки в Гейдельберг, где слушал лекции в университете. Результатом этой поездки стала его первая научная статья, посвященная истории создания одного из известнейших образцов немецкой гуманистической сатиры начала XVI века («Письма темных людей»: Эпизод из истории эпохи Возрождения // ЖМНП. 1869. Ч. 143, № 5. С. 126–171). Тогда же были напечатаны и «Очерки из истории средневековой литературы» (М., 1869).

В 1871 К., желая всецело посвятить себя науке, принял решение подать в отставку с учительской службы. Свои силы он направил на исследование эпических жанров средневековой литературы, в частности «полународных» немецких поэм. К. написал обширную статью

«Кудруна», национальная поэма немцев», которую опубликовал спустя три года отдельной книгой (Харьков, 1874). Весной 1871 К. совершил заграничную поездку: во время учебных семестров слушал лекции в Берлине и Вене, изучал средневековые германские и романские языки, а на каникулах работал в библиотеках Праги, собирая материал для магистерской диссертации. Вернувшись на родину спустя год, сдал магистерский экзамен.

Методология анализа историко-литературного процесса была предметом научных интересов К. с самого начала научной деятельности и на протяжении всей его жизни. С этой точки зрения он рассматривал и новые исследования, что нашло отражение в выборе книг для обзоров и рецензий, которые К. регулярно писал в научные журналы. Особый его интерес вызывала всё громче заявлявшая о себе теория заимствования ([Рец. на кн.:] *Веселовский А.Н.* Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. (Из истории литературного общения Востока и Запада) // Рус. вестник. 1872. Т. 100, № 8. С. 899–910). Уже в этих критических заметках К. старался обосновать идею о том, что многие сюжетные и образные схождения в устной и книжно-письменной традиции разных народов объясняются не столько заимствованием, сколько психологией и общечеловеческими законами фантазии. Наиболее яркое воплощение эта мысль К. получила в его диссертации «Опыт сравнительного изучения западного и русского эпоса: Поэмы ломбардского цикла» (М., 1873), которую он успешно защитил в Московском университете 24 апр. 1874.

Сразу после защиты К. было предложено место в Харьковском университете, где он сблизился со многими коллегами по историко-филологическому факультету, в частности с А.А. Потембной, лекции которого посещал. Приступив к работе в качестве приват-доцента, К. стал основоположником новой для университета учебной дисциплины — истории всеобщей литературы (в 1873 Харьковский университет одним из первых в России открыл кафедру истории всеобщей литературы, вслед за Петербургским, где аналогичную кафедру возглавил А.Н. Веселовский); читал историческую грамматику романских и германских языков, вел различные спецкурсы; устраивал домашние собеседования со студентами по образцу встреч у своего учителя Ф.И. Буслаева. Среди его учеников харьковского периода — М.Г. Халанский и Н.Ф. Сумцов, вспоминая о домашней библиотеке К. как о богатом и ценном хранилище, где были все новейшие издания средневековых и новых литературных памятников и последние исследования о них. Наряду с университетом К. преподавал в женской гимназии и музыкальном училище, вел значительную работу по линии общества грамотности, участвуя в организации народных школ. Одновременно К. выступил инициатором многих важных

научно-просветительских мероприятий в городе: ходатайствовал о создании музея изящных искусств, читал популярные лекции, в 1877 вместе с проф. М.С. Дриновым основал Историко-филологическое общество при Харьковском университете, ставшее центром научной жизни Харькова на многие десятилетия.

В эти годы К. работал над монографией: «1. Греческие романы в новой литературе. 2. Повесть о Варлааме и Иоасафе» (Харьков, 1876), которую хотел представить в качестве докторской диссертации. Рассмотрев в первой части эротические романы эллинистической эпохи — Гелиодора, Ахилла Тация, Ксенофонта, Харитона, Лонга — и их влияние на новый европейский роман, К. во второй части обратился к проблеме становления беллетризированного повествования, утверждающего христианский аскетический идеал. Однако когда труд был завершен, ему пришлось отказаться от своих диссертационных намерений — в отзывах коллег, в частности в двух обширных разборах А.Н. Веселовского (Беллетристика у древних греков: Греческие эротические романы // Вестник Европы. 1876. Т. 6, № 12. С. 671–697; Византийские повести и Варлаам и Иоасаф // ЖМНП. 1877. Ч. 192, № 7. С. 122–154), содержалась серьезная критика работы К., не уделявшего должного внимания некоторым источникам, а также убедительные возражения его попытке доказать, что житие Варлаама и Иоасафа создавалось вне связи с буддийскими сказаниями. При этом А.Н. Веселовский указал на несостоятельность подхода К. к сопоставительному анализу источников на уровне отдельных мотивов вместо поиска в источниках соответствия «нескольких эпических моментов, расположенных в известной последовательности» (там же. С. 153).

После постигшей его неудачи К. ходатайствовал о временной отставке в Харьковском университете и переводе в Петербург. В 1876–1879 он был причислен к Министерству народного просвещения. Это позволило ему сосредоточиться на подготовке докторской диссертации. За два с половиной года работы в столичных библиотеках К. завершил исследование «Св. Георгий и Егорий Храбрый. Исследование литературной истории христианской легенды» (ЖМНП. 1878. Ч. 200, № 12. С. 268–327; 1879. Ч. 201, № 1. С. 36–64; № 2. С. 175–278; отд. издание — СПб., 1879). Две главы работы К. были посвящены истории книжного сказания о святом, то есть трем греческим версиям жития, известным как в славянских, так и в латинских пересказах и переделках, которые, в свою очередь, становились основой западных (романских и германских) поэм и песен; две — усвоению книжных сюжетов о мучении и змееборчестве святого «безыскусной, или народной, поэзией» (Кирпичников А.И. Св. Георгий и Егорий Храбрый. Исследование литературной истории христианской легенды. СПб., 1879. С. III). Размышляя о чрезвычайной популярности образа св. Георгия и связанного с ним сказания, К. поставил вопрос о причи-

нах, способствовавших этой популярности настолько, что христианскому святому оказались переданы черты «сданных в архив богов». К объективным предпосылкам этого процесса он отнес «во-первых, официальный широкий культ святого (часто зависящий от слияния его с языческими верованиями самого народа), во-вторых, специальные черты в его легенде, чудесах, изображениях, и, в-третьих... время его празднования» (там же. С. 126). Ставя вопрос о преемственности книжного жития и духовного стиха, К. доказывает, что стих о мучении Егория складывается на основе литературно-художественного предания, импульсом для которого послужило греческое сказание. Стих о Егории и Лизавете также основан на литературном источнике, но значительно дополняет его выразительными фольклорными деталями. В заговорах же, где Георгий-Егорий выступает в качестве персонажа-помощника, особенно «силен элемент произвола». Однако и в них можно усмотреть результаты заимствования: от иконописи — белый цвет коня Георгия, близкая связь со змеями (а через них червями), связь с Михаилом Архангелом (там же. С. 148). Выступившие в качестве официальных оппонентов О.Ф. Миллер и А.Н. Веселовский дали высокую оценку этого труда, причем диссертация К. побудила А.Н. Веселовского к развитию этой темы в собственном исследовании — «Св. Георгий в легенде, песне и обряде» (из цикла «Разыскания в области русских духовных стихов», 1880). В том же году, после служебной поездки в Лейпциг и Лондон, К. вернулся в Харьковский университет, где был избран экстраординарным профессором всеобщей литературы.

В это же время К. как специалист по средневековой литературе Западной Европы и Византии был приглашен в качестве одного из авторов многотомной «Всеобщей истории литературы, составленной по источникам и новейшим исследованиям при участии русских ученых и литераторов» (СПб., 1880–1892. Т. 1–4, вып. 1–28). После кончины В.Ф. Корша, начинавшего этот труд, К. было передано его общее редактирование. В течение десяти лет он возглавлял коллектив авторов, координируя работу девятнадцати человек, и писал многочисленные главы и разделы в тома, посвященные литературе Средневековья, Возрождения и Нового времени. В результате перу К. принадлежит примерно треть всего труда (СПб., 1881–1882. Т. 2. Вып. 11–15; СПб., 1885–1888. Т. 3. Вып. 18–22; СПб., 1890–1892. Т. 4. Вып. 23, 24, 26–28).

В 1884, после внезапной смерти первой жены, К. навсегда покинул Харьков. Проведя год в Петербурге, ученый получил приглашение занять должность ординарного профессора на кафедре истории западных литератур Новороссийского университета и переехал в Одессу. 24 сент. 1885 он прочитал вступительную лекцию, посвященную задачам и методам истории всеобщей литературы и ее месту в ряду

других филологических дисциплин, а также наук о человеке и обществе (Всеобщая литература в наших университетах // Истор. вестник. 1886. Т. 23, № 2. С. 411–420). Кроме общих и специальных курсов по истории западноевропейских литератур, он взял на себя преподавание немецкого и итальянского языков; неоднократно выступал с публичными лекциями, заслужив репутацию блестящего оратора. Здесь же, пользуясь советами своего коллеги, специалиста по истории византийского искусства Н.П. Кондакова, К. приступил к занятиям византологией; начал изучение новогреческого языка. Летние каникулы он обычно использовал для научных экскурсий в Грецию и Константинополь. Всё это было необходимо для обширного научного замысла, родившегося у К. еще в начале 1880-х, — исследования «О Деве Марии в поэзии и искусстве».

В исследовательской логике К. обращение к этой теме было связано с опытом изучения книжных и устных произведений о св. Георгии. Однако характер задач, которые ставил перед собою ученый на новом этапе работы, потребовал от него выхода за пределы сугубо филологического подхода и освоения принципов искусствоведческого анализа текстов и артефактов. К. планировал «изложить историю выработки и видоизменений поэтически-художественного образа и легенды о Богоматери на западе и на востоке», совместив сравнительный анализ памятников средневековой книжной и устной словесности с иконографическим изучением произведений западноевропейского и древнерусского христианского искусства. К. опубликовал программу этого сочинения (Программа исследования профессора А.И. Кирпичникова «О Деве Марии в поэзии и в искусстве» // Зап. имп. Академии наук. 1884. Т. 49. С. 47–51), которую поддержал его учитель (Отзыв ординарного академика Ф.И. Буслаева о программе исследования профессора А.И. Кирпичникова «О Деве Марии в поэзии и в искусстве» // Там же. С. 51–52). Замысел К. как нельзя лучше отвечал призыву, который он неоднократно слышал от Ф.И. Буслаева, — заниматься христианским искусством («художественно-религиозным преданием»), которое есть интереснейший с точки зрения изучения народного мировоззрения синтез религиозных представлений с поэтико-литературным и художественно-изобразительным творчеством. Однако выполнить намеченную программу в полном объеме К. не удалось. Тема была столь грандиозна, а материал настолько многообразен и разнопланов, что со временем даже сам К. стал говорить о невозможности свести концы с концами. Но даже и то, что ему удалось сделать за двадцать лет, к сожалению, не было собрано в одну книгу. Осталась обширная серия статей, свидетельствующая о том, что ученый до конца своих дней постоянно работал над этим замыслом.

Среди статей К., имеющих отношение к теме «О Деве Марии в поэзии и искусстве», значительное место занимают те, которые были

посвящены житийному циклу Богородицы. В их числе один из обзоров легендарных представлений о Матери Спасителя, закрепленных различными книжными и рукописными источниками. Последние были хорошо известны западноевропейской и отчасти русской (но также не свободной от западноевропейского влияния — в частности, минеи Димитрия Ростовского) традиции. Обзор явился откликом К. на труды немецких авторов — А. Шульца и А.Ф. фон Ленера — и выразил стремление русского ученого к критическому анализу выводов западноевропейских коллег-искусствоведов, рассматривавших интересующие его поэтические и художественные памятники (Сказания о житии Девы Марии и их выражение в средневековом искусстве // ЖМНП. 1883. № 7. Ч. 228, отд. 2. С. 16–66).

Целая серия работ К. явилась попыткой выстраивания связей между произведениями словесности, главным образом апокрифами, восполнившими историю земной жизни Богородицы, и христианской иконографией. В развитие этого направления его исследования было создано несколько иконографических этюдов: «Иконография “Вознесения Христова”» (Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). Т. 3. Одесса, 1887. С. 387–395), «Деисус на востоке и западе и его литературные параллели» (ЖМНП. 1893. № 11, отд. 2. С. 1–26), «К иконографии сошествия Св. Духа» (Древности. Тр. имп. Московского Археологического общества. Т. 15. Вып. 1. М., 1894. С. 1–15), «Этюды по иконографии Рождества Христова» (Зап. имп. Русского археологического общества. СПб., 1894. Т. 7. С. 95–105). Одной из наиболее ярких и показательных работ К. этого типа явилась статья «Успение Богородицы в легенде и искусстве» (Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). Т. 2. Одесса, 1888. С. 191–249), представлявшая собою главу из намечаемой им книги. В ней он анализирует редакции греческого сказания об Успении, одна из которых описывает события от имени Иоанна Богослова, а другая приписывается Мелитону Сардийскому (II в.); параллельно рассматривает свидетельства паломников в Святую Землю, вобравшие в себя множество местных легенд. Специальное внимание уделено К. церковным песнопениям православной церкви на Успение Богородицы, а также праздничным народным кантам. Одновременно он рассматривает изображения Успения на Васильевских дверях Софии Новгородской, коллекцию икон Академии художеств, сравнивая их с иконами, хранящимися в музее Духовной академии Киева, рассказывает об иконе в Успенском кафедральном соборе Ярославля, исследует русские иконописные подлинники. Обилие анализируемого материала не мешает К. выстраивать две вполне самостоятельные линии его исследования, связанные с воплощением сюжета об Успении в западной и восточной традиции. Отметив смещение смысловых акцентов, сделанное западноевропейской живописью в сторону коронования вознесшейся на небеса Девы

Марии, он приходит к выводу, что «весь самостоятельный труд по выработке основных типов сказания о конце земной жизни Богоматери и иконографии этого сюжета выпал на долю восточной, греческой церкви» (там же. С. 233).

Другой цикл статей и публикаций К., связанных с богородичной темой в книжности и искусстве, касается открытий, которые он делал в библиотеках: «О миниатюрах одной венской рукописи (читано 10 ноября 1882 г. в Обществе исторических и филологических наук, состоящем при Харьковском университете)» (Журнал министерства народного просвещения. 1883, март. Ч. 226, отд. 2. С. 33–36), «Миниатюры часослова Императорской Публичной библиотеки по отношению к легенде о Мадонне» (Художественные новости. 1883. Т. 1. С. 501–509), «Русское сказание о Лоретской Богоматери. Из Чтений в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете» (М., 1896) и др.

Что же касается теоретического осмысления механизмов взаимодействия произведений словесного и изобразительного искусства, то оно нашло отражение в докладе «Взаимодействие иконописи и словесности народной и книжной (ответ на сороковой вопрос программы восьмого археологического съезда)» (Труды восьмого археологического съезда в Москве. 1890. М., 1895. Т. 2. С. 213–229). В нем К. обозначил свое отношение к анализируемому материалу: «Миниатюра и легенда, икона и духовная песнь только различные формы творчества, в основе которых лежит одно и то же содержание, данное Святым Писанием и Преданием; формы, в которых выражается одна и та же идея, одно и то же художественное проявление; одна форма подкрепляет другую, популяризирует ее, способствует ее дальнейшему развитию в смысле лучшего выражения идеи и пополнения и уяснения представления» (там же. С. 213). Этот доклад К. важен еще и тем, что именно в нем ученый дал серию примеров взаимовлияния иконописи и народной словесности — духовных стихов, легенд и заговоров. Некоторые наблюдения К. послужили основой небольшой заметки «Богородица в народной поэзии (отрывки и заметки)» (Юбилейный сборник в честь Всеволода Федоровича Миллера, изданный его учениками и почитателями. М., 1900. С. 93–96). В ней были собраны разрозненные факты, позволяющие судить о том, как христианский образ реализуется в словесных обрядовых формулах, легендах и песнях разных народов.

В 1890-х ученый взял на себя подготовку статей из раздела истории русской и зарубежной литературы для энциклопедии Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Среди них есть очерки и заметки, связанные с проблемами фольклора (Георгий св., великомученик, победоносец // Брокгауз-Ефрон. 1892. Т. 8. С. 419–420; Голубиная книга // Там же. 1893. Т. 9. С. 116–117; Дажбог // Там же. 1893. Т. 10. С. 35; Духовные

стихи // Там же. 1893. Т. 11. С. 270–272; Курганов Н.Г. // Там же. 1896. Т. 17. С. 67; Легенда // Там же. 1896. Т. 17. С. 453–456; Мистерия // Там же. 1896. Т. 19. С. 452–454) и фольклористики (Гриммы, братья // Там же. 1893. Т. 9а. С. 732–734; Миллер В.Ф. // Там же. 1896. Т. 19. С. 298–300; Брокгауз-Ефрон (нов). 1915. Т. 26. Стб. 516–519). К этому же периоду относятся очерки, посвященные А.Н. Афанасьеву и Ф.И. Буслаеву, которые написаны К. для биографического словаря С.А. Венгерова (Афанасьев А.Н. // *Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых: от начала русской образованности до наших дней*. СПб., 1889. Т. 1. С. 860–870, 987; Буслаев Ф.И. // Там же. СПб., 1897. Т. 5. С. 291–319).

Последний период жизни К. был связан с Москвой. Осенью 1897 ученый обратился в Министерство народного просвещения с просьбой о переводе в Московский университет. С согласия университета К. был введен в преподавательский состав историко-филологического факультета сверхштатным ординарным профессором по кафедре новейшей русской литературы. Подобное назначение предполагало изменение основного направления научно-педагогической деятельности, однако К. был к этому готов. В Москве он приступил к чтению нескольких лекционных курсов, посвященных истории отечественной словесности послепетровской эпохи, а также пушкинской поры и последующих десятилетий XIX века. О прежних занятиях напоминал лишь курс византийской литературы XI–XIII веков, который К. также читал в эти годы. Наряду с учебными занятиями К. по-прежнему занимался общественной деятельностью, в том числе и на факультете, что сыграло свою роль в избрании его деканом историко-филологического факультета в 1899. Тогда же К. был введен в штат, а в 1902 удостоен звания заслуженного ординарного профессора. 1 февр. 1903, незадолго до кончины, К. назначили помощником ректора Московского университета.

По возвращении в Москву К. не ограничил круг своего профессионального общения стенами *alma mater*. Привыкший много и интенсивно работать, он, даже испытывая проблемы со здоровьем, преподавал студентам Московской консерватории и Училища живописи, ваяния и зодчества, сотрудничал в Публичном и Румянцевском музеях (с 1898 состоял хранителем древностей, а в 1902 перешел на должность библиотекаря). Смерть настигла К. на рабочем месте — во время занятий в библиотеке.

Характеризуя научную деятельность К., следует отметить широту его научных интересов и исследовательского кругозора (средневековая и новая западноевропейская словесность, византийская и древнерусская книжность, история христианского искусства и пр.). Он переводил и выступал редактором переводов произведений немецкой и французской литературы; с увлечением разыскивал в архивах и библиотеках

памятники византийской и древнерусской книжности, отдавая немало времени их научному описанию; готовил к изданию и анализировал в своих статьях произведения И.А. Крылова, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя и др. Эта универсальность К. делала его незаменимым сотрудником авторских коллективов, готовивших большие словари.

Вклад К. в развитие отечественной фольклористики связан по преимуществу с разработкой общетеоретических проблем историко-культурного и историко-литературного процесса. Сюжетные и образные сходжения в эпических произведениях разных народов ученый стремился объяснить не общей мифологической первоосновой и не заимствованием, а единством человеческой природы — «сходством всех людей между собою, в особенности тех, которые находятся на одинаковой ступени духовного развития» («Кудруна», национальная поэма немцев. Харьков, 1874. С. 46). К. пришел к выводу, что вне зависимости от того, что легло в основу того или иного мотива — «воззрение или факт, миф или история», важнейшие темы, вокруг которых вращается народная поэзия, вырабатывались «из действительной жизни, условия которой до некоторой степени одинаковы во всех концах мира». И дело не столько в сходстве быта, сколько в том, что «душа у человека всегда одна и та же и понятия о возвышенном и низком, о поэтическом и непоэтическом в общих чертах одни и те же» (Опыт сравнительного изучения западного и русского эпоса: Поэмы ломбардского цикла. М., 1873. С. 7). Подобные утверждения дают основания видеть в К. раннего представителя теории самозарождения.

В своих исследованиях К. почти не соприкасался с устной традицией в живом ее бытовании; фольклорные образы и сюжеты он рассматривал обычно сквозь призму памятников ранней средневековой книжности — поэм, повестей, мистерий, а среди жанров фольклора его по-настоящему привлекали только духовные стихи, литературное происхождение которых не вызывало у него никакого сомнения. Более того, он считал бессмысленным «искать в духовных стихах следов мифического мирозерцания, видеть в них мост между старой и новой религией», полагая задачу их изучения прежде всего в «выяснении тех черт, которые надо откидывать от живущего в устной передаче памятника, чтобы получить его литературное зерно» (Источники некоторых духовных стихов // ЖМНП. 1877. Т. 193, № 10. С. 133–150). Не случайно при рассмотрении духовных стихов К. более всего занимала проблема источника. Такова его попытка объяснить происхождение чудес в стихе о Дмитрие Солунском (Особый вид творчества в древнерусской литературе [читано на 8 археологическом съезде в Москве в январе 1890] // ЖМНП. 1890. Т. 268, № 4. С. 306–313) или проследить генезис одного из образов стиха о Голубиной книге (К вопросу о птице Страфиль [читано на 8 археологическом съезде в Москве 21 января 1890 г.] // Там же. 1890. Т. 270, № 7. С. 99–108).

Внимание К. привлекали пережитки архаического мировоззрения в современном обществе. Он одним из первых занялся коллекционированием газетных статей и заметок, связанных с представлениями о колдовстве, проявлениях нечистой силы, даре провидения, чудесах от святынь. К. настаивал на введении в научную практику особого раздела народоведения — «современной мифологии» (Далеко ли мы ушли от мифологического мирозерцания? // *Новь*. 1884. № 1. С. 46–70; *Очерки по мифологии XIX века* // *ЭО*. 1894. Кн. 23, № 4. С. 1–42).

Несмотря на то что К. обращался к фольклористической проблематике нечасто, его авторитет в этой области, как и в других областях филологической науки, был высок. За годы профессорства им было написано немало разборов и рецензий ([Рец. на кн.:] *Сахаров В.* Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула, 1879 // *Критическое обозрение*. 1880. № 11–12. С. 594–598; [Рец. на кн.:] *Фаминцын А.С.* Божества древних славян. Вып. 1. СПб., 1884 // *Истор. вестник*. 1885. Т. 21, № 7. С. 179–184; [Рец. на кн.:] *Народная поэзия*. Исторические очерки. Ординарного академика Ф.И. Буслаева. СПб., 1887 // *ЖМНП*. 1885. Ч. 151, № 9. С. 401–407; [Рец. на кн.:] *Соловьев С.* Историко-литературные этюды: К легендам об Иуде предателе. Вып. 1. Харьков, 1895 // *Зап. Имп. Новорос. ун-та. Одесса*, 1896. Т. 68, ч. офиц. С. 15–20; [Рец. на кн.:] *Афанасьев А.Н.* Народные русские сказки. 3-е изд. // *ЭО*. 1898. Кн. 36, № 1. С. 179–181; и др.). Как рецензент он пристально следил за успехами своих учеников, среди которых были и специалисты по славянскому фольклору. Ярким примером тому могут служить отзывы К. на магистерскую и докторскую диссертации Н.Ф. Сумцова ([Рец. на кн.:] О свадебных обрядах, преимущественно русских, соч. *Н. Сумцова* // *ЖМНП*. 1881. Ч. 216, № 7. С. 172–184; [Рец. на кн.:] *Сумцов Н.Ф.* Хлеб в обрядах и песнях. Харьков, 1885 // *Новь*. 1885. Т. 3, № 11. С. 486–488), а также разбор его работы, представленной на соискание академической премии (Отчет о сорок втором присуждении наград графа Уварова: *Проф. Н.Ф. Сумцов*. Разыскания в области анекдотической литературы. Анекдоты о глупцах. Харьков, 1898 // *Зап. имп. Академии наук по историко-филологическому отделению*. СПб., 1902. Т. 6, № 2. С. 151–174).

К. был избран чл.-корр. АН (дек. 1894). Вел большую работу в научных обществах: с 23 февр. 1874 — действительный член, а с 16 нояб. 1901 — председатель Общества любителей российской словесности при Московском университете (возглавлял Пушкинскую и Гоголевскую комиссии); председатель Русского библиографического общества при Московском университете, Археографической комиссии при Московском археологическом обществе (в 1898–1899 вместе с акад. Д.Н. Анучиным был редактором ежемесячного журнала общества «Археологические известия и заметки»), действительный член Об-

щества истории и древностей российских при Московском университете, Общества любителей древнерусской письменности. Деятельно участвовал в работе просветительских организаций, ставивших своей целью содействие народному образованию (Педагогическое общество, Общество грамотности и Московское Общество содействия устройству общеобразовательных народных развлечений).

Справ.: Брокгауз–Ефрон; Гранат; ЛЭ; КЛЭ; Словарь Общества любителей российской словесности при Московском университете. М., 1911. С. 139; Венгеров С.А. Источники словаря русских писателей. Пг., 1914. Т. 3. С. 77–78; Профессора Московского университета: 1755–2004: Биограф. словарь в 2 т. Т. 1. М., 2005. С. 570; Гутнов Д.А. Кирпичников Александр Иванович // Императорский Московский университет: 1755–1917: Энциклопедический словарь. М., 2010. С. 322–323.

Биогр. и некрологи: Памяти проф. А.И. Кирпичникова // Сб. Харьковского историко-филологического о-ва. Харьков, 1905. Т. 14. Ч. 3. С. 1–174; Лазурский В.Ф. Научная деятельность профессора А.И. Кирпичникова. Одесса, 1903.

Библиогр.: Попруженко М.Г. Библиографический обзор трудов А.И. Кирпичникова // Сб. Харьковского историко-филологического о-ва. Харьков, 1905. Т. 14. Ч. 3. С. 162–174; Он же. Памяти профессора Александра Ивановича Кирпичникова. Харьков, 1905. С. 11–23.

Исслед.: С. О русских песнях: Книга английского писателя (The songs of the Russian people, as illustrative of Slavonic mythology and Russian social life. By W.R.S. Ralston, M.A. of the British Museum. London, 1872 // Рус. вестник. 1872. Т. 99, № 5. С. 344–350; Духовные песни (стихи). Легенды // История русской словесности, древней и новой. Соч. А.Д. Галахова. Изд. 2-е, с переменами. СПб., 1880. Т. 1, отд. 1: Древнерусская словесность. С. 194–281; Что мы знаем достоверного о личных божествах славян? // ЖМНП. 1885. Ч. 241, № 9. С. 47–65; К вопросу о древнерусских скоморохах. СПб., 1891 (Сб. ОРЯС. Т. 52, № 5); Суждение дьявола против рода человеческого. СПб., 1894 (Памятники древней письменности; Вып. 105).

Лит.: Пыпин А.Н. История русской этнографии. СПб., 1891. Т. 2. С. 292; Ягич И.В. История славянской филологии. СПб., 1910. С. 851–854 (Энциклопедия славянской филологии; Вып. 1); Азадовский М.К. История русской фольклористики. М., 1963. Т. 2. С. 279–281.

Арх.: ОР РГБ. Ф. 42. Ед. хр. 12.6 (32 письма Ф.И. Буслаеву 1871–1893 гг.); РГАЛИ. Ф. 80. Оп. 1. Ед. хр. 118 (письма А.Н. Веселовскому); ф. 323. Оп. 1. Ед. хр. 216 (письма В.Ф. Миллеру); ф. 680. Оп. 1. Ед. хр. 731 (личное дело преподавателя истории литературы К. из архива Училища живописи, ваяния и зодчества); ф. 1096, 30 ед. хр., 1895–1898 (рукописи трудов по византийской литературе; письмо С.А. Венгерова 1895 г.); ИРЛИ. Ф. 421. Ед. хр. 47, 1809–1902 (статьи, заметки, материалы по истории русской литературы XVIII в., фольклору, письма А.И. Кирпичникову от Д.И. Бага-

лея, Ф.И. Буслаева, Александра Н. Веселовского, Алексея Н. Веселовского, В.О. Ключевского, Н.П. Кондакова, В.Ф. Корша, Н.А. Котляревского, В.Ф. Миллера, М.И. Михельсона, А.Н. Пыпина и др.).

Л.В. Фадеева

Крупянская Вера Юрьевна [22.06. (04.07) 1897, станция Исакогорка Архангельской губ. — 1985, г. Москва] — фольклорист, этнограф, исследователь народного театра.

Родилась в семье разночинцев (отец — железнодорожный служащий). В 1915 окончила Саратовскую Мариинскую женскую гимназию. В 1915–1917 училась на историко-филологическом отделении Московских Высших женских курсов (бывш. В.И. Герье; ныне МПГУ). В окт. 1918 вернулась в Саратов.

В 1920–1924 К. училась на педагогическом (бывш. историко-филологическом) факультете Саратовского университета им. Н.Г. Чернышевского по программе славяно-русского отделения (группы русской литературы). В 1924 К. написала дипломное сочинение «Древнерусская повесть о Бове» (глава 1 «Генеалогия текстов “Повести о Бове”») и получила свидетельство об окончании университета по словесно-историческому отделению (словесной секции). Владела французским и немецким языками, а также узбекским, немного знала чешский и словацкий.

С конца окт. 1918 по август 1920 работала счетчиком и затем статистиком в Губстатбюро. С окт. 1920 по апр. 1924 — научным сотрудником Этнографического музея, организованного Б.М. Соколовым. В своих воспоминаниях (1978) К. отмечала, что с 1920 по 1930 работала под руководством профессора Б.М. Соколова, а с 1936 по 1941 — под руководством акад. Ю.М. Соколова; воспоминания хранятся в кабинете фольклора Саратовского гос. университета (фрагменты цит.: Горбунова Л.Г. «...Все решительно, особенно в Музее, живо Вами» (Письма Т.М. Акимовой и В.П. Воробьева к Б.М. Соколову) // Кафедра фольклора. Статьи, исследования и материалы. Сб. науч. трудов. Саратов, 2005. Вып. 2. С. 6–42).

С 1924 К. жила в Москве. С июля 1924 по май 1931 работала научным сотрудником отдела Средней Азии в Центральном музее народоведения в Москве по приглашению заведующего музеем проф. Б.М. Соколова. С октября 1931 по август 1934 — научный сотрудник Центрального музея железнодорожного транспорта Министерства путей сообщения. В Государственном литературном музее К. работала старшим научным сотрудником с конца декабря 1934 (практически со времени создания учреждения), а с 1941 по 15 января 1945 заведовала фольклорным отделом.

Первая статья К.: К вопросу о создании фольклорных архивов // Советский музей. 1936. № 1. С. 79–85. К. уделяла внимание архивному

делу и методике собирания и систематизации фольклора и в других публикациях: 1) Как записывать устное народное творчество (Народное творчество. 1937. № 12. С. 67–68); 2) Спутник фольклориста: Методическое руководство по собиранию, систематизации и хранению произведений устного народного творчества (М., 1939. 128 с.; совм. с В.М. Сидельниковым); 3) Как записывать устное народное творчество (М., 1940. 12 с.; листовка).

Работая в Гослитмузее, К. в 1935 составила опись фольклорных материалов Н.И. Лебедевой, предложенных архиву ее матерью Л.М. Лебедевой (ГЛМ. ФА. Инв. 15. Ед. хр. 37). Директор Гослитмузея И.Г. Клабуновский в 1944 высоко оценил работу К. в музее: «При деятельном участии В.Ю. Крупянской был научно обработан огромный фольклорный архив музея. Ею была разработана система научного описания, каталогизации и хранения фольклорных материалов, принятая в Государственном литературном музее и легшая в основу организации ряда других фольклорных архивов (Института фольклора АН УССР, Карельского научно-исследовательского института и др.)» (ИЭА РАН. Науч. архив. Биографии).

В 1920–1950-х К. ездила в фольклорные и этнографические экспедиции: Хвалынская под руководством Б.М. Соколова (1920); Узбекская (Ташкент, Самарканд, Бухара, 1925), Кокандская (1928), две Хивинских (1929–1930); Куйбышевская (1936); по сбору современного рабочего фольклора в Московской и Калининской (ныне Тверской) обл. (по заданию редакции «Двух пятилеток», авг. 1936); «По следам В.И. Чапаева» (по заданию редакции «Двух пятилеток», 1937); по сбору современного рабочего фольклора в Ярославской обл. (от Гослитмузея, 1938); Сталинградская по сбору фронтового фольклора (от Гослитмузея, Комитета по делам искусств при СНК СССР и Наркомпроса РСФСР, 1944), Брянская по сбору партизанского фольклора (от Института этнографии АН СССР совместно с МГУ, 1945); Закарпатская по изучению святочного цикла (от Института этнографии АН СССР и Украинской Академии наук, 1945/1946); Закарпатская комплексная экспедиция (руководитель отряда, 1946); на Дон для изучения народной драмы (1947); еще одна Сталинградская (в колхозы «Большевицкое пламя» и им. Л.М. Кагановича в Новоаннинском р-не, 1949); Уральская по изучению культуры и быта рабочих (1950); еще одна Уральская по изучению культуры и быта рабочих Нижнетагильского завода (1951); Воронежская по изучению культуры и быта колхозного крестьянства (1952); четыре Тамбовские экспедиции (с. Вирятино Сосновского р-на, 1952–1955), две Нижнетагильские экспедиции по изучению культуры и быта рабочих (1956–1957). В 1935–1936 К. отыскала в Москве сказочника И.Ф. Федорова, уроженца д. Антипово Ржевского р-на Калининской обл. (бывш. и ныне Тверской губ./обл.), записала от него сказки, биографию и уговорила сделать самозаписи (РГАЛИ. Ф. 1530. Оп. 1. Ед. хр. 1, 3).

Полевые материалы К. включены в сборники: 1) Волжский фольклор (М., 1937. 209 с.; совм. с В.М. Сидельниковым); 2) Ярославский фольклор. Дооктябрьский. Сб. (Ярославль, 1938; совм. с В.М. Сидельниковым редактирование, вступ. ст. — С. 3–14; сост. Б.Н. Быстров и Н.Е. Новиков). К. составила также сб. «Певец Волги Д.Н. Садовников. Избранные произведения и записи» (Куйбышев, 1940. 168 с.); издание включает предания и легенды Поволжья, избранные сказки Абрама Новопольцева.

По результатам экспедиций К. подготовила статьи: 1) Чапаев в устном поэтическом творчестве // Литературный критик. 1936. Кн. 12. С. 226–238 (совм. с В.М. Сидельниковым); 2) Устный народный сказ // Народное творчество. 1938. № 6. С. 46–49 (совм. с В.М. Сидельниковым); 3) Брянская фольклорная экспедиция (Август–сентябрь 1945 г.) // КСИЭ. 1947. № 2. С. 48–52; 4) Экспедиция в Закарпатскую Украину // КСИЭ. 1947. № 3. С. 13–17; 5) Фольклорный отряд Закарпатской комплексной экспедиции // КСИЭ. 1948. № 4. С. 13–17 (по докладу на сессии Института этнографии 12.02.1947); 6) Фольклор колхозной станицы (По материалам Сталинградской фольклорной экспедиции) // СЭ. 1949. № 2. С. 74–89 (совм. с Л.А. Старцевой); 7) Некоторые аспекты этнографического изучения рабочих (На основе русского материала) // КСИЭ. 1958. Вып. 29. С. 3–9 (по докладу на отчетной экспедиционной сессии в мае 1956 в Ленинграде).

С 1 сент. 1944 К. принята на работу в Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР старшим научным сотрудником в сектор фольклора, а в дек. 1944 утверждена в этой должности. В 1947 ей было присвоено Президиумом АН СССР звание старшего научного сотрудника по специальности «фольклор» и выдан соответствующий диплом (тогда существовала практика присвоения научных званий наравне с учеными степенями). В 1946 К. награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», а в 1947 — медалью «800-летие Москвы». В 1950 окончила двухгодичный Вечерний институт марксизма-ленинизма при Московском городском комитете ВКП(б), хотя в коммунистической партии не состояла. В дек. 1952 решением Президиума Высшей аттестационной комиссии утверждена рецензентом ВАК. В июле 1957 К. утверждена Президиумом АН СССР членом Всесоюзной координационной комиссии по народному творчеству.

Соавторами К. были известные фольклористы и этнографы Ю.М. Соколов, В.И. Чичеров, В.М. Сидельников, В.К. Соколова, Э.В. Померанцева, С.И. Минц, М.Н. Шмелева, Н.Н. Грацианская, Л.Н. Терентьева, Г.С. Маслова, Н.С. Полищук, М.Г. Рабинович, О.Р. Будина, Н.В. Юхнева, а также Л.А. Старцева, Л.А. Анохина, Б. Гершкович, Ш.А. Богина, Т.А. Жданко, Л.П. Потапов, М.Д. Каммари.

К. печаталась в научных журналах «Советский музей» (1936), «Народное творчество» (1937–1938), «Литературный критик» (1936), «Книга и пролетарская революция» (1939); «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР» (1946–1958), «Советская книга» (1947), «Советская этнография» (1948–1977), «Известия Академии наук СССР. Сер.: История и философия» (1947) и «Известия Академии наук СССР. Отд-е литературы и языка» (1953–1965), «Вопросы истории» (1960). Также она публиковала свои работы в периодических научных изданиях — «Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР» (в том числе «Новая серия», 1953–1958).

К. поделилась опытом организации полевой работы в статье «Об организации и проведении полевых этнографических исследований (Из опыта работы Института этнографии АН СССР)» (СЭ. 1956. № 3. С. 25–34; совм. с Т.А. Жданко, Л.Н. Терентьевой; доклад на этнографическом совещании 15.05.1956).

С 30 сент. по 24 окт. 1957 состоялась двухнедельная научная командировка К. в Чехословакию для знакомства с работами, ведущимися чешскими и словацкими учеными по изучению культуры и быта рабочих. К. посетила горняцкие деревни в средней и северной Словакии, пос. Жакаровце, обл. Горегроние и городок Гронец, в Чехии г. Брно, весь Росице-Ославанский р-н — крупный каменноугольный бассейн. К. была приглашена Институтом этнографии Словацкой академии наук и прочитала доклад на VI Международном съезде антропологов и этнографов и опубликовала статью «Skúsenosti z etnografického výskumu ruských robotníkov» (Slovenský Narodopis. Bratislava. 1957. № 3/4); напечатала отчет «Поездка в Чехословакию» (СЭ. 1958. № 2. С. 122–128).

К. являлась начальником Тамбовского отряда Русской этнографической экспедиции, в 1952–1954 вместе с коллегами ездила в с. Вирятино Сосновского р-на Тамбовской обл., месяцами жила там и записывала фольклор, занималась сбором архивных материалов. К. приняла участие в написании коллективной монографии: Село Вирятино в прошлом и настоящем: Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни (ТрИЭ: Нов. серия. Т. XLI. М., 1958. С. 75–95, 205–234, 162–177 — Гл. VI и X: Семья и семейный быт; гл. VII, раздел 3: Экономическая жизнь современного села. 3. Бюджет колхозной семьи). К. проанализировала свадебную обрядность (традиционного южновеликорусского типа) XIX–XX вв., роль народного календаря в быту семьи, особенности родовспоможения и родильные обряды, крестины, уход за младенцем и воспитание детей, похоронные обряды и поминовение умерших. К. привела свадебную терминологию и отметила исчезновение свадебных песен уже в 1880–1890-е гг.

Для экспедиций к уральским горнякам К. разработала специальную программу. Культуре рабочих посвящены статьи К.: 1) Опыт эт-

нографического изучения уральских рабочих во второй половине XIX века // СЭ. 1953. № 1. С. 64–87; 2) Некоторые соображения по поводу этнографического изучения рабочих // Acta ethnographica Academiae Scientiarum Hungarical. Будапешт, 1956. Т. V. № 3/4. С. 317–329; 3) Некоторые аспекты этнографического изучения рабочих (на основе русского материала) // КСИЭ. Вып. 29. 1958. С. 3–9; 4) К вопросу о проблематике и методике этнографического изучения советского рабочего класса // Вопросы истории. 1960. № 11. С. 40–49; 5) Проблемы изучения культуры и быта рабочих СССР // СЭ. 1963. № 4. С. 28–34. К. сделала доклад «Культура и быт рабочих как предмет этнографической науки» (VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М.: Изд-во АН СССР, 1964) и опубликовала одноименную работу (М.: Наука, 1964. 9 с.; то же на фр. яз. — *Kroupianskaya V.Y. La culture et la mode de vie des ouvriers en tant que discipline de la science ethnologiques. Moscou: Naouka, 1964. 15 p.*).

В 1960–1970-х К. продолжала изучать культуру рабочих небольших городов и написала еще ряд статей: 1) Этнография города и промышленного поселка // СЭ. 1964. № 4. С. 118–125 (совм. с М.Г. Рабиновичем); 2) К вопросу об этнографическом изучении города и промышленного поселка // По материалам симпозиума VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук // СЭ. 1965. № 3. С. 110–117 (совм. с Ш.А. Богиной); 3) Быт и его преобразование в период построения социализма // СЭ. 1965. № 4. С. 16–31 (совм. с Л.А. Анохиной и М.Н. Шмелевой); 4) Эволюция семейно-бытового уклада рабочих // Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М., 1970. С. 271–289; 5) Методологические и методические проблемы этнографического изучения современного рабочего класса (на основании опыта работы в г. Нижнем Тагиле) // Краткое содержание докладов годичной научной сессии Ин-та этнографии АН СССР 1972–73 гг. Л., 1974. С. 123–125 (совм. с Н.В. Юхневой).

Результатом четырех экспедиций на Урал в 1950–1951 и 1956–1957 стала коллект. монография: Культура и быт рабочих горнозаводского Урала. (Конец XIX — начало XX в.) (Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР; М.: Наука, 1971; совм. с Н.С. Полищук). К. написала гл. I «Социально-экономический очерк Нижнего Тагила» (с. 13–41), гл. II «Семья и семейный быт» (с. 42–102), гл. III «Материальный быт» (с. 103–152); совм. с Н.С. Полищук — «Введение» (с. 5–12) и «Заключение» (с. 239–243).

Позднее опубликован коллект. труд.: Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила. 1917–1970 (Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР; М.: Наука, 1974; совм. с О.Р. Будинной, Н.С. Полищук, Н.В. Юхневой). К. принадлежат гл. I «Промышленное и культурное развитие Нижнего Тагила за годы Советской власти» (с. 9–28), гл. IV «Семья и семейный быт» (с. 153–216), гл. V

«Материальный быт» (с. 217–251); совместно — «Введение» («Предисловие») (с. 3–8) и «Заключение» (с. 315–318).

К. много сил отдала изучению народного театра. 26 июля 1944 К. защитила в МГУ кандидатскую диссертацию на тему «Народная драма “Лодка”, ее генезис и литературная история». Автореферат диссертации опубликован: КСИЭ. 1947. № 3. С. 70–73. Значительно позднее была напечатана статья К.: Народная драма «Лодка»: (Генезис и литературная история) // Славянский фольклор. М., 1972. С. 258–302. В статье К. опирается на 39 текстов (из них 21 опубликован) и на исследования предшественников, привлекает архивные материалы (статья «Лодка» Н.Е. Ончукова из ГЛМ). Показывает вариативность названий народной драмы: «Лодка», «Шлюпка», «Шлюпку спускать», «Шайка разбойников» и др. Выявляет географию бытования «Лодки», связывая ее с культурными центрами: это СПб. и окрестности, города с текстильной промышленностью (Москва и Орехово-Зуево, Тверская, Ярославская, Костромская, Иваново-Вознесенская губ.), Среднее Поволжье (Казанская, Симбирская, Саратовская губ.), Заволжье (Нижегородская губ.), Средний Урал, верховье Хопра и южнорусские губ. (Рязанская, Орловская, Калужская). К. указывает социальное положение исполнителей народной драмы (матросы, солдаты, лесопильщики, текстильщики, уральские горнорабочие, донские казаки); устанавливает период бытования и первых фиксаций, начиная с 1840–1850. Содержание драмы выстроено вокруг спуска лодки на воду, гребли, распевания песни «Вниз по матушке по Волге» и диалога между атаманом шайки и есаулом о проплываемых берегах. Украинских и белорусских вариантов нет. К. цитирует опубликованные воспоминания своего прадеда капитана В.Ф. Крупянского (1912) о разыгрывании пьесы; популярность «Лодки» в народе засвидетельствована писателями А.С. Грибоедовым, А.И. Герценом, И.С. Тургеневым, И.А. Гончаровым, А.Н. Островским. Предположительно драма создана во втор. пол. XVIII в. в купеческой среде, но быстро вышла за пределы сословия. В ряде вариантов в драматическое действие органически вплетается новый эпизод — встреча с «неизвестным» (егерем, фельдфебелем, Иваном Пятаковым, Гришкой Бобром и др.), его принимают в шайку. Монолог «неизвестного» о своей жизни является переделкой «Братьев разбойников» Пушкина. К. показывает влияние лубочной литературы на генезис народной пьесы. Число дополнительных песен в «Лодке» варьируется от 3 до 9, а в одном варианте их 19. Существует контаминированная версия: «Лодка» + «Царь Максимилиан». Имеются рукописные списки пьес, исполнительской импровизации мало, актерская игра строится на мимических приемах и жестикуляции. Костюмы имеют условный характер: у атамана золото и серебро на одежде, медали, эполеты и пистолеты за поясом. К статье приложен список опубликованных текстов и архивных рукописей.

В весенних семестрах 1945–1946 К. читала спецкурс «Народный театр у славян» на славянском отделении МГУ. С 1947 трудилась над докторской диссертацией на тему «Русская народная драма (ее генезис и пути развития)», ездила на Дон (в Хоперский округ Сталинградской обл.) в фольклорную экспедицию для поисков народного театра (1947).

Заведующий сектором фольклора Института этнографии профессор П.Г. Богатырев в 1947 назвал К. «виднейшим советским фольклористом» и дал следующую характеристику одного из направлений ее работы: «Летом 1947 г. В.Ю. Крупянская осуществила фольклорную экспедицию в Сталинградскую область, Хоперский округ, с целью изучения народного театра у донских казаков, применив новые методы собирания произведений народной драматургии. В результате экспедиция собрала ценнейшие материалы по вопросам, почти еще не исследованным в науке: о народных актерах и режиссерах, о подробностях сценических постановок за 50 лет существования народного театра на Дону. В настоящее время ею начата работа по подготовке к печати специальной книги по казачьему народному театру» (ИЭ РАН. Науч. архив. Биографии. Л. 1–2).

С 1930-х К. изучает фольклор, возникающий в условиях военного времени: 1) 1812 год в народном творчестве // Народное творчество. 1937. № 8. С. 10–13 (совм. с В.И. Чичеровым); 2) Поэтическое творчество Красной Армии // Книга и пролетарская революция. 1939. № 1. С. 112–118 (рецензия на книги: «Красноармейский фольклор» и «Фронтовая поэзия в годы гражданской войны», обе 1938 г.). К. записала народную песню периода Гражданской войны «Сквозь леса, луга, болота...» (ГЛИМ. ФА. Инв. 61).

С 1941 К. выступала с докладами на фольклористических конференциях и совещаниях, проводившихся в Москве и Ленинграде, а потом и в Киеве и Риге. В 1943 прочитала доклад на совещании по фольклору Великой Отечественной войны в Иркутске. Она освещала научные мероприятия в печати: 1) Красноармейский фольклор Великой Отечественной войны // Русский патриотический фольклор. Мат-лы науч.-творч. совещания «Великая Отечественная война в устном народном творчестве». М., 1945. С. 22–32 (Стеклограф. изд.); 2) Совещание по вопросам собирания, изучения и издания фольклора Отечественной войны (9–14 декабря 1947 г.). Отчет // СЭ. 1948. № 2. С. 209–216 (совм. с Б. Гершкович и В.К. Соколовой).

С янв. 1942 К. собирала фольклор Великой Отечественной войны в прифронтовой полосе, в частности, сказы, песни и частушки, пословицы и поговорки; читала лекции по военному фольклору в воинских частях и госпиталях. К. подготовила сб.: Фронтовой фольклор / Под ред. и с предисл. М.К. Азадовского. М.: Гослитмузей, 1944. 132 с. В статье «Красноармейский фольклор Великой Отечественной войны» (там же. С. 8–24) К. призывает учителей, селькоров, библиотекарей,

краеведов, школьников собирать военный фольклор: переделки авторских текстов; легенды о героях, их подвигах или гибели; анекдоты, песни и частушки; пословицы и поговорки; стихотворные послания (матери, жене, невесте, другу).

После войны К. опубликовала работы: 1) Фронтовая песня // КСИЭ. 1946. № 1. С. 77–79); 2) Фольклор Великой Отечественной войны // Изв. АН СССР. Сер.: История и философия. 1947. Т. 4. № 1. С. 90–93); 3) Фольклор Великой Отечественной войны (Задачи и методы собирания). М.; Л., 1949. — 32 с.; 4) Работа сектора фольклора Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР по изучению фольклора Великой Отечественной войны в 1945–1949 гг. // КСИЭ. 1949. № 8. С. 69–80 (совм. с Б. Гершкович); 5) Материалы по истории песни Великой Отечественной войны. М., 1953 (Тр. Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Т. 19. 208 с.; совм. с С.И. Минц).

К. изучала советский фольклор: 1) Народное песенное творчество послевоенного периода // СЭ. 1951. № 3. С. 64–85; 2) глава «Советское народное поэтическое творчество 20-х годов» в кн.: Русское народно-поэтическое творчество. М., 1953. С. 196–223.

К. принимала участие в создании вузовского учебника по фольклору под редакцией П.Г. Богатырева, писала для него главу «Народный театр» (Русское народное поэтическое творчество. М.: Учпедгиз, 1954. С. 382–415; 2 изд. — 1956. С. 463–495) и раздел: «Русское советское народно-поэтическое творчество» (с. 455–534; Там же. С. 536–618; совм. с С.И. Минц).

В ноябре 1973 К. ушла на пенсию, однако до 1976 она продолжала сотрудничать с сектором этнографии восточнославянских народов.

Справ.: Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. Указатель: В 3 т. М., 1963. Т. 2. С. 380; Список основных работ кандидата филологических наук В.Ю. Крупянской (К 55-летию научной деятельности) // СЭ. 1977. № 6. С. 135–136.

Арх.: ГЛМ. ФА. Инв. 15. Ед. хр. 37. Инв. 61, 88, 263; РГАЛИ. Ф. 1480. 4 ед. хр., 1935 и б.д. Ф. 1530; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Науч. архив; Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. Каб. фольклора.

Е.А. Самоделова

Лебедева Наталия Ивановна [6/19.07.1894, г. Рязань — 19.03.1978, г. Рязань, похоронена на Скорбященском кладбище в г. Рязани] — этнолог, археолог, фольклорист.

Родилась в семье нотариуса, члена рязанского окружного суда, коллежского асессора Ивана Петровича Лебедева (1848–1899). Дед

Петр Алексеевич Лебедев (1814–1872) окончил 4-классное духовное училище г. Касимова и тоже был нотариусом. Ее прадед Алексей Лебедев служил причетником в церкви Бардаковско-Собчаковского прихода Спасского уезда Рязанской губ. и неоднократно упомянут в «Рязанских епархиальных ведомостях» (1873, ноябрь, с. 133).

Брат отца Дмитрий Петрович Лебедев (1851–1891) был хранителем рукописного отдела Румянцевского музея, его имя как археолога, историка и библиографа упомянуто в энциклопедическом издании (Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1896. Т. XVII. С. 416). От его сына Дмитрия Дмитриевича — врача-педиатра и двоюродного брата Л. — она в детстве слышала много интересного о музее, в который в 1923 г. поступит работать научным сотрудником.

В 1897–1898 Л. жила в Иркутске (место последней службы отца); позже в рукописных «Мемуарах» она сообщит, что бабушка при рождении внука соблюдала старинный обычай «приносить младенца в подоле», приведет потешку отца «А ду-ду, сидит ворон на дубу, он играет во трубу», метеорологическую примету сибиряков «Ангара выкинула флаг» о поднимающемся тумане над замерзающей рекой и с особой теплотой отзовется о посещении этнографического отдела местного музея (ГАРО. Ф. Р-6710. Оп. 1. Ед. хр. 50).

После смерти отца оставшаяся без средств к существованию семья Лидии Михайловны Лебедевой с 3-мя детьми (по старшинству — Наталия, Петр, Елизавета) вернулась в Рязань. Вскоре Лиза умерла. С 5 до 12 лет Л. жила постоянно или проводила лето в 60-ти верстах от Рязани у бабушки, где «полюбила бедную деревню», и там же «накапливались наблюдения этнографического порядка» (Письмо к Г.С. Масловой от 10/VII-60 — цит. по: *Маслова Г.С. Из истории изучения восточнославянской этнографии* (О жизни и творчестве Наталии Ивановны Лебедевой) // Лебедева Н.И. Научные труды. Т. 1. С. 6). Семья жила на ул. Приклонской (ныне ул. Урицкого, 64) в деревянном одноэтажном доме с резным крыльцом.

В 1903–1913 Л. училась в Рязанской частной гимназии В.П. Екимецкой (во втором приготовительном отделении в 1903–1905, 7 лет в основном отделении и в 8-м классе — педагогическом) и окончила ее с золотой медалью и правом преподавания русского языка и математики на дому (домашняя наставница). Сначала мать оплачивала обучение (из пенсии по потере кормильца в 1047 руб. в год), а в 1905 г. обратилась с прошением о денежной помощи и получила ее от Комитета благотворительного общества судебного ведомства. О гимназии Л. оставила теплые воспоминания (не опубл.).

В 1913–1918 Л. обучалась на историко-филологическом отделении Московских высших женских курсов (МВЖК). Во время учебы Л. там преподавали русскую и зарубежную литературу М.Н. Сперан-

ский, М.Н. Розанов, А.Е. Грузинский, П.Н. Сакулин, русскую и всеобщую историю — М.К. Любавский, А.А. Кизеветтер, М.М. Покровский, Д.Н. Егоров, Д.М. Петрушевский, В.И. Пичета, А.Н. Савин, Д.Н. Ануцин, А.А. Мануйлов и др. Лекции по этнографии читала В.Н. Харузина (она же преподавала в Московском археологическом институте, где позже будет учиться Л.), автор учебника «Этнография. Малокультурные народы (культура материальная и духовная)» (Ч. 1. Лекции, читанные на ВЖК в 1911–1912 г. По запискам слушательниц. М.: Лит. С.М. Мухарского, 1912). Практические занятия по фольклору и этнографии вела Е.Н. Елеонская, ученица В.Ф. Миллера, опубликовавшая в 1914 «Сборник великорусских частушек» — записки курсисток, приехавших на учебу из разных губерний. Ректором МВЖК тогда был С.А. Чаплыгин — выдающийся ученый-механик, земляк Л., уроженец г. Раненбург Рязанской губ. (в 1948 город переименован в Чаплыгин). Л. застала последние месяцы преподавания В.Ф. Миллера (7.IV.1848 – 5.XI.1913) и, безусловно, ознакомилась с его «Лекциями по русской народной словесности», прочитанными на ВЖК в 1908–1909, 1909–1910 и 1910–1911 гг. (М., 1909, 1910 и 1911 — 3 изд.).

В 1916–1917 Л. работала в издательстве МВЖК, подготавливая к печати лекции профессоров. В 1917–1918 являлась статистиком в оценочном отделении Рязанского губернского земства (ушла оттуда 30 нояб. 1919) и одновременно трудилась над кандидатским (дипломным) сочинением «Наказ Екатерины II Комиссии 1767 г.», защитила его на МВЖК в 1918 и получила диплом с отличием по специальности «Русская история и всеобщая».

В 1919–1922 Л. преподавала русский язык и историю в опытно-показательной школе № 3 им. Н.К. Крупской в г. Рязани, а также сотрудничала с музейным отделом Политпросвета и по поручению Рязанской ученой губернской архивной комиссии (1884–1918) обрабатывала материалы раскопок и составляла археологическую карту для Рязанского государственного областного музея, создала первую этнографическую экспозицию в здании бывшего Земства, фактически основала этнографический отдел этого музея и в 1921 стала его заведующей.

С 1922 по 1923 Рязанский государственный областной музей и Рязанский городской отдел народного образования командировали Л. в МГУ им. М.В. Ломоносова для специализации по археологии (прослушала курс В.А. Городцова) и этнографии (курсы Б.А. Куфтина, В.В. Богданова, А.Н. Максимова и В.Н. Харузиной). Подрабатывала преподаванием русского языка в фабрично-заводском училище.

С марта 1923 по 1931 Л. работала в этнографическом отделе Румянцевского музея (в 1924 преобразован в Центральный музей народоведения (ЦМН), директором стал Б.М. Соколов), сначала научным сотрудником, а с 1924 являлась помощницей заведующего Русским

отделом (с 1928 — отделом восточных славян) В.В. Богданова. Л. занималась инвентаризацией коллекций, провела реэкспозицию музея по этнографии Европейской части России в связи с получением этнографических экспонатов Сельскохозяйственной выставки в Москве (1923), с появлением значительных экспедиционных материалов и с переездом в новое здание — в Нескучный дворец (в 1935 дворец передали АН СССР). С февраля по май 1928 Л. вела там этнологический семинарий на материале подготовленной ею выставки по прядению и ткачеству (см. «Конспективный план работ семинария Н.И. Лебедевой по этнологии (составлен на основании вступительных лекций)» // Лебедева Н.И. Этнологические материалы / Сост., предисл., коммент. и указатель Е.А. Самоделовой / Рязанский этнографический вестник. Рязань, 1997. С. 122).

Первая научная публ. Л.: Предварительный отчет об этнографических работах в Сапожковском уезде Рязанской губ. летом 1923 года // Вестник рязанских краеведов. Касимов, 1924. № 3. С. 5–8.

В 1923 группа уроженцев Рязанского края, проживавших в столице, выдвинула инициативу создать Объединение ученых рязанцев в Москве для осуществления помощи рязанским научным учреждениям. В состав Бюро — наравне с профессурой — была избрана Л. как уроженка Рязанщины и археолог и этнограф (Хроника // Вестник рязанских краеведов. Касимов, 1923. № 1. Ноя. С. 25).

В 1924–1925 Л. училась в аспирантуре у В.А. Городцова при Археологическом институте Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) и защитила диссертацию «Перстни рязанских курганов» (автореферат опубл.: Рязанский гос. обл. музей. Исследования и материалы. 1928. Вып. II. 15 с., с илл. и схем.).

Кроме работы в ЦМН и учебы, Л. активно занималась научно-исследовательской деятельностью в Этнографическом отделе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при МГУ. В первой половине 1920-х гг. Л. являлась секретарем Московской секции Этнологической комиссии при Государственной академии истории материальной культуры, в те же годы для Государственного музея Центрально-Промышленной области собирала этнографические коллекции в полевых экспедициях. В 1920-е Л. состояла членом Общества исследователей Рязанского края (ОИРК), ликвидированного в 1930.

В начале 1920-х из-за материальных затруднений Л. вынуждена была довольствоваться скудными «поездками разведки», привозя экспонаты для музеев. В научных статьях Л. дополняла описание предметов материальной культуры (прялок и ткацкого стана, одежды, жилища и хозяйственных построек, рыбацких принадлежностей и др.) фольклорными сведениями о них, попутно излагая методические принципы и давая краткие анкеты для проведения полевых разысканий по затронутой теме.

Во многих выпусках «Вестника рязанских краеведов» (ВРК) опубликованы статьи Л.: Предварительный отчет об этнографических работах в Сапожковском у. Ряз. г. летом 1923 г. // ВРК. Касимов, 1924. № 3. Янв. С. 5–8; Городок у деревни Новоселки Ряз. у. // ВРК. Рязань, 1924. № 4. Апр. С. 13–15; Отчет о летних работах 1924 г. по археологии в окрестностях г. Касимова // ВРК. Рязань, 1925. № 1. С. 1–3.

В 1920–1921 Л. участвовала в этнографической экспедиции в Сапожковский у. и в археологической экспедиции на реке Воже. 23 окт. 1921 она прочитала доклад и позднее опубликовала статью «Современное состояние Вожской засеки» (ВРК. 1925. № 4. С. 1–13). В авг. 1922 Л. совершила две краткосрочные экспедиции в Касимовский и Спас-Клепиковский уезды Рязанской губ.; сохранилась статья, написанная на основе этих поездок и посвященная народной одежде и ее обрядовой роли, жилищу и хозяйственным постройкам, микротопонимике села (опубл. посмертно: По Касимовскому уезду. Август 1922 года // *Лебедева Н.И.* Этнологические материалы. С. 55–59). В 1923 Л. побывала в с. Лом Касимовского у., с. Мордово Спасского у., с. Лужки Зарайского у. Рязанской губ.; в августе 1923 находилась в экспедиции в Спасском, Сапожковском и Ряжском уу. той же губ. В 1924 Л. посетила с. Деревенское Спасского у., с. Бреево Касимовского у. и г. Касимов; в августе 1924 — с. Чучково Сапожковского у. и с. Вослебы и с. Чулково Скопинского у. Рязанской губ. В октябре 1924 Л. побывала в Раненбургском и Данковском уездах Рязанской губ., изучала там традиционную крестьянскую одежду и жилище с хозяйственными постройками разных социальных групп населения — прежних однодворцев, казенных и помещичьих крестьян. В декабре 1924 — январе 1925 Л. ездила на Полтавщину (с. Черевки, с. В. Сорочинцы, д. Шишаки, местечко Миргород, м. Ереськи, д. Олифировка, м. Хомутец).

В 1925 по направлению Русского отделения ЦМН Л. посетила Дмитровский у. Московской губ. вместе с руководителем Б.А. Куфтиным, А.Г. Данилиным, Г.С. Масловой, В.П. Никольской и З.Е. Аллендорф для изучения гончарства, костюма и духовной культуры населения (см.: Этнологическая работа Государственного музея Центрально-Промышленной области (за годы 1920–1927). Вопросы этнологии Центрально-Промышленной области. М.: Гос. музей ЦПО, 1927. С. 162–163; *Ипполитова А.Б.* История Музея народов СССР в Москве // ЭО. 2001. № 2. С. 150).

В 1925 Л. совершила поездку под руководством Б.А. Куфтина и вместе с А.Г. Данилиным, Г.С. Масловой и А.А. Мансуровым в Касимовский, Елатомский и Сасовский уезды Рязанской губ. для изучения культурно-бытовых особенностей великоруссов и касимовских татар.

Летом-осенью 1925 и 1926 Л. по заданию ЦМН находилась в пешеходной экспедиции от Калуги до Трубчевска, Смоленска, Новгород-Северского. В Калужской губ. в 1925 Л. исследовала Калужский, Лих-

винский, Козельский, Жиздринский, Мосальский, Бежецкий и Карачевский уезды, принимал участие в экспедиционной работе и А.Г. Данилин.

В Брянском Полесье в 1925 Л. по заданию ЦМН находилась совместно с В.П. Никольской и З.Е. Аллендорф (см.: *Ипполитова А.Б. История Музея народов СССР. С. 149*). В июле-августе 1926 Л. совершила экспедицию в Смоленскую губ.; сохранился ее полевой дневник (опубл.: *Лебедева Н.И. Полевой дневник 1926 года. Смоленская губ. // Лебедева Н.И. Этнологические материалы. С. 23–27*).

Результатом экспедиций 1925–1926 стали доклад Л. «Этнологическое изучение Калужского Полесья как характерного этнологического района» (опубл.: *Вопросы этнологии Центрально-Промышленной области. М., 1927. С. 28–32*) и монография «Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки. (Этнологическая экспедиция в Брянской и Калужской губерниях в 1925-м и 1926-м годах). Ч. I. Народный костюм, прядение и ткачество» (Мемуары этнографического отдела ОЛЕАЭ. М., 1927. Вып. 2. 164 с.).

В те же годы Л. продолжала совершать короткие экспедиции от нескольких дней до недели в родную Рязанскую губ. В 1926 она посетила д. Козлань Елатомского у. Тамбовской губ. (ныне Касимовского р-на Рязанской обл.), с. Лубонос и с. Мелехово Касимовского у. Рязанской губ.

Полевые записи многих рязанских экспедиций не сохранились, но о них известно из археологических и этнографических трудов Л., в том числе неопубликованных. Поездки были краткосрочные, экспедиционные материалы имеют краткие пометы мест записи, хранятся в разных архивах и опубликованы в нескольких выпусках «Рязанского этнографического вестника» (РЭВ): *Лебедева Н.И. Духовная культура рязанских крестьян. Классификация одежды русских; Маслова Г.С. Из истории восточнославянской этнографии // РЭВ. 1994. С. 3–48; Лебедева Н.И. Научные труды: В 2 т. // РЭВ. 1996. Т. 2. С. 187–197* (перепечатка); *Лебедева Н.И. Этнологические материалы*).

В 1927 Л. по направлению ЦМН исследовала Мозырский округ (левобережье р. Припяти) и западную часть Бобруйского округа в Белоруссии. Совершила также небольшую поездку («методическую экскурсию») со студентами 1 МГПУ по р. Ветьмице — притоку р. Десны. Были исследованы д. Местковичи, ст. Лавшино, Иванковичи, Домля, Немечики, Зимницы (ГЛМ. Фонд Н.И. Лебедевой, инв. № 21). Белорусское Полесье Л. изучала совместно с В.П. Никольской, охватывая значительный район: маршрут протяженностью в 300 верст.

В «Трудах Центрального музея народоведения» в 1929 опубликована работа Л. «Жилище и хозяйственные постройки Белорусской ССР. Мозырский и Бобруйский округа по левому берегу Припяти и ее притокам» (это единственный выпуск «Трудов» музея). Помимо обо-

значенной в заглавии темы Л. в экспедиции фиксировала и фольклорные произведения — в частности, входящие в календарную, семейную и скотоводческую обрядность.

С 24 июня по 1 июля 1927 Л. с краеведом из Тулы А.Н. Нечаевой обследовали с. Монастырщино-Рождествено, с. Куликово-Поле, Ивановское, с. Орловка, Никитское на Дону и д. Горки для изучения народной одежды Тульской губ. в бассейне рек Непрядвы и Дона (см.: *Нечаева А.Н.* Крестьянская одежда Тульской губернии в районе рек — Непрядва и Дон // Вопросы этнологии Центрально-Промышленной области. М.: Гос. музей ЦПО, 1927. С. 100). Результатом этой экспедиции 1927 и поездки Л. в 1924 в южную часть Рязанской губ. (Раненбургский и Данковский уезды), пограничную с Тульской губ., стала статья Л.: Вопросы этнологического изучения южных уездов Рязанской и Тульской губерний (бассейн Дона) // Культура и быт населения Центрально-Промышленной области. Этнологические исследования и материалы. М., 1929. С. 109–113).

Л. выступила на 2-м Совещании этнологов Центрально-Промышленной области при Госмузее ЦПО 7–10 декабря 1927 с докладом: Систематика прядения и ткачества на территории Центрально-Промышленной области // Культура и быт населения Центрально-Промышленной области. Этнографические исследования и материалы. 2-е Совещание этнологов ЦПО 7–10 декабря 1927 г. М., 1929. С. 46–54.

На совещании Л. активно выступала в прениях, в числе прочих слушала доклад Г.С. Масловой «Этнологическое изучение рыбацкого быта в Мещерском озерном крае» (по программе В.В. Богданова). Г.С. Маслова тогда являлась помощницей заведующего этнологическим подразделом Госмузея ЦПО и всю жизнь дружила с Л.: переписывалась с ней в 1949–1977, ездила в совместные экспедиции, писала в соавторстве статьи, стала ее первым биографом.

Л. заинтересовалась темой рыболовства и во время одномесечных командировок от ОЛЕАЭ в 1928 провела пешеходную экспедицию от г. Новгорода до г. Великих Лук, в 1929 — по побережью Псковского озера и от г. Пскова до Порхова. В результате Л. подготовила ряд статей («Рыболовство Новгородского и Псковского округов (По озерам Ильменя и Псковского)», «Средства передвижения» — о лодках и др.), образующих монографию (издана посмертно под условным названием: Этнологические материалы по Псковскому, Новгородскому и Великолуцкому округам, собранные Н.И. Лебедевой в 1928–1929 годах // *Лебедева Н.И.* Этнологические материалы. С. 67–115). В Рязанском историко-архитектурном музее-заповеднике (так называется теперь созданный в 1918 Губернский историко-художественный музей) до конца XX в. сохранялась экспозиция «Рыболовство», подготовленная Л.

В Северо-Западном регионе Л. выявляла элементы народной материальной культуры, проследила их хронологические и географиче-

ские вариации (ГЛМ. ФА. Фонд Н.И. Лебедевой. Инв. 20. Ед. хр. 1). Главную цель она видела в изучении древней культуры новгородцев на их исконной территории — в сопоставлении с белорусской культурой, поскольку другими учеными уже изучена культура северовеликорусов в Архангельской и Вологодской губ. и в Карелии, т. е. по путям Новгородской колонизации (ГЛМ. ФА. Фонд Н.И. Лебедевой. Инв. 20. Ед. хр. 1. См. также инв. 20 (весь), инв. 19, инв. 18; *Лебедева Н.И.* Этнологические материалы. С. 139).

Одновременно Л. собирала фольклор — календарный, семейный, скотоводческий, сказочную прозу. В «Пояснительной записке к материалам, собранным в Новгородском и Псковском округах в 1928–9 гг.» (1936) после указания точного маршрута с перечислением всех городов, сел и деревень она написала и затем вычеркнула фрагмент: «Попутно с изучением материальной культуры было сделано около 60 записей по фольклору — аграрный культ и обычаи, связанные со скотом» (опубл. посмертно под условным заглавием: *Фольклор Псковского и Новгородского округов. 1928–1929 гг.* // *Лебедева Н.И.* Этнологические материалы. С. 44–48).

В 1928 Л. являлась научным консультантом при киносъемке «Союзкинохроникой» черно-белой немой документальной картины в 5 частях (метражом 1456,7) в с. Бояновичи Бежецкого РИКа Брянского округа (ныне Хвастовичского р-на Калужской обл.). О содержании фильма дает представление распечатка кадра «Маргоски — бабий праздник» с изображением яичницы в поле (ГЛМ. ФА. Фонд Н.И. Лебедевой. Инв. 15. Ед. хр. 11). Фильм получил название «В Брянском Полесье» (1930; <http://rgakfd.ru/catalog/films/> — дата обращения: 15.10.2014; Российский государственный архив кинофотодокументов) и с успехом демонстрировался в 1929 в нескольких кинотеатрах Москвы. В аннотации к фильму указано: «Брянск. Центральный музей народоведения (краеведческий музей): экспозиции музея, экскурсия. Брянские леса, сплав леса, болота. Ловля рыбы. Полесские деревни, поля. Жизнь и быт крестьян. Обработка полей, сбор урожая ручным способом. Богатые и бедные избы, в т. ч. курные. Церковь, монастырь. Религиозные обряды, в т. ч. крестный ход, водосвятие, поминовение усопших; свадебный обряд. Женский праздник “Маргоссы”. Кладбище. Жизнь и быт зажиточных крестьян. Женщина в национальном костюме. Крестьянки за работой (плетут лапти, прядут лен, убирают и обрабатывают коноплю, ткут холст). Крестьяне на собрании, за работой в кооперативных артелях. Механизированные процессы вспашки почвы, уборки урожая в колхозах. Брянск: улицы, здания, движение транспорта, пешеходов. Гублессоюз, заготовка и обработка экспортного леса. Лесопильный, фосфоритный заводы. Школы» (1930; <http://rgakfd.ru/catalog/films/> — дата обращения: 15.10.2014; Российский государственный

архив кинофотодокументов). Заканчивался фильм показом быта передового колхоза «Пчелка».

Далее в Тульский округ Л. совершила экспедицию 14 сентября — 1 октября 1929: Московская Слобода у г. Крапивны (14.IX) — Каменево Крапивинского РИК (18. IX) — с. Левенское (20.IX) — д. Ильинское (22.IX) — с. Татеево (24.IX) и д. Шатово Одоевского РИК (26.IX) — с. Гремячее (28. IX) — с. Отхожее Веневского РИК (30.IX–1.X; маршрут выявляется по паспортизации фольклорных материалов — ГЛМ. ФА. Фонд Н.И. Лебедевой, инв. 17). Фольклорные записи имеют рубрикацию: «I. Аграрные обряды»; «II. Обряды, связанные со скотом»; «III. Обряды, связанные с годовым кругом праздников»; «IV. Семейные обряды. Обрядовое печенье. Коровай»; «V. Народная медицина»; «VI. Обряды, связанные с жилищем» (Лебедева Н.И. Этнологические материалы. С. 36–44).

5–8 сентября 1929 Л. записала фольклор в Талдомском РИКе Московской обл. по двум большим разделам: «обряды внекалендарные сельскохозяйственные» и «обряды календарные», уделяя внимание народным праздникам (Рождество, Масленица, «Сороки», «Хрестовая неделя», Благовещение, день Жен Мироносиц, Семик и Троица), обрядовому печению («жаворонки», «хресты», «шарочки», «барашки», «орешки»). Фольклорные записи производились в с. Крапотки, д. Мокряги, также приведены сведения о д. Нестерная и д. Горе (Лебедева Н.И. Этнологические материалы. С. 48–50).

В 1929 издана брошюра Л.: Очередные вопросы изучения прядения и ткачества / Каб. краеведения МОНО. Краеведно-метод. библиотека. М., 1929. Вып. 1. 22 с.

В 1930 Л. дважды ездила от ЦМН на правобережье р. Припяти (после 1927) и в Московскую обл. (также повторно — после 1925). В экспедиции в Белоруссию Л. изучала материальную культуру, в свободное время делая также записи по фольклору. Снова обследовался Мозырский округ, по правому берегу р. Припяти и по р. Уборти (д. Запесочье, с. Тонеж, д. Радзивиловичи Туровского р-на; с. Милашевичи, с. Мельчицы, д. Липляны Лельчицкого района; с. Ремезы Каролинского района) (ГЛМ. ФА. Фонд Н.И. Лебедевой. Инв. 14. Ед. хр. 7).

В годы репрессий Л. уволили из Центрального музея народоведения, выдав справку «в том, что она уволена из музея <ЦМН> с 1/VI-1931 г. согласно постановления комиссии по чистке “Снять с работы по II категории”» (РИАМЗ. Н.а. III/2657). Л. очень переживала из-за вынужденного расставания с ЦМН: «Оборвалась нить моей жизни» (Мемуары // Лебедева Н.И. Этнологические материалы. С. 135). Она объясняла причины своего увольнения тем, что поддерживала на Ученых советах В.В. Богданова (уволенного в 1929 и арестованного в 1930) и Б.А. Куфтина (тоже попавшего под арест в 1930), и нежеланием проводить антирелигиозные экскурсии из-за личной веры в Бога (Самоделова Е.А. Жизнь и научная деятельность Н.И. Лебедевой. С. 6).

В 1931–1933 Л. работала научным сотрудником, а потом помощником заведующего отделом в Центральном доме техники железнодорожного транспорта. Л. вспоминала о Музее железнодорожного транспорта (так она называла новое место работы) как о добротном специализированном музее с сильной материальной базой и научным руководством специалистов, добросердечной атмосферой сотрудничества, но она не чувствовала себя уверенно в области техники (Мемуары // *Лебедева Н.И. Этнологические материалы*. С. 135).

Л. арестовали 4 октября 1933 по ложному обвинению в том, что под видом полевых экспедиций на Полтавщину она якобы устанавливала преступные связи с украинскими коллегами (первоначально вымышленная организация следствием была представлена как украинская) (*Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов»: 30-е годы*. М., 1994. С. 8; *Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. Арест и ссылка Н.И. Лебедевой* (по архивным материалам) этнография и фольклор Рязанского края (Первые Лебедевские чтения). Рязань, 1996. С. 14–15). До начала апреля 1934 Л. содержалась в Бутырской тюрьме по сфабрикованному делу № Р-28879 «Русской национальной партии», которой инкриминировалась идея свержения Советской власти и установления фашистской диктатуры. Фамилию Л. назвал заведующий украинским отделением Русского музея и председатель Украинского научного общества в г. Ленинграде Б.Г. Крыжановский, который был арестован во время командировки в г. Смоленск 9 сентября 1933 и получил 10 лет Беломорских лагерей (расстрелян в 1937). С ним Л. была знакома по работе, так как изучала украинский народный костюм.

В следственном деле, которое вел заместитель начальника Секретно-политического отдела ГПУ Г.С. Юшко, фамилия Л. упомянута минимально, дата ее рождения проставлена ошибочно — 1896 (др. ошиб. дата — 1895: Личные архивные фонды: В 3 т. М., 1962. Т. 1. С. 391. Т. 2. 1963. С. 381), и дальнейшая судьба после вынесения приговора не прослежена. Л. не отрицала свою религиозность, при аресте у нее изъяли нательный крест и приобщили к делу. 2 апреля 1934 Л., не признавшая себя виновной, была осуждена по ст. 58/10, 11 Уголовного кодекса (дело № 2554) на 3 года ссылки в Обско-Иртышскую обл.

Мать исследовательницы Л.М. Лебедева перед ссылкой дочери подала заявление с просьбой о свидании, оно состоялось, и — по позднейшим рассказам самой Л. — было решено обратиться к Н.К. Крупской с прошением об освобождении. 9 апреля 1934 Л. была направлена этапом, т. е. в тюремном вагоне, в г. Тюмень, там освобождена из-под стражи. С 15 апреля в депрессивном состоянии находилась на лечении в Тюменском психоизоляторе (ГАРО. Ф. Р-6710, оп. 1, ед. хр. 3). Из-за переживаний Л. лечилась с 15 июля по 10 октября 1934 в Пермской психолечебнице (ГАРО. Ф. Р-6710. Оп. 1. Ед. хр. 3). Неизвестно,

действительно ли обращалась мать Л. к Н.К. Крупской и помогла ли та, но по состоянию здоровья в 1934 Л. вернулась в Рязань.

С октября 1933 по 1938 Л. находилась на инвалидности (по данным одной из автобиографий — с 1934 по 1941 — инвалид II гр.), занималась огородничеством при себе и с отстающими учениками в школах г. Рязани (ГАРО. Ф. Р-6710. Оп. 1. Ед. хр. 2). Несмотря на пошатнувшееся здоровье, Л. отправлялась в небольшие экспедиции. С 1 по 7 мая 1935 Л. посетила д. Бараково Зарайского р-на Московской обл. и с. Астромино Рязанского р-на и обл.

Л. в 1935 откликнулась на предложение Гослитмузея приобрести ее экспедиционные материалы. На папке 1 «Опись материалов по духовной культуре, собранных в 1925, 1926-27 и 1929 гг. в Калужском, Брянском и Смоленском округах» стоит дата: 20-II-1935. После перечисления селений по всем маршрутам Л. указала протяженность пути — 1,5 тыс. верст (ГЛМ. ФА. Фонд Н.И. Лебедевой, инв. 21). Всего было сдано Л. в архив 492 номера (текста). В 1936 Л. сдала этнографические и фольклорные материалы по Новгородскому, Псковскому и Великолуцкому округам, собранные в 1928–1929: «Пояснительная записка к материалам, собранным в Новгородском и Псковском округах в 1928–9 гг.» подписана датой — 1936 (Инв. 20, ед. хр. 1).

О жизни Л. в 1940-е сведений почти не имеется, а вот 1950-е оказались для нее плодотворными: Л. совершила множество экспедиций и подготовила ряд публикаций, занимала должность заведующей архивом Рязанского горисполкома, принимала участие в научных конференциях. В 1950 Л. посетила Конобеевский р-н (повторно после 1925) и увидела там объединение жительниц нескольких селений в артель по прядению шерсти и вязанию чулок и варежек, а также узнала о колхозных бригадах по тканью мешков (*Маслова Г.С. Из истории изучения восточнославянской этнографии* (Н.И. Лебедева). С. 91).

В 1951 Л. ездила в с. Астромино Рязанского р-на и вошла в состав комплексной археолого-этнографической экспедиции, изучающей быт передовых колхозов Рязанской области. По итогам экспедиций опубликована статья Л. «Изучение Рязанской области в этнографическом отношении после Октябрьской революции и ее значение в истории русской этнографии» (Краеведческие записки. Рязанский областной краеведческий музей. К 75-летию музея. Рязань, 1959. С. 120–130).

С 1951 Л. сотрудничала по трудовым договорам с Институтом этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР в должности старшего научного сотрудника. Во главе института с момента его основания в 1942 стал С.П. Толстов — прежний заведующий подотделом этнологии Государственного музея ЦПО, который прекрасно знал Л. по 1920-м годам.

Летом 1953 Л. участвовала в экспедиции в Смоленскую обл., которую посетила повторно (после 1926); сохранились дневниковые за-

писи, включающие фольклорные тексты (опубл. посмертно: Полевые дневники экспедиции в Смоленскую область. Лето 1953 года // *Лебедева Н.И.* Этнологические материалы. С. 50-51).

В 1954 Л. входила в состав участников Орловско-Курского отряда Русской этнографической экспедиции АН СССР (руководитель О.А. Ганцкая); имеются ее экспедиционные фольклорные записи (опубл. посмертно: Полевой дневник члена Орловско-Курского отряда Русской этнографической экспедиции АН СССР. 1954 // *Лебедева Н.И.* Этнологические материалы. С. 51). Южновеликорусский отряд в течение двух месяцев работал в Орловской, Курской, Белгородской и Липецкой обл. Результатом экспедиции стали статьи Л.: 1) Материальная культура сельского населения южновеликорусских областей (XIX — начало XX в.) // Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР / Тр. ИЭ. 1960. Т. 57. С. 172–256 (в соавт. с О.А. Ганцкой и А.С. Парниковой; Л. принадлежат разделы «Введение» и «Одежда»); 2) Этнографическая характеристика отдельных групп русского населения Орловской, Курской и Липецкой областей // Там же. С. 258–266.

В 1956 по приглашению заместителя директора Института этнографии АН СССР Л.Н. Терентьевой Л. вошла в Литовский отряд Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции (посетила Литву и Гродненскую обл. БССР). По результатам этой и предыдущих экспедиций Л. в соавторстве с О.А. Ганцкой и Л.Н. Чижиковой написала статью: Материальная культура русского сельского населения западных областей (во второй половине XIX — начале XX в.) // Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР / Тр. ИЭ. 1960. Т. 57. С. 5–71. Л. составила разделы статьи — «Введение» и «Одежда».

В октябре 1956 Л. вышла на пенсию. В том же 1956 издан главный труд Л.: Прядение и ткачество восточных славян в XIX — начале XX в. // Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. // Тр. ИЭ. Нов. серия. 1956. Т. 31. С. 461–540.

Доклад Л. в соавторстве с Г.С. Масловой «Русская народная одежда как источник изучения этнической истории (по материалам русского историко-этнографического атласа)» на Всесоюзном этнографическом совещании 14–22 мая 1956 в Ленинграде выделен из свыше 160 выступлений и отмечен в «Ежегоднике БСЭ» (1957. С. 546). Это был один из первых подступов к составлению историко-этнографического атласа, задуманного Ин-том этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР: Л. как знатока традиционной народной одежды, жилища и хозяйственных построек восточных славян пригласили принять участие в этом проекте. В результате появилась статья Л. в соавторстве с Г.С. Масловой: Русская крестьянская одежда XIX — начала XX века //

Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда. Середина XIX — начало XX века. М.: Наука, 1967. С. 193–267.

В 1957 Л. включилась в 1-й Ангарский отряд (под руководством Г.С. Масловой) комплексной экспедиции (начальник А.П. Окладников) Института этнографии АН СССР по маршруту от г. Иркутска до г. Братска, чтобы изучить материальную и отчасти духовную культуру селений, подлежащих затоплению из-за строительства Братской ГЭС. Сохранились полевые записи Л. в июне-сентябре 1957 (Сибирская экспедиция 1957 г. // Лебедева Н.И. Этнологические материалы / РЭВ. 1997. С. 51–54). Результатами стали статьи Л.: 1) Хозяйственный быт Приангарья (XIX — начало XX века) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. 1. Приангарье. Новосибирск: Наука, 1971. С. 78–95; 2) Классификация одежды русских // Там же. С. 110–126.

В 1957 Л. посетила д. Каменка, с. Салтыково, д. Плетневка, с. Золотая Поляна Сасовского р-на, п. Свеженькая Шацкого р-на, п. Красная Дубрава Сараевского р-на, с. Малеево и с. Ардабьево Касимовского р-на Рязанской обл.

В 1960 Л. приняла участие в выработке маршрутов Рязанского отряда комплексной экспедиции Ин-та этнографии АН СССР (полевая работа проводилась в 1960, 1961 и 1963). В 1960 Л. включилась в Рязанский отряд комплексной экспедиции Института этнографии и посетила с. Новое Еголдаево Ряжского р-на, с. Пустотино Кораблинского р-на Рязанской обл. Л. считала, что после составления плана историко-этнографического атласа «Русские» необходимо углубить изучение народной одежды, жилища и хозяйственных построек, охоты и рыболовства, кустарных промыслов и исследовать новые темы — крестьянскую пищу и свадьбу (Маслова Г.С. Из истории изучения восточнославянской этнографии (Н.И. Лебедева). С. 94–95).

Л. интересовала конструкция этнографического объекта; она сама фотографировала аппаратом типа «Москва» (со стеклянными пластинками) недостроенные или уже полуразрушенные, полуразобранные дома и дворы, делала чертежи с разрезами, составляла планы и профили, поручала художникам создавать рисунки с ясно обозначенными каркасами построек.

В 1965 Л. совершила поездку в г. Елатмю Касимовского р-на, посетила с. Морозовы Борки Сапожковского р-на и с. Секирино Скопинского р-на Рязанской обл. (наблюдала «проводы русалки»). Л. в соавторстве с Л. Ляховой написала заметку: Народное искусство. Выставка в краеведческом музее // Приокская правда. Рязань, 1965, 15 авг.

В 1966 путешествовала с В.А. Фалеевой с целью пополнения коллекций Гос. Русского музея в Ленинграде и Рязанского художе-

ственного музея по маршруту: Рязань — Тума — Малахово — Наумово — Акулово — Китово — Лубяники — Внуково — Ерыгино — Мишкино.

В 1967 Л. с Рязанским краеведческим музеем участвовала в поездке по области и была обрадована «заповедной» сохранностью народной культуры в с. Секирино Скопинского р-на. С 22 по 27 августа 1968 по поручению Музея и ВООПИК ездила на р. Проню в связи с предстоящим затоплением ряда селений из-за строительства Пронской ГРЭС (РИАМЗ. Науч. архив. III/2686).

Находясь уже на пенсии и считаясь персональным пенсионером местного значения (ГАРО. Ф. Р-6710, оп. 1, ед. хр. 3), Л. консультировала приезжавших специально к ней в г. Рязань молодых этнографов и продумывала возможные маршруты полевых экспедиций по Рязанской обл. для московских и ленинградских коллег.

По протесту Генерального прокурора СССР 26 октября 1964 Президиум Московского городского суда в результате проверки установил, что в 1934 Русской национальной партии в действительности не существовало, и отменил постановление Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 2 апреля 1934 за отсутствием в действиях подсудимых состава преступления. Это решение о реабилитации не было доведено до сведения Л., которая тогда проживала в г. Рязани и так до конца жизни не узнала об этом (Ашин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994. С. 6–7, 15, 71, 75, 81, 165, 189, 198, 228–229, 233–234, 237–239). Ни в одной из известных ныне автобиографий Л. не упомянула об аресте. В 1970 награждена юбилейной медалью «За доблестный труд» (РИАМЗ. Н.а. III/2657).

Л. скончалась 19 марта 1978. На могиле Л. на Скорбященском кладбище в г. Рязани на средства ВООПИК установлен памятник с барельефом прядущей на веретене девушки (это изображение подчеркивает огромный вклад исследовательницы в изучение темы прядения и ткачества восточных славян).

К 100-летию со дня рождения Л., 6–8 декабря 1994, в пос. Солотча (курортном пригороде г. Рязань) прошли Первые Лебедевские чтения, организованные Рязанским областным домом народного творчества и редакцией журнала «Рязанский этнографический вестник» (РЭВ); по материалам научной конференции издан сб. «Этнография и фольклор Рязанского края (Первые Лебедевские чтения)» (1996). В 4-х выпусках «Рязанского этнографического вестника» переизданы известные труды Л. и впервые опубликованы ее архивные материалы (1994, 1996, 1997).

9 октября 2014 в ходе V Лебедевских чтений открыта мемориальная доска в память Л. на здании женской гимназии В.П. Екимецкой (ныне школа № 1) в г. Рязань.

Справ.: Личные архивные фонды: В 3 т. М., 1962. Т. 1. С. 391. Т. 2. 1963. С. 381 (оба раза — с ошиб. датой рожд.); *Горбунов Б.В.* Лебедева Наталия Ивановна // Рязанская энциклопедия. Рязань, 1995. С. 294.

Исслед.: Современное состояние Вожской засеки // Вестник рязанских краеведов. Журнал Общества исследователей Рязанского края. Рязань, 1925. № 4 (8). С. 1-13; Материалы по изучению Орловского края. Орел, 1927. Вып. 1; Научные труды: В 2 т. Рязань, 1996 (Рязанский этнографический вестник) (во 2-м томе на с. 198–199 — список прижизненных публикаций Л.); Из архива Н.И. Лебедевой: Свадебные и праздничные печенья Рязанской губернии (Публ. Е.А. Самоделовой) // *Palaeoslavica*. Cambridge; Massachusetts. 1999. № VII. P. 261–274.

Лит.: *Маслова Г.С.* Из истории восточнославянской этнографии. О жизни и творчестве Наталии Ивановны Лебедевой // *Лебедева Н.И.* Духовная культура рязанских крестьян. Из полевых материалов 1923–1965 гг.: Классификация одежды русских. Рязань, 1994 (Рязанский этнографический вестник). С. 48–129 (то же в сокращ.: Советская этнография. М., 1991. № 5. С. 45–57; то же полностью: *Лебедева Н.И.* Научные труды: В 2 т. (Рязанский этнографический вестник). Рязань, 1996. Т. 1. С. 5–20); *Самоделова Е.А.* 1) Деятельность Н.И. Лебедевой в области изучения духовной культуры // Этнография и фольклор Рязанского края (Первые Лебедевские чтения). (Рязанский этнографический вестник). Рязань, 1996. С. 164–170; 2) Жизнь и научная деятельность Н.И. Лебедевой (Предисловие) // *Лебедева Н.И.* Этнологические материалы / Сост., предисл., коммент. и указатель Е.А. Самоделовой (Рязанский этнографический вестник). Рязань, 1997. С. 3–18; 3) *Самоделова Е.А.* Деятельность Н.И. Лебедевой в области изучения духовной культуры // Этнография и фольклор Рязанского края (Первые Лебедевские чтения). Рязань, 1996. С. 164–170; *Шангина И.И.* Н.И. Лебедева и полевая этнография в 1920-е гг. // Там же. С. 12–13; *Бабий А.Н.* Фрагменты воспоминаний о Н.И. Лебедевой // Там же. С. 171–172; *Димперан Л.В.* Наталия Ивановна Лебедева в 1960-70-е гг. Из личных воспоминаний // Там же. С. 173–174; *Челяпов В.П.* Археологические исследования в научной деятельности Н.И. Лебедевой // Там же. С. 175–176; *Мухаревский М.Н.* Собиранье народных традиций (Об этнографе Н.И. Лебедевой) // Переяславль. Рязань, 2004. № 9. С. 23–27; *Чельцова Н.* Репрессированная память // Новая газета. Еженед. рязан. вып. № 27 р (2218). Рязань, 2014, 17.07–23.07.2014. С. 118–119.

Арх.: ГЛМ. ФА. Фонд Н.И. Лебедевой, инв. 14–21; ОР РГБ. Ф. 177. К. 45. Ед. хр. 2–3; РГАЛИ. Ф. 1486; РИАМЗ. Н.а. III/2686, III/508–522, 559, 611–614, III/885, III/1676, III/2657, III/2658; ГАРФ. Ф. 2307. Д. 251; ГАРО. Ф. Р-6710. Оп. 1. Ед. хр. 24, 40–41, 44–45, 47а, 50, 60, 65, 78.

Е.А. Самоделова

Липец Рахиль Соломоновна [11/24.05.1906, г. Скопин Рязанской губ. — 1998, г. Москва] — фольклорист, этнограф.

Родом из мещан. Отец — заслуженный врач РСФСР, мать — домохозяйка. В 1923–1927 училась во Втором Московском государственном университете (ныне Московский педагогический государственный университет) на отделении русского языка и литературы педагогического факультета. Л. владела французским языком, в университете изучала болгарский, польский и белорусский. Тема дипломной работы: «Литературные экскурсии на краеведном материале как метод литературоведения» (защита в дек. 1929). Университетским дипломом присвоена Л. квалификация педагога-преподавателя по русскому языку и литературе. В автобиографии от 5 июля 1948 Л. указывала специальность: «литературовед, с уклоном в фольклор и этнографию» (ИЭА РАН. Науч. архив. Биографии).

В 1925–1927 Л. была практиканткой и сверхштатной сотрудницей НИИ им. К.А. Тимирязева в Москве. В 1928–1931 Л. являлась научным сотрудником 2-го разряда в Центральном музее народоведения (ЦМН) в Москве, где изучала фольклор и этнографию Русского Севера и этнографию лопарей. Опубликовала свой первый научный труд — книжечку «Лопари (применительно к коллекциям ЦМН)» (Бюро просветительной работы. М.: Изд-е Гос. ЦМН, Главнауки Наркомпроса, 1928. 10 с.); сама Л. называла ее «путеводителем по коллекциям Центрального музея народоведения» (ИЭА РАН. Науч. архив. Биографии). Именно в ЦМН при подготовке научных статей Л. приобрела навыки редактирования, пригодившиеся ей в дальнейшей жизни и во многом обусловившие специфику последующей работы.

В 1930 принята в члены секции научных работников ЦМН. В 1931–1932 работала на должности научного сотрудника 1-го разряда в Государственной академии искусствознания (Москва), до его реорганизации (до ликвидации фольклорного кабинета). От Академии совершила три экспедиции по изучению фольклора и быта русских рыбаков: под г. Астрахань и на полуостров Мурман. Материалы Астраханской экспедиции Л. и В.И. Чичерова в сент. 1930 хранятся в ГЛМ (ФА. Инв. 10. Ед. хр. 1–14; инв. 233). Собранный материал послужил основой для дальнейшей научной работы. Составительскую и редакторскую деятельность Л. начала со сборника рассказов и очерков мурманских моряков «Рыбный Мурман» (М., 1933) и не оставляла ее почти до конца жизни.

В 1930 Л. записывала сказки, песни, гадания, приметы, частушки в с. Вослебово и с. Лопатино Скопинского р-на Рязанской обл. (тогда Московской обл.) (РГАЛИ. Ф. 1477. Оп. 1. Ед. хр. 16, 23). Там же Л. делала фотоснимки (негативы размером 9 × 12 см) исполнителей сказок (РГАЛИ. Ф. 1477. Оп. 1. Ед. хр. 23). Летом 1931 в экспедиции в с. Камызяк Нижне-Волжского края Л. записывала автобиографическое пове-

ствование А.Г. Васянкиной, родом из с. Вирява Тамбовской губ. (ныне с. Веряево Пителинского р-на Рязанской обл.). А.Г. Васюнкина вышла замуж в соседнее с. Гридино, рассказала о своей свадьбе с ритуальными плачами невесты, о семейном быте, о прозвищах. В результате появилась книга «Жизнь колхозницы Васюнкиной, рассказанная ею самой. Записала Р. Липец» (М.; Л., 1931. 135 с. Сер.: Массовая библиот.).

Мурманские экспедиции Л. состоялись в 1931–1932 и 1936; собранные Л. фольклорные материалы находятся в ГЛМ (ФА. Инв. 242. 17 ед. хр. 191 л.). По теме промыслового рыболовецкого и охотничьего фольклора Л. опубликовала ряд работ: 1) Промысловый культ рыбного Мурман (Материал экспедиции ГАИС) (Антирелигиозник. 1931. № 12. С. 28–34); 2) На помощь путине (Выставка-передвижка экспедиции Государственной Академии искусствознания) (Советский музей. 1932, № 2. С. 95–100); 3) глава «Рыболовство и охота» в разделе «Русские» (Народы Европейской части СССР: Этнограф. очерки: В 2 т. М.: Наука, 1964. Т. 1. С. 267–283 / Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР / Под общ. ред. члена-корр. С.П. Толстова).

В 1931 Л. снова записывала фольклор (преимущественно свадебный обряд и сказки, песни, частушки, небылицы, гадания, поверья, календарные обычаи, в том числе от школьников) в с. Вослебово Скопинского р-на Рязанской обл. (тогда Московской обл.) (ГЛМ. ФА. Инв. 429; РГАЛИ. Ф. 1477. Оп. 1. Ед. хр. 20, 23, 119, 132). Еще нескольким знатокам местного фольклора — в том числе школьникам В.Р. Бочарову, А.В. Арбузову, Е.Н. Линёвой из с. Вослебово Скопинского р-на — Л. в 1931 посоветовала заняться самозаписью (РГАЛИ. Ф. 1477. Оп. 1. Ед. хр. 20, 23, 119, 132).

В 1933–1935 была научным сотрудником 1-го разряда в Государственном литературном музее (ГЛМ), работая там со дня основания учреждения. Участвовала в организации фольклорного отдела и в систематизации фольклорного архива музея.

Л. интересовалась применением фольклора в музейной работе и написала статью «Фольклорный отдел Центрального музея художественной литературы, критики и публицистики» (СЭ. 1934. № 4. С. 119–121; совм. с И. Гудковым).

В 1934 Л. записала в с. Кораблино Рязанской обл. большое число произведений фольклорной прозы, особенно сказок (см.: СЭ. 1959. № 2. С. 171–174; ГЛМ. ФА, инв. 190). В с. Кораблино Л. записала тексты от 30-летнего сказочника В.Я. Комарова и его 8-летней дочери; также обнаружила знатока сказок Ф.В. Мельникова (ГЛМ. ФА. Инв. № 190).

В 1934–1935 Л. собирала фольклор в с. Секирино Скопинского р-на Рязанской обл., обнаружила там талантливого сказочника — шахтера В.И. Беспаликова, 67 лет, записала от него в диалектной транскрипции большой репертуар сказок (РГАЛИ. Ф. 1477. Оп. 1, 3. Ед. хр. 25–26,

31, 33; ГЛМ. ФА, инв. 86; ИЭА РАН. Науч. архив, инв. № 1432–1433. Т. 1–2, инв. № 1435. Т. 3–4). Еще нескольких сказочников — в том числе К.В. Кадушкина из с. Секирино и И.П. Гоголева из с. Побединка Скопинского р-на — Л. в 1934 попросила сделать самозаписи (РГАЛИ. Ф. 1477. Оп. 1. Ед. хр. 122, 120; ИЭА РАН. Ф. 1433. Т. 2. Ф. 1435. Т. 4). В с. Пупки Скопинского р-на в 1934 Л. записала сказку от 18-летнего Авдеева (РГАЛИ. Ф. 1477. Оп. 1. Ед. хр. 31; ИЭА РАН. Ф. 1433. Т. 2. Ф. 1435. Т. 4). В д. Коржавино, с. Корневое Скопинского р-на в 1934 Л. фиксировала похоронный обряд и рассказы «про старое время» (РГАЛИ. Ф. 1477. Оп. 1. Ед. хр. 25). В Скопинском р-не в 1934–1935 Л. собирала шахтерские былички, песни, частушки (ИЭА РАН. Ф. 1433. Т. 2. Ф. 1435. Т. 4).

В 1935 Л. вместе с А.М. Астаховой и Н.Я. Брюсовой ездила в фольклорную экспедицию в Рязанскую обл. (тогда Рязанский р-н Московской обл.; ГЛМ. ФА, инв. 86–87). Л. записала сказки в с. Аграфенина Пустынь, с. Рыкова Слобода и с. Долгинино Рязанского р-на, д. Шелковая и д. Муняково Старожиловского р-на Рязанской обл. (ГЛМ. ФА. Инв. 87, 184, 190).

С 1936 по 1941 Л. продолжала работать в ГЛМ по договорам без перерыва. Совершила три фольклорных экспедиции в Рязанскую, Калининскую (ныне Тверскую) и Московскую обл. для изучения рабочего фольклора шахтеров Подмосковского угольного бассейна (ГЛМ. ФА, инв. 190), а также на побережье Керченского пролива. Фольклорные материалы экспедиций Л. в Крымскую АССР в 1935 и в Темрюк Азово-Черноморского края находятся в ГЛМ (ФА, инв. 82. 8 ед. хр.; инв. 265. 231 л.).

По материалам экспедиций в Подмосковский угольный бассейн (тогда к Московской обл. относились также Рязанская обл. и др. ближайшие области вокруг Москвы) Л. подготовила публикации: 1) Изучение фольклора подмосковных шахтеров (Советское краеведение. 1934, № 11. С. 27–30); 2) Фольклор колхозной деревни Московской области (Год двадцатый. Альманах одиннадцатый / Альманах основан М. Горьким в 1933 г. М.: ГИХЛ, 1937. С. 387, 390–392, 394–400, 404–411).

Л. опубликовала сказки, записанные в экспедициях: 1) Народные сказки о попах (Безбожник. 1934. № 5. С. 16–17); 2) Сказка «Кому что». Записала Р. Липец в Архангельской области (Безбожник. 1938. № 3. С. 17).

В 1936–1938 Л. совершила две поездки на Белое море, р. Северная Двина и в район г. Новгород (ГЛМ. ФА, инв. 70–73. 7 ед. хр.). Вместе с Э.Г. Бородиной-Морозовой и А.А. Тунгусовым участвовали в Северной экспедиции в Архангельской и Вологодской обл. в 1936 и 1937, записали в общей сложности 1930 листов фольклорных материалов, преимущественно былин (ГЛМ. ФА, инв. 240. 141 ед. хр.). В июле 1938

Л. и Э.Г. Бородина-Морозова уже в Москве зафиксировали от сказительницы М.С. Крюковой, приглашенной в столицу из Архангельской обл., 812 л. были и др. фольклора (ГЛМ. ФА. Инв. 238. 43 ед. хр.).

Осенью 1937 Л. и Э.Г. Бородина-Морозова в с. Нижняя Зимняя Золотица зафиксировали от М.С. Крюковой 157 были. Они применили методику записи, когда начало былинного стиха фиксировала Л., конец — Э.Г. Бородина-Морозова. В 1938 оба эпосоведа продолжили записывать «старины» и «новины» от приглашенной исполнительницы в Москве, а Э.Г. Бородина-Морозова — еще в Архангельске и Нижней Зимней Золотице.

В 1938 Л. также собирала фольклор в Новгородском р-не, входившем тогда в Ленинградскую обл. (ГЛМ. ФА, инв. 239. 164 л.). Целью экспедиции было разыскание были на территории исконного проживания новгородцев.

Главным результатом экспедиционной деятельности Л. на Русском Севере и в Северо-Западном регионе стала подготовка издания: Былины М.С. Крюковой: В 2 т. М., 1939. Т. 1. 752 с., нот.; 1941. Т. 2. 794 с. (сер. «Летописи Гослитмузея», кн. 6 и 8, записи Л. и Э.Г. Бородиной-Морозовой). Издание с большим количеством фотографий.

Во «Введении» (с. 1–48) Л. дала подробную характеристику сказительской манеры М.С. Крюковой, допускавшей в «старинах» и «новинах» заимствования из произведений других фольклорных жанров — лирических, солдатских, святочных, свадебных, колыбельных песен, плачей свадебных, прощальных, «встречальных после долгой разлуки» и похоронных, пословиц и поговорок, загадок — с подгонкой их стихотворного размера под былинный ритм. Сказительница даже перекладывала книжную поэзию в народно-эпическую: так, былина «Странники пришли ко князю Владимиру» оказалась переложением стихотв. «Сватовство» А.К. Толстого. Л. усматривала и обратное явление, а именно влияние были на другие фольклорные жанры: местные сказки рассказывались как пересказы были, слова матери Добрыни из былины «Неудавшаяся женитьба Алеши Поповича» включали «байку»-колыбельную.

Корпус текстов состоит из 61 былины. «Комментарии» (с. 707–717) написаны совместно Л. и Э.Г. Бородиной-Морозовой и включают сравнения с записями др. собирателей, поясняющие фразы Крюковой, указания на запись с голоса или под диктовку, на время и место записи. «Приложение 1» содержит «Дневник записей от М.С. Крюковой, произведенных Э. Бородиной и Р. Липец» (с. 718–722), с датой и местом записи каждого былинного сюжета. «Приложение 2»: *Гуменник А., Кривоносов В.* «Примечания к напевам были» (с. 723–724); приведены ноты. Л. составила «Словарь местных и малопонятных слов» (с. 731–742), а Э. Бородина — «Указатель имен и географических названий» (с. 743–749). Также имеется «Список иллюстраций» (с. 750).

Том 2 включает былины с № 62 по № 128. Справочный аппарат построен аналогично, но без нотировок. Л. является автором заключительной статьи «Местные мотивы в былине о Садко у М.С. Крюковой и других сказителей» (с. 719–767). В ней Л. сообщает о своей поездке по поручению ГЛМ в 1938 в Новгородский р-н для изучения традиционного промыслового быта, поиска следов былинной традиции (известно 10 сюжетов, записала 3 балладных — «Князь Михайло», «Князь Роман», «Морянка»). Она нашла множество поморских черт в рыбацких деревнях Поозерья, записала сказки с сюжетом о Садко, сопоставила с карельским эпосом о Вейнемейнене в «Калевале».

Во время Великой Отечественной войны Л. находилась в эвакуации в г. Новосибирск, где в 1941–1942 была инструктором по издательской работе на Областной станции Санитарного просвещения (Санпросвета). В 1942–1943 работала редактором в Новосибирском областном издательстве. Л. описала и изучила фольклорный раздел архива С.И. Гуляева, хранившийся в Областном архивном управлении г. Новосибирск. В результате Л. установила существенные различия между исходными записями былин и опубликованными текстами, проследила характер редактуры С.И. Гуляевым подлинных фольклорных произведений. Одновременно Л. состояла заместителем председателя Фольклорной секции Союза советских писателей (ССП) и вела работу со сказительницей А.Е. Рогожниковой.

Спустя 10 лет Л. написала рецензию на книгу «Былины и песни Южной Сибири. Собрание С.И. Гуляева» (Новосибирск, 1952) (СЭ. 1953. № 1. С. 204–208). Позднее Л. посвятила алтайскому краеведу статьи: 1) Научное наследие С.И. Гуляева как этнографа и фольклориста (Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии / Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. М., 1963. Т. 85. Вып. 2. С. 36–57); 2) Общие черты в поэтических жанрах русского фольклора XIX в. (По материалам собрания С.И. Гуляева) (Славянский фольклор и историческая действительность. М.: Л., 1965. С. 300–326).

В 1944–1947 Л. на основе собственного экспедиционного материала подготовила к печати том материалов «Рыбацкий и морской фольклор» (40 п. л., предварительное авторское название; том «Летописи» для Государственного литературного музея в Москве по договору № 235, подписанному в 1947). Том издан под заглавием «Рыбацкие песни и сказы» (М., 1950. 218 с.) и содержит частушки, загадки, пословицы и поговорки, былички, предания, староартельные обычаи, записанные в Архангельской, Новгородской, Мурманской обл., Карелии и в Астраханской обл., Краснодарском крае и Крыму.

О продолжении занятий Л. темой рыбацкого фольклора свидетельствует ее рец. на сб. «Песни и сказы рыбаков» (Сост. А. Любимов и Ф. Охотникова. Астрахань: Волга, 1952. 171 с.), опубли.: СЭ. 1952. № 4. С. 210–211.

Из-за тяжелой болезни матери в 1943-1950 Л. проживала в родном г. Скопин Рязанской обл., расположенном в 6 часах езды на автобусе до столицы, и воспитывала дочь Анну, 1932 г. р. Из Скопина в 1949-1950 Л. совершала однодневные поездки в окрестные селения Скопинского р-на, т. е. вела «полевую работу стационарного типа» по заданию Института этнографии АН СССР, изучала фольклор и быт колхозников и шахтеров Подмосковского угольного бассейна (ИЭА РАН. Ф. 1379. Т. I, IV). В 1949 в с. Корневое Скопинского р-на Л. записала сказки от 17-летней Е.И. Трушкиной и от шахтера и колхозного плотника П.В. Кузнецова (ИЭА РАН. Ф. 1433. Т. 2). Л. записывала биографии участников Гражданской войны, свадебный обряд и сказки.

С 1944 по 1949 Л. была «прикреплена» к Институту этнографии АН СССР для написания диссертации, сдавала «кандидатский минимум». 15 марта 1949 Л. защитила диссертацию «Былины у промыслового населения Русского Севера XIX — начала XX вв.» (опубл.: Славянский фольклор / Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Нов. сер. М., 1951. Т. 13. С. 153-210) и получила ученую степень кандидата исторических наук. С 1949 по 1955 Л. находилась на договорной работе в Институте этнографии АН СССР, в 1949-1950 числилась также в Государственном литературном музее.

Для «Редакции этнографии и археологии» (позднее — «Редакция истории СССР») «Большой советской энциклопедии» и «Малой советской энциклопедии» Л. написала свыше 120 статей (в 1955-1977 опубликованы во 2 и 3 изд.), также около 30 статей — для «Советской исторической энциклопедии» (общ. объем — 7 а. л.). В частности, известны статьи Л. об ученых: «Потанин Г.Н.» (Советская историческая энциклопедия. М.: Сов. энц., 1968. Т. 11. Стб. 472-473); «Снегирев И.М.» (Там же. 1971. Т. 13. Стб. 98); «Харузины Н.Н., В.Н.» (Там же. 1974. Т. 15. Стб. 537-538).

С июня 1955 работала внештатным научным редактором этнографической литературы в Издательстве АН СССР. С 1956 до 1960 являлась старшим научным редактором в журнале «Советская этнография». С 1960 по 1963 — младший научный сотрудник группы (сектора) фольклора в Институте этнографии АН СССР. Вела исследовательскую работу по истории русской науки, занималась изучением русского фольклора в историческом аспекте, являлась одним из авторов коллективного энциклопедического труда «Восточные славяне» (серия «Народы мира»).

Переведена на должность старшего научного сотрудника по специальности «Этнография народов СССР» с 1965 по конкурсу и занимала эту должность на протяжении всей дальнейшей трудовой деятельности. Постановлением Президиума АН СССР в 1967 Л. присвоено ученое звание старшего научного сотрудника по специальности «Этнография».

В 1969 Л. опубликовала монографию «Эпос и Древняя Русь» (М.: Наука; Ин-т этногр. им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Отв. ред. В.К. Соколова. 302 с.). Первоначально рукопись будущей книги имела заглавие «Отражение культуры Древней Руси в былинах» (автобиография Л. от 11.04.1967). Монография имеет главы «Город в былинах», «Состав эпической дружины», «Пир, его структура и функции», «Архитектурный облик грядницы в былинах», «Пиршественная утварь и пища», «Одаривание на пиру», «Состязания и другие увеселения на пирах». Л. считала, что в былинах княжеские пиры с приглашением на них богатырской дружины имели важное архитектурное и даже сюжетное значение, а в исторической действительности они представляли социальный институт, типичный для раннеклассовой эпохи. По мнению Л., в описании пиров заметны следы дохристианской ритуальной трапезы, архаического деления общества. Новые археологические, исторические и этнографические данные позволяют поставить два вопроса: 1) о времени и месте сложения русских былин как жанра и 2) о специфике их историзма. «Общие места» былин, направление идеализации действительности обнаруживают богатое историческое содержание; по ним можно установить нижнюю и позднюю хронологические границы жанра былин, определить исконные и привнесенные черты.

Эпической теме посвящены статьи Л.: 1) К вопросу о времени сложения былин (Вооружение богатырей) // СЭ. 1960. № 4. С. 30–43 (совм. с М.Г. Рабиновичем); 2) К вопросу о генезисе былин. (Город в русском эпосе) // СЭ. 1967. № 6. С. 42–52; 3) Образ древнего тура и отголоски его культа в былинах // Славянский фольклор. М.: Наука, 1972. С. 82–109; 4) Отражение этнокультурных связей Киевской Руси в сказаниях о Святославе Игоревиче (X в.) // Этническая история и фольклор. М.: Наука, 1977. С. 217–257.

Л. написала многочисленные рецензии на новые издания и исследования былин, в том числе: 1) Астахова А.М. Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск: Госиздат Карело-Фин. ССР, 1948. 396 с. <рец.> // СЭ. 1950. № 1. С. 215–218; 2) Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Изд. 4. Подгот. текста и комм. А.И. Никифорова и Г.С. Виноградова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949–1951. <рец.> // СЭ. 1950. № 4. С. 200–202; 3) Былины Севера. Т. II. Прионежье, Пинега и Поморье / Подгот. текста и комм. А.М. Астаховой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 847 с., нот. <рец.> // СЭ. 1952. № 3. С. 237–239; 4) Крюкова М. Беломорские былины / Зап. Э.Г. Бородинной-Морозовой, предисл. А. Морозова. Арханг. кн. изд., 1953. 112 с. <рец.> // СЭ. 1954. № 4. С. 164–166; 5) Былины. Изд. 3-е / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. В. Богомолова. Л.: Сов. пис., 1954. 329 с. Библ. поэта. Мал. сер. <рец.> // СЭ. 1955. № 4. С. 155–157; 6) Былины Печоры и Зимнего берега. (Новые записи) / Изд. подг. А.М. Астахова,

Э.Г. Бородина-Морозова, Н.П. Колпакова, Н.К. Митропольская и Ф.К. Соколов. Отв. ред. А.М. Астахова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 606 с., нот. <рец.> // СЭ. 1962. № 5. С. 163–166; 7) *Астахова А.М.* Народные сказки о богатырях русского эпоса. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 120 с. <рец.> // СЭ. 1963. № 1. С. 160–162; 8) *Плисецкий М.М.* Историзм русских былин. Учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1962. 240 с. <рец.> // СЭ. 1964. № 5. С. 150–152; 9) *Аникин В.П.* Русский богатырский эпос. Пособие для учителя. М.: Просвещение, 1964. 191 с. <рец.> // СЭ. 1965. № 5. С. 149–152; 10) *Плисецкий М.М.* Взаимосвязи русского и украинского героического эпоса / Отв. ред. М.Ф. Рыльский. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 448 с. <рец.> // СЭ. 1964. № 5. С. 150–152. Всего написала 20 рецензий, опубликованных в журнале «Советская этнография» в 1949–1978 гг.

Л. много занималась историей этнографической науки и написала статьи: 1) О передаче архива этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в архив Института этнографии АН СССР // СЭ. 1962. № 6. С. 156–157 (совм. с В.С. Арнольди); 2) Этнографическая деятельность Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (К столетию основания Общества) // СЭ. 1964, № 6. С. 115–129 (совм. с Т.С. Макашиной); 3) Роль Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в организации русской этнографической науки // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии / Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. М.: Наука, 1965. Т. 91. Вып. 3. С. 39–60 (совм. с Т.С. Макашиной); 4) Изучение обычного права в конце XIX — начале XX вв. (Ответы И.В. Костоловского на «Вопросные пункты...» ОЛЕАЭ) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии / Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. М.: Наука, 1968. Т. 94. Вып. 4. С. 79–98; 5) О значении сводных фольклорно-этнографических собраний (Создание единого фонда И.В. Костоловского) // СЭ. 1975. № 1. С. 72–84; 6) Всеволод Федорович Миллер у себя дома (Публикация главы из рукописи В.В. Богданова «Очерк из истории русской интеллигенции и русской науки») // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии / Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Т. 107. Вып. VIII. М.: Наука, 1978. С. 39–55 — с введ. и примеч.

Л. являлась ответственным редактором томов 2–9 «Очерков истории русской этнографии, фольклористики и антропологии» (серия «Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР». 1963–1982. Т. 85–110), сборников «Этническая история и фольклор» (1977) и «Фольклор и историческая этнография» (1982).

В 1970-е Л. обратилась к тюркско-монгольским эпосам и проблеме их влияний на былины: 1) Идея о восточных влияниях в были-

нах (Книга В.Ф. Миллера «Экспурсы в область русского народного эпоса») // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии / Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. М.: Наука, 1974. Т. 102. Вып. 6. С. 69–95; 2) «Меч из редкостной бронзы...» (Отголоски эпохи освоения металлов в тюрко-монгольском эпосе) // СЭ. 1978. № 2. С. 107–122; 3) «Лицо волка благословенно...» (Стадиальные изменения образа волка в тюрко-монгольском эпосе) // СЭ. 1981. № 1. С. 120–133; 4) Отражение погребального обряда в тюркско-монгольском эпосе // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 212–236; 5) монография «Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе» (М.: Наука, 1984).

В 1986 г. вышла на пенсию, но продолжала сотрудничать с Институтом этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР по временным трудовым договорам.

Справ.: Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. Указатель: В 3 т. М., 1963. Т. 2. С. 382.

Арх.: РГАЛИ. Ф. 1477; ГЛМ. ФА, инв. 10, 70–73, 82, 86–87, 161, 190, 233, 238–240, 242, 265, 429; ИЭА, Науч. архив. № 1379, 1432–1433, 1435, 4265.

Е.А. Самоделова

Мочульский Василий Николаевич [1(13).1.1856, с. Ананьевка Херсонской губ. (ныне с. Стрюково Одесской обл., Украина) — 1920 (?), Одесса; похоронен на 1-м Христианском кладб.] — филолог, профессор Новороссийского университета, исследователь памятников древнерусской письменности; отец известного писателя и литературного критика К.В. Мочульского.

Родился в семье протоиерея Одесского кафедрального собора. Начальное образование получил в уездном училище и в Одесской духовной семинарии. В 1875 поступил на историко-филологический факультет Новороссийского ун-та. На третьем курсе был награжден серебряной медалью за сочинение на тему «Язык прибалтийских славян по средневековым грамотам и летописям». После окончания университета в 1879 назначен в 3-ю Одесскую гимназию преподавателем русского и славянских языков, литературы и логики. 9 лет работал в средних учебных заведениях. В мае 1888 выдержал экзамен на звание магистра русской словесности и языка в Новороссийском ун-те. С янв. 1889 — приват-доцент кафедры русской словесности. Был женат на Анне Константиновне Попович, гречанке по происхождению. В 1892 родился сын Константин.

Диссертацию на степень магистра русской словесности и языка на тему «Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге» М. защитил в 1887 в Харьковском ун-те. Позже, произнося вступитель-

ную речь на заседании возглавляемой им секции «Древности историко-географические и этнографические», работавшей в рамках XII Археологического съезда, проходившего в Харькове, М. выразил слова благодарности Харьковскому университету, в котором, по его словам, имелись «в изобилии всякие образцы, достойные подражания» ([Протокол заседания секции «Древности историко-географические и этнографические» от 23 августа] // Известия XII Археологического съезда в Харькове. 15–27 августа 1902. Харьков, 1902. С. 163).

Текст диссертации был издан в Варшаве в 1887. В работе М. учитывает все известные к тому времени варианты духовного стиха (22 списка), рассматривает его композицию, делает предположения о редакциях устного текста («простейшая», «более сложная», «позднейшая и самая сложная» и «смешанная») и книжных апокрифических его аналогах, подробно анализирует все детали и мотивы, а в Приложении печатает списки основного источника стиха — «Беседу трех святителей», три редакции которой исследованы им. Большое внимание в работе уделяется дуалистическим ересям, отразившимся, по мнению М., в стихе о Голубиной книге, а также апокрифическим текстам, на которые эти учения опирались и в недрах которых рождались.

Себя как исследователя М. причислял к «реальному направлению» и задачу своей работы видел в том, чтобы сопоставить народные и книжные представления, отраженные в стихе. В рецензии на книгу для Уваровского комитета по премиям профессор Казанской духовной академии И. Порфирьев писал: «Держась сравнительно-исторического метода исследования, автор к вопросу о Голубиной книге привлекает множество самых разнообразных вопросов» (*Порфирьев И.* Разбор сочинения В. Мочульского «Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге». Варшава, 1887. С. 1), главный из которых — о книжных источниках. Один из недостатков работы, по мнению рецензента, состоит в том, что автор «мало обращает внимания на народные элементы в стихе» (там же. С. 36). М. был первым текстологом «Беседы» и не избежал ошибок, связанных со смешением этого памятника с другими апокрифами, на что указывали позднейшие его исследователи А.С. Архангельский, И.Я. Порфирьев, И.Н. Жданов (Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV — XVI в.). Ч. 1. Л., 1988. С. 90).

28 января 1893 М. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора наук по теме «Следы народной Библии в славянской и древнерусской письменности» (Одесса, 1893) и вскоре (1896) получил звание профессора университета. В работе М. рассмотрел три памятника: «Беседа трех святителей» (выделив на основании инципитов и заголовков 10 редакций по имеющимся у него спискам), «Вопрошания Иоанна Богослова» и «Вопрошания Варфоломея». Автор пересмотрел многие положения своей предыдущей работы, где исследовалась

«Беседа», и утверждал, что корни ее следует искать на греческой почве в V или VI столетии. Рассмотрел он также этапы развития памятника, придя к заключению, что с течением времени «Беседа» приобрела характер народной толковой библии, активно использовалась еретическими течениями, а приблизительно в XIII в. приняла богомилскую окраску.

Работа М. вызвала неоднозначную реакцию ученого мира. Официальными оппонентами М. на защите были Н.Ф. Сумцов и М.Г. Халанский. В отзыве Н.Ф. Сумцова отмечалось, что М. совсем оставил в стороне влияние «Беседы» на народную словесность. Н. Никольский критиковал М. за допущенные промахи, обвиняя его в недостаточном владении богословскими терминами, и в итоге отметил, что автор не справился с поставленной в книге задачей, указав, однако, на обилие библиографических сведений по теме как на несомненное ее достоинство (см.: *Никольский Н. [Рец.] // Странник. Духовный журнал. 1894. № 4. С. 167–174; № 5. С. 386–395*). Отрицательно отнесся к исследованию и А.Н. Веселовский, отметивший «колебание критических приемов» автора и «слабость... руководящих культурно-исторических воззрений» (*Веселовский А.Н. [Рец.] // ЖМНП. 1894. № 2. С. 413, 427*). Позже М. еще раз возвращается к работе над памятником и публикует статью «Греческие списки так называемой “Беседы трех святителей”» (Варшава, 1901), а также рецензию на работу немецкого исследователя памятника Р. Нахтигала ([Рец.] *Ein Beitrag zu den Forschungen über die sogenannte «Беседа трех святителей» von R.Nachtigall // ЖМНП. 1903. Т. 350. С. 206–230*).

Научные интересы М. были разнообразны, наибольшее внимание исследователь уделял работе в области сравнительно-исторического литературоведения и древнерусской письменности (см., например: «О мнимом дуализме в мифологии славян» // *Русский филологический вестник. 1889. Вып. 2. С. 153–204* (отд. изд.: Варшава, 1889), «Происхождение “Физиолога” и его начальные судьбы в литературах Востока и Запада» (Варшава, 1889), «К истории малорусского наречия. Житие св. Саввы Освященного по пергаменной рукописи XIII века» (Одесса, 1894), «Апокрифическое сказание о создании мира» // *Летописи историко-филолог. о-ва при имп. Новороссийском ун-те. 1896. Т. 6. С. 345–364* (отд. изд.: Одесса, 1896); «Слова и поучения, направленные против языческих верований и обрядов. К бытовой истории болгар» (Одесса, 1903) и др. В статье «Апокрифическое сказание о создании мира» М. анализирует различные списки апокрифа о создании мира и человека, который часто «сливается» с «Беседой трех святителей» (с. 2), приводит выдержку из древнерусского летописного сказания о создании мира (с. 12–13) и ставит ее в прямую связь с апокрифом. В «Приложении» приводится текст XVI в. из рукописи Парижской национальной библиотеки (с. 14–20).

Некоторые исследования М. посвящены историко-культурным проблемам XVIII–XIX вв.: «Влияние поэзии Пушкина на развитие самосознания русского народа» (Одесса, 1900), «Отношение южнорусской схоластики XVII ст. к псевдоклассицизму XVIII ст.» // ЖМНП. 1904. № 8. С. 365–379 (отд. изд.: Одесса, 1904); «Авторская исповедь» Н.В. Гоголя. Воронеж, 1903; и др. Стремясь к объективности, М. критически реагировал на неуместные ссылки на «народность» памятников литературы и культуры. Так, в работе «Комические оперетты XVIII в.» (Одесса, 1911) он призывает к осторожности в оценке пьес, чтобы, характеризуя их, «не приписать русской жизни того, что ей не принадлежит» (с. 5), а полемизируя с А.М. Лободой, пишет о механическом характере вставок «народных» песен в оперетты и об условности самой атрибуции их как народных, поскольку, по его мнению, это частью стилизация авторов, частью заимствования из сборников Чулкова, Новикова, Попова (с. 34).

В 1890 М. подготовил описание рукописей профессора историко-филологического факультета Новороссийского университета В.И. Григоровича (Описание рукописей В.И. Григоровича. Одесса, 1890).

М. принимал активное участие в деятельности Историко-филологического общества при Новороссийском университете: читал рефераты, доклады, часть которых была опубликована в печатном органе общества — Летописях историко-филологического общества при имп. Новороссийском ун-те.

К 1890-м годам относятся его пробы пера в области описания бытующего фольклора и этнографии. Так, в газете «Южное обозрение» М. отреагировал на реферат А.И. Алмазова «Сословно-профессиональные характеристики в пословицах русского народа», прочитанный им на заседании историко-филологического общества 29 октября 1896, статьей «Характеристики сословий и лиц по народным пословицам», опубликованной в одесской газете «Южное обозрение» от 31 января 1897 г., в которой представил свою точку зрения на материал. Критика возмутила профессора Алмазова, и он написал разгромную статью на предыдущую публикацию М. в «Южном обозрении», посвященную празднованию Рождества в Херсонской губернии (Алмазов А.И. Профессору Мочульскому. Одесса, 1897).

На XII археологическом съезде, проходившем в 1902 в Харькове, на заседании секции «Древности этнографические» (21 авг.) М. выступил с сообщением на тему «Смерть казака по малороссийским песням и думам» (Известия XII Археологического съезда в Харькове 15–27 августа. 1902. № 8. С. 105–107), отметив, в частности, что смерть казака — излюбленный мотив народных песен. Сообщение вызвало живую дискуссию, в которой приняли участие М.Е. Халанский, Г. Синявский, Н.А. Янчук, Н.Ф. Сумцов и др., настаивавшие на необходимости сравнительного аспекта при изучении данного материала.

Обсуждался вопрос и о возможных подделках песен данной тематики. Занятие песенным жанром побудило М. обратить внимание научной общественности на необходимость активного собирательства в Малороссии, поскольку, по его словам, «старина пропадает, а памятники исчезают» (там же. С. 163), издания же украинских песен, подобного своду А.И. Соболевского, нет, как нет и «хорошего малорусского словаря» (там же).

В 1904 в «Записках имп. Одесского общества истории и древностей» (Т. 25, Смесь. С. 1–19) вышло исследование «Татарские народные поверья и соответствующие им параллели в сказаниях других народов», в котором М. проанализировал татарские космогонические, этиологические и топонимические народные легенды и поверья из опубликованного членом Общества истории и древностей Е. Шевелевым рукописного сборника и сравнил их со сказаниями других народов. Ссылаясь на А.Н. Веселовского, он указывает возможные источники и пути распространения основных мотивов этих легенд — дуалистическую мифологию, апокрифы и богомилские ереси.

Справ.: Брокгауз–Ефрон; *Мейзерська Т.С.* Мочульский Василь Миколайович. Літературознавець, мовознавець // Професори Одеського (Новоросійського) університету. Біографічний словник: В 4-х т. Одесса, 2000. Т. 3. С. 324–325.

Лит.: Двадцатипятилетие имп. Новороссийского университета. Историческая записка А.И. Маркевича и академические списки. Одесса, 1890. С. 228–229; *Истрин В.* К вопросу о «Сне царя Иоаса». По поводу статьи проф. Мочульского // ЖМНП. 1898. № 2. С. 300–308; *Нетушил И.В.* Отчет о диспуте В.Н. Мочульского // Зап. имп. Харьковского ун-та. 1894. Вып. 1. С. 121–130.

Иssl.: Просвещение на юге России в царствование императрицы Екатерины II. (Речь, произнесенная в торжественном собрании имп. Новороссийского ун-та 7-го ноября 1896 г.). Одесса, 1897; Малороссийские и петербургские повести Н.В. Гоголя (К истории художественного творчества) // Зап. имп. Новороссийского ун-та. 1902. Т. 88, часть ученая. С. 469–488; отд. изд. Одесса, 1902; Апокрифический элемент в «Вопросах и Ответах св.Афанасия к кн. Антиоху» // Зап. имп. Новороссийского ун-та. 1900. Т. 80, часть ученая. С. 1–22; 1903; отд. изд. Одесса, 1900; Отзыв о диссертации С.Г. Вилинского: «Послания старца Артемия» (XVI века) // Зап. имп. Новороссийского ун-та. 1907. Т. 107. С. 415–423; Труды профессора А.А. Кочубинского, касающиеся русской литературы // Сборник в память А.А. Кочубинского, изданный историко-филологическим обществом при имп. Новороссийском ун-те. Одесса, 1909. С. 128–134; Новиковские журналы XVIII века — «Трутенъ» и «Живописецъ» (1796–1772) // Русский филологический вестник. 1909. Т. LXII. № 3. С. 31–57; отд. изд. Варшава, 1909; Н.Г. Чернышевский и Л.Н. Толстой об искусстве.

(Посвящается Н.Ф. Сумцову) // Русский филологический вестник. 1909. Т. LXII. № 3. С. 58–74; отд. изд. Варшава, 1909; Отзыв о сочинении, представленном на соискание золотой медали, под заглавием: «Биография Герцена». Одесса, 1909; Отзыв о сочинении, представленном на соискание золотой медали, под заглавием «Влияние Н.Г. Чернышевского на критико-литературную деятельность Н.А. Добролюбова». Одесса, 1909; Отзыв о сочинении, представленном на золотую медаль, под заглавием «Ф.М. Достоевский в западной литературе». Одесса, 1911; Эволюция критико-литературных взглядов В.Г. Белинского. Одесса, 1911; Место и значение А.П. Чехова в истории русской литературы [Отзыв о сочинениях, представленных в 1912 г. на соискание медали]. Одесса, 1912; Отчет о состоянии и деятельности имп. Новороссийского университета за 1915 г. Одесса, 1916.

Арх.: РГАЛИ. Ф. 4 (Альбицкий). Оп. 1. Ед. хр. 2 (Биографические сведения, записанные Альбицким); ф. 637 (Языков). Оп. 1. Ед. хр. 100 (Библиографическая справка); РГБ. Ф. 601. К. 2. Ед. хр. 9.

Т.В. Хлыбова

Островский Александр Николаевич [31.3(12.4).1823, г. Москва — 2(14).6.1886, усадьба Щелыково в Кинешемском у. Костромской губ., похоронен на кладбище погоста Никола-Бережки Кинешемского у. Костромской губ. (ныне Островского р-на Костромской обл.)] — драматург и театральный деятель, собиратель русского фольклора и образцов народной русской речи.

Родители О. происходили из духовного звания. Отец драматурга, Николай Федорович, окончив Костромскую духовную семинарию и Московскую духовную академию, избрал гражданскую карьеру и стал чиновником, к чему готовил в дальнейшем и своих сыновей. Получив в 1838 чин коллежского асессора и в 1839 потомственное дворянство, вскоре вышел в отставку и занялся частной юридической практикой. Стал крупным московским домовладельцем, приобрел несколько имений. Мать О., Любовь Ивановна, была дочерью пономаря и просвири, умерла в 1831.

Первоначальное образование О., его братья и сестры получили дома. Мачеха (из рода баронов фон Тессин), вошедшая в семью, когда О. было уже 13 лет, привнесла традиции дворянского воспитания детей, много внимания уделяя изучению европейских языков. Не удивительно, что О., кроме древних, знал французский, немецкий, а впоследствии — английский, итальянский и испанский языки, что способствовало его деятельности как переводчика пьес западноевропейского классического репертуара.

Будущий драматург учился в I московской гимназии (1835–1840), по окончании которой был без экзаменов зачислен на юридиче-

ский факультет Московского университета, где прослушал только два курса. В 1843, после неудачи на переводных экзаменах, покинул университет. Под влиянием отца поступил на службу в канцелярию московского Совестного суда (1843–1845), откуда позднее перешел в Коммерческий суд (1845–1851). В 40-е годы появились и первые литературные опыты О., еще не вполне самостоятельные, в духе прозы натуральной школы — «Сказание о том, как квартальный надзиратель пускался в пляс, или От великого до смешного только один шаг» (1843, при жизни автора не печаталось) и три очерка «Записки замоскворецкого жителя» (1847). Однако после признания первой комедии «Свои люди — сочтемся» («Банкрот», первоначальное название — «Несостоятельный должник»), над которой работал в 1846–1849, О. писал преимущественно драматические произведения. За годы его жизни создано в общей сложности 47 оригинальных пьес разных жанров — от бытовых комедий, исторических хроник и социально-психологических драм до сложных форм мистериального характера («Снегурочка»). Всецело посвятив себя театру, О. много работал для расширения репертуара: написал несколько пьес в соавторстве (с С.А. Геденовым, Н.Я. Соловьевым и П.М. Невежиным); перевел для русской сцены свыше двадцати произведений, среди которых пьесы Теренция, У. Шекспира, К. Гольдони, К. Гоцци, М. Сервантеса и др. На основе своих пьес создал оперные либретто для композиторов В.Н. Кашперова («Гроза»), П.И. Чайковского («Воевода», либретто завершено композитором) и А.Н. Серова («Вражья сила» по драме «Не так живи, как хочется», после конфликта композитора и драматурга либретто завершено А.Н. Серовым вместе с П.И. Калашниковым и А.Ф. Жоховым).

К концу жизни деятельность О. получила официальное признание: в дек. 1885 его назначили на должность заведующего репертуарной частью московских императорских театров и руководителем театральной школы. О. был дважды награжден Уваровской премией — за драмы «Гроза» (1860) и «Грех да беда на кого не живет» (1863). Был избран членом-корреспондентом имп. Академии наук (7 дек. 1863), а также членом научных обществ: действительный (10 нояб. 1858) и почетный (18 апр. 1886) член Общества любителей российской словесности; член-сотрудник Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при имп. Московском университете (5 июня 1867). Был членом-учредителем и старшиной Московского артистического кружка (1865), председателем Общества русских драматических писателей (21 окт. 1874).

Уже в начале своего пути О. обратил на себя внимание как художник, тяготеющий к зарисовкам выразительных сцен русского быта, колоритных народных типов. Примечательна была речь его героев, которую приняли далеко не все, посчитав «жаргоном», «мест-

ным провинциализмом, странностью» (Григорьев А.А. О комедиях Островского и их значении в литературе и на сцене // Москвитянин. 1855. Кн. 1. № 3. С. 97–118). Драматург в одной из незавершенных рецензий так сформулировал свою программу: «Самая лучшая школа для художественного таланта есть изучение своей народности, а воспроизведение ее в художественных формах — самое лучшее поприще для творческой деятельности» (Островский А.Н. <О романе Ч. Диккенса «Домби и сын»> // Полн. собр. соч. М., 1978. Т. 10. С. 524). Выразивший национально-романтические тенденции эпохи, ярко заявившие о себе в славянских литературах, О. был понят немногими современниками, что сказалось на сценической судьбе большинства его произведений. В оценках комментаторов надолго возобладало прочтение его пьес в социально-обличительном духе. По этой причине интерес к О. как собирателю фольклора и народного языка заявил о себе лишь в первой четверти XX столетия, тогда же была поставлена задача изучения фольклоризма его произведений.

Знание фольклора, прежде всего песенной лирики и городских романсов, было типично для среды, в которой прошли первые годы жизни драматурга. Сыграло роль и влияние няни Авдотьи Ивановны Кутузовой. По словам С.И. Мамонтова, О. признался ему, что «Снегурочка» была навеяна ее сказками (Львов Я.Д. Четверть века назад... (к 25-летию со дня первой постановки «Снегурочки» в Москве) // Рампа и жизнь. 1910, 24 октября. № 43. С. 701). С крестьянским фольклором в его аутентичном, не тронутом обработками городских композиторов и исполнителей звучании О. соприкоснулся во время первой поездки с семьей в имение Щелыково, приобретенное отцом. Благодаря дневнику О. известны его впечатления от песен бурлаков, тянувших баржи по Волге, а также от крестьянского праздника, который довелось наблюдать в усадьбе (дневниковые записи от 28 и 29 апреля, 10 мая 1848 — см.: Полн. собр. соч. М., 1978. Т. 10. С. 350–360).

Любовь О. к русским песням определила круг его общения в молодые годы: он познакомился со знатоком и незаурядным исполнителем народных песен Т.И. Филипповым (сент. 1846), а также с увлеченным русскими и цыганскими песнями и романсами литературным критиком и поэтом А.А. Григорьевым (янв. 1847). В доме у О. также бывали критик Е.Н. Эдельсон, поэт и критик Б.Н. Алмазов, поэт и переводчик Н.В. Берг. На основе этого кружка в марте 1850 сформирована «молодая редакция» журнала «Москвитянин», издаваемого М.П. Погодиным и С.П. Шевыревым. Одной из характерных особенностей «молодой редакции» был интерес ее членов к народной жизни и народной старине, а также хорошее знание русских народных песен. Собираясь в доме у О., они не только с удовольствием их слушали, но и пели сами. Много народных песен и городских романсов знала хозяйка дома — первая, гражданская жена драматурга Агафья

Ивановна, женщина хотя и не образованная в обычном смысле, но, по свидетельству современников, оказавшая безусловное влияние на художественный вкус О. (*Максимов С.В.* Александр Николаевич Островский (по моим воспоминаниям) // *Русская мысль*. 1897. Кн. III. С. 74). Дружеские собрания сотрудников молодой редакции посещали М.А. Стахович и П.И. Якушкин. Признавая авторитет О. и Филиппова как знатоков песенного фольклора, в 1857 П.И. Якушкин советовался с ними по поводу своей работы над сборником песен из собрания П.В. Киреевского (*Якушкин П.И.* Кое-что об изданиях г. Бессоновым народных стихов и песен // *Сочинения П.И. Якушкина*. СПб., 1884. С. 463).

Об интересе О. к фольклору свидетельствует его библиотека, которая ныне хранится в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. В ней имеется немало фольклорных сборников, причем как старинных ([*Чулков М.Д.*] *Русские сказки*, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и проч. оставшиеся через пересказывание в памяти приключения. Ч. 1–2. М., 1780), так и составленных современниками драматурга (*Народные русские сказки А.Н. Афанасьева*. М., 1857–1863. Вып. 3, 5, 8; *Песни, собранные П.Н. Рыбниковым*. Ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. М., 1861; *Худяков И.А.* Великорусские сказки. М., 1860–1861. Вып. 1–2; *Худяков И.А.* Великорусские загадки. М., 1861; *Калеки переходные*. Сб. стихов и исследование П.А. Бессонова. М., 1861–1864. Вып. 1–6; *Песни, собранные П.В. Киреевским*. М., 1868–1874. Вып. 1–10 и мн. др.). Были в библиотеке О. и «Русские народные картинки» Д.А. Ровинского (СПб., 1881. Кн. 1–5). Некоторые издания подарены О. авторами и составителями, в частности С.В. Максимовым и П.В. Шейном. На полях многих книг сохранились пометы и поправки О., свидетельствующие о внимательной работе драматурга с фольклористическими изданиями (см.: *Библиотека А.Н. Островского* (описание) / Сост. Ф.В. Ильина, К.Ф. Ванягина, А.Н. Бруханский; отв. ред. и авт. вступ. ст. А.Н. Степанов. Л., 1963).

Собиранию народных песен О. отдал немало времени в разные периоды своей жизни, причем исполнителей он и его товарищи по кружку находили повсюду, даже в московских трактирах, где встречались яркие певцы, виртуозные исполнители на гитаре, торбане или бандуре. В их репертуаре были не только крестьянские и городские песни, романсы, но и былины, скоморошины (*Максимов С.В.* Александр Николаевич Островский (по моим воспоминаниям) // *Русская мысль*. 1897. Кн. I. С. 36–64). Записывал песни О. и в г. Коломне Московской губ., куда часто наведывался. О стремлении драматурга упорядочить и сохранить услышанное свидетельствует тетрадь, которую он вел с апреля по ноябрь 1854. Судя по ее заголовку и рубрикации, О. планировал фиксировать в ней «замечательные русские простонародные

рассказы, притчи, сказки, присказки, побасенки, песни, пословицы, поговорки, обычаи, поверья, областные слова и проч.; происшествия, биографии, прозвища, клички, брань, письма». Однако в итоге эта тетрадь с несколькими записями «живых» рассказов и бытовых зарисовок превратилась в серию эскизов к пьесам (с купюрами опубликована в полн. собр. соч. — М., 1978. Т. 10. С. 445–455). В авг. 1854 А.А. Григорьев упоминает песни, записанные О., в статье «Русские народные песни. Критический опыт. Статья первая» о сборнике М.А. Стаховича с посвящением А.Н. Островскому, П.М. Садовскому и Т.И. Филиппову (Москвитянин. 1854. Т. 4, № 16. С. 93–142).

Русские песни в записи драматурга вошли в собрания П.И. Якушкина и П.В. Шейна, некоторые О. передал композиторам — П.И. Чайковскому, А.Н. Серову и В.Н. Кашперову. Так, лирическая протяжная «Исходила младенька все луга и болота...», записанная от цыгана Антона Сергеева, московского приятеля драматурга, опубликована в сборнике П.И. Якушкина «Русские народные песни» (СПб., 1865. С. 160). Сам О. использовал ее в драме «Не так живи, как хочется». Листок с песней «На море утушка купалася...», которую О. включил в драму «Воевода» («Сон на Волге»), он передал в 1866 Чайковскому, работавшему над оперой на сюжет этой драмы (письмо П.И. Чайковского Н.А. Римскому-Корсакову от 7 сентября 1876 // А.Н. Островский и русские композиторы. Письма / Под общ. ред. Е.М. Колосовой и Вл. Филиппова. М.; Л., 1937. С. 147). По свидетельству современника (Н.Н. Луженовского), в процессе создания оперы «Вражья сила» А.Н. Серов обратился к О. с просьбой «подсказать» ему напевы песен, встречающихся в либретто. В ответ драматург не только указал сборники, в которых можно найти нужные мелодии, но и стал присылать собственные записи, сделанные вблизи Щелыкова, — «подслушивал и записывал нотами для Серова мотивы народных песен в Костромской губернии и пересылал их композитору» (*Красинская А. Музыка в жизни и творчестве А.Н. Островского* // А.Н. Островский в музыке. Справочник / Сост. Г.К. Иванов. М., 1976. С. 24). Много своих записей О. отдал П.В. Шейну, среди них песни детские «Как у нас-то козел», «Скачет галка», игровая «Ходил я, гулял я...», плясовая «Я поеду во лесок» (*Шейн П.В. Русские народные песни*. М., 1870, С. 50–51, 221, 252–253); рекрутская «Из-за леса, леса темного...», былевые, исторические и балладные «Из славного из города из Царя было града...» (бой Ильи и Добрыни), «Любила княгиня своего лакея», «У Троицы было у Сергия под горой...» («Стенька Разин в темнице»), «Князь Голицын», «Граф Шереметев и французский маюр», «Не черные вороночки в поле вылетывали...» («Про поход в Турцию»), «Пишет-пишет король Шведский государыне письмо...», «Что не пыль в поле пылит...» («Генерал Краснощеков»), «Что во славном городе Брызгале...» («Суворов-князь») (*Шейн П.В. Русские народные песни*:

Песни былевые. М., 1877. С. 17, 35–36, 66–67, 73, 81, 90, 96, 106–107, 116–117, 129–130).

Как собиратель фольклора О. работал и во время «литературной экспедиции», организованной Морским министерством в середине 1850-х с целью изучения быта жителей России, занимающихся морским делом и рыболовством. К участию в экспедиции приглашались молодые литераторы, причем изначально им предоставлялась относительная свобода в выборе информации и характере ее обработки: корреспонденты должны были наблюдать «нравы, обычаи, привычки» населения «как в нравственном, так и в промышленном отношении, а равно и в речи, поговорках, поверьях и т.п.» (*Черных Л.В.* Изучение А.Н. Островским народной жизни во время Литературной экспедиции 1855 года // Учен. зап. Башкирского гос. ун-та. Уфа, 1958. Вып. 6. Сер. филол. № 5. Язык и лит-ра. С. 181–206). О. узнал об экспедиции в начале 1856 от А.Ф. Писемского и А.А. Потехина, которые заехали в Москву по пути к назначенному им месту работы. Поскольку драматург высказал твердое намерение присоединиться к экспедиции и выхлопотать себе командировку, Потехин ходатайствовал о передаче О. для исследования части своего волжского маршрута — от истока реки до Нижнего Новгорода. Получив назначение 17 марта 1856, О. фактически обязался целый год работать над этнографическим описанием Приволжья. Однако обстоятельства вынудили его вести работу в два этапа. Первую часть обследования местности он провел с апреля по август 1856, когда посетил Тверь, Городню, Торжок, Осташков, Ржев, Зубцов, Старицу, Корчеву, Кимры, Калязин (см. *дневник путешествия: Полн. собр. соч. М., 1978. Т. 10. С. 360–374*). Приостановив работу из-за несчастного случая, О. возобновил свою поездку по Волге в мае-августе 1857, когда посетил Углич, Рыбинск, Романово-Борисоглебск и Ярославль. На этот раз к нему присоединился композитор К.П. Вильбоа, командированный для записи народных песен. Но из-за своеобразного характера нового сотрудника работа пошла по ложному пути: в то время как О. занимался сбором сведений, необходимых для «Морского сборника», Вильбоа, человек «веселого нрава и любитель хорошей компании», гостил у купцов на баржах. Поэтому если во время опроса О. доводилось слышать песни, он старался точно запомнить их напев. «Я... целый день пел их до хрипоты, а потом уже вместе с Вильбоа мы их записывали», — рассказывал позднее драматург (*Ипполитов-Иванов М.М.* 50 лет русской музыки в моих воспоминаниях. М., 1934. С. 66). Несмотря на такой необычный подход к записи музыкального фольклора, результатом поездки стал нотный сборник «Русские народные песни, записанные с народного напева и аранжированные для одного голоса с аккомпанементом фортепиано», подготовленный К.П. Вильбоа и изданный в 1860 под редакцией А.А. Григорьева (тексты); печатался как приложе-

ние к «Драматическому сборнику», издаваемому Ф.Т. Стелловским. В сборник вошли сто песен, однако никакого комментария к ним составитель не предусмотрел (№ 1, 7, 8 даны с отсылкой к пьесам О., в которых они звучат), из-за чего не представляется возможным судить, какие песни записаны О., какие композитором, а какие подсказаны товарищами по кружку «Москвитянина» (в то время собиратели-энтузиасты нередко практиковали записи песен друг от друга, в частности, довольно регулярно записывали напевы с голоса Т.И. Филиппова). Сборник пользовался спросом и многократно переиздавался, как стереотипно (М., 1894), так и в различных инструментальных версиях с дополнениями (150 русских народных песен... М., 1874). Позднее композитор подготовил еще одно издание — «25 русских песен и романсов, собранных [К.П.] Вильбоа» (М., 1875).

Судьба материалов, собранных во время экспедиции О., оказалась не такой счастливой. В «Морском сборнике», куда предназначались очерки писателей-корреспондентов, все присылаемые тексты подвергались жестким сокращениям, так как редакторы журнала, в частности председатель Морского ученого комитета адмирал М.Ф. Рейнеке, понимали задачу экспедиции конкретнее и формальнее, нежели она была сформулирована вначале. И хотя драматург уделял значительное внимание теме судоходства, торговых и транспортных речных перевозок, а также разнообразным речным промыслам, в том числе ловле рыбы с ее специфической местной терминологией и технологиями, — вплоть до подробных зарисовок судов и рыболовных снастей, — первый очерк О. был принят с нареканиями и, как утверждают современники, испорчен в художественном отношении (*Максимов С.В.* Литературная экспедиция (по архивным документам и личным воспоминаниям) // *Русская мысль*. 1890. Кн. II. С. 17–50). Из-за конфликта с журналом О. отказался от идеи писать продолжение и прекратил обработку черновых материалов. В результате им были опубликованы только главы, посвященные Твери, весеннему каравану судов, отправляющихся по Вышневолоцкой системе, Городне, дороге к истокам Волги от Твери до Осташкова (*Островский А.Н.* Путешествие по Волге от истоков до Нижнего Новгорода // *Морской сборник*. СПб., 1859. Т. XXXIX. № 2. Отд. III. С. 177–208). Сохранились также два коротких наброска начала главы об Осташкове (опубликованы в полн. собр. соч. — М., 1978. Т. 10. С. 537). В настоящее время рабочие записи драматурга, среди которых есть и фольклорные материалы — описания обрядов, песни разных жанров, анекдоты, пословицы и приговоры, — хранятся в РГАЛИ и ГТМ им. А.А. Бахрушина.

После экспедиции О. продолжил заниматься лишь картотекой словаря народного языка — замыслом, возникшим у него во время поездки по городам Верхней Волги. Идея составления «Опыта Волжского словаря» побудила драматурга к выработке программы

по собиранию «слов, употребляемых на Волге и притоках ее, относительно дна, берегов, заливов и проч., относительно судоходства, судостроения, рыболовства и других речных и береговых промыслов». Составленная картотека позднее полностью вошла в «Материалы для словаря русского народного языка» (Полн. собр. соч. М., 1978. Т. 10. С. 464–522). О. и в дальнейшем собирал образцы народной разговорной речи — и самостоятельно, и через корреспондентов. Источником для него были также научные труды фольклорно-этнографического характера, в которых он отыскивал диалектную лексику. Им был описан большой пласт слов и выражений, в том числе связанных с материальной и духовной культурой народа. Драматург много думал о принципах их представления в словаре, как и вообще о задачах такого рода работы; горячо интересовался соответствующими научными программами и новыми изданиями, предпринятыми в этом направлении как учеными-лексикографами, так и любителями вроде него. Известно желание О. написать критический отзыв на «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля — сохранился план задуманной, но не осуществленной статьи (*Островский А.Н. Разбор словаря Даля* // Полн. собр. соч. М., 1978. Т. 10. С. 525). О том, что работа над словарем имела постоянный характер, свидетельствуют письма драматурга. Так, в 1874 он сообщает корреспонденту: «...словарем я занимаюсь прилежно, и дополнения, сообщенные <Я.К.> Гротом, мимо меня не пройдут, брат пришлет мне их из Петербурга» (письмо А.Н. Островского Н.А. Дубровскому от 8 июня 1874 // Полн. собр. соч. М., 1979. Т. 11. С. 469). В результате многолетней работы образовалась картотека (свыше 1500 карточек), которой заинтересовалось Отделение русского языка и словесности имп. Академии наук, обратившееся к О. с просьбой предоставить материалы для обсуждения в конце 1880. Однако О. был вынужден отложить решение этого вопроса, так как не считал работу законченной (об этом см.: Извлечение из протоколов заседаний Академии. Отделение русского языка и словесности. Сентябрь–декабрь 1880 г. // Зап. АН. Т. XXXVII. Кн. 2. СПб., 1881. С. 180–185). «Материалы для словаря русского народного языка» так и не были завершены драматургом. 30 марта 1891 М.Н. Островский передал собранную братом картотеку «сборника слов в дополнение к словарю Даля» в Академию наук (в настоящее время хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН). Она была использована при работе над отдельными томами «Словаря русского языка», составленного Вторым отделением имп. Академии наук (в послереволюционный период продолженного Вторым отделением Российской Академии наук, а также Словарной комиссией АН СССР. СПб.; Л., 1897–1929. Т. 2–4).

Все записанные О. материалы были предварительной основой его литературно-театральной работы. Так, он использовал, к примеру,

анекдоты из купеческого быта, которые мастерски рассказывали его давние приятели — актеры П.И. Садовский и И.Ф. Горбунов. И в этом смысле главным результатом верхневолжской экспедиции также следует считать вовсе не оставшиеся в архиве О. записи песен, преданий, местных речевых оборотов и слов, а замысел цикла пьес «Ночи на Волге», к которому восходит сразу несколько его произведений, но прежде всего «Гроза» (1859) и «Воевода» («Сон на Волге») (1865; 2-я ред. — 1885).

Фольклорно-этнографический материал О. включал в свои произведения по-разному — в зависимости от характера событий, вокруг которых планировал строить свой замысел, от перипетий намеченного им сюжета и внутреннего облика задуманных им героев. Песенные цитаты, пословицы и поговорки были не только основой речевого стиля пьес О., они давали ключ к изображению жизни тех слоев современного общества, которые продолжали сохранять элементы народной культуры в повседневном быту — в семейных обычаях и обрядах, символике костюма и жилища. Причем приверженность традиционным началам по-прежнему оценивалась представителями этих социальных слоев как положительный идеал, несмотря на всё громче заявляющую о себе тенденцию подражать европейской образованности, манерам и модам. Национально самобытным в своей духовной основе предстает мир уездного города в пьесе «Бедность не порок» (1854) с ее песнями и святочными играми. Более сложно, даже противоречиво спустя пять лет решена та же тема в драме «Гроза», где провинциальный Калинов красив только внешне, да и традиционный уклад оказывается декорацией, прикрывающей «жестokie нравы». Вероятно, именно это имел в виду О., когда говорил: «Наши бытовые пьесы одной стороной принадлежат к изящной словесности, а другой — к этнографии» (*Островский А.Н. Причины упадка драматического театра в Москве // Полн. собр. соч. в 12 т. М., 1978. Т. 10. С. 184*).

Фольклор, понимаемый как «живая старина», приоткрывал для О. и национальное прошлое, давал возможность услышать живую интонацию людей, живших в XVI–XVIII вв., что было так необходимо в работе над историческими драмами и комедиями — «Козьма Захарьич Минин-Сухорук» (1861; 2-я ред. — 1866), «Воевода», «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» (1866), «Тушино» (1866), «Василиса Мелентьева» (1867), «Комик XVII столетия» (1873). Руководствуясь «принципом воскрешения прошлого сквозь призму настоящего» (формулировка принадлежит Л.В. Черных), О. в процессе создания «Воеводы» использует как собственно фольклорные тексты, так и стилизации — таковы, с одной стороны, лирические песни и духовный стих о правде и кривде, а с другой — колыбельная «Баю-баю, мил внучонок! Ты спи-усни, крестьянской сын!..» (*Уманская М.М. Исторические и фольклорные источники пьесы А.Н. Островского*

«Воевода» // Учен. зап. Саратовского гос. пед. ин-та. Саратов, 1955. Вып. XVII. С. 3–32; Черных Л.В. Драма А.Н. Островского «Воевода» // Славянский филологический сборник. Посвящ. V Международному съезду славистов. Уфа, 1962. С. 275–300 (Учен. зап. Башкирского гос. ун-та; вып. 17. Серия филол. науки, № 7); Мартынова А.Н. Песня старухи из «Воеводы» и ее фольклорные источники // А.Н. Островский: Новые материалы и исследования. М., 1974. Кн. 1. С. 532–537 (Лит. наследство. Т. 88)).

О. привлекало органично присущее фольклору театрално-игровое начало. При создании произведений для русской профессиональной сцены он сам нередко использовал забавные сценки ряженных и народную драму (например, «Лодка» как основа сна воеводы Шалыгина из четвертого действия драмы «Воевода»). Обращение же к раннему русскому профессиональному театру, в котором ощущалась живая связь с народным комизмом (интермедия «Цыган и лекарь»), произошло в процессе работы О. над пьесой «Комик XVII столетия». В этом драматургу содействовал Н.С.Тихонравов, присылавший по его просьбе необходимые материалы (Высоцкая Ю.В. Мотив скоморошества в исторических комедиях А.Н. Островского «Воевода» и «Комик XVII столетия» // Щелыковские чтения 2004. Творческое наследие и личность А.Н. Островского: бытие во времени. Кострома, 2005. С. 89–96).

В целом ряде своих произведений О. использовал народную песню как скрытый авторский комментарий к переживаниям героев, их эмоционально-психологическим взаимоотношениям. Такова роль песни в комедиях «Свои люди — сочтемся», «Не в свои сани не садись» (1853), «Бедность не порок», «Не так живи, как хочется» (1854), «Доходное место» (1856), «Воспитанница» (1859), драме «Гроза» и др. Однако песня и романс могли стать основой сюжета, наметить событийную канву произведения, как это было сделано, к примеру, в «Бесприданнице» (1878) (Матлин М.Г. Лирическая ситуация в народной песне и пьесах А.Н. Островского (к вопросу о фольклорных традициях в поэтике А.Н. Островского) // Русская литература и фольклорная традиция. Волгоград, 1983. С. 63–75). Еще более сложный генезис имеют комедии трилогии о Мише Бальзаминове — «Праздничный сон — до обеда» (1857), «Свои собаки дерутся, чужая не приставай» (1861), «За чем пойдешь, то и найдешь» («Женитьба Бальзаминова») (1861), а также «Правда — хорошо, а счастье лучше» (1876), образно-сюжетный строй которых опирается на песенные и сказочные мотивы (Фадеева Л.В. «Яблоневый сад» А.Н. Островского (о народно-поэтических основах комедии «Правда — хорошо, а счастье лучше») // Традиционная культура. 2006. № 1 (21). С. 64–77).

Особняком в творчестве О. стоят два замысла, связанные с адаптацией для сцены мотивов русской народной сказки. Они были инициированы дирекцией императорских театров, нуждавшейся в ярком

представлении, которое обеспечит большие сборы. Первый — «Иван-царевич» (вторая половина 1867 — весна 1868) — был задуман как попури из русских волшебных и бытовых сказок (его отправной точкой можно считать сюжеты АТ 300А + 513А) с куплетами и феерическими превращениями. В архиве писателя остался подробный план, а также рукопись трех с половиной картин (О. приостановил работу над пьесой, узнав о недостатке средств на постановку). Однако в начале 1873 инспектор репертуара В.П. Бегичев вновь обратился к драматургу с предложением в короткий срок написать пьесу-феерию, в которой можно было бы занять все три московские труппы — драматическую, оперную и балетную, выступавшие в тот момент на одной сцене (в связи с реконструкцией Малого театра все спектакли шли в Большом). Неожиданно О. взялся за новый сюжет и на основе народной сказки о Снегурочке (АТ 703*) создал пьесу фантазийного характера, в которой угадывались отголоски языческих мифов. Для написания музыки к спектаклю, по предложению О., был приглашен П.И. Чайковский (Кашкин Н.Д. Воспоминания о Петре Ильиче Чайковском. М., 1896. С. 85).

Исследователи справедливо указывают на косвенную связь «Снегурочки» О. со «Славянской мифологией» Н.И. Костомарова и «Поэтическими воззрениями славян на природу» А.Н. Афанасьева. Драматургу оказался близок путь реконструкции древнего мироздания народа через развертывание языковой образности, который декларировали мифологи, и он попытался использовать его в работе над поэтическим миром своей пьесы. Нашли отражение в его замысле и распространенные заблуждения отечественных мифологов — к примеру, символика образа Леля (Лебедев Ю.В. Об истоках «весенней сказки» А.Н. Островского «Снегурочка» // «Снегурочка» в контексте драматургии А.Н. Островского: Материалы научно-практич. конф. Кострома, 2001. С. 7–13). Жизнь берендеев в пьесе подчинена природным ритмам, потому вполне естественно, что для ее отображения О. потребовались элементы календарной обрядности. Любовная же линия обусловила включение эпизодов, восходящих к обряду свадебному. Если, создавая символические образы, олицетворяющие силы природы, такие как Мороз, Весна-Красна, Леший, чучело Масляницы, драматург больше склонен фантазировать, то для образов людей (как, впрочем, и для образов промежуточных, связанных и с человеческим миром, и с миром природных сил и божеств, — Снегурочка и пастух Лель) охотно использует аутентичные песни — лирические протяжные, хороводные или игровые, а также удачные их стилизации. На характере произведения не могла не сказаться его изначальная связь с музыкой, предзаданная характером репертуарного «заказа». О. писал произведение, в котором слово должно было быть интонировано, озвучено композитором, что во многом и выра-

зилось в стремлении драматурга к синтезу слова и мелодики народных песенных форм.

«Снегурочка» была сдержанно встречена публикой, в основном не принята в литературных и театральных кругах, не сумевших по достоинству оценить художественный эксперимент О., предвосхитивший модернистские поиски рубежа XIX–XX столетий, зато нашла живой отклик среди музыкантов. Вероятно, собственные изыскания композиторов в области русского народно-песенного мелоса, стремление к выстраиванию гармоничных соответствий между аутентичными напевами и стилизациями делали для них более понятными принципы и характер работы драматурга с фольклорным материалом. Своего рода соперничество композиторов — прежде всего П.И. Чайковского и Н.И. Римского-Корсакова — за сюжет весенней сказки не оставило О. в стороне. В письме к Н.И. Римскому-Корсакову от 30 дек. 1880 С.Н. Кругликов так передает слова драматурга о только что написанной опере: «Музыка Корсакова к моей “Снегурочке” удивительна; я ничего не мог никогда себе представить более к ней подходящего и так живо выражающего всю поэзию древнего русского языческого культа и этой сперва снежно-холодной, а потом неудержимо страстной героини сказки» (*Римский-Корсаков Н.А. Летопись моей музыкальной жизни. М., 1955. С. 264 (примеч.)*)

До конца жизни круг общения О. складывался из людей, горячо заинтересованных в народном искусстве и считавших его основным эстетическим ориентиром искусства профессионального. Об этом свидетельствуют, в частности, воспоминания М.М. Ипполитова-Иванова, задумывавшего в начале 1880-х писать оперу «Пережнихи» на основе предания из с. Ивановского Тульской губ. о женских мифологических персонажах (обычно колдуньях), отнимающих у крестьян хлеб во время страды. Замысел получил одобрение драматурга, намеревавшегося даже помочь в работе над либретто (что не осуществилось). Молодому композитору удалось уловить фольклорные пристрастия О.: «Особое значение Александр Николаевич придавал обрядовым песням, в которых находил драгоценные остатки старины, и с большим огорчением указывал на распространение фабричных “чашушек”, на которые смотрел как на отраву народного разума. Песня, по его словам, выражает душу народа, убьют песню — загубят душу» (*Ипполитов-Иванов М.М. 50 лет русской музыки в моих воспоминаниях. М., 1934. С. 66*). Интерес к народности связывал О. также с историками, этнографами, фольклористами, о чем свидетельствует его общение с И.М. Снегиревым, И.Е. Забелиным, Н.И. Костомаровым, А.Н. Пыпиным, П.А. Бессоновым и др.

Справ.: Брокгауз–Ефрон; Гранат; БСЭ. 1-е изд.; БСЭ. 2-е изд.; БСЭ. 3-е изд.; Варнеке Б.В. Островский // Русский биографический сло-

варь. СПб., 1905. Т. 12. С. 425–448; *Цейтлин А.* Островский Александр Николаевич // ЛЭ. М., 1934. Т. 8. Стб. 348–373; *Алперс Б.В.* Островский Александр Николаевич // КЛЭ. М., 1968. Т. 5. Стб. 490–500; *Ашукин Н.С., Ожегов С.И., Филиппов В.А.* Словарь к пьесам А.Н. Островского. М., 1993 (репринт. изд. по корректуре 1948 г.); *Лотман Л.М.* Островский Александр Николаевич // Русские писатели. 1800–1917. Биограф. словарь / Гл. ред. П.А. Николаев. М., 1999. Т. 4. С. 465–473; А.Н. Островский: Энциклопедия / Гл. ред. и сост. И.А. Овчинина. Кострома; Шуя, 2012.

Биогр.: Коган Л.Р. Летопись жизни и творчества А.Н. Островского. М., 1953; А.Н. Островский в воспоминаниях современников. М., 1966; *Ревякин А.И.* А.Н. Островский в Щелькове. М., 1978; *Лобанов М.П.* Островский. М., 1989 (Сер. ЖЗЛ. Вып. 7 (587)); *Лакшин В.Я.* А.Н. Островский. М., 2004; *Штейн А.Л.* Добрый гений русского театра. М., 2004.

Изд.: Островский А.Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1973–1980.

Лит.: Кашин Н.П. Этюды об А.Н. Островском. М., 1912. Т. 1, 2; *Батюшков Ф.Д.* Генезис «Снегурочки» А.Н. Островского // ЖМНП. 1917, май. С. 47–66; *Глаголева Т.* «Снегурочка» А.Н. Островского (Опыт анализа) // Книга и революция. 1923. № 2 (26). С. 15–18; *Белецкий А.Н.* Мудрость пословицы // Островский. 1823–1923. К 100-летию со дня рождения. Юбилейный сборник / Под ред. А.А. Бахрушина и др. М., 1923. С. 58–60; *Шамбинаго С.К.* Из наблюдений над творчеством Островского: а) Ночи на Волге; б) Театральный цех; в) Стилль // Творчество А.Н. Островского. Юбилейный сборник / Под ред. С.К. Шамбинаго. М.; Пг., 1923. С. 285–365; *Синюхаев Г.Т.* Островский и народная песня // Изв. Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук, 1924. Т. XXVIII. [М.] 1923. С. 9–70; *Жинкин Н.П.* Пословицы как выражение народности у А.Н. Островского // Науч. зап. научно-исследовательской кафедры истории европейской культуры. 1927. [Вып. II]: История и литература. С. 65–84; *Чернышев В.И.* Русская песня у Островского: (Дополнения и заметки к статье Г.Т. Синюхаева) // Изв. Отделения русского языка и словесности АН СССР. 1929. Т. 2, № 1. С. 294–319; *Орлов А.И.* А.Н. Островский и фольклор Ивановской области. Иваново, 1948; *Луконин А.Ф.* Пословицы и поговорки в драматургии у А.Н. Островского // Учен. зап. Сызранского гос. пед. ин-та. 1956. Вып. 1. С. 23–66; *Луконин А.Ф.* Сказка и предание у А.Н. Островского // Там же. С. 67–102; *Луконин А.Ф.* Песня, ее значение и источники в творчестве А.Н. Островского // Учен. зап. Куйбышевского пед. ин-та. 1958. Вып. 19. С. 147–192; *Кулиш Ж.В.* О замысле «Снегурочки» А.Н. Островского // Науч. докл. высшей школы. Филол. науки. 1962. № 1. С. 158–170; *Кулиш Ж.В.* Свадебный обряд в «Снегурочке» А.Н. Островского // Учен. зап. Мелекесского гос. пед. ин-та. 1962. Т. 2, ч. 1. С. 137–162; *Кулиш Ж.В.* 1) «Снегурочка» А.Н. Островского и народная сказка // Русский фольклор. М.; Л., 1962. Вып. 7. С. 106–114; 2) А.Н. Островский и народное творчество (60-е – 70-е гг.) // Учен. зап. Мелекесского гос. пед. ин-та. 1963. Т. 3. С. 249–285;

Ревякин А.И. А.Н. Островский и народные картинки // Теория и история русской литературы. М., 1963. С. 123–133 (Учен. зап. Московского гос. пед. ин-та им. В.И. Ленина; № 190); *Староверова Т.Л.* Фольклорный материал в пьесах А.Н. Островского 1853–1855 годов // XXIX Герценовские чтения. Литературоведение: научные доклады. Л., 1977. С. 33–38; *Холодов Е.Г.* Язык драмы: Экскурс в творческую лабораторию А.Н. Островского. М., 1978; *Черных Л.В.* А.Н.Островский // Русская литература и фольклор. Вторая половина XIX в. Л., 1982. С. 369–416; *Матлин М.Г.* «Народная точка зрения» в композиции драм А.Н. Островского «Гроза» и «Грех да беда на кого не живет» // Литература и фольклор: Вопросы поэтики. Межвуз. сб. науч. тр. Волгоград, 1990. С. 57–67; *Смирнова Т.В.* Фольклоризм А.Н. Островского (итоги и проблемы изучения) // Там же. С. 67–76; *Савушкина Н.И.* 1) Русская народная драма в интерпретации А.Н. Островского // Вестн. Моск. ун-та. 1991. № 3. С. 3–11 (Сер. «Филология»); 2) Традиции фольклорной драмы в «народных» пьесах А.Н. Островского // Вестн. Моск. ун-та. 1993. № 6. С. 3–11 (Сер. «Филология»); *Хромова И.А.* Традиции народного театра в творчестве А.Н. Островского. Иваново, 1993; *Акимова Т.М.* 1) Уроки Н.Г. Чернышевского (о фольклоре в пьесах А.Н. Островского) // *Акимова Т.М.* О фольклоризме русских писателей: Сб. статей. Саратов, 2001. С. 154–165; 2) Песня и романс в творчестве А.Н. Островского // Там же. С. 165–169; *Есаулова Е.Н.* Народное религиозное сознание в «Грозе» А.Н. Островского // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сб. науч. тр. Петрозаводск, 2001. Вып. 3. С. 286–296; *Фокеев А.Л.* Фольклорно-этнографические интересы А.Н. Островского на фоне литературного процесса его времени // А.Н. Островский в движении времени: Материалы Всерос. науч. конф. Шуя, 2003. Т. 2. С. 8–15; *Ларионова М.Ч.* Сказка и обряд в драме А.Н. Островского «Гроза» // *Ларионова М.Ч.* Миф, сказка и обряд в русской литературе XIX века. Ростов н/Д, 2006. С. 70–81; *Чеснов Я.В.* Антропологическая поэтика тела и судьбы Снегурочки // *Чеснов Я.В.* Телесность человека: философско-антропологическое понимание. М., 2007. С. 89–96; *Фадеева Л.В.* Трансформация фольклорных мотивов комедии А.Н. Островского «Правда — хорошо, а счастье лучше» в постановке С.В. Женовача // Фольклор и фольклоризм в меняющемся мире. М., 2010. С. 113–137; *Цветкова Е.Л.* Народные праздники и обряды Поволжья в пьесах А.Н. Островского // Щелыковские чтения 2010: А.Н. Островский в контексте культуры. Кострома, 2011. С. 25–34; *Кошелев В.А.* Герои А.Н. Островского и русский романс // Щелыковские чтения 2012: Проблемы жизни и творчества А.Н. Островского. Кострома, 2013. С. 191–201; *Смирнов В.А.* Семантика «ярилок» в пьесе А.Н. Островского «Снегурочка» и «Родниках Берендея» М.М. Пришвина // А.Н. Островский. Материалы и исследования. Иваново, 2013. Вып. 4. С. 94–98; *Фокеев А.Л.* А.Н. Островский и «Морской сборник» // Там же. С. 99–105.

Арх.: РГАЛИ. Ф. 362; ИРЛИ. Ф. 218; РГБ. Ф. 216; ГЦТМ им. А.А. Бахрушина. Ф. 200; ГЛМ. Ф. 140; Государственный мемориальный и природный музей-заповедник «Щелыково».

Л.В. Фадеева

Островских (Островский) Петр Евгеньевич (псевдонимы: П.О., П. О-их, П. Соснин) [1(13).11.1870, прииск Узунджул (Узунжул) Минусинского округа Енисейской губ. — 9.2.1940, г. Москва] — этнограф-сибиревед.

Из мещан г. Минусинска. Отец — Евгений Николаевич Островских (ум. 1877), сын крестьянина д. Копены Абаканской вол., служащий на золотых приисках Кузнецовых, мать — Наталья Иоакимовна (урожд. Петрова), дочь минусинского слесаря-«медника» (Архив города Минусинска. Ф. 12. Оп. 2. Д. 5. Л. 114об.; Красноярский краевой краеведческий музей (КККМ). О/ф 7904/ПИр 265-10. С. 1, 7). Рано потеряв мужа, в 1881 мать вышла замуж за учителя Николая Иустиновича Попова (1843–1921), ближайшего сподвижника основателя Минусинского музея Н.М. Мартянова (см. о нем: *Кон Ф.Я.* Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет. 1877–1902. Казань, 1902; *Мешалкин П.Н.* Енисейская губерния на всемирных выставках. Красноярск, 1997. С. 30–34; *Бердников Л.П., Лонина С.Л.* От денежной кладовой до Министерства финансов: очерки истории финансового управления Енисейской губернии и Красноярского края. Ч. I (1822–1920). Красноярск, 2009. С. 92–98). О. обучался в Минусинском уездном училище (до 1882), в Красноярской мужской гимназии (1882–1891); высшее образование получил на естественном отделении физико-математического факультета С.-Петербургского университета (1891–1896) (*Бакай Н.Н.* Двадцатипятилетие Красноярской губернской гимназии (1868–1893 гг.). Красноярск, 1893. С. 132; ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 28126. Л. 1, 3, 5, 37).

С 1901 действительный член Красноярского подотдела РГО (*Вдовин А.С., Гуляева Н.П., Макаров Н.П., Баташев М.С.* Русское географическое общество в Красноярске (1901–1937 гг.). Красноярск, 2001. С. 104); действительный член Красноярского подотдела Московского общества сельского хозяйства (Памятная книжка Енисейской губернии на 1903 год. Красноярск, 1903. С. 51); член Русско-Английской торговой палаты (Весь Петербург на 1911 год. СПб., 1911. С. 660) и Российского Морского Союза (Труды Российского морского союза. СПб., 1909. Вып. 4. С. 47); с 1924 действительный член ОЛЕАиЭ (Отчет о деятельности ОЛЕАиЭ за 1921/22–1923/24 годы. М., 1925. С. 57).

Своими первыми учителями в области археологии и этнографии считал Н.М. Мартянова, Д.А. Клеменца, И.А. Лопатина,

И.Т. Савенкова (Архив РАН (Москва). Ф. 277. Оп. 4. Д. 1110. Л. 2). С 1879, еще учась в Минусинском училище, О. начинает собирать энтомологические, а затем и археологические коллекции для Минусинского музея. Так, летом 1883 г., уже гимназистом, он находит на берегу р. Абакан у с. Усть-Абаканского каменные наконечники стрел, которые передает в Минусинский музей (КККМ. О/ф 7904/ПИр 265–10. С. 1). По переезде семьи в Красноярск (ок. 1883) О. сначала под руководством отца, а потом самостоятельно ведет сборы археологического материала, а также окаменелостей, горных пород, энтомологической фауны под Красноярском и в Минусинском округе. В сер. 1880-х — начале 1890-х гг. О. совершает несколько «экскурсий» в Минусинский край (с двумя братьями — Константином Островских и Александром Поповым и товарищем по гимназии и университету Александром Минаевым). В 1886 и 1890 О. занимается определением энтомологических коллекций Минусинского музея (КККМ. О/ф 7904/ПИр 265–10. С. 1, 7; Отчеты по Минусинскому местному музею и общественной библиотеке за 1890 год. Минусинск, 1891. С. 9).

Собранные в гимназический период материалы были переданы О. в Минусинский и Красноярский музеи, Российскую археологическую комиссию (через посредство И.А. Лопатина), Антропологический кабинет Московского университета, Русское Энтомологическое общество в Петербурге, Британский музей (через посредство капитана Дж. Виггинса), Зоологический музей АН (через посредство В.Л. Бианки), собрание бабочек вел. кн. Николая Михайловича (в 1900 было передано в дар Зоологическому музею АН), Музей антропологии и этнографии АН (через В.В. Радлова) и др. (КККМ. О/ф 7904/ПИр 265–10. С. 2, 8).

В университете О. занимается антропологией и этнографией под руководством проф. Э.Ю. Петри; знакомится с акад. В.В. Радловым, Г.Н. Потаниным, Н.М. Ядринцевым, А.А. Бобринским (КККМ. О/ф 7904/ПИр 265–10. С. 8).

В 1892 г. собирает на р. Обь небольшую коллекцию по этнографии остяков (хантов) (Архив РАН (Москва). Ф. 277, оп. 4, д. 1110, л. 2; вероятно, именно эта коллекция хранится в МАЭ РАН: колл. 268 (17 предметов)).

Осенью 1893 выходит первая печатная работа О. — очерк, посвященный красноярским Столбам — сиенитовым скалам причудливой формы, расположенным в хвойной тайге на возвышенном водоразделе между притоками Енисея Мана и Базаиха (с 1925 г. — государственный заповедник) (На Столбах // Восточное обозрение. 1893. 7 ноября, воскресенье, № 47. С. 3–4. — Подп.: П. Соснин).

В 1894 Академия наук командировует О. в Минусинский край для сбора материалов по этнографии хакасов («минусинских татар») и древностей. Результатом поездки стали первые научные статьи О.:

«Этнографические заметки о тюрках Минусинского края (Отчет о поездке 1894 г.)» (Живая старина. 1895. Вып. 3/4. С. 297–348) и «Über die Musik-Instrumente der Katschinzen» («О музыкальных инструментах качинцев») (Zeitschrift für Ethnologie. 1895. Bd. 27. S. 616–618).

Летом 1895 О. отправляется в Берлин и Вену для работы в этнографических музеях, где знакомится с А. Бастианом и А. Грюнведем (КККМ. О/ф 7904/ПИр 265–10. С. 2, 9).

В 1897 О. совместно с вольнослушателем факультета восточных языков Петербургского университета М.И. Райковым предпринимает экспедицию в Урянхайский край (соврем. Тува) (см. проект экспедиции: Изв. РГО. 1897. Т. 33. С. 94–95). Ими были собраны статистические сведения по экономике края (для РГО), этнографическая коллекция (600 предметов — для Берлинского музея народоведения, дубликаты — в Минусинский музей), лингвистический и фольклорный материал (образцы тувинской речи, лексика, тувинские песни и образцы напевов — в РГО), антропологическая, ихтиологическая и орнитологическая коллекции (для Академии наук), энтомологическая коллекция (для П.П. Семенова-Тян-Шанского), коллекция растений и каменный обелиск с руническими письменами с р. Чаа-Холь (для Минусинского музея), а также снято большое число фотографий. Результаты экспедиции нашли отражение в докладах О. в РГО (1898–1899) и печатных трудах (Краткий отчет о поездке в Тоджинский хошун Урянхайской земли // Изв. РГО. 1898. Т. 34. Вып. 4. С. 424–432; Значение Урянхайской земли для Южной Сибири // Там же. 1899. Т. 35. Вып. 3. С. 321–353; Райков М.И. Отчет о поездке по верховьям р. Енисея, совершенной в 1897 г. // Там же. Т. 34. 1898. Вып. 4. С. 433–463).

В 1899–1904 О. — помощник податного инспектора по Туруханскому краю, где изучает культуру русских и «иностранцев» (кеты, якуты, долганы, енисейские ненцы (юраки), нганасаны, эвенки и селькупы), собирает этнографические и естественнонаучные коллекции (КККМ. О/ф 7904/ПИр 265–6, л. 28; Памятная книжка Енисейской губернии с адрес-календарем на 1901 г. Красноярск, 1901. С. 9, 54; Памятная книжка Енисейской губернии на 1903 год. Красноярск, 1903. С. 32, 73), первым записывает долганское олонхо (Ефремов П.Е. Долганское олонхо. Якутск, 1984. С. 12).

На рубеже веков (до 1902 г.) О. женится на Александре Александровне Квашниной-Самариной (1874–1950), дети — Евгений, Николай, Екатерина, Наталия.

В 1905–1907 О. — крестьянский начальник в Кустанайском у. (Тургайская обл.), где продолжает занятия этнографией: известно, что в 1907 г. О. подарил Русскому музею шаманский комплекс, включавший конский череп и семь тряпичных кукол для лечения болезней (Попова Л. «Пусть будут устойчивы дверные косяки твои!» Казахские коллекции Российского этнографического музея //

Родина. 2004. № 2. С. 60–61), а в 1908 г. от О. в Музей антропологии и этнографии поступили образцы пищи и деревянный резной кумысный ковш казахов Тургайской области (*Прищепова В.А.* Коллекции заговорили. История формирования коллекций Музея антропологии и этнографии по Средней Азии и Казахстану (1870–1940). СПб., 2000. С. 39).

С 1908 по 1910 живет в Петербурге, служит младшим помощником делопроизводителя в чине коллежского асессора в Земском отделе Министерства внутренних дел (Весь Петербург на 1909 год. СПб., 1909. С. 585; Весь Петербург на 1910 год. СПб., 1910. Стлб. 259; с. 629; Весь Петербург на 1911 год. СПб., 1911. Стлб. 263; с. 660), продолжает обработку северных материалов: выступает с докладом о прошлом и настоящем Туруханского края (РГО, Российский морской союз, 1908), позднее напечатанном (Труды Российского Морского Союза. 1909. Вып. 3), издает статью о рыболовстве и рыбопромышленности на севере Енисейской губернии (Вестник рыбопромышленности. 1909. Кн. 24. С. 160–181), печатается также в «Вестнике финансов, промышленности и торговли», «Сельском вестнике», журналах «Тропинка», «Товариш» и др. (КККМ. О/ф 7904/ПИр 265–10. С. 11).

С 1911 по 1915 О. живет в г. Ковно (соврем. Каунас, Литва): инспектор народных училищ по Вилкомирскому у. Ковенской губ. (1911–1914 — в чине коллежского асессора, с 1915 — надворного советника), заведующий воскресной школой городского комитета народной трезвости (с 1912), действительный член Ковенской губернской ученой архивной комиссии (с 1913), участвует в издании газеты «Литовская Русь» (Памятная книжка Ковенской губернии на 1912 год. Ковна, 1911. С. 86; Памятная книжка Ковенской губернии на 1913 год. Ковна, 1913. С. 91, 113, 167; Памятная книжка Ковенской губернии на 1914 год. Ковна, 1914. С. 76, 102, 156, 157; Памятная книжка Ковенской губернии на 1915 год. Поневеж, 1915. С. 70, 97, 135; КККМ. О/ф 7904/ПИр 265–10. С. 5). Собирает коллекции по литовской этнографии для Румянцевского музея и Гамбургского музея народоведения (КККМ. О/ф 7904/ПИр 265–10. С. 11).

В 1915 О. эвакуируется в Москву (КККМ. О/ф 7904/ПИр 265–10. С. 5), где продолжает педагогическую и культурно-просветительскую деятельность. В 1920-е возвращается к этнографии: член Этнографического бюро при Народном комиссариате по делам национальностей (1921–1922), член и товарищ председателя отдела народного быта в Обществе изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока; член научно-исследовательской комиссии при Комитете содействия народностям северных окраин при ВЦИК (с 1924); научный консультант Отдела народного быта Всероссийской сельскохозяйственной выставки (1923); принимает участие в организации Центрального музея народоведения, с 1.6.1924 по 1928 или 1929 —

старший научный сотрудник отдела Сибири этого музея (Наука и научные работники СССР. Ч. 4. Научные работники Москвы. Л., 1930. С. 211; *Шиллинг Е.* Государственный Центральный музей народоведения // Этнография. 1926. № 1–2. С. 267; КККМ. О/ф 7904/ППр 265–10. С. 5, 11–12).

В 1920-е – 1930-е гг. О. публикует статьи в «Большой советской энциклопедии», газете «Жизнь национальностей», журналах «Северная Азия» и «Советский Север». Участвует в составлении «Программы для туземных школ северной зоны РСФСР» (М., 1926) и книги для чтения на русском языке для народов Севера «Наш Север» (М., 1927; в соавторстве с Н.И. Леоновым). Занимается популяризацией этнографических знаний: выпускает этнографические очерки «Саянские хищники» (М., 1927) и «Ненцы» (М., 1936); книгу для педагогов и старших школьников «Народы СССР. Очерки труда, быта и природы» (М., 1929).

В 1930-е О. — персональный пенсионер (не позже 1934) (Архив РАН (Москва). Ф. 277, оп. 4, д. 1110, л. 3об.). Скончался 9 февраля 1940 г. в Москве (ГАРФ. Ф. 539, оп. 3, д. 5910, л. 6; внук О. сообщил нам другую дату смерти — 10 февраля). Похоронен на Ваганьковском кладбище (участок 43, могила сохранилась).

Первые данные о записях О. русского фольклора относятся к 1890-м. В д. Межно Царскосельского у. Петербургской губ. он записывает песню «Пришел к девкам, пришел к девушкам незванный гость» (Архив РГО. Р. 35. Оп. 1. № 24. Л. 1–2; *Зеленин Д.К.* Описание рукописей Ученого архива имп. Русского географического общества. Пг., 1916. Вып. 3. С. 1063). Пусть и единичная, эта запись имеет значение, т.к. фиксации песенного фольклора Петербургской губернии на тот момент были весьма немногочисленны: записи И.И. Нелюбина (1877, Царскосельский у.), К.П. Галлера (публ. 1889, Лужский у.), Н.Н. Федоровского (1893, Лужский у.), неизв. собирателя (Пулково, 1898) (Русские народные песни, записанные в Ленинградской области в 1931–1959 гг. / Сост. В.А. Кравчинская, П.Г. Ширяева. Л.; М., 1950. С. 24).

Приведем здесь запись О. из д. Межно целиком (с примечаниями и комментариями собирателя), поскольку она никогда не публиковалась.

В д. Межно Царскосельского уезда Петербургской губ. летом по праздникам под вечер деревенская молодежь имеет обыкновение собираться на мосту, перекинутом через р. Сиверку. Под заливхватскую игру гармоники здесь водят хороводы, поют песни, пляшут русскую, танцуют кадрили и изредка польку. Однажды мне пришлось видеть, как в такую веселую компанию забрался пьяный парень; он начал дебоширить, грубо выражаться и мешать танцующим. Девки сначала его стыдили, убеждали оставить их в покое, выталкивали из круга и да-

вали ему тумаков; затем, оставив игру и пляску, оне начали со смехом петь песню, записанную мною впоследствии:

Пришел к девкам (2),
Пришел к девушкам незваный гость.
Стали девки (2),
Стали девки перешептываться:
«Ну, чем гостя (2),
Ну-чем гостя подчивати...»
Одна в шею (2),
Одна в шею, другá за волосы;
Через стол тащат (2),
Через стол тащат — волосы трещат;
Через скамью (2),
Что чрез скамью, через голову.
Через порог (2),
Через порог — гостя, крюком¹ — поперек.
По сенечкам (2),
По сенечкам будто семечко толкут...
По крылечкам (2),
По крылечкам — будто ступочку катят.
По дворику (2),
По дворику — будто коники бегут...
По задворкам (2),
По задворкам — голиком жопу секут.
По улице (2),
По улице — мимо кузницы.
А в кузнице (2),
В кузнице — кузнецы молодые
Куют, дуют (2),
Куют, дуют и наваривают,
Меня девку (2),
Меня девку подговаривают:
Зайди, девка (2),
Зайди, девка, в огород, в огород!..
Сорви, девка, (2)
Сорви, девка, лапушѣк, лапушѣк,
Сошей, девка, (2)
Сошей, девка, сарафан, сарафан,
По нашему (2),
По нашему — со борам, со борам...

¹ Крюк — кочерга (прим. П.Е. Островских).

Когда же и песня не подействовала и парень продолжал безобразничать, девки повалили его на землю и задали солидную потасовку, а затем разбежались. Когда же парень, ругаясь, ушел в деревню, девушки снова собрались и продолжали свои игры.

Кроме того, в отчете о поездке 1897 в Урянхайский край О. указал, что записал в сибирских селениях «до 40 русских песен» и передал их в РГО (Краткий отчет о поездке в Тоджинский хошун Урянхайской земли // Изв. РГО. 1898. Т. 34. Вып. 4. С. 432), — вероятно, речь шла о песнях Минусинского края, хотя не исключена и возможность фиксации русских песен в Урянхае. Эти записи не были введены в научный оборот, обнаружить их в архиве РГО нам не удалось.

У туруханских сектантов О. записывает 16 скопческих и 13 хлыстовских духовных стихов, а в 1910 г. передает их В.Д. Бонч-Бруевичу для публикации (ОР РГБ. Ф. 369. Карт. 313. Ед. хр. 37. Л. 1, 2). Публикация не состоялась, и в 1924 О. просит В.Д. Бонч-Бруевича вернуть ему рукопись (Там же, л. 8); ее местонахождение в настоящий момент не известно. Можно думать, что записи русского фольклора, сделанные О., не ограничиваются песнями и сектантскими стихами, но сведений о других пока не имеется.

Помимо собственно фольклора, О. внес вклад и в изучение истории и этнографии русских Сибири: опубликовал рукопись Н.М. Ядринцева «Этнографический альбом сибирской деревни» (программа сбора материала; Изв. Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела РГО. Красноярск, 1908. Т. 2. Вып. 3/4. С. 93–95), два не сохранившихся до наших дней списка «Жития Василия Мангазейского» (Житие Василия Мангазейского и повествование о начале Туруханского Троицкого монастыря / Под ред. П.Е. Островских. СПб., 1910), описание найденной им рукописной книги XVII в. из Мангазеи (передана О. в Русский музей) (Мангазейская книга // Изв. Красноярского Подотдела Восточно-Сибирского отдела РГО. Красноярск, 1903. Т. 1. Вып. 5. С. 39–43).

Справ.: Островских Петр Евгеньевич // Енисейский энциклопедический словарь. Красноярск, 1998. С. 450; Островских Петр Евгеньевич // *Огрызко В.В.* Североведы России. Материалы к биографическому словарю. М., 2007. С. 339; Островских Петр Евгеньевич // Сибирская советская энциклопедия. New York, 1992. Т. 4. С. 198.

Лит.: *Карпетова И.А.* Кетские коллекции в собрании Российского этнографического музея // Сибирский сборник-2: К юбилею Евгении Алексеевны Алексеенко. СПб., 2010. С. 295–309; *Данилейко В.А.* К материалам по этнографическим исследованиям П.Е. Островских на территории Туруханского края (1899 г.) // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этногра-

фической конференции. Томск, 19–21 мая 2010 г. Томск, 2010. С. 146–149; Данилейко В.А. Культовые предметы народов Туруханского края из коллекции П.Е. Островских в фондах Красноярского краевого краеведческого музея // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология: Материалы докладов V (L) Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, Иркутск, 4–9 апреля 2010 г. Иркутск, 2010. С. 515–516; Вдовин А.С., Данилейко В.А., Ипполитова А.Б. Петр и Константин Островских: гимназические и студенческие годы (первые исследования 1879–1896 гг.) // Енисейская провинция. Альманах. Красноярск, 2010. Вып. 5. С. 97–105; Ippolitova A., Svanberg I. Petr Ostrovskikh (1870–1940). Contributions to Khakas Ethnobotany // Pioneers in European Ethnobiology / eds. Ł. Łuczaj and I. Svanberg. Uppsala, 2014. P. 131–140.

Арх.: Архив РАН (Москва). Ф. 277. Оп. 4. Д. 1110 (письмо О. к акад. В.Л. Комарову с автобиографией, 1934 г.); Архив РАН (Петербург). Ф. 202. Т. I. Л. 1–7 (копия записи долганского олонхо, 1902 г.); Архив РГО. Р. 90. Оп. 1. Д. 29 (материалы тувинской экспедиции 1897 г.); Архив РГО. Р. 35. Оп. 1. Д. 24 (песня из д. Межно Царскосельского у.); Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 450 (переписка о собирании этнографических материалов в Туруханском крае); ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 22. Д. 866 (личное дело О., 1923 г.); ГАРФ. Ф. 539. Оп. 3. Д. 5910 (личное дело персонального пенсионера, 1899–1940); КККМ. О/ф 7904/ПИр 265–10 (автобиографии 1926 и сер. 1930-х гг.; переписка с Д.А. Клеменцем 1901, 1903 гг. и др.); о/ф 7904/ПИр 265–1, 265–3, 265–5, 265–6, 265–7, 500 (туруханские дневники О. и др. материалы); Архив Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартыанова. Ф. 1. Оп. 1. Д. 47, 59, 94, 99 (письма О. к Н.М. Мартыанову); Архив МАЭ РАН. Ф. К–V, оп. 1, д. 489 (рукопись статьи «Остяки», 1931 г.); МАЭ РАН. Фотоколл. 257 (фотографии экспедиции 1894 г.); РГАЛИ. Ф. 1370. Оп. 2. Д. 299 (научно-популярные рассказы О. для детей); Ф. 553. Оп. 1. Д. 586 (письмо к В.Е. Чешихину); ОР РГБ. Ф. 369. Карт. 313. Ед. хр. 37 (письма О. к В.Д. Бонч-Бруевичу 1910, 1911, 1913, 1916, 1924 гг.); РГИА. Ф. 696. Оп. 1. Д. 445 (письмо О. с просьбой о содействии в поступлении на службу в Мин-во народного просвещения, 1908 г.); РНБ. Отд. эстампов (фотоальбом экспедиций 1894 и 1897 гг.); ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 28126 (личное дело студента Петербургского университета).

В.А. Данилейко, А.Б. Ипполитова

Пруссак Анна Владимировна [31.8 (12.9). 1888, г. Санкт-Петербург — 10.8.1956, г. Ленинград] — филолог-диалектолог, историк, архивист.

Высшее образование получила в Женском педагогическом институте (Петербург), окончив историко-филологическое отделение по специальности «русская словесность». Под руководством Н.М. Ка-

ринского изучала историю русского языка. В 1907 подготовила первую самостоятельную работу (О говоре Сестрорецка // Живая старина. 1907. Вып. 1, отд. 2. С. 7–9). В 1914 участвовала в диалектологической экспедиции в Гдовский у. в район Псковского озера, где в окрестностях сел Ремда и Онда делала снимки построек и типов местных жителей, с помощью фонографа записывала образцы народной речи и мелодии песен (Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук за 1914 г. Пг., 1914. С. 81–82 (Отчет о трех поездках с диалектологической целью в разные местности Петроградской губ. проф. Н.М. Каринского)). За те же годы подготовила солидную публикацию, в которой ввела в научный оборот грамматики из рукописного отделения Публичной библиотеки: Описание азбуковников, хранящихся в Рукописном отделении императорской Публичной библиотеки. СПб., 1915 (Памятники древней письменности и искусства. Т. 186), рассмотрела их содержание и дала описание фонетики и морфологии.

Во время летней экспедиции 1914 в Иркутск и Иркутский у. П. изучала различные стороны быта и языка, собирала песни, преимущественно в селах и деревнях, существовавших еще с кон. XVII — нач. XVIII в. (Усолье, Урик, Хомутовка, Бадай, Мальта и др.). Записала 115 песен, побывальщины, пословицы и образцы иных жанров. Некоторые фольклорные эпические произведения — былины о князе Владимире и Добрыне, об Илье Муромце и его схватке с Соловьем-разбойником, исторические песни о взятии Казани, о казаке Платове и большая песня «Как у нас то было во граде Углике» — были изданы (Былина, бывальщина и три песни, записанные в Иркутском уезде Иркутской губернии // Живая старина. 1916. Вып. 3. Приложение № 3. С. 038–041). В Сибири П. записала и сказания местных жителей о ссыльных декабристах. Они были опубликованы в 1926 (Из сибирских сказаний о декабристах // Сибирская живая старина. Иркутск, 1926. Вып. 1 (5). С. 84).

После 1917 Н.М. Каринский привлек П. к обработке диалектологических материалов, собранных по программе А.И. Соболевского (Материалы для изучения великорусских говоров. СПб., 1921. Вып. 10 (Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности Российской академии наук; Т. 99, № 2. С. 2–3)). П. подготовила статью об особенностях фонетики, морфологии и лексики двух уездов Орловской губ. (О говорах Брянского и Ливенского уездов // Там же. С. 5–27). В 1923 она опубликовала рецензию на книгу А.М. Селищева «Диалектологический очерк Сибири» (Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности Российской академии наук. 1923. Т. 26 (1921). С. 288–307), на нее известный палеограф отреагировал довольно резкой статьей, в которой обвинил рецензента в «полной неудовлетворительности формулировок», «несостоятельности взгляда», бездоказательности утверждений и подверг критике проделан-

ную П. обработку диалектологических материалов по Ливенскому у. Орловской губ. А.М. Селищев упрекнул последователей А.И. Соболевского в пренебрежении описательно-лингвистической работой (Селищев А.М. О рецензии А.В. Пруссак // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности Российской академии наук. 1924. Т. 28 (1923). С. 420–426).

В 1920-е П. подготовила для ОРЯС АН статью «Песни Иркутской губернии», в которую включила записанные ею 48 свадебных песен, 4 обрядовых, 6 игровых и плясовых, 9 песен о рекрутчине и солдатчине, 5 «бабьих» или «проголосных», несколько частушек, пословиц и семь заговоров. Рецензируя эту работу, акад. В.Н. Перетц отметил интересное содержание представленного материала и его этнографическое значение, но раскритиковал диалектологическую несостоятельность записи (СПФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1113. Л. 1). Статья осталась неопубликованной.

К сер. 1920-х П. отошла от филологической работы. Ее дальнейшая научно-исследовательская деятельность, продолжавшаяся в академических учреждениях Ленинграда, была связана с архивными документами XVII–XIX вв., их разбором, публикацией и написанием исторических статей. Так, П. участвовала в издании материалов по социально-экономической истории народов СССР (Татарии, Казахстана, Сибири), занималась историей заводов при Петре I и в период Пугачевского бунта, по медицинским рукописям XVII–XVIII вв. изучала аспекты возникновения и развития в России аптечного дела, медицинских школ, методов диагностики и лечения.

Лит.: Ганелин Р.Ш. Анна Владимировна Пруссак (1888–?). Материалы к биографии // *Времена и судьбы: Сборник статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха.* СПб., 2006. С. 415–440; *Груздева Е.Н.* Анна Владимировна Пруссак — источниковед и ученый петербургской исторической школы начала XX в. (материалы к биографии) // *Вспомогательные исторические дисциплины: Сб. статей.* СПб., 2013. Т. 32. С. 447–471.

Е.Н. Груздева

Ровинский Дмитрий Александрович [16(28).8.1824, г. Москва — 11(23).6.1895, г. Вильдунген, Германия; похоронен в Москве у церкви Спаса на Сетуни] — юрист, искусствовед, коллекционер.

Отец Р., Александр Павлович Ровинский (1778–1838), военный, как начальник ополчения участвовал в войне 1812, затем был полицеймейстером в Москве. Детство и юность Р. в значительной степени протекали в среде московских славянофилов, к которым был близок его отец. Мать Р., Анна Ивановна, в девичестве — Мессинг, дочь лейб-медика Екатерины II. По матери Р. состоял в родстве с писателем, историком и собирателем русских древностей М.П. Погодиным.

И.Е. Забелин, друг Р., в своих воспоминаниях о нем пишет, что тот Погдину «по своему родному дяде М.И. Мессингу приходился двоюродным племянником» (*Забелин И.Е. Воспоминание о Д.А. Ровинском // Публичное собрание императорской Академии наук в память ее почетного члена Дмитрия Александровича Ровинского. 10 декабря 1895 г. СПб., 1896. С. 8).*

В 1837 Р. поступил в Училище правоведения в Санкт-Петербурге, где познакомился и сблизился с В.В. Стасовым. По окончании учебы возвратился в Москву и 13 июня 1844 был принят на службу в седьмой департамент Сената; в дек. того же года занял должность помощника секретаря. С начала 1848 исполнял обязанности московского губернского казенных дел стряпчего; с 1850 был товарищем председателя Московской уголовной палаты; с 1853 занимал пост московского губернского прокурора. Являлся сторонником отмены крепостного права и упразднения телесных наказаний для крестьян; был избран от дворянства Звенигородского у. в Московский комитет по вопросу об освобождении крестьян. В период подготовки судебной реформы (1864) Р. одним из первых откликнулся на обращение Государственного совета к юристам-практикам представить в письменном виде свои соображения о преобразовании судебной системы в России, подав записки об устройстве гражданского и уголовного судов, о должностных лицах судебного ведомства, о производстве следствия, об отмене телесных наказаний, о порядке введения нового судоустройства вообще и в Московской губ. в особенности. Р. одним из первых выступил за учреждение в России суда присяжных. 21 нояб. 1862 Р. «было объявлено Высочайшее повеление о собрании всех необходимых сведений для разрешения вопроса об условиях и способах введения новых судебных учреждений в округе будущей Московской судебной палаты» (*Кони А.Ф. Общественная и государственная деятельность Д.А. Ровинского // Публичное собрание императорской Академии наук. С. 73).* К кон. 1863 эта работа была закончена, получив название «Сведения о положении дел судебного ведомства в губерниях Московской, Тверской, Ярославской, Владимирской, Рязанской, Тульской и Калужской». В 1866 были открыты окружные суды и палаты в Петербургской и Московской губерниях, в том же году Р. был назначен прокурором Московской судебной палаты, возглавив, таким образом, организацию прокурорского надзора в семи центральных губерниях России. С 1 марта 1868 Р. стал председателем уголовного департамента Московской судебной палаты. 2 июля 1870 назначен сенатором уголовного кассационного департамента, где и служил до конца жизни. С 1870 жил в Санкт-Петербурге. Почетный член петербургских Академии наук (с 1883) и Академии художеств (с 1870).

Еще в студенческие годы Р. увлекся собиранием гравюр Рембрандта. По возвращении из Петербурга в Москву он сближается с М.П. По-

годиным и с И.Е. Забелиным, служившим в то время в Оружейной палате и занимавшимся изучением ее архивов. Под влиянием Погодина и Забелина Р. увлекается древнерусским искусством и русской гравюрой. Совместно с Забелиным он осуществляет многокилометровые пешеходные экспедиции по Московской губ. и за ее пределы для осмотра и изучения церквей, монастырей и дворцовых ансамблей. Непосредственным толчком к увлечению Р. лубочными картинками явилось, по-видимому, его участие в разборе архива приближенного императрицы Елизаветы Петровны и воспитателя Петра III профессора Я. Штелина (архив приобретен Погодиным в 1844 у его потомка). Значительную часть этого архива составляла коллекция русских лубочных картинок. Впоследствии, в 1852, Погодин именно Р. доверил описание коллекции лубочных картинок для продажи ее императорской Публичной библиотеке (*Стасов В.В. Воспоминания товарища о Д.А. Ровинском // Публичное собрание императорской Академии наук. С. 25–27*).

На протяжении всей жизни Р. оставался страстным коллекционером; собрал крупнейшие коллекции офортов Рембрандта и других западноевропейских художников, русских гравюр и русских лубочных картинок. Для пополнения своих коллекций он совершал поездки в страны Европы, а также посетил Египет, Марокко, Алжир, Иерусалим, Индию, Китай, Японию, Туркестан, был на Цейлоне и Яве, где интересовался массовой гравюрой, предназначенной для народного потребителя. Р. поддерживал отношения со многими собирателями как западноевропейской, так и русской гравюры; известно также о его связях с организатором производства лубочных картинок И.А. Голышевым (Переписка И.А. Голышева с разными учеными лицами. Владимир, 1898. С. 406–420).

Все искусствоведческие труды Р. связаны с гравировальным искусством. Часть из них посвящена офортам Рембрандта (Полное собрание гравюр Рембрандта со всеми разницами в отпечатках. 1000 фототипий без ретуши. СПб., 1890; Полное собрание гравюр учеников Рембрандта и мастеров, работавших в его манере. 478 фототипий без ретуши. СПб., 1894). Эти издания получили высокую оценку искусствоведов, в частности, К.С. Веселовский отметил, что «для коллекционеров ими вполне упраздняются все различные доселе изданные каталоги гравюр Рембрандта, потерявшие теперь всякое значение; художественной критике они доставляют прочные опорные пункты для исследований по вопросу о принадлежности самому Рембрандту или же только тому или другому из учеников его целого ряда листов, приписанных Рембрандту...» (*Веселовский К.С. Ровинский и Рембрандт // Публичное собрание императорской Академии наук. С. 112*).

Другая часть трудов Р. посвящена русской гравюре. Первой работой в этой области стала «История русских школ иконописания до конца

XVII в.», над которой Р. начал работать в 1850. Тема была предложена на соискание премии Русским археологическим обществом. Труд не был отмечен премией, однако Р. переработал его и в 1857 представил в Академию наук на Уваровскую премию, которую и получил. Затем последовала работа «Обозрение русского гравирования на металле и дереве до 1725 г.», которая была написана в 1857; в 1858 Р. подает ее на Уваровскую премию, но получает отрицательный отзыв Стасова, который отмечает, что в ней не были учтены материалы императорской Публичной библиотеки (*Стасов В.В. Разбор сочинения Д. Ровинского «Обозрение русского гравирования на металле и на дереве до 1725 г.»*. СПб., 1858). Р. перерабатывает труд, в 1864 представляет его в Академию наук под новым названием: «Русские граверы и их произведения с 1564 года до основания Академии художеств» и на этот раз получает положительный отзыв Стасова (*Стасов В.В. Разбор рукописи сочинения г. Ровинского «Русские граверы и их произведения с 1564 года до основания Академии художеств»* // Отчет о 7-м присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1864. С. 13–53), в результате чего работе присуждается Уваровская премия. Книга под этим названием была опубликована в 1870. К наиболее значительным трудам Р. по русскому гравировальному искусству относятся «Материалы для русской иконографии» (СПб., 1884–1891. Вып.1–12), «Подробный словарь русских гравированных портретов» (СПб., 1889. Т. 1–2) и «Подробный словарь русских граверов» (СПб., 1895. Т. 1–2). В этих трудах содержатся ценные сведения о мастерах, особенностях производства и выбора сюжетов для гравюр, способах их распространения.

Наибольший интерес для фольклористов представляет труд Р. «Русские народные картинки» (СПб., 1881. Т. 1–5; Атлас. СПб., 1881–1893. Т. 1–4). По словам Стасова, Р. работал над собиранием и изучением русской народной картинки около 20 лет (*Стасов В.В. Воспоминания товарища о Д.А. Ровинском* // Публичное собрание императорской Академии наук. С. 36), в результате чего его труд явился крупнейшим, учитывающим все существующие, даже мелкие коллекции (*Стасов В.В. Разбор сочинения Д.А. Ровинского «Русские народные картинки»* // Собрание сочинений: В 4 т. СПб., 1894. Т. 2. Стб. 595–1038). В значительной степени труд Р. остается таковым и в настоящее время. Труд Р. удостоен Уваровской премии (Двадцать пятое присуждение наград графа Уварова // ЖМНП. 1882. № 11, Современ. летопись. С. 2–3). В «Русских народных картинках» собраны лубочные листы, выходившие до 1839, т. е. до того времени, когда листы стали печататься только с дозволения цензуры. Поясняя принципы отбора материала, Р. отмечает, что часть листов (например, работы царского иконописца Симона Ушакова) нельзя назвать собственно «простонародными», «но, — так как они были гравированы не для печатных книг, а издавались отдельными листами в то время, когда еще разделения

картинок на барские и простонародные (разрядка Р. — С. С.) не было; — так как картинки эти раскупались людьми всякого сословия и наклепывались на стены как в царских палатах и барских хоромах, так и в простых избах, и — так как впоследствии большинство оригинальных досок, с которых печатались эти гравюры, поступило в собственность разных фабрик, которые печатали их наряду с другими картинками для *простонародья* (курсив Р. — С. С.), — то и эти первые произведения нашей гравюры нельзя было исключить из общего описания народных картинок, точно так, как нельзя было исключить из числа их и лицевые календари, и буквари, и некоторые математические и географические листы, печатавшиеся на фабрике Ахметьева для простого народа и на простой серой бумаге» (Русские народные картинки. Т. I. С. I–II). Всего в издании помещено 4700 листов на разные сюжеты, а вместе с вариантами — 8000 листов. Достоинством собрания является то, что каждая картинка в нем описывается по единому плану: приводится перечень сохранившихся экземпляров, начиная с самого древнего перевода картинки; описываются новые переводы, сильно отличающиеся от старого; дословно печатаются тексты с указанием разницы между вариантами; описываются копии, сделанные с одной доски; указывается размер картинки; поясняется способ гравирования; на основе подписи мастера, манеры гравирования, формы шрифта, качества бумаги и ее знаков производится датировка и устанавливается место производства; указывается собрание, где картинка хранится. Том первый называется «Сказки и забавные листы» и включает их описание; ему предпосланы краткая вступительная статья, характеризующая принципы издания, и два приложения, содержащие перечень собраний русских народных картинок (с. IX–XIV) и перечень хранилищ, где имеются доски, с которых печатались картинки (XV–XVI). Том второй содержит описание листов исторических, календарей и букварей; том третий — притчи и листы духовные.

Помимо описаний картинок и их фототипий, воспроизведенных в Атласе, труд Р. содержит значительный дополнительный материал, размещенный в 4-м и 5-м т. В 4-м т. содержится обзор источников (отечественных и зарубежных), сюжетов лубочных картинок, сопоставление лубочных сюжетов с фольклорными и литературными. Здесь Р. преимущественно опирается на существовавшие к тому времени исследования. 5-й том представляет собой исследование русской лубочной картинки, посвященное следующим вопросам: различные способы производства и распространения картинки, источники сюжетов и переводов, характеристика тематических групп (женщина; женитьба; ученье в старые годы; календари и альманахи; легкое чтение; легенды; народные увеселения; музыка и пляска; шутовство и шуты; шутовские листы на иностранцев; народное богомолье; в особую группу

выделяются картинки, изданные по распоряжению правительства). Том 5-й содержит два приложения: «О разных способах гравирования и печатания картинок» (с. 337–339) и «Указы, уставы и распоряжения по части цензурирования народных картинок» (с. 340–360), а также алфавитный указатель имен и предметов (с. 361–560). Большой интерес представляют встречающиеся в 4-м и 5-м тт. сведения об особенностях русского быта и культуры, например, характеристика судопроизводства в России и дела Жуковых (Т. 4. С. 400–408), описания представления «Суд царя Соломона», устроенного Ванькой Каином (Т. 4. С. 211), и театра Петрушки в Москве (Т. 5. С. 225–227) и др.

Современники Р. отмечали его стремление популяризировать гравюру, сделать свою коллекцию достоянием общественности (*Толстой И.И.* Д.А. Ровинский — любитель и знаток гравировального искусства // Публичное собрание императорской Академии наук. С. 94–97). По завещанию Р. его коллекция гравюр Рембрандта отошла Эрмитажу; собрание русских гравюр и лубочных картинок — московскому Румянцевскому музею (ныне хранится в Государственном музее изобразительного искусства им. А.С. Пушкина); 50 тыс. иностранных портретов — Публичной библиотеке; собрание медных гравированных досок — Академии художеств; научная библиотека — Училищу правоведения. Кроме того, он назначил премию с капитала в 40 тыс. рублей за лучшие сочинения по «художественной археологии»; 26 тыс. завещал на устройство первоначальных народных школ; свое владение на Сетуни — «Московскому университету, чтобы с доходов с него выдавать ежегодно премию за лучшее иллюстрированное научное сочинение для народного употребления» (*Кони А.Ф.* Общественная и государственная деятельность Д.А. Ровинского. С. 92).

Справ. и некрологи: Новицкий А.П. Памяти Д.А. Ровинского // Русское обозрение. 1895. № 10. С. 803–820; Д.А. Ровинский: [Некролог] // ЖМНП. 1895. № 7, Современ. летопись. С. 20–22; Дмитрий Александрович Ровинский: [Некролог] // Ист. вест. 1895. № 7, Смесь. С. 243–244; Д.А. Ровинский: [Некролог] // Нива. 1895. № 25. С. 602–603; Брокгауз–Ефрон; БСЭ; Русский биографический словарь: В 20 т. М., 1999. Т. 13. С. 142–148.

Библиогр.: Дмитрий Александрович Ровинский: Его труды и издания по истории гравирования и вообще иконографии в России: 1856–1886 гг. // Русская старина. 1887. № 11. С. 531–536; *Берков П.Н.* Материалы для библиографии литературы о русских народных лубочных картинках // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1957. Т. 2. С. 352–362.

Исслед.: Русский гравер Чемесов. СПб., 1878; Достоверные портреты московских государей Ивана III, Василия Ивановича и Ивана IV Грозного, и посольства их времен. СПб., 1882; Виды Соловецкого монастыря, отпечатанные с древних досок, хранящихся в тамошней ризнице. СПб.,

1884; Н.И. Уткин, его жизнь и произведения. СПб., 1884; Обзорение иконописания в России до конца XVII века. Описание фейерверков и иллюминаций. СПб., 1903.

Лит.: *Пыпин А.Н.* [Рец. на кн.: Д.А. Ровинский. Русские народные картинки] // Вестник Европы. 1881. № 7. С. 436–437; *Стасов В.В.* Старая и новая Россия в картинках // Вестник Европы. 1886. № 11. С. 429–440; *Фирсов Н.Н.* Из области народных картин (наброски по собранию народных картин Ровинского) // Учен. зап. Казан. ун-та. 1890. Кн. 5. № 9/10. С. 63–84; *Морозов П.О.* Д.А. Ровинский «Русские народные картинки» // Мир Божий. 1901. № 1, Библиогр. отд. С. 94–95; *Адарюков В.Я.* Дм.Ал. Ровинский // Старые годы. 1916. Апр.–июнь. С. 97–110; *Вратская О.Б.* Д.А. Ровинский, его современники и последователи // Народная графика и фольклор в России XVII–XIX вв. (К 150-летию со дня рождения Д.А. Ровинского). М., 1976. С. 5–33.

Арх.: РГАЛИ. Ф. 2045 (Д.А. Ровинский). 7 ед. хр.; Центральный государственный архив города Москвы. Ф. 1650 (Д.А. Ровинский). 120 ед. хр.; РНБ. Ф. 643 (Д.А. Ровинский). 10 ед. хр.; ГМИИ, Коллекция Д.А. Ровинского. 210 ед. хр.; Русский музей. Ф. 12 (Д.А. Ровинский). 4 ед. хр.

С.П. Сорокина

Сахаров Иван Петрович [29.8(10.9).1807, г. Тула — 24.8(5.9).1863, с. Заречье Валдайского у. Новгородской губ.; похоронен при церкви Успения Рютинского погоста] — краевед, палеограф, археолог, публикатор исторических и фольклорных материалов.

Из духовного сословия. Отец С. был дьяконом Ильинской церкви в Туле, позднее — там же священником Петропавловской церкви; скончался, когда С. было 6 лет. В 1815 С. поступил в Тульское уездное духовное училище, а в 1822 — в Тульскую семинарию. Со второго года обучения в семинарии ему было разрешено преподавать в духовном училище.

Интерес к истории родного края возник у С. в юности: «Литературные занятия мои направлены были исключительно с 1825 года на русскую историю, странно и неожиданно. Раз как-то был я в беседе, где два чужеземца нагло и дерзко уверяли русских, что у них нет своей истории. Мне было горько и больно слышать эту нелепость; но я был бессилен: я не знал русской истории <...> В небольшой библиотеке моего отца нашел немного о русской истории: книг пять или шесть. Я прибегнул с моим горем к свящ. Н.И. Иванову; он дал мне для чтения историю Карамзина <...> Долго и много читал я Карамзина. Здесь-то узнал я родину и научился любить Русскую землю и уважать русских людей. Среди чтения истории Карамзина являлась всегда одна мысль: что же такое Тула и как жили наши отцы? В этой мысли зародилось первое желание писать, первая жажда, терзавшая меня 25 лет

неотступно и беспощадно» (Для биографии И.П. Сахарова // Русский архив. 1873. Кн. 1. Стб. 899). В 1829–1830 С. удалось обнаружить множество документов по истории края в архивах Тульского губернского и оружейного правлений, дворянского депутатского собрания, архиерейского дома, Успенского собора, Веневского Николаевского монастыря и др. Одновременно С. начал собирать фольклор: «Для истории Тульской губернии было собрано очень много материалов; но зато поездка по губернии доставила мне много запасов для узнания *русской народности*. Ходя по селам и деревням, я вглядывался во все сословия, прислушивался к чудной русской речи, собирал *предания* давно забытой *старины*...» (Для биографии И.П. Сахарова. Стб. 909).

21 авг. 1830 С. закончил семинарию и был уволен в епархиальное ведомство, однако почти сразу вышел из духовного звания. С. отправился в Москву, где успешно сдал экзамены на медицинский факультет Московского университета и 8 дек. 1830 был зачислен своекоштным студентом. Учился С., как сказано в его аттестате, «с превосходными успехами, при отличном поведении». 18 июля 1835, выдержав экзамен на степень лекаря, С. был отправлен для практики в Московскую градскую больницу. 9 окт. 1835 он утвержден лекарем первого отделения, вскоре переведен в университетские медики, а еще через год перешел на службу врачом в Почтовый департамент в Петербурге, куда переехал в февр. 1836. На протяжении многих лет С. оставался практикующим врачом, уделяя все свободное время занятиям книжной и фольклорной традицией и подготовке своих изданий. Впоследствии С. считал выбор медицинской профессии своей непоправимой ошибкой. 7 нояб. 1848 он записал: «Несчастливая была та минута, когда я решился на этот выбор; грустно вспоминать эту минуту чрез 18 лет» (Для биографии И.П. Сахарова. Стб. 978).

В годы учения в семинарии и потом в университете С. собирал фольклорные материалы в Орловской, Рязанской, Калужской, Московской губерниях. По-видимому, С. бывал также в Ростове и Нижнем Новгороде (Для биографии И.П. Сахарова. Стб. 909). Кн. А.Н. Голицын в своем ходатайстве о награждении С. писал 10 авг. 1841 Николаю I: «Его <С.> занятия важным предметом сим начались еще до вступления его в университет Московский. Тогда, в продолжение шести лет, обходил он губернии Тульскую, Орловскую, Рязанскую, Калужскую, Московскую. В хижинах поселян собирал он народные предания, в городах и селах обозревал сохранившиеся народные памятники, в архивах пересмотрел нужные исторические акты» (Для биографии И.П. Сахарова. Стб. 921).

Первая публикация С. — «Отрывок из истории Тульской губернии» (Галатея, журнал литературы, новостей и мод, издаваемый Раичем. 1830. Ч. 13. № 12. С. 3–19) — была посвящена осаде в Тульском кремле отряда Ивана Болотникова. По случаю выхода статьи дирек-

тор Тульской гимназии Е.Н. Воронцов-Вельяминов устроил в честь С. литературный вечер. Познакомившись с Н.А. Полевым, С. передал ему материалы из тульских архивов, которые были опубликованы в «Московском телеграфе» (1830. Ч. 32, № 5. С. 119–122; № 8. С. 420–438; Ч. 36, № 12. 284–292; 1831. Ч. 39, № 12. С. 499–522; Ч. 41, № 19. С. 246–261; № 20. С. 416–438; № 23. С. 341–342). В 1833 Н.А. Полевой издал сборник документов «Русская Вивлиофика», в который включил документы, обнаруженные С. и частично опубликованные ранее в «Московском телеграфе» (Русская Вивлиофика. М., 1833. С. 189–318, 361–362, 365, 375–381, 381–388). Истории и культуре Тульского края посвящены книги и статьи С.: Достопамятности Венева монастыря. М., 1831; История общественного образования Тульской губернии. М., 1832. Ч. 1; Письмо к издателю «Московского телеграфа» о писателях, живших в Тульской губернии // Московский телеграф. 1833. Ч. 50. № 7. С. 447–453. К краеведческой проблематике С. обращался и позднее: Общественное образование Тульской губернии // Современник. 1837. Ч. 7. С. 295–325; Писатели Тульской губернии. СПб., 1838; История общественного образования Тульской губернии. СПб., 1851; Достопамятности города Тулы и его губернии. Ч. 1 // Тр. Тульской губ. учен. архив. комиссии. Тула, 1914. Ч. 1. С. 219–293 (перездано в кн.: Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым / Сост. и комм. С. Д. Ольшевского. Тула, 2000. С. 393–456). В работе «Памятники Тульской губернии» (1851) С. привел описание городищ и пересказал предания о них. Некоторые сочинения С., посвященные истории Тульского края, до сих пор не опубликованы (РГБ. Ф. 268. К. 1, № 1; Гос. архив Тульской обл. Ф. 147. Оп. 1. Д. 1–3).

Еще в 1835 С. подготовил к изданию рукопись 1-го тома «Сказаний русского народа о семейной жизни своих предков». Книга увидела свет в 1836, уже после его переезда в Петербург, а в 1837 понадобилось ее 2-е издание. В том же году увидели свет 2-я и 3-я части (Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И.П. Сахаровым. СПб., 1837. Ч. 2–3). После этого С. приступил к подготовке нового расширенного издания, которое должно было составить 7 томов в 30 книгах, однако С. удалось издать только 2 тома в 8 книгах (Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И.П. Сахаровым. СПб., 1841. Т. 1. Кн. 1–4; 1849. Т. 2. Кн. 5–8). В два тома «Сказаний» С. включил и те материалы, которые входили в 1-е издание «Сказаний», и те, которые были ранее помещены им в других публикациях, и новые тексты. Книга 1-я 1-го тома, названная «Русская народная литература», включает три очерка: «Славяно-русская мифология» (с. 1–22), «Песни русского народа» (с. 23–46) и «Русские народные праздники» (с. 73–82). В каждом очерке дается обзор литературы по теме и критическая оценка источников. Книга 2-я «Русское народное чернокнижие» открывается разделом: «Предания

и сказания о русском чернокнижии» (с. 1–17); далее под заглавием «Сказания о кудесничестве» помещены тексты 64-х заговоров (с. 18–48); под заглавием «Сказания о знахарстве» — 17 различных магических текстов (с. 60–70); под названием «Сказания о ворожбе» — 14 описаний способов гадания (с. 60–70), после этого — описания 35 игр (с. 71–90), тексты 232 загадок и 8 притч (с. 91–104), присловья о жителях разных городов (с. 105–117) и дополнения (с. 118–128). В книге 3-й помещены народные песни, сгруппированные по рубрикам: святочные, хороводные, плясовые, свадебные, семейные, разгульные, удалые, солдатские, казацкие, исторические, обрядные, колыбельные. В 4-й том включены былины и памятники древнерусской литературы, в том числе «Слово о полку Игореве» и «Сказание о Мамаевом побоище».

Во 2-й том включены: в книгу 5-ю «Азбуковник», словарь Лаврентия Зизания, лексикон Памвы Берынды; в книгу 6-ю документальные материалы о свадьбах в Московской Руси. Содержание 7-й книги составили народный дневник (с. 1–70), описания народных праздников и обычаев (с. 71–98), а также дополнения к народному дневнику, присловьям и загадкам. В книге 8-й С. опубликовал описания путешествий русских людей начиная с паломничества игумена Даниила.

В предисловии к своему изданию С. сообщал, что публикуемые им материалы были собраны им самим во время экспедиций по центральным губерниям России: «В “Сказаниях русского народа” я поместил все то, что было собрано мною во время путешествия по губерниям Тульской, Калужской, Орловской, Рязанской и Московской. В эти счастливые дни моей жизни, изучая русскую семейную жизнь, я внимательно вслушивался во все рассказы поселян, с тщательностью записывал все народные предания и поверья, со слов своих рассказчиков» (Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И.П. Сахаровым. СПб., 1841. Т. 1. Кн. 1. Ненумеров. стр. («Слово к русским людям»)). В то же время С. благодарил В.И. Даля, А.В. Терещенко, Г.И. Парихина и др. собирателей за переданные ими материалы. С. использовал также тексты из книжных источников, хотя не всегда ссылался на них.

Помимо изданных 2-х томов в 8-ми книгах, С. предполагал включить в «Сказания» еще 5 томов в 22 книгах: IX. Русская народная демонология; X. Словари русских народных наречий; XI. Русские народные охоты; XII. Сказание о русском народном врачевании; XIII. Русская народная символика; XIV. Летопись русской библиографии; XV. Русские народные поверья и приметы; XVI. Русские народные пословицы; XVII. Летопись древних искусств и художеств; XVIII. Летопись славяно-русских типографий; XIX. Летопись русской литературы; XX. Русские народные сказки; XXI. Записки русских людей; XXII. Обозрение древнего русского права; XXIII. Обозрение русских

гербов и печатей; XXIV. Русские народные одежды; XXV. Родословная книга русских дворянских родов; XXVI. Летопись русской нумизматики; XXVII. Образцы великорусских, белорусских и малорусских наречий; XXVIII. Славяно-русская мифология; XXIX. Русские разрядные списки; XXX. Приложения и указатели (Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И.П. Сахаровым. СПб., 1841. Т. 1. Кн. 1. Ненумеров. стр.). При всем разнообразии этого перечня, современникам представлялось вероятным, что С. в силах реализовать свои планы, тем более что ряд намеченных тем уже был им разработан в отдельных изданиях. Несколько книг из этого списка, будь они написаны, имели бы отношение к фольклористике (IX, XII, XIII, XV, XVI, XX и XXVIII). Однако С. переоценил свои возможности. Как отмечал И.И. Срезневский, «при неутомимой деятельности своей С. успевал собирать громады материалов всякого рода, и увлекался этим все более до такой степени, что наконец недоставало ему времени на их обработку» (*Срезневский И.* Воспоминание об И.П. Сахарове // Зап. имп. Академии наук. 1864. Т. 4, кн. 2. Стб. 242).

В 1838–1839 С. издал собрание песен (Песни русского народа. СПб., 1838–1839. Ч. 1–5). В части 1-й он помещает предисловие, обзорную статью «Сборники русских песен», коллекцию святочных песен (в том числе песни подблюдные, игровые и обрядовые) и примечания. В части 2-й — описание хороводных игр и тексты хороводных песен и примечания к ним, а также песни плясовые. В части 3-й — свадебные песни и статью, посвященную сравнению русских свадебных песен с песнями др. славянских народов; здесь же песни пошехонские, тихвинские, питерские и сибирские, переданные С. разными собирателями. В части 4-й песни сгруппированы по рубрикам: семейные, разгульные, удалые, солдатские, казацкие, исторические, обрядные, колыбельные. В части 5-й помещены былины и сказки о былинных богатырях. Тексты былин, источником которых издатель называет «рукопись купца Бельского», на самом деле являются перепечаткой из сборника Кириши Данилова. Долгое время эта фальсификация, относящаяся к типу «скрытой перепечатки», оставалась неразоблаченной.

В 1841 С. издал сборник «Русские народные сказки», который включал 6 текстов: «Добрыня Никитич», «Василий Буслаевич», «Илья Муромец», «Акундин», «О Ерше Ершове сыне Щетинникове», «О семи Семionaх, семи родных братьях», а также вступительную статью «Обозрение русских народных сказок», «Библиографическую роспись», «Сравнения» (выписки из опубликованных ранее вариантов сказок) и «Примечания». Из 6 текстов, включенных в сборник С., только один действительно является сказкой («О семи Семionaх, семи родных братьях»). С. воспользовался вариантом, опубликованным ранее в сборнике «Старая погудка на новый лад» (1794), и дал ему новую литературную обработку (например, ввел дополнитель-

но обращение сказочника к слушателям, географические названия и т. д.). Три текста в основе своей представляют лубочные пересказы былин, а также сказок В. Левшина. С. пересоздал эти былины, контаминируя их сюжеты, вводя дополнительных персонажей и пользуясь характерным для него псевдонародным стилем со множеством эпитетов. «Акундин» является авторским произведением, содержание которого частично заимствовано из поэмы Ф. Глинки «Карелия», на переключки с которой С. сам указал в примечаниях к тексту. Сатирический текст «О Ерше Ершове сыне Щетинникове» взят С. из какой-то рукописи и в наименьшей мере подвергся его правке. Сборник был одобрительно принят В.Г. Белинским (Отеч. зап. 1841. Т. 16, № 6, отд. 6. С. 42–43), однако в настоящее время сказки С. считаются фальсифицированными (см. статью и коммент. К.Е. Кореповой в кн.: Русские народные сказки. Сборники Б. Бронницына и И. Сахарова / Изд. подгот. К.Е. Корепова. СПб., 2007. С. 9–15, 168–170).

С. подготовил также 2-й выпуск своего сборника, который сохранился в рукописи (РНБ, F.XI, № 53; описание см.: Новиков Н.В. Русская сказка в записи первой половины XIX века // Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века / Сост., вступит. ст. и коммент. Н.В. Новикова. М.; Л., 1961. С. 43–44). Сборник включает предисловие и 7 сказок: «Боярин Ставр Годинович», «Мальчик с пальчик, сам с ноготок, борода с локоток», «Алеша Попович», «Собирался князь Роман во поход», «Соловей сын Будимирович», «Иван гостинный сын» и неоконченная сказка о Фомке-воре. Во 2-м выпуске аутентичному фольклору близка только сказка о Фомке-воре; остальные тексты составлены на основе былин из сборника Кириши Данилова, сказок из сборника В. Левшина и из лубочных изданий. С. подготовил также сборник «Сказки исторические», включив в него 13 преданий, выписанных из древнерусских летописей (РНБ, F.IV, № 715).

Параллельно с трудами по устной словесности С. в 1836–1842 издает собрания материалов по русской истории и рукописной словесности (Путешествия русских людей в чужие земли. СПб., 1837. Ч. 1–2; Записки русских людей. СПб., 1841; Летопись русской нумизматики. СПб., 1842; Русские древние памятники. СПб., 1842). В конце 1840-х С. обращается к истории русской иконописи и церковного пения (Исследование о русском иконописании. СПб., 1849. Ч. 1–2; Исследования о русском церковном песнопении // Журн. Мин-ва нар. просвещения. 1849. № 2, отд. 2. С. 147; № 3, отд. 2. С. 263–284; № 7, отд. 2. С. 1–41). С 1838 по 1849 С. печатает свои книги в собственной типографии довольно большими тиражами, причем некоторые из них выдерживают по два издания. В 1830–1840-х С. поместил многочисленные статьи по русской истории в «Московском телеграфе», «Русском вестнике», «Северной пчеле», «Отечественных запи-

сках», «Современнике», «Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду», «Маяке», «Москвитянине», «Сыне Отечества», «Журнале Министерства народного просвещения» и др.

Об успехе издательской деятельности С. вспоминал И.И. Срезневский: «Кто жил в то время не чуждаясь литературы, тот знает, как сильно было впечатление, произведенное этими книгами, особенно книгами “Сказаний русского народа” — не только между любителями старины и народности, но и вообще в образованном кругу. Никто до тех пор не мог произвести на русское читающее общество такого влияния в пользу уважения к русской народности, как этот молодой любитель. Не поразил он основательною ученостью, не поразил он и многообразием соображений; но множество собранных им данных было так неожиданно велико, и по большей части, для многих, так ново, так кстати в то время, когда в русской литературе впервые заговорили о народности, и притом же увлечение собирателя, высказавшееся во вводных статьях, было так искренне и решительно, что остаться в числе равнодушных было трудно» (*Срезневский И.* Воспоминание об И.П. Сахарове // Зап. имп. Академии наук. 1864. Т. 4. Кн. 2. Стб. 239–240).

В Петербурге С. познакомился с В.Ф. Одоевским, А.А. Краевским и др. писателями и журналистами. С. сообщает в своих воспоминаниях, что за три дня до дуэли А.С. Пушкина посетил его вместе с Л.А. Якубовичем: «Пушкин сидел на стуле; на полу лежала медвежья шкура; на ней сидела жена Пушкина, положила свою голову на колени к мужу. <...> Здесь Пушкин горячо спорил с Якубовичем и спорил дельно. Здесь я слышал его предсмертные замыслы о «Слове о полку Игореве» — и только при разборе библиотеки Пушкина видел на лоскутках начатые заметки. Тогда же Пушкин показывал мне и дополнения к Пугачеву, собранные им после издания. Пушкин думал переделывать и вновь издать своего Пугачева» (Для биографии И.П. Сахарова. Стб. 955).

И.И. Панаев вспоминал, что С. появлялся на светских приемах у В.Ф. Одоевского в длиннополом гороховом сюртуке: «Сахаров, впрочем, русский человек себе на уме, хитро посматривал на все из-под навеса своих белокурых бровей и не смущался бросаемыми на него взглядами и возбуждаемыми им улыбочками. Он даже, кажется, нарочно облакался в свой гороховый сюртук, отправляясь на вечера Одоевского» (*Панаев И.И.* Литературные воспоминания. М., 1988. С. 118).

В 1841 глава почтового департамента кн. А.Н. Голицын ходатайствовал перед Николаем I о поощрении С., который, добросовестно выполняя свои служебные обязанности и готовясь к экзамену на звание доктора медицины, все свое свободное время тратит на исторические изыскания «русской народности». 18 сент. 1841 император

пожаловал С. бриллиантовый перстень и 1000 руб. прибавочного жалованья ежегодно до тех пор, пока тот пребывает на службе (Для биографии И.П. Сахарова. Стб. 926).

В 1846 возникло императорское Археологическое общество; в 1851 в его составе появилось Отделение русской и славянской археологии, а его секретарем был избран С. Под редакцией С. вышел 1-й том «Записок Отделения русской и славянской археологии имп. Археологического общества» (1851), в котором увидели свет статьи С. «Обозрение русской археологии», «Деньги московских удельных князей», «Древности Московской и Тульской губерний» и др. В начале статьи «Обозрение русской археологии» С. сформулировал основные задачи археологии (в современной терминологии речь идет об источниковедении русской истории). С. отмечал значение устных и письменных источников для изучения прошлого: «Вспомогательными источниками для русской археологии могут быть: *мифология русская*, если только грядущие открытия предъявят памятники языческой жизни, *летописи, сказания, жития, акты, описи* имуществ и, наконец, наши *наличные древности*, существующие в разных видах» (Зап. Отд-ния русской и славянской археологии имп. Археологического общества. СПб., 1851. Отд-ние 1. С. 5). В приложении к изданию была опубликована составленная С. «Записка для обозрения русских древностей». Эта обстоятельная программа-вопросник по археологии была напечатана также отдельно тиражом 10000 экземпляров для рассылки по разным городам. Наряду с вопросами, касающимися памятников древности, в программе имелись вопросы о ритуальных камнях и связанных с ними верованиях (с. 14), обширные разделы о церковных и монастырских библиотеках (с. 60–62), о народной одежде (с. 68–70) и др.

С. в течение ряда лет состоял врачом в собственной Его Императорского Величества канцелярии. Одновременно он числился чиновником особых поручений Министерства финансов (1853), позднее служил в Министерстве юстиции (1854). 22 янв. 1855 С. был командирован в департамент герольдии Правительствующего Сената для подготовки краткого руководства по составлению геральдических эмблем. Кроме того, С. было поручено разобрать хранилище Департамента герольдии. С янв. по июль 1855 С. подготовил к печати Бархатную книгу, выявил 3000 дел, считавшихся утраченными, перерегистрировал 2000 дел (Осокина И.В. И.П. Сахаров и его работы по геральдике // Тр. Ист.-арх. ин-та. М., 2000. Т. 34. С. 28). Последняя опубликованная работа С. посвящена происхождению русской геральдической системы и истории московского герба (Записка о русских гербах. Ч. 1. Московский герб. СПб., 1856). Среди неопубликованных материалов С. остались «Программа русского геральдического права и записки по геральдике» (Архив Петерб. отд. Ин-та истории. Ф. 154, № 807). «Программа...» включает записи по русской генеалогии и ее источникам.

В 1850–1855 С. читал курс палеографии в Петербургском училище правоведения и в Александровском лицее и был первым, кто разработал учебный курс русской палеографии (Палеография славяно-русская. Ч. 1: Письмо книжное. [СПб.], 1849; Программа юридической палеографии, преподаваемой в Училище правоведения коллежским советником И. Сахаровым. СПб., 1850; Чтения из русской палеографии. [СПб.], 1854). С. изучал также нумизматику (Летопись русской нумизматики. Отд-ние 1. СПб., 1842; 2-е изд. в 1851); Деньги московских удельных княжений // Зап. Отд-ния рус. и слав. археологии имп. Археол. о-ва. СПб., 1851. Т. 1. С. 107–176; 2-е изд.: СПб., 1857).

В 1858 С. совершил путешествие по России, поставив своей целью побывать и в тех местах центральной России, которые он видел в юности, и в северных губерниях: «Первым моим желанием было узнать: что сохранилось здесь из старой русской жизни; те ли самые здесь народные предания и верования, или другие, мною несслыханные...» (Для биографии И.П. Сахарова. Стб. 986). С. пришел к выводу, что «вблизи больших дорог народные предания почти исчезли, и о народных верованиях там уже не вспоминают, как будто здесь их никогда не существовало» (Для биографии И.П. Сахарова. Стб. 987). С. описал изменившуюся культурную ситуацию, однако сделать новые записи фольклора ему не удалось: «Что же касается до собирания народных преданий, песен, сказок, пословиц и поговорок, то в этом я был несчастлив» (Для биографии И.П. Сахарова. Стб. 1012).

В идеологическом отношении С. поддерживал «теорию официальной народности», провозглашая единство «самодержавия, православия и народности» и видя свою задачу в защите родной старины от иностранных влияний (Для биографии И.П. Сахарова. Стб. 916). Обращение С. к старинным преданиям, сказкам, песням, иконописанию, церковному пению и т. д. мотивировалось не только желанием спасти их для потомства, но и осознанным стремлением противопоставить их ценностям западной цивилизации (Для биографии И.П. Сахарова. Стб. 910, 918). С. с гордостью вспоминал о своей юности: «Благодарю Господа, что над моею головою не работала ни одна французская тварь. Горжусь, что вокруг меня не было ни одного немецкого бродяги. Я не преклонялся ни пред одним сапожником-французом и не принимал от него наставлений, как презирать отца и мать, как ненавидеть родину, как расточать достояние отцов и дедов. <...> Мерзенштейны и Скотенберги, заморские бродяги высшего сорта, не появлялись тогда в Туле; я их встретил впервые в Москве» (Для биографии И.П. Сахарова. Стб. 906).

С середины 1850-х С. жил в основном в имении Заречье Новгородской губ. По сообщению И.И. Срезневского, «С. удалился в

свое маленькое именище, купленное почти в долг, стал постоянно болеть и умер... вследствие разжижения мозга» (*Срезневский И.* Воспоминание об И.П. Сахарове // Зап. имп. Академии наук. 1864. Т. 4. Кн. 2. Стб. 244).

Хотя С. работал в разных областях, актуальность сохраняют до сих пор «Сказания русского народа» и особенно та их часть, которая посвящена «Русскому народному чернокнижию». Несмотря на сомнительность материалов С. и их критику со стороны таких авторитетных ученых, как А.Н. Пыпин, Н.Н. Виноградов, М.К. Азадовский, В.П. Козлов, эти книги переиздаются, а некоторые фольклористы продолжают черпать из них сведения.

С. был членом имп. Общества истории и древностей российских (1837), Русского географического общества (1847), имп. Археологического общества (1848), почетным членом имп. Публичной библиотеки (1850), членом-корреспондентом Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук (1855).

Справ.: Брокгауз–Ефрон; Русский биографический словарь: Сабанеев–Смыслов. СПб., 1904. С. 211–216; КЛЭ; *Дмитриева Р.П., Творогов О.В.* Сахаров И.П. // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 4. С. 270–271; *Бокова В.М.* Сахаров И.П. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 2007. Т. 5. С. 496–498.

Соч.: Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым. Кн. 1: Русское народное чернокнижие. Русские народные игры, загадки, присловья и притчи. СПб., 1885; Достопамятности города Тулы и его губернии. Тула, 1914. Ч. 1; Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым: Сборник / Вступ. статья, подгот. текста В. Аникина. М., 1990; Русское народное чернокнижие. СПб., 1997; Сказания русского народа. Тула, 2000; Сказания русского народа. М., 2013. Т. 1–2.

Биогр.: *Иванов А. И.П. Сахаров (Некролог)* // Приб. к Тульским епарх. вед. 1864. № 5. С. 259–264; [Некролог] // Русский архив. 1865. № 1. С. 123; Для биографии И.П. Сахарова // Русский архив. 1873. Кн. 1. Стб. 897–1017 (библиогр. на стб. 927–941); *Барсуков Н.П.* Русские палеологи 40-х гг. (Переписка с А.М. Кубаревым, В.М. Ундольским и О.М. Бодянским). СПб., [1880] (отт. из: Древняя и новая Россия. 1880. Т. 1. № 2. С. 259–290; № 3. С. 517–551; № 4. С. 727–757); Письма И.П. Сахарова к О.М. Бодянскому (1846–1848 гг.) // ЧОИДР. 1893. Кн. 3. Отд. 1. С. 65–88 (2-й паг.); Переписка И.П. Сахарова с М.А. Оболенским // ЧОИДР. 1905. Кн. 4. Отд. IV. С. 55–62.

Лит.: *А<ндреев> Н.* Прогулки по Туле // Москвитянин. 1843. № 2. С. 606–608; *Белинский В.Г.* 1) Русская литература // Отеч. зап. 1841. Т. 16, № 6, Библиогр. хроника. С. 39–42; 2) Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 5 (указ.); *Бессонов П.А.* Заметка // Песни, собранные П.В. Киреевским. М., 1863. Ч. 2. Песни былевые. Вып. 5. С. СХХIII–СХLIII; *Пыпин А.Н.* 1) История

русской этнографии. СПб., 1890. Т. 1. С. 276–313; 2) Подделки рукописей и народных песен. СПб., 1898. С. 24–30; *Виноградов Н.Н.* И.П. Сахаров и его «Русские народные загадки и притчи» // ЖМНП. 1905. № 6. Отд. II. С. 229–265; Пушкин в воспоминаниях и дневнике Н.И. Иваницкого // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. СПб., 1910. Вып. 13. С. 30–37; *Савченко С. В.* Русская народная сказка. Киев, 1914 (указ.); *Соколов Б.* Былины старинной записи // Этнография. 1927. № 2. С. 306–314; *Ашурков В. И.П.* Сахаров (Тульские краеведы) // Тульский край. 1930. № 2 (17). С. 37–40; *Азадовский М.К.* 1) Собиратели фольклора 30–40-х годов XIX в. // Русское народное поэтическое творчество / Под ред. П.Г. Богатырева. М., 1954. С. 77–84; 2) История русской фольклористики. М., 1958. Т. 1. С. 355–362; 2-е изд.: М., 2013. Т. 1. С. 351–358; *Лупанова И.П.* Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века. Петрозаводск, 1959. С. 432–440; *Новиков Н.В.* 1) Русская сказка в записи первой половины XIX века // Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века / Сост., вступит. ст. и коммент. Н.В. Новикова. М.; Л., 1961. С. 43–45; 2) Г.И. Парихин и его фольклорные записи в сборнике И.П. Сахарова (по архивным материалам) // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1959. Т. 4. С. 141–154; *Померанцева Э.В.* Судьбы русской сказки. М., 1965. С. 72–73; *Токарев С.А.* История русской этнографии (Дооктябрьский период). М., 1966 (указ.); Русская литература и фольклор (1-я половина XIX в.). Л., 1976. Вып. 2 (указ.); *Присенко Г.П.* Проникновение в былое. Тула, 1984. С. 37–45, 53, 60–63; *Кызласова И.Л.* История изучения византийского и древнерусского искусства в России. М., 1985 (указ.); *Вздорнов Г.И.* История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX в. М., 1986 (указ.); Гордость земли Тульской (Замечательные люди нашего края): В 2 т. / Сост. С. Д. Ошевский. Тула, 1991. Т. 2. С. 43–46; *Козлов В.П.* Тайны фальсификации: Анализ подделок исторических источников XVIII–XIX веков. Изд. 2-е. М., 1996. С. 199–207; *Топорков А.Л.* 1) Об источниках «Поэтических воззрений славян на природу» // «А.Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу». Справочно-библиографические материалы. М., 2000. С. 38–52; 2) Русский волк-оборотень и его английские жертвы // Новое литературное обозрение. 2010. № 103. С. 140–151; 3) «В наших сказаниях не все то помещено, что известно в селениях» (Фольклорные записи из архивного собрания И.П. Сахарова) // Традиционная культура. 2014. № 4. С. 140–154; *Коровашко А.В.* Заговоры и заклинания в русской литературе XIX–XX веков. М., 2009. С. 58–94.

Арх.: РГБ. Ф. 268; ф. 231/II. К. 29. № 26, 27 (24 письма М.П. Погодину, 1837–1849); РНБ. Ф. 678; Архив Петерб. отд. Ин-та истории. Ф. 154; Гос. архив Тульской обл. Ф. 147; ГИМ. Ф. 440. № 82 (письмо И.Е. Забелину); ф. 445. № 305 (письмо А.Д. Черткову).

А.Л. Топорков

Соболевский Алексей Иванович [26.12.1856 (7.1.1857), г. Москва — 24.5.1929, г.Москва; похоронен на Ваганьковском кладб.] — лингвист, историк литературы, фольклорист.

Из семьи государственного чиновника, впоследствии занявшего адвокатуру. Учился в 1-й Московской гимназии (окончил в 1874). Высшее образование получил на историко-филологическом факультете Московского университета (1874-1878; степень кандидата). Ученик Ф.И. Буслаева (см.: Четыре речи о Ф.И. Буслаеве, читанные в заседании отдела Коменского 21 января 1898 года проф. А.И. Соболевским, акад. А.А. Шахматовым, проф. И.Н. Ждановым и В.А. Воскресенским. СПб., 1898), Ф.Е. Корша, Ф.Ф. Фортунатова, В.Ф. Миллера. Первая научная работа: [Рец. на кн.: Малинин В. Исследование Златоструя по рукописи XII в. имп. Публичной библиотеки. Киев, 1878] // Критическое обозрение. 1879. № 5. С. 47. Преподавательскую деятельность начал на Московских Высших женских курсах профессора В.И. Герье (1878-1882). 13 сент. 1882 в Московском университете защитил магистерскую диссертацию «Исследования в области русской грамматики» (Варшава, 1881) и получил должность доцента на кафедре русской литературы в Киевском университете (1882-1888). Читал лекции по истории русского языка, истории древнерусской литературы. 20 апр. 1884 в Харьковском университете защитил докторскую диссертацию «Очерки из истории русского языка» (Киев, 1884) и был назначен экстраординарным профессором Киевского университета; с 1885 — ординарный профессор (см. литографические издания лекций С. по русскому языку, подготовленные студентами: История русского языка. Лекции 1883-84 ак. г. Киев, 1884; История русского языка. Лекции. Киев, 1886). Подготовленный самим С. вариант лекций, прочитанных в Киевском университете (Лекции по истории русского языка. Киев, 1888; первоначально в «Университетских известиях» унта св. Владимира за 1888), впоследствии выдержал четыре издания (2-е изд. СПб., 1891; 3-е изд. М., 1903; 4-е изд. М., 1907). См. также опубликованную рукопись 1889: История русского литературного языка / Изд. подготовил А.А. Алексеев. Л., 1980.

В 1888 С. был избран профессором кафедры русского языка и словесности Санкт-Петербургского университета (1888-1908). Читал лекции по истории русского языка и церковнославянскому языку (см. литографические студенческие издания лекций: Древнерусская переводная литература. Лекции. С.-Петербургский университет. 1892-3. СПб., 1893; Курс церковно-славянской морфологии. По лекциям ординарного проф. имп. С.-Петербургского университета А.И. Соболевского, сост. студентами филологического фак.

А. Перетерским и С. Воронихиным. 1897/8 акад. год. СПб., 1898; 2-е изд. СПб., 1902 и др.). Преподавал также на Высших женских курсах (Лекции церковно-славянского языка. СПб., 1892; Лекции по русскому языку. Курс I. 1891–1892. СПб., 1892), в Женском педагогическом институте (Наречия: великорусское, белорусское и малорусское. Из опыта русской диалектологии. Женский педагогический институт. IV курс. 1906/7 г. СПб., 1907). Лекции С. были востребованы в других университетских городах (см. изд.: Древний церковно-славянский язык. Фонетика. Из лекций. М., 1891; Древний церковно-славянский язык (Фонетика). Из лекций. Киев, 1910). В 1906–1907 С. читал специальный курс по русской этнографии — первый в истории Петербургского университета.

Лингвистические труды С. в основном касаются двух аспектов: история русского языка и диалектология; С. считается зачинателем исторической диалектологии. Рассматривал проблемы образования трех восточнославянских наречий на основании фонетических и морфологических фактов (см.: Опыт русской диалектологии: Наречия великорусское, белорусское и малорусское. Киев, 1911). О С.-лингвисте см.: *Ляпунов Б.М.* Исследования А.И. Соболевского по истории восточнославянских языков // Изв. АН СССР. Сер. VII: Отд-ние гуманитарных наук. 1930. № 1. С. 31–45; *Карский Е.Ф.* Труды А.И. Соболевского по палеографии и диалектологии // Там же. С. 45–48; *Долобо М.Г.* Труды А.И. Соболевского в области старославянского языка и письменности // Там же. С. 48–54; *Булахов М.Г.* Восточнославянские языковеды: Биобиблиогр. словарь. Минск, 1978. Т. 3. С. 200–215.

В Археологическом институте С. читал курс по славяно-русской палеографии, неоднократно литографически изданный его слушателями (Славяно-русская палеография: Лекции. СПб., 1894; Славяно-русская палеография: Лекции, читанные в Археологическом институте в 1894/5 учеб. г. СПб., 1895; Славяно-русская палеография: Лекции, читанные в СПб. Археологическом институте в 1898–99 акад. г. СПб., 1899; Славяно-русская палеография: Лекции, читанные в СПб. Археологическом институте в 1899–1900 акад. г. СПб., 1900) и впоследствии подготовленный им самим (Славяно-русская палеография. СПб., 1901–1902. Курсы 1–2; 2-е изд. СПб., 1908). Исследование остается востребованным в наши дни (см. переиздания, подготовленные В.К. и И.В. Журавлевыми: М., 2005; 2007; 2011). В 1899 С. участвовал в подготовке славяно-русской палеографической выставки, устроенной Археологическим институтом по материалам коллекций частных лиц, например Н.П. Лихачева, В.Г. Дружинина и др., а также фотоснимкам из различных заграничных и российских хранилищ (см. его речь на открытии 16 дек. 1899: Первая славяно-русская палеографическая выставка // Вестник археологии и истории. 1899. Вып. 13. С. 1–6, а также: Каталог Славяно-русской палеографической

выставки в Археологическом институте. СПб., 1900). С. были подготовлены издания, наглядно представляющие палеографические особенности старинных рукописей: Палеографический атлас. Снимки с южно-славянских и русских летописей XI–XVI вв. СПб., 1899; Палеографические снимки с русских рукописей XII–XVII веков. СПб., 1901; Палеографические снимки с русских грамот преимущественно по XIV век. СПб., 1903 (совм. с С.Л. Пташицким).

См. труды С. по древнерусской литературе: Заметки о малоизвестных памятниках юго-западно-русского письма XVI–XVII вв. // Чтения в Ист. о-ве Нестора летописца. 1895. Кн.9, отд. II. С. 3–24; Из истории русской переводной литературы // Вестник археологии и истории. 1898. Вып. 10. С. 19–28; Западное влияние на литературу Московской Руси XV–XVII веков // Вестник археологии и истории. 1899. Вып. 11. С. 8–159; Жития святых по древнерусским спискам. 1. Мучения св. Климента Римского. 2. Жития св. Василия Великого. 4. Мучения 40 мучеников в Севастии. СПб., 1903 (Памятники древнерусской письменности и искусства; Т. 149); Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. Библиогр. материалы. СПб., 1903 (Сб. ОРЯС. Т. 77. № 1); Из области древней церковно-славянской проповеди // Изв. ОРЯС. 1904. Т. 8, кн. 4. С. 59–71; Т. 9, кн. 2. С. 1–13; 1905. Т. 10, кн. 2. С. 130–139; 1906. Т. 11, кн. 1. С. 44–52; кн. 4. С. 129–143; Лингвистические и археологические наблюдения. Варшава, 1910–1912. Вып. 1–2.

С. принимал активное участие в славянском движении и в русских националистических и монархических организациях. Руководитель Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества, член Русского собрания. Выступал с докладами на монархических съездах, в частности, на 2-м Всероссийском съезде русских людей в Москве 6–12 апр. 1906. Был одним из членов-учредителей Русского окраинного общества, входил в его Совет и возглавил Отдел РОО по Юго-Западному краю и Украине. Высказывался против отделения украинцев от общерусской культуры (см.: Русский народ как этнографическое целое. Харьков, 1907; То же. Львов, 1911). Активный член Союза русского народа, член Главного Совета СРН и товарищ председателя. Во время раскола СРН он поддержал А.И. Дубровина. Монархические воззрения С. вызывали недовольство либеральной профессуры и студенчества, которых он критиковал в своих статьях, выступая против политизации учебных заведений. В 1908 С. ушел из Петербургского университета; переехал в Москву, читал лекции в университете, Московском археологическом институте. Некоторое время (с 1911) возглавлял Союз русских людей. В конце 1916 был назначен членом Государственного совета.

После Октябрьского переворота С. отошел от политической деятельности. Летом 1918 был арестован большевиками; спасло его за-

ступничество Академии наук. В 1918 преподавал в Московском университете, Московском археологическом институте, на Архивных курсах. С окт. 1925 возглавил Комиссию по собиранию материалов по древнерусскому языку АН. В 1928 Академия наук издала «Сборник в честь академика А.И. Соболевского» (Л., 1928). Труды послеоктябрьского периода: Как исследовать местные названия // Изв. ОРЯС. 1918 (1919). Т. 23, кн. 1. С. 183–186; Названия рек и озер русского Севера // Изв. ОРЯС. 1927. Т. 32. С. 1–42; К археологии Прикамья // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1926. Вып. 2. С. 1–2; Русско-скифские этюды // Изв. ОРЯС. 1921 (1923). Т. 26. С. 1–44; 1922 (1924). Т. 27. С. 252–332; Славяно-скифские этюды // Изв. по рус. яз. и словесности. 1928. Т. 1, кн. 2. С. 376–390; 1929. Т. 2, кн. 1. С. 159–173; Древняя Пермь. К вопросу о Биармии // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те. 1929. Т. 34, вып. 3/4. С. 22–26 (Биармия – Пермь Вологодская по рекам Выми и Вычегде, отличная от Перми Великой по р. Каме) и др.

Действ. член Московского археологического общества (11 февр. 1911). Чл.-корр. АН (1893), академик (1900); чл.-корр. Белградской и Софийской академий наук.

Хотя проблемы народной поэзии в научных интересах С. не занимали первостепенного места, он внес заметный вклад в русскую фольклористику. Лингвистические интересы привели С. в область ономастики. Ему принадлежит целый ряд статей об именах (см.: Груша и Дуня // Живая старина. 1890. Вып. 1. С. 126–127), в том числе связанных с фольклорной культурой. Исследователь не соглашается с довольно распространенным взглядом на имя Волос как трансформацию христианского имени св. Власия; указывает на примеры употребления имен славянских божеств в качестве антропонимов (Волос и Власий // Рус. филол. вестник. 1886. Т. 16, № 3. С. 185–187). С. отвергает понимание Купало как божества (ни в одном из древнерусских памятников этот бог не фигурирует; лишь в XVII в. в Житии вел. кн. Владимира, Густынской летописи и Синописе Купало появляется в одном ряду с сомнительными Ладой, Колядой и пр.); в письменных документах, подчеркивает С., Купало описывается как бесовский праздник с плясками и песнями: «Распространение подробностей Купальского праздника не дает нам ни малейших оснований думать, что этот праздник был когда-то посвящен богу Купале» (Купало // Рус. филол. вестник. 1889. Т. 22, № 4. С. 188). Само слово «купало», указывает С., некогда означало «канун, накануне» дня Иоанна Предтечи, а затем стало эпитетом к имени святого.

Сохраняют свое значение также статьи об именах былинных персонажей. К былинному имени С. приводит параллели из памятников письменности, дает сведения из области топонимики, а также из инославянского материала. Через изучение имен он приходит к

некоторым важным выводам: образ Ильи Муромца сложился не ранее кон. XII в., так как богатырь носит одно из христианских имен, которые вошли в употребление далеко не сразу после принятия христианства; исторический Добрыня отнюдь не является прототипом для былинного Добрыни Никитича, так как имя Добрыня было очень распространенным вплоть до XVII в.; Чурило — не трансформация христианского имени Кирилл, а скорее всего является формой (ср. Твердило) от реконструируемого имени Чурослав и т. д. (О собственных именах в великорусских былинах // Живая старина. 1890. Вып. 2. С. 93–107). Анализируя прозвище Ильи Муромца, С. обращает внимание на форму Муровец и указывает, что в южной Руси уже в XIV в. для именования Муром существовала форма Муров (К вопросу о прозвище былинного Ильи // Этногр. обозрение. 1890. № 3. С. 230–231). В статье «Три личных имени» (Русский филологический вестник. 1913. № 2. С. 389–394) С. указал на распространенность имени Тугарин в XVI–XVII вв., причем первоначально это имя «должно было быть именем племени, народа, этнографическим названием» (с. 389) и восходит к имени скифского племени Tochari.

Для былиноведения, помимо статей лингвистического характера, представляют интерес ряд рецензий С. Откликаясь на книгу В.Ф. Миллера «Экскурсы в область русского эпоса» (М., 1892), исследователь ставит под сомнение некоторые его выводы (О типе Ильи Муромца [Рец. на кн.: Миллер В.Ф. Экскурсы в область русского эпоса. М., 1892] // Живая старина. 1892. Вып. 2. С. 118–122). Известные факты об именах Ilias von Ruizen (нем. поэма «Ортнит») и Ilias af Greke (норвеж. сага) ученый трактует не как отражение имени русского богатыря, а как отголосок имени какого-то греческого героя, произведения о котором не дошли до нового времени (русское Илья не может превратиться в форму с конечным «s»). Прозвище Ильи Муромца «старый казак», в противоположность В.Ф. Миллеру, С. связывает не с позднейшим казачеством, а с древнерусским значением слова (*козакъ* — батрак, работник); следовательно, полагает С., можно считать исконным крестьянское происхождение Ильи Муромца. Ставит он под сомнение и гипотезу В.Ф. Миллера о восточном происхождении образа богатыря (Илья Муромец как трансформация заимствованного образа Рустема).

В рецензии на статью Д.И. Иловайского ([Рец. на ст.: Иловайский Д.И. Богатырь-казак Илья Муромец как историческое лицо // Рус. архив. 1893. № 5. С. 33–58] // Живая старина. 1893. Вып. 2. С. 253–254) С. оспаривает точку зрения исследователя, согласно которой формула «старый казак» возникла в связи с историческим самозванцем Илейкой Муромцем.

С. принадлежит обширный отзыв на монографию И.Н. Жданова «Русский былевой эпос: Исследования и материалы» (СПб., 1895)

[Рец.] // ЖМНП. 1895. № 10, Критика и библиогр. С. 354-363). Рецензент решительно отвергает наличие исторических прототипов для персонажей песен (баллад) о князе Романе (Роман Мстиславович, князь Волынский и Галицкий, живший в кон. XII — нач. XIII вв.) и князе Михайле (князь Михаил Романович Брянский, XIII в.). Взаимосвязи между западноевропейскими сказаниями о Роберте-дьяволе и Василии Буслаеве, на которые указывает И.Н. Жданов, также не убеждают С.: «...полное различие типов симпатичного певцам Василья, широкой русской натуры, и дьявольского отродья Роберта, автором игнорируется» (с. 357).

В статье «К истории русских былин» (ЖМНП. 1889. № 7. С. 15-19) С. приводит ряд отголосков былин в памятниках древней письменности: нашествие половцев на Киев, описанное в одном из румянцевских сборников нач. XVI в. в формах, близких к песенному эпосу (по мнению С., письменный памятник опирался на неизвестную нам белорусскую песню); перечисление богатырей, в том числе и Александра Поповича, в Житии вел. кн. Владимира (XVI в.). В статье «Былина о Ставре Годиновиче по списку половины XVII века» (Изв. ОРЯС. 1911. Т. 16, кн. 1. С. 1-4) публикуется дефектный список повести-пересказа былины.

С. принадлежит фундаментальное сводное издание «Великорусские народные песни» (СПб., 1895-1902. Т. 1-7), в котором републикованы тексты баллад и исторических песен (1895. Т. 1), семейно-бытовых (1896-1897. Т. 2-3), любовных (1898-1899. Т. 4-5), рекрутских, солдатских, арестантских, фабричных (1900. Т. 6), юмористических, сатирических и игровых песен (1902. Т. 7) из разных сборников. Материал расположен по тематическим блокам; варианты одной и той же песни сгруппированы вместе, что позволяет проводить их сравнение; после каждого текста указывается источник публикации. Издание имеет научный аппарат: указатель песен в алфавитном порядке; указатель песенных сюжетов; указатель собственных имен в песнях; словарь. В последнем томе С. высказывается (едва ли справедливо) против устоявшейся точки зрения о затухании и разложении народной песни: «Относясь скептически к свидетельствам об отчаянном состоянии великорусской народной поэзии, мы тем не менее должны признать, что в нашем сборнике песни старых записей вообще выше во всех отношениях песен новейших записей. Но тут состояние народной поэзии ни при чем. Старые записи сделаны знатоками и любителями народной песни; новейшие принадлежат всего чаще "этнографам", народным учителям, ученикам разных школ, которые приступают к записыванию, не будучи сколько-нибудь знакомы с песнями, и записывают что придется, от первого попавшегося парнишки, не обращая внимания на то, что он им диктует нечто во всех отношениях неудовлетворительное, перепутывая песни, не досказывая до

конца, коверкая стих» (Т. 7. С. 3). Издание получило многочисленные отзывы. См. положительные рецензии Л.Н. Майкова ([Рец. на т. 1] // ЖМНП. 1895. № 10, Критика и библиогр. С. 310–324), А.Н. Пыпина (Вестник Европы. 1895. № 10. С. 835–838. — Без подп.), М.О. Петухов, высоко оценивая первый том, дает маленькое исследование, сравнивая разные варианты отдельных баллад (Праздник русской народной песни // Новости и биржевая газета. 1895. 12 (24) сент., № 251. — Подп.: П.; Петухов М.О. Праздник русской народной песни: Великорусские народные песни, новое издание вел. кн. Георгия Михайловича, под ред. А.И. Соболевского. Т. 1. — Деятельность «Песенной экспедиции» Русского географического общества. СПб., 1895). Е. Будде, в целом положительно оценивая первый том издания, отмечает, что указатель песенных сюжетов слишком краток и не полон; отсутствует указатель распределения песен по местностям (региональный); высказывает сомнения в эффективности алфавитного списка песен (Учен. зап. Казан. ун-та. 1896. Кн. 2, Критика и библиография. С. 5–14). Единственный сугубо отрицательный отзыв на т. 1 был дан Н. Полевым (Новый сборник великорусских народных песен // Ист. вестник. 1896. № 6. С. 916–921), который высказывался против перепечатки любого, даже испорченного варианта; называет указатель сюжетов «наивным». См. также рецензии на остальные тома: В.Ф. Миллер ([Рец. на т. 3] // Изв. ОРЯС. 1898. Т. 3, кн. 1. С. 228–242); Русская мысль. 1901. № 11, отд. 23. С. 352; (на т. 6). По завершении издания вышли след. рец.: В.П. // Лит. вестник. 1902. Кн. 4, Новые книги. С. 418–419; Е. // Этногр. обозрение. 1902. № 3. С. 155–157; Зеленин Д.К. // Ист. вестник. 1903. № 2. С. 738–741 (не соглашается с оптимистическим взглядом С. на состояние народной песни); Перетц В.Н. Обзор важнейших новых трудов по народной словесности // Педагогическая мысль. Киев, 1904. Вып. 2, отд. 3. С. 20–22 (положительный отзыв).

Великолепное знание народной песни сказалось в небольшой заметке С. «К изучению русских народных песен» (Живая старина. 1906. Вып. 2. С. 147–150), где исследователь, сравнив разные варианты хрестоматийной песни «А мы просо сеяли», указал, что в некоторых текстах имеются зачины «А мы пашню пахали / А мы сечу сечали», позволяющие игровое противоборство двух шеренг прочитывать как разыгрывание права пользования на землю («А мы пашню пахали» — «А мы просо сеяли» — «А мы коней выпустим» и т. д.).

С. принадлежат многочисленные рецензии на фольклористические исследования. Резко негативно он отзывался о 1–2 т. «Истории русской этнографии» А.Н. Пыпина (СПб., 1890–1891) ([Рец. на кн.: Пыпин А.Н. История русской этнографии. СПб., 1890–1892. Т. 1–4] // ЖМНП. 1891. № 2, Критика и библиогр. С. 412–430), обвиняя автора-западника в том, что тот крайне нетерпимо относится ко всем ученым, которые не принадлежат к либерально-западническому ла-

герю: «...энергичный, трудолюбивый Сахаров, всю свою жизнь бескорыстно работавший на пользу науки и много сделавший, является у него в далеко не благоприятном освещении; прекрасный словарь Даля унижается, насколько возможно...» (с. 413). Указывает С. и на многочисленные пропуски имен и трудов фольклористов как в первой половине XIX в., так и в середине и второй половине столетия. По мнению С., в «Истории русской этнографии» даны неверные характеристики научных взглядов таких крупных ученых, как Ф.И. Буслаев и А.Н.Веселовский. Ф.И. Буслаева, считает рецензент, нельзя считать «мифологом по преимуществу»: «Он остается в стороне от так называемой теории мифологии природы, столь резко и односторонне выверенной у учеников Гримма, и мы едва ли найдем где-нибудь в его сочинениях (каких бы то ни было годов) не только попытку превратить Илью Муромца или Иванушку-дурачка в бога-громовника, но даже сколько-нибудь ясное выражение согласия с теориею вообще» (с. 424–425). В труде А.Н. Пыпина, считает исследователь, якобы утверждается, что Ф.И. Буслаев не считается с возможностями заимствований. Согласно С., главным у Ф.И. Буслаева был сравнительный метод: «Буслаев из русских ученых воспользовался им первый и дал массу сравнительных данных, столь разнообразных, так мастерски подобранных, что они действительно освещают наш поэтический материал» (с. 426). А.Н. Веселовскому, труды которого А.Н. Пыпин оценивает очень высоко, по мнению С., автор придает слишком большое значение. С. рассматривает А.Н. Веселовского исключительно в рамках теории заимствования Т. Бенфея. А.Н. Веселовский, считает С., слишком увлекается заимствованиями: «... но нельзя сказать, чтобы выводы из данных были действительно выводами. Субъективный элемент в исследованиях г. Веселовского так силен, что бросается в глаза» (с. 428). См. отклик А.Н. Пыпина: По поводу статьи г. Соболевского об «Истории русской этнографии» (Журн. мин. нар. просв. 1891, февр.) // Вестник Европы. 1891. № 4. С. 878–886.

В рец. на книгу Д.К. Зеленина «Новые веяния в народной поэзии» (М., 1901) (Лит. вестник. 1902. Кн. 3, Новые книги. С. 299–300) С. предполагает, что частушка не представляет нового вида устной народной поэзии: «И прежде она была в употреблении в хороводе и на посиделках, и теперь она продолжает свое существование на собраниях деревенской молодежи, нисколько не препятствуя рядом жить песне в собственном смысле этого слова» (с. 300). См. также отзывы С. на другие труды: [Рец. на кн.: Максимов С.В. Крылатые слова: Не спроста и не спуста слово молвится и до веку не сломится. СПб., 1890] // Живая старина. 1890. Вып. 2. С. 187 (отриц. рец.); [Рец. на кн.: Сумцов Н.Ф. Культурные переживания. Киев, 1890] // Живая старина. 1891. Вып. 3. С. 190. — Подп.: С.А. (довольно скептический отзыв); [Рец. на кн.: Кирпичников А.И. К вопросу о древнерусских скоморохах.

СПб., 1891 (Сб. ОРЯС; Т. 52, № 5)] // Живая старина. 1893. Вып. 2. С. 254–255 (несогласие с тезисом А.И. Кирпичникова о заимствовании искусства скоморохов из Византии; в инициальных буквицах древнерусских памятников письменности, в отличие от А.И. Кирпичникова, С. не видит изображений скоморохов); О сравнительной мифологии Макса Мюллера [Рец. на кн.: *Борис, архимандрит. О сравнительной мифологии Макса Мюллера: Изложение и критика новейшей лингвистической теории мифов.* 2-е изд. СПб., 1893] // Живая старина. 1894. Вып. 3/4. С. 529 (отрицательное отношение к мифологической теории).

С. пристально следил за изданиями фольклорных текстов. В отзыве на сборник П.В. Шейна ([Рец. на кн.: *Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п.: Материалы, собранные и приведенные в порядок П.В. Шейном.* СПб., 1898. Т. 1, вып. 1] // *Этногр. обозрение.* 1898. № 3. С. 189–192), с большим уважением говоря о собирательской и координаторской деятельности автора «Великорусса», С. поднимает проблему классификации песенного материала. Используемый П.В. Шейном принцип («по народным названиям песен»), с точки зрения С., неудовлетворителен, так как в народе одни и те же песни называются и хороводными (и исполняются соответственно летом), и беседными (исполняются зимой). В «хороводные наборные» песни, указывает С., попали песни «хороводные игровые». Приводятся и другие случаи неудачного распределения песен по рубрикам. Сам С. предлагает группировать песни по содержанию. См. также другие рецензии: [Рец. на кн.: *Флоринский В.М. Русские простонародные травники и лечебники: Собрание медицинских рукописей XVI и XVII столетия.* Казань, 1880] // *Ист. вестник.* 1881. № 6. С. 409–411. — Подп.: А. С-ский (положительный отзыв); Новый сборник великорусских песен [Рец. на кн.: *Песни северо-восточной России: песни, величания и причеты / Записаны Александром Васнецовым в Вятской губ. М., 1894]* // *Этногр. обозрение.* 1894. № 3. С. 165–170 (очень сдержанная рецензия, хотя С. и признает, что сборник А.М. Васнецова — первая крупная публикация вятских песен, дающая представление о региональном репертуаре); [Рец. на кн.: *Русские народные песни, собранные Н.А. Львовым / Напевы записал и гармонизировал Иван Прач.* СПб., 1896] // *Этногр. обозрение.* 1897. № 1. С. 178–179 (достаточно высоко оценив издание, С. считает, что Пальчиков, подготовивший переиздание сборника XVIII в., «преувеличил роль Львова и уменьшил роль Прача» — С. 178); [Рец. на кн.: *Сказки, рассказы и легенды крестьян Северного края / Сост. А.Е. Бурцев.* СПб., 1897] // *Этногр. обозрение.* 1897. № 4. С. 141–142 (однозначно критический отзыв); [Рец. на кн.: *Песни оренбургских казаков / Собр. А.И. Мякутин. Оренбург, 1904–1910. Т. 1–4]* // *РФВ.* 1911. № 3/4. С. 407 (краткий отзыв). См. также рец. на диалектоло-

гические труды, построенные на фольклорных материалах: [Рец. на ст.: *Филатов К.* Очерк народных говоров Воронежской губернии. Приложение: Песни, записанные в Воронежской губернии // Рус. филол. вестник. 1898. Т. 40, № 3/4. С. 1–52; Отд. изд.: Варшава, 1898] // Этногр. обозрение. 1898. № 4. С. 169–170; [Рец. на кн.: Материалы по русской диалектологии. Варшава, 1914] // ЖМНП. 1915. № 4, Критика и библиогр. С. 401–402; [Диалектологические материалы, собранные В.И. Тростянским, И.С. Гришкиным и др. Подготовил к печати и снабдил примеч. А.А. Шахматов. Пг., 1916] // ЖМНП. 1916. № 7, Критика и библиогр. С. 196–199.

Справ. и некрологи: *Иконников В.С.* Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Университета св. Владимира (1834–1884). Киев, 1884. С. 616–618; *Настольный энциклопедический словарь.* М., 1895. Т. 8 (Вып. 99–116). С. 45–82; *Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования, 1869–1894.* СПб., 1898. Т. 2. С. 200–202 (с библиогр.); *Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914).* М., 1915. Т. 2. С. 330; *Материалы для биографического словаря действительных членов имп. Академии наук.* Пг., 1917. Ч. 2. С. 157–170 (с библиогр.); *Брокгауз-Ефрон; КЛЭ; Перетц В.Н.* Академик А.И. Соболевский. Некролог // Изв. АН СССР. Сер. VII: Отд-ние гуманитар. наук. 1930. № 1. С. 17–24; *Булахов М.Г.* Восточнославянские языковеды: Биобиблиографический словарь. Минск, 1978. Т. 3. С. 200–215; БСЭ. 1-е изд.; БСЭ. 2-е изд.; БСЭ. 3-е изд.; *Цейтлин Р.М.* Соболевский Алексей Иванович // *Славяноведение в дореволюционной России: Библиогр. справочник.* М., 1979. С. 311–313; *Тарланов З.К.* Соболевский Алексей Иванович // *Энциклопедия «Слова о полку Игореве».* СПб., 1995. Т. 5. С. 15–17.

Библиогр.: *Симони П.К.* Библиографический список ученых трудов профессора и академика Алексея Ивановича Соболевского за двадцать пять лет его ученой деятельности. 1879–1904. СПб., 1903; *Список научных трудов академика А.И. Соболевского за 1914–1929 гг.* // Изв. АН СССР. Сер. VII: Отд-ние гуманитарных наук. 1930. № 1. С. 24–31.

Исслед. и публ.: *Навье и Верзиулово коло* // Рус. филол. вестник. 1890. № 1. С. 79–80; *К истории народных праздников в Великой Руси* // *Живая старина.* 1890. Вып. 1. С. 130 (публ. отрывка из челобитной царю Алексею Михайловичу 1651 г. о народных обрядах); *Камень-латырь* // Этногр. обозрение. 1891. № 1. С. 254–255 (латырь — Латышский камень, то есть горный хребет в Прибалтике); *Песня на восшествие на престол Александра I* // *Русская старина.* 1891. № 12. С. 530 (публ. авт. песни, бытовавшей в среде казаков); *Список трудов академика И.Н. Жданова* // *Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук за 1901 г.* СПб., 1901. С. LXIX–LXXI; *Отзыв о трудах Н.Е. Ончукова* // *Отчет*

имп. Русского географического общества за 1904 г. СПб., 1905. С. 89–90 (малая золотая медаль РГО); Новости этнографической литературы // Живая старина. 1908. Вып. 3. Отд. 3. С. 371–374 (разбирает монографию А.В. Ветухова «Заговоры, заклинания, обереги...»); Отзыв о сочинении А.В. Ветухова «Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова». Вып. 1-2. Варшава, 1907 // Отчет о пятьдесят первом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1910. С. 45–47 (присуждение почетного отзыва); «Шиворот-навыворот» // РФВ. 1908. № 4. С. 364 (толкование идиомы); Гоголь в истории русской этнографии // Мирный труд. 1909. № 4. С. 176–182. Отд. изд.: Харьков, 1909; Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии // Сб. ОРЯС. 1910. Т. 88, № 3. С. 228–274 (гл. «Заметки о собственных именах»; «Из области верований и обрядов»); *Виноградов Н.Н.* Народная драма «Царь Максимилиан». Тексты, собранные и приготовленные к печати / С предисл. А.И. Соболевского // Сб. ОРЯС. 1914. Т. 90, № 7. С. 1–188 (школьная драма XVIII в. — источник народной драмы); Лингвистические и археологические заметки // Воронежский историко-археологический вестник. 1921. Вып. 2. С. 31–34 (эпитет «хрущатая» в песнях); Заметки по славянской мифологии // *Slavia*. 1928. Roč. 7, seš. 1. S. 174–178 (по поводу книги Л. Нидерле «*Slovancké starožitnosti*». Praha, 1914).

Лит.: Ламанский В.И. Отзыв о трудах А.И. Соболевского // Отчет имп. Русского географического общества за 1892 год. СПб., 1893. С. 29–31 (2-я паг.) (присуждение большой золотой медали Отделения этнографии); *Шахматов А.А.* Записка об ученых трудах члена-корреспондента Академии ординарного профессора имп. С.-Петербургского университета А.И. Соболевского // Сб. ОРЯС. 1902. Т. 70. С. XXII–XXX; *Дашков Вс.Я.* Статті з етнології. Київ, 1929. С. 47–56; *Зеленин Д.К.* А.И. Соболевский как этнограф // Изв. АН СССР. Сер. VII: Отд-ние гуманитар. наук. 1930. № 1. С. 54–61; Русское языкознание в Петербургском — Ленинградском университете. Л., 1971. С. 44–63; *Мгеладзе Д.* Научная деятельность акад. А.И. Соболевского (К 100-летию со дня рождения) // Тр. Тбилисского гос. ун-та. 1959. Т. 83. Сер. филол. наук. II. С. 119–126; *Иванова Т.А.* Алексей Иванович Соболевский (1856–1929) // Рус. речь. 1991. № 6. С. 65–69.

Арх.: РГАЛИ. Ф. 449; СПбФ АРАН. Ф. 176.

Т.Г. Иванова

Срезневский Измаил Иванович [1(13).6.1812, г. Ярославль — 9(21).2.1880, г. Санкт-Петербург; похоронен в с. Срезнево Спасского у. Рязанской губ.] — языковед, славист, фольклорист, этнограф, писатель.

Несколько поколений предков С. были священниками в Покровской церкви с. Срезнево Спасского у. Рязанской губ. Отец, Иван Евсеевич

Срезневский, умер, когда С. было 7 лет; воспитанием мальчика занималась в основном его мать Елена Ивановна (урожденная Кускова). С 9-ти лет С. начал сочинять стихи, а с 14-ти — записывать украинские песни и думы. После пансиона С. поступил в Харьковский университет на этико-политическое отделение философского факультета (1826–1829); закончил со степенью кандидата за сочинение «Об обиде». В 1829–1832 служил в Дворянском депутатском собрании. В 1832–1833 провел год в качестве домашнего учителя в имении помещицы Е.Р. Подольской (с. Варваровка Екатеринославской губ.). В сент. 1833 поступил на службу в Харьковский совестный суд, а с 1834 занимал должность библиотекаря в Харьковской городской библиотеке. Параллельно С. преподавал русский язык и словесность, историю и географию в пансионах и частных домах. В 1830-х С. сблизился с историком и писателем П.П. Гулагом-Артемовским, собирателями и публикаторами украинского фольклора М.А. Максимовичем, А.В. Метлинским, В.В. Пассеком, Н.И. Костомаровым.

Еще во время учебы в университете С. начал собирать материалы по истории и этнографии Украины. Во время летних каникул он совершал поездки по Харьковской, Полтавской и Екатеринославской губерниям. Совместно с университетским товарищем И.В. Росковшенковым издал «Украинский альманах» (Харьков, 1831), где опубликовано несколько сочинений С.: «Мысли и замечания» (с. 73–78. — Подп.: Х.Х.Х.), стихотворение «Море» (под псевд. А. Погорельцев), «Мысли Саади» и две молдавские песни (подп. буквой и). В альманахе указано также, что С. предоставил для публикации две малороссийские думы (с. 119–131). Как установил Б.П. Кирдан, эти думы прислал А. Шпигоцкий (*Кирдан Б.П. Собиратели народной поэзии. Из истории укр. фольклористики XIX в. М., 1974. С. 82, прим. 2*). Вместе с И.В. Росковшенковым С. подготовил также сборник песен под названием «Украинская скарбница: Собрание памятников украинской народной словесности. Книга первая» (не опубликовано). Сборник включал 142 песни с пояснительными примечаниями об источниках записей (*Азадовский М.К. История русской фольклористики. М., 1958. Т. 1. С. 269*).

В 1832 С. издал «Словацкие песни» (Харьков, 1832), записанные у бродячих торговцев. В примечаниях собиратель поместил две украинские песни. Интересен его комментарий к одной из словацких песен: «Песня эта есть общая, как мне кажется, всем славянским племенам. Я имею списки оной: польские, украинские; слышал русскую подобную; читал богемскую, сербскую» (С. 54).

В статье «Взгляд на памятники украинской народной словесности. Письмо к проф. И.М. Снегиреву» С. предложил классификацию украинского фольклора, выделив 6 основных жанров: 1) думы и песни; 2) сказки; 3) «похвалки» («небольшие сказки в роде басен»); 4) посло-

вицы и поговорки; 5) загадки; 6) заговоры. В группе дум и песен С. учитывает 6 отделов: мифические, былевые, нравоучительные, военные, анакреонтические (женские) и юмористические («гулливые»), а среди сказок — три отдела: мифические, былевые и фантастико-юмористические (Учен. зап. имп. Моск. ун-та. 1834. Ч. 6. № 4. Окт. С. 134–150).

Работая домашним учителем в семье помещиков Подольских в с. Варваровка на Екатеринославщине, С. начал собирать думы и песни запорожских казаков. Ему удалось издать 6 выпусков сборника «Запорожская старина» (Харьков, 1833. Ч. 1, кн. 1, 2; 1834. Ч. 1, кн. 3; Ч. 2, кн. 1; 1835. Ч. 2, кн. 2; 1838. Ч. 2, кн. 3). В предисловии С. отмечает, что думы и песни запорожские «важны для историка и этнографа»: «Подчиненные музыке, будучи вытверживаемы слово в слово или почти так, они подлежали меньшему влиянию времени, правильнее сохранили свое содержание, и кроме своего содержания любопытны как произведения народные, носящие на себе отпечаток вкуса, мнений, наклонностей народа: они суть памятники не только о старине, но и старины» (Ч. 1, кн. 1. С. 14). Издание содержит разделы «Песни» и «Думы» (напечатаны в прозаическом виде), «Заметки», в которых С. сообщил, откуда он взял тот или иной текст, поделился наблюдениями об их художественной форме, переводы дум на русский язык и исторические материалы. «Запорожская старина» была одобрительно встречена В.Г. Белинским, Н.В. Гоголем, М.А. Максимовичем, Н.И. Костомаровым, Т.Г. Шевченко. В 1834 у С. завязалась с Н.В. Гоголем короткая переписка. 16 февр. 1834 С. послал Гоголю письмо, в котором выразил готовность поделиться с ним своими материалами. 7 окт. 1839 С. встретился с Н.В. Гоголем у М.П. Погодина в Москве. Позднее выяснилось, что некоторые тексты украинских дум, опубликованные в «Запорожской старине», частично были сочинены либо самим И.И. Срезневским, либо его корреспондентами, впрочем, критические отзывы об этом издании появились в печати не ранее 1870-х (Кирдан Б.П. Собиратели народной поэзии. С. 98–101).

В 1835 С. сдал экзамен на степень магистра политической истории, статистики и политической экономии. В 1837 ему была присвоена степень магистра политической истории и статистики за диссертацию «О сущности и содержании теории в науках политических» (Харьков, 1837). После этого он был назначен адъюнкт-профессором Харьковского университета по кафедре политической экономики и статистики. С. читал курсы лекций по теории статистики и статистике Российского государства, которые пользовались большой популярностью у слушателей. В 1838 С. представил факультету докторскую диссертацию, которая, однако, не была допущена к защите; опубликовано: «Опыт о предмете и элементах статистики и политической экономии сравнительно» (Харьков, 1839).

Согласно университетскому уставу 1835 в российских университетах должны были появиться кафедры истории и литературы славянских наречий, в связи с чем министерство народного просвещения предложило университетам подобрать кандидатуры для поездки по славянским странам. Путешествие С. длилось ровно три года (17 сент. 1839 — 23 сент. 1842). С. изучал славянские языки и диалекты, записывал образцы народного творчества в Чехии, Моравии, Силезии, Лужицах, Далмации, Черногории, Хорватии, Славонии, Сербии, Галиции, Венгрии и т. д. В своих донесениях министру народного просвещения С. писал о состоянии современной славистики в Европе, о новейших изданиях по языку и фольклору, отчитывался о своей деятельности (ЖМНП. 1841. Ч. 31. № 8. Отд. IV. С. 9–36; 1843. Ч. 37. № 2. Отд. IV. С. 45–74). О задачах славистики С. писал: «Чтобы узнать славянство, он [славист] должен, с одной стороны, изучать старинные памятники языка, писанные людьми, еще не имевшими притязания на название «писателей» и «литераторов» и тем более сохранившими в своих сочинениях народность языка, народность мысли и чувства; с другой стороны, идти в народ, вслушиваться в его речь, простую, не испорченную исполнением придуманных правил, в его пословицы, песни, предания, в которых выражает он себя, свой ум и фантазию, вкус и понятия, свою жизнь и свое прошедшее так простосердечно и так полно. А чтобы он мог понять сознательно то, что прочтет в старых хартиях и услышит в деревнях и полях, он должен узнать образ жизни славян, их нравы и обычаи, верования и обряды» (Донесение адъюнкта Срезневского г-ну министру народного просвещения из Вены от 8 (20) февраля 1841 г. // ЖМНП. 1841. Ч. 31. Отд. 4. С. 10). Ценные наблюдения о жизни, обрядах и фольклоре разных славянских народов С. сообщал в письмах к В. Ганке и своей матери (Путевые письма И.И. Срезневского из славянских земель 1839–1842. СПб., 1895; Из переписки И.И. Срезневского: 1829–1839 гг.: [Письма... к Е.И. Срезневской]. Киев, 1901; *Францев В.А.* Письма к В. Ганке из славянских земель. Варшава, 1905. С. 945–1108). В путевых очерках С., которые печатались в ЖМНП, «Москвитяине» и «Отечественных записках», встречаются описания обрядов и образцы народной поэзии, в частности много песен, записанных в Лужицкой области, Сербии, Хорватии, Далмации. В архиве С. сохранились два больших рукописных сборника: «Горнолужицкие песни» — 128 текстов (РГАЛИ. Ф. 436. Ед. хр. 594) и «Дольнолужицкие песни» — 245 песен (там же. Ед. хр. 595), а также небольшие собрания по 10–12 песен (там же, ед. хр. 600, 601) и много пословиц. Позднее С. использовал свои наблюдения при написании очерков о славянских народах: 1) Фриульские славяне (Резьяне и словины) (Москвитянин. 1844. Ч. 5. № 9. С. 207–234); 2) Очерки Трансильвании (СПб., 1849). Однако сами материалы, собранные С. в славянских землях, в основном до сих пор не опубликованы.

В Берлине С. слушал курс лекций Ф. Боппа по сравнительной грамматике индоевропейских языков и санскриту. В Праге, Загребе и Вене познакомился со многими деятелями славянского возрождения, в том числе с П.И. Шафариком, В. Караджичем, В. Ганкой, С. Линде, Й. Юнгманом, Ф. Палацким, Ф. Челаковским, Л. Гаем, Е. Копитаром. Впоследствии он посвятил очерк жизни и деятельности В. Караджича: 1) Вук Стефанович Караджич. Очерк биографический и библиографический // Моск. лит. и ученый сборник. М., 1846. С. 341–369; отд. отт.: М., 1846; 2) Вук Стефанович Караджич. Биографический очерк // Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины. СПб., 1876. С. 337–364.

Вернувшись в 1842 в Харьков, С. занял кафедру истории и литературы славянских наречий и приступил к чтению лекций по славяноведению, славянским языкам и литературам. В апр. 1846 он представил на философский факультет Харьковского университета диссертацию, первоначальное название которой («О языческом богослужении древних славян») несколько отличалось от названия последующей публикации: «Святылища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям» (Харьков, 1846). С. первым в России получил степень доктора славяно-русской филологии. Позднее книга С. была опубликована еще дважды в несколько переработанном виде и с измененным названием: 1) Исследования о языческом богослужении древних славян (Финский вестник. 1847. Т. 21. № 9, Материалы сев. истории. С. 1–36; Т. 22. № 10. С. 1–20; Т. 23. № 11. С. 1–40; 2) Исследования о языческом богослужении древних славян. СПб., 1848; переизд.: М., 2011; М., 2013. В 1840–1850-х С. опубликовал также серию статей, посвященных обрядам и языческим верованиям славян: 1) Дополнения к «Замечаниям о праздниках у малороссиян» (К. Сементовского) (Маяк. 1844. Т. 11. С. 45–57); 2) Об обожании солнца у древних славян (ЖМНП. 1846. № 7. Отд. II. С. 36–60); 3) Архитектура храмов языческих славян (ЧОИДР. 1846. [год 2-й], № 3 (октябрь). Отд. IV. Смесь. С. 44–54); 4) О языческих верованиях древних славян в бессмертие души (ЖМНП. 1847. № 1. Отд. II. С. 185–196); 5) Збручский истукан Краковского музея (Зап. имп. Археол. о-ва. 1850. Т. 5. С. 163–196); 6) Свидетельство Паисиевского сборника о языческих суевериях русских (Москвитянин. 1851. Ч. 3. № 5. С. 52–64); 7) Роженицы у славян и других языческих народов (Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1855. Кн. 2. 1-я пол. Отд. I. С. 97–122; отд. изд.: М., 1855).

К сожалению, в своих работах по славянской мифологии и фольклору С. наряду с аутентичными источниками использовал различные подделки, в том числе Краледворскую и Зеленогорскую рукописи (Извлечения из Краледворской рукописи, касательно религиозных верований и обрядов // ЖМНП. 1840. № 12. Отд. 2. С. 115–148;

см. также рец. С. на кн. А. Соколова «Краледворская рукопись и суд Любуши» (Казань, 1846) (ЖМНП. 1847. Ч. 55. Отд. VI. С. 154–170). С. продолжал верить в подлинность этих подделок до конца своей жизни (Былина о суде Любуши // Рус. филол. вестник. 1878. № 1. С. 1–34). В своих воспоминаниях о В. Ганке С. не касается вопроса о том, был ли тот фальсификатором (Воспоминание о В.В. Ганке // ИОРЯС. 1860. Т. 9. Стб. 215–229; Обзорение филолого-археологических трудов В.В. Ганки // ИОРЯС. 1860. Т. 9. Стб. 265–271).

В конце 1846 С. был вызван из Харькова в Петербургский университет для замещения П.И. Прейса, скончавшегося в мае 1846. Сначала С. предполагал, что едет в столицу на время, однако остался в ней до конца своей жизни. С сент. 1847 по апр. 1850 С. работал также в Петербургском цензурном комитете, являясь цензором Некрасовского «Современника» (Ословская Н.П. И.И. Срезневский и Н.А. Некрасов (по письмам Некрасова к Срезневскому) // И.И. Срезневский и история славяно-русской филологии: тенденции в науке, образовании и культуре: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 195-летию со дня рождения академика И.И. Срезневского, 25–27 мая 2007 года. Рязань, 2007. С. 132–139). 8 февр. 1849 С. выступил с речью «Мысли об истории русского языка» на годичном торжественном заседании Петербургского университета (опубл.: Годичный торжественный акт в имп. Санктпетербургском университете. СПб., 1849. С. 61–186; Библиотека для чтения. 1849. Т. 98. № 11. С. 1–55; № 12. С. 117–138; отд. изд. СПб., 1850; переиздавалась под названием «Мысли об истории русского языка» и «Мысли об истории русского языка и других славянских наречий» в 1887, 1959, 2006). В «Мыслях» дается общий обзор истории русского языка и намечается широкая программа его изучения в связи с языками других славян, а также культурой и словесностью русского народа.

На протяжении 33 лет (1847–1880) С. возглавлял кафедру истории и литературы славянских языков (с 1863 называется кафедрой славянской филологии); читал курсы «Введение в славянскую филологию» (иначе — «Общее филологическое обозрение славян»), «Славянские древности», «История и литература славянских наречий», «Чтение древних памятников русских» (позднее переработан в курс «Древности русского языка и словесности»), «Грамматика наречия старославянского сравнительно с другими наречиями, преимущественно с русским, польским, чешским и сербским», «Чтение замечательных памятников западнославянских наречий, особенно сербского, польского, чешского» и др. Курс «Общее филологическое обозрение славян» впоследствии получил название «Энциклопедическое введение в славянскую филологию» и был опубликован в 1876–1877 по записям слушателей. С 1859 по 1880 С. был деканом историко-филологического факультета; в 1861 исполнял обязанности ректора; в

1862–1863 входил в комиссию по управлению делами университета. С. возглавлял также кафедру славянских наречий в Главном педагогическом институте с 1848 до его закрытия в 1859. Славистическую подготовку у С. получили И.А. Бодуэн де Куртенэ, Н.А. Добролюбов, В.И. Ламанский, братья П.А. и Н.А. Лавровские, В.В. Макушев, А.С. Будилович, Д.Л. Мордовцев, Д.И. Писарев, А.Н. Пыпин, М.И. Сухомлинов, И.В. Цветаев, Н.Г. Чернышевский и др.

18 дек. 1848 С. избран адъюнктом Отделения русского языка и словесности (Второго отделения) Академии наук, в 1851 — экстраординарным, а в 1854 — ординарным академиком. С 1868 по 1880 он исполнял обязанности академика-секретаря Второго отделения Академии наук. По инициативе ученого ОРЯС развернуло работу по собиранию диалектных и фольклорных материалов и приступило к печатанию собственных изданий. Под редакцией С. выходили «Известия» (1852–1863, т. 1–10) и «Ученые записки» (1854–1863, т. 1–7). Особым прибавлением к «Известиям» (1852–1856, т. 1–5) издавались «Памятники и образцы народного языка и словесности» (4 тетради), где впервые опубликованы песни, записанные в 1619–1620 для Ричарда Джемса, русские былины, лирические песни, пословицы, украинские думы и колядки, белорусские пословицы, песни и загадки, болгарские пословицы и песни, сербские и словенские песни, словацкие и верхнелужицкие пословицы и песни из собрания С. Помимо «Известий» эти материалы были выпущены отдельным томом под заглавием: «Памятники и образцы народного языка и словесности русских и западных славян» (СПб., 1852–1854). Специальный том посвящен материалам русского фольклора (Памятники великорусского наречия. СПб., 1855). С. составил «Программу для собирания образцов народного языка и словесности», включающую 3 раздела: «Образцы местных наречий», «Образцы народной словесности» и «Образцы местной словесности письменной» (Памятники и образцы народного языка и словесности: Прибавления к ИОРЯС. 1852. Тетр. 1. Стб. 1–4; отд. отт.: СПб., 1852). Программа была напечатана во многих губернских ведомостях и отдельно в нескольких тысячах экземпляров для рассылки учителям гимназий, штатным смотрителям и учителям уездных училищ, а также духовным лицам.

С. принадлежат рецензии на издания по русскому фольклору: книгу Н.И. Костомарова «Об историческом значении русской народной поэзии» (Москвитянин. 1844. Ч. 2. № 3. С. 141–154); работу Ф.И. Буслаева «Русские пословицы и поговорки (Дополнение к изданию И. Снегирева “Русские народные пословицы и притчи”. М., 1848)» (ИОРЯС. 1854. Т. 3. Стб. 187–191); «Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских» А.Н. Пыпина (27-е присуждение Демидовских наград. СПб., 1859. С. 113–120); «Песни, собранные П.Н. Рыбниковым» (33-е присуждение учрежденных

П.Н. Демидовым наград 26 июня 1864 года. СПб., 1865. С. 99–107). С. оставил также развернутые отзывы о трудах А.Н. Веселовского (СБОРЯС. 1878. Т. 18. С. LXXIV–LXXXVIII) и А.А. Потебни (Зап. имп. АН. 1876. Т. 27, кн. 1. С. 93–121; отд. отт.: СПб, 1876. 44 с.).

В статье «Труд и мнения Н.В. Берга касательно народных песен» С. поделился наблюдениями о бытовании сербского, чехо-моравского и черногорского фольклора (ИОРЯС. 1855. Т. 4. Библиогр. зап. Стб. 392). С. одним из первых обратился к изучению поэтического размера славянской песенной лирики. Он полагал, что «древнейший и у всех славян одинаково распространенный стих включает в себе десять слогов с двумя ударениями» и привел примеры из песен разных славянских народов (Несколько замечаний об эпическом размере славянских народных песен // ИОРЯС. 1860. Т. 9. Стб. 345–366).

В февр. 1848 С. был избран действительным членом РГО по Отделению этнографии; помощник председателя Н.И. Надеждина (1850–1856); председатель Отделения (1857–1859); входил в редакционный комитет РГО. На заседаниях РГО С. делал доклады, в которых отмечал значимость материалов по народной словесности для изучения диалектов и этнографии: 1) Замечания о материалах для географии русского языка // Вестник РГО. 1851. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 5. С. 1–24; 2) Общий отчет о материалах, поступивших в Русское географическое общество и рассмотренных отделением этнографии с 1 сентября 1852 по 1 января 1853 // Вестник РГО. 1853. Ч. 8. Кн. 3. Отд. 1. С. 1–18. В 1856 выступил с обоснованием «подробной этнографической карты земель, занимаемых юго-западными славянами» (Юго-западные славяне // Вестник РГО. 1856. Ч. 18. Отд. 2. С. 94–106). В своей статье «Замечания о материалах для географии русского языка» С. рекомендовал собирать образцы говоров, то есть «рассказы, сказки, песни и т. п., записанные так, как они живут в народе того или другого края» (Вестник РГО. 1851. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 5. С. 18). При этом С. предлагал записывать одни и те же сказки и песни в местностях, в которых говорят на разных диалектах, и использовать их как лингвистический источник.

Еще до поездки за границу С. начал собирать материалы для «Словаря южнорусского наречия». Во время путешествия он составил словарь говора горных словаков. В Петербурге принял участие в работе над областным словарем: составил его программу и включил в него свои диалектологические материалы. В 1840–1860-х С. посвятил вопросам лексикографии серию статей и рецензий. С середины 1850-х он занимался главным образом изданием древних письменных источников. В середине 1840-х С. приступил к работе над словарем древнерусского языка, который был издан после его смерти дочерью ученого, О.И. Срезневской, под заглавием: «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» (СПб., 1893–1912. Т. 1–3).

Член Русского археологического общества (с 1850), Общества любителей российской словесности (с 1859), Московского археологического общества (с 1864), Общества древнерусского искусства (с 1866), Московского общества любителей духовного просвещения (с 1870). Пользовался международным признанием: избран действительным членом Королевского общества древностей Севера в Копенгагене (1845), бельгийской Академии археологии (1867), Королевской академии истории в Мадриде (1868), почетным членом Югославянской академии наук и искусств в Загребе (1867), Чешского общества Святобора (1867) и Чешского академического общества письменности в Праге (1874) и др.

Д.И. Писарев вывел С. в своей статье «Наша университетская наука» (1863) под именем Сварожича (*Никольский А.А. И.И. Срезневский и Д.А. Писарев // И.И. Срезневский и история славяно-русской филологии: тенденции в науке, образовании и культуре: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 195-летию со дня рождения академика И.И. Срезневского, 25–27 мая 2007 года. Рязань, 2007. С. 116–120*).

Справ.: РБС; Брокгауз–Ефрон; Венгеров. Словарь; Венгеров. Источники; КЛЭ; *Булахов М.Г.* Восточнославянские языковеды (биобиблиографический словарь). Минск, 1976. Т. 1. С. 219–232; *Бернштейн С.Б., Досталь М. Ю.* Срезневский Измаил Иванович // Славяноведение в дореволюционной России: Биобиблиографический словарь. М., 1979. С. 318–321; *Творогов О.В.* Срезневский Измаил Иванович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 5. С. 46–47.

Библиогр.: *Бычков А.Ф.* Библиографический список сочинений и изданий ординарного академика имп. Академии наук И.И. Срезневского. Ко дню пятидесятилетия его ученой деятельности составлен в Отделении русского языка и словесности. СПб., 1879; Список сочинений Срезневского // СБОРЯС. 1881. Т. 22. № 6. Прилож. V. С. 79–126; *Українські письменники.* 1963. Т. 3. С. 147–169; *Ізмаїл Іванович Срезневський (до 200-річчя від дня народження).* Біобібліографічний покажчик / Укл. О.С. Журавльова. Харків, 2012.

Исслед.: Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках // Зап. имп. Академии наук. СПб., 1866–1876. Ч. 1–2; То же. СПб., 1879; Переписка А.Х. Востокова в повременном порядке с объяснит. примеч. И. Срезневского. СПб., 1873; Сказания об антихристе в славянских переводах с замечаниями о славянских переводах творений св. Ипполита. Разбор книги о них К.И. Невоструева. СПб., 1874 (переизд. под загл: Сказания об антихристе в славянских переводах. Описания рукописей и выписки из них. М., 2011); Энциклопедическое введение в славянскую филологию: Лекции проф. Срезневского, читанные в С.-Петербургском университете в 1876/1877 г. СПб., 1877; Замечания по поводу сочинения:

«Труды этнографо-статистической экспедиции в Западно-русский край, снаряженной Русским географическим обществом. Юго-Западный отдел. Материалы и исследования, собранные д. ч. П.П. Чубинским. СПб., 1872–1878» // Отчет о 22-м присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1880. С. 162–166 (Прилож. к XXXVIII тому Записок имп. АН. № 4); Серболужицкий народный календарь (из бумаг И.И. Срезневского) // Живая старина. 1890. Вып. 2. С. 55–57; Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893–1912. Т. 1–3; Из библиографических статей. (1852–1855). СПб., 1899; Об изучении родного языка вообще и особенно в детском возрасте. СПб., 1899; Русское слово: Избр. тр. / Сост. Н.А. Кондрашов. М., 1986.

Лит.: Артемьев А.И. Обзор трудов имп. РГО по исторической географии. СПб., 1873. С. 119–120, 123–125; *Сокальский И.П.* Измаил Иванович Срезневский. 1812–1880. Харьков, 1883; *Пыпин А.Н.* 1) Обзор малорусской этнографии: И.И. Срезневский // Вестник Европы. 1885. Т. 5. № 9. С. 325–351; 2) История русской этнографии. СПб., 1891. Т. 3. С. 88–105; 3) Новые данные о славянских делах. Гл. V. И.И. Срезневский в годы путешествия по славянским землям // Вестник Европы. 1893. № 7. С. 281–334; 4) Мои заметки. М., 1910. С. 26–27; *Срезневская О.И.* 1) [Письмо к А.Н. Пыпину по поводу его статьи «Обзор малорусской этнографии», с замечаниями А.Н. Пыпина] // Вестник Европы. 1885. Т. 6. № 12. С. 813–817; 2) Художественные произведения И.И. Срезневского и его отношение к поэзии вообще // Памяти Измаила Ивановича Срезневского. Пг., 1916. Кн. 1. С. 182–277; *Ламанский В.И.* Измаил Иванович Срезневский (1812–1880). М., 1890 [отт. из изд.: Историческая записка о деятельности имп. Московского Археологического общества за первые 25 лет его существования. М., 1890. С. 245–285]; то же в кн.: Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования, 1869–1894. СПб., 1898. Т. 2. С. 215–258; *Шенрок В.И.* К переписке Н.В. Гоголя с И.И. Срезневским // Русская старина. 1892. № 3. С. 760–763; *Архангельский А.С.* Из лекций по истории русской литературы: Библиогр. материалы. Казань, 1893. С. 31–36; *Срезневский В.И.* 1) Вступительная лекция И.И. Срезневского в Харьковском университете 16 окт. 1842 г. // ЖМНП. 1893. № 5. С. 110–133; 2) Украинский альманах // Киевская старина. 1893. № 1. С. 20–33; 3) Вадим Васильевич Пассек и его письма к И.И. Срезневскому (1837–1839) // Русская старина. 1893. № 5. С. 377–402; № 9. С. 545–562; 4) Из первых лет научно-литературной деятельности И.И. Срезневского // ЖМНП. 1898. № 1, Отд. науки. С. 1–39; отд. отт.: СПб., 1898; 5) Иван Евсеевич Срезневский: Биогр. очерк. СПб., 1898; 6) Знакомство И.И. Срезневского с И.П. Котляревским // Киевская старина. 1899. № 1. С. 1–4; 7) К истории издания Известий и Ученых записок Второго отделения императорской Академии наук (1852–1863) / По арх. данным сост. В.И. Срезневский.

СПб., 1905; 8) Измаил Иванович Срезневский: Биогр. очерк. СПб., 1908 (отт. из изд.: Русский биографический словарь. СПб., 1909. Т. Смеловский—Суворина. С. 276–298); 9) Характеристики деятелей археологии 1860–1870-х гг., принадлежащие И.И. Срезневскому // Библиографическая летопись. 1914. Кн. 1. С. 115–119; 10) Краткий очерк жизни и деятельности И.И. Срезневского // Памяти И.И. Срезневского. Пг., 1916. Кн. 1. С. 1–68; 11) Материалы для биографии И.И. Срезневского: (печатные источники) // Памяти Измаила Ивановича Срезневского. Пг., 1916. Кн. 1. С. 333–406 (отд. отт.: Библиографические материалы, относящиеся к жизни и деятельности И.И. Срезневского Пг., 1915. С. 333–406); 11) «Украинский альманах» 1831 року // Харківська школа романтиків / Вступ. ст., ред. і прим. А. Шамрая. Х., 1930. Т. 1. С. 32–50; Семенов П.П. История полувековой деятельности имп. Русского географического общества. 1845–1895. СПб., 1896. Т. 1–2 (указ. в 3-м т.); Архангельский А.С. Из лекций по истории русской литературы. Казань, 1898. С. 31–35, 65–68, 107–115; Владимиров П.В. Пятидесятилетие «Мыслей об истории русского языка» (очерк трудов за 50 лет и новые материалы). Киев, 1899 (отд. отт. из «Университетских известий», Киев, 1899, № 2, Критика и библиогр., с. 65–109); Веселовский Н.И. История имп. РГО за первое пятидесятилетие его существования. 1846–1896. СПб., 1900 (указ.); Грушевский А. Из харьковских лет Н.И. Костомарова // ЖМНП. 1908. № 4. С. 242–295 (с. 249–252 — об интересе С. к фольклору); Ягич И.В. История славянской филологии. СПб., 1910. С. 319–330, 466–477; Автономов Н. Что сделал Измаил Иванович Срезневский для изучения русского языка // Филологические записки. 1912. Вып. 1. С. 87–101; Вып. 2. С. 276–291; Вып. 3. С. 325–339; Вып. 4. С. 537–558; Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914). М., 1915. Т. 2. Отд. 1. С. 339–341; Сумцов Н.Ф. Харьковский период научной деятельности И.И. Срезневского // Памяти Измаила Ивановича Срезневского. Пг., 1916. Кн. 1. С. 69–93; Шамрай А. 1) До початків романтизму. І. Літературний гурток І. Срезневського. ІІ. «Запорожская старина» І. Срезневського як історико-літературний факт // Україна. 1929. № 10–11. С. 31–53; 2) «Запорожская старина» І. Срезневського як історико-літературний факт // Харківська школа романтиків / Вступ. ст., ред. і прим. А. Шамрая. Х., 1930. Т. 1. С. 51–74; Сухобрус Г.С. Роль українських славістів першої половини ХІХ ст. у розвитку міжслов'янських фольклористичних зв'язків // Філологічний збірник. Київ, 1958. С. 284–301; 2) Українсько-російські фольклорні зв'язки в освітленні вітчизняної науки першої половини ХІХ ст. Київ, 1963. С. 115–132; Шумада Н.С. Українсько-болгарські фольклористичні зв'язки: (Період болгар. відродження). К., 1963; Колесническая И.М. 1) Письма П.Н. Рыбникова к И.И. Срезневскому // Русский фольклор. М.; Л., 1959. Вып. 4. С. 281–302; 2) И.И. Срезневский как фольклорист (1840-е — 1850-е годы) // Русский фольклор: Народная поэзия славян.

- М.; Л., 1963. Т. 8. С. 296–328; *Кондрашов Н.А.* 1) Словацкие материалы в архиве И.И. Срезневского // Филол. науки. 1959. № 4. С. 160–168; 2) Лингвистическое и методическое наследие И.И. Срезневского. М., 1979; *Двойченко-Маркова Є.М.* І.І. Срезневський і молдавський фольклор // Рад. літературознавство. 1960. № 5. С. 113–116; *Скрипка В.М.* 1) Роль І.І. Срезневського в розвитку міжслов'янських фольклористичних взаємин // Нар. творчість та етнографія. 1962. № 4. С. 62–68; 2) Чеська пісня в дослідженнях російських і українських славістів ХІХ – початку ХХ ст. // Міжслов'янські фольклористичні взаємини. Київ, 1963. С. 139–161; *Недо П.* И.И. Срезневский и серболужицкая фольклористика // Русский фольклор: Народная поэзия славян. М.; Л., 1963. Т. 8. С. 288–295; *Гусев В.Е.* Фольклористическая деятельность Вука Караджича в оценке русской науки // Анали Филолошког факултета. Београд, 1964. Вуков зборник I, књ. IV. С. 107–113; *Дмитриев П.А.* 1) И.И. Срезневский и Вук Караджич // Взаимосвязи славянских литератур. Л., 1966. С. 50–78; 2) Из истории русско-югославских литературных и научных связей. Л., 1975. С. 140–165; 3) Сербия и Россия (страницы истории культурных и научных взаимосвязей). СПб., 1997. С. 72–100; *Липатникова Г.И.* К вопросу о взглядах И.И. Срезневского на историю и культуру славянских народов (30–40-е годы ХІХ в.) // Изв. Воронеж. пед. ин-та. 1967. Т. 76. С. 21–35; *Смирнов С.В.* 1) Измаил Иванович Срезневский (1812–1880) // Русская речь. 1972. № 6. С. 101–108; 2) Отечественные филологи-слависты середины ХVІІІ – начала ХХ в.: Справочное пособие. М., 2001. С. 85–102; Русское и славянское языкознание в России середины ХVІІІ – ХІХ в. (в биографических очерках и воспоминаниях современников). Л., 1980. С. 73–106; *Богатова Г.А.* 1) И.И. Срезневский: Книга для учащихся. М., 1985; 2) Измаил Иванович Срезневский (1812–1880) // Отечественные лексикографы ХVІІІ–ХХ века / Под ред. Г.А. Богатовой. М., 2000. С. 123–156; *Досталь М.Ю.* 1) И.И. Срезневский как славист (1812–1880) // Сов. славяноведение. 1980. № 3. С. 90–105; 2) И.И. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М., 2003; *Толстой Н.И.* И.И. Срезневский – диалектолог // Из истории славяноведения в России. Тарту, 1981. С. 27–45 (Учен. зап. Тартус. гос. ун-та; Т. 573); *Бернштейн С.Б.* Еще раз о Срезневском // Сов. славяноведение. 1984. № 2. С. 87–93; Славяноведение в дореволюционной России: Изучение южных и западных славян. М., 1988 (указ.); *Слов'янська фольклористика: Нариси розвитку. Матеріали* / [М.М. Гайдай, В.Є. Гусев, К.П. Кабашніков та ін.; відп. ред. В.А. Юзвенко]. Київ, 1988. С. 4, 6, 8, 22, 27, 39, 43, 45, 49–50, 53–54, 60–62, 69, 72, 90–95, 115–116, 123, 126, 259, 275, 423; *Бокариус С.Э.* Сведения о серболужичанах в архиве И.И. Срезневского // Этнографическая наука и этнокультурные процессы: Способы взаимодействия. СПб., 1993. С. 229–238; *Черепанова О.А.* Материалы по славянскому язычеству и мифологии в трудах И.И. Срезневского // Славянские языки, письменность и культура.

Киев, 1993. С. 94–100; *Щавелева Н.И.* К вопросу о языческих верованиях западных славян // Там же. Киев, 1993. С. 101–106; *Керимова М.М.* Срезневский как этнограф // Этнография и фольклор Рязанского края: Материалы Рос. науч. конф. к 100-летию со дня рождения Н.И. Лебедевой, 6–8 дек. 1994 г. Рязань, 1996. С. 210–212; *Пироженко Л.* Фольклор у розвитку української історіографії (М. Максимович, І. Срезневський) // Історія в шк. 1997. № 6. С. 1–4; *Лантева Л.П.* 1) Славяноведение в Московском университете в XIX — начале XX века. М., 1997 (указ.); 2) История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005 (указ.); *Татаровска Л.* Срезневский и македонский фольклор // Македонский язык, литература и культура в славянском и балканском контексте. М., 1999. С. 286–292; И.И. Срезневский и современная славистика: наука и образование: Сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 190-летию со дня рождения И.И. Срезневского, «Славян. яз., письменность и культура», 27–29 мая 2002 г., Рязань. Рязань, 2002; И.И. Срезневский и история славяно-русской филологии: тенденции в науке, образовании и культуре: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 195-летию со дня рождения академика И.И. Срезневского, 25–27 мая 2007 года. Рязань, 2007. С. 90–99; *Колгушкина Н.В.* Академик И.И. Срезневский в культурном пространстве России. Рязань, 2011; Наследие академика И.И. Срезневского и славянский мир: языки, культура, образование (к 200-летию со дня рождения ученого). Рязань, 2012; И.И. Срезневский и русское историческое языкознание: к 200-летию со дня рождения И.И. Срезневского. Рязань, 2012; История и современность в изучении русского и славянских языков: К 200-летию со дня рождения академика И.И. Срезневского: Материалы Международной студенческой научно-практической конференции, 21–22 апреля 2011 г. Рязань, 2012; Сборник докладов Международной интернет-конференции, посвященной 200-летию со дня рождения академика Измаила Ивановича Срезневского. Ярославль, 2012; *Кирчів Р.* Постать Ізмаїла Срезневського в українській фольклористичі // Міфологія і фольклор. Львів, 2013. № 1 (13). С. 90–97; *Айдачич Д.* О книге «Святылища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям» Измаила Срезневского // Дриновський збірник. Харків: Софія, 2013. Т. 6. С. 47–62.

Арх.: РГАЛИ. Ф. 436; СПб. филиал Архива РАН. Ф. 216; РНБ. Ф. 734.

А.Л. Топорков

Тиандер (Тiандер) Карл Федорович (Фридрихович) [1873, г. Санкт-Петербург — 1938] — литературовед, фольклорист.

Из семьи золотых дел мастера Фридриха Тиандера (Весь Петербург на 1894 год. [СПб., 1894]. С. 234); евангелистско-лютеранского вероисповедания. Высшее образование получил на историко-филологическом факультете Петербургского университета. Ученик Ф.А. Брауна и А.Н. Веселовского. Уже в университете начал специализироваться в области скандинавской литературы. В 1894/1895 учебном году сделал сообщение «О драме Ибсена “Маленький Эйольф”» (Годичный акт: Отчет о состоянии и деятельности имп. С.-Петербургского университета за 1895 год. СПб., 1896. С. 32). Окончил университет в 1896 (Годичный акт: Отчет о состоянии и деятельности имп. С.-Петербургского университета за 1896 год. СПб., 1897. С. 75). Активно участвовал в работе Неофилологического общества при университете. См. его доклады: 31 марта 1897 — «Шведский фольклор в Финляндии» (Годичный акт: Отчет о состоянии и деятельности имп. С.-Петербургского университета за 1897 год. СПб., 1898. С. 46); 3 нояб. 1899 — «О происхождении имени Пермь»; 22 нояб. 1899 — «Об образовательном значении преподавания новых языков»; 15 дек. 1899 — «История названия Холмогоры» (Годичный акт: Отчет о состоянии и деятельности имп. С.-Петербургского университета за 1899 год. СПб., 1900. С. 74–75). С 1909 являлся председателем педагогической секции Общества; в 1910 выполнял также функции библиотекаря (*Петров Д.К.* Двадцать пять лет жизни Неофилологического общества (1885–1910) // Зап. Неофилологического общества при имп. С.-Петербургском университете. СПб., 1910. Вып. 4. С. 6–7).

В 1900, по данным справочника «Весь Петербург», Т. преподавал в Александровском лицее, Сиротском институте императора Николая I, училище Ордена св. Екатерины, в гимназии Таганцевой (с. 571). С 1 янв. 1902 — приват-доцент историко-филологического факультета Петербургского университета, имел чин надворного советника (с 20 нояб. 1900); 1 янв. 1905 награжден орденом св. Анны 3-й ст. (Личный состав императорского С.-Петербургского университета к 8 февраля 1911 года. [СПб., 1911]. С. 8). Параллельно с университетом работал также в других учебных заведениях (на педагогических курсах Лохвицкой-Скалон и Бобрищевой-Пушкиной и др. — см.: Весь Петербург на 1917 год. [СПб., 1917]. С. 682).

Т. стоял у истоков регулярного преподавания скандинавской филологии в Петербургском университете. В первый год работы Т. в университете студенты под его руководством занимались чтением и разбором древнеисландских саг (Отчет о состоянии и деятельности

имп. С.-Петербургского университета за 1902 год. СПб., 1903. С. 52). В 1911/1912 уч. году Т. читал курс «История скандинавских литератур XIX в. в лице их главных представителей», вел просеминарий по чтению и разбору средневековых датских и шведских текстов (Обозрение преподавания наук в имп. С.-Петербургском университете в 1911–1912 учебном году. СПб., 1911. С. 24). В 1912/1913 находился в заграничной командировке (Обозрение преподавания наук на историко-филологическом факультете имп. С.-Петербургского университета в осеннем полугодии 1912 года и в весеннем полугодии 1913 года. СПб., 1912. С. 23). Т. принадлежит учебное пособие по всеобщей литературе (Общий курс истории античных и западных литератур. Пг., 1915–1916. Вып. 1: Эллада и Рим; Вып. 2: Возрождение; Вып. 3: Классицизм; Вып. 4: Начало романтизма).

О жизни Т. после Октябрьского переворота 1917 известно немного. Он эмигрировал в Финляндию; до марта 1919 преподавал в Гельсингфорсском университете. В 1918 возглавлял издательство «Фундамент» (Гельсингфорс). Литературный сотрудник русскоязычной газ. «Рассвет» (Гельсингфорс, 1919–1920). Работал в издательстве «Новая Русь» (Швеция, Стокгольм, 1920). Преподавал в Рижском университете (Латвия). С 1922 до 1937 проживал в Германии, сотрудничал с финскими газетами (см.: Литературное зарубежье России: Энциклопедический справочник. М., 2006. С. 512–513).

Основные исследования Т. посвящены связям русской и скандинавско-финской культур. В статье «К истории города Холмогоры» (Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности имп. АН. 1900. Т. 5, кн. 3. С. 769–787) ученый выдвигает свою гипотезу о происхождении Холмогор (сканд. Holmgardr → зырян. Kolmgord → Колмогоры → Холмогоры). Holmgardr, по мнению Т., был скандинавской торговой колонией, пристанищем викингов, обеспечивавшим их мирные контакты с биармийцами. Скандинавское слово Gardariki, трактуемое большинством ученых как название Руси («страна городов»), Т. предлагает понимать как «область Holmgardr». Статья «Поездки норманнов в Белое море» (Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности имп. АН. 1902. Т. 7, кн. 3. С. 127–155) содержит пересказ саги об Орваре-Одде, который на корабле добрался до Биармаланда (до Руси) и поднялся вверх по Северной Двине, а на обратном пути попал в страну великанов. Исследователь подчеркивает, что первая часть саги не содержит фантастических элементов, а вторая разрушает ее историчность. Тема была продолжена в монографии «Поездки скандинавов в Белое море» (СПб., 1906; Зап. ист-филол. фак-та имп. С.-Петербургского ун-та. Ч. 79), где рассмотрены практически все саги о поездках скандинавов в Биармаланд. В исследовании затрагиваются летописные сказания об Олеге Вещем (с. 230–245); Т. соглашается с теми учеными, кто сопоставляет Олега и былинного Вольгу (расправа Вольги с крестьянами в Ореховце и других городах = походы Олега на

древлян, северян, радимичей; поход Вольги / Волха в Индию богатую = исторический поход Олега на Царьград). Летописный рассказ о смерти Олега от своего коня Т. вводит в контекст германских сказаний об охотнике, погибающем таким же образом, и в более широкий контекст разноэтнических сказаний о невозможности избежать предсказанной смерти. Наиболее близкую версию данного бродячего сюжета исследователь находит в Орвар-Одд-саге, причем полагает, что скандинавы заимствовали сюжет от славян.

Летом 1911 Т., при бюджетной поддержке университета, изучал в библиотеках Копенгагена русско-датские связи в области литературы (Отчет о состоянии и деятельности имп. С.-Петербургского университета за 1911 год. СПб., 1912. С. 67). В 1912/1913 он находился там же в длительной командировке (Обозрение преподавания наук на историко-филологическом факультете имп. С.-Петербургского университета в осеннем полугодии 1912 года и в весеннем полугодии 1913 года. СПб., 1913. С. 23), собирая материал для магистерской диссертации «Датско-русские исследования» (СПб., 1912–1915. Вып. 1–3), изданной в «Зап. Ист.-филол. фак-та С.-Петербургского ун-та» (Ч. 108, 113, 123). Здесь рассматриваются датские эпизоды в жизни Н.М. Карамзина, отголоски русской словесности середины XIX в. в датской литературе, а также сказания о раннесредневековом переселении скандинавов в Британию, Финляндию, Швейцарию и т.д. Рассмотрев структуру русского летописного предания о призвании варягов на Русь (междоусобицы и необходимость иметь правителей; решение призвать иноплемеников; восхваление богатства своей земли; приход трех отрядов, возглавляемых тремя братьями; раздел между ними земель; смерть младших братьев и воссоединение земли под рукой старшего брата), исследователь делает вывод, что перед нами «типичные черты скандинавского переселенческого сказания, сквозь которое едва улавливаема историческая правда» (Вып. 3. С. 176). См. весьма критический «Отзыв о диссертации К.Ф. Тиандера» Д.К. Петрова на вып. 1–2 его труда (Журн. Мин-ва нар. просвещения. 1916. № 6. С. 299–309). Из важнейших трудов Т. по скандинавской средневековой литературе см. также: Притчи Одина (Hávamál) // Зап. Неофилологического общества при имп. С.-Петербургском университете. СПб., 1910. Вып. 4. С. 13–40; [Рец. на кн.: Н.И. Вертоградский. Нарвский триумфальный щит. СПб., 1908] // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности. 1910. Т. 15, кн. 1. С. 325–328; Датчанин бытописатель России: Оге Маделюнг // Современник. 1914. № 2. С. 111–115; Сигурд Ибсен // Речь. 1914. 5 мая, № 120; Термин «бирк» в средневековых датских законах // Зап. Неофилологического о-ва при имп. Петроградском ун-те. Пг., 1915. Т. 8; Сб. в честь проф. Ф.А. Брауна. С. 181–191; Душевная драма Стриндберга // Речь. 1915. 13 июля, № 190. В приложении «Отклики. Литература. Искусство. Наука» газеты «День» напечатано: Новая драма

Гауптмана «Лук Одиссея» // День. 1914. 13 янв., № 12; Датский роман о русской революции // День. 1914. 30 янв., № 12 (о романе Оге Маделунга «Любите друг друга»); Карл Стаф // День. 1915. 23 сент., № 262 (некролог шведского гос. деятеля).

Скандинавская тема в статьях Т. получает всестороннее освещение. Он касается не только литературных процессов в Дании, Швеции и Норвегии, но и историко-политических проблем. См.: Заметки о современной Дании // Современный мир. 1911. № 11. С. 255–272; Конституционный кризис в Швеции // Речь. 1914. 10 февр., № 40; Вопросы обороны в Скандинавии // Речь. 1914. 27 февр., № 56; Пуанкаре в Стокгольме // Речь. 1914. 16 июля, № 189; Германия в умственном движении современной Швеции // Речь. 1914. 10 нояб., № 304; Швеция и Финляндия // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1914. 3 дек., № 14532; Северные Дарданеллы // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1914. 5 дек., № 14536; Торговые отношения Швеции к России во время войны // Финансовая газета. 1915. 19 нояб., № 81; Главные моменты развития скандинавизма // Голос минувшего. 1915. № 7/8. С. 5–23, и др.

Постоянной темой в работах Т. были экономика, политическая и культурная жизнь Финляндии. См. также труды, связанные с финнологией: Матиас Кастрен — основатель финнологии // Журн. Мин-ва нар. просвещения. 1904. № 5. С. 1–68; Финская диссертация о Тургеневе // Речь. 1915. 4 мая, № 121; Якоб Аренберг // Речь. 1914. 6 окт., № 269 (некролог финского архитектора и художника); Калевала // Речь. 1915. 26 окт., № 295 (в связи с 80-летием выхода в свет первого сборника Лённрота); Дочь своего отца // Речь. 1915. 27 июля, № 204 (о литературном творчестве дочери Стриндберга Карин Смирновой) и др. В 1917 Т. активно сотрудничал с газ. «Русская воля», где печатался практически только по вопросам общественно-политической ситуации в Финляндии: Новые университеты в Финляндии // Русская воля. 1917. 21 янв., № 20; Участие Финляндии в военных расходах // Там же. 1917. 26 янв., № 25; Автономная Финляндия // Там же: Веч. прибавление. 1917. 6 марта, № 1; Финляндцы и русский рубль // Там же: Веч. прибавление. 1917. 25 апр., № 80; Финляндия и голод // Там же: Веч. прибавление. 1917. 3 мая, № 94; Продовольственный кризис в Финляндии // Там же: Веч. прибавление. 1917. 9 июня, № 136; Расширение прав Финляндского сената // Там же. 1917. 5 сент., № 210; К ухodu М.А. Стаховича [генерал-губернатор Финляндии] // Там же. 1917. 12 сент., № 216; Результаты финляндских выборов // Там же. 1917. 30 сент., № 232, и др. См. также его брошюру «Финляндия и Россия» (Пг., 1917; сер. «Свобода и богатство»; № 18), описывающую историю взаимоотношений России и Финляндии в период существования последней в составе Российской империи.

В области истории литературы и фольклористики Т. позиционировал себя учеником А.Н. Веселовского (см. слова «мой незабвенный

учитель» в рецензии: [Рец. на кн.: Веселовский А.Н. Собр. соч. СПб., 1913. Т. 1; Т. 2, вып. 1] // Голос минувшего. 1914. № 3. С. 304). Исследователь с огромным пиететом относится к научному наследию А.Н. Веселовского: «Хотя и в незаконченном виде, “Историческая поэтика” А.Н. Веселовского остается великим нерукотворным памятником его учености, его ума, его творческих дарований» (с. 304).

В первых своих статьях Т. обращается к проблемам, которые разрабатывал А.Н. Веселовский в области «исторической поэтики». В «Заметках по сравнительному изучению народно-эпического стиля: О повторениях в народном эпосе» (Живая старина. 1896. Вып. 2. С. 202–225) он рассматривает различные типы повторений в эпосах разных народов: геминация (повторение одного и того же эпизода во франц. *chansons de geste*); параллелизм стихов (= выражение одной и той же мысли в разных словесных формах в двух рядом стоящих стихах — «Золотой мой друг и братец, / Дорогой товарищ детства!», в «Калевале»); «общие места» в былинах и др.

В статье «Западные параллели к былинам о Чуриле и Катерине» (Журн. Мин-ва нар. просвещения. 1898. № 12, Отд. науки. С. 271–305) предлагается опыт анализа былинного сюжета в рамках теории заимствования («сюжет часто заимствован извне и принадлежит к числу бродячих сказаний, к той мелкой монете духовной культуры, которую обмениваются народы во взаимных сношениях» — С. 271). В скандинавских версиях сюжета, отмечает исследователь, диалог о том, кому принадлежат башмаки, шляпа и т.д., найденные в комнате героини, происходит между братом и незамужней сестрой; в европейских версиях (французских песнях, иберийских романах, славянских балладах) диалог разворачивается, как и в русской былине, между мужем и женой. Русская былина, заимствовав сюжет, дает ему самостоятельную обработку. На сюжетные параллели между шведской балладой и былиной «Садко» Т. указывает в статье «Шведский фольклор в Финляндии» (Журн. Мин-ва нар. просвещения. 1898. № 8, Отд. науки. С. 299–309).

Т. был постоянным автором продолжающихся сборников «Вопросы теории и психологии творчества», разрабатывавших идеи А.Н. Веселовского и А.А. Потебни в т. 2, вып. 1 (СПб., 1901: «Опыт популяризации “Исторической поэтики” Ал. Ник. Веселовского для высш. и сред. учеб. заведений») Т. опубликовал 4 статьи: «Синкретизм и дифференциация поэтических видов»; «От Софокла до Ибсена»; «Народно-поэтическое творчество и поэт-художник»; «Морфология романа». В статье «Синкретизм и дифференциация поэтических видов» (с. 1–46) развиваются идеи, волновавшие А.Н. Веселовского (единство ритма, мелодики, мимики, жеста, муз. инструментов, пляски, слова). Из синкретического по своей сути охотничьего праздника рождается земледельческий праздник в честь Диониса, а затем и греческая тра-

гедия, то есть художественная драма выделилась из культовой драмы. Из синкретической игры возникает эпос: антифонное (амебейное) пение → выделение хоруга (запевалы) → рождение эпического певца. Карело-финская традиция исполнения руны двумя певцами рассматривается исследователем как отголосок амебейного пения. Явственные следы заговоров в рунах также, по его мнению, уходят в синкретическую игру: «Тесная связь заговора с эпосом указывает на первобытный культовый характер эпоса» (с. 29). Эпос выделяется из синкретического действия в тот момент, когда 1) слово начинает доминировать над ритмом, музыкой, жестом и пляской, 2) разрозненные племена сложились в нацию (этнос) и герой стал осмысляться как общенародный. С точки зрения Т., русский эпос сложился, «когда русский народ сбросил татарское иго, тогда только получился эпос» (с. 32). Лирика — самый поздний из обособившихся видов поэзии — вытекает из аграрного культа. Отсюда главная тема лирики — пейзажная. Взаимосвязь темы природы и любовной темы сказывается в аграрных образах, характерных для современной любовной лирики (например, в итал. песнях *ritornelli*).

В статье «Народно-эпическое творчество и поэт-художник» (с. 105–174) Т. развивает идеи А.Н. Веселовского о становлении и эволюции эпоса. На первом этапе происходит накопление сюжетов, складывающихся на основе тотемизма (Лоэнгрин — рыцарь-лебедь), умыкания невест в быту («Илиада» — похищение Елены), законов левирата (Добрыня Никитич и Алеша Попович, крестовый брат), экзогамии (Илья Муромец и Сокольник) и пр. Накопление сюжетов — процесс бессознательный. На втором этапе на сюжеты накладываются исторические воспоминания (для немецкого эпоса — о событиях IV–VI вв.; для русского — борьба с татарами), что является уже ответом на осознанный запрос этноса. В этот период появляется фигура певца (рапсода). Т. разграничивает понятие «сказание» (сложилось в сознании народа до выдвижения фигуры певца) и «песнь», строящаяся на основе сказания певцом, который придумал формулы (типические места), ввел прием повторения и пр. (для облегчения создания песни в момент ее исполнения): «Эпитеты, описательные формулы и повторения значительно облегчают мыслительную работу певца» (с. 123). Т. рассматривает также соотношение эпоса и христианства, проблемы циклизации; развивает идеи А.Н. Веселовского о разграничении «эпического певца» и «поэта-художника»: «В то время как деятельность эпических певцов не возвышалась над общим уровнем народа, поэт-художник преследует уже свои вкусы и идеи, которые не понимаются народом в его целостности» (с. 133). Поэт-художник создает «Илиаду» и «Одиссею», «Песнь о нибелунгах», «Песнь о Роланде», в новое время — «Калевалу» (Э. Лённрот), полностью опираясь на фольклорные традиции (сюжеты целиком сложились в народной

словесности, равно как и план эпосей и их поэтика). См. достаточно критический отзыв на статьи Т. из «Вопросов теории и психологии творчества», т. 2, вып. 1: Сильверсван Б.Н. [Рец.] // Журн. Мин-ва нар. просвещения. 1910. № 1, Критика и библиогр. С. 204–210.

См. также др. труды Т., где в рамках методологии А.Н. Веселовского рассматривается становление различных явлений словесной культуры: Очерк истории театра в Западной Европе и России. Харьков, 1911 (Вопросы теории и психологии творчества. Т. 3); Очерк эволюции эпического творчества // Вопросы теории и психологии творчества (Пособие при изучении теории словесности в высших и средних учеб. заведениях). Т. 1, изд. второе, перераб., значит. доп. Харьков, 1911. С. 33–84; Обзор сюжетов драматической поэзии // Там же. С. 148–163; Сущность комедии // Там же. С. 164–174; Исторические перспективы современной лирики // Там же. С. 244–291; О началах мистического мировоззрения // Вопросы теории и психологии творчества. Харьков, 1914. Т. 5. С. 417–479.

Исслед.: [Рец. на статью: St. Rozniecki. Perun und Thor. Ein Beitrag zur Quellenkritik der russischen Mythologie // Archiv für Slavische Philologie. 1901. Т. 23. S. 462–520] // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности имп. АН. 1902. Т. 7, кн. 3. С. 384–396; Культовое пьянство и древнейший алкогольный напиток человечества // Журн. Мин-ва нар. просвещения. 1908. № 12. С. 203–257 (Отд. изд. СПб., 1908); Синкретизм и дифференциация поэтических видов. — От Софокла до Ибсена. — Народно-поэтическое творчество и поэт-художник. — Морфология романа. М., 2012.

Т.Г. Иванова

Элиаш Надежда Михайловна [13(25).4.1888, г. Санкт-Петербург — 1.12.1974, г. Белгород] — филолог-фольклорист, преподаватель.

В 1909 окончила словесно-историческое отделение Женского педагогического института, где под руководством проф. И.А. Шляпкина начала изучать древнерусскую литературу. В 1909–1911 преподавала словесность в гимназии г. Верного (Алма-Аты, Казахстан), после 1911 — в средних учебных заведениях столицы. В 1914 сдала экзамены за курс университета и получила диплом, дающий право заниматься научной деятельностью. Ее дипломным сочинением была статья «К вопросу о влиянии Батюшкова на Пушкина» (Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Пг., 1914. Вып. 19/20. С. 1–39). В 1915 Э. представила в АН для участия в конкурсе на соискание премии имени М.И. Михельсона работу «Материалы по терминологии художеств и ремесел в Московской Руси по памятникам XVI

и XVII столетий», за которую получила половинную премию (Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук за 1915 г. / Сост. В.Н. Перетц. Пг., 1915. С. 27).

Зимой 1917/1918 при Петроградском университете Э. сдала экзамены на степень магистра русской литературы и советом филологического факультета была избрана приват-доцентом. Однако пошатнувшееся здоровье заставило ее на время переехать из столицы в провинцию — в Старую Руссу, где она работала уездным инструктором внешкольного образования. По поручению РГО начала собирать произведения устного народного творчества и увлеклась фольклором, который стал главной темой ее научной работы.

Вернувшись в Петроград, с 1921 стала сотрудником Научно-исследовательского института сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ) при Петроградском университете, где вела исследовательскую работу по этнографии и фольклору, ездила в экспедиции для изучения быта и устного народного творчества, участвовала в работе Сказочной комиссии при РГО, фольклорной подсекции Государственной академии художественных наук (Москва), посещала заседания в Государственной академии истории материальной культуры. В 1924 участвовала во Всесоюзной конференции по краеведению в Москве.

Э. стала одним из членов-учредителей секции «Живая старина», созданной в 1925 в ИЛЯЗВе и объединившей большую часть ленинградских фольклористов. «Живая старина» работала в области изучения народных сказок, песен, театра, обрядности, верований, быта, техники, а также занималась вопросами методологии собирания и изучения устного творчества, детского фольклора, библиографии фольклора и этнографии.

Э. много занималась библиографией фольклорных материалов и литературы, в частности новейшей немецкой литературы по фольклору. В 1926 она ездила в Германию с целью посещения этнографических музеев, архивов, фольклорных и краеведческих обществ и знакомства с современной научной литературой. В Берлине в журнале «*Zeitschrift des Vereins für Volkskunde*» была напечатана ее статья о достижениях советской фольклористики в 1917–1925 гг. (*Eliasch Nadine. Die russische volkskundliche Arbeit in den letzten Jahren // Zeitschrift des Vereins für Volkskunde. Berlin, 1926. Jahrgang 1925/26, 4. Heft. S. 273–275*), а в СССР Э. в нескольких публикациях рассказала о работе немецких коллег (Современная фольклористика Германии // Художественный фольклор. М., 1927. Вып. 2/3. С. 165–172; Немецкие этнографические музеи // Этнография. М., 1927. Кн. 3, № 1. С. 151–159).

С 1932 Э. заведовала научным архивом Географического общества СССР (бывш. РГО), участвовала в работе Комиссии по детскому быту и фольклору. Члены Комиссии (студенты Педагогического институ-

та им. А.И. Герцена под руководством О.И. Капицы) устанавливали связи с краеведческими и учительскими организациями, изучали материалы по этнографии детства, собирали в экспедициях детские песни, колыбельные, сказки. В 1930 вышел первый печатный сборник Детской комиссии, в котором Э. как секретарь опубликовала отчет о деятельности Комиссии в 1928 и статью «К вопросу о детской сказке (по материалам, собранным в Старорусском уезде)» (Детский быт и фольклор. Л., 1930. Сб. 1. С. 35–41).

Э. оказалась вовлечена в репрессивную политическую кампанию 1934–1935: ее обвинили в идеологической невыдержанности и выслали в провинцию. В марте 1935 она покинула Ленинград, в 1930–1940-е жила в Саратове, Вольске, Сызрани, преподавала в средней и высшей школе, продолжала научные занятия в области фольклора, занималась исследованием народной свадьбы. Систематизировав накопленный материал, подготовила диссертацию «Русские народные колыбельные песни». Защита состоялась в Казанском университете 16 февр. 1945. Вскоре Э. включилась в работу по подготовке трехтомного труда «Русское народное поэтическое творчество» Института русской литературы АН СССР (Колыбельные песни // Русское народное поэтическое творчество. Т. 2. Кн. 1: Очерки по истории русского народного поэтического творчества середины XVIII — первой половины XIX века. М.; Л., 1955. С. 498–504. — Совм. с В.А. Равчинской; Свадебная поэзия // Там же. С. 489–498).

В конце 1940-х — 1950-е Э. преподавала в вузах Новгорода, Калуги и Белгорода. Везде она привлекала своих студентов к фольклорной работе, ездила с ними в экспедиции, руководила работой кружка народного творчества. Собираателями были записаны более 800 вариантов напевов, изданы несколько сборников белгородского песенного фольклора (Песни Белгородской области / Вступит. статья, подгот. текста и коммент. Н.М. Элиаш. Белгород, 1958) Народные песни Белгородской области / Сост. Н. Элиаш и Л.Г. Улановская. Белгород, 1960) Народные песни Белгородской области / Сост. Н.М. Элиаш. Воронеж, 1970). Результатом этой деятельности стала и последняя публикация Э. — исторический обзор народно-поэтического наследия Курско-Белгородского края (Песенный край // Белгородщина литературная. Воронеж, 1979. Кн. 1. С. 11–20).

Лит.: Груздева Е.Н. Надежда Михайловна Элиаш и ее место в истории русской фольклористики // Из истории русской фольклористики. СПб., 2013. Вып. 8. С. 481–511.

Е.Н. Груздева

Юренский (Юринский) Иван Александрович [1824, Забайкалье (?) — 1868 (?), г. Нерчинск Забайкальской обл.; похоронен на городском кладбище, могила сохранилась] — краевед, собиратель фольклорного материала в Нерчинском округе Забайкальской обл. Почетный гражданин г. Нерчинска.

Из купеческого рода, известного в Верховажье Вологодской губ. с конца XVII в. (ОР РГБ. Ф. 108, карт. 2, д. 72, л. 12об.). Отец — купец 2-й гильдии Александр Иванович Юренский, мать — Анна Михайловна, дочь тотемского купца Стражева (Исповедная ведомость Верховажского Успенского собора за 1825 г. // Государственный архив Вологодской области. Ф. 496. Оп. 19. Д. 45. Л. 30; Государственный архив Забайкальского края. Ф. 333. Оп. 1. Д. 3. Л. 1). Окончил Нерчинское уездное училище в сер. 1840-х, где его учителями были литератор-краевед В.П. Паршин (1805–1853), автор книг «Поездка в Забайкальский край» (М., 1844. Ч. 1–2) и «Описание пути от Иркутска до Москвы, составленное в 1849 г.» (М., 1851), а также писатель, краевед, член Нерчинского литературного кружка, автор ряда публикаций по этнографии тунгусов и бурят А.А. Мордвинов (1813–1863). Ю. имел значительную библиотеку, пополнявшуюся из книг декабристов. Собирал естественнонаучные коллекции (минералы, насекомые, растения и др.). Совместно с М.А. Зензиновым, своим родственником, занимался агрономическими опытами. Близко знал декабристов Н.А. и М.А. Бестужевых, В.К. Кюхельбекера, М.С. Лунина, Д.И. Завалишина, И.И. Горбачевского, петрашевца Ф.Н. Львова, писателей М.И. Орфанова и Н.В. Шелгунова, местных поэтов Ф.И. Бальдауфа и Ф.М. Мокеева. Поэт, революционный деятель М.Л. Михайлов подарил Ю. подвески от своих кандалов (*Петряев Е.Д.* Вперед — огни. Иркутск, 1968. С. 177; *Фучан.* Забытые люди // Нерчинский вестник. 1907. 20 октября, № 28. С. 2). Писатель и этнограф С.В. Максимов писал, что Ю. относился «к числу тех мало или почти неизвестных “областных” деятелей, которые не много печатали, но очень много поработали в неизвестности, однако с очевидной и большой добросовестностью» (РО ИРЛИ. Ф. 565. № 4. Л. 20; *Петряев Е.Д.* Вперед — огни. Иркутск, 1968. С. 178). Ю. переписывался с Д. Банзаровым, Н.Я. Бичуриным, М.А. Зензиновым, О.М. Ковалевским, М.П. Погодиным, А.П. Щаповым. Печатался в «Земледельческой газете», «Северной пчеле», «Финском вестнике», «Трудах Вольного экономического общества», «Записках Сибирского отдела РГО» и др. В 1844 ездил к родне в Вологодскую губ., посетил Тюмень, Казань, Вологду, Верховажский посад, на обратном пути (1844–1845) — Ярославль, Кострому, Нижний Новгород, Кяхту и Маймачин (ОР РГБ. Ф. 108, карт. 2, д. 72). В Казани в 1844 встретился с профессором-монголоведом О.М. Ковалевским (ОР РГБ. Ф. 108. Карт. 2. Д. 72. Л. 1об.–2). В Вологде познакомился с И.М. Снегиревым (ОР РГБ. Ф. 108, карт. 2, д. 72, л. 18–18об.).

Член-корреспондент Вольного экономического общества, куда посылал естественнонаучные, исторические и этнографические сведения и собранные коллекции. Первым описал неизвестную форму суставного заболевания жителей в долине р. Уров (Об уродливости жителей берегов речки Урова в Восточной Сибири // Труды имп. Вольного экономического Общества за 1849 год. СПб., 1849. Ч. 2. С. 87–91). Член Московского общества испытателей природы (МОИП), Баварского общества сельского хозяйства и садоводства.

В 1853 избран членом-сотрудником Сибирского отдела РГО, как собирающий статистические данные, хозяйственные предметы и естественнонаучные коллекции (Записки СО РГО. 1856. Кн. 2. Отд. 2. С. 48). По заданию РГО исследовал древние надписи в Мангутской пещере (1852; см. его статью: Пещера и древние письма на берегах речки Мангута (в Юго-Восточной Сибири) // Записки СО РГО. 1856. Кн. 2. С. 80–87), а также проводил наблюдения за кочевым бытом агинских бурят, фиксировал топонимы, изучал местную флору и археологические памятники; в 1851–1853 — проводил географические исследования долины р. Онон и прилегающих степей, сборы степной флоры, изучал местность от Верх-Ольхонского караула до устья р. Ингоды; все наблюдения вносил в путевые дневники. В 1854 исследовал урочище Делюн-Болдок — место рождения Чингисхана (Местность Дэлун-Болдок на берегах р. Онона (Месторождение Чингис-хана) // Записки СО РГО. СПб., 1856. Кн. 2. Отд. 3. С. 1–7; Записки СО РГО. СПб., 1857. Т. 3. Отд. 2. С. 5–6, 16). В 1854 по заданию СО РГО выполнил географическое описание озер Барун-Торей и Зун-Торей в преддверии Гобийской степи, собрал естественнонаучные коллекции (Записки СО РГО. СПб., 1857. Т. 3. Отд. 2. С. 6, 16–17). В том же году по программе РГО об описании минеральных вод России обследовал теплые Былыринские воды в Актинской дистанции — измерил температуру ключа, собрал местные горные породы и растения с берегов рек Былыра и Арашана, собрал сведения у инородцев о целебных свойствах вод и зарисовал местность (Записки СО РГО. СПб., 1857. Т. 3. Отд. 2. С. 6, 17). Участник экспедиции на Амур в 1856 (по заданию СО РГО для сбора статистико-коммерческих сведений), где собрал коллекции флоры, фауны, образцы деревьев, привез зарисовки маньчжурских земледельческих орудий, гольдский костюм (Записки СО РГО. 1863. Т. 6. Отд. 3. С. 4). Часть амурских коллекций пропала в пути, сам Ю. чуть не погиб. Результаты путешествия собирался представить в статье «Заметки о хозяйстве маньчжуров, жителей побережья Амура» (данных о ее написании и публикации не имеется). Составил тунгусский словарь, который в 1844 переслал О.М. Ковалевскому (ОР РГБ. Ф. 108. Карт. 2. Д. 72. Л. 1об.–2об.; ОРКиР НБ СПбГУ. Архив О.М. Ковалевского. Папка 2 (568). Л. 199). В 1847 намеревался предпринять специальную по-

ездку для составления словаря конных тунгусов (ОРКиР НБ СПбГУ. Архив О.М. Ковалевского. Папка 2 (568), л. 146об.).

Интерес к фольклору у Ю. возник под влиянием М.А. Зензинова. Первые сведения о записях Ю. фольклора относятся к 1844, когда М.П. Погодин в письме от 1 июня 1844 сообщает Ю.: «Очень рад приятному знакомству с Вами. Усердно благодарю Вас за прежде присланные Вами песни» (ОР РГБ. Ф. 108. Карт. 2. Д. 72. Л. 12). Учитывая, что Ю. выехал из Нерчинска не позднее конца янв. 1844, песни, посланные им М.П. Погодину, очевидно, были записаны не позже 1843. Об этом же свидетельствуют и данные М.Н. Сперанского, указавшего, что в архиве П.В. Киреевского в Румянцевском музее хранились два письма И.А. Юренского М.П. Погодину с материалами из Нерчинска 1843–1844 гг. (*Сперанский М.Н.* П.В. Киреевский и его собрание песен // Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия. Вып. 1 (Песни обрядовые). М., 1911. С. XLVIII, LXXI). По-видимому, именно эти песни были позднее (уже в XX в.) опубликованы в новой серии собрания песен П.В. Киреевского с пометой редактора «Доставлены М.П. Погодиным»: «Седина-ль моя сединушка...», «Меня из улуса тунгус полюбил...», «Татьянушка с-по сеничкам ходила...», «Во сыром-то бору сера кукушечка громко скоковала...» (Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия. М., 1929. Вып. 2. Ч. 2 (Песни необрядовые). С. 242–243. № 2583–2586).

В 1844 Ю. планировал собирать народные песни в Верховажье, но отказался от этой мысли, узнав, что «они уже собраны гг. Савваитовым и Студитским» (ОР РГБ. Ф. 231/II, карт. 38. № 42. Л. 1об.).

Первая публикация песен, записанных Ю., состоялась в 1847 в журнале «Финский вестник». В своей статье «Простонародные песни Нерчинского округа» Ю. писал: «Часто совершая путешествия по Нерчинскому округу, <...> посещая отдаленнейшие караулы на китайской границе и многие деревушки в лесах и горах, я успел собрать порядочное количество простонародных песен, посидельных, плясовых и свадебных. Видя в наших журналах так мало народного, такое охлаждение к собиранию народных песен, сказок и поверий, я было отложил в портфель мое собрание, не надеясь, чтобы мог где напечатать это, и в ожидании тех времен, когда журналы наши будут в большей степени интересоваться всем отечественным» (Простонародные песни Нерчинского округа // Финский вестник. 1847. Т. 19. № 7, Смесь. С. 23). Далее следовали тексты трех песен: «Седина ль моя сединушка...», «Белилицы, румяницы мои...» и «Аленькой, аленькой цветочек...». Все они позже были перепечатаны в сборнике А.И. Соболевского (Великорусские народные песни / Изд. А.И. Соболевским. СПб., 1896. Т. 2. С. 384–385. № 456; 1899. Т. 5. С. 204–205. № 269; 1900. Т. 6. С. 9. № 12).

В 1852 еще одна запись Ю. была напечатана среди песен из собрания П.В. Киреевского в «Московском сборнике» — это разбойничья

песня «Со вечера добрый молодец коня седлал...» (Московский сборник. М., 1852. Т. 1. С. 342–343). Таким образом, из песенного собрания Ю. сегодня известно 7 текстов. Несомненно, оно было более обширным, но остальные записи, вероятно, погибли вместе с архивом Ю. Впрочем, не исключено, что какие-то тексты сохранились в архивах его корреспондентов. Несмотря на малое число, записи Ю. имеют большое значение, так как наряду с записями М.А. Зензинова являются первыми фиксациями русского песенного фольклора Забайкалья и одними из первых записей на территории Восточной Сибири.

Можно предполагать, что Ю. собирал не только песенный фольклор, но и другие жанры народной словесности. Так, в заметке 1847 г. он ссылается на «народное нерчинское предание» о Баронском острове в окрестностях Нерчинска, получившем свое название от титула барона фон Клебека, который в конце XVIII в. имел на острове загородный дом, зверинец, пашни и сад (Известия из Сибири // Северная пчела. 1847. 10 апр., № 79. С. 1). В черновой описи собрания песен П.В. Киреевского, составленной П.И. Якушкиным и В.А. Елагиным, также говорится о неких «прочих» материалах (в имени собирателя ошибка): «30. Александра Юренского из Нерчинска; народн. песни и проч., сообщено Погодиным» (Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия. М., 1929. Вып. II, ч. 2 (Песни необрядовые). С. IX–X).

Справ.: Петряев Е.Д. Краеведы и литераторы Забайкалья. Материалы для биобиблиографического словаря. Иркутск; Чита, 1965. С. 85–86 (с библиогр.); *Жеребцов Г.А., Дроботушенко Н.Е., Закаблукловская Н.Н.* Юринский (Юренский) Иван Александрович // *Малая энциклопедия Забайкалья. Культура* / Гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. Новосибирск, 2009. Ч. 2. С. 408–409.

Публ.: Русские лирические песни Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1997. С. 58, 215, 277–278, 394, 432, 444. № 1, 248, 342; Иван Александрович Юренский. Статьи и письма / Сост., вступ. ст., подг. текстов, коммент. А.Б. Ипполитова, А.Ю. Литвинцев. Улан-Удэ, 2014.

Лит.: Фучан [Зензинов А.А.]. Забытые люди // *Нерчинский вестник.* 1907. 20 октября. № 28. С. 2; 25 октября. № 32. С. 2; *Петряев Е.Д.* Исследователи и литераторы старого Забайкалья. Чита, 1954. С. 156–157; *Элиасов Л.Е.* Русский фольклор Восточной Сибири. Ч. 1. Собиратели. Улан-Удэ, 1958. С. 46–47; *Петряев Е.Д.* Нерчинск. Чита, 1959. С. 62–63; *Кошелев Я.Р.* Русская фольклористика Сибири (XIX — начала XX в.). Томск, 1962. С. 31; *Левашов В.С.* Собрание устной поэзии казаков Забайкалья // *Вопросы краеведения Забайкалья.* Вып. 2. Чита, 1973. Вып. 2. С. 40; *Левашов В.С.* О трактовке сибирской народной песни «Седина ль моя, сединоушка» // *Русский фольклор: Историческая жизнь народной поэзии.* Л., 1976. Т. 16. С. 186–190; *Закаблукловская Н.Н.* К биографии И.А. Юринского // *Исследования молодых ученых.* Межвуз. сб. ста-

тей. Улан-Удэ, 2004. Вып. 6. С. 53–60; *Ипполитова А.Б., Литвинцев А.Ю.* Юренские на Русском Севере и в Забайкалье // Иван Александрович Юренский. Статьи и письма / Сост., вступ. ст., подг. текстов, коммент. А.Б. Ипполитова, А.Ю. Литвинцев. Улан-Удэ, 2014. С. 5–26.

Арх.: Государственный архив Вологодской области. Ф. 496. Оп. 19. Д. 45. Л. 30 (исповедная ведомость Верховажского Успенского собора за 1825 г.); Государственный архив Забайкальского края. Ф. 333. Оп. 1. Д. 3. Л. 1 (свидетельство о венчании родителей Ю.); ОР РГБ. Ф. 108. Карт. 2. Д. 72 (письма Ю. к М.А. Зензинову 1844–1845 гг.); ОР РГБ. Ф. 231/II. Карт. 38. № 42 (письма Ю. к М.П. Погодину 1844, 1845, 1855); ОР РГБ. Ф. 231/II. Карт. 12. № 54 (рукопись статьи Ю. «Известия из Восточной Сибири», 1855); ОРКиР НБ СПбГУ. Архив О.М. Ковалевского. Папка 2 (568) (письмо Ю. к О.М. Ковалевскому, 1847); РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 294 (письма Ю. в ВЭО).

А.Б. Ипполитова

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айдакова Анастасия Геннадьевна (Санкт-Петербург), аспирантка ИМЛИ РАН, директор Электронной библиотеки «БиблиоРоссика». Круг интересов: народная медицина, история русской фольклористики конца XIX — начала XX в.

Говенько Татьяна Владимировна (Москва), кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела фольклора ИМЛИ РАН. Область научных интересов: фольклор, медиевистика, историография, детская литература.

Груздева Елена Николаевна (Санкт-Петербург), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (СПФ АРАН). Круг интересов: история России, история науки в России, историческая биография.

Данилейко Виктория Александровна (Красноярск), научный сотрудник ООО «НПО «Археологическое проектирование и изыскания». Область научных интересов: история науки; история и организация этнографического изучения севера Приенисейской Сибири в 1920–1930-х гг.

Дмитриев Александр Николаевич (Москва), кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева (Москва, Национальный исследовательский университет — Высшая школа экономики). Область научных интересов: интеллектуальная история, история российской и европейской науки, социология знания.

Иванова Татьяна Григорьевна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Ипполитова Александра Борисовна (Москва), кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Государственного республиканского центра русского фольклора. Область научных интересов: русский фольклор, история фольклористики, низовая рукописная традиция XVII–XVIII вв., этнобиология.

Кербелите Бронислава (Вильнюс, Литва), доктор филологических наук, исследователь и классификатор литовского повествовательного фоль-

клора. В Институте литовской литературы и фольклора в Вильнюсе создала картотеку «Каталога литовского повествовательного фольклора». Каталог опубликован в 4 томах. Разработала методику анализа и описания структур повествований и семантической интерпретации элементарных сюжетов. На основе этой методики ею создана структурно-семантическая классификация литовских сказок, сказаний и анекдотов. Б. Кербелите собирала фольклор различных жанров. Ею подготовлена и переведена на литовский язык книга «Славянский фольклор» — сборник текстов разных жанров с комментариями.

Керимова Мариям Мустафаевна (Москва), доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Область научных интересов: источниковедение и историография российской и зарубежной этнологии, историческая этнография югославянских народов, русское зарубежье, этномедицина.

Кибальная Марина Николаевна (Москва), аспирантка факультета гуманитарных наук (Национальный исследовательский университет — Высшая школа экономики). Область научных интересов — история идей, история университетов в имперском контексте.

Комелина Наталья Геннадьевна (Санкт-Петербург), кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела русского фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Область научных интересов: история советской фольклористики, фольклористика, этнография, антропология религии.

Королев Кирилл Михайлович (Санкт-Петербург), кандидат филологических наук, писатель, переводчик, более 20 лет проработал в издательском бизнесе, составитель ряда книжных серий, в том числе «Заклятые миры» (произведения отечественных авторов в жанре фэнтези) и «Золотая серия фэнтези». В настоящее время глава компании аналитического мониторинга. Область научных интересов — антропология массовой культуры.

Магомедова Дина Махмудовна — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН, зав. Кафедрой истории русской классической литературы РГГУ. Круг научных интересов: русская литература Серебряного века, история символизма, поэтика, текстология, творчество А.А. Блока.

Налепин Алексей Леонидович (Москва), доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН, Лауреат Государственной премии России. Область интересов: фольклористика, этнография, русская литература, русская философия рубежа XIX–XX веков.

Самоделова Елена Александровна (Москва), доктор филологических наук, старший научный сотрудник Отдела фольклора ИМЛИ РАН. Область научных интересов: русский фольклор, полевые исследования, фольклоризм писателей, текстология фольклора и литературы XX века.

Сорокина Светлана Павловна (Москва), кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела фольклора ИМЛИ РАН. Сфера интересов: фольклорный театр, история фольклористики, фольклор и литература.

Топорков Андрей Львович (Москва), член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Отдела фольклора ИМЛИ РАН. Специалист в области фольклористики, истории русской литературы, этнографии.

Фадеева Людмила Витальевна (Москва), кандидат филологических наук, заведующий Сектором фольклора и народного искусства Государственного института искусствознания, докторант ИМЛИ РАН. Сфера интересов: адаптация фольклорным сознанием христианских образов, символов, сюжетов; христианские образы восточнославянских заговоров; народная религиозность и устная религиозная проза; народное почитание локальных святынь и местных святых; фольклор и профессиональное творчество (литература и театр); современное состояние фольклорной традиции и полевые исследования.

Хлыбова Таисия Валерьевна (Москва), кандидат филологических наук, доцент кафедры лингводидактики и межкультурной коммуникации МГППУ. Сфера интересов: история русского языка, история фольклористики, народное православие и фольклорная традиция.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Архив РАН (Москва) — Архив Российской академии наук (Москва)
- Архив РАН (Петербург) — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПб.), см. также СПбФ АРАН, СПФ АРАН
- Брокгауз–Ефрон — Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона / Под ред. И.Е. Андреевского (до буквы В), К.К. Арсеньева и Ф.Ф. Петрушевского. Т. 1–41. СПб., 1890–1907
- Брокгауз–Ефрон (нов.) — Новый энциклопедический словарь / Под общ. ред. акад. К.К. Арсеньева. Т. 1–29. СПб.–Пг., 1911–1916
- БСЭ — Большая советская энциклопедия
- Венгеров. Источники — Венгеров С.А. Источники словаря русских писателей : В 4 т. СПб., 1900–1917.
- Венгеров. Словарь — Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых: от начала русской образованности до наших дней. Т. 1–6. СПб., 1886–1904
- ВЖК — Высшие женские курсы
- ВОКС — Всесоюзное общество культурной связи с заграницей
- Вольфила — Вольная философская ассоциация (Петроград / Ленинград)
- ВООПИК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (Москва)
- ВРК — Вестник рязанских краеведов. Журнал Общества исследователей Рязанского края (Касимов, Рязань)
- ВУАН — Всеукраинская академия наук (Киев)
- ГАИС — Государственная академия искусствознания (Москва)
- ГАРО — Государственный архив Рязанской области (Рязань)
- ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва)
- ГАХН — Государственная академия художественных наук (Москва), см. также РАХН
- ГИИИ — Государственный институт истории искусств (Петроград / Ленинград)
- ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)
- ГЛМ — Государственный литературный музей (Москва)
- ГЛМ, ФА — Государственный литературный музей, Фольклорный архив (Москва)
- ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств (Москва)
- ГРЦРФ — Государственный республиканский центр русского фольклора (Москва)
- ГЦТМ им. А.А. Бахрушина — Государственный центральный театральный музей им. А.А. Бахрушина (Москва)
- ЖЗЛ — Жизнь замечательных людей
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения (СПб.)
- Изв. АН СССР — Известия Академии наук СССР (Москва)
- Изв. ОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук (Санкт-Петербург / Петроград)
- ИЛЯЗВ — Институт сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока (Петроград / Ленинград)
- ИМЛИ РАН — Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН
- ИОЛЕАЭ — Имп. Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при имп. Московском университете

- ИР НБУВ — Институт рукописей Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского
- ИРГО — имп. Русское географическое общество (СПб.), см. также РГО
- ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (СПб.)
- ИЭ АН СССР — Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР (Москва), см. также: ИЭА РАН
- ИЭА РАН — Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), см. также: ИЭ АН СССР
- КИПС — Комиссия по изучению племенного состава СССР
- КККМ — Красноярский краевой краеведческий музей (Красноярск)
- КЛЭ — Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. М., 1962–1978
- КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР (Москва)
- ЛЭ — Литературная энциклопедия: В 11 т. [М.], 1929–1939.
- МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (СПб.)
- МВЖК — Московские высшие женские курсы (Москва)
- МГПИ им. В.И. Ленина — Московский государственный педагогический университет им. В.И. Ленина, см. также МПГУ
- МГППУ — Московский городской психолого-педагогический университет
- МГУ — Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва)
- МЛК — Московский лингвистический кружок
- МОИП — Московское общество испытателей природы
- МОНО — Методический отдел народного образования (Москва)
- МОПИ — Московский областной педагогический институт им. Н.К. Крупской
- МПУ — Московский педагогический государственный университет (Москва), см. также МГПИ им. В.И. Ленина
- НИИ им. К.А. Тимирязева — Научно-исследовательский институт им. К.А. Тимирязева (Москва)
- НИУ ВШЭ — Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)
- НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
- НЛО — Новое литературное обозрение (Москва)
- ОГПУ — Объединённое государственное политическое управление
- ОИРК — Общество исследователей Рязанского края (Рязань)
- ОИРЭФА — Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии (Москва)
- ОЛЕАЭ — Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при имп. Московском университете (Москва)
- ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва)
- ОПОЯЗ — Общество изучения поэтического языка (Петроград / Ленинград)
- ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)
- ОРКиР НБ СПбГУ — Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета
- ОРЯС — Отделение русского языка и словесности имп. Академии наук (СПб.)
- РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (Москва)
- РАХН — Российская академия художественных наук (Москва), см. также ГАХН

- РБС — Русский биографический словарь: В 13 т. СПб., 1896–1913
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
- РГИА — Российский государственный исторический архив (СПб.)
- РГНФ — Российский гуманитарный научный фонд (Москва)
- РГО — имп. Русское географическое общество (СПб.), см. также ИРГО
- РГПИ — Рязанский государственный педагогический институт (Рязань); см. также РГУ
- РГУ — Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина (Рязань); см. также РПИ
- РИАМЗ — Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник (Рязань)
- РИИИ — Российский институт истории искусств (СПб.)
- РИК — Районный исполнительный комитет
- РНБ — Российская национальная библиотека (СПб.)
- РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (СПб.)
- РОО — Русское окраинное общество
- РОРДС — (Веселовский А.Н.) Разыскания в области русского духовного стиха
- РФВ — Русский филологический вестник (Варшава)
- РЭВ — Рязанский этнографический вестник (Рязань)
- РЭМ — Российский этнографический музей (СПб.)
- Сб. ОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук (СПб.)
- СО РГО — Сибирский отдел имп. Русского географического общества
- СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПб.), см. также СПФ АРАН, Архив РАН (Петербург)
- СПФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПб.), см. также СПбФ АРАН, Архив РАН (Петербург)
- СУС — Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л., 1979
- СЭ — Советская этнография (Москва)
- ТЕО Наркомпроса — Театральный отдел Народного комиссариата просвещения РСФСР (Москва)
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Ленинград / СПб.)
- ТриЭ — Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР (Москва)
- Укр.СЭ — Украинская советская энциклопедия: В 12 т. Киев, 1978–1985
- ФОН — Факультет общественных наук I МГУ
- ЦАГМ — Центральный архив города Москвы
- ЦГИА СПб. — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
- ЦИАМ — Центральный исторический архив Москвы
- ЦМН — Центральный музей народоведения (Москва)
- ЦПО — Центрально-Промышленная область
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 1–264. М., 1846–1918
- ЭО — Этнографическое обозрение (Москва)
- A.f.Sl.Ph. — Archiv für Slavische Philologie (Berlin)

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

- А. К-въ — см. Кирпичников А.И.
 А.К. — см.
     Кирпичников А.И.
 Аарне А. 212, 220, 241
 Абашева Д.В. 426
 Абрамов И.С. 148
 Авдеев 466
 Авдеев А.Д. 293
 Авдиев В.И. 57, 114
 Автономов Н. 537
 Агафья Ивановна, жена
     А.Н. Островского 479
 Агеева В. 228
 Адарюков В.Я. 506
 Адоньева С.Б. 53.
 Адрианова В.П. — см.
     Адрианова-Перетц
     В.П.
 Адрианова Л.Н. 28
 Адрианова О.Н. 28
 Адрианова-Перетц В.П.
     11, 16, 18, 19, 22, 24,
     26, 28, 29, 31, 32, 34,
     35, 139
 Азадовский К.М. 414
 Азадовский М.К. 248,
     261, 269, 270, 271,
     274, 441, 448, 515,
     516, 528
 Азбелев С.Н. 399, 400
 Айдакова А.Г. 8, 323,
     554
 Айдачич Д. 539
 Акимова М.В. 77
 Акимова Т.М. 442, 490
 Аксаков И.С. 276
 Аксаков К.С. 424
 Александр I, имп. 526
 Александр
     Македонский 383
 Александра Федоровна,
     имп. 91, 92, 96, 97,
     101, 103
 Алексахина И.В. 413
 Алексеев А.А. 517
 Алексеевы 276
 Алексеенко Е.А. 497
 Алексей Божий человек
     16–18, 22–24, 28, 34,
     171
 Алексей Михайлович,
     царь 526
 Алексей Петрович, ца-
     ревич 99
 Аллендорф З.Е. 453, 454
 Алмазов А.И. 475
 Алмазов Б.Н. 479
 Алонзов, свящ. 394
 Алпатов В.М. 29, 76,
     458, 462
 Алпатов С.В. 426
 Алперс Б.В. 489
 Алферов А.Д. 415
 Альбицкий 477
 Альтшуллер М.Г. 407
 Аммон Е.Н. 417
 Аммон Н.И. 417
 Ананьина А.Д. 257
 Ананьина А.С. 255
 Ананьина Т.И. 255
 Андерсен Г.Х. 286
 Андреев В.М. 228
 Андреев Н. 515
 Андреев Н.П. 28, 29,
     207, 211, 213
 Андреева-Дельмас Л.А.
     405
 Андрошук Ф. 367
 Аникин В.П. 426, 471,
     515
 Аничков Е.В. 81, 83,
     405, 410, 411
 Анохин А.В. 284
 Анохина Л.А. 444, 446
 Антарова К.Е. 163
 Антиох 476
 Антонович Вл. 375, 390
 Анучин Д.Н. 276, 281,
     396, 440, 451
 Апо С. 39
 Арандаренко Е.Н. 285
 Арбузов А.В. 465
 Аренберг Я. 543
 Арефьев В.С. 270, 274
 Арзютов Д. 210
 Аристотель 108
 Армстронг Р.П. 39
 Арнольди В.С. 471
 Артемий, старец 476
 Артемьев А.И. 536
 Архангельский А.С. 60,
     108, 111, 113, 388,
     400, 473, 536, 537
 Архипова А.С. 52, 97, 104
 Астахова А.М. 20, 36,
     38, 45, 47, 48, 55, 466,
     470, 471
 Астров 381
 Афанасий, св. 476
 Афанасьев А.Н. 170, 203,
     204, 207, 208, 214,
     232–239, 244, 334,
     358, 362, 364, 365,
     384, 408, 411, 417, 418,
     480, 487, 516
 Афанасьев Н.Н. 417
 Афанасьева Е.А. 366
 Афремов Ф.Н. 56
 Ахматов М.А. 268
 Ахметьев 504
 Ашнин Ф.Д. 29, 76, 458,
     462
 Ашукин Н.С. 283, 489
 Ашурков В. 516
 Бабий А.Н. 463
 Баврин И.И. 194
 Багалей Д.И. 441
 Багрий А.В. 19, 29
 Бадалич О.М. 155
 Бадей С. 366
 Баженов В.О. 354, 360,
     362
 Бажов С.И. 193, 194

* Составила А.Б. Ипполитова.

- Базилевич Л.И. 56
 Базилевский Б. 339
 Байбурун А.К. 134
 Байкалов Д.Н. 366
 Байрон Дж.Г. 399
 Бакай Н.Н. 491
 Балухатый С.Д. 19, 31.
 Бальдауф Ф.И. 549
 Банзаров Д. 549
 Бараг Л.Г. 558
 Баран Х. 74, 140
 Баранкова Г.С. 56, 75
 Баранов Е.З. 91–93, 95,
 96, 99, 100, 102, 103
 Баранцевич 286
 Барсов Е.В. 394
 Барсуков Н.П. 515
 Барт Р. 48
 Бартрам Н.Д. 153
 Баскаков Н. А. 76
 Бастиан А. 493
 Баташев М.С. 491
 Батюшков К.Н. 546
 Батюшков П.Н. 385, 397
 Батюшков Ф.Д. 489
 Бахрушин А.А. 489
 Бахтин М.М. 48, 162
 Бахтина В.А. 48, 140, 320
 Бачелис Т.И. 161
 Бегичев В.П. 487
 Бедье Ж. 220, 221, 228
 Бейли Дж. 28, 29, 48
 Бекетов А.Н. 405, 406
 Бекетова А.А. — см. Куб-
 лицкая-Пиоттух А.А.
 Бекетова Е.Г. 405
 Белецкий А.И. 16
 Белецкий А.Н. 29,
 Белинский В.Г. 374, 415,
 416; 477, 511, 515, 529
 Белова О.В. 29, 98, 394
 Белый А. 106, 179, 408,
 412
 Бельский, купец 510
 Белянин А.О. 354, 362
 Бенеш Б. 39, 53
 Бенфей Т. 524
 Берг Н.В. 479, 534
 Бердников Л.П. 491
 Бердяев Н.А. 188
 Березин Ф.М. 77
 Березовский И.П. 558
 Берков П.Н. 28, 505
 Бернштам Т.А. 293
 Бернштейн С.Б. 535, 538
 Бернштейн С.И. 57, 60, 115
 Берында П. 509
 Беспаликов В.И. 465
 Бессонов П.А. 418, 431,
 480, 488, 515
 Бестужев М.А. 549
 Бестужев Н.А. 549
 Бианки В.Л. 492
 Билецкий Л.Т. 19, 29
 Бичурин Н.Я. 549
 Білецький Л. — см.
 Билецкий Л.Т.
 Благой Д.Д. 57
 Блок А.А. 8, 61, 405–
 414, 555
 Блок А.Л. 405
 Боас Ф. 290
 Бобракова-Тимошкина Е.
 140
 Бобринский А.А. 492
 Бобров С.П. 57
 Богаевский П.М. 381,
 382, 383, 396
 Богатова Г.А. 538
 Богатырев П.Г. 7, 25,
 38–41, 45, 46, 48, 49,
 51–56, 58–61, 63, 65,
 66–70, 72, 73, 76, 82–
 85, 87–91, 93–95, 101,
 102, 104–106, 108–
 110, 113–115, 118,
 120–124, 127–134,
 138, 139, 142–165,
 283, 288. 362, 448,
 449, 516
 Богатырева Е.Г. 135, 139
 Богданов А.И. 75
 Богданов В.В. 63, 77,
 169–172, 194, 269,
 271, 283, 400, 451,
 452, 455, 457, 471
 Богданов-Бельский
 Н.П. 171, 172
 Богина Ш.А. 444, 446
 Богомолов В. 470
 Богородица, Богоматерь
 332, 375, 409, 435, 436,
 437, см. также Дева
 Мария, Мадонна
 Бодуэн де Куртенэ И.А.
 137, 533
 Бодянский О.М. 24
 Бойчак М.П. 329, 330,
 336
 Бокариус С.Э. 538
 Боккаччо Дж. 373
 Бокль Г.Т. 176
 Бокова В.М. 96, 515
 Болотников И. 507
 Болотов А.Т. 407
 Бонди С.М. 60
 Бонч-Бруевич В.Д. 498
 Бопп Ф. 531
 Борис и Глеб, князья 29
 Борис, архимандрит 525
 Борисенко В.К. 228
 Борисов 385
 Борисов Н. 415
 Бородина-Морозова Э.Г.
 466, 467, 471
 Боткин Д.П. 277
 Боткины 276
 Бочаров В.Р. 465
 Браун К. 40, 53, 54
 Браун Ф.А. 540, 542
 Бремон К. 39, 48
 Брехт Б. 156
 Брик О.М. 45, 57, 60,
 73, 75, 84–93, 95, 99,
 100, 102, 103, 105,
 106, 108–113, 115,
 118–124, 129, 130
 Бритиков А.Ф. 366
 Брокгауз Ф.А. 326, 337,
 437, 438, 441, 450, 476,
 488, 505, 526, 535
 Бронников Н.А. 284
 Бронницын Б. 511
 Бруханский А.Н. 480
 Брюсов В.Я. 75
 Брюсова Н.Я. 372, 466
 Бруханов С. 259
 Бугославский С. 29
 Будде Е.Ф. 298, 523
 Будилович А.С. 533
 Будина О.Р. 444, 446
 Буйницкий К. 389
 Булахов М. Г. 518, 526, 535
 Бунин И.А. 186, 372
 Бунин Ю.А. 249
 Буравова О. 426

- Бургардт О. 27, 29, 36
 Бурдые П. 364, 366
 Буриан Э.Ф. 156, 164
 Буслаев А.А. 56, 57, 60, 65, 66, 68, 70, 73, 78, 85, 87, 91, 93, 95, 105–110, 113–115, 117, 118, 120, 124, 128, 131, 133, 135–138
 Буслаев В.А. 57
 Буслаев Ф.И. 18, 42, 62–64, 177, 227, 357, 358, 362, 411, 415, 430–432, 435, 438, 440–442, 517, 524, 533
 Бутяков Л. 354, 359
 Бушуев В.Ф. 329
 Быстров Б.Н. 444
 Бычков А.Ф. 535
 Бюхлер И. 39

 В.К. — см. Каллаш В.В.
 Ванягина К.Ф. 480
 Варнеке Б.В. 143, 162, 488
 Варфоломей, ап. 473
 Варя, горничная 285
 Василий III, вел. кн. 505
 Василий Великий, св. 519
 Василий Мангазейский, св. 495
 Васильев М.К. 148, 414, 415
 Васильев Н.В. 66
 Васильева Е.Е. 29
 Васнецов А.М. 525
 Васюнкина А.Г. 465
 Вахитова Т.М. 97
 Вахтангов Е.Б. 150
 Вацлав, св. 392
 Введенский А.И. 410
 Вдовин А.С. 491, 498
 Веденьев И.Д. 248, 249, 271
 Велеслав 366
 Велецкая Н.Н. 390, 400
 Вельмезова Е. 40, 48, 55
 Венгеров С.А. 438, 441, 535
 Верещагин Г.Е. 383, 396
 Веркович 393

 Вермель 99, 103
 Вертоградский Н.И. 542
 Веселовский А.А.
 Веселовский Александр Н. 8, 11, 12, 17, 18, 29, 30, 33, 34, 38, 42, 43, 64, 79, 82, 220, 221, 227, 228, 232, 353, 358, 362, 371–389, 391–401, 410, 411, 422, 432–434, 441, 442, 474, 476, 524, 534, 540, 543–546, 558
 Веселовский Алексей Н. 142, 162, 372, 442,
 Веселовский К.С. 502
 Веселовский Н.И. 537
 Веселы Й. 151, 152
 Ветухов А.В. 527
 Вздорнов Г.И. 516
 Виггинс Дж. 492
 Виленский-Сибирияков В. 338
 Вилинский С.Г. 476
 Вильбоа К.П. 482, 483
 Виндгольц И.П. 49
 Виноградов В.В. 20, 25, 27
 Виноградов Г.С. 258, 271, 470
 Виноградов Н.Н. 143, 148, 163, 515, 516, 527
 Виноградов П.Г. 283
 Винокур Г.И. — см. Винокур Г.О.
 Винокур Г.О. 27, 30, 56, 57, 73–75, 78, 84, 86, 87, 88, 90, 91, 95, 99, 100, 103, 105–109, 11, 113–115, 135, 136
 Владимир, кн. 190, 191, 499, 520, 522
 Владимиров П.В. 537
 Владимирова И. — см. Душечкина И.В.
 Власий, св. 319, 520
 Власов А.А. 331, 336
 Власова М.Н. 32
 Вовина С.Я. 413
 Вовина-Лебедева В.Г. 98
 Войтоловский Л. 97

 Волков Н.Н. 138
 Волков Р.М. 38, 45, 48, 55, 143, 162, 208, 214, 217, 220, 228
 Волков Ф.Г. 430
 Володихин Д.М. 366
 Вольфганг, св. 289
 Воробьев В.П. 442
 Воронихин С. 518
 Воронов П.Т. 262–264, 267
 Воронова Л.Я. 113
 Воронцов-Вельяминов Е.Н. 508
 Воскресенский В.А. 517
 Востоков А.Х. 42, 48, 535
 Врабье Г. 39
 Вратская О.Б. 506
 Всеволодский-Гернгросс В.Н. 21, 162
 Вундт В. 137
 Высоцкая Ю.В. 486
 Высоцкий Н.Ф. 331, 332, 336
 Выходцев П.С. 413
 Вышеславцев Б.П. 51, 166, 187–196

 Габель М.О. 38, 49, 55
 Гаврюшин Н.К. 192
 Гадзяцкий С.С. 120
 Гай Л. 531
 Гайдай М.М. 538
 Галахов А.Д. 411, 441
 Галлер К.П. 495
 Ганелин Р.Ш. 500
 Ганка В.В. 530–532
 Ганцкая О.А. 321, 460
 Гаспаров Б.М. 414
 Гаспаров М.Л. 28, 48, 77
 Гауптман Г. 543
 Гаусман А.Л. 252, 253
 Гацак В.М. 52
 Геворкян Э.В. 361
 Геденов С.А. 351, 366, 478
 Гейне Г. 412–413
 Гелиодор 433
 Геллер Л.М. 366
 Гениатулин Р.Ф. 552
 Генисаретский О.И. 195
 Георгиевский Г.П. 269

- Георгий Михайлович, вел. кн. 523
 Георгий, св. 428, 433–435, 437 (см. также Егорий Храбрый)
 Герасимов Ю.К. 413
 Гермоген, свщм., патриарх Московский 92, 93, 98
 Геродот 350
 Герцен А.И. 447, 477, 548
 Гершензон М.О. 109, 113, 114
 Гершкович Б. 444, 448, 449
 Герье В.И. 277, 282, 442, 517
 Гете И.В. 227, 399
 Гильфердинг А.Ф. 42, 43, 49, 355, 416, 418, 470
 Гиляров Ф.А. 431
 Гиндин С.И. 27, 75, 140
 Гиппиус З.Н. 196, 407
 Гиппиус Т.Н. 410, 413
 Глаголева Т. 489
 Гланц Т. 140
 Глебовская А.В. 53
 Глинка Ф. 511
 Глоцер В.И. 97
 Глюк, пастор 35
 Говенько Т.В. 8, 371, 398, 554
 Гоголев И.П. 466
 Гоголь Н.В. 33, 59, 89, 117, 121, 123, 139, 269, 273, 372, 409, 427, 430, 439, 475, 527, 529, 536
 Годунов Борис, царь 84
 Годунова Ксения, царица 81, 84
 Голанов И.Г. 140
 Голдовский Д. 163
 Голицын А.Н. 507, 512
 Головацкий Я.Ф. 385, 397
 Головкин В.Н. 249, 271
 Головкин Е. 210
 Голышев И.А. 502
 Гольдони К. 478
 Гондатти Н.Л. 266, 378, 393
 Гонзл И. 154, 156, 162
 Гончаров И.А. 447
 Горбачевский И.И. 549
 Горбунов Б.В. 463
 Горбунов И.Ф. 485
 Горбунова Л.Г. 442
 Гордлевский В.А. 66
 Горемыкин А.Д. 254
 Горизонтов Л.Е. 32
 Горнунг Б.В. 56, 73, 91, 93–95, 99, 103, 105, 118, 120, 123, 124, 128, 129, 131, 135–139
 Городцов В.А. 451
 Горький А.М. 372, 406, 466
 Гофман Э. 60, 115–118
 Гоцци К. 478
 Грабовский М. 375, 377, 389, 391, 392, 400
 Грацианская Н.Н. 444
 Греймас А.–Ж. 39, 49, 241
 Греймас А.Ю. — см. Греймас А.–Ж.
 Греков Б.Д. 355–357
 Грибоедов А.С. 121, 447
 Григорович В.И. 475
 Григорьев А.А. 479, 481, 482
 Григорьев А.Д. 64, 134
 Григорьев Ап. 405
 Григорьев М. — см. Альтшуллер М.Г.
 Григорьева О.А. 354, 357, 359, 360, 362
 Гримм, братья 286, 391, 438, 524
 Гринкова Н.П. 201, 208, 211, 212, 214
 Грицик Л. 30
 Гришкин И.С. 526
 Гроссе Э. 415
 Грот Л.П. 366
 Грот Я.К. 484
 Груздева Е.Н. 500, 548, 554
 Грузинский А.Е. 8, 214, 388, 400, 415–418, 451
 Грушевская К.М. 22, 34
 Грушевский А. 537
 Грушевский М.С. 24
 Грушевская К.М. — см. Грушевская К.М.
 Грюнведель А. 493
 Грякалова Н.Ю. 413
 Гудзий Н.К. 27, 30, 35
 Гудков И. 465
 Гужиева Н.В. 413
 Гузякин Ф.Г. 60
 Гуковский Г. 28
 Гулаг-Артемковский П.П. 528
 Гуль Р.Б. 293
 Гуляев С.И. 468
 Гуляева Н.П. 491
 Гуменник А. 467
 Гумилев Н.С. 110
 Гура А.В. 352, 366
 Гуревич И.А. 120, 124, 127, 131
 Гуревич Л.Я. 163
 Гуревич С.Я. 252, 253
 Гурьян О.М. 88, 99, 120
 Гусев В.Е. 49, 162, 400, 538
 Гусева Н.И. 363
 Гусева Н.Р. 359, 367
 Гусев В.С. — см. Гусев В.Е.
 Гутнов Д.А. 441
 Гухман М.М. 49
 Гучков 102
 Даль В.И. 330, 358, 363, 484, 509, 524
 Дандис А. 39
 Даниил, игумен 509
 Данилейко В.А. 497, 498, 554
 Данилин А.Г. 453, 454
 Данилов В. 249
 Данковская Р.С. 284
 Данте Алигьери 415
 Дарвин Ч. 209
 Дашкевич 381, 395
 Дашков В.А. 398
 Дашков Вс.Я. 527
 Дбружинский А. 397
 Двойченко-Маркова Е.М. 538
 Дворецкая Е.А. 354, 357, 360–362
 Дева Мария 334, 435–437, см. также Богородица, Мадонна

- Демидов П.Н. 534
 Демидова Н.А. 420
 Демин А.С. 30
 Демин В.Н. 360
 Демич В.Ф. 8, 323–341
 Демич Д.П. 323
 Демич Е.В. 323
 Демич Л.В. 323
 Демич М.В. 323
 Демич Н.В. 323
 Деникин А. 294
 Денисенко В.П. 271
 Державин Г.Р. 106, 108, 110, 136
 Дерикер В.В. 330, 338
 Дерунов 380, 382
 Десницкая А.В. 49
 Джекобс М. 39
 Джемс Р. 58, 81, 83, 533
 Джонс С. 39
 Дивов О.И. 355–358, 361, 362
 Диккенс Ч. 479
 Дмитрий Ростовский 416, 436
 Димперан Л.В. 463
 Дингес Г.Г. 56, 66, 78
 Диченко М.И. 32
 Дмитриев 428
 Дмитриев А.Н. 7, 11, 30, 42, 74, 75, 216, 218, 228, 554
 Дмитриев Д. 326
 Дмитриев Л.А. 30
 Дмитриев Н.К. 75
 Дмитриев П.А. 538
 Дмитриева Р.П. 515
 Дмитрий Самозванец — см. Лжедмитрий
 Дмитрий Солунский, св. 439
 Добровольская В.Е. 98, 293
 Добровольский В.Н. 169
 Добролюбов А. 179
 Добролюбов Н.А. 477, 533
 Долобо М.Г. 518
 Домонтович В. — см. Петров В.
 Дорина Т.П. 413
 Досталь М.Ю. 535, 538
 Достоевский Ф.М. 85, 122, 184, 193, 407, 412, 477
 Драгоманов М.П. 30, 375, 378, 380, 384, 386, 390, 393
 Драгоманова (Шишманова) Л.М. 378, 393, 394
 Дримль К. 152
 Дринов М.С. 433
 Дроботушенко Н.Е. 552
 Дружинин В.Г. 518
 Дубровин А.И. 519
 Дубровский Н.А. 484
 Дудко В. 30
 Дурасов 285
 Дурново Н.Н. 25, 56, 65, 66, 69, 70
 Душечкина И.В. 407
 Евдокия, царица 80, 82
 Евреинов Н.Н. 150
 Егорий Храбрый 17, 36 428, 433–435, 437 (см. также Георгий, св.)
 Егоров Д.Н. 451
 Екатерина II, имп. 427, 451, 476
 Екимецкая В.П. 450, 462
 Елагин В.А. 552
 Елеонская Е.Н. 63, 66, 69, 70, 138, 283, 451
 Елизавета Петровна, имп. 502
 Елисеев В.Г. 418
 Елисеева Т.В. — см. Зуева Т.В.
 Еремин И. 36
 Ермолов А.С. 267, 268, 272
 Ерофеев И.Ф. 26
 Ершов 103
 Есаулова Е.Н. 490
 Есипов Г.С. 98
 Ефименко П. 411
 Ефимов В. 134
 Ефимов И.С. 153
 Ефимов Н.И. 19
 Ефремов П.А. 388, 399, 400
 Ефремов П.Е. 493
 Ефремов С. 25
 Ефрон И.А. 326, 327, 437, 438, 441, 450, 476, 488, 505, 515, 526, 535
 Жбанков 343
 Жданко Т.А. 444, 445
 Жданов И.Н. 473, 517, 521, 522, 526
 Женовач С.В. 490
 Жеребцов Г.А. 552
 Живов В.М. 28
 Жинкин Н.И. 138
 Жинкин Н.П. 489
 Жирков А.И. 135
 Жирмунский В.М. 20, 21, 27, 31, 38, 41, 43–45, 49–51, 54–55, 57, 202, 216, 353
 Житецкий П.И. 13, 14, 24, 30, 32–34, 375, 381, 389, 395
 Житецкий П.Г. — см. Житецкий П.И.
 Житов Л.А. 135
 Жохов А.Ф. 478
 Жуковский В.А. 273, 373, 374, 388, 399, 400
 Журавлевы В.К. и И.В. 518
 Журид А.В. 329
 Журов П. 412
 Забалуев П.Л. 249, 250, 256, 258
 Забелин И.Е. 488, 501, 502, 516
 Забылин М. 411
 Завалишин Д.И. 549
 Задера 345
 Задорнов М.Н. 363
 Зайцева З.И. 30
 Закаблуковская Н.Н. 552
 Засодимский П.В. 286
 Захаренко Н.Г. 413
 Захаркин С. 11
 Захаров Э.В. 426
 Захарьин (Якунин) И.Н. 430, 431
 Звездная Е. 366

- Зеленин Д.К. 90, 145, 207, 211, 268, 270, 283, 289–294, 298, 318, 320, 361, 362, 495, 523, 524, 527
 Зелинский Ф.Ф. 408, 410
 Земцова Д.А. 60
 Земьскова А.Ф. 60
 Зензинов А.А. (Фучан) 549–552
 Зензинов М.А. 549, 551–553
 Зенкин С. 31
 Зеньковский В.В. 183, 195
 Зеров М. 228
 Зизаний Л. 509
 Зими́на Л. 49
 Зих О. 157, 163, 164
 Злобина Н.Ф. 426
 Злотников Р.В. 361, 362
 Золотарев Д.А. 211
 Зотов Н.Л. 252, 253
 Зуев Н.Н. (сын) 419
 Зуев Н.Н. 419, 427
 Зуева Т.В. 8, 418–427

 Ибсен С. 542, 544, 546
 Иван III, царь 505
 Иван IV Грозный, царь 169, 385, 505
 Иваницкий Н.И. 516
 Иванов 135
 Иванов А. 515
 Иванов В.Д. 361
 Иванов Вяч.Вс. 46, 49, 77, 50, 293, 350, 351, 360, 362, 367
 Иванов Вяч.Ив. 109, 113, 114, 168
 Иванов Г.К. 481
 Иванов Н.И. 506
 Иванова Т.А. 528
 Иванова Т.Г. 8, 11, 31, 50, 74, 76, 135, 162, 202, 204, 214, 216, 228, 247, 391, 527, 546, 554
 Ивановский А.А. 394, 396
 Иванюк Е.С. 395
 Ивлева Л. 163
 Измайлов А.Е. 428
 Измайлов Н.В. 31
 Иисус Христос 99, 171, 180, 267, 316, 334, 360, 380, 408, 412, 436
 Иконников В.С. 526
 Иловайский Д.И. 521
 Ильина Ф.В. 480
 Ильинский Г.А. 25
 Иоанн Богослов, ап. 436, 473
 Иоанн Креститель, св. 332, 520
 Иогансон Э.Г. 21
 Иордан Н.В. 249, 250, 350
 Иохельсон В. 272
 Ипполит, св. 535
 Ипполитова А.Б. 163, 285, 293, 453, 454, 498, 552–554
 Ипполитов-Иванов М.М. 482, 488
 Исаков С.Г. 339
 Истрин В.К. 476

 Кабакова Г.И. 394
 Кабашников К.П. 538, 558
 Кабашников К.П. — см. Кабашников К.П.
 Каверин В.А. 20
 Кагаров Е.Г. 338
 Кадушкин К.В. 466
 Казанский С.П. 417
 Казанцев А.Н. 259
 Калашников П.И. 478
 Калитовский О. 377, 380, 392
 Каллаш В.В. 8, 143, 163, 287, 293, 371–391, 393, 401, 416, 427–430
 Калло Ж. 116
 Каменев Л.Б. 31
 Каммари М.Д. 444
 Кан И.Л. 56, 69
 Кандинский В.В. 276, 293
 Кант И. 175
 Капица О. И. 548
 Караджич В. 135, 136, 531, 538
 Карамзин Н.М. 506, 542
 Карапетова И.А. 497
 Каретников А.А. 134
 Карзинкина С.Н. 418
 Каринский Н.М. 66, 498, 499
 Карл Великий, имп. 392
 Карнаухова И.В. 20
 Карнаухова М.Г. 338
 Карский Е.Ф. 518
 Карцевский С.И. 65
 Каршина Л.Е. 76
 Кастрен М. 543
 Кашин Н. 416
 Кашин Н.П. 489
 Кашкин Н.Д. 487
 Кашперов В.Н. 478, 481
 Квашина-Самарина А.А. 493
 Квитницкий-Рыжов Ю.Н. 329, 338
 Кекутов Н. 323
 Кёнгас Э.К. 39
 Кенигсберг М.М. 57, 60, 73, 105–107, 111, 114–116, 118, 120–124, 128–130, 135, 136
 Кербелите Б. 7, 230, 243, 554
 Керенский А.Ф. 92
 Керимова М.М. 8, 78, 293, 295, 400, 539, 555
 Кибальная М.Н. 216, 228, 555
 Кизеветтер А.А. 451
 Кирдан Б.П. 419, 420, 422, 423, 425, 426, 528, 529
 Киреев Н.П. 387
 Киреевский П.В. 177, 385, 431, 480, 515, 551, 552
 Кирпичников А.И. 8, 417, 430–442, 524, 525
 Кирпичникова А.Н. 356, 367
 Кирчів Р. 539
 Кирша Данилов 63–65, 72, 80, 355, 510, 511
 Китаев Л. 97
 Китайгородская М.В. 96
 Клабуновский И.Г. 443
 Классен Е.И. 363

- Клебек, фон 552
 Клейн И. 28, 31
 Клеменц Д.А. 260, 261, 271, 273, 491, 492
 Клен Ю. — см. Бургардт О.
 Клетнова Е.Н. 283, 284
 Климент Римский, св. 519
 Климов Г.А. 76
 Клингер В.П. 338
 Клоустон В. 226
 Клюев Н. 414
 Ключевский В.О. 111, 442
 Князев С.Е. 408
 Князевская Т.Б. 31
 Коберт Р. 324
 Кобченко К. 31
 Ковалевский М.М. 276
 Ковалевский О.М. 549, 550, 551, 553
 Коваленко Г.О. 338
 Коган Л.Р. 489
 Коган О.А. 120, 124, 131
 Коган-Бернштейн Л.М. 252, 253
 Козлов В.П. 515, 516
 Кокорин (Чима) Е.М. 261
 Колгушкина Н.В. 539
 Колесницкая И.М. 537
 Колобова Н.А. 413
 Колоницкий Б.И. 140
 Колосова Е.М. 481
 Колпакова Н.П. 20, 21, 26, 31, 36, 470
 Кольцов М.Е. 97
 Комаров В.Л. 498
 Комаров В.Я. 465
 Комаров М. 38, 53
 Комелина Н.Г. 7, 201, 555
 Компаньон А. 31
 Кон Н. 98
 Кон Ф.Я. 338, 491
 Кондаков Н.П. 431, 435, 42
 Кондрашов Н.А. 536, 538
 Кони А.Ф. 501, 505
 Конфуций 354
 Коншина Е.Н. 57, 60, 105–107, 112, 113
 Копецкий М. 151
 Копитар Е. 531
 Корепова К.Е. 511
 Коринфский А. 361, 363
 Коровашко А.В. 516
 Коровин В.И. 422
 Королев К.М. 8, 349, 367, 555
 Короленко В.Г. 372
 Коронный В. 249
 Короткий В.А. 28
 Корш В.Ф. 434, 442
 Корш Ф.Е. 42, 43, 50, 56, 64, 65, 75, 76, 84, 88, 517
 Косиков Г.К. 48, 50
 Коскен Э. 226
 Костенко Ю. 339
 Костоловский И.В. 471
 Костомаров Н.И. 342, 382, 487, 488, 528, 529, 533, 537
 Костюхин Е. А. 31, 50, 209, 214, 217, 228
 Котляревский И.П. 14, 536
 Котляревский Н.А. 442
 Кочубинский А.А. 476
 Кошелев В.А. 490
 Кошелев Я.Р. 272, 552
 Кошкин И.В. 355–358, 362
 Кравцов Н.И. 419
 Кравчинская В.А. 495
 Краевский А.А. 512
 Красин Б.Б. 134
 Красинская А. 481
 Краснов П.Н. 95
 Кривоносов В. 467
 Кривополенова М. Д. 64, 133–135
 Кривошеков А. 138
 Кругликов С.Н. 488
 Круглов М.А. 173, 174
 Кружилин А.В. 327, 338
 Крупина Н.Л. 426, 427
 Крупская Н.К. 458, 459
 Крупянская В.Ю. 8, 442–449
 Крупянский В.Ф. 447
 Крусанов А.В. 56, 75, 140
 Крутовский В.М. 256
 Крученых А.Е. 57
 Крыжановский Б.Г. 458
 Крылов В.Б. 31
 Крылов И.А. 372, 387, 388, 399, 427, 439
 Крымский А.Е. 24, 226
 Крэг Г. 150, 151, 156, 161
 Крюкова М.С. 467, 468, 470
 Ксенофонт 433
 Кубарев А.М. 515
 Кубицкий А.В. 283
 Кублицкая-Пиоттух А.А. 405
 Кудряшев В.Н. 251, 253
 Кузнецов Л.П. 268
 Кузнецов П.В. 469
 Кузнецова Н.И. 413
 Кулиш П. — см. Кулиш П.А.
 Куликовский Г.И. 392
 Кулиш Ж.В. 489
 Кулиш П.А. 218, 229, 375, 377, 383, 386, 389, 391, 392, 400
 Кумпан К.А. 407, 411
 Куприн А.И. 372
 Курганов 428
 Курганов Н.Г. 438
 Курец Т.С. 418
 Курило О. 25
 Кускова Е.И. — см. Срезневская Е.И.
 Кутузова А.И. 479
 Куфтин Б.А. 304, 451, 453, 457
 Кушнер Б.А. 57
 Кушнер Б.Д. 115
 Кызласова И.Л. 516
 Кэрей Б. 39
 Кюхельбекер В.К. 549
 Лаврентий, вотяк 381, 396
 Лавров А.В. 31, 195
 Лавровский Н.А. 533
 Лавровский П.А. 533
 Лазарчук А.Г. 362
 Лазурский В.Ф. 441
 Лакшин В.Я. 489
 Ламанский В.И. 257, 363, 398, 527, 533, 536
 Ланда, доктор 348
 Лапин В.А. 29, 50
 Лаппо-Данилевский А.С. 27
 Лаптева Л.П. 391, 539
 Ларин Б.А. 16

- Ларионова М.Ч. 490
 Ластовский В. 26
 Лебедев А. 450
 Лебедев Д.Д. 450
 Лебедев Д.П. 450
 Лебедев И.П. 449
 Лебедев П.А. 450
 Лебедев П.И. 450
 Лебедев Ю.В. 487
 Лебедева Е.В. 31
 Лебедева Е.И. 450
 Лебедева Л.М. 301, 443, 450, 458
 Лебедева Н.И. 8, 25, 297–322, 443, 449–463, 539
 Левашов В.С. 552
 Леви-Брюль Л. 358
 Левинтон Г.А. 413
 Леви-Строс К. 39, 50, 358
 Левит М.Т. 114
 Левкиевская Е.Е. 391
 Левшин В.А. 38, 53, 511
 Леженда В. 366
 Лейен, фон дер 87
 Леман Г.А. 182
 Ленер А.Ф., фон 436
 Ленин В.И. 96, 102, 104
 Лённрот Э. 543, 545
 Ленский 153
 Леонов Н.И. 495
 Леонов С.А. 420
 Лермонтов М.Ю. 58, 129, 130, 372, 393, 405, 415, 427
 Лесневский С.С. 412
 Летурно Ш. 279
 Лехович Д. 294
 Лжедмитрий 169, 485
 Ливеровская М.И. 19
 Линд В. 289
 Линде С. 531
 Линёва Е.Н. 465
 Липатникова Г.И. 538
 Липец Р.С. 8, 78, 464–472
 Липский А.Н. 283
 Литаврин Г.Г. 356
 Литвинова П. 390
 Литвинцев А.Ю. 552, 553
 Литягин В. 249
 Лихачев Д.С. 27, 31, 139
 Лихачев Н.П. 518
 Лобанов М.П. 489
 Лобода А.М. 21, 25, 33, 42, 51, 79, 83, 218, 219, 475
 Ломброзо Ч. 345
 Ломоносов М.В. 28
 Лонг 433
 Лони́на С.Л. 491
 Лопатин И.А. 291, 294, 491, 492
 Лопухина Е.В. 367
 Лосев А.Ф. 167, 195, 424
 Лотман Л.М. 489
 Лотман Ю.М. 413
 Луженовский Н.Н. 481
 Лукашевич К.В. 288
 Лукин Е. Ю. 354, 355, 361, 362
 Луконин А.Ф. 489
 Луначарский А.В. 109, 113
 Лунин М.С. 549
 Лупанова И.П. 516
 Лурье С.Я. 19, 26, 31
 Лурье, проф. 328
 Львов В. 288
 Львов Н.А. 525
 Львов Ф.Н. 549
 Львов Я.Д. 479
 Лэнг Э. 287–289, 294, 295
 Любавский М.К. 451
 Любимов А. 468
 Любимова Г.В. 294
 Любимова О.Е. 414
 Ляпунов Б.М. 518
 Ляхова Л. 461
 Лященко А.И. 14, 31, 34
 Магомедова Д.М. 413, 414, 555
 Маделунг О. 542, 543
 Мадонна 437, см. также Богородица, Дева Мария
 Мазе С.Я. — см. Мазэ С.Я.
 Мазепа 429
 Мазон А. 27
 Мазур С.Ю. 118
 Мазэ С.Я. 57, 65, 114, 115, 118–120, 128
 Майков Л.Н. 33, 131, 134, 385, 397, 523
 Макаревский А. 248, 250, 272
 Макаренко А.А. 8, 247–275
 Макарий, митрополит 30
 Макаров Н.П. 491
 Макашина Т.С. 78, 471
 Максимов А.Н. 281, 285, 451
 Максимов Д.Е. 413
 Максимов С.В. 262, 361, 363, 410, 480, 483, 524, 549
 Максимович М.А. 28, 528, 529, 539
 Макушев В.В. 533
 Малинин В. 517
 Малицкий Г.Л. 114
 Мамин-Сибиряк Д.Н. 286, 372
 Мамонтов С.И. 479
 Мандельштам О.Э. 57
 Маннгардт В. 418
 Мансикка В.П. 65
 Мансуров А.А. 453
 Мануйлов А.А. 451
 Манучаров И.Л. 249, 250
 Манчаров — см. Манучаров И.Л.
 Манчурьянц — см. Манучаров И.Л.
 Маньковский А.В. 75
 Маранда П. 39
 Мария Федоровна, имп. 101, 103
 Маркевич А.И. 476
 Марков А.В. 399
 Маркс К. 190, 250
 Маркус С. 39
 Марр Н.Я. 137, 210
 Мартынова А.Н. 50, 214, 228, 229, 486
 Мартыанов Н.М. 255, 256, 491, 498
 Марцинковская Т.Д. 164
 Марченко Ю.И. 50
 Маслов С.И. 16, 36
 Маслова Г.С. 309, 310, 314, 319, 321, 444, 450, 453–455, 459–461, 468

- Матвеева Л.В. 31
 Матвієнко С. 31
 Матлин М.Г. 486, 490
 Махлин В.С. 410, 413
 Машбиц-Веров И. 97
 Маяковский В.В. 57
 Мгеладзе Д. 527
 Мезьер А.В. 269, 274
 Мейе А. 137
 Мейер Е.А. 105, 114
 Мейерхольд В.Э. 150, 156, 163
 Мейзерська Т.С. 476
 Мексин Я. 416
 Мелетинский Е.М. 46, 49, 50, 52, 358
 Мелитон Сардийский, св. 436
 Мельников Ф.В. 465
 Мельников Е.А. 98
 Мельничук О. 31
 Менделеев Д.И. 405
 Менделеева Л.Д. 405
 Мережковский Д.С. 95, 99
 Мерлин В.В. 413
 Меррилл Дж. 39, 50, 54, 74
 Мессинг А.И. — см. Ровинская А.И.
 Мессинг М.И. 501
 Метлинский А.В. 528
 Мешалкин П.Н. 491
 Миклошич Ф. 42, 51, 415
 Миладиновы Д. и К., братья 383
 Миллер В.В. 283
 Миллер В.Ф. 42, 43, 51, 63, 66, 276, 280–282, 290, 371, 372, 386, 395, 396, 398, 411, 421, 437, 438, 441, 442, 451, 471, 472, 517, 521, 523
 Миллер Е.В. 283
 Миллер О.В. 413
 Миллер О.Ф. 421, 434
 Милонов Н.П. 320
 Минаев А. 492
 Минин Козьма 485
 Минц З.Г. 412–414, 449
 Минц С.И. 444
 Миролюбов Ю.П. 358, 360
 Митропольская Н.К. 471
 Михаил Романович Брянский, кн. 522
 Михайлик Е. 174, 195
 Михайлов М.Л. 549
 Михайловский В.М. 287, 294
 Михальченко С.И. 98
 Михальчи Д.Г. 120, 131
 Михельсон М.И. 442, 546
 Мойер М.А. 388, 400
 Моисей Египтянин 383
 Мокеев Ф.М. 549
 Моравская М. 138
 Мордвинов А.А. 549
 Мордовцев Д.Л. 583
 Морилье 279
 Мороз А.Б. 98
 Морозов А. 470
 Морозов А.В. 51
 Морозов П.О. 142, 163, 506
 Моррис 137
 Мочульский В.Н. 472–477
 Мочульский К.В. 20, 472
 Музиченко С. 228
 Мукаржовский Я. 40, 156, 157, 163
 Муратов А.Б. 31
 Муратова К.Д. 412
 Муханов П.А. 252, 253
 Мухаревский М.Н. 463
 Мухарский С.М. 451
 Мюллер М. 289, 525
 Мюллер П.Н. 96
 Мюллер Ф., фон 399
 Мякутин А.И. 525
 Надеждин Н.И. 534
 Назаревский А.А. 13, 16, 32
 Налепин А.Л. 7, 166, 197, 555
 Наровчатов С.Г. 367
 Нарский Н.И. 63, 77
 Наталья Алексеевна, царевна 164
 Науменко А.С. 391
 Наумова О.Б. 295
 Нахимовский М.И. 128
 Нахлік С. — см. Нахлик Е.
 Нахлик Е. 391, 400
 Нахтигал Р. 474
 Невежин П.М. 478
 Невоструев К.И. 535
 Недо П. 538
 Незеленов А.И. 427
 Нейштадт В.И. 56, 72–78, 84–91, 94, 95, 99–101, 103, 129, 135, 136
 Неклюдов С.Ю. 50–52, 204, 214
 Некрасов Н.А. 424, 532
 Нелюбин И.И. 495
 Немирович-Данченко В.И. 149, 156, 286, 372
 Нетушил И.В. 476
 Нефедов Ф.Д. 378, 381–383, 393
 Нечаева А.Н. 455
 Нидерле Л. 527
 Низами Гянджеви 415
 Никита, мученик 143, 429
 Никитин Ю.А. 359, 362
 Никитина С.Е. 181, 194, 195
 Никифоров А.И. 13, 20, 22, 31, 32, 38, 45, 50, 51, 55, 202, 208, 209, 211, 214, 216, 217, 228, 470
 Никифоровский Н.Я. 169, 170
 Николаев П.А. 489
 Николаева Е.В. 426
 Николаева Е.П. 35
 Николай I, имп. 328, 507, 512, 540
 Николай II, имп. 91, 92, 96–100
 Николай Мирликийский, св. 104, 408
 Николай Михайлович, вел. кн. 492
 Николай Николаевич, вел. кн. 91, 92, 97, 99, 100, 103
 Никольская А.Б. 25, 32
 Никольская В.П. 299, 453, 454

- Никольский А.А. 535
 Никольский В.К. 285
 Никольский Д. 326, 338, 339
 Никольский Н. 474
 Никольский Н.М. 355
 Николюкин А.Н. 196
 Никон, патриарх 15, 28, 33
 Нилов К.Д. 100
 Новик Е.С. 50
 Новиков А.М. — см. Новиков-Ривенко А.М.
 Новиков Н.В. 511, 516, 558
 Новиков Н.Е. 444
 Новиков Н.И. 128, 407, 475
 Новикова А.М. 419
 Новиков-Ривенко А.М. 251, 256
 Новицкий А.П. 505
 Новопольцев А. 444
 Новосельский А. 378–380, 394
 Новосильский А. — см. Новосельский А.
 Ноткин Я.Ш. 252, 253
- Обедзинский С. 249
 Обнорский С.П. 65
 Оболенский М.А. 515
 Образцов С.В. 153, 156
 Овсяннико-Куликовский Д.Н. 415
 Овчинина И.А. 489
 Огибенин Б.Л. 51
 Огнева И.Е. 285
 Огрызко В.В. 497
 Одесский М.П. 32
 Одоевский В.Ф. 512
 Ожегов С.И. 489
 Озаровская О.Э. 133, 134
 Окладников А.П. 461
 Олег Вещий, кн. 541, 542
 Олтаржевский А. 393
 Ольденбург С.Ф. 32, 201, 208, 214, 217, 226, 227, 268, 270, 285, 293
 Ольденбургский П.Г. 324, 330
 Ольшевский С.Д. 508
 Онопрієнко В. 32
- Ончуков Н.Е. 148, 174, 195, 211, 447, 526
 Орлов А.И. 489
 Орлов А.С. 27, 28, 65
 Орлов В.Н. 413
 Орфанов М.И. 549
 Ословская Н.П. 532
 Ослопов Д.И. 250
 Осокина И.В. 513
 Осташкин П.П. 252
 Островская Л.И. 477
 Островский А.Н. 8, 124, 154, 161, 447, 477–491
 Островский М.Н. 484
 Островский Н.Ф. 477
 Островский П.Е. — см. Островских П.Е.
 Островских А.А. — см. Квашина-Самарина А.А.
 Островских Е.Н. 491
 Островских Евг.П. 493
 Островских Екат.П. 493
 Островских К.Е. 492
 Островских Н.И. 491
 Островских Нат.П. 493
 Островских Ник.П. 493
 Островских П.Е. 8, 491–498
 Остроковский В.М. 16, 32
 Охотникова Ф. 468
 Ошевский С. Д. 516
- П. О-их — см. Островских П.Е.
 П.О. — см. Островских П.Е.
 Пазяк М. 422, 423
 Пайк Я. 394
 Пайман А. 412
 Палацкий Ф. 531
 Пальчиков А. 525
 Панаев И.И. 512
 Панеях В.М. 500
 Панов В.Ю. 359, 360, 362
 Панов М.В. 76
 Пантюхов, доктор 341
 Панфилова А.И. 32
 Панченко А.А. 32, 51, 56, 97, 98
 Панченко А.М. 26, 32
- Парис Г. 80, 81, 83, 289
 Парихин Г.И. 509, 516
 Парникова А.С. 321, 460
 Паршин В.П. 549
 Пассек В.В. 528, 536
 Пастернак Б.Л. 57
 Паус И.В. 35
 Первухин Н.Г. 380
 Перетерский А. 518
 Перетц В.Н. 7, 11–37, 42, 44, 45, 47, 51, 146–148, 161, 163, 202, 207, 208, 216, 217–219, 500, 523, 526, 547
 Перетц Л.Н. 26
 Петерсон М.Н. 56, 57, 65, 91, 93, 95, 105, 106, 108, 113, 115, 120, 124, 128, 135
 Петижан 343
 Петр I, имп. 28, 143, 500
 Петр III, имп. 502
 Петри Б.Э. 283
 Петри Э.Ю. 492
 Петров В. 218, 228, 229
 Петров Д.К. 17, 34, 540, 542
 Петров Н.В. 97, 98
 Петров Н.И. 375, 389
 Петрова Н.И. — см. Островских Н.И.
 Петровский М.А. 77, 114, 116, 117
 Петрухин В.Я. 29, 394
 Петрушевский Д.М. 451
 Петряев Е.Д. 274, 549, 552
 Петухов М.О. 523
 Пешекеров П.К. 250–253
 Пешковский А.М. 57, 65
 Пик С.А. 252, 253
 Пильщиков И.А. 72
 Пирогов Н.И. 325, 336, 343
 Пирожено Л. 539
 Писарев Д.И. 533, 535
 Писемский А.Ф. 482
 Пичета В.И. 451
 Платон 192, 227, 405
 Платонов С.Ф. 410
 Плачинда В.П. 34

- Плиний Старший 334
Плисецкий М.М. 471
Плосс Г.Г. 330
Победоносцев К.П. 171
Погодин М.П. 479,
500–502, 516, 529,
549, 551, 553
Погорельцев А. —
см. Срезневский И.И.
Подбельский П.П. 252,
253
Подольская Е.Р. 528
Подольские 529
Позднеев А.В. 28, 34, 58,
83, 140
Познанский Н. 58, 59,
90, 134, 139
Покровский М.М. 451
Полевой Н. 523
Полевой Н.А. 508
Поливанов Е.Д. 57
Полищук Н.С. 444, 446
Померанская Т.В. 195
Померанцева Э.В. 78,
361, 411, 413, 444, 516
Поморска К. 61, 77, 88
Поп М. 39
Попов 475
Попов А.Н. 492
Попов Г.И. 329, 337, 339,
344
Попов Н.И. 491
Попова Л. 493
Попович А.К. 472
Попруженко М.Г. 441
Поржезинский В.К. 56,
65
Порфирьев И.Я. 473
Потанин Г.Н. 259, 262,
274, 469, 492
Потапов Л.П. 444
Потебня А.А. 12, 13, 39,
42, 43, 75, 362, 378,
411, 431, 534, 544
Потехин А.А. 482
Прач И. 525
Прейс П.И. 532
Преображенский П.Ф.
285
Преображенский С.Ю. 75
Присенко Г.П. 516
Приходько И.С. 414
Пришвин М.М. 490
Прищепова В.А. 494
Прозоров А.Д. 357, 362
Прозорова Н.А. 31
Прокопьева Н.Н. 265
Пропп В.Я. 7, 8, 20, 22,
36, 38, 39, 42, 45–48,
51–55, 88, 201–229,
230–244, 351, 353,
358, 361, 362, 364
Просвиркина С.В. 284
Протасова Е.А. 400
Прохоров Н. 278
Проценко Л. 339
Пруссак А.В. 8, 498–500
Пташицкий С.Л. 519
Пуанкаре Р. 543
Пугачев Емельян 171,
512
Пузейкш Л.Н. 51
Пумпянский Л. 28
Путилов Б.Н. 46, 51, 362
Пушкин А.С. 48, 58,
88–90, 108, 139, 144,
145, 161, 167, 171, 195,
405, 419, 420, 423,
424, 430, 439, 447,
475, 512, 516, 546
Пыпин А.Н. 276, 278,
294, 417, 429, 441,
442, 488, 506, 515,
523, 524, 533, 536
Рабинович М.Г. 444,
446, 470
Равчинская В.А. 548
Радищев А.Н. 372, 427
Радлов В.В. 492
Разин Степан 169–171
Разумова А.П. 418
Разумова И.А. 418
Райков М.И. 493
Раич С.Е. 507
Распутин Г. 91, 92, 96,
99–101, 103, 105
Рафаева А.В. 51, 52
Рахимова Э.Г. 52
Рачинский С.А. 171,
172, 194
Рева Л. 35
Ревзин И.И. 52
Ревакин А.И. 489, 490
Реснт О. 32
Резанов В.И. 15, 163
Рейнеке М.Ф. 483
Рембрандт ван Рейн
501, 502, 505
Ремезов А.В. 179, 181
Ремизов А.М. 146, 164
Реформатский А.А. 76
Римский-Корсаков Н.А.
481, 488
Робинсон М.А. 32, 35
Ровинская А.И. 500
Ровинский А.П. 500
Ровинский Д.А. 8, 416,
480, 500–506
Рогожникова А.Е. 468
Рогозин С.С. 56
Рождественская М.В. 35
Розанов В.В. 87, 166,
171, 173–182, 194–
196
Розанов И.Н. 75, 105
Розанов М.Н. 451
Розанова Н.Н. 96
Роман Мстиславович,
кн. Вольнский и
Галицкий 522
Романов Е.Р. 169, 219,
428, 397
Романов К.К. 21
Романова Г.В. 354, 359,
362
Романовский И.П. 285
Романовский П.С. 120,
131
Ромашко С.А. 53
Ромм А.И. 57, 114,
118–120, 124, 125,
128–133, 135, 136
Росковшенков И.В. 528
Росовецкий С.К. 11, 14,
32, 35
Ростовский Д. 416, 436
Рошину Н. 39
Рубинштейн А.Г. 276
Рубинштейн Н.Г. 276
Рубцов Н.М. 424
Руденко С.И. 210
Рудзицкий А. 11, 35
Рудинский Н. 343
Руднева А.В. 128
Рудченко И.Я. 386

- Руликовский Э. 378–380, 383, 393, 394
 Румер С.О. 56
 Рыба В. 154, 165
 Рыбаков Б. А. 350–352, 358–362, 367
 Рыбников П.Н. 355, 416, 418, 480, 533, 537
 Рыбникова М.А. 105
 Рыдзевский Б.Ю. 251
 Рыльский М.Ф. 471
 Ряхина Н.Л. 135

 Саботье 279
 Савва Освященный, св. 474
 Савваитов П.И. 551
 Савенков И.Т. 492
 Савин А.Н. 451
 Савич А. 396
 Савушкина Н.И. 163, 490
 Савченко С.В. 226, 516
 Садовников Д.Н. 444
 Садовский П.И. 485
 Садовский П.М. 481
 Сакулин П.Н. 415, 416, 451
 Самоделова Е.А. 8, 74, 297, 321, 426, 427, 449, 452, 457, 463, 472, 556
 Сапов В.В. 166, 196
 Сапунов А.П. 169, 170
 Сарницкий С. 381, 395
 Сахаров В. 440
 Сахаров И.П. 61, 130, 363, 377, 391, 506–516
 Светлов М. 174, 195
 Светозарова Н.Д. 52
 Свешников П.П. 56, 57, 65, 78, 84, 91, 95, 99, 124, 135, 136, 138, 304
 Святослав Игоревич, вел. кн. 470
 Сегал Д.М. 50
 Селби Г. 39
 Селиванов К. 179, 180
 Селищев А.М. 25, 499, 500
 Семенов П.П. 537
 Семенова М.В. 350, 351, 354, 358, 359, 362, 367
 Семенов-Тянь-Шанский П.П. 298, 493
 Сементовский К. 531
 Сервантес М. 478
 Сергеев А. 481
 Сергеевко П.А. 172
 Сергей Радонежский, св. 93, 98
 Серебрякова В.В. 412
 Серов А.Н. 478, 481
 Серова М.М. 211
 Серяков М.Л. 360, 363
 Сидельников В.М. 443, 444
 Сидоров В.Н. 25
 Сиесс-Кшишковские Д. и С. 397
 Сильверсван Б.Н. 546
 Симанович-Ефимова Н.Я. 150, 151, 153, 163
 Симеон Полоцкий 23
 Симони П.К. 83, 526
 Синев Е.Д. 251, 253
 Синецын А.Т. 366
 Синьковская 120
 Синюхаев Г.Т. 489
 Синявский Г. 475
 Сипович А. 249
 Сироткина Е.А. 424
 Сициана Д. 140
 Скафтымов А.П. 26, 35, 38, 43, 45, 52, 55
 Скворцов В.М. 179
 Скоропадский П. 330
 Скрипка В.М. 538
 Сліпушко О. 35
 Слонимский Н.Л. 196
 Смирнов В. 103
 Смирнов В.А. 490
 Смирнов С. В. 538
 Смирнова В.С. 76
 Смирнова К. 543
 Смирнова Т.В. 490
 Смирнова Т.М. 35
 Смирнов-Кутачевский А.М. 52
 Смит Дж. 28, 35
 Смит С. 97
 Смола О.П. 413
 СМС — см. Кирпичников А.И.
 Снегирев И.М. 488, 528, 533, 549
 Соболев В.С. 35
 Соболевский А.И. 8, 12, 22, 28, 36, 79, 143, 214, 410, 476, 499, 500, 517–527, 551
 Сокальский И.П. 536
 Соколов Б.М. 38, 42–45, 52, 55, 65, 66, 71, 73, 78–82, 84, 113, 133, 134, 139, 140, 153, 201, 211, 285, 304, 320, 324, 442, 443, 451, 516
 Соколов М. 385
 Соколов Н.Н. 118
 Соколов Ф.К. 471
 Соколов Ю.М. 22, 36, 42, 44, 45, 48, 52, 57, 65, 66, 70, 71, 73, 76, 78–80, 82, 92, 93, 95, 96, 99, 100–103, 105, 106, 109, 110, 113, 114, 131–133, 140, 141, 201, 216, 301, 320, 424, 442, 444
 Соколова В.К. 444, 448, 470
 Солженицын А.И. 358
 Солнцева Л.П. 49, 53, 161
 Соловьев В.С. 183, 405, 406
 Соловьев Е. 394
 Соловьев Н.Я. 478
 Соловьев С. 440
 Соломон, царь 380, 432, 505
 Сомов О.М. 89, 90, 145
 Сорокина С.П. 7, 40, 48, 52, 142, 163, 371, 415, 418, 430, 506, 556
 Соснин П. — см. Островских П.Е.
 Соссюр Ф., де 40, 48, 56, 74, 137
 Софокл 544, 546
 Спенсер Г. 289
 Сперанский М.Н. 25, 28, 42, 44, 45, 47, 65, 66, 224, 276, 283, 450, 551
 Срезневская Е.И. 528, 530
 Срезневская О.И. 534, 535
 Срезневский В.И. 536

- Срезневский И.Е. 527, 536
 Срезневский И.И. 8, 24, 358, 510, 512, 514, 515, 527–539
 СС — см. Кирпичников А.И.
 С-ский А. — см.
     Соболевский А.И.
 Станиславский К.С. 150, 156, 163, 164
 Станюкович К.М. 286
 Староверова Т.Л. 490
 Старцева Л.А. 444
 Стасов В.В. 501–503, 506
 Стаф К. 543
 Стахович М.А. 480, 481, 543
 Стахорский С.В. 149, 163, 164
 Стелловский Ф.Т. 483
 Степ, доктор 345
 Степанов А.Н. 480
 Степанов В.П. 128
 Стож М.Е. 274
 Стражев М. 549
 Стражева А.М. — см. Юренская А.М.
 Стриндберг А. 542, 543
 Стругацкие, братья 349, 350
 Стругацкий Б.Н. 349
 Студитский Ф. 551
 Сумароков А.П. 399
 Сумцов Н.Ф. 12, 36, 344, 378, 383, 385, 393, 414, 432, 440, 474, 475, 477, 524, 537
 Суриков И.З. 128
 Сухобрус Г.С. 537
 Сухой, доктор 325
 Сухомлинов М.И. 533
 Сытин И.Д. 415
 Таганцева 540
 Тагор Р. 415
 Таиров А.Я. 149, 150, 156, 158, 164
 Талько-Гринцевич Ю.Д. 330
 Танеев С.И. 276
 Тарановский К.Ф. 48
 Тарланов З.К. 526
 Татаровска Л. 539
 Таций Ахилл 433
 Твердислова Е.С. 397
 Творогов О.В. 367, 515, 535
 Телешов Н.Д. 372, 418
 Тенишев В.Н. 329
 Тенишева М.К. 282
 Терентьева Л.Н. 444, 445, 460
 Теренций 478
 Терещенко А.В. 509
 Теркулов 130
 Тессин, фон 477
 Тиандер К.Ф. 8, 540–546
 Тиандер Ф. 540
 Тихонов В.П. 284
 Тихонравов Н.С. 164, 415, 418, 430, 486
 Тоддес Е.А. 74
 Токарев С.А. 285, 352, 367
 Толстов С.П. 285, 459, 465
 Толстой А.К. 467
 Толстой А.Н. 97, 150
 Толстой Д.А. 323
 Толстой Л.Н. 172, 276, 415, 476
 Толстой Н.И. 46, 52, 181, 294, 297, 362, 538
 Томашевский Б.В. 45, 56, 57, 60, 74, 124
 Томашевский С.П. 326
 Топорков А.Л. 7, 36, 38, 52, 56, 181, 196, 367, 391, 414, 516, 539, 556
 Топоров В.Н. 46, 50, 52, 293, 350, 351, 360, 362, 367
 Траутман-Валер С. 40, 53–55
 Третьяковский 15, 31, 66
 Третьяковы 276
 Трифонов Н.А. 97
 Тростянский В.И. 526
 Тротман-Валер С. — см. Траутман-Валер С.
 Троцкий Л.Д. 96
 Трубецкой Е.Н. 166, 167, 169, 182–187, 193–196
 Трубецкой Н.С. 25, 48, 65, 66
 Трусевич И. 377, 383, 391
 Трушкина Е.И. 469
 Т-ский - см. Перетц В.Н.
 Туаллагов А.А. 421
 Тугендхольд Я. 97
 Тунгусов А.А. 466
 Тургенев А.И. 399
 Тургенев И.С. 415, 447, 543
 Тынянов Ю.Н. 20, 412, 413
 Тэб, де (Madame de Thèbes) 343
 Тэн И. 209
 Уваров А.С. 440, 503, 536
 Ужурянин — см. Макаренко А.А.
 Улановская Л.Г. 548
 Ульфельд Я. 385
 Ульяновский В.И. 28
 Уманская М.М. 485
 Ундольский В.М. 515
 Уорнер Э.Э. 36, 53, 229
 Усиевич С.А. 105, 114, 120, 124, 131
 Усов П.С. 283
 Успенский А.И. 280
 Успенский М.Г. 350, 353, 354, 358, 361, 362, 365–367
 Уткин Н.И. 506
 Ухов П.Д. 418
 Ушаков Д.Н. 56, 65–67, 70, 115, 140
 Ушаков Симон 503
 Фадеева Л.В. 442, 486, 490, 491, 556
 Фалеева В.А. 461
 Фаминцын А.С. 357, 360, 440
 Фасмер М. 358
 Федоров И.Ф. 443
 Федоров Ф.П. 243
 Федоров-Давыдов А.А. 286, 294
 Федоровский М. 219
 Федоровский Н.Н. 495
 Федорченко С.З. 91, 96, 97
 Федотов Г.П. 180, 196

- Федакин С.Р. 196
 Фейфалик Ю. 418
 Феноменов М.Я. 312
 Фет А.А. 276
 Фиельstrup Ф.А. 283
 Филатов К. 526
 Филиппов В.А. 481, 489
 Филиппов Т.И. 479–482
 Фирсов Н.Н. 506
 Фихте И.Г. 188
 Фишер Дж.Л. 39
 Фишер С.Н. 276, 277
 Флейшман Л.С. 74
 Флоринский В.М. 525
 Флоря Б.Н. 367
 Фокеев А.Л. 490
 Фоменко А.Т. 363
 Фомин В.В. 351, 367
 Фонвизин Д.И. 415, 416
 Фортунатов Ф.Ф. 137, 517
 Фотино С. 39
 Фраёнова Е.М. 421
 Франко И.Я. 12, 15, 30, 32
 Францев В.А. 530
 Фрейд З. 188–190
 Фридрих II, имп. 382
 Фрззер Дж. 134, 292, 294
 Фучан — см. Зензинов А.А.
 Хавкина Л.Б. 287
 Халанский М.Г. 385, 397, 432, 474, 475
 Ханзен-Лёве Оге А. 53
 Ханукаева И.В. 413
 Харузин А.Н. 276
 Харузин Вс. 287
 Харузин М.А. 285
 Харузин М.Н. 276
 Харузин Н.И. 276
 Харузин Н.Н. 276–280, 289, 292, 293, 372, 381, 382, 386, 396, 397, 469
 Харузина В.Н. 8, 276–296, 396, 451, 469
 Хаханов А.С. 396
 Хлебников В. 61
 Хлыбова Т. 477, 556
 Хохловкин 344
 Хобсбаум Э. 365, 367
 Холбек Б. 39
 Холодов Е.Г. 490
 Холшевников В.Е. 77
 Хренов Н.А. 196
 Хромова И.А. 490
 Худяков И.А. 480
 Цветаев И.В. 583
 Цветкова Е.Л. 490
 Цейтлин А. 489
 Цейтлин Р.М. 74, 526
 Цертелев Н.А. 24
 Цетлин И.Г. 120
 Цимблер Д. 249
 Чайковский П.И. 478, 481, 487, 488
 Чапаев В.И. 443, 444
 Чаплин Ч. 163
 Чаплыгин С.А. 451
 Челаковский Ф. 531
 Челпанов А.Г. 114
 Чельцова Н. 463
 Челяпов В.П. 463
 Чемесов Е.П. 505
 Чепурина П.Я. 284
 Черепанова О. А. 538
 Черкасов И. Г. 360
 Черных Л.В. 482, 485, 486, 490
 Чернышев В.И. 489
 Чернышевский Н.Г. 476, 477, 490, 533
 Чернышов В. И. 211
 Чертков А.Д. 516
 Чеснов Я.В. 490
 Чехов А.П. 286, 372, 477
 Чешихин В.Е. 498
 Чиж В.Ф. 138, 345
 Чижевский Д. 27, 28, 36
 Чижевский Д. — см. Чижевский Д.
 Чижикова Л.Н. 321, 460
 Чистов К.В. 53
 Чичеров В.И. 140, 444, 447, 536
 Чолаков В. 383
 Чубинский П.П. 30, 376, 386, 390, 411, 536
 Чубур А.А. 98
 Чугреева Н.Н. 98
 Чудакова М.О. 74
 Чудинов В.А. 360, 363
 Чуковский К.И. 372
 Чулков М.Д. 38, 53, 128, 475, 480
 Шабалина В.С. 255
 Шалыгин, воевода 486
 Шамбинаго С.К. 489
 Шамрай А. 537
 Шангина И.И. 463
 Шанявский А.Л. 415
 Шапир М.И. 74, 75, 77, 118, 140
 Шаповалов Я.С. 251
 Шафарик П.Й. 531
 Шахматов А.А. 56, 66, 266–268, 276, 298, 299, 388, 400, 517, 526, 527
 Шеваренкова Ю.М. 104
 Шевелев Е. 476
 Шевченко Т.Г. 14, 15, 35, 323, 338, 529
 Шевырев С.П. 479
 Шейковский К. 376, 390
 Шейн П.В. 169, 170, 416, 417, 480, 481, 525
 Шекспир В. 161, 376, 415, 478
 Шелгунов Н.В. 549
 Шелонин О.А. 354, 360, 362
 Шенрок В.И. 536
 Шепелева Л.С. 413
 Шергин Б.В. 56, 68, 76
 Шереметев, граф 481
 Шиллер 399
 Шиллинг Е.М. 56, 68, 78, 495
 Шилов А.А. 338
 Широкогоров С. М. 210
 Ширяева П.Г. 495
 Шишков А.С. 41, 53
 Шишманова Л.М. — см. Драгоманова Л.М.
 Шкловский В.Б. 7, 27, 38, 40, 44, 45, 51, 53, 57, 71, 87, 146, 158, 164, 372
 Шкловский Вл.Б. 115

- Шкряба Ф. (Шкриоба) 249
 Шлейхер А. 90
 Шляпки И.А. 15, 164, 408, 417, 427, 546
 Шмелев И.С. 424
 Шмелева М.Н. 444, 446
 Шор Р.О. 57, 65, 105, 114, 115, 117, 118, 124, 135, 136, 205–207, 215, 217
 Шотт — см. Schott
 Шоу Б. 150
 Шпет Г.Г. 7, 57, 60, 73, 77, 105, 106, 111, 113, 138, 141, 147, 163, 164
 Шпигоцкий А. 528
 Штейн А.Л. 489
 Штелин Я. 502
 Штогрин М. 36
 Штырков С.А. 98
 Шуйский Василий, царь 485
 Шульман Ю.М. 76
 Шульц А. 436
 Шумада Н.С. 537
 Шур Г.Е. 252, 253
 Шуригин 330
 Шурляков С. 16
- Щавелева Н.И. 539
 Щапов А.П. 262, 549
 Щеглова С.А. 16, 19
 Щеголев П.Е. 97
 Щеголева С.А. 25
 Щепкин А.В. 417
 Щепкин В.Н. 66
 Щепкин Н.М. 417
 Щербакова О.Ю. 195
 Щербань Т. 32
 Щукины 276
- Эварницкий 383, 386
 Эдельсон Е.Н. 479
 Эйзенштейн С.М. 164
 Эйхенбаум Б.М. 20, 71, 106, 108, 114
 Элерс К.Г. — см. Элерс К.Х.
 Элерс К.Х. 40, 53, 54, 164
 Элиасов Л.Е. 552
 Элиаш Н.М. 8, 211, 546, 548
 Эльстер Э. 29
- Энгельс Ф. 250
 Эрлих В. 53
 Эткинд А. 196, 414
 Эткинд Е.Г. 49
 Эфрос Н.Е. 399, 429
- Юзвенко В.А. 538
 Юлова А.П. 413
 Юнг К.Г. 188–190
 Юнгман Й. 531
 Юренская А.М. 549
 Юренский А.И. 549
 Юренский И.А. 8, 549–553
 Юринский И.А. — см. Юренский И.А.
 Юхнева Н.В. 444, 446
 Юшко Г.С. 458
- Ягич И. В. 373, 400, 441, 537
 Ядринцев Н.М. 492, 497
 Языков 477
 Якобсон Р.О. 7, 25, 27, 38–42, 44–46, 48, 50, 52, 54–61, 63–69, 72–75, 77, 78, 80–92, 94, 95, 99–105, 113–115, 117–118, 130, 134, 138–141, 143, 144, 147, 162, 164
 Яковлев В. 321
 Яковлев Е.Н. 274
 Яковлев Н.Ф. 56, 58, 59, 62, 63, 65–69, 73, 76, 78–83, 104, 118–120, 123–125, 127–133, 135, 136, 138
 Яковлева В.И. 118, 124
 Якубович В.И. 413
 Якубович Л.А. 512
 Якушкин Е.И. 417
 Якушкин П.И. 480, 481, 552
 Янович Е.И. 323
 Янчук Н.А. 277, 381, 387, 399, 475
 Ярков П.Г. 60, 124–128
 Ярхо Б.И. 7, 38, 55, 57, 60, 66, 73, 77, 135, 140, 141
 Ясон Х. 39, 54
 Ястребов В. 408
- Ambros V. 164
 Armstrong D. 50, 54
- Beneš B. — см. Бенеш Б.
 Braun K. — см. Браун К.
 Bujnizki K. — см. Буйницкий К.
 Burian E. F. — см. Буриан Е.Ф.
- Davydov S. 215
 Děmič V.F. — см. Демич В.Ф.
 Djomich V. — см. Демич В.Ф.
 Dragomanov M. — см. Драгоманов Н.П.
 Dragomanova L. — см. Драгоманова Л.М.
- Ehlers K.-H. — см. Элерс К.Х.
 Erben K.J. 382, 396
- Gloger Z. 384
 Grabowski M. — см. Грабовский М.
- Hagen F.H., von der 376, 390
- Ippolitova A. — см. Ипполитова А.Б.
- Jason H. — см. Ясон Х.
 Jung C.G. 196
- Kaplan Ch.D. 54
 Karłowicz J. 376, 390
 Kolberg O. 378, 382, 385, 393
 Krohn K. 205, 207
- Lang A. — см. Лэнг Э.
 Lipiński J.J. 385
 Lopes M. 54
 Łozinski J. 385
 Łuczaj Ł. 498
- Milne P.J. 54
- Nekula M. 53, 54
 Nikiforov — см. Никифоров А.И.

- Nowosielski A. —
см. Новосельский А.
- Ostrovskikh P. — см.
Островских П.Е.
- Pajk J. — см. Пайк Я.
- Peretz V. — см. Перетц В.Н.
- Petrov A. — см. Petrów A.
- Petrów A. 384, 398
- Picchio R. 54
- Pojek J. 379
- Propp V. — см. Пропп В.Я.
- Puman A. — см. Пайман А.
- Ralston W.R.S. 441
- Ranke K. 393
- Rokossowska Z. 385
- Rolland E. 376
- Rozniecki St. 546
- Rulikowski E. — см.
Руликовский Э.
- Ryba V. — см. Рыба В.
- Saran Fr. 119
- Sarnicius —
см. Сарницкий С.
- Sarnicki S. —
см. Сарницкий С.
- Schirmunski V. —
см. Жирмунский В.М.
- Schleiher A. —
см. Шлейхер А.
- Schnaiderman B. 54
- Schooneveld C.H. 50, 54
- Schott Albert 376, 390
- Schott Arthur 376, 390
- Schröder L., von 386
- Schulenburg W. 379
- Sich O. — см. Зих О.
- Simrock K.J. 376, 390
- Spiess K. 205
- Steiner P. 209, 215
- Suchy — см. Сухой
- Svanberg I. 498
- Šlaisova E. 164
- Tchugunnikov S. 55
- Toman J. 75
- Tordinak N. 384, 397
- Trautman-Valler C. —
см. Траутман-Валер С.
- Trusiewicz I. —
см. Трусевич И.
- Ulanowska S. 398
- Velmezova E. —
см. Вельмезова Е.
- Veckenstedt E. 379
- Viola L. 99
- Watkins C. 55
- Wesselofsky A. — см. Веце-
ловский Александр Н.
- Zamarsky — см. Zmorski R.
- Zhirmunsky V.M. —
см. Жирмунский В.М.
- Zibrt Č. 385
- Zich O. — см. Зих О.
- Zmorski R. 377
- Žirmunskij V. —
см. Жирмунский
В.М.

Научное издание

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН

В оформлении обложки использованы протоколы заседаний
Московского лингвистического кружка от 11 и 17 мая 1919 г.
(Рукописный отдел Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
ф. 20, ед. хр. 2.П, л. 25об., 27, 28)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

Корректор *М.Н. Толстая*
Оригинал-макет *Ю.Е. Рычаловская*

По вопросу приобретения книг
издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
+7(495)938-01-00
www.indrik.ru
market@indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia
and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
www.indrik.ru

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

Формат 60×90 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная.
36,0 п. л. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87